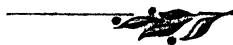

ВОСПОМИНАНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ О

В.И.ЛЕНИНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ
О
В.И.ЛЕНИНЕ

*К 120-летию
со дня рождения
В.И.ЛЕНИНА*

ВОСПОМИНАНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ
О
В.И.ЛЕНИНЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990

84 P
B 77

Составление, подготовка текста,
вступительная статья, примечания
И. С. ИЗРАИЛЬСКОЙ

Книга иллюстрирована картинами
И. Бродского, Н. Альтмана, Л. Пастернака и др.
Большую редкость представляет портрет В. И. Ленина,
сделанный Н. Бухариным.

B $\frac{4701000000-2000}{080(02)-90}$ 2000—90

ISBN 5—253—00133—6

© Издательство «Правда», 1990.
Составление.
Вступительная статья.
Примечания.

ЛЕНИН В ПИСАТЕЛЬСКОЙ СУДЬБЕ

Такое название дал своим воспоминаниям о В. И. Ленине известный советский писатель Н. С. Тихонов. Оно в основном определяет и содержание книги. Это как бы коллективный портрет В. И. Ленина, созданный воспоминаниями мастеров художественного слова.

Интерес к событиям современности, к процессу перестройки в нашей стране вызывает все большее желание общества обращаться к Ленину, перечитывать его труды, воспоминания о нем. Цельность личности Ленина, последовательность его убеждений и действий мыслителя и революционера, многогранная образованность и духовная культура не перестают привлекать все новые поколения. Роль Ленина в партии определялась не громкими эпитетами «гениальный» и «великий», а действительными богатствами души и интеллекта.

Время перестройки, освобождение от всего догматического, застойного, что не соответствует ленинским нормам построения социализма, выдвигает в качестве одного из главных условий — повышение профессиональной и общеобразовательной культуры как основы дальнейшего развития всех сфер нашей жизни. От овладения грамотой до приобщения к самым высоким художественным ценностям, от соблюдения элементарной человеческой порядочности, культуры поведения до утверждения подлинной политической культуры и демократии, от оптимальной организации труда и быта до внедрения в производство современных достижений науки и техники. «Социализм,— писал Ленин,— творит новые, высшие формы человеческого общежития».

Процесс перестройки вызвал глубинные изменения в обществе: растет движение за нравственное совершенствование, за идеалы взаимопомощи, милосердия, сохранение и восстановление лучших образцов духовной культуры прошлого, против коррупции, мещанского накопительства, бездуховности, примитивизма «массовой» культуры, отчужденности, так разъедавших наше общество в годы застоя и с трудом уступающих свои позиции и сегодня. Желание внимательно разобраться в событиях современности влечет нас к истокам нашей истории, вызывает большой интерес к документальной прозе, к мемуарной литературе, в которой свидетельства очевидцев наиболее достоверно рассказано об эпохе. Среди этих свидетельств особой ценностью обладают воспоминания, запечатлевшие образ живого Ленина.

Надежда Константиновна Крупская писала, что «без политического стержня воспоминания о Владимире Ильиче всегда носят поверхностный характер». Предлагаемая читателю книга, объединяющая воспоминания писателей и журналистов, убеждает в том, что авторы их были в гуще событий, они «штыком и пером» сражались за новую жизнь, за создание и укрепление Советского государства, активно участвовали в воплощении Ленинской программы культурной революции.

Высокая художественная требовательность к созданию образа Ленина подсказала поэту Н. Полетаеву волнующие строки:

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Писатели — это люди, наделенные особой эмоциональной чуткостью, образным мышлением. Они способны к тонкой наблюдательности, к восприятию характерных черт и деталей, их воспоминания могут дать дополнительный материал историкам и биографам Ленина для воссоздания его многогранного портрета.

В книге есть рассказы очевидцев, которым довелось встречаться с Владимиром Ильичем в дореволюционное время, участвовать в подпольной работе большевистской партии, присутствовать на его выступлениях в годы первой русской революции, в период эмиграции 1908—1917 годов. Воспоминания А. Калмыковой, Ю. Стеклова, Н. Мещерякова, В. Десницкого, А. Воронского, А. Богданова, И. Попова, Е. Усевич создают у читателя представление о том времени, когда Ленин разрабатывал теорию пролетарской революции и учил созданную им партию соединять теорию с рабочим движением. Отдельные эпизоды предоктябрьских дней 1917 года, воспроизведенные А. Алтаевым, В. Шкловским, П. Арским, А. Поморским, переносят нас в обстановку, когда Ленин, вырвавшись из эмиграции в гущу революционного народа, вместе со своими соратниками уверенно готовил его к социалистической революции. Интересны и впечатления очевидцев и участников Октябрьского вооруженного восстания: Д. Рида, А. Р. Вильямса, Г. Ярроса, Б. Битти, Л. Котомки, А. Луначарского, Ф. Раскольников, А. Коллонтай и других, кому выпало счастье видеть Ленина — вождя и организатора исторических событий.

Послеоктябрьские воспоминания писателей Ф. Березовского, П. Замойского, Н. Полетаева, И. Жиги, В. Казина, Л. Сейфуллиной, К. Федина, А. Жарова, Е. Зозули и других участников партийных и советских съездов, конференций, митингов, собраний восстанавливают картину бурной жизни в нашей стране в первые годы революции, воодушевление ее участников, когда они слушали

Ленина — основателя и руководителя первого в мире Советского государства. Впечатления от выступлений В. И. Ленина на конгрессах Коминтерна, от личных бесед с ним отражены в статьях и книгах зарубежных писателей и журналистов. Ф. Прайс, Г. Уэллс, А. Запотоцкий, К. Куляков, Е. Бобинская, Цюй Цю-бо, М. Андерсен Нексе, П. Вайян-Кутюрье, Н. Д. Коча и другие посещали нашу страну, встречались с В. И. Лениным. Авторы воспоминаний — люди различных политических убеждений и взглядов. Среди них горячие сторонники планов и дел В. И. Ленина, а также и те, кто не принимал идей нашей революции, но не мог не отдать должное ленинскому гению, сумел понять его величие. Их воспоминания — правдивые рассказы об истинном интернационалисте, вожде международного коммунистического движения, мудром государственным деятеле, прозорливом политике.

Среди иностранных писателей и журналистов были и увлеченные событиями, понимавшие их значение для настоящего и будущего. Приехав в Россию в самый разгар революции, друзья Октября и мира не остались сторонними наблюдателями. Они выступали на съездах, митингах, приветствуя молодую Республику Советов, вступали в интернациональные отряды и шли защищать ее завоевания. Вернувшись к себе на родину, они легально и нелегально рассказывали правду об увиденном, подвергались гонениям, но продолжали твердо верить в историческую справедливость происходящего в нашей стране. А. Р. Вильямс в 1956 году записал в своем дневнике: «Как трудно быть писателем — другом Советского Союза, если приходится работать в капиталистической стране! Препятствия: нет никакой уверенности, только туманная надежда увидеть написанное опубликованным» («Писатели США о стране Советов». Лениздат, 1983. С. 295).

Особое место среди книг, написанных о нашей стране в те годы, принадлежит книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Выступая на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года, Джон Рид заявил: «Я пришел сюда дать клятву великой русской революции. Я обещал вам, что расскажу американскому пролетариату обо всем, что происходит в революционной России». Джон Рид выполнил свою клятву.

Первое издание книги «Десять дней, которые потрясли мир» вышло в США в 1919 году и за один год выдержало три издания. Приехав в Россию вторично в конце 1919 года по делам американского коммунистического движения, Джон Рид подарил свою книгу на английском языке В. И. Ленину.

«Прочитав с громадным интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран», — писал Ленин в своем предисловии к новому американскому изда-

нию этой книги. Он подчеркивал, что книга Рида «дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 48). Первое издание на русском языке с предисловием В. И. Ленина было напечатано в 1923 году. В США книга с предисловием Ленина вышла в 1926 году. Она была переведена практически на все основные языки мира.

Замечательную характеристику деятельности В. И. Ленина в области культуры, его мысли о том, что социалистическая культура может быть создана только на основе усвоения духовного наследия прошлого, что ей должны быть присущи глубокая народность, коммунистическая убежденность, сохранили для нас воспоминания Н. Крупской, К. Цеткин, А. Луначарского, В. Бонч-Бруевича, Е. Драбкиной и других. В отношении к культуре для Ленина было неприемлемо вмешательство в художественный процесс, в эстетические искания творческих индивидуальностей. Главное — отношение художника к гуманистическим ценностям жизни, социальному освобождению человека. В воспоминаниях, посвященных вопросам культуры, запечатлены ленинские черты уважения к таланту, бережное отношение к творчеству в сочетании с художественно-эстетической требовательностью.

Революция принесла не только радость освобождения и обновления, но и ломку старых устоев. Ленин неоднократно говорил о неизбежности гражданской войны в нашей стране, но он указывал и на ее неумолимые издержки: ожесточение нравов, страдания иногда ни в чем не повинных людей. В период революционных битв и ломки старого быта Ленин старался спасти и сохранить культурные ценности прошлого, он принимал большое участие в судьбе писателей и ученых, в привлечении их к работе для нового общества. Забота Ленина о человеке, милосердие его носили не абстрактный характер. Об этом свидетельствуют и включенные в эту книгу воспоминания. Идеалы добра и справедливости были воспитаны в нем на революционных, демократических пачалах.

Сострадание угнетенным и обездоленным, униженным и оскорбленным, борьба за их права составляли нравственную основу российской революционной традиции. Поэтому милосердие для него было не обязанностью «уделить от щедрот своих», а внутренней потребностью жить для других, настолько естественной, что он и не замечал этого.

На II Всесоюзном съезде Советов Клара Цеткин отмечала: «Он был велик своей любовью ко всем малым, своим глубоким, всегда готовым на помощь, сочувствием всякому страданию, своим внутренним единством с природой, с космосом. Благородная чело-

вечность Ленина была тем самым крепким корнем, который давал ему его несравненную революционную мощь..»

Соратники Ленина понимали значение личности Ленина. Л. Б. Троцкий писал: «Это был политик, революционер, человек целиком и полностью подготовленный к той исключительной, ни с чем не сравнимой исторической роли, которую он сыграл» («О Владимире Ильиче». Издательство Бюроста, 1924. С. 24).

Истинный демократизм натуры Ленина не допускал никакого славословия. Да и люди, окружавшие его, прошедшие с ним тяжелые годы ссылки, эмиграции, подполья, суровой революционной борьбы, сами были крупными личностями, всесторонне образованными и талантливыми. Находившийся в Петрограде в период революционных событий глава американской миссии Красного Креста Р. Робинс записал, что первое советское правительство — Совет Народных Комиссаров — «по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире». Соратники Ленина могли спорить с ним, расходиться во взглядах, он высоко ценил способность самостоятельного мышления и действия. При жизни Ленина не могло быть афиширования собственной исключительной близости к нему.

Выступая на торжественном вечере в честь 50-летия В. И. Ленина, Л. Б. Каменев говорил: «Пролетариат не привык словами, торжественными одами чтить своих вождей, своих лучших товарищей...» Глубочайшая признательность и уважение к авторитету и личности Ленина выражались в приверженности к его идеям, его делу. «Изучение работы т. Ленина,— говорил далее Л. Каменев,— есть абсолютно необходимый элемент подготовки рабочего класса к его победоносной борьбе».

Именно учение и дело Ленина были той демократической основой, на которой выросло широкое творчество народных масс. В статье «Научное творчество», посвященной десятилетию Октябрьской революции, Н. Бухарин писал: «Не только советская форма государства, открытая революцией и теоретически обоснованная Лениным, является «новым словом» нашей эпохи. Таким «словом» является и экономическая политика пролетариата («новая экономическая политика») и многое другое. И разве можно думать, что на этом остановится творчество народных масс и их организованных сил? Разве не ясно, что с подъемом хозяйства и с усилением его обобществленных форм мы будем свидетелями ряда «новых слов» и в области экономики, и в области так называемой «духовной культуры»?.. Можно с известным правом сказать, что тот порядок социальных отношений исторически выше, исторически прогрессивнее, который максимально расширяет поле подбора квалифицированных работников умственного труда, так называемых талантов, вождей в различных областях научной работы. Но

как раз в этом отношении пролетарская демократия является непревзойденной формой государственного бытия. Впервые подняты к культурной жизни огромнейшие человеческие массы. Впервые для них уничтожены рогатки на пути к образованию. Впервые это образование стало терять характер кастовой и классово-монополии незначительных в числовом отношении общественных групп. Другими словами: впервые в человеческой истории так расширилось селекционное поле для руководителей и квалифицированных работников культуры» («30 дней», 1927, № 11. С. 22).

Обоснованная Лениным перспектива развития социалистической демократии в нашей стране была заторможена сталинскими репрессиями, истреблявшими цвет тех самых «квалифицированных работников умственного труда, так называемых талантов», о которых писал Н. Бухарин.

Уровень развития демократии и культуры определяет и состояние нравственности в обществе. «Безграмотность плохо уживается. совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее, ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и прибавлю крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш Советский строй облегчает эту задачу»,— говорил Ленин в беседе с К. Цеткин. В бескультуре, безграмотности лежит начало разрушения ради разрушения, и только просвещение, культура несет понимание, во имя чего и утверждение созидания нового, воспитание мыслящей личности. Размышляя о личности Ленина, Н. Бухарин писал в статье «Памяти Ильича»: «...быть может причиной Ильичевой скромности была его огромная культурность. Ведь это только шавки всесветного мещанства до сих пор не могут понять, почему Ильич мог сделать так много. А он мог сделать так много потому, что выжал все ценное, что давал капиталистический мир, и мобилизовав эти знания, оплодотворив их учением Маркса, развил это учение дальше, все это поставил на службу пролетарской революции. Он знал колоссально много. Но именно поэтому он понимал, как это еще мало, если мерить другими масштабами; а ведь Ильич считал миллионами и десятилетиями...»

Один из старейших деятелей партии, Н. Л. Мещеряков, рассказывал, что побывавший в России английский корреспондент удивлялся тому, что все коммунисты в обращении друг к другу употребляют только одно слово — «товарищ». Даже Ленина они называют попросту «товарищ Ленин». Объясняя это явление, Н. Мещеряков пишет: «Присмотритесь к Ленину с какой угодно точки зрения. Вы всюду увидите в нем товарища Ильича. Ленин — вождь пролетарской революции, он необыкновенно ярко и полно отражает все ее идеи, все ее грани. Так же полно и ярко отражает он и ту сторону, которая выражается в слове «товарищ». Естественно поэтому, что все, кому приходится сталкиваться

с Ильичем, не только ценят его ум, его гениальную прозорливость, его необыкновенную чуткость и умение ориентироваться, его громадные организаторские способности; признавая и ценя все это, они вместе с тем любят Ильича самой нежной товарищеской любовью, и выражение «тов. Ленин» или попросту «Ильич», столь поразившее английского корреспондента, есть просто выражение этой товарищеской любви» («Памяти Ленина». М, 1924. С. 56).

Отмеченная английским корреспондентом демократичность отношений определялась стилем работы, утверждавшимся самим Лениным, его постоянным стремлением приближать к себе людей, интересоваться их жизнью, а не отгораживаться от них бюрократическими барьерами. И поэтому слово «товарищ», столь распространенное в те годы в обращении друг к другу, было выражением чувств единомышленников, людей, близких по духу, по делу, по борьбе, по творчеству, по доверию. Даже в скорбный час смерти Ленина именно это слово выбрал Н. Бухарин для названия своей статьи, о которой журнал «Печать и революция» (1924. Кн. 2. С. 166) писал: «...самой поразительной и самой близкой сердцу является статья Бухарина. Много грехов отпустится самому грешному человеку, если он сумеет так же как т. Бухарин сильно любить и сильно чувствовать такую великую потерю, как потеря Ленина».

В статье «Товарищ» Н. Бухарин все величие Ленина выразил в этом слове: «Он был в полном смысле *товарищ*,— великое слово, которому принадлежит будущее. Такими будут когда-нибудь отношения между всеми людьми...»

С сожалением можно отметить, что в последующие годы, когда росло отчуждение между людьми, стиралась и многогранность этого «великого слова».

После смерти Ленина постепенное забвение подлинно революционного, демократического духа ленинизма облекалось в двуручнические клятвы его учению, а в действительности оборачивалось жестким диктатом, администрированием и демагогией.

Изменение политической атмосферы в стране и внутренних установок по отношению к творчеству в целом сказалось и на мемуарной литературе о Ленине. Вместе с исчезновением с арены политической борьбы многих соратников Ленина предавалось забвению и их живое слово о нем. В публикациях того времени все чаще подчеркивались в Ленине черты аскетизма, образ его лишался живых человеческих черт, подлинного демократизма.

Живой Ленин мог признавать ошибки, мог горячиться и «ругательски ругаться», если этого требовало дело. Как вспоминает М. Ольминский, «никогда не видел... чтобы он придавал значение тому, что его в разговоре или письме уязвишь резким словом. Он

брал из разговоров или из писем только то, что касалось политики, а всякие резкости для него не существовали».

Таковы были отношения свободной, деловой, незажатой авторитетами партийной критики. Дело было новое, сложное, небывалое. Организаторы Советского государства — люди энергичные, отстаивающие самостоятельность своих суждений, иногда излишне прямолинейные и непримиримые. В. И. Ленин верил в искренность их отношения к делу, прислушивался к критике, сам не раз остро критиковал, высмеивал, наставлял, но никого из искренне заблуждавшихся не отстранил от главного — от дела, от участия в революционной работе.

На II Всесоюзном съезде Советов М. Томский говорил: «Он не боялся ошибок. Он верил в массы, в их инстинкт, в их творчество; и когда указывали на опасности ошибок или на случившиеся ошибки, Владимир Ильич всегда на это спокойно отвечал: «Когда делается великое дело, когда миллионы рабочих обучаются новому делу — управлять государством, если эта ошибка пошла нам на пользу, то и это не плохо. Давайте извлечем из этой ошибки пользу, чтобы в будущем ее не повторять». Без ошибок, без того, чтобы рабочим несколько раз ни обжечься, Владимир Ильич не представлял науки. Возможность ошибок никогда не внушала ему ни тени малодушия. Этому он учил и нас».

Американская журналистка Л. Брайант вспоминала: «Ленину совершенно несвойственна мстительность. Он способен в споре беспощадно критиковать своего противника, но в то же время он необыкновенно человечен и добр: ему хочется, чтобы все вокруг были счастливы».

Никакой подозрительности, а тем более мстительности не было в подлинно демократической натуре Ленина.

Но после его смерти эти черты стали внедряться в стиль партийного руководства, поощрявшего бюрократическое администрирование.

Против тенденции догматизма в мемуарах о Ленине выступила Н. К. Крупская: «О Владимире Ильиче очень много пишут теперь. В этих воспоминаниях Владимира Ильича часто изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя».

В наши дни новое мышление, освобождаясь от волюнтаристского подхода к изложению фактов и событий истории, вносит много нового в освещение жизни и творчества Ленина. Это касается и последнего, ранее замалчиваемого периода его жизни, связанного с болезнью, последними его статьями и так называемым «политическим завещанием». За истекшее время в печати появился

ряд произведений об этом периоде, в том числе и книга Е. Драбкиной «Зимний перевал». Автор относится к числу мемуаристов, которым посчастливилось неоднократно встречаться с Лениным. Орывки из этой книги включены в настоящее издание.

Условия гласности создали возможность возвращения в литературу воспоминаний соратников Владимира Ильича, а также писателей, чьи судьбы были исковерканы, а книги изъяты из печати в связи с искажениями в государственной и литературной политике.

Реабилитация многих имен и публикация в печати материалов о них способствовали включению в книгу воспоминаний видных деятелей партии, талантливых журналистов: Н. Бухарина, Ф. Раскольникова, Ю. Стеклова, А. Аросева, К. Радека и др.

Имя Ф. Раскольникова, героя Октября и гражданской войны, долгие годы подвергалось замалчиванию и остракизму. Из страха произнести это имя на страницах печати допускались волюнтаристские искажения в описании исторических событий, активным участником которых он был.

В. И. Ленин высоко оценивал его организаторские способности, преданность делу революции. Он неоднократно доверял Раскольникову исполнение ответственных заданий. В июне 1918 года, выполняя приказ Ленина, моряки-черноморцы затопили флот. 28 июня 1918 года на IV конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Москвы В. И. Ленин говорил: «...там действовал товарищ Раскольников, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе. Товарищ Раскольников сам будет здесь и расскажет вам, как он агитировал за то, чтобы мы лучше пошли на уничтожение флота, чем на то, чтобы на нем двинулись немецкие войска против Новороссийска». Какой непоколебимой верой в коммуниста, в его преданность революционному долгу полны эти ленинские строки! Именно Раскольникову 5 января 1918 года поручил Ленин огласить в Таврическом дворце декларацию фракции большевиков о том, что она покидает Учредительное собрание. Воспоминание об этом событии, запечатленное Ф. Раскольниковым в книге «Рассказы мичмана Ильина», приводится в настоящем издании. Книга эта, как и обширное литературное наследие Ф. Раскольникова, на долгие годы была закрыта от читателей в специальных хранилищах. В воспоминаниях Н. Мещерякова о Ленине, публикуемых в настоящем издании, также рассказывается об этом эпизоде в Учредительном собрании. После объявления Ф. Раскольникова в июле 1939 года «врагом народа» этот эпизод произвольно изымался из всех последующих публикаций воспоминаний Н. Мещерякова.

В книгу входят и воспоминания писателей, подвергшихся незаконным репрессиям в годы культа личности: М. Кольцова, А. Во-

ронского, А. Тарасова-Родионова, А. Гастева, Г. Серебряковой, А. Амур-Санана и др.

Октябрьская революция освободила от гнета — социального и национального — бесправные при царизме так называемые национальные меньшинства. Одним из первых шагов Советской власти было опубликование «Декларации прав народов России», где всем народам обещано равенство, право самим определять свои судьбы, отмена всяких национальных и религиозных ограничений и свободное культурное развитие. Ленинская национальная политика утверждала принципы взаимного уважения и сотрудничества народов в многонациональном государстве на основе реального учета их экономических, социальных и духовных интересов.

Воспоминания калмыцкого писателя А. Амур-Санана, сына пастуха, который благодаря Советской власти стал крупным государственным деятелем, — одно из свидетельств того, какое большое внимание уделял В. И. Ленин национальному вопросу. Судьба Амур-Санана схожа с судьбой писателей многих национальностей — башкира Дауда Юлтыя, татарина Галимжана Ибрагимова и других, для кого революция открыла широкую дорогу к общественной деятельности, к творчеству. Горячо любящие свой народ, они под влиянием революционных преобразований стали писателями-интернационалистами, принимали участие в судьбе других народов. Большую роль в этом сыграли их личные встречи с В. И. Лениным.

Книга А. Амур-Санана «Мудрешкин сын» — хроникальный рассказ о тяжелой дореволюционной жизни калмыков, их экономической и культурной отсталости, классово-борьбе, первых шагах становления нового общества.

В письме к Амур-Санану 9 апреля 1932 года из Сорренто А. М. Горький писал: «Уважаемый Антон Мудренович! Книгу Вашу я знаю, читал: это очень хорошая книга. И я рад, что она выходит уже пятым изданием, значит ее ценят тысячи людей».

В книге Амур-Санан рассказывает и об отношении калмыков к ленинской национальной политике. «О «Воззвании Совета Народных Комиссаров к калмыцкому народу» и о других актах Советского правительства калмыки впервые узнали от нас только тогда, когда мы весной 1920 года по очищению степи от белых явились установить Советскую власть».

Всюду и везде «Воззвание» Ленина производило огромное впечатление на калмыков. «Слыханное ли дело, — говорили они, — чтобы когда-нибудь раньше самый главный министр обращался к нам, к калмыкам, так совсем просто».

Но в жизни новые принципы межнациональных отношений устанавливались не легко, требовали постоянной заботы и разъяснения партии.

В числе делегатов I съезда народов Востока Амур-Санан присутствовал на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 14 октября 1920 года, где обсуждался вопрос «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами». Он обстоятельно рассказал о тяжелом положении в калмыцких степях, об извращениях национальной политики в этом регионе, о фактах захвата земель по «праву сильного», о поборах и насилиях.

Амур-Санан вспоминает, как внимательно Ленин следил за рассказом, расспрашивал об отношении калмыков к Советской власти. В своем заключении он сказал: «То, что говорил представитель калмыков,— вопиющее явление. Необходимо принять меры к ликвидации его». Ленин был непримирим к проявлениям унижения национального достоинства.

В проекте постановления, подписанном Лениным (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342), было отмечено, что надо издать манифест, от имени высшей Советской власти, «который бы подтвердил основы национальной политики РСФСР и установил более действительный контроль за ее полным проведением в жизнь». По предложению Ленина на этом заседании был разрешен вопрос об автономии калмыков и некоторых других восточных национальностей.

«Я сейчас хочу рассказать о лично мне известном случае, как В. И. Ленин заботился о маленьких народах нашего Севера...» — пишет Н. Накоряков, который в 1921 году беседовал с Лениным о тяжелой жизни остяков и вогулов, обираемых бандами белых и подстрекаемых ими на восстание против большевиков. «Сам Ильич с увлечением высчитывал на бумажке, сколько надо завезти на Север новых ружей, сколько пороха, свинца, дробы, сколько хлеба, рыболовных крючков...

Могучий вождь великого восставшего народа не осуждал бунтующих по неведению полудикарей, он болел их бедствиями, он горячо чувствовал их страдания, он рвался на помощь к ним». Понимание сложности и многогранности проблем межнациональных отношений вызывало у Ленина пристальное внимание к ним, постоянное наблюдение за диалектикой их изменений.

Владимир Ильич неоднократно отмечал, что здесь нужны «сугубая осторожность», величайшая терпимость, «чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие».

В. Бахметьев вспоминает, как на X съезде партии Ленин задал ему, русскому журналисту, работающему в Казани, «несколько вопросов, в том числе о тираже газеты, об участии в ней национальной интеллигенции и даже о полиграфической базе. И вдруг: — А вы татарским языком владеете?»

Выслушав ответ, Ленин посоветовал: «И редактору русского издания неплохо было бы знать татарский язык. Однако, уловив мое смущение, внушительно, без намека на улыбку, заметил, что

у всех советских народов, говорящих на своих родных языках, имеется единый, общий и обязательный язык — язык нашей партии и что владение этим вот языком — святой долг любого, любой национальности, редактора». Ленинские принципы национальной политики, заложенные в первые годы Советской власти, стали могучим источником взаимообогащения народов нашей страны.

Но после смерти Ленина утвердившийся в 30-е годы волюнтаристский метод руководства оказал влияние и на этот фактор. Возникла упрощенная формулировка, что национальный вопрос при социализме решен. Это в корне противоречило диалектике ленинского понимания национальной проблематики и стало основой развития негативных явлений, о которых долгие годы умалчивалось. Партия предала эти явления гласности и делает шаги для восстановления ленинских норм в национальной политике.

Процесс гуманизации жизни помог увидеть, как искажались ленинские нормы нравственности и морали во взаимоотношениях человека и общества. Высокие идеалы гражданственности, любви к Родине, исторической памяти и преемственности рождают те нравственные чувства, которые выражены в формуле русского философа П. Чаадаева: «Слава богу я всегда любил мое отечество в его интересах, а не в моих собственных».

А. В. Луначарский писал: «Для широких масс обывателей, которым чужда музыка теоретического и практического коммунизма, очень важна оценка великой фигуры Ленина и как носителя нравственных норм. Он был в высокой мере носителем таких норм во всей своей личной жизни и общественной и государственной деятельности».

Особый интерес представляют воспоминания, в которых жизнь Ленина и его дело запечатлены как гармоническое единство. Его идеал и его деятельность неразделимы. В этом основа его нравственной высоты, его оптимистического отношения к жизни, даже в самые тяжелые ее минуты, его уверенности, что историческая справедливость на стороне народа. Если общественный строй опирается не на историческую справедливость, а на силу, если нравственный закон для него только вывеска, скрывающая борьбу интересов,— шансы его не велики. Силой нельзя решить вопросов хозяйства и культуры.

В 1921 году Ленин говорил: «Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах — мы сильнее всех».

Борьба против мелкобуржуазной морали, карьеризма, бюрократизма может быть решена, по мнению Ленина, только высокой сознательностью и культурой народных масс.

«Верно и то,— писал А. Луначарский, что внутри Ленина горел сильный огонь этического порядка, что для него понятия справедливости и народного счастья были очень важными понятиями».

Этот внутренний мир Ленина как носителя высоких нравственных норм смогли почувствовать и донести до нас в своих воспоминаниях Н. Крупская, А. Коллонтай, М. Горький, Е. Зозуля и многие другие авторы.

Ленин был истинно народным вождем. Твердая вера в творческие силы масс позволяла Владимиру Ильичу открыто и прямо говорить, казалось бы, о непреодолимых трудностях и самой горькой правде.

«Помню, начал он свою речь с того, что «страна переживает неслыханный голод...» — вспоминает писатель И. Жига.

И так как интересы Ленина полностью совпадали с интересами тех, к кому он обращался, он верил в их понимание и поддержку. «При всех трудностях, при всех невероятных условиях мы все-таки рассчитываем на сознательность честных рабочих, и они будут за нас, они придут к нам, и они нам помогут». Ленин обращался к сознательности, к чувству долга. Он не нажимал, не приказывал, он верил в высокие нравственные качества людей. «И когда он кончил говорить, когда вся речь его от начала и до конца слилась, в сущности, к двум словам — «победить или умереть», — рабочие, питерские рабочие... выходили теперь из дворца Урицкого, крепче подтягивали ремнями животы и с песнями шли по улице, с песнями решили выдержать, налечь еще на себя, решили победить или умереть».

Ленинская правда была близка, понятна людям даже в самых сложных ситуациях.

Книга интересна и тем, что писатели в отличие от мемуаристов других профессий больше сосредоточивают внимание также и на эмоциональной окраске встреч. Они описывают оттенки настроения Владимира Ильича, изменение его голоса, мимику, жесты. Как известно, для Ленина беседы с писателями тоже представляли интерес. Там, где политик оперирует фактами, художник рождает неповторимый образ действительности.

Ленин отмечал обостренную социальную чуткость интеллигенции, ее отзывчивость к общественным переменам.

Эти встречи давали Ленину возможность почувствовать настроение художественной интеллигенции, узнать ее оценку событий, происходящих в стране. Ленин любил повторять слова Гете, что теория сера, но вечно зелено живое дерево жизни.

Многолетняя дружба связывала Ленина с Горьким. С удивительным проникновением раскрывает взаимоотношения великого политика и великого художника М. Шагинян в своей книге «Четыре урока у Ленина». «За что Ленин любил Горького?» — спрашивает

ет М. Шагинян. И отвечает: «...за то любил он Горького, и в этом глубочайшая разгадка их взаимоотношений, их дружбы, что он был ему жизненно нужен. Ошибутся те, кто думает, что в своей с ним переписке один только Ленин учил Горького и был односторонне нужен Горькому. Вчитавшись в каждое слово этой переписки, начинаешь чувствовать, каким необходимым был мятущийся, отступающий, упрямый, впечатлительный, яркий Горький для Ильича, обтачивавшего свои мысли об эту дружбу, об ответы, казалось бы, такого несхожего, разного, чуждого человека,— политику нужен художник, как хлеб, как правой руке нужна левая...»

Н. К. Крупская писала Горькому, что за три недели до смерти Ильича она читала ему по его просьбе статью Горького о нем. «Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал...»

Смерть Ленина была глубочайшим потрясением для партии, для всей страны. В эти траурные дни поток всенародного горя вылился на страницы многочисленных газет и журналов. В статьях, в воспоминаниях, очерках люди всех профессий выражали свои чувства: боль, скорбь, невозможность примириться с утратой, чувство вины за то, что не уберегли,— пламенная клятва делу Ленина, памяти Ленина.

В дни похорон печатались репортажи с места события. В них чувствуется живое дыхание тех трагических «пяти ночей и дней», когда народ прощался со своим вождем. Два очерка «Часы жизни и смерти» М. Булгакова, «Прибой у гроба» О. Мандельштама включены в настоящее издание. Оба очерка адресованы рабочему читателю: это рассказ потрясенных очевидцев, представителей народных масс, идущих по зову сердца в последний раз поклониться Ильичу. В небольших газетных зарисовках М. Булгаков и О. Мандельштам с присущим им талантом выразили чувство народного горя.

Публикации 20—30-х годов, непосредственные отклики на события передают не только глубину и искренность переживания, они хранят приметы времени, особенности стиля своих авторов, нестандартность, самобытность живого слова.

В последующие годы при редактировании текстов воспоминаний современников Ленина стиль их утрачивал свое своеобразие, образ Ленина все более канонизировался.

«Последний рейс» М. Кольцова, «Завтра надо жить — сегодня горе» Л. Рейснер, «Мы хоронили Ильича» Д. Фурманова — эти очерки написаны авторами, чье творчество овеяно романтикой революции. Они были в самой гуще событий, стремились туда, где было особенно трудно, и в этом сходные черты их биографий и их творчества. Д. Фурманов — комиссар легендарной чапаевской дивизии — создал о ней книгу, ставшую классикой советской литера-

туры. В предисловии к первому тому собрания сочинений Л. Рейснер, вышедшему уже после ее смерти в 1928 году, К. Радек писал: «Ряд статей и книжек — все ее литературное наследство. Но пока люди хотят узнать, «как это было» — будут читать ее книги, ибо в них веет дыхание революции... И женщина-воин, в уме и сердце которой все находило отклик, восстанет и после смерти из своих книг живым свидетелем пролетарской революции». В том же 1928 году вышел первый том собрания сочинений М. Кольцова. В предисловии к нему Н. Бухарин отметил: «Читатель может наблюдать, как вместе с революцией росло и творчество Кольцова, несомненно углубляясь и по мастерству языка, и по степени художественного проникновения в обрабатываемый материал». Оценка К. Радеком и Н. Бухариным творчества Л. Рейснер и М. Кольцова совпадала в главном: оно было выражением идей и дел революции, утверждением того, что рождало новое общество.

В романтически приподнятом, овеванном высоким напряжением чувств очерке Л. Рейснер «Завтра надо жить — сегодня горе», опубликованном в траурные дни 1924 года, реальный образ Ленина перерастает в легендарный символ борьбы за справедливость: «Ильичу предстоит теперь долгая, может быть, бесконечная жизнь. Он будет вставать со всякой подымающейся революцией, будет умирать со всякой сломленной, подавленной, растерзанной». Можно только удивляться глубине пророческого видения Рейснер в тот горестный час, ибо «большое видится на расстоянии», но мы свидетели того, как сбывается это пророчество в окружающем нас мире.

В журнале «Жизнь искусства» 29 января 1924 года появилась статья М. Шагинян о Ленине. Мы знаем автора как глубокого исследователя жизни и творчества Ленина, посвятившего этой теме многие годы своей жизни, как автора тетралогии о нем, удостоенной Ленинской премии. Знаем, что и Владимир Ильич был знаком с ее творчеством. В 1923 году во время болезни он просил Н. К. Крупскую подобрать ему новые книги по его списку, среди них была и «Своя судьба» М. Шагинян (Ленин В. И. Биохроника. 1923, 18 января. Т. 12).

В статье, написанной в дни траура, М. Шагинян, определяя жизнь Ленина как подвиг, исследует те нравственные истоки, которые рождают в народе легенды о Ленине. «Каждый из нас чувствует, что среди нас был кто-то больше себя самого... Нужды нет, что этот кто-то был простым и понятным, так и вошедшим в историю в пиджаке, без котурн, «треуголки» и видимых признаков отличия. Тем он милее сердцу человечества, платящему за высший подвиг высшей наградой — любовью... Истоками этой нежности будут питаться наша жизнь и наше искусство. Из нее вырастет легенда Ленина. И тому, кто отдал себя человечеству без остатка,

оно возвратит его самого стократы и тысячекраты, ибо большей формирующей силы, чем любовь, на земле нет».

Легенды о Ленине слагались еще при его жизни. В сознании народа образ Ленина выростал в сказочного богатыря, батыра, освободившего его от угнетения эксплуататоров, выразителя его дум и надежд. В глухих отдаленных провинциях, где и портретов Ленина не было, вера народная в смелого и справедливого защитника его интересов передавалась из уст в уста в песнях и преданиях.

«Каждому человеку нужно знать, что есть такое место, где выслушают боль его, его обиду (хотя бы и не личную). Без этого трудно жить.

Ильич в сознании всей партии, всего пролетариата, всего крестьянства стал олицетворением справедливости, правды, человечности.

«До самого Ильича дойду» — кто не слышал в городе и деревне такую фразу, как вопль разочаровавшегося в местной правде человека. И доходили до Ильича. Многие доходили. И один дошедший, выслушанный, облаканный, овеванный простотой, душевностью, вниманием великого человека, шел в низы и нес массам повесть (разраставшуюся в легенду) о справедливом, о нашем Ильиче», — писал в своих воспоминаниях в 1924 году редактор газеты «Беднота» Л. Сосновский. («О Ленине». Воспоминания. М.; Л.: ГИЗ. 1924. Кн. 1. С. 27—28).

Одну из таких легенд передала в своем рассказе «Мужицкий сказ о Ленине» Л. Сейфуллина.

Смерть Ленина, по словам В. Маяковского, «стала величайшим коммунистом-организатором». По Ленинскому призыву шли в партию лучшие представители народа. Они хотели продолжать дело Ленина, изучать его произведения, знать его жизнь.

«Я думаю, — говорил Н. Бухарин в докладе «Ленин как марксист» на торжественном заседании Коммунистической академии 17 февраля 1924 года, — что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать Сочинения Владимира Ильича — они, несомненно, откроют в этих Сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными и теоретической обширности которых мы не понимали».

Как актуально звучат эти слова об отношении к ленинскому наследию! Сегодня мы как откровение воспринимаем то, о чем писал Ленин еще более полувека назад. Знакомимся с не изданными ранее ленинскими документами. Восстанавливаем его концепцию социализма полностью, без купюр и замалчивания, социализма гуманного, для блага человека.

В 20-е годы были предприняты первые попытки собрать разбросанные по различным изданиям газет и журналов воспоминания о Ленине и выпустить их отдельными сборниками, чтобы коллективными усилиями помочь будущим историкам и биографам создать его портрет. Каждое отдельное воспоминание несет в себе и элемент субъективности, связанный с характером личности самого автора, его восприятия событий и фигуры Ленина. Современники Ленина понимали свою историческую задачу, свою ответственность перед потомками. «Здесь нужен какой-то исключительно большого масштаба художник и вместе революционер до мозга костей», — писал Л. Б. Троцкий. — «У нас есть вековая литература, классическая греческая, литература эпохи Возрождения, Шекспир и другие буржуазные гении, изображавшие вымышленных героев. Все это нами читается и ценится. Но для будущих поколений не будет более близкой, кровной, захватывающей книги, чем книга об Ильиче. Ее никто не напишет, если мы с вами по частям ее не напишем. Новое общество, которое сложится, отойдет от условий гражданской войны, страшных столкновений человека с человеком, и ему будет очень трудно вдуматься задним числом в нашу психологию и психологию нашего вождя, — и наши эпизоды будут целыми откровениями. По ним, как по ступенькам, они будут подниматься к пониманию нашей эпохи» («О Владимире Ильиче». Издательство Бюроста. Л., 1924. С. 24, 37—38).

Большая роль в организации этой работы принадлежит Н. Мещерякову, возглавлявшему в то время Госиздат, который готовил к выпуску эти издания. Многие авторы первых сборников воспоминаний о Ленине впоследствии стали жертвами сталинских репрессий, а их живое слово было на долгие годы похоронено в специальных хранилищах. Один из уроков истории — восстановление имен, как писал А. Твардовский, «по праву памяти». Сейчас, в период гласности и перестройки, эти издания, как и добрые имена их авторов, возвращаются к читателю.

Среди авторов книги есть такие, кто близко знал Владимира Ильича, неоднократно встречался с ним, и те, кто видел его один раз в жизни, но запечатлел этот эпизод в душе, как самое светлое воспоминание. Многие авторы, пережившие часы и минуты встречи с Ильичем, обращались к раздумью о нем в своем творчестве, воплощая его образ в художественных произведениях разных жанров. В книгах «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида, «Ленин — человек и его дело» А. Р. Вильямса, «Черные сухари», «Зимний перевал» Е. Драбкиной, «Память сердца» С. Виноградской, рассказах К. Федина, Н. Тихонова, К. Паустовского, Л. Сейфуллиной, очерках М. Кольцова, И. Эренбурга, А. Арошева, Ал. Алтаева, в стихах Д. Бедного, А. Безыменского, А. Жарова, П. Арского, А. Поморского, Г. Санникова, Н. Полетаева

и многих других участников этой книги, видевших живого Ленина, запечатлен его образ.

Желание мемуаристов писать о Ленине вызвано не только внутренним обязательством перед потомками сохранить его живой облик во всей достоверности, так как поколение видевших и слышавших Ленина людей уходит из жизни, а и раздумьями о настоящем и будущем родины и человечества. И непреходящее достоинство лучших произведений о Ленине, их неувыдаемости во времени заключается в глубоком постижении диалектики жизни. Н. К. Крупская говорила: «Образ Ленина — это мысль Ленина». Те мемуаристы, которые дали возможность читателю не только увидеть портрет Владимира Ильича, но и почувствовать «музыку его мирозерцания», раскрыть его идеал, понять, «что во всем общественном и политическом творчестве,— как писал Луначарский,— Ленину казалось самым ценным, самым прекрасным достигнуть, наконец, возможности вот этого самого будничного труда, вот этого самого подлинного строительства благосостояния масс», оставляют глубокий след в душе читателя.

«Он знал цену делу и был бешеным противником всякой пустопорожней шумихи»,— писал Н. Бухарин. С воодушевлением говорил Владимир Ильич о том, «как много необходимо было бы сделать в области организации труда, как тщательно надо изучать капиталистический опыт»,— вспоминал А. Гастев.

Мы теперь знаем трагическую цену отступлений от принципов и заветов Ленина, извлекаем горькие и светлые уроки из пройденного пути, гордимся тем, что было сделано партией, народом в трудных условиях, в которых складывалась жизнь нашей страны. И сегодня, как никогда, ленинские идеи, разработанные им концепции демократизации и революционного переустройства общества близки и созвучны времени. Истоки нравственных позиций наших преобразований — демократия и дисциплина, инициатива и ответственность, критика и гласность — берут начало из политического наследия Ленина.

В книге отзывов мемориального музея в Шушенском М. С. Горбачев записал 15 сентября 1988 года: «Начатое Ильичем дело — в наших сегодняшних днях. Оно получает свое продолжение в нашей перестройке. И снова в это переломное время мы обращаемся к Ленину. Ленинская мысль, ленинский пример — это наше огромное богатство, наши ориентиры в наших революционных делах на переломном этапе в развитии советского общества».

Цель книги — расширить представление читателя о жизни и деятельности В. И. Ленина, помочь увидеть его историческую фигуру, эпоху глазами мастеров художественного слова, почувствовать в прошлом жизненно необходимую связь с современностью.

И. С. ИЗРАИЛЬСКАЯ

*Я не могу представить его себе
без этой прекрасной мечты
обудущем счастье всех людей,
осветлой, радостной жизни...*

/МГОРЬКИЙ/

ВОСПОМИНАНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ
О
В.И.ЛЕНИНЕ

Н.К.КРУПСКАЯ

О Владимире Ильиче

О Владимире Ильиче очень много пишут теперь. В этих воспоминаниях Владимира Ильича часто изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя.

Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить? Владимир Ильич умел брать от жизни ее радости. Любил он очень природу. Я не говорю уже о Сибири, но и в эмиграции мы уходили постоянно куда-нибудь за город подышать полной грудью, забирались далеко-далеко и возвращались домой опьяневшие от воздуха, движения, впечатлений. Образ жизни, который мы вели, значительно отличался от образа жизни других эмигрантов. Публика любила бесконечные разговоры, перебалтыванье за стаканом чаю, в клубах дыма. Владимир Ильич от такого перебалтыванья ужасно уставал и всегда ладил уйти на прогулку. Помню, в первый год нашей эмигрантской жизни в Мюнхене мы взяли однажды на прогулку Мартова и Анну Ильиничну, чтобы показать им наше любимое место — дикий берег Изара, куда нужно было продираться через какие-то кусты. Они через полчаса у нас так изустали и разворчались, что мы поторопились переправить их на лодке в культурную часть города и уж без них пошли на «наше» место. Даже в Лондоне мы ухитрялись выбираться на лоно природы, а из этого прокопченного дымом, обволоченного туманом чудища это не так-то легко, особенно когда не хочешь истратить больше полутора пенсов на омнибус.

Потом, когда у нас в Швейцарии завелись велосипеды, круг наших прогулок значительно расширился. Пом-

ню, как однажды в Лондоне Вера Ивановна Засулич возмущенно сказала какому-то товарищу, который предполагал, что Ильич только и делает, что сидит в Британском музее, и очень удивился, что тот собирается на прогулку: «Ведь он же страстно любит природу!» Помню, я тогда подумала: «А ведь это правда».

Любил Ильич еще наблюдать быт. Куда-куда мы ни забирались с ним в Мюнхене, Лондоне и Париже. Он любил вычитывать объявления о разных собраниях социалистов в пригородах, в маленьких кафе, в английских церквях. Он хотел видеть жизнь немецкого, английского, французского рабочего, слышать, как он говорит не на больших собраниях, а в кругу близких товарищей, о чем он думает, чем он живет. На каких только предвыборных собраниях в Париже мы не бывали! Мы знали быт рабочих той страны, в которой жили, лучше, чем его знали обычно эмигранты. Помню, в Париже была у нас полоса увлечения французской революционной шансонеткой. Познакомился Владимир Ильич с Монтегюсом, чрезвычайно талантливым автором и исполнителем революционных песенок. Сын коммунара, Монтегюс был любимцем рабочих кварталов. Ильич одно время очень любил напевать его песню: «*Salutâ vous, soldats de 17*» («Привет вам, солдаты 17-го полка» — это было обращение к французским солдатам, отказавшимся стрелять в стачечников). Нравилась Ильичу и песня Монтегюса, высмеивавшая социалистических депутатов, выбранных малосознательными крестьянами и за 15 тысяч франков депутатского жалованья продающих в парламенте народную свободу... У нас началась полоса посещения театров. Ильич выискивал объявления о театральных представлениях в предместьях Парижа, где объявлено было, что будет выступать Монтегюс. Вооружившись планом Парижа, мы добирались до отдаленного предместья. Там смотрели вместе с толпой пьесу, большей частью сентиментально-скабрезный вздор, которым так охотно кормит французская буржуазия рабочих, а потом выступал Монтегюс. Рабочие встречали его бешеными аплодисментами, а он, в рабочей куртке, повязав шею платком, как это делают французские рабочие, пел им песни на злобу дня, высмеивал буржуазию, пел о тяжелой рабочей доле и рабочей солидарности. Толпа парижских предместий, рабочая толпа — она живо реагирует на все: на даму в высокой модной шляпке, которую начинает дразнить весь театр, на содержание пьесы. «Ах

ты, подлец!» — кричит рабочий актеру, изображающему домовладельца, требующего от молоденькой квартирантки, чтобы она отдалась ему. Ильичу нравилось растворяться в этой рабочей массе. Монтегюс выступал раз на одной из наших русских вечеринок и долго, до глубокой ночи, он сидел с Владимиром Ильичем и говорил о грядущей мировой революции. Сын коммунара и русский большевик — каждый мечтал об этой революции по-своему. Во время войны Монтегюс стал писать патристические песни.

Другая полоса была — это посещение предвыборных собраний, куда рабочие приходили с ребятами, которых не на кого оставить дома. Слушали ораторов, смотрели, что задевает, электризует толпу, любовались на могучую фигуру рабочего-кузнеца, с восторгом глядевшего на оратора, и на прильнувшую к нему полудетскую фигуру сына-подростка, впившегося в оратора, как и отец, всем своим существом. Мы слушали социалистического депутата, как он говорит перед рабочей аудиторией, а потом шли слушать его на собрание интеллигенции, чиновников и видели, как большие и зажигательные идеи, от которых трепетала рабочая аудитория, тускнели, рядились оратором в приемлемый для мелкой буржуазии цвет. Ведь надо же отвоевать побольше голосов! И, возвращаясь с собрания, Ильич мурлыкал монтегюсовскую песенку о социалистическом депутате: «T'as bien dit, mon ga!»¹

В Лондоне мы ходили в Гайд-парк слушать уличных ораторов — один говорил о боге, другой о том, как плохо живут приказчики, третий о городах-садах. Ходили в Уайтчепль, еврейский квартал Лондона, и знакомились там с русскими матросами, еврейской беднотой, слушали ее полные тоски и отчаяния песни. Шли в кружок, где юный английский социалист делал доклад о муниципальном социализме, а старый член партии, фигурировавший накануне в качестве социалистического попа на своеобразном богослужении в социалистической церкви «Семи сестер», объяснявший, что исход евреев из Египта надо понимать как прообраз исхода рабочих из царства капитализма в царство социализма, крыл юного докладчика за оппортунизм...

Уметь наблюдать жизнь, людскую жизнь, в ее многогранности, в ее своеобразных проявлениях, находить

¹ «Верно, парень, говоришь!» — *Прим. авт.*

в ней созвучные своим переживаниям ноты — разве это не значит наслаждаться жизнью, разве это может уметь аскет?

Владимир Ильич любил людей. Он не ставил себе на стол карточки тех, кого он любил, как кто-то недавно описывал. Но любил он людей страстно. Так любил он, например, Плеханова. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов. С какой радостью он повторял слова Плеханова: «Не хочу умереть оппортунистом». Даже в 1914 году, когда разразилась война, Владимир Ильич страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в Лозанне, где должен был говорить Плеханов. «Неужели он не поймет?» — говорил Владимир Ильич. В воспоминаниях П. Н. Лепешинского есть одно совершенно неправдоподобное место. Лепешинский рассказывает, как однажды Владимир Ильич сказал ему: «Плеханов умер, а вот я, я жив». Этого не могло быть. Был, вероятно, какой-нибудь другой оттенок, которого П. Н. не уловил. Никогда Владимир Ильич не противопоставлял себя Плеханову.

Молодые товарищи, изучая историю партии, вероятно, не отдадут себе отчета, что такое был раскол с меньшевиками.

Не только Плеханова любил Владимир Ильич, но и Засулич, и Аксельрода. «Вот ты увидишь Веру Ивановну, это кристально чистый человек», — сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен. Ореолом окружал он долгое время и Аксельрода.

Последнее время, незадолго уже перед смертью, он спрашивал меня про Аксельрода (указал его фамилию в газете, спросил «что»), просил спросить по телефону про него Каменева и внимательно выслушал рассказ. Когда я рассказала ему про А. М. Калмыкову и после этого он спросил «что», я уже знала, что он спрашивал про Потресова. Я ему рассказала и спросила: «Узнать подробнее?» Он отрицательно покачал головой. «Вот говорят, и Мартов тоже умирает», — говорил мне Владимир Ильич незадолго до того момента, как у него пропала речь. И что-то мягкое звучало в его словах.

Личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Владимира Ильича. Как он ни любил Плеханова или Мартова, он политически порвал с ними (политически порывая с человеком, он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела.

Но личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми. Помню, когда на втором съезде стало ясно, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и др. неизбежен, как ужасно чувствовал себя Владимир Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано. Политическая честность — в настоящем, глубоком смысле этого слова, — честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных и симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается нелегко.

У Владимира Ильича был всегда большой интерес к людям, бывали постоянные «увлечения» людьми. Подметит в человеке какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепится в человека. Помню двухнедельный «роман» с Натансоном, который поразил его своим организаторским талантом. Только и было разговору, что о Натансоне. Особенно вцеплялся Владимир Ильич в приезжих из России. И обычно под влиянием вопросов Владимира Ильича, заражаясь его настроением, люди, сами того не замечая, развертывали перед ним лучшую часть своей души, своего я, отражавшуюся в их отношении к работе, ее постановке, во всем их подходе к ней. Они невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывая о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось. И это делало его жизнь до чрезвычайности богатой, интенсивной, полной. Он впитывал жизнь во всей ее сложности и многогранности. Ну, аскеты не такие бывают.

Меньше всего был Ильич с его пониманием жизни и людей, с его страстным отношением ко всему тем добродетельным мещанином, каким его иногда теперь изображают: образцовый семьянин — жена, деточки, карточки семейных на столе, книга, ваточный халат, мурлыкающий котенок на коленях, а кругом барская «обста-

новочка», в которой Ильич «отдыхает» от общественной жизни. Каждый шаг Владимира Ильича пропускают через призму какой-то филистерской сентиментальности. Лучше бы поменьше на эти темы писать.

Владимир Ильич ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь. Он считал такое вмешательство недопустимым.

Когда мы жили в ссылке, Владимир Ильич не раз говорил об этом. Он говорил о необходимости тщательно отгораживаться от всяких ссыльных историй, возникающих обычно на почве пересудов, сплетен, чтения в чужих сердцах, праздного любопытства. Это — засасывающее мешанство, обывательщина.

В Лондоне в 1902 году у Владимира Ильича был очень резкий конфликт с частью редакции «Искры», которая хотела судить одного товарища за якобы неблаговидный поступок в ссылке. Разбирательство, естественно, было связано с грубым вмешательством в его личную жизнь. Владимир Ильич резко протестовал против этого, наотрез отказался от участия в этом безобразии, как он выражался. Его потом обвиняли в отсутствии чуткости...

Мне кажется, что требование не заезжать в чужую душу усердными руками было проявлением именно настоящей чуткости.

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Издание третье. М.: Политиздат. 1989. С. 458—463.

Ленин о книгах и писателях

...Владимир Ильич обладал громадными знаниями в области художественной литературы. Его гениальные статьи о Л. Н. Толстом, которого он сумел так хорошо понять, связать с эпохой, с революционным действием рабочих и крестьянских масс, дают нам яркое представление о том, как решал Владимир Ильич сложнейшие проблемы литературы.

Еще в Женеве не раз Владимир Ильич говорил, что ему хотелось бы написать подробный разбор некоторых произведений И. С. Тургенева. Мы знаем, что он часто цитировал Тургенева, делал сравнения с персонажами из произведений этого писателя, например, с Ворошиловым из романа «Дым»¹. Многие другие ссылки на Тургенева показывают, что он глубоко продумывал образы, созданные этим замечательным художником.

Известно отношение Владимира Ильича к М. Е. Салтыкову-Щедрину, которого он, кажется, более всех любил из беллетристов. Свыше четырехсот раз Владимир Ильич цитировал в своих работах этого гениального писателя-общественника, революционного демократа. Отдельные образы и характеристики, созданные Щедриным, вошли в собственный язык Владимира Ильича.

Часто обращался Владимир Ильич к Н. А. Некрасову, которого, несомненно, любил и считал одним из самых главных и лучших поэтов эпохи «Современника»².

В рабочем кабинете Владимира Ильича в Совнаркоме, на этажерочке около стола, а нередко и на самом столе, можно было видеть томик Ф. Тютчева. Он часто перелистывал, вновь и вновь перечитывал его стихи. Я думаю, что надо внимательно изучить те книги Тютчева, которые стояли в собственной библиотеке Ленина

¹ Ленин В. И. «Аграрный вопрос и «критики Маркса» (Полн. собр. соч. Т. 5. С. 147).— *Здесь и далее прим. сост.*

² Оценку творчества Н. А. Некрасова В. И. Ленин, в частности, дал в 1912 г. в статье «Еще один поход на демократию» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 83—84).

при кабинете Совнаркома, так как там, может быть, сохранились отдельные пометки, сделанные Владимиром Ильичем.

Ленин поддержал Горького, когда тот выступил против буржуазной печати, начавшей в связи с предполагаемой театральной постановкой романа Ф. М. Достоевского «Бесы» реакционную свистопляску. Беспощадно осуждал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского. Как известно, в письме к Инессе Арманд Владимир Ильич, резко критикуя декадентский, клеветнический роман В. Винниченко «Заветы отцов», указывал на «...архискверное подражание архискверному Достоевскому» как на порок этого произведения¹. Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший большие стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно — и живые картины действительности.

Относясь резко отрицательно к «Бесам», он говорил, что при чтении этого романа надо не забывать, что здесь отражены события, связанные с деятельностью не только С. Нечаева, но и М. Бакунина. Как раз в то время, когда писались «Бесы», К. Маркс и Ф. Энгельс вели ожесточенную борьбу против Бакунина. Дело критиков — разобраться, что в романе относится к Нечаеву и что к Бакунину.

Но в общем и целом Владимир Ильич ценил талант Достоевского. Когда речь заходила об этом писателе, Владимир Ильич как-то говорил:

— Не забывают, что Достоевский был приговорен к смертной казни. Над ним был произведен варварский обряд разжалования, а после объявлено, что Николай I «помиловал» его, сослав на каторжные работы.

«Записки из Мертвого дома», отмечал Владимир Ильич, являются непревзойденным произведением русской и мировой художественной литературы, так замечательно отобразившим не только каторгу, но и «мертвый дом», в котором жил русский народ при царях из дома Романовых.

В отметках «Книжной летописи», которую Ленин проштудировал за два года, мы встречаем самые разно-

¹ См. письмо В. И. Ленина А. М. Горькому 13 или 14 ноября 1913 г. и И. Ф. Арманд в июне 1914 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 226 и 294).

образные художественные произведения, которые он намечал для своего чтения. Особенно выделял он А. П. Чехова. Владимир Ильич любил читать чеховские рассказы, которые хорошо отображали доподлинную жизнь.

Владимир Ильич подробно изучал народническую литературу. Жестоко критикуя основы народнического учения, сражаясь, можно сказать, не на жизнь, а на смерть с Михайловским, В. Воронцовым и другими теоретиками народничества, он в то же время отмечал глубокое значение таких писателей, как Глеб Успенский. Его «Нравы Растеряевой улицы», рассказы из жизни рабочих и беднейшего крестьянства захватывали Владимира Ильича. Он указывал, что вот именно это и нужно давать самым широким массам, именно это и необходимо широко издавать.

Несколько раз Владимир Ильич высказывал уверенность в том, что у нас должны появиться критики и публицисты, которые изучат всю народническую литературу с точки зрения отображения в ней положения крестьянства и рабочего класса. И когда кто-то заметил, что не так-то просто найдется таких произведений, Владимир Ильич сейчас же возразил:

— Напрасно вы так думаете. Даже у Златовратского, который так слащаво расписывал крестьянство в своих «Устоях», вы найдете целый ряд очерков из жизни рабочего класса, посвященных всевозможным мелким пролетарским профессиям, которые были современны этому второстепенному писателю. Он начал с описания пролетариата, ремесленников, очевидно, близко знакомясь с их средой и проникая в их доподлинную жизнь и быт. Не говоря уже о Глебе Успенском, то же самое у Решетникова, Левитова, Николая Успенского и многих, многих других более мелких писателей, которые печатались в «Современнике», «Деле», «Слове», «Отечественных записках» и других журналах того времени.

Как-то, рассматривая старые журналы в нашей женеvской библиотеке, принадлежавшей Центральному Комитету РСДРП, Владимир Ильич спросил, знает ли кто-либо из нас рассказ Кокорева «Саввушка»? Я ответил, что «Саввушку» я читал, когда мне было лет четырнадцать. Владимир Ильич очень удивился и обрадовался этому.

— Вот небольшой писатель,— сказал он,— совершенно забытый, а как необходимо было бы переиздать

его «Саввушку». Это такая прелестная повесть! У него есть и другие, не сильные, но все-таки интересные бытовые рассказы. Вот таких писателей мы должны вытаскивать из забвения, собирать их произведения и обязательно публиковать отдельными томиками. Ведь это документы той эпохи, а писатели-народники, надо отдать им справедливость, умели собирать большой материал. Они не сидели по домам, а шли в низы, изучали жизнь рабочих, крестьян, ремесленников и очень хорошо, подробно записывали их язык, условия быта. Иногда они перебарщивали, впадая в этнографические описания и вводя в литературу не общелитературный язык, а местные наречия, диалект, что, конечно, не придавало им художественности. У нас обращают внимание преимущественно на больших писателей, которые своими прекрасными произведениями приобрели славу. Это правильно, что их переиздают, так как на их произведения большой спрос, но, повторяю, и маленькие писатели должны быть извлечены из забвения и должны войти в библиотеки наших читателей. Конечно, к ним необходимо давать примечания, предисловия, которые вводили бы читателя в их эпоху, критически освещая их деятельность и произведения.

Из более современных нам писателей Владимир Ильич весьма одобрительно относился к Басову-Верхоянцеву, автору книжки «Конек-Скакунок». Она была запрещена цензурой и в 1906 году появилась нелегально. Министерство внутренних дел царского правительства обещало выдать премию тому, кто откроет автора этой книжки и укажет, где она печатается, но конспирация была поставлена хорошо, и жандармы ничего не добились.

Владимир Ильич считал, что книга Басова-Верхоянцева весьма полезна для крестьян, так как в легкой, занимательной форме она дает первое представление о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй царской России.

Читал Владимир Ильич совершенно по-особому. Когда я видел читающего Ленина, мне казалось, что он не прочитывает строку за строкой, а смотрит страницу за страницей и быстро усваивает все поразительно глубоко и точно: через некоторое время он цитировал на память отдельные фразы и абзацы, как будто бы он долго

и специально изучал только что прочитанное. Именно это и дало возможность Владимиру Ильичу прочесть такое громадное количество книг и статей, которому нельзя не изумиться.

Я думаю, что когда-нибудь в Музее В. И. Ленина будет собрано в отдельных шкафах все прочитанное и цитированное Владимиром Ильичем. И это будет замечательный показ лаборатории творчества Владимира Ильича, демонстрация уникальной библиотеки, в которой представлены книги на многих языках, прочитанные Лениным. Надо это сделать, пока не поздно, собирая сведения не только по всем его книгам, рукописям, заметкам, письмам, черновым тетрадям, но используя и сохраняемые, к счастью, отметки в абонементных Британского музея, Парижской национальной библиотеки, в Société de lecture в Женеве, в библиотеках Берлина, Цюриха, Мюнхена, Берна, в Московском Румянцевском музее (ныне Государственной библиотеке имени В. И. Ленина), в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в Женевской библиотеке ЦК РСДРП и в других архивах и книгохранилищах.

Владимир Ильич часто говорил, что невольное наше деление литературы на легальную и нелегальную приносит огромный вред для изучения и познания художественно-критического и публицистического творчества XIX века. Он часто говорил, что наступит время, — и это время наступило! — когда мы наконец воссоединим литературу, которая создавалась по ту и другую сторону границ самодержавной России, когда мы наконец будем в состоянии изучать ее всю целиком и полностью и обратим самое серьезное внимание на то, что многие, многие авторы должны были волей-неволей печататься за границей.

И действительно, если посмотреть на эту богатейшую русскую литературу, которая за XIX век была издана в Западной Европе, то нужно только пожалеть, что советский читатель еще до сих пор знаком с ней весьма ограниченно. Эта литература печаталась во всех зарубежных русских журналах, которые издавались и Ткачевым, и Лавровым, и Нечаевым, и Плехановым, и Долгоруковым, и Герценом, и Огаревым, и Христофоровым, и Тихомировым, и Серебряковым, и многими, многими другими деятелями свободного печатного станка, а также отдельными издателями, которые выпускали многие

русские нелегальные произведения отдельными книжками и брошюрами. Делается понятным, почему Владимир Ильич всегда так настойчиво требовал, чтобы в наше время эта нелегальная литература и издавалась и изучалась как можно шире.

Владимир Ильич глубоко изучал нашу отечественную критику. Выше всех он в этой области ставил В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. Он находил у Белинского серьезное знакомство с Гегелем, говорил, что Белинский, несомненно, был знаком с произведениями еще молодого Маркса. Это замечательное провидение Владимира Ильича теперь подтверждено.

Чернышевский, который свои критические работы считал осуществлением заветов Белинского, был Владимиру Ильичу особенно близок. Владимир Ильич так много им занимался, так часто его читал и повторял, что именно Чернышевского-то и нужно изучать, чтобы понять эпоху шестидесятых годов, что, несомненно, только недостаток времени не позволил Ленину написать большое исследование о работах этого вождя революционного движения шестидесятых годов.

Владимир Ильич придавал большое значение публицистическому творчеству народника П. Ткачева, которого он рекомендовал внимательно читать и изучать, говорил, что нужно было бы дать хорошее предисловие к его работам.

Владимир Ильич очень радовался, когда видел в нашей Женевской библиотеке Центрального Комитета партии, что мы тщательно собираем нелегальную и подпольную литературу, что к нам поступают различные документы, материалы, письма. Он просил все это бережно сохранять. Когда в 1905 году, спеша в Россию, мы все должны были уехать из Женевы, он очень беспокоился, как бы не пропали эти материалы.

Нелегально уезжая из Женевы в Россию в октябре 1905 года, Владимир Ильич просил меня упаковать все материалы, сохранить, передать в надежные руки, чтобы впоследствии их можно было перевезти в освобожденную Россию для тщательного изучения и издания. И я счастлив сказать сегодня, что мы теперь все шире и шире разворачиваем работу по изучению и изданию революционного наследия.

«Литературная газета», 1955,
№ 48, 21 апреля.

А.ЛУНАЧАРСКИЙ

К характеристике Ленина как личности

Чем более грандиозное движение находится перед нами и чем более полно охватывает его тот или другой вождь, тем, конечно, более сильной должны мы предположить его мысль и его волю. Владимир Ильич обладал отличительно яркой, граненно четкой, глубоко охватывающей всякий предмет и поэтому почти ясновидящей мыслью. Мы знаем также, что даже в таком стальном аппарате, как выкованная двадцатилетней борьбой коммунистическая партия, Ленин и его воля играли роль своеобразного мотора, который часто давал необходимый толчок и оказывался решающим элементом во всей партийной работе. Ни на минуту не отрываясь от партийного большинства, Ленин являлся в полном смысле слова двигателем партии.

Сам Ленин, конечно, хорошо знал об этой стороне всякого крупного, а тем более великого человека. Он, например, очень любил говорить о «физической силе мозга» Плеханова. Я сам слышал от него несколько раз эту фразу и сначала не совсем понял ее. Для меня теперь ясно, что так же, как возможен физически сильный человек, который попросту может побороть вас, побороть бесспорно, положить на обе лопатки, может быть и физически сильный ум, при столкновении с которым вы чувствуете ту же непреборимую мощь, которая подчиняет вас себе. Физическая сила мозга Ленина еще превышала огромную физическую силу мозга Плеханова.

Но, так сказать, объем и размах мысли и воли еще не делают личности. Они делают человека выдающимся, влиятельным, они определяют его как крупнейшую величину в общественной ткани, но они не определяют отнюдь самого характера личности.

Часто думают (и думают не без основания), что личный характер человека большой роли в истории не играет. В самом деле, отнюдь не отрицая роли личности в истории в известных рамках, мы не можем не склоняться к тому положению, что при этом именно сила мысли, напряженность воли играют первую роль, ведь

все остальное исходит от общества... Тот факт, что Маркс или Ленин оказались революционерами, пролетарскими идеологами и вождями, было predetermined временем. Можно сказать, что в аналогичных исторических и общественных условиях и другие стали бы на эту же точку зрения, только они бесконечно более ярко эту точку зрения выразили, именно в силу *объема*. Другие же черты характеристики, хотя и великого лица, могут иметь чрезвычайно большое значение для его биографии, но с точки зрения анализа социальной роли эти черты отходят как будто бы на задний план.

Однако у Владимира Ильича были некоторые черты, которые глубочайшим образом присущи были именно ему и только ему, и которые тем не менее имеют колоссальное социальное значение.

Я хочу остановиться на двух таких чертах, которые особенно бросаются в глаза и которые особенно значительны. Значительны же они потому, что характеризуют Ленина как *коммуниста*. Этим я не хочу сказать, что они присущи вообще всякому коммунисту, нет, но они должны быть присущи законченному коммунисту, такому человеку, которого мы строим одновременно с построением нового общества, человеку, каким, может быть, каждый из нас *хотел бы быть*, но каким в подлинно законченной форме *был* Владимир Ильич.

Первая важная черта из тех, о которых я здесь говорю, это отсутствие в Ленине всякого личничества. Явление это очень глубокое и заслуживает внимательной разработки в коммунистической литературе. Я думаю, что это придет со временем, когда вопросы *искусства жить* станут окончательно на подобающий план.

Мы, конечно, знаем немало мелких людей, которые являются отчасти, даже именно в силу мелкоты своей, — необычайными личниками. Лев Толстой сказал где-то, что истинная ценность человека определяется цифрой, которая получается от деления его хороших качеств на степень его самомнения; то есть даже сравнительно талантливый человек, если он обладает большим самомнением, тем самым может оказаться смешным и даже хуже того, ненужным, вредным; и наоборот, скромных дарований человек, при скромном мнении о себе, может быть мил и высоко полезен.

Было бы просто смешно предположить, что скромность Ильича, о которой так часто говорят, граничила с непониманием им самим своей собственной умственной

и нравственной силы. Но у человека, так сказать, буржуазного или еще точнее — докоммунистического типа такое выдающееся положение и такое сознание своей огромной силы непременно сопровождается личничеством. Если даже такой тип будет скромным, то вы и в скромности его увидите позу. Он непременно носит себя как некий драгоценный сосуд, он непременно обращает внимание на себя, он сам, разыгрывая свою роль в истории, является более или менее восхищенным зрителем.

Вот этого-то совершенно не было у Владимира Ильича, и в этом заключается его необычайная коммунистичность. Та необыкновенная простота и естественность, которые ему всегда сопутствовали, отнюдь не были каким-то «серым походным мундиром», которым Владимир Ильич хотел бы отличаться от золотого шитья других великих и многих малых людей истории. Нет, Владимир Ильич потому внешним образом был чрезвычайно естествен, и как птица летал, и как рыба в воде плавал во всех трудных условиях, что он никогда сам себя не наблюдал, никогда своей оценкой не занимался. Никогда не сравнивал своего положения с положением других и весь, без конца, без края был поглощен работой, которую делал.

Исходя из заданий этой работы, он понимал хорошо, что сам он хороший работник и что ту или иную работу может сделать лучше, чем такой-то товарищ, или что такие-то товарищи могут хорошо сделать эту работу лишь при его помощи и указании. Но это диктовалось, так сказать, организационными задачами, вытекавшими из самой работы.

В высочайшей степени, в некотором глубоком и прекрасном смысле, Владимир Ильич был *человеком дела*. Конечно, такая преданность делу, такое безусловное, лишненное всякого украшения претворение себя в работника этого дела велико и торжественно только потому, что самое дело огромно, или, вернее, является самым огромным делом, какое вообще мыслимо на свете.

Владимир Ильич жил жизнью человечества, прежде всего жизнью угнетенных масс и еще непосредственнее — жизнью пролетариата, в особенности передового и сознательного пролетариата. Вот такую цепью был он связан с человечеством и чувствовал себя и свою борьбу на лоне этого человечества делом совершенно естественным, целиком наполняющим его жизнь.

Но именно потому, что во Владимире Ильиче не было совершенно никакого желания свою личность выращивать, поливать, украшать, в силу, я бы сказал, полной небрежности к своей личности, потому что он эту личность передал целиком в коммунистическую кузницу, она осталась не только мощной, но и необычайно цельной, необычайно характерной, ни на кого не похожей, но могущей считаться для всех образцом. Да, мы все не могли бы высказать лучшего пожелания относительно наших детей и внуков, как быть в этом отношении как можно более близкими к образцу, данному Лениным.

И вторая черта, на которой нельзя не остановиться. Владимир Ильич был человек необыкновенно веселый. Это не значит, конечно, чтобы сердце его не сжималось и это не отпечатывалось глубокой грустью на его лице при вести или зрелище какой-нибудь скорби любимых им трудящихся масс; все земное он принимал очень близко к сердцу, очень серьезно; и все-таки это был необыкновенно веселый человек.

Почему же такая радость, такая веселость жила в сердце Владимира Ильича? Я полагаю, что она объяснялась тем, что он был до конца практически, жизненно марксистом. Настоящий марксист видит все тенденции и будущее каждой данной общественной формации. Владимир Ильич мог допустить, что коммунисты могут делать ошибки, что вообще обстоятельства сложатся против них, но допустить победу врага не мог, так же, как мы раннею весной, даже шлепая по лужам, под сильным дождем и ветром, не можем не знать, что придет май и тепло, солнце и цветы.

Владимир Ильич разыгрывал труднейшую шахматную партию в мире, но он заранее знал, что даст мат противнику, или, вернее, знал, что та партия, в которой он является огромной важности фигурой, которую ведет пролетариат, непременно будет выиграна.

Штрихи

Художник Альтман имел счастливую возможность работать Ленина с натуры. Он сделал, между прочим, довольно большое количество кроки¹, набросков пером,

¹ Кроки — эскиз (фр.).

которые схватывали на лету различные выражения подвижного лица нашего учителя.

Среди фотографий и киноснимков Ленина есть некоторые превосходные. Как в литературе мы высоко ценим некоторые записи лиц, в которых намерения и мысли учителя отразились отчасти сквозь призму другой личности, так не можем мы не ценить дополнительный материал, вроде субъективных во многом, но все же чрезвычайно метких набросков Альтмана. Я не претендую на альтмановскую меткость, но мне хочется здесь дать несколько штрихов, глубоко запавших в мою память или возникших в моем представлении позднее, когда приходилось думать над грандиозным явлением — Ленин. Может быть, и они послужат толчком для того или иного художника пера, резца или кисти, для того или другого молодого читателя, которому не довелось счастья дышать одним воздухом с Ильичем.

ЕГО НАРУЖНОСТЬ

Я категорически уверен в том, что великий человек не может иметь невзрачную наружность. Надо только уметь на него смотреть, надо уметь видеть. Часто говорят, что Ленин внешним образом был невзрачен и зауряден. В этом есть известная правда, но, в общем, это вздор и вот почему. Заурядность Ленина заключалась в том, что в самом организме его как в смысле структуры, так и в смысле движений не было ничего театрального, эффектного, разительного, высекающего из ряда, бросающегося в глаза. И как же вы хотите, чтобы в Ленине были такие черты? Ведь Ленин был не то что убежденным, но органическим, стихийным демократом. Он считал до такой степени безвкусным, конфузным, нелепым всякое навязывание своей личности путем внешнего эффекта; чем-то таким смехотворным, мелочным и бесконечно далеким от себя, что, конечно, вся его наружность, равным образом его одежда и его манеры прежде всего были рассчитаны на эту естественную незаметность. Ведь это же все неважно, ведь об этом всем он не думает, ведь это все никак в его сознании не отражается. Отсюда беспредельная простота наружности Ленина.

Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали

сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи. Мне кажется, что наибольшее сходство можно найти здесь с мощным выражением льва, однако с большой оговоркой, если мы не захотим впасть в банальность. Лев, когда он возбужден чем-нибудь, имеет несколько дикое выражение, которого даже отдаленно никогда не бывало на лице Владимира Ильича; когда же лев спокоен, он прекрасен, но в его глазах есть какая-то восточная флегма, какой-то величественный полусон. А у Владимира Ильича львиное выражение нижней половины его лица соединилось с пронизательной живостью играющих разумом глаз и прекрасным лбом мыслителя.

Необычайно увлекателен с чисто эстетической точки зрения был Ильич, когда он смеялся и в особенности когда он улыбался. Альтман удачно записал некоторые такие моменты. В смехе Ильича было много беззаветно детского, а беззаветность смеха — это его победоносность, это показывает наличие и в натуре, и в сознании привычки чувствовать себя силою. Недаром Рансом отметил, что смех Ильича — «марксистский смех».

Улыбка Ильича была чрезвычайно тонкой, довольно сильно иронической, лукавой. Кто не помнит этой очаровательной улыбки Ильича? Когда он слушал вас с этой улыбкой, вы понимали, что он лучше, глубже, шире знает то, что вы ему говорите, что он уже сделал выводы, что он как бы смотрит с высокой горы. Но вместе с тем это была улыбка человека, который готов бросить вам веревку и протянуть дружески руку помощи, когда вы подойдете ближе, посмеяться над вашей ошибкой, но посмеяться мягко, по-товарищески. Тут было что-то такое от старшего брата, почти, я сказал бы, от матери, что всегда вызывало взрыв самой теплой любви к этому хитрому человеку с морщинками возле насмешливых глаз и с полными доброго смеха глазами.

ЕГО ДВИЖЕНИЯ

Из вышесказанного уже следует, что романтических движений у Владимира Ильича не было. Но так как действительность иногда ставила его на гигантскую высоту, сосредоточенную в одном каком-нибудь моменте, то подчас получалась невольная для него монументаль-

ная поза. Две из них запечатлены: поза с протянутой вперед рукой — настоящая поза трибуна; другая — это когда Владимир Ильич, вынужденный говорить очень громко перед большой толпой, схватился мощно двумя руками за кафедру, весь нагнулся в одну сторону и вещает широко открытым ртом.

Обе эти позы взяты из действительности, но они все же относятся более к легенде. Это не обычный Ильич, какого мы знали, это Ильич, которого мгновением Истории выхватила на сверхчеловеческую высоту, Ильич, непосредственно выполняющий функции вождя перед лицом громадной толпы.

Все незначительные движения Владимира Ильича были запечатлены печатью необычайной простоты, но это не мешало им быть прекрасными. Прежде всего лицо его было бесконечно подвижно. Мне приходится покаяться в тяжелом грехе. Когда сидишь в Совнаркоме, надо, конечно, заниматься только государственными делами, а не лицом любимого человека; но я в этом отношении грешил, и иногда мне доставляло бесконечное удовольствие, немножко пропуская мимо ушей дело о каких-нибудь рыбных промыслах или ссоре двух губерний по поводу лесов, наслаждаться музыкой выражения лица Ильича. Чрезвычайно редко наступали минуты, когда лицо это оставалось без движения. Все время ирония, или ироническое удивление, или подлинное удивление, или насупленные брови, или покачивание головой, или жест отрицания, или выражение особого внимания...

Из движений всей его фигуры я запомнил два порядка движений. Во-первых, движение нетерпения. Внешне, в повседневной своей жизни (политической, конечно, — его семейной, бытовой жизни я совсем не знаю), Ильич был очень нетерпелив. Его жесты всегда были быстры, отчетливы, устремлены к определенной цели, но никогда не суетливы. (Похожий на него артист в «Октябре» Эйзенштейна местами суетится.) У Ильича жесты были короткие, отрывистые, целесообразные. Казалось, что он постоянно хочет сделать все поскорей, но ладно.

В моменты, когда мысль совершенно охватывала его и когда он хотел своею мыслью охватить аудиторию, лицо его сильно менялось, особенно глаза. Они уходили куда-то вглубь, и вместе с тем в них проявлялось что-то настойчивое, почти гипнотизирующее, сверкающее. Я часто внимательно наблюдал этот взгляд Ильича-

оратора. Он чрезвычайно сильно действовал на аудиторию, действительно околдовал ее, как бы привинчивал к смыслу речи. Но я убедился, всматриваясь, что это не есть тот пронизывающий взгляд, которым искусный оратор ловит выражение лиц своей аудитории, чтобы всегда отдавать себе точный отчет, захвачена она или нет и как она реагирует; и это нисколько не искусственно гипнотизирующий взгляд, ни в малой мере не какое-то факирство над публикой. Этот взгляд получался у Владимира Ильича невольно: просто работа его мысли становилась до такой степени кипучей и интенсивной, что она, вероятно, и видна была большой аудитории. Мысль текла могучей рекой, взор был как бы обращен внутрь, на эти рождающиеся мысли. Но так как рождение мыслей сопровождалось здесь огромным усилием воли, то этот обращенный внутрь взор не приобретал характера задумчивости или некоторой рассеянности, а, наоборот, наливался напряженной волей. Так зарождалось не только в глазах, но и во всем лице Ильича то стальное, кованое, что было внешностью его ораторского дара. И при этом Владимир Ильич все время ходил по эстраде совершенно монотонными шагами. Два шага вперед, к краю трибуны, несколько слов, и механически два шага назад, опять остановка, несколько слов, и абсолютно такие же два шага вперед. При этом чрезвычайно сдержанная жестикуляция.

Откуда такая монотонность движения? Оттого, что в то время все внимание сознания сосредоточено на слове, для состояния тела нет больше внимания. Вместе с тем, однако, нервы возбуждены, состояние организма напряженное и активное, не позволяющее оставаться неподвижным, поэтому такое представленное самому себе автоматизированное, маятникообразное движение...

Даже когда пишешь штрихи об Ильиче, то вдруг оказывается, что твой запас почти исчерпаем. У меня есть еще немало мыслей и наблюдений относительно некоторых общих психологических и, так сказать, морально-политических сторон личности Ильича. В общих чертах я об этом как-то писал, надо написать об этом глубже и в большем количестве «штрихов». Но сейчас оставляю эту задачу в стороне и ограничусь теми несколькими внешними наблюдениями, которые я сейчас передал. Надеюсь, читатель поймет, что, хотя они внешни, но от внешнего идут внутрь.

Недавно В. Д. Бонч-Бруевич сказал мне, что непосредственно после своего опасного ранения, в дни выздоровления, Владимир Ильич вызвал его и еще нескольких лиц и сказал им приблизительно следующее: «С большим неудовольствием я замечаю, что мою личность начинают возвеличивать. Это досадно и вредно. Все мы знаем, что не в личности дело. Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явление. В этом тоже было бы что-то смешное, претенциозное. Но вам следует исподволь наложить тормоз на всю эту историю». Я думаю, что Ленин, который терпеть не мог культа личности, всячески его отрицал, в последующие годы понял и простил нас. Тут уж ничего не поделаешь,— мы всей огромной массой любили его горячо, не только чтили его, а именно были влюблены в его моральный облик, и не только в его великий ум вождя,— все вместе сливалось в обаятельный и гигантский образ.

И теперь, когда его уже нет среди нас, мы все чувствуем, каждый в своем сердце, никогда не прекращающийся источник горячей любви и благодарности к этому человеку. Нам нечего этого стыдиться. Нам нечего стыдиться передавать эту любовь будущим поколениям, потому что Ленин был явлением естественным, при всей почти сверхъестественности самих размеров своих дарований и своей судьбы. Он был порождением великого революционного движения, великого класса в великом народе. Потрясения нашего народа в борьбе с самодержавием, напряженные усилия пролетариата как вождя этого революционного движения, устремившегося потом к непосредственной цели политической свободы, были колоссальным явлением, небывалым в истории. При этом они захватили многомиллионный народ.

Подбор в революционную партию шел исключительно богатый. Романтики без силы объективной мысли отсеивались в ряды эсеров, теоретики-марксисты без силы воли, без революционного движения отходили в мелкобуржуазный меньшевизм. В рядах большевиков оставались те, которые соединили уважение к совершенно точной и трезвой мысли с очень сильной волей, кипучей энергией. Эта партия, нелегальная в течение десятилетий, требовала необыкновенной закалки. Тяжелый и мрачный молот самодержавия поистине дробил, выбрасывал все хрупкое из нее и ковал характеры. В этой изумительной партии, в этих избранниках мысли и воли стосорокамиллионного народа происходил постоянный

процесс — подбор вождей. Партия и сама история про- бовали людей и отбрасывали малопригодных. Остава- лись те, которые были проверены суровой жизнью. Так создавалась наша великая партийная пирамида, и как же мог на вершине ее не оказаться один из величайших вождей, каких видело когда-нибудь человечество!

Вот почему нам нечего стыдиться, что мы так любим и так почитаем Ильича. Мы не становимся при этом пло- хими коммунистами. В его личности мы чувствуем ши- рокое, социальное, через него мы любим то, что выше всего для текущего века — социалистическую рево- люцию.

А. Луначарский. Человек но- вого мира. М.: Изд. АПН, 1980. С. 55—59, 61—67.

Ф.ВЕНТЦЕЛЬ

Таким я его помню

Перед старыми людьми, заканчивающими свой жизненный путь, необыкновенно ярко встают воспоминания, связанные с лучшей порой их жизни — с молодостью. В памяти оживают встречи с теми, кто оставил в душе неизгладимый след. Таким человеком для меня в первую очередь является Владимир Ильич Ульянов-Ленин, с которым я была знакома в годы его жизни в Самаре.

Оценка личности Владимира Ильича Ленина уже сделана историей и подтверждена теми величайшими революционными преобразованиями, которые произошли в мире на протяжении последних пятидесяти лет. Особо нового о Владимире Ильиче я сообщить не сумею, но и те факты его жизни, которые сохранила мне память, представляют, по-моему, интерес. К тому, что известно о Владимире Ильиче, они добавляют немного, но в жизни Ленина и мельчайшие подробности имеют значение.

Родилась я в 1870 году, а в Самаре жила в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века. Основной тон в этом большом приволжском городе задавало тогда купечество. Его сытое безразличие ко всему, помимо наживы, делало жизнь для тех, кто искал в ней иных интересов, крайне тоскливой и тяжелой.

Нельзя сказать, чтобы в Самаре не было никакой умственной деятельности. Работали и театр, и библиотека, известная на Поволжье богатым выбором книг, издавались две газеты. Проживало в городе немало бывших ссыльных, возвратившихся из Сибири, были люди с высшим образованием. И все же в довольно значительной прослойке интеллигенции не чувствовалось того, что давало бы ее жизни настоящий смысл. Народовольческое движение окончательно изжило себя. Пришедшее на смену ему народничество начинало отступать под ударами молодой русской социал-демократии. Одни из интеллигентов озлобились, другие опустили руки, но третьи стали энергично искать новых путей, жадно при-

слушиваясь к распространявшемуся в России новому революционному учению — марксизму.

Вот в такое-то время и появился в Самаре Владимир Ильич.

В мае 1889 года семья Ульяновых перебралась из Казани на хутор близ деревни Алакаевка, расположенной недалеко от Самары. Проводя лето там, Ульяновы на зиму обычно приезжали в Самару, где у них была квартира.

После исключения из Казанского университета Владимир Ильич, поработав со свойственной ему серьезностью два года, в 1891 году сдал экстерном экзамены за юридический факультет в Петербургском университете. И, возвратившись в Самару, записался для практики помощником присяжного поверенного к Андрею Николаевичу Хардину, которого знал еще раньше.

Среди самарской интеллигенции, в первую очередь среди молодежи, Ленин был особенно известен именно в эти годы: 1891—1893. Наиболее свободомыслящая часть интеллигенции знала о существовании в городе подпольных революционных кружков, в которые в основном входили рабочие, семинаристы и ученицы фельдшерской школы; известны были и народнические кружки, где также велись страстные, непримиримые споры. Владимир Ильич бывал и в тех и в других кружках, не раз выступал там, завоевывая все больше горячих приверженцев марксизма и вызывая тем самым недружелюбие законных в своем рутинерстве народовольцев. Пользуясь в кружках социал-демократов безграничным уважением, Владимир Ильич представлялся многим своим оппонентам как очень способный, но чересчур самоуверенный и резкий молодой человек; они не могли примириться с его крутыми нападками на В. В.¹, Михайловского и других либералов.

Адвокатская среда, в которой оказался Ленин, став помощником присяжного поверенного, была далека от той деятельности, о какой мечтал Владимир Ильич. Если не считать А. Н. Хардина и еще двух-трех юристов, то корпорация адвокатов отличалась всеми характерными чертами тогдашней чиновничьей провинции: стяжательством, крючкотворством, моральной нечистоплотностью. На защиту уголовных и политических дел, большей частью проводившуюся бесплатно и по назначению

¹ В. В.— В. П. Воронцов (см. с. 33 наст. изд.).

суда, эти толкователи закона смотрели как на тяжелую повинность. С гораздо большим интересом и горячностью они относились к ведению гражданских дел, которые на их языке назывались «хлебными».

Взгляды помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова на адвокатскую деятельность существенно отличались от взглядов его коллег. Среди адвокатов не прекращались толки о полном его равнодушии к ведению «хлебных» дел. У молодых это нравственное превосходство вызвало известное раздражение, а старые говорили: «Ничего, обтерпится, такой же, как и мы, грешные, будет». И для тех и для других, погрязших в обывательщине, бешено гнавшихся за гонорарами, Владимир Ильич служил живым, постоянным укором совести.

Первое же выступление Владимира Ильича в суде показало, как он относится к своему труду. Юридическая практика его была, в общем, невелика и велась по назначению. Таким первым назначением оказалась защита одного крестьянина, обвиненного в оскорблении царя. За «оскорбление Его Величества» подсудимому грозила тяжелая кара — многолетняя каторга или заключение на три года в крепость. Однако Ленин добился того, что виновному присудили всего лишь полтора года простого тюремного заключения. Такой исход дела, по мнению самарских адвокатов, равнялся чуть ли не оправданию подсудимого, а его защитнику создал репутацию первоклассного оратора.

Теперь мне хочется рассказать вот о чем. После суда над крестьянином, где выступал Ленин, прошло несколько дней, и неожиданно на квартиру к Ульяновым явился один из самых богатых купцов Самары Ф. Ф. Красиков. Он нажил огромное состояние путем скупки за бесценок башкирских земель и хлеба на корню у крестьян. Рассказ об этом посещении я передаю в тех характерных выражениях, какие мне удалось услышать (а позднее записать в дневнике) от самого Красикова.

Произошло это таким образом.

Как-то перед вечером я навестила свою гимназическую подругу Машу Никитину, с отцом которой Красиков находился в приятельских отношениях. Семья сидела в столовой за чаепитием, как вдруг раздался звонок, и в комнату вошел Красиков, весьма чем-то взволнованный. От предложенного ему чая он отказался: «Злобу

в чае не утопишь, а давайте-ка чего-нибудь покрепче!» Ему подали на подносе графин с водкой, и, наливая себе рюмку за рюмкой, он начал рассказывать о посещении В. И. Ульянова, от которого прямо и приехал.

— И за что он меня обидел,— жаловался Красиков,— не пойму! Вхожу это я к нему и в передний угол даже не смотрю,— есть там икона али нет. Не мое это дело, не богу молиться пришел; тоже и мы с понятием, даром что поддевка да сапоги смазные, а знаем, что от какого человека требовать положено. Ну, думаю, тут и без молитвы сойдет.

— Знаешь меня? — спрашиваю и фамилию свою называю.

— Наслышан,— говорит, и тут бы ему мне хоть садиться предложить, а он — ни с места! Я стою, и он стоит... Не стерпел я этого:

— В ногах,— говорю,— правды нет, уж дозвоьте сесть!

Сели.

— По какому делу? — спрашивает.

— А вот,— говорю,— по какому: выгораживай меня, только и всего. Скажу тебе, как на духу: маленько я с мужиками переборщил. Думал, что сойдет...

— Не понимаю,— говорит.

— Ну, прижал я их, что ли, как там это по-вашему. А они возьми да на меня в суд и подай! А суд-то теперь сам знаешь какой — одним глазом на нас, а другим — на них. Как бы какого конфуза для меня не вышло. Вот я к тебе и пришел. Выгораживай меня!

— Не могу,— отвечает,— не мастер.

— То есть как,— говорю,— не мастер?.. Ты вот экого, прости господи, прохвоста обелил! Да ему, подлецу, на каторге бы гнить за такие его против царя поносные слова, а ты его вчистую высвободил. Я так полагаю, что ты за то его выручил, что мужик он, а ты, известно, горой за них стоишь. И у меня расчет простой: коли знать будут, что ты за мое дело взялся, значит, не так уж я виноват против мужиков выхожу... Ну, берись, что ли! Я ведь — не даром прошу. Грабь сколько хочешь!

А он свое: не согласен да не согласен. И деньги, говорит, ваши мне не нужны. Только я от него и слышу. Ну, думаю, человек как будто с понятием, а от выгоды своей отказывается, да гордо этак, слова лишнего не вымолвит.

— Тебе-то,— говорю,— не нужны, а на разные твои дела ох как пригодятся!

А он знаешь как на меня напустился:

— Вы что, доносить на меня собираетесь? — так я не из трусливых. А засим — прощайте! — и вышел из комнаты, а я один остался...

Ну, постоял я, постоял, да и ушел. Даже до дверей он меня не проводил. Татарина последнего — и того до дверей хозяин проводит, а я вот, купец первой гильдии, и на тебе, такого приема удостоен. Главное, обидно — говорить со мной не захотел...

И долго еще Красиков не мог успокоиться.

А на другой день в здании суда, в адвокатской комнате, к Ленину подошел старый присяжный поверенный Ященко и сказал ему:

— За что же вы это дело у Красикова отказались вести? Сухо, сухо клиентов принимаете. Зря человека обидели, да и себе большой урон сделали. Ведь за ним потянулись бы к вам с делами и другие такие же, дела-то у них под одну статью. Лопатой бы денежки загребали!

— Заведомого вора защищать неохота! — был ответ.

— А я вот взял его дело,— произнес адвокат,— ибо поступаю по незыблемому закону правосудия: каждый, будь он даже вор, имеет право взять себе защитника.

— Против права вора брать себе защитника не возражаю, отвергаю только,— резко заявил Ленин,— право защитника брать воровские деньги за защиту!

Слова эти, сказанные в присутствии нескольких адвокатов, быстро разнеслись по городу. Адвокаты передавали их с восхищением, но не потому, что они разделяли убеждения Владимира Ильича, а потому, что был уязвлен коллега, чье умение вести не весьма чистые дела, получая при этом крупные вознаграждения, постоянно вызывало их зависть. Сам же поступок Ленина поражал их только своей «непрактичностью».

Когда стало известно, что в Самаре появился человек, пламенно и талантливо толкующий новое революционное учение, марксизм,— к нему потянулась молодежь. И никому Владимир Ильич не отказывал в совете и руководстве. Случайно и мне пришлось быть свидетельницей его необыкновенно участливого отношения к молодежи.

Эпизод, о котором я хочу рассказать, довольно характерен для нравов того времени.

Одной моей знакомой, молодой девушке, учитель Самарской мужской гимназии сделал предложение выйти за него замуж и получил отказ. Отвергнутый жених, оказавшийся довольно подлым человеком, заявил, что будет мстить, и стал преследовать ее брата, гимназиста шестого класса. Мальчик, до этого хорошо учившийся, начал получать плохие отметки. Поведение его — до этого всегда образцовое — стало предметом обсуждения в гимназии: «мститель» непрерывно чернил ученика в глазах других педагогов; ни в чем не повинному мальчику грозило исключение из гимназии. Мальчик изнервничался и даже подумывал о самоубийстве. Тогда его сестра решила обратиться за советом к Владимиру Ильичу, с которым была знакома. Мы пошли к нему вместе.

Нужно было видеть, с каким участием принял нас Владимир Ильич! Он подробно расспросил мою приятельницу о всех обстоятельствах дела и, когда она кончила рассказывать, предложил ей прислать к нему брата, чтобы с ним переговорить.

— Это невозможно, — с огорчением ответила она. — Он настолько робок и конфузлив, что ни за что не пойдет.

— В таком случае, — сказал Владимир Ильич, — я сам к нему отправлюсь.

И в тот же день пришел к ним. Успокоив мальчика и взяв с него обещание не предпринимать никаких непоправимых шагов, он направился к неудачливому жениху. Что говорил ему Владимир Ильич — неизвестно, но преследование мальчика немедленно прекратилось. Возможно, что не обошлось и без визита Владимира Ильича к директору гимназии, потому что вскоре этот учитель был переведен в другой город, а мальчик смог благополучно закончить гимназию.

Таких фактов немало.

Еще вспоминается мне следующий эпизод.

Каждый год, обыкновенно в конце декабря, на святках, Самара оживлялась. Из Москвы и Петербурга, из других университетских городов съезжались на каникулы студенты, и начиналось рождественское веселье. Театр наполнялся публикой, в дворянском и купеческом клубах давались танцевальные вечера, но главным развлечением молодежи было ряжение: человек двадцать пять — тридцать сговаривались между собой, намечали чей-либо дом и, объявив накануне хозяевам о своем намерении, отправлялись туда в маскарадных костю-

мах. Вечеринка, которую я вспоминаю, началась точно так же.

Происходила она в квартире одного из товарищей Ленина по адвокатуре, помощника присяжного поверенного Осипа Григорьевича Гиршфельда, жившего на Дворянской улице в доме Прагера. Гиршфельд и его жена всегда принимали участие в подобных развлечениях и на этот раз предоставили свою квартиру в полное распоряжение молодых гостей. Как и полагается, был приглашен тапер, почти непрерывно «закатывавший» на фортепьяно танцы, зал был ярко освещен сильными керосиновыми лампами, а в столовой накрыли длинный стол, на котором красовалось множество домашних закусок. Из кухни доносился стук — там рубили котлеты к ужину; в передней стоял невероятных размеров ящик, в нем бутылки с жигулевским пивом. Все было готово к приему гостей.

В восемь часов — в провинции вечера начинались рано — появились первые ряженые. Нужно сказать, что костюмы не отличались особой замысловатостью. Здесь можно было видеть обычные для таких вечеринок — «ночь», в длинном балахоне из черного коленкора, с нашитыми звездами из фольги, чертей, монахов, цыганок, цветочниц. Мы с подружкой решили во что бы то ни стало отличиться оригинальностью костюмов. С большим трудом удалось нам достать их у актрисы местного театра, да и то лишь на два часа. Костюмы наши были таковы: я вырядилась царицей, со всеми положенными на этот случай атрибутами — короной, скипетром, мантией и прочим, а подружка моя изображала рабыню, и не какую-нибудь, а черную; даже руки у нее были соответственно покрашены.

Мы несколько запоздали на вечеринку, но имели несомненный успех. Нас наперерыв приглашали танцевать, и костюмами восхищались почти все. Я говорю «почти», потому что Владимир Ильич Ульянов не обращал на нас ровным счетом никакого внимания. Несколько раз проходили мы перед ним, стараясь привлечь его внимание, но тщетно. Такое безразличие показалось нам тем более обидным, что он охотно принимал участие в общем веселье, остроумно отвечал интриговавшим его маскам, сам просил «цыганок» погадать ему. Отношение его к нам было странным.

Наконец мы не выдержали, подбежали к нему сами и спросили, почему ему не нравятся наши костюмы.

Владимир Ильич улыбнулся.

— Когда вы пришли,— ответил он,— я спросил хозяина, каким образом могла сюда попасть такая высокая особа с рабыней? Хозяин ответил, что одна из вас — курсистка, а другая — начинающая писательница и даже рассказ ее, как говорил редактор самарской газеты, из-за цензурных условий не смог быть напечатан... Что же это,— шутливо обратился ко мне Владимир Ильич,— слова у вас одни, а костюмы вам нравятся совсем другие? Мой совет: не допускайте такой двойственности!

И вдруг при последней фразе из толпы, незаметно окружившей нас и желавшей, очевидно, послушать, о чем говорит Владимир Ильич, раздался чей-то насмешливый голос:

— Быть может, вы и нам скажете речь о том, что можно делать и чего делать нельзя?..

Голос, как оказалось, принадлежал одному идейному стороннику терроризма, видевшему во всех инакомыслящих чуть ли не личных своих врагов. Однако в это время хозяин пригласил нас к столу:

— Речи потом, за ужином, а теперь — прошу всех в столовую!

Спустя некоторое время начались тосты и речи. Первым говорил хозяин, но едва он закончил, как неугомонный террорист снова обратился к Владимиру Ильичу:

— Очередь за вами. И на тему: что можно и чего нельзя!

— Разумеется, говорите,— поддержал хозяин.

— Просим, просим, говорите! — раздалось со всех сторон.

Владимир Ильич поднялся и очень просто сказал:

— Там, где люди собрались повеселиться, говорить серьезно и о серьезном нельзя, но если все присутствующие этого хотят, тогда, я думаю, можно...

Ленин дал блестящую отповедь террористу, сказал о бесплодности террористических актов, кончавшихся, как правило, заменой одного прислужника самодержавия другим. Потом он говорил о жизни, к которой должна стремиться сознательная молодежь, о том, что путь к достижению цели заключен не столько в красивых порывах, сколько в кропотливом, настойчивом труде. «Молодежь,— говорил Ленин,— это наша армия, с которой мы завоем лучшую жизнь; но прежде чем вступать в бой, нужно учиться владеть оружием, а не бряцать им!»

Это последнее выражение — единственно подлинное из речи Владимира Ильича, которое мне запомнилось. Остальные за давностью лет исчезли из моей памяти, но содержание речи никогда мной не забудется, так же как и то глубокое впечатление, которое она произвела на слушателей. Помню, какой возбудила она энтузиазм, и убеждена, что многих из нас, присутствовавших на той памятной вечеринке, она отвратила от ложного пути в жизни.

«Жизнь, не подвластная времени». М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 9—17.

А.КАЛМЫКОВА

Обрывки воспоминаний

В конце 80-х годов я поступила учительницей в Воскресную вечернюю школу для рабочих Фарфоровского попечительства, за просто называемую Варгунинской¹.

В школе преподавали исключительно русские девушки, окончившие Высшие Бестужевские курсы², только я составляла печальное исключение, потому что, когда я окончила гимназию, никаких Высших курсов на Руси еще не было...

В начале 90-х годов в моей столовой за вечерним чайным столом сходилась молодежь, заинтересованная марксизмом: Владимир Ильич, Потресов, Радченко, Классон (известный потом по всей России электротехник), Туган-Барановский и мой приемный сын Петр Бернгардович Струве.

Помню, как Владимир Ильич излагал содержание своей только что вышедшей книги о росте капиталистического хозяйства в России³, причем с радостью отмечал, что авторитетные люди признали его книгу не простым изложением, а научной работой, так как в выводах ее была принята во внимание масса сырого материала, извлеченного Владимиром Ильичем из изданий нескольких министерств.

«Я охотно продолжал бы работать над этой темой, но чувствую, что не имею на это права: пора идти знакомиться с пролетариатом, поднимать сознание среди рабочих. Мне необходимо устроить вечера конспиратив-

¹ Варгунин Н. А. — видный деятель народного просвещения. Варгунин настоял на открытии школы, которая была закрыта начальством за зловерность свою в 60-х годах и с тех пор не получала права на открытие ее вновь. (Прим. авт.)

² Высшие Бестужевские курсы — в дореволюционной России высшее учебное заведение для женщин, готовившее врачей и учителей. Основаны в 1878 году в Петербурге и названы по имени их официального руководителя историка К. Н. Бестужева-Рюмина.

³ Как известно, книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» появилась лишь в 1899 г., когда он уже находился в ссылке.

ных бесед с ними, только бы найти для этого надежную квартиру».

Я отвечала Владимиру Ильичу, что мы с Надеждой Константиновной (которая тогда еще не была его женой) поможем в этом, а также доставим наиболее развитых слушателей из учеников нашей вечерней школы. Так мы это и исполнили.

В школе я заметила как-то отсутствие одного из учеников. Мне отвечали, что он арестован, никто не знал, за что, но в школу он не возвращался. В один прекрасный день он явился передо мной в моем книжном складе совершенно пьяный.

«Что с вами, Андрианов?» — спросила я его. — «Я вас в таком виде никогда не видела».

«А теперь в другом виде никогда не увидите. Меня долго держали в заключении и пугали, что сошлют в Сибирь, в каторжную тюрьму. Я человек слабый, очень этого испугался, а мне предложили, что освободят сейчас же, если я соглашусь быть доносчиком, что мне будет указано, о ком надо будет сообщать сведения. Как человек слабый, я согласился, но в душе поклялся, что никогда не буду доносить о своих, об учащих и учениках нашей школы за Невской заставой. Как только я что узнаю сам или от других сыщиков, я буду приходить к вам, а вы извещайте Ильича и рабочих, чтобы они ни в квартиру, ни даже на ту улицу не приходили, — предупредить вовремя, это уж ваше дело, я к вам приду всегда с утра».

Трудная это была задача, нужно было набрать курсисток и их послать разыскивать Ильича и наших рабочих. Как будто удавалось, а все-таки Владимир Ильич в декабре 1895 года был взят и заключен, а затем отправлен в ссылку в Сибирь...

Владимир Ильич пробыл в ссылке до начала 1900 года. Тотчас по приезде в Петербург он должен был прямо с вокзала явиться по начальству, которое объявило бы ему, какой город назначен ему для жительства, и тотчас под конвоем отправило бы его туда. Владимир Ильич решил хоть один день повидать нужных ему людей и уж на другой день явиться по начальству, как только что приехавший. Он знал, где он мог в безопасности переночевать, а день провести, — самым удобным представлялась ему моя квартира при складе. Надо было тщательно смотреть, чтобы занавески на окнах во дворе были спущены, так как у окна в квартире дворни-

ка бесшумно сидел шпион, а против ворот на Литейном стоял другой, а на углу Литейного и Невского — третий. Трудной задачей являлось вывести Ильича незнанным из моей квартиры; опытные люди посоветовали мне следующее; пошлите верного служителя за извозчиком, который только что приехал и собирается опять уехать, Владимир Ильич пусть поднимет воротник и быстро садится на извозчика с поднятым верхом и велит ему ехать вдоль Невы до одной из дальних пристаней Финляндского пароходства; там пусть остановит извозчика и вскакивает на пароход, когда он начинает трогаться. Преследующие попасть не смогут, а ждать следующего парохода для них не имеет смысла. Так добирался Владимир Ильич уже по берегу на безопасный ночлег.

Утром он явился по начальству, как бы прямо с вокзала. Местопребыванием ему был назначен Псков, без права выезда из него; там же после ссылки находился и Потресов. Мне необходимо было видеться с Ильичем, и вот я раз в неделю по субботам являлась в заседание Вольного экономического общества¹, здоровалась с членами, участвовала в прениях, а затем незаметно уходила на Варшавский вокзал и в половине двенадцатого уезжала в Псков. С вокзала утром во Пскове уходила на квартиру Ильича, там проводила весь день, ночью возвращалась в Петербург и утром к открытию склада была на своем месте. Никто, даже служащие в магазине, не знали о моем отсутствии. С Владимиром Ильичем было о чем переговорить. Уже стоял на очереди вопрос о переезде за границу — по разрешению или при помощи контрабандистов; на все это нужны были деньги. Я должна была ехать раньше, повидаться с главарями социал-демократической партии, Бебелем и др., передать им деньги и спросить, куда направляться Владимиру Ильичу для жительства, так как пребывание в Пруссии было невозможно. Ими указана была Бавария.

Во второй приезд мой во Псков обсуждался уже проектируемый орган. Владимир Ильич прочел нам статью, написанную им для первого номера. Говорил он от имени рабочей массы, пролетариата, и когда я высказала ему свое удивление, что он говорит от имени той массы, которой еще не существует, он отвечал:

¹ Вольное экономическое общество — первое русское научное общество, основанное в 1765 г. в Петербурге.

«Она проникнется убеждением, что она уже есть, что это ее слова и требования».

В том же духе были и другие статьи и заметки. Я перестала спорить, а у Владимира Ильича уже слышались те воззвания, те положения, которые мы слышали до последних дней его. И что же, приходится сказать, что он был прав!

То пробуждение в рабочей среде солидарности, великое сознание той задачи переустройства жизни, которое будет иметь целью благосостояние всех, разве все это не вызвано теми воззваниями, теми утверждениями, которые раздавались ежедневно в каждой речи, в каждой газетной статье Владимира Ильича?

Типография «Искры» была сперва в Лейпциге, Владимир Ильич жил в Мюнхене в Швабинге — части города, где селятся небогатые студенты и бедные люди. К Владимиру Ильичу для обсуждения статей нашего органа мы собирались каждый вечер. Наступало время ужина, состоял он неизменно из двух горячих сосисок и чая. Перед уходом за их покупкой Надежда Константиновна с матерью решала, сколько нужно будет купить лишних сосисок, так как Владимиру Ильичу и Потресову и еще кому-то надо было давать три сосиски. Ужинающие шли гулять в Английский сад. В кафе Владимир Ильич заходил редко, но находил это необходимым для того чтобы знакомиться с свободомыслящей интеллигенцией. Уже после того, как типографию перенесли в Мюнхен, пришлось мне по указанию Бебеля приехать к В. И. с известием, что готовится разгром типографии, что ее нужно спешно закрывать и переселяться из Баварии.

Это переселение было крайне неприятно Владимиру Ильичу, но приходилось оставлять Баварию во что бы то ни стало. Деньги я привезла, а сама снова вернулась в Берлин¹.

В Лондоне Владимир Ильич имел то удовлетворение, что к нему могли приезжать русские рабочие из-за Невской заставы; по пути Бабушкин, наиболее любимый и развитой из моих учеников, заезжал и ко мне в Цел-

¹ Н. К. Крупская вспоминала: «Надо сказать прямо, — без поддержки Александры Михайловны трудно было бы создавать «Искру». Она дала нужные на издание газеты деньги... Он (В. И. Ленин. — *Прим. сост.*) относился к ней с чрезвычайным доверием, советовался с ней в целом ряде практических дел, говорил с ней о многих важных вопросах». («Правда», 1926, 2 апреля.)

ле, близ Ганновера. Бабушкин был потом в Сибири и, вероятно, погиб жертвой какого-нибудь карательного отряда, пропал бесследно; ни мать, ни жена его ничего не могли узнать о нем и не переставали приходить спрашивать, нет ли вестей о нем у меня. Уж как было жаль, что погиб этот сильный, убежденный человек! ¹

На Втором съезде РСДРП, на котором произошло разделение на большевиков и меньшевиков, я, к сожалению, быть не могла и узнала о происшедшем от Надежды Константиновны. Мне это разделение было очень тягостно...

В виду напряженной жизни, которую вел Ильич в Петрограде с 25 октября 1917 года, я не считала возможным искать с ним свидания. Однако, когда после переезда правительства в Москву один из работавших у Надежды Константиновны сообщил мне, что она заявила: «А. М. Калмыкова с нами работать не будет», я написала Крупской, что это сообщение меня очень огорчило, она могла бы это сказать только после долгого разговора со мной, а его-то и не было, что я по болезни приехать в Москву не могу, но прошу ее убедительно повидаться со мной, если она приедет в Петроград.

В ответном письме Крупской была приписка Ильича: «Благодарю очень за привет и очень, очень рад началу дружественной переписки. Лучший привёт от Ленина» ².

«Былое», 1926, № 1 (35).
С. 64, 65, 71—80.

¹ Бабушкин Иван Васильевич (1873—1906) — один из первых российских рабочих социал-демократов. Большевик с 1894 г., член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Агент «Искры». Участник первой русской буржуазно-демократической революции. Член комитетов РСДРП в Иркутске, в Чите. Один из руководителей вооруженного восстания в Чите. Расстрелян карателями.

² Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 5. С. 166.

Моя первая встреча с Лениным

Это было в Швейцарии летом 1900 года. Чтобы понять, при каких условиях мы встретились, мне придется вернуться несколько назад.

Уже в 1898 году, когда я находился в якутской ссылке, появились первые признаки надвигавшегося раскола в социал-демократической партии. Появились первые ласточки «экономизма», или социал-демократического оппортунизма. В Якутске, как и в других ссылных колониях, началась жестокая полемика между представителями двух направлений — умеренного, получившего впоследствии название «экономистов», и левого, революционного. Тогда еще в ходу не были слова «большевизм» или коммунисты. Все мы называли себя социал-демократами, а сторонники так называемого «политического» направления в отличие от «экономистов» назывались «левыми», или «революционными», социал-демократами. К последним принадлежал и я.

Мы знали, что в других колониях идет борьба по тому же поводу между «стариками» и «молодыми». Понимать эти термины нужно, конечно, относительно. Мы, левые, в общем ничуть не были старше по возрасту, чем так называемые «молодые». Дело было только в том, что первые партии социал-демократов, попавших в ссылку, были по преимуществу «политиками», или «левыми», последующие, начавшие прибывать примерно с 1898 года, были уже окрашены налетом «экономизма» и оппортунизма. И вот я узнал, что среди «стариков», т. е. сторонников революционного направления в социал-демократии, имеется также и некий Владимир Ильич Ульянов, находившийся тогда в Минусинске¹, куда он был сослан на три года.

В те времена Ульянов был мало кому известен за пределами довольно узкого круга. Его больше знали питерские товарищи. Но кое-что слышали о нем и другие. Я лично, например, знал его уже как автора

¹ В. И. Ленин был сослан в село Шушенское Минусинского уезда (Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 1. С. 143, 145).

замечательной статьи, напечатанной в сожженном в 1895 году цензурой марксистском сборнике «Материалы для характеристики хозяйственного развития России». В этом сборнике Ленин напечатал большую статью за подписью К. Тулин, резко критиковавшую П. Струве, автора известных «Критических заметок», вышедших в 1894 году.

Статья эта произвела на меня, помню, сильное впечатление. Автор был совершенно неизвестен, новичок на литературном поприще. Однако он говорил тоном власть имущего, он решал и вязал, изрекая свои приговоры с таким авторитетом, который мог себе позволить только крупнейший деятель, имеющий за собой уже продолжительный политический и литературный стаж. Это — с одной стороны. А с другой стороны, невольно навязывалось сопоставление отношения К. Тулина к Струве с отношением Плеханова к тому же Струве в его известной книге «Монистический взгляд на историю» вышедшей за год до того под псевдонимом Бельтова. Опытный и искушенный Плеханов не нашел в своем арсенале резких слов осуждения по адресу г. Струве, уже тогда показавшего изрядный кончик буржуазного ушка. Он даже брал на себя его защиту от Михайловского. А молодой Тулин сразу разглядел, что скрывается за писаниями г. Струве, и разделал его, что называется, под орех.

В то время я еще совершенно не знал о другой крупной работе молодого Ленина, которая только теперь вытащена из жандармских тайников и частью напечатана под заглавием «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами?». И здесь тема приблизительно та же, что и у Плеханова: полемика с народниками и защита марксизма. Но и здесь та же колоссальная разница между подходом к делу старого теоретика и молодого бойца. И в этой своей первой работе Ленин говорит тоном человека, сознающего свою историческую миссию, вполне оценивающего все свои силы и безжалостно расправляющегося со всеми врагами пролетарского коммунизма.

Итак, от некоторых ссыльных я узнал о том, что Ульянов (тогда он еще не назывался Лениным, он только начал тогда подписывать свои первые легальные статьи этим псевдонимом) вполне определенно стоит на позиции «левых», или «политиков», и что среди последних он является очень крупной фигурой. Тогда как его

товарищ по работе в Петербурге будущий лидер меньшевиков Мартов, наоборот, уже тогда скорее склонялся в сторону оппортунизма. По крайней мере я помню, что наши якутские оппортунисты жаловались на мою резкую критику Мартову, отбывавшему ссылку в Туруханске, и тот в письмах давал им аргументы против меня, защищавшего левую революционную позицию против умеренных друзей Мартова (главным образом по Бунду).

Когда я бежал из Якутки за границу в конце 1899 года, я, по приезде в Швейцарию, сразу очутился в самом разгаре борьбы между революционным течением, возглавлявшимся Г. Плехановым и группой «Освобождение труда», и правым течением, группировавшимся вокруг журнала «Рабочее дело». Я, разумеется, примкнул к Плеханову в его борьбе с оппортунистами, располагавшими большинством в заграничном «Союзе социал-демократов». С нетерпением мы, сторонники революционной социал-демократии, ждали приезда из России группы товарищей, о которых мы знали, что они являются крупнейшими представителями рабочего движения в стране, и которые должны были усилить революционную социал-демократию в ее борьбе с оппортунизмом.

Из молодых эмигрантов я особенно сошелся с Николаем Эрнестовичем Бауманом, который жил тогда в Швейцарии под псевдонимом Полетаева. Это тот самый Бауман, который в 1905 году был убит черносотенцами в Москве и по имени которого теперь назван Лэфортовский район. Бауман знал Ленина еще в России. И мы условились, что, как только Ленин приедет, Бауман переговорит с ним обо мне и вызовет меня сейчас же в Швейцарию для личных переговоров. Сам я к тому времени уже переехал в Париж.

Итак, в один из июльских дней 1900 года я получил от Баумана коротенькую телеграмму, уведомлявшую меня о приезде Ленина и приглашавшую от его имени несмеленно явиться в Женеву. Я выехал в тот же день и на другой день утром уже пожимал руку Владимира Ильича.

Жил он тогда в крестьянском домике недалеко от Женевы, вместе с Потресовым (Мартов временно задержался в России). Втроем они составили ту группу молодых товарищей, которые вскоре вместе с группой «Освобождение труда» основали «Искру» и «Зарю».

Теперь кажется странным, как Ленин мог работать совместно с Мартовым и Потресовым и как эти люди, столь различные по темпераменту, миросозерцанию и направлению, могли долго считать себя солидарными в основных политических вопросах. Должен сказать лично о себе, что, встретившись с Лениным и Потресовым, я сразу почувствовал, что Потресов нам скорее чужой человек. Впрочем, он скромно держался в стороне, почти не участвовал в разговоре, и беседой сразу овладел Владимир Ильич.

Уже в то время, хотя ему было всего 30 лет, он имел приблизительно тот же вид, какой известен всем нам и какой он имеет на самых распространенных портретах. Уже тогда он имел лысину во всю голову. Его полукалмыцкое лицо с выдающимися скулами сияло уверенностью, жизнерадостностью и остроумием. Знаменитый прищуренный глаз оживлял это подвижное лицо, придавая ему оттенок хитрости. Ленин громко хохотал, изрекал безапелляционные приговоры, но больше выспрашивал, чем говорил, по свойственной ему всегда манере.

Однако хотя Ленин и шутил, откидываясь назад всем телом по известному его приему, смеялся и рассказывал анекдоты, но сразу видно было, что это прирожденный вождь, вождь, которого не только выдвинула на это место история, но который и сам прекрасно сознает свое назначение. Это чувствовалось им самим и окружающими. Нельзя было сказать, чтобы он навязывал свою волю и личность. Это делалось как-то естественно и незаметно. Даже Плеханов, который имел гораздо более богатый революционный стаж и научное образование, перед Лениным как-то отступал на задний план и терялся. Видно было, что Плеханов все-таки кабинетный мыслитель, теоретик, остроумный собеседник, блестящий полемист и писатель, но не более, а Ленин — это кремень, трибун, народный вождь, топором прорубающий дорогу в чаще и уверенно ведущий за собой массы.

Я не помню точно, о чем мы говорили. Ясно, что речь шла о «Рабочем деле», об оппортунизме в социал-демократии, не только русской, но и всемирной, о необходимости самым энергичным образом бороться с ним, не останавливаясь в случае нужды и перед расколом. В этих вопросах мы были совершенно солидарны.

На другой день состоялось у нас совещание, в котором, кроме Ленина, Потресова, меня и Баумана, участ-

воваии от группы «Освобождение труда» Плеханов и Засулич. Собрались мы на лужайке под тенистым деревом и вели непринужденную, товарищескую беседу о программе предстоящей деятельности. Здесь на этом непринужденном собеседовании вырабатывалась в основных чертах программа «Искры» и «Зари», т. е. подготавливался тот блестящий поход против социал-демократического оппортунизма, который в конце концов привел через много лет к созданию партии большевиков и Третьего Интернационала. Нужно сказать, что, насколько я сейчас припоминаю, у Ленина это вполне сложилось и выработалось в голове, и дальнейшая дорога была для него совершенно ясна. И на этом совещании опять-таки как-то незаметно и естественно дирижерскую палочку взял в свои руки Ленин, или, вернее сказать, она сама очутилась у него в руках. В общем решения принимались в таком духе, как намечал он. Уже чувствовалось, что вождем дальнейшего движения будет не кто иной, как Ленин.

В нашей среде вообще принято вести самые серьезные разговоры в шутовском духе и пересыпать серьезные темы веселыми анекдотами. По этому поводу припоминаю следующую смешную сценку. Плеханов, который страшно любил цитировать Глеба Успенского и действительно знал его блестяще, не помню сейчас по какому случаю, желая подшутить над Владимиром Ильичем, начал приводить из Успенского объяснение того, отчего люди лысеют. Но, быстро сообразив, что для него, пожалуй, эта цитата невыгодна, оборвал ее. Ленин сразу заметил слабую сторону противника. Катаясь от смеха по траве, он громко закричал: «Что же это вы, Георгий Валентинович, не договариваете? Позвольте, я сейчас приведу эту цитату. У Успенского сказано так: «Который человек лысеет от лба, и то от большого ума. (Ленин показал на свою лысину, которая, действительно, шла ото лба). А который лысеет от затылка (и тут он ехидно указал пальцем на Плеханова, у которого лысина шла одновременно и ото лба, и от затылка), и то от развратной жизни». Плеханов был сражен.

Здесь на этих совещаниях были заложены основы революционной социал-демократии, т. е. будущей коммунистической партии. Ленин молчаливо всеми был признан главой движения. Впоследствии эту роль у него пытались оспаривать, но безуспешно. Очевидно, история знает, что делает. Выбрав такую фигуру в исторические

вожди, сделав ее средоточием всего прошлого коллективного человеческого опыта, снабдив ее для этого достаточными умственными силами и волей, она вместе с тем наделяет носителя этой исторической роли сознанием своего значения и внушает ему веру в свое призвание. Объединение этих объективных и субъективных моментов — таланта, знания, воли и сознания своих сил в одном лице — и создает таких вождей, каким был наш покойный Ильич.

«О Ленине». Воспоминания.
ГИЗ, М.; Л.: 1925. Кн. III.
С. 31—35.

Из воспоминаний о Ленине

(Отрывки)

Познакомился я с Лениным весной 1902 года. В конце лета 1901 года я поехал за границу, чтобы пройти курс электричества в одном из бельгийских университетов и прежде всего отдохнуть, так как до этого я много работал на заводе и сильно устал. Для этого я поехал в Швейцарию. В Шпице я встретился с сестрой Владимира Ильича — Анной Ильиничной и через нее быстро установил связь и переписку с Надеждой Константиновной, с которой мы были старые приятели еще с 1901 года, когда часто встречались на работе в Петербурге, хотя находились тогда в разных революционных лагерях: она была ревностной и упорной марксисткой, а я работал в то время еще в организации «Народной воли». Мы вели с ней тогда бесконечные споры, которые и сблизили нас. Месяца через два после этого я вступил в заграничную лигу социал-демократов. Это была революционная организация, с помощью которой Ленин старался повернуть на революционный путь социал-демократическое движение, которое шло до этого времени под оппортунистическим флагом «Рабочего дела». Мне пришлось остаться жить в Бельгии, и я был назначен представителем этой «лиги» для Бельгии. В это время Ленин, как и прочие из редакторов «Искры», жил в Мюнхене. Там были Мартов, Вера Засулич и Парвус. Все они были уверены, что этот небольшой городок на юге Германии не будет привлекать внимания, так как там никогда русские не создавали своих революционных организаций. Но было упущено из виду русское студенчество, которого в Мюнхене было очень много. Студенты узнали, что в городе находятся крупные революционеры, заинтересовались ими, и за искровцами стали ходить студенческие хвосты. Они идут в ресторан или еще куда-нибудь — за ними тащатся студенты; вслед за студентами, конечно, заинтересовалась полиция. В результате пришлось бросить Мюнхен как сравнительно маленький город, где известен каждый более или менее крупный житель, и вы-

братъ другой пункт, где можно было бы потонуть в общей массе населения и где полиция оставила бы их более в покое, чем в монархической Германии. Этим пунктом был избран Лондон, куда вся компания искровцев переселилась весной 1902 года. Они проезжали через Бельгию и остановились в том городке, где я жил.

До этого я не видел не только Ленина, но даже его портретов. Помню, когда я встретился с ним в первый раз, я был разочарован, так как увидел далеко не романтическую фигуру. Это было самое обыкновенное русское, несколько калмыцкое лицо. Мы его определили тогда: «Похож на сапожника». Единственно, что поражало в нем,— это глаза. Мимо его глаз пройти было невозможно. Они были чрезвычайно пронизательны.

Эта встреча продолжалась два дня, проведенных в Льеже, а затем мы вместе направились в Брюссель.

Мы попали туда во время маленькой революционной вспышки. То была борьба за всеобщее избирательное право, происходившая в довольно скромных размерах, как это умеют делать заграничные революционеры. Попав в Брюссель, я повел Владимира Ильича показывать город, учреждения рабочей партии, знаменитый тамошний кооператив и т. д. Когда мы вышли из кооператива, вдруг показали толпы рабочих. Это были участники революционной вспышки; собирались толпы демонстрантов; они разгонялись полицией и тут же обращались в бегство, ибо вожди рабочей партии старались всячески удержать рабочих в рамках умеренности и аккуратности.

Была объявлена забастовка, которая во всеобщую не вылилась. Ленин при виде этой толпы сейчас же оживился и обнаруживал большое тяготение примкнуть к демонстрации. Мне пришлось чуть не повиснуть на нем, чтобы как-нибудь замедлить его движение. Тут как раз сбоку появилась полиция и отрезала нас от толпы. В Брюсселе Ленин оставался недолго и оттуда перешел в Лондон.

Незадолго до этого в Брюсселе был Плеханов, с которым я ездил по Бельгии. Плеханов, как только кончались революционные собрания, тащил меня осматривать картинные галереи, которых он был большой любитель. Я помню, как, приехав в Льеж, он спрашивал меня о какой-то знаменитой картине какого-то художника. Я не знал ни этой картины, ни этого художника, хотя

жил здесь раньше года четыре. Ленин этим не интересовался. Он был всецело поглощен рабочим движением.

Цявловский, издавший в свое время книгу «Большевики» по документам охранки, сообщил мне, что, просматривая бумаги охранного отделения в 1917 году, он нашел два дела о Ленине. Одно дело заключало составленный на границе одним жандармом список книг, которые увез с собою за границу Ленин. Из этого списка видно, что из художественной литературы им были взяты только две книги: стихотворения Некрасова и «Фауст» Гете. Остальные книги были по экономике.

Меня очень интересовало тогда, что Ленин не интересовался картинными галереями и музеями, которыми так богат Брюссель. То, что смотрят обыкновенные туристы, — всякие памятники и т. д., его не интересовало: он проходил мимо, даже не посмотрев. Зато его интересовали самые детальные вопросы, касающиеся бельгийской рабочей партии.

* * *

Следующая встреча произошла осенью 1902 года в Лондоне. Мне надо было возвращаться в Россию по окончании курса, и я поехал в Лондон, чтобы взять инструкции для предстоящей революционной работы. В этот раз наша встреча была очень долгая. Я прожил в нескольких шагах от Ленина в продолжение двух недель и встречался с ним ежедневно и даже по нескольку раз в день.

Всем известно, что Ленин вел очень скромный образ жизни как за границей, так и в России. Жил он невероятно скромно. Он больше всего любил порядок, который царил всегда в его кабинете и в его комнате, которые резко отличались, например, от комнаты Мартова: у Мартова всегда был самый хаотический беспорядок — всюду валялись окурки и пепел, сахар был смешан с табаком, так что посетители, которых Мартов угощал чаем, часто затруднялись брать сахар. То же самое творилось и у Веры Засулич. У Ленина, напротив, был необыкновенный порядок, воздух в комнате всегда чистый. Если у него в комнате закуривали, то хотя он в то время еще не запрещал курить, то начинал морщиться, открывал форточки и вообще обнаруживал большое неудовольствие. Жизнь Ленина в Лондоне протекала чрезвычайно однообразно. Утром он вставал и направлялся в Британский музей, где работал, потом

отправлялся обедать в какой-нибудь ресторанчик, а после обеда совещался с Засулич, Мартовым, Надеждой Константиновной, а затем отправлялся домой и проводил вечер опять за работой.

Приехав в Россию, Ленин продолжал жить так же скромно. Отчего это происходило? Может быть, этот человек был монашеского склада? Нет, Ленин не был таковым по натуре, да он и не мог им быть. Вождь пролетариата с монашеским складом — это уже не настоящий вождь. Пролетариат борется за то, чтобы жизнь была красивее, богаче, полнее, чтобы люди могли жить, наслаждаясь всеми благами жизни. Какой же это вождь пролетариата, если он аскет по натуре? Ленин был чрезвычайно полный человек в смысле разносторонности. Беря с собой за границу экономические книги, он захватил все-таки Некрасова и Гете. Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием. Он очень любил музыку. Ради музыки, ради того, чтобы в течение часа послушать хорошего музыканта, он отвлекался иногда даже от работы, чем его близкие пользовались, чтобы заставить его отдохнуть хоть немного. Он любил охоту и был страстным охотником. Любил природу вообще и прогулки по швейцарским горам в особенности. Был очень хорошим шахматным игроком, играл не глядя на доску. В Горках я провел с ним два лета, и мы занимались порой игрой в городки. Этот человек — председатель Совнаркома, мировой вождь пролетариата — забавлялся даже этой простой игрой. В игре в городки всегда участвовал Бухарин. Ленин играл плохо, а Бухарин был у нас лучшим игроком и гордился этим, кажется, больше, чем своей литературной работой. Ленин всегда язвительно посмеивался над ним. У Бухарина бывало так, что если он делал промах, то палка у него летела всегда слева, и Ленин говорил, что это оттого, что Бухарин еще не расстался с левым коммунизмом.

* * *

После годичного пребывания за границей я вернулся в Россию. Вскоре я был арестован в Москве и после годичного пребывания в тюрьме был направлен в Якутск. Никакой серьезной революционной работы в Якутске не было, а потому я и не возобновлял переписки с Надеждой Константиновной, которая тогда была секретарем «Искры».

Живя в якутском улусе, я однажды получил письмо из-за границы. Под письмом подпись, мне совершенно незнакомая. По почерку узнаю руку Надежды Константиновны. Письмо самое бессодержательное. Но химическое исследование дало другие результаты и ряд революционных новостей, о которых она извещала меня и через меня и других товарищей, временно оторванных от революционной работы. Завязалась переписка, и Надежда Константиновна все время держала меня, а через меня и остальную часть ссыльных, в курсе революционных дел того времени. Я привожу этот факт для того, чтобы показать, как внимательны были эти два человека — Ленин и Надежда Константиновна, как внимательно они относились всегда к товарищам. Второй раз, когда я попал в ссылку в Енисейскую губернию, опять Надежда Константиновна отыскивала меня, и снова завязалась переписка. Это характерная черта Ленина: не оставлять товарищей, которые попали в ссылку. Вот еще пример. Товарищ Н. А. Теодорович попал в каторгу. Ему совершенно нечем было жить, а между тем у него были жена и дети. И вот однажды он получает перевод в сумме, кажется, 10 рублей, которые были присланы ему от Ленина. Время от времени Ильич снабжал Теодоровича, пока тот не стал на ноги. Теодорович был страстный любитель книг, и Ленин все время снабжал его литературой.

В то время, когда Ленин был уже председателем Совнаркома, он точно так же трогательно заботился обо всех старых товарищах. Когда умер Гольденберг (был старым большевиком, но с начала февральской революции ушел из рядов большевиков к новожиженцам, а потом опять перешел к нам), то Ганецкий показывал мне раздражительное письмо Ленина, в котором он писал: «Товарищ Гольденберг работал у вас в Наркоминделе и нуждался. Сделали ли вы что-нибудь для этого человека? Это надо было сделать. А теперь, когда он умер, вспомнили ли вы об его жене? Это человек совершенно не практический, и нужно оказать ей возможную помощь». У товарища Енукидзе имелся целый пакет всяких записок Ленина, в которых он его просил о разных мелких услугах для товарищей: одного надо немного подкормить, ибо он сильно изголодался, другому помочь найти комнату и т. п. В таких делах Ленин никогда не приказывал; он только просил. Я нашел у себя одну очень характерную для Ленина записку, в которой

Владимир Ильич просит нас не издавать никогда его сочинений без его разрешения, ибо, по его словам, его речи записываются очень плохо. Повторяю, что во всех этих записках не было ни одного приказа, а только просьбы. Надо сказать, что некоторые очень злоупотребляли готовностью Владимира Ильича всегда помочь товарищу и обращались к нему со всякими пустяками. Надо получить обед в столовой Совнаркома, получить комнату или еще что-нибудь, обращались к Ленину, и никогда не слышали от него отказа. На днях мне тов. Невский рассказывал, как он говорил с Лениным во время голода. Когда разговор был окончен, Невский, прощаясь с Лениным, извинился, что он оторвал его от работы. «Это ничего, об этом надо было поговорить,— ответил Ленин,— но вот телефоны, телефоны... Из-за всякого пустяка обращаются ко мне».

* * *

Приведу еще несколько воспоминаний о встречах с Лениным.

Весной 1906 года Ленин приехал в Москву, чтобы обсудить здесь с товарищами тезисы большевиков к Стокгольмскому съезду. Я в то время был членом Московского окружного комитета. Хотя громадное большинство и в комитете, и в организации было на стороне большевиков, мы повели по отношению к меньшевикам слишком нерешительную, соглашательскую тактику. Эта тактика дала самые скверные результаты по отношению к выборам в 1-ю Думу. Кое-где бойкот был проведен при нашем участии, кое-где мы участвовали в выборах по первой стадии. Не была целиком проведена ни та, ни другая тактика, хотя при тогдашнем настроении рабочих Московской губернии тактику бойкота провести было возможно.

Владимир Ильич явился на заседание Московского окружного комитета. На этом собрании мы горько каялись в сделанных нами ошибках. Владимир Ильич слушал и упорно молчал. «Да выругайте вы нас лучше»,— шутя сказал ему один из товарищей. «Поздно, товарищи,— ответил ему Ленин,— надо было по сильнее ругать вас раньше, да, по-видимому, никто этого не делал. А теперь дело так испорчено, что никакой руганью не вернешь сделанного. Теперь надо думать, как в будущем исправить ваши ошибки».

При обсуждении в Москве проектов большевистских резолюций для Стокгольмского съезда много споров вызвал проект резолюции о Советах рабочих депутатов. На меня эти споры произвели глубокое впечатление. Я принадлежал к числу тех товарищей, которые с большой опаской глядели на участие в Советах нерабочих элементов, боялись мелкобуржуазного засилья последних. Я боюсь сделать ошибки, излагая теперь эти прения. Но, во всяком случае, могу сказать, что я ушел с собрания с вполне ясным убеждением, что Ленин рассматривает Советы не только как органы борьбы, но и как органы власти. Я думаю, что мысль о Советском правительстве уже тогда была в голове Владимира Ильича.

Припоминаю из того же периода один разговор с Н. А. Рожковым, который был тогда в рядах большевиков и принимал участие в обсуждении резолюций. «Я не могу согласиться с Лениным в одном,— сказал Рожков,— Ленин думает, что в Западной Европе уже созрели условия для социалистической революции, и революционный взрыв в России поведет к социалистической революции на Западе. Я с этим согласиться решительно не могу».

Еще один факт, показывающий, как глубоко, далеко и проницательно заглядывал в будущее Владимир Ильич.

Несколько воспоминаний из времени Учредительного собрания.

Вспоминается, как живая, фигура Ильича, сидящего на приступках трибуны председателя. На выложенные речи Чернова и Церетели он не обращал никакого внимания. Сперва он что-то писал, а потом просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь.

Около 11 часов вечера большевистская фракция потребовала перерыва для совещания. Перед нами встал вопрос, что делать дальше. Выступил Владимир Ильич.

— Центральный Комитет предлагает уйти с Учредительного собрания после оглашения соответствующей резолюции,— предложил Владимир Ильич.

— А что же будут делать эсеры после нашего ухода? — спросил кто-то из товарищей.

— Вероятно, будут продолжать свою болтовню.

— До каких же пор они будут продолжать ее?

— Пока им не надоеет это занятие.

После некоторого колебания было решено последовать совету Ильича. Для прочтения резолюции был назначен тов. Раскольников. Мы все стали собираться к возвращению в залу заседания.

— Как, товарищи? Вы хотите вернуться в залу и уйти оттуда после прочтения нашей резолюции? — спросил нас Владимир Ильич.

— Да.

— Да разве вы не понимаете, что наша резолюция об уходе, сопровождаемая уходом всех нас, так действует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсеров и меньшевиков? — был ответ Ленина.

Многие с ним согласились не сразу. Но после второй энергичной речи Ленина его предложение было принято. Большевики не вернулись в залу заседаний. Одни разошлись по домам; другие наблюдали сцену с хор, из дверей и т. п. На заседание вернулся один тов. Раскольников, который прочитал декларацию и ушел. На солдат караула она произвела громадное впечатление. Многие из них взяли винтовки на изготовку. Товарищ, бывший на хорах, рассказывал мне, что один из солдат даже прицелился в толпу делегатов-эсеров. Еще момент, и могла бы разыгратись ужасная сцена.

Знают ли, подозревают ли бывшие депутаты-эсеры, что только Ленину они обязаны спасением от смерти?..

* * *

В своей московской жизни Ленин был чрезвычайно скромным человеком. Жил он в Кремле, в помещении, которое примыкает к Совнаркому. Это — четыре небольшие комнаты, из которых Ленин выбрал себе самую маленькую — площадью около 36 кв. аршин, комнату, проходную, да, кроме того, как говорят, в ней были скрипучие полы, так что всякий, кто проходил мимо, отрывал его от работы. Но он не соглашался ни на перемещение, ни на ремонт. Теперь эта комната отремонтирована, но ему уже не пришлось воспользоваться ею.

Помню как-то, кажется в 1919 году, я зашел вечером по делу к Надежде Константиновне. Показываю часовому пропуск, звоню, отворяется дверь — открывает ее сам Ленин. У них была одна прислуга, но она была занята в это время, и председатель Совнаркома не задумался оторваться от работы и отворить дверь. Он повел меня к Надежде Константиновне, а сам пошел работать. Потом подали чай; пришел Владимир Ильич. Но тут обнаружилось, что у них не хватило ложечек: на четырех человек их было только две, и приходилось их переключивать из стакана в стакан. К чаю не было дано ничего, кроме черного хлеба и масла. Факт характерный.

Еще один факт: как-то к Ленину явилась группа крестьян. В Совнаркоме было довольно холодно, и по окончании разговора один крестьянин спрашивает его: «Что же у тебя, Владимир Ильич, как холодно?». «Да дров,— говорит,— нет, надо экономить». Через некоторое время в Москве был получен на имя Ленина вагон дров, который прислали ему крестьяне, и письмо, в котором было сказано: «Вот посылаем тебе вагон дров, сложи печку, а если нет печника, напиши, мы пришлем своего, у нас в деревне такой есть».

Вот какие изумительные взаимоотношения существовали между этим человеком и народной массой.

* * *

Прибавлю несколько слов о работе Ленина. В Совнаркоме разрешалось говорить докладчику 5 минут, а ораторам только 3 минуты. «Тут, товарищи, не митинг; агитацией заниматься нечего, нужно говорить только дело»,— говорил Владимир Ильич. Поэтому Ленин всегда держал в левой руке часы. С одним товарищем вышел такой случай. Он хотел опровергнуть противника и начал свою речь издали: начал излагать мысли противника; на это ушли все его три минуты. «Ваше время окончено»,— прервал его Ленин. «Как, я сказал только то, что думает противник, я еще не успел изложить свои мысли».— «Ничего не поделаешь». Страшный хохот, в котором принял участие и Владимир Ильич. Товарищу пришлось записаться во вторую очередь, чтобы сказать уже то, что он думает по этому поводу.

Итак, первым делом Ленина было следить за тем, чтобы каждый употребил на речь не больше трех минут.

Кроме того, он в это же время просматривал иностранные газеты или какие-то корректуры. Затем время от времени схватывал бумагу и писал кому-нибудь записку. Потом получал ответные записки, читал их. И все время внимательно прислушивался к тому, что говорит каждый товарищ. В своем заключительном слове он великолепно резюмировал все речи, все существенное, что было в них сказано, и предлагал обдуманное и обоснованное решение. По отношению к своим речам Владимир Ильич был так же суров: и их он сокращал до установленного регламентом времени.

Была сделана колоссальная ошибка, что в Совнаркоме не стоял фонограф и не присутствовала стенографистка, чтобы записывать речи Ленина. Стенографировались только его большие речи на больших собраниях. Между тем эти маленькие речи по три—пять минут были очень блестящими речами, полными содержания; в них Ленин часто вкладывал больше того, что он вкладывал в большую речь. Если бы все это записывалось, то мы имели бы богатую сокровищницу. Но все это пропало, а вспомнить эти многочисленные речи, конечно, нет никакой возможности. Такая же судьба постигла его записки, которых он писал множество. Эти записки или тут же разрывались, по старой конспиративной привычке, или клались в карман и там затирались, или просто терялись. Большая часть записок, к сожалению, потеряна.

* * *

Строя колоссальные планы электрификации всей России, которые потребовали бы десятков миллиардов рублей, Ленин был вместе с тем удивительно экономным, бережливым хозяином там, где расходы не вызывались необходимостью. Вспомните его проект о вывешивании на улицах газет для чтения и о том, что эти газеты должны прибиваться к доске деревянными колышками, чтобы сэкономить железные гвозди, ибо железа в то время у нас было совсем мало. Помню еще такой случай. В Горках, в парке, было несколько сухих деревьев; решили их срубить. Владимиру Ильичу показалось, что одно из срубленных деревьев не совсем сухое. Из-за этого дерева он поднял целый скандал. Нашли виноватого. «А ты сам вырастил хоть одно такое дерево?» — спрашивает Ленин. «Нет». — «А сколько было труда положено на него, сколько оно росло. Посадите его под

арест». В конце концов удалось убедить Владимира Ильича, что он ошибается, что дерево было действительно сухое.

Ленин иногда сильно ругался, но его слова не оставляли на душе скверного осадка. Было всегда только неприятное сознание, что ругает он за дело. В моей жизни это был единственный человек, от которого я безболезненно выслушивал самые резкие упреки. К нему относились,— ну, как к отцу. Ведь вы не станете на своего отца сердиться, если он ругнет за дело. И такое отношение было у всех. Попадало от него очень многим, но говорят об этом всегда с самым добродушным смешком, как о самом приятном воспоминании.

* * *

Еще одна характерная черта. Владимир Ильич страшно не любил, когда по отношению к нему проявляли заботу: после покушения на Ленина в 1918 году была установлена слежка агентов, которые следили за ним, чтобы предохранить его от нападения. Им приходилось от него буквально прятаться. Например, отправляется в Горках Ленин погулять; за ним отправляются чекисты, но им надо идти так, чтобы Ленин не видел; еще увидит, то пошлет назад. Когда Ленин жил в Кремле, он часто выходил гулять по Кремлю, причем к нему могли обращаться все, кто хотел. Обыкновенно красноармейцы обращались к нему по своим делам; он охотно вступал с ними в разговоры, и из разговоров он почерпал то знание масс, которое нас в нем поражало. Меня всегда удивляло, как человек, который сидит в Кремле, видит рабочую массу только на митингах да на съездах, между тем так прекрасно знает, что думает и что чувствует эта рабочая или крестьянская масса. В разговорах с товарищами Ленин удивительно умел расспрашивать их о настроении масс. Верхи его интересовали гораздо меньше. Как живут рабочие в этой местности? Что думают? Чем интересуются? Вот вопросы, которыми засыпал Владимир Ильич приехавшего из провинции собеседника в начале своего разговора. И только выспросив все по этим вопросам, он переходил к разговору о верхушках. Это всегдашнее прошупывание масс было одной из характернейших и изумительнейших черт Ленина.

«Печать и революция», 1924.
Кн. 2. С. 1—14.

— Владимир Ильич! Вот хорошо, что вы заглянули! — радостно сказал Бонч-Бруевич, пропуская гостя в переднюю. — Я все эти дни мысленно беседовал с вами... Раздевайтесь, пожалуйста. Проходите ко мне.

— Весна-то какая чудесная! С улицы уходить не хочется, — говорил Ленин, проходя в небольшой кабинет хозяина.

На подоконнике стояли горшки с тюльпанами. Владимир Ильич нагнулся к цветам. Потрогал пальцем землю.

— Сухая! Сейчас польем!

Принес из кухни ковшик воды и осторожно полил тюльпаны. Владимир Дмитриевич виновато сказал:

— Я их каждый день поливаю.

— А сегодня забыли? — Ленин улыбнулся.

— Забыл! — добродушно сознался высокий, широкоплечий Бонч.

— О чем же вы собирались посоветоваться со мной? Я вас слушаю.

Веселая улыбка исчезла с лица Ленина. Он внимательно смотрел на собеседника. Бонч-Бруевич начал рассказывать:

— Три месяца прошло тысяча девятьсот шестого года. Реакция все сильнее давит на наши партийные издания. Журнал «Наша мысль» закрыли. Где теперь печататься большевикам? Кто будет распространять наши книги?.. На последнем заседании журнала мы долго обсуждали этот вопрос и решили создать партийное издательство. Как вы к этому относитесь, Владимир Ильич?

Ленин оживился. Поднялся со стула, несколько раз прошелся по комнате и остановился около Бонча.

— Великолепно, Владимир Дмитриевич, великолепно! Когда наступает реакция — издание большевистских книг становится делом чрезвычайной важности. Попробуйте. Но откуда вы возьмете деньги? Их понадобится немало.

— Две тысячи у нас есть. Это пустяк, конечно. Но я всегда говорю, что для такого дела нужны не деньги, а энергия.

Ленин, прищурившись, поглядел на говорившего и улыбнулся. Он хорошо знал неукротимую энергию Бонч-Бруевича.

Вспомнил, как в Женеве Лепешинский однажды размечтался о библиотеке и читальне для эмигрантской колонии. Бонч на лету подхватил эту мысль, и уже через два-три дня все эмигранты получили от него горячие, настойчивые письма. Он просил передать в фонд будущей библиотеки книги, рукописи, листовки. И эмигранты понесли ему все, что так тщательно берегли. Прошло несколько дней, и комната в снятом им помещении наполнилась книгами. Среди них попадались редчайшие издания! А рядом — читальня, где на столе всегда лежали русские газеты, а в шкафах поместился «архив»: революционные документы, рукописи, прокламации. И все это было сделано без единой копейки из партийной кассы. Бонч просто с удивительным упорством неотступно напоминал различным редакциям, организациям и отдельным людям об эмигрантской библиотеке...

— Я уверен, Владимир Дмитриевич, что вы добьетесь своего, и партийное издательство будет существовать. Но все-таки узнайте: если в партийной кассе есть деньги, пусть вам помогут.

Не теряя времени, Бонч-Бруевич принялся искать помещение. Оно должно быть дешево, удобно в конспиративном отношении и расположено близко от центра.

Узкая, совсем короткая улица Караванная, но она выходит на Невский проспект. Это очень важно. На Невском можно встретить кого угодно и купить все, что пожелаешь. На Невском с утра до вечера множество людей. Владельцы магазинов считают очень выгодным снимать помещения на Невском, но стоят они здесь слишком дорого!

Дом № 9 по Караванной улице показался Бончу подходящим: от Невского совсем рядом, недорого, квартира расположена в глубине двора, в первом этаже, имеет парадный и черный вход, удобна для книжного склада. И особенно важно то, что старший дворник сочувствует революционерам. Дворники всегда непосредственно связаны с полицией, и от них многое зависит.

И вот в снятом помещении сразу стало шумно. Цельный день плотники строгают, колотят, устанавливают

полки. Книг сначала было маловато, хотя небольшие издательства «Утро» и «Марксист» сразу передали магазину «Вперед» свои издания для распространения. Постепенно все наладилось, и новое партийное издательство начало свою большую и нужную работу.

Ленин стал постоянно заходить на Караванную. Там он правит корректуру своих статей, встречается с товарищами по партии.

Владимиру Ильичу тридцать шесть лет. Он выглядит молодым, подвижным, бодрым. А когда засмеется — всех заражает своим смехом. Даже молчаливый, угрюмый латыш Юлиус, упаковщик издательства, и тот расплывается улыбкой.

Работает Владимир Ильич удивительно: целиком погружается в свою рукопись. Рядом с ним, на складе, шум, грохот, громкие голоса, особенно в те дни, когда из типографии приходит новая книга. А Владимир Ильич, низко наклонившись над столом, пишет и ничего не замечает. Принесут ему стакан чаю, он поблагодарит кивком головы, не отрываясь от рукописи. Зайдут через час за стаканом, чай стоит холодный, нетронутый. Владимир Ильич забыл о нем. Но сотрудники издательства помнят и всегда стараются остывший чай заменить горячим.

Почти все сотрудники издательства — опытные революционеры. Многие из них сидели в царских тюрьмах, некоторые побывали и в ссылке. Это люди различных профессий: педагог, несколько врачей, медичка, художник. Большая, нужная работа партийного издательства всех объединяет.

Кассиром в магазине работает врач Евгений Порфирьевич Первухин. Называют его «Порфирыч».

Охранка следит за издательством «Вперед». Нередко сыщики под видом покупателей являются в магазин. Оттуда вход во внутренние комнаты. Продавцы и кассир Порфирыч бдительно наблюдают за этой дверью: никто из посторонних не должен войти в нее. Особенно если во внутренних комнатах Ленин.

— Владимир Ильич, там вас спрашивает какой-то рабочий, говорит — писатель, да я сомневаюсь, — озабоченно сказал кассир.

— Зовите, зовите его сюда, Порфирыч. Это парень с Путиловского.

И вот стоит перед Ильичем молодой рабочий, переминается с ноги на ногу, не знает, куда шапку поло-

жить. Ленин придвинул ему стул, усадил его и заговорил:

— А ну-ка посмотрим, что вы для нас написали!

Читает Владимир Ильич и одобрительно кивает головой.

— А вы говорили, что писать не умеете! Вон как хорошо начали...

Дочитал и повернулся к рабочему:

— Вот здесь вы не совсем точно выразились. По-видимому, вы хотели сказать так...

Рабочий утвердительно кивает головой и повторяет:

— Да, да!.. Я как раз так думал, как вы говорите, Владимир Ильич, только написать не сумел.

— Ну, значит, мы так и исправим.— Ленин что-то зачеркнул, сверху быстро надписал что-то. Внимательно выправив статью, сказал: — Это мы сейчас же отдадим в печать.

Когда довольный, окрыленный рабочий ушел, Владимир Ильич обратился к Воровскому, сидевшему тут же:

— Из него может выйти толк. Вацлав Вацлавович, поинтересуйтесь, как он живет. Вот адрес. Посмотрите, может быть, нужно помочь. Пусть обязательно пишет еще. Нам необходимо иметь больше рабочих авторов.

..Стоя на стремянке, молодые продавщицы отбирали книги на верхних полках. Видят — вошел Владимир Ильич. Приветливо говорит:

— Не свалитесь!.. Кому библиотечку подбираете?

— Заводу резиновой мануфактуры.

— Когда будет готова, покажите, пожалуйста, мне.

Владимир Ильич всегда напоминает, что библиотечки для рабочих должны быть составлены особенно тщательно. Литературу он знает прекрасно. Невозможно понять, когда успевает все прочесть.

Молоденькая продавщица, волнуясь, принесла готовую библиотечку.

Владимир Ильич внимательно перебрал все книги, спрашивает девушку:

— А много ли вы сами читаете?

— Все свободное время, Владимир Ильич! У нас нельзя работать, не зная книг.

— Да, не читая, с книгами работать невозможно! — соглашается Ленин.

И, конечно, сотрудники издательства «Вперед» старались хорошо знать свою литературу.

Жили впередовцы дружно. В горячие дни, когда надо было быстро, до конфискации разослать книгу, все работники издательства, бухгалтерии и магазина помогали на складе. Знали, что, если тираж боевой книги хотя бы на один день останется в издательстве, его конфискуют. Приходилось задерживаться до поздней ночи.

— Давайте складчину устроим,— предложит кто-нибудь.— Купим булок, колбасы к чаю.

Если Ленин был в издательстве, он всегда принимал участие в складчине.

Завесив в кухне окно, рассаживались за большим столом. Усталость не мешала шутить и смеяться. И душой таких чаепитий был Ленин.

— Вацлав Вацлавович, вы что нахохлились?

Воровский не отозвался на шутку. В глубокой задумчивости он мешал ложечкой чай. Услышав вопрос Ленина, словно проснулся и поднял лицо.

— Слышали, что говорит Владимир Дмитриевич?

— Признаться,— нет!

— Он уверяет нас, что издательство «Вперед» станет одним из самых больших в России и что книги, выпущенные здесь, попадут в каждый уголок нашей страны. А я ему сказал, месяца через два полиция прихлопнет «Вперед».

— Владимир Дмитриевич умеет мечтать. Но мне кажется, в данном случае мечты его нереальны. Боюсь, правы вы, Владимир Ильич! Сегодня я получил из Москвы сообщение, что там запрещена моя самая безобидная статья...

— По-моему, скоро нас совсем печатать не будут,— добавил Ольминский.

Воровский медленно глотал чай, держа стакан тонкими длинными пальцами, а сам продолжал думать что-то свое.

Удивительным человеком был Воровский. Когда он говорил о какой-нибудь книге, невольно хотелось перечитать ее, даже если ты хорошо помнил содержание. Начинало казаться, что упустил в ней самое важное.

Воровский признавался — куда бы он ни шел, его всегда тянет свернуть на Караванную. В издательстве среди множества книг и дышать легче, и голова лучше работает. Любил Вацлав Вацлавович книги и много о них знал! Разыскивая какую-нибудь очень ему нужную, чуть не каждый день заходил и справлялся:

— Нашли?

А когда он получал книгу, то брал ее, листал и не мог оторваться.

С Лениным они часами говорили о книгах. Владимир Ильич спросит:

— Неужели вы не видели эту брошюрку, Вацлав Вацлавович?

— Даже не слышал, Владимир Ильич! — смущенно ответит Воровский и вынимает блокнот.

Потом начинаются розыски. Книжники обычно недолго любили «брошюрятину»: сколько времени из-за пятак потеряешь. Но для таких, как Ленин и Воровский, маленькая брошюрка порой значила очень много...

Закончив вечернюю работу, из издательства выпускали сначала кого-нибудь одного, как бы на разведку. Если у ворот дежурил сыщик, выходили все вместе, целой толпой, останавливались вблизи сыщика и начинали шумно прощаться. Служащих издательства шпики знали хорошо и мало интересовались ими, а Ленин тем временем незаметно исчезал.

Вскоре более или менее спокойные дни, когда охранка обыскивала «Вперед» один раз в месяц, сменились постоянной тревогой. Раз в неделю, а то и чаще, запирали двери магазина. Около них стоял навытяжку бравый городской, никого не пропуская. А в магазине и на складе начинался обыск.

Вместе с полицией являлись сыщики. Заберутся на стремянки и начинают с верхних полок скидывать на пол все до последней книжечки. Огромная куча книг вырастает, а полки — пустые. Городовые и сыщики топчутся грязными сапожищами по книгам, мнут, рвут их, пачкают. А сотрудники должны молча стоять у стен: отойти не разрешалось. Смотреть на негодяев невыносимо, — так бы и бросился на них! Да разве справишься с такой оравой...

Хозяину дома № 9 по Караванной надоели постоянные обыски, и он отказался сдавать Бонч-Бруевичу помещение. «Вперед» переехало с Караванной на Итальянскую. Но и на новом месте продолжались налеты полиции. Шпионы нагтели. Они уже не отходили от дверей издательства. Революционеры знали об этом и совсем перестали посещать магазин.

Ленин еще в августе 1906 года переехал из Питера в Финляндию, на станцию Куоккала.

Недолго просуществовало издательство «Вперед» и на новом месте, на Итальянской.

Как-то среди дня послышался необычайно громкий топот по лестнице. В издательство поднимался большой наряд полиции. У входа встали сыщики и полицейские, комнаты наполнили охранники и городовые.

Обыск кончился. Всем сотрудникам предложили выйти. Захлопнулась дверь. Громко щелкнул замок. Запахло горячим сургучом, и на двери повисла печать жандармского управления.

«Вперед» закрыли навсегда. Это было в июне 1907 года.

Владимир Ильич, скрываясь от шпионов, поселился на станции Куоккала, на даче, называвшейся «Ваза». Это близко от Петербурга, но Финляндия считалась отдельным княжеством, и жандармы меньше хозяйничали там. Многие революционеры довольно свободно жили в Финляндии. Ленин, приняв все меры предосторожности, даже ездил иногда в Питер, а товарищи бывали у него...

Вот на эту дачу «Ваза» осенью 1907 года к Ленину приехали бывшие сотрудники издательства «Вперед»: Бонч-Бруевич, его жена Вера Михайловна и Михаил Степанович Ольминский. Встретила их Надежда Константиновна.

— А Ильич в лесу. Наверно, газеты читает. Идемте, я провожу на его полянку. Это недалеко.

Среди пожелтевших берез и темных мохнатых сосен сидит на пеньке Ленин. В руках у него газеты, но он не читает, о чем-то задумался.

Здороваясь с приезжими, говорит:

— Хорошо, друзья, что вы вместе явились: нам во что бы то ни стало нужно создать новое партийное издательство. Вы прекрасно знаете, как важно партии иметь свою литературу и рассылать ее по стране.

— Конечно, Владимир Ильич. Но как это сделать? — сказал Бонч-Бруевич. — «Вперед» попало в черный список полиции. Открыть издательство снова никогда не разрешат. Организовать другое не на что: средств у партии нет...

— Подумайте, товарищи. Я уверен, что выход найдется.

Ольминский поднялся с земли и прошелся по полянке.

— Что касается денег, мы соберем, — твердо заявил он. — Для начала — вот мои золотые часы. Их можно в ломбард заложить

Вера Михайловна вынула из кошелька и положила рядом с часами золотую десятирублевку.

Ленин поглядел на часы Ольминского и на золотую монетку. Они скромно поблескивали в траве около пенька.

— Капитал солидный! — рассмеялся он.

Всем стало весело.

Но Бонч-Бруевич вдруг серьезно сказал:

— Все же мы и с таким капиталом попробуем наладить нужное партии дело.

И действительно, вскоре новое издательство под названием «Жизнь и знание» стало выпускать одну книгу за другой. Оно в течение пяти лет занимало комнатку на квартире Бонч-Бруевича и только в 1913 году переехало на Фонтанку, 38, где градоначальник разрешил открыть книжный магазин «Жизнь и знание».

Товарищи осуществили мысль Ленина. Правда, его самого в России уже не было. Еще в конце 1907 года, когда слезка усилилась, Ленин с дачи «Ваза» переехал в глубь Финляндии. Но и там оставаться было опасно. Пришлось эмигрировать.

«Жизнь, не подвластная времени». М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 31—38.

В.И. Ленин и М. Горький

...Когда перед III съездом партии я перед отъездом в Лондон, куда направились другие делегаты, заехал на несколько дней в Женеву, Владимир Ильич жадно расспрашивал меня о России. Ему, уставшему от меньшевистского заграничного «засилья», от той эмигрантской склоки, которая царила в русской женевской колонии, хотелось от человека, только что приехавшего из России, от своего человека, слышать о том, что там происходит. В наших деловых беседах — со мной и А. А. Богдановым, который в эти дни также был в Женеве, — Владимир Ильич ожил, повеселел. «Повоюем, черт возьми, повоюем!» — возбужденно и весело повторял он, слушая наши сообщения о положении дел в России.

Деловые разговоры завершались часами отдыха, дружеской шуточной беседой...

Проходили наши беседы по вечерам и за кружкой пива, в одной из женевских пивных, в которой не бывали члены русской колонии. Владимира Ильича интересовали не только внутривластные организационные отношения на местах, перипетии борьбы большевиков с меньшевиками, не только сообщения о жизни нижегородско-сормовской и других организаций, которые были мне более близко знакомы. Он, видимо, отдыхал, слушая мои повествования о нарастании революции, о революционном настроении в городах, об условиях подпольной работы, о «явочной» реализации свободы собраний, свободы слова в заводских и фабричных районах. Он расспрашивал о мелочах бытового порядка — изменениях в бытовом укладе рабочих, интеллигенции. Его волновали рассказы о рабочих-комитетчиках: ему нужны были фамилии, портреты, описание манеры их речи, способа мышления, отношения к интеллигентам-комитетчикам и пропагандистам. Мои деревенские впечатления, сообщения о пропагандистской и агитационной работе сормовичей по деревням его особенно радовали.

— Это очень важно и это очень хорошо, что рабочие идут в деревню для агитации. А с эсерами справляют-

ся? — с некоторой тревогой спрашивал он. И удовлетворенно кивал головой, когда я рассказывал о победах и одолениях, одерживаемых рабочими над эсеровскими гастролерами.

Ленина, умученного бледной, тоскливой лексикой жевневских дискуссий, на которых успешно подвизались перед интеллигентской аудиторией меньшевистские златоусты, волновал даже язык моих сообщений. Он нередко улыбался, услышав не совсем обычное выражение в характеристике того или иного меньшевистского деятеля, хранителя комитетской печати, или неожиданное, по словесной формулировке, описание наших местных фракционных состязаний. Ильич неоднократно принимался хохотать во время рассказа о моем посещении, под охраной нескольких бравых большевиков, важного меньшевистского собрания в Женеве, на котором Мартов должен был делать доклад о предстоящем партийном съезде.

Меня поразила торжественность поцелуйного обряда, который пред лицом всей благоговейной аудитории публично совершали П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Мартынов, Мартов. «Весь иконостас, всех святых подняли против безбожных большевиков», — недоумевал я по поводу этой церемонии. Особенно позабавило его описание той тревоги, которую вызвала в почтенном собрании моя скромная особа.

При виде моей обширной тогда бороды, моих решительных спутников в президиуме зашептали, зашущукали. Мартынов, жалостно потирая вспотевшую лысину, от чего-то упорно отнекивался, но неумолимый Дан, пламенный Мартов что-то убедительно ему втолковывали, осторожно кося глазами в наш зараженный угол. Бедный Мартынов с явной неохотой подчинился, и аудитории в довольно невразумительных выражениях было сообщено, что доклада о партийном съезде не будет, но что тов. Мартынов прочтет доклад по аграрному вопросу. Аудитория встретила сообщение без малейшего признака восторга, на многих лицах промелькнуло даже выражение мучительной тоски, раздалось кое-где робкое шиканье, послышались вопросы: как? почему? Мартынов?.. Но шустрые девицы пробежали по рядам и быстро успокоили бунтовщиков, не желавших учиться аграрной мудрости у Мартынова. Мартынов долго и мучительно мыслил вслух, не сводя концов с концами своей путаной речи. А огорченные слушатели злобно смотрели в нашу сторону.

— Это они вас, нового человека, испугались! — разъяснил мое комическое недоумение Ильич.— Приехал, видимо, из России новый человек, явный большевик, никому неведомый. Ну, смутить может нетвердых, вот и принесли в жертву Мартынова...

— Откуда у вас такой язык? — допрашивал Ильич, когда я рассказывал ему о своем огорчении по поводу неудавшегося покушения на деньги толсторожего фламандского торговца скотом.

В вагоне, уже в Швейцарии, я нашел в уборной бумажник этого купца и отдал ему. После этого завязался общий разговор в нашем купе. Швейцарские мещане расспрашивали о России, о русском царе, о войне. И вот я надумал обратиться к лошадятнику с просьбой помочь делу русской революции, хотя бы в награду за мою услугу. Но пока я в уме сочинял на немецком языке нужные мне фразы, фламандец исчез, сойдя на небольшой станции. Владимир Ильич весело разъяснил мне глубину моей наивности, всю безнадежность моего, к счастью, несостоявшегося покушения на кошелек честного европейского буржуа.

Мне и до сих пор приятно вспомнить, что я доставил своей бесхитростной речью вчерашнего бурсака, выросшего в деревне и напитавшегося воздухом рабочего Сормова, кратковременный отдых Владимиру Ильичу, задышавшемуся в ту пору в обстановке эмиграции.

Одним из первых вопросов Ильича был вопрос о Горьком: «Что делает? Какое отношение к партии? Участвует ли в литературной деятельности местных организаций?» Говорил, что нужно беречь его, не расходовать на частные, мелкие местные дела, что не нужно, в частности, привлекать к писанию прокламаций, так как стиль Горького, стиль большого художника, обратит на него подозрение любого грамотного жандарма. Если уж привлекать к работе по литературной линии, то только, говорил Владимир Ильич, для документов общепартийного характера.

— Это очень, очень хорошо,— неоднократно повторял Ильич,— что Горький с нами. Горький — настоящий революционный писатель, у него громадный талант, он не ноет, не любит интеллигентской слякоти, и это хорошо.

Рассказывал ему я о внимании Горького к членам организации, к их нуждам, о том глубочайшем интересе,

который проявляет писатель к росту сознания рабочих, к их культурным запросам, к сдвигам в быту. Ильич морщился, когда я упоминал, что Горький иногда увлекается «героизмом» бомбометателей социалистов-революционеров, умеющих красочно повествовать о своей приключенческой подпольной жизни и деятельности.

— Ну, это художник в нем говорит. И это не страшно,— правда? Нужно, чтобы он поближе узнал рабочих. В нашей повседневной борьбе больше подлинного героизма, чем в шумихе эсеров. Вы понимаете, как это важно,— настойчиво разъяснял Владимир Ильич,— к нам, к делу революции, к рабочему классу идет, пришел большой художник. И нельзя к нему относиться, как к любому члену организации,— неоднократно подчеркивал он. Ленин одобрительно кивал головой,— «вот, вот!» — когда я передавал ему воспоминания Алексея Максимовича о народнических попытках его политического и культурного воспитания, оставивших в сознании Горького тяжелый осадок.

Характерно, что вопрос о денежных отношениях, связанных с именем Горького, интересовал Ленина в меньшей степени. Ильич внимательно слушал мой рассказ о встречах и беседах Горького с Саввой Морозовым, Бугровым, Сироткиным, о том, как он умело и успешно извлекал из них деньги на «студентов», на «конституцию». Одобрил мое поведение в деловых встречах с Морозовым, Сироткиным, удовлетворенно встретил сообщение, что Никитич (Л. Б. Красин) в курсе всех этих «связей», что меньшевики не имеют к ним никаких отношений.

— А напишет Горький об этих своих «друзьях»? — спрашивал Ленин.— Ну, конечно,— сам отвечал он,— напишет, и напишет хорошо...

Первая встреча Горького с Лениным состоялась в конце ноября 1905 года (по старому стилю), вскоре после приезда Владимира Ильича в Россию, накануне дней Московского декабрьского восстания.

В самом конце ноября, а по любезно сообщенной мне автором записи в дневнике К. П. Пятницкого¹, единст-

¹ В настоящее время и его уже нет в живых; К. П. Пятницкий умер, к сожалению, не оставив подробных записок о всем им виденном и слышанном. (Прим. авт.)

вённого, кроме меня, оставшегося в живых свидетеля этой встречи, 27 ноября, мы с Алексеем Максимовичем явились на общую петербургскую квартиру Горького и Пятницкого (на Знаменской улице).

Горький только что оправился от болезни; я останавливался у него проездом из Нижнего в Питер, и выехали мы из Москвы вместе. Горький был весь пропитан московскими впечатлениями, настроениями кануна декабрьских дней. Горький собирал деньги на оружие, оружие волокли в его квартиру и уносили из нее; одна из студенческих боевых дружин, кавказская, в целях «охраны» писателя, дневала и ночевала в его квартире, пугая своей веселой «учебной» стрельбой благонамеренных буржуазных соседей Горького.

По приезде в Питер я встретился с товарищами в редакции «Новой жизни»¹, где царил в те дни П. П. Румянцев и где стоял вечный шум и гам. Толкалась всякая газетная публика, тут же сновали питерские товарищи по делам местной организации, сюда же являлись приезжие из провинции. Слышались радостные возгласы людей, встречавшихся ранее только в ссылке, в тюрьмах да при беглых свиданиях на явках и в конспиративных квартирах. Веселый угар революционной весны, неожиданной явочной «легализации» людей, их настоящих имен и отношений, делал невозможными деловые встречи и заседания в помещении редакции.

Говорили, что нужно устроить заседание ЦК, поговорить о делах редакции «Новой жизни». Возник вопрос — где? Организовавший собрание П. П. Румянцев предложил отдельный кабинет одного из ресторанов — не помню, Палкина или Доминика. «Ведь все равно обедать нужно», — убеждал Петр Петрович. Я и А. А. Богданов, присутствовавший при разговоре, удивились пределам «легализации», удивились и дорогому ресторану.

— Но там же и редакция «Начала»² заседает, — заверял нас Румянцев.

— Ну, это совсем не резон, — заметил я. — Вон у нас в Нижнем кадеты в партию членов вербуют и записывают у буфетной стойки клуба. Да и денег стоит ресторанный удовольствие.

¹ Газета «Новая жизнь» выходила с 27 октября (9 ноября) по 3(16) декабря 1905 г.

² «Н а ч а л о» — легальная меньшевистская газета, издававшаяся в конце 1905 г. в Питере. (Прим. авт.)

Мы предложили устроить заседание на квартире у Горького: там оно и состоялось. Присутствовали Владимир Ильич, А. А. Богданов, Л. Б. Красин, П. П. Румянцев. Из нечленов ЦК были М. Горький и я, в то время кандидат в члены ЦК. За обедом и за чаем после заседания присутствовал и К. П. Пятницкий, заботливо организовавший кормежку гостей.

Горький много рассказывал о московских событиях и настроениях, о похоронах Баумана, о черной сотне, о вооружении рабочих и студентов, о настроении интеллигенции, картинно описывал уличные сцены. Владимир Ильич слушал с неослабным вниманием. Его особенно, как и всегда, интересовали те мелочи, конкретные детали, факты, слова, которые давали свежее, непосредственное впечатление действительности. Здесь впервые узнал он Горького как рассказчика и с первого же раза оценил громадное значение его наблюдений и заключений о людях и событиях.

— Учиться у него нужно, как смотреть и слушать! — нередко говорил о Горьком Владимир Ильич и постоянно жаловался на бедность фактического содержания, на художеские речей и корреспонденций многих партийцев, в общих фразах которых исчезало все своеобразие конкретного момента, данной ситуации.

Время, в которое происходило заседание, было тревожное, ответственное. Приближались решающие дни декабря. Владимир Ильич взвешивал каждый факт, каждое слово. Вопрос о вооруженном восстании, которому так много внимания было посвящено на III съезде, подготовкой к которому все лето и осень были заняты большевистские организации, из стадии обсуждения переходил в порядок завтрашнего дня. Мои сообщения о создании в Нижнем Новгороде гражданской милиции, о боевых сормовских дружинах, о вооруженном отпоре черной сотне, об учебной летней стрельбе сормовских рабочих в Дарьинской роще, о широкой агитации сормовичей по деревням, об охране ораторов на городских митингах воспринимались Владимиром Ильичем с полным одобрением. Алексей Максимович жил революцией, и его сообщения о Москве, о вооружении рабочих шли в том же направлении. И уезжали мы в Москву после заседания с отчетливым сознанием неизбежности дальнейшего хода событий и нашей работы в направлении к вооруженному восстанию.

Ставились на заседании вопросы литературного порядка, к которым прямое и непосредственное отношение имел Алексей Максимович. Прежде всего Владимиром Ильичем был резко поставлен вопрос о ликвидации поэта Минского как члена редакции «Новой жизни»¹.

— «Новая жизнь» — партийный орган, и в нем не место, тем более в руководящем центре, людям, не имеющим к партии никакого отношения.

Владимир Ильич предлагал идти на всякие жертвы денежного порядка, вытекающие из договорных отношений возникновения газеты как органа легальной печати. «Теперь такое положение нетерпимо...» Горький с полным одобрением отнесся к предложению Ленина. Владимир Ильич с улыбкой предложил меня в исполнители решения.

— Вот Строев человек здесь новый, не связанный никакими деликатными отношениями. Он завтра же и ликвидирует поэта. — На слове *деликатными* Владимир Ильич сделал особенное ударение, намекая, очевидно, на П. П. Румянцева, который слишком увлекся газетной сутолокой и вносил в жизнь редакции не совсем желательный тон.

Я уклонился от поручения ввиду необходимости отъезда в Москву, да и запутаться боялся в неясных для меня финансовых отношениях газеты. Выполнение ликвидации поручено было тогда П. П. Румянцеву: он и провел ее вполне успешно.

Другой вопрос того же порядка был об издании большевистской газеты в Москве. Ряд лиц из лекторской московской группы — М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, Н. А. Рожков и др. — решили издавать газету. Средства предложил московский книгоиздатель С. А. Скимунт, причем предложил он их именно на большевистскую газету. Скимунт настолько был уверен в победе революции, что, снимая помещение для редакции «Борьбы», заключил с домовладельцем контракт ни более ни менее как на пять лет.

¹ Минский Н. (Н. М. Виленкин; 1855—1937) — русский поэт, декадент. Воспользовавшись наличием у Минского разрешения на издание газеты, большевики по цензурно-тактическим соображениям пригласили его в октябре 1905 г. в качестве формального редактора газеты «Новая жизнь». Фактически редактирование осуществлял В. И. Ленин. Однако Минский начал выступать против позиции большевистского ядра редакции и в ноябре 1905 г. был выведен из редколлегии газеты.

Инициаторы хотели, чтобы газета была подчинена непосредственно Центральному Комитету партии, а не местному, московскому. Насколько мне помнится, они не смогли договориться с Иннокентием (Дубровинским), который настаивал на необходимости издания популярной массовой агитационной газеты. Будущие же редакторы «Борьбы» мыслили свою газету как политический орган типа больших ежедневных газет. В их понимании «Борьба» — большая пропагандистская социал-демократическая газета — должна была вести борьбу с буржуазной прессой, должна была заместить демократическому читателю такую газету, как «Русские ведомости».

Представитель ЦК в Москве, В. Л. Шанцер, носивший в товарищеской среде кличку Марата, категорически заявил мне при моем отъезде в Питер, что он не желает иметь дело с «интеллигентами».

— Так и скажите Ильичу, — говорил он мне, — не буду я путаться с их газетой, да и некогда мне!..

Что ему было некогда, в этом отношении он был прав: работу Марат выполнял громадную. И его арест в первых числах декабря, накануне восстания, был большим ударом и для московской организации, и для партии в целом. Неприятие же «интеллигентов» вытекало, конечно, исключительно из «неистовости» Марата. Ведь в числе этих «интеллигентов» были такие лица, как Покровский, Степанов, Рожков — в те дни пылкий большевик. Но Марат был непоколебим в своем отрицательном отношении к будущей «интеллигентской» газете. И Горький подтвердил, что, если оставить московских товарищей на попечении Шанцера, из газеты ничего не выйдет.

— А газета в Москве, и именно такая, какую задумали товарищи, крайне нужна, — говорил Горький. — Надо бороться и за интеллигенцию, надо положить конец засилию московских либералов, этих непризнанных наследников Грановского. Покровский, Степанов и Рожков успешно бьют их на митингах; нужно, чтобы это полезное занятие они могли продолжать и в печати.

Возможно, что Шанцера напугали не столько будущие редакторы, партийцы из лекторской группы, сколько те буржуазные интеллигенты, которые, превратившись на короткое время в пламенных социал-демократов, готовы были принять участие в большой ежедневной газете. Припоминаю, что во время нашей беседы

с Шанцером на московской квартире Горького к нам подошел поэт Бальмонт, объявивший тогда себя социал-демократом, и в упор спросил: «А можно ли будет мне писать в социал-демократической газете об испанском театре?» Я ответил ему, что именно как раз об испанском театре мы и ждем от него статей.

А Марат бушевал: «Вот и путайся с ними! На кой черт дался нам его испанский театр!» Ильич смеялся, когда мы рассказывали о бунте Шанцера.

— Это на него похоже,— говорил Владимир Ильич.— И нужно считаться с его желаниями, да и трудно там ему одному.

На заседании было решено послать в Москву второго представителя ЦК, в частности и для вступления в редакцию «Борьбы» от имени и с полномочиями от ЦК партии. Таким представителем ЦК я и был послан в Москву, в то же время и в качестве члена редакции «Борьбы» с правом *veto* (запрета) по вопросам принципиального порядка. Владимир Ильич настаивал, чтобы Горький, член редакции, принял возможно более активное участие в новой газете.

Появление новой большевистской газеты совпало со днями Московского вооруженного восстания, выпущено было всего девять номеров. А после разгрома восстания о возобновлении газеты не могло быть и речи. Выпущавшаяся группой сотрудников «Борьбы» уже в 1906 году товарищеская, «на паях», газета «Светоч» была только бледной копией «Борьбы».

Я не знаю, встречались ли Ленин и Горький в России после того ноябрьского заседания 1905 года, о котором я говорил выше. Думаю, что нет. В Москве не было Горького, когда приезжал туда в начале 1906 года Ленин. Не приходилось слышать и о том, чтобы виделись они в Финляндии, когда Владимир Ильич жил в Куоккале. Тесные дружеские отношения между Лениным и Горьким установились действительно только уже в дни перед V съездом и на самом съезде. Но для Владимира Ильича начиная с 1905 года Горький был вполне своим человеком, близким и дорогим партии. И во время «осадного положения», созданного для партии победой меньшевиков на IV, Стокгольмском съезде, для всех партийцев не подлежало сомнению, что М. Горький примыкает к партии как большевик.

Не помню от кого,—возможно, и от меня,—шла инициатива приглашения М. Горького на съезд. Но со стороны Владимира Ильича эта мысль встретила самое горячее одобрение. В большевистском центре, продолжавшем свое существование и в промежуток между Объединительным и V съездом, решение о приглашении Горького на съезд было принято без всяких возражений. Проведено оно было и через ЦК партии, большинство в котором принадлежало меньшевикам; большевиков в его составе было только трое: Л. Б. Красин, А. А. Богданов и я; большевиком Ф. Э. Дзержинским была представлена Польская социал-демократическая партия, к большевикам в большинстве случаев примыкал и представитель Латышской социал-демократической партии. Едва ли кто-либо из меньшевиков, членов ЦК, возражал против приглашения писателя, крепко связавшего себя с пролетариатом и пользовавшегося громадной популярностью среди рабочих-партийцев, независимо от принадлежности их к той или другой фракции. Разумеется, меньшевикам было вполне ясно, что Горький на съезде будет гостем большевиков. Его большевистские симпатии и связи были хорошо известны меньшевикам. Недаром Г. В. Плеханов на съезде в Лондоне попросил меня познакомить его с Горьким в следующей недвусмысленной форме: «Познакомьте же меня наконец с вашим Горьким»,— причем слово *вашим* Георгием Валентиновичем было резко подчеркнуто.

Мне было предложено товарищами проехать на Капри, где тогда жил Алексей Максимович, пригласить его на съезд и приехать с ним вместе в Копенгаген. Алексей Максимович так и решил — ехать немедленно, но он заболел, а мне необходимо было торопиться в Копенгаген к приему товарищей, уже выехавших из разных концов России на съезд.

Как известно, съезд состоялся не в Копенгагене, а в Лондоне. В Копенгаген съехались уже почти все делегаты. Приехал в Копенгаген и Владимир Ильич, приехал Плеханов. На другой день предполагалось открытие. Владимир Ильич договорился со мной идти вместе в музей.

— Только уйдем потихоньку, чтобы нас не заметили,— на ухо ставил он условие.— А в какой музей, это уже ваше дело...

Почему Владимир Ильич считал меня таким знатоком искусства Дании и ее музеев, для меня осталось тайной.

Но не удалось Ильичу посмотреть работы Торвальд сена. Представитель Датской социал-демократической партии Ганзен сообщил нам, что делегаты должны немедленно покинуть Данию, так как датское правительство не может разрешить съезд на территории королевства. Отказ от гостеприимства, которое заблаговременно было согласовано социал-демократией Дании с ее властями, последовал под давлением царского правительства. В случае неподчинения распоряжению о немедленном выезде из страны датское правительство, любезно разъяснил нам Ганзен, немедленно вышлет делегатов съезда на родину, в Россию. Когда мы указали, что у Дании нет общей с Россией сухопутной границы, нам напомнили, что мы забываем о Балтийском море. Решили перебраться в Лондон. Г. В. Плеханов настаивал на Париже, ссылаясь на свои парижские «связи». Но, очевидно, его телеграфные сношения с французскими буржуазными радикалами и социалистами, «друзьями» царской России, дали отрицательные результаты. И громадному по количеству участников съезду пришлось с значительными, не предвиденными ранее денежными издержками переехать в Лондон.

Вот тогда-то, между прочим, впервые русские социал-демократы путешествовали по Западной Европе в «пломбированных вагонах», так как датское правительство потребовало, чтобы делегаты до того портового города, где должна была иметь место посадка на пароход, ехали в запертых вагонах, чтобы у них не было общения с местным населением.

Мы с Владимиром Ильичем, вдвоем, поехали в Берлин, хотя проезд делегатов через Германию датским правительством был категорически воспрещен, возможно, в результате соответственного дружеского сообщения из столицы Пруссии. М. Горький вместе с М. Ф. Андреевой к этому времени уже приехали в Берлин. Несколько дней, проведенных в Берлине, очень сблизили Горького и Ленина. Неоднократно встречались они по вечерам. Вместе были в Тиргартене, ходили по театрам.

В одном из театров — не помню в каком — попали мы на спектакль, в состав которого входили и балетные номера. Сидели мы в первых рядах партера. На громадной сцене выстроился целый батальон девиц, которые под музыку раскрывали цветные зонтики, тыкали ими в направлении зрительного зала и не очень стройно задирали ноги выше головы. Девиц было больше сотни,

красотой особой они не отличались; их танец больше похож был на упражнение прусских новобранцев в гусиной шагистике, чем на служение высокому искусству. Владимир Ильич заметил:

— Казармой прусской пахнет: русские цари это дело куда лучше понимают, да и денег мужицких не жалеют... Дворянская монархия щедрее на искусство, чем буржуазная...

После спектакля мы поняли, почему несчастные балерины действовали на зрителей только своей численностью да головокружительным задирием ног, а не мастерством. Едва ли не все «балерины» в костюмах показной и крикливой жалкой роскоши, выйдя из театра после своего номера, длинной цепью выстроились на тротуаре, робко прижимались к стене зданий и упорно ждали клиентов. Оказалось, что балерины были набраны на сдельную работу преимущественно из приказчиц магазинов Вертгейма. Здесь, на панели, они продавали себя, так как нищенское жалованье, получаемое ими в магазине, вместе с дополнительным заработком в театре не давало им возможности прокормиться и прилично одеваться, как того требовали условия работы в магазине. Выступления жалких балерин на сцене за дешевую плату были для них прежде всего, да, пожалуй, и только, рекламой, ставившей их на какую-то большую высоту по сравнению с уличными проститутками.

Помню также наше совместное свидание с Каутским в летнем саду при каком-то ресторане. Свидание организовала Роза Люксембург, которую мы с Владимиром Ильичем посетили предварительно. Свидание с Каутским Владимир Ильич считал необходимым и полезным, так как Каутский в это время проявил некоторую способность к правильному пониманию движущих сил русской революции. Владимир Ильич и пытался закрепить Каутского в его настроениях, ослабив тем позиции меньшевиков в западноевропейской социал-демократии.

Разговор шел через переводчицу. Владимир Ильич, хотя и свободно владел немецким языком, не счел нужным для себя отказаться от услуг переводчицы. Переводчица была М. Ф. Андреева; пыталась выступать в этой роли и Роза Люксембург, но у нее это совсем не выходило. Она не столько переводила, сколько комментировала сказанное кем-либо из собеседников и часто, вместо того чтобы точно передать смысл речи Каутского, она вступала с ним в оживленный шуточный спор.

Своеобразное выполнение функций переводчика Розой Люксембург нередко вызывало дружный смех и вносило оживление в довольно сдержанное общество в первый раз встретившихся людей.

Владимир Ильич четко формулировал каждую свою мысль и внимательно следил за точностью перевода. Но Мария Федоровна, свободно владевшая рядом европейских языков, была великолепной переводчицей и затруднялась только тогда, когда собеседники употребляли те или иные специальные научные термины,— тогда ей дружно помогали.

Предполагалась новая встреча с Каутским, но она не состоялась, потому что и первая носила слишком «семейный» характер и по своим результатам не представляла для Владимира Ильича особой ценности. Каутский, похожий тогда по внешности, да и по манере речи, на русского интеллигента, либерального земца или профессора, внимательно присматривался к Ленину и, по существу, уклонялся от серьезного разговора на политические темы. Он явился на свидание вместе с женой, и они больше обращали внимания на Горького и Марию Федоровну, на знаменитого писателя и талантливую артистку, чем на товарищессу из родственной, но все же *не своей* социал-демократической партии.

Для выхолащенных бюрократов-чиновников из ЦК Германской социал-демократической партии русская революция была совсем далеким и прежде всего беспокойным делом. Для них на первом плане стоял подсчет голосов на выборах в рейхстаг да рост партийной кассы и фондов профессиональных союзов. От своих русских «товарищесс» они прежде всего ожидали покушения на эти драгоценные фонды и всячески старались застраховаться от них. И при свиданиях с русскими товарищами они были корректны и лояльны до неприличия, до прусской грубости. Каутский был неизмеримо культурнее их. Но и Каутский в беседе с нами оставался прежде всего «европейцем». Роза Люксембург прекрасно понимала это. Она не щадила своего друга «Карла» и громко расхохоталась, когда Владимир Ильич выразил ей свое недоумение по поводу того, что Каутский при прощании обратил такое серьезное внимание на формы обмена визитами и на возможности повторения такой беседы. «Плохо еще вы знаете наших европейских товарищесс»,— поспешила она разъяснить нам свой неожиданный смех.

В Лондон мы ехали вместе, вчетвером в одном вагоне и на одном пароходе через Ла-Манш. Владимир Ильич не отрывался от окна, когда проезжали промышленные районы Германии. «Немецкому пролетариату нужна более революционная партия, чем нынешняя германская социал-демократия с ее Vorstand'ом (ЦК партии) чиновников»,— говорил он, показывая на сплошные линии огней фабрик и заводов.

Берлинские встречи, общение в пути сильно сблизили Владимира Ильича и Алексея Максимовича. Обучили даже дорогой Владимира Ильича карточной игре в «тетку», за которой на Капри нередко отдыхал Горький. Эта игра — винт наизнанку, в которой нужно не набирать взятки, а, наоборот, брать их как можно меньше,— забавляла Владимира Ильича. Он весело потирал руки, шутил, награждая Алексея Максимовича и его партнера взятками, ворчал при неудаче на своего партнера, а Алексей Максимович, относящийся весьма серьезно ко всякой игре, даже в подкидные дураки, с комической деловитостью отмалчивался.

В Лондоне М. Горький жил особняком от остальных участников съезда, в большой гостинице в центре города; остальные делегаты разместились на окраинах, поблизости от той церкви, в которой происходили заседания. Алексей Максимович хотел устроиться поближе к съезду, но Ленин настоял, чтобы Горький жил в хороших квартирных условиях. Мы втроем занимали в гостинице две смежные комнаты — одну большую, в которой жили Алексей Максимович и Мария Федоровна, и маленькую, мою, которая в то же время была и нашей столовой и приемной. Владимир Ильич проявлял большое внимание к устройству Горького, заботился о его здоровье. Прямо с вокзала он вместе с нами отправился искать помещение для Горького. Алексей Максимович рассказывает, что Владимир Ильич даже простыни его постели осматривал. И это верно, только делал это Владимир Ильич не однократно, а в ряде гостиниц, которые мы обошли. «Может быть, они сырое белье положили?» Его особенно поразило то, что в одной из окраинных гостиниц мы даже клопов в постели усмотрели. «Клопы? В культурнейшей Англии?» — недоумевал, и даже как бы с некоторым злорадством, Владимир Ильич.

В. И. Ленин неоднократно говорил мне: «Не нужно, чтобы Горький все время торчал на съезде. Устанет он, не выдержит нашей дискуссии!.. Пусть побольше в кулу-

арах побудет, с рабочими поближе познакомится. Ему полезно это. И воздух в зале скверный...»

А воздух в церкви иногда был действительно тяжелый. На одном из заседаний что-то случилось неладное с трубами газового освещения. Воздух был отравлен, два-три делегата — почему-то все меньшевики — даже потеряли сознание и были извлечены из зала. А заседание все же продолжалось. И Горький искренне недоумевал: «Дохнут, дьяволы, а спорят»...

М. Горький был исправнейшим посетителем почти всех длительных и утомительных заседаний съезда. Каждый день утром везла нас неуклюжая закрытая карета по улицам Лондона к окраинной церкви. Горькому, по состоянию его легких, тяжело было опускаться и подниматься в люки подземки и ехать, особенно по тем ее участкам, где подземный туннель был забит удушающим угольным дымом паровиков: не на всех еще линиях применялась электрическая энергия. Первое время архаическая, диккенсовских времен, карета производила сильное впечатление на делегатов, особенно на меньшевиков, но потом к ней привыкли.

Часами Горький простаивал в церкви, прислонившись к колонне. Внимательно присматривался к необычной для него публике, своим пребыванием превратившей скромную церковку лондонского захолустья в историческое здание. Съезд был многолюдный. На нем был собран цвет интеллектуальных и организаторских сил революционного пролетариата России. Здесь была представлена вся страна, пролетариат многочисленных ее национальностей. Большевистская фракция по своему составу резко отличалась от меньшевистской: в громадном большинстве своем она была рабочей. Для Горького это было особенно убедительно и важно. Он видел, чувствовал, что рабочий класс России гигантски вырос, в свои руки взял дело своего освобождения, что ему не страшны неизбежные еще потери, тяжелые поражения. Вместе с товарищами по фракции он верил, что окончательная победа рабочего класса — только вопрос времени, видел, что под руководством железной большевистской когорты он решительно стал на тот путь, который приведет к конечной победе пролетариата во всем мире.

Рабочие, делегаты с Урала, из Иваново-Вознесенского района, с Кавказа, из Питера и Москвы, с юга России и из Сибири, давали Горькому как художнику бога-

тейший материал для наблюдений. Во время перерывов, во время холодных завтраков и обедов в помещении съезда он завязал знакомства, превратившиеся потом в дружеские отношения. С рядом рабочих эти отношения закрепились и во время лекций по русской литературе, которые в воскресные дни Горький читал для желающих съездовцев в Гайд-парке.

На Горького и на Владимира Ильича сильное впечатление произвело мое сообщение, что в первую ночь по приезде в Лондон несколько делегатов, рабочие, отказались переночевать в тех помещениях, куда впопыхах пытались засунуть их бундовцы, взявшие на себя обязанность размещения товарищей. В частности, целую ночь пробродили по улицам Лондона несколько человек из той группы делегатов, которым был отведен ночлег на конвейерных койках рабочего ночлежного дома, предоставленного к услугам съезда муниципальным управлением одного из округов Лондона. Я только что вернулся из этого ночлежного дома, куда меня вытребовали товарищи. Рабочих смутили пятнистые, грубые простыни на двухэтажных нарах, не смененные после ряда ночлежников, сложные, не особенно приятные запахи, грязь на полу, на длинных невымытых столах.

— А это здорово,— говорил, потирая руки, Владимир Ильич.— Выросли культурные потребности... Вот вам Европа,— встретили варваров товарищи англичане: привыкли русские к грязи, для них все хорошо...— Ему сочувственно вторил Горький.— А всех этих бродяг собрали, не растерялись они, шатаясь ночью по улицам незнакомого города?— вдруг забеспокоился Владимир Ильич...

В моей памяти — одна из первых после 1917 года встреча Горького с Лениным. Это было вскоре после покушения эсерки Каплан на жизнь Ленина¹. Владимир Ильич был оживлен, радостно потирая руки, улыбался Горькому, торопил его:

— Ну, ну! Рассказывайте, говорите, что вас огорчает...

Зашел посмотреть на «земляков» Яков Свердлов. Владимир Ильич спокойно рассказывал о покушении, с полным знанием дела излагал историю болезни, как прошла операция.

¹ В. И. Ленин был тяжело ранен террористкой Ф. Каплан 30 августа 1918 г.

— На войне, как на войне! Еще не скоро она кончится...

Настойчиво угощал нас:

— Ешьте, сыр, хлеб свежий, мягкий. Вишни ешьте, только что куплены, вымыты...

Угощение было весьма скромное. Гостеприимный хозяин не знал, что у него не было чаю, и я потихоньку сходил в канцелярию, где у одной из служащих, старой моей приятельницы, нижегородки, добыл чаю на заварку для Председателя Совета Народных Комиссаров.

Горький сумрачно расспрашивал Владимира Ильича о здоровье, не отзовется ли на его работоспособности рана. Владимир Ильич осторожно, но свободно поднимал вверх руку, вытягивал ее, сгибал и выпрямлял. Горький бережно ошупывал шею, мускулы руки. Владимир Ильич стоял прямо и строго смотрел на Алексея Максимовича. Казалось, что жесты Горького, жесты сомневающегося Фомы, говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится яркий свет на завтрашний день и на весь доступный нашему зрению отрезок человеческой истории. И он убедился.

Когда — через годы и века — наши дети и далекие потомки будут любовно воссоздавать картину освобождения человечества, историки и художники, они, и особенно художники слова, красок, не один раз вспомнят одновременно и покажут Ленина и Горького вместе и рядом, великого вождя мирового пролетариата и организатора его первых побед в борьбе за социализм и пролетарского писателя, пролагающего пути к искусству бесклассового общества.

В. Десницкий. А. М. Горький. М.: Гослитиздат, 1959. С. 185—202, 216—217.

А.БОГДАНОВ

Первая встреча

Гениальность проста. Соединение простоты с гениальностью составляло — это признано всеми — основную черту в личности Ильича. На первый взгляд он не выделялся как будто ничем особенным, не поражал внешне. Но есть такие глубокие колодцы, в которых даже днем видны звезды. Таков был Ильич. От его наружности запечатлелись вспыхивающие синие огоньки в уголках глаз. Как будто изнутри в пламенном горне сердца рождались огни, из глубин высекались искры. Искры творческой работы. Мне как-то впоследствии пришлось видеть на картине изображение одного гениального музыканта в момент творчества. Художник пытался выразить мощь гения именно в огоньках глаз. И невольно пришли на память глаза Ильича.

Еще запечатлелась от прошлого напряженная стремительность фигуры Ильича во время некоторых речей, словно он собирал каждый свой мускул для удара. Таким хотят дать Ильича скульпторы в памятниках.

До встречи с Ильичем я уже много слышал о нем от его близких товарищей — Алексея Павловича Скляренко и Вадима Андреевича Ионова. Современная молодежь едва ли знает эти имена. Скляренко — старый большевик, талантливая, многосторонняя натура, ясный ум, чуткий товарищ, самый одаренный из группы самарцев, выдвинувших в свое время ряд известных в литературе имен. В тисках царизма громадное дарование Скляренко не могло развернуться. Искалеченный скитаниями по тюрьмам, ссылкам и этапам, он умер, далеко не дав того, что мог бы дать. Ионов — один из видных сотрудников первых марксистских журналов, умерший в 1902 году.

Скляренко много и с любовью рассказывал о самарском периоде жизни Ильича, о его замечательных организаторских способностях, о том влиянии, какое оказывал Ильич на всех своих молодых товарищей.

Ионов рисовал Ильича как одного из самых выдающихся ученых. Ильич тогда находился в ссылке в Сиби-

ри. Его имя еще не приобрело широкой известности, но в тесных революционных кружках, в редакции марксистского журнала «Жизнь» о нем уже говорили, его знали, и от него многого ожидали.

Потом в партийной работе с 1902 по 1905 год Ильич стал для меня и для многих из нас политическим руководителем.

Под влиянием его статей и книг: «Что делать?» и др.— складывалось мировоззрение всех, кто революционно работал среди пролетариата.

Впервые я встретился с Ильичем на общероссийской социал-демократической конференции в г. Таммерфорсе в ноябре 1906 года. Об этой конференции, кажется, не опубликовано, кроме резолюции, никаких материалов. Вот почему считаю необходимым остановиться подробнее и на описании самой конференции.

Таммерфорс — небольшой городок Финляндии. В те годы так называемая «свободная Финляндия» была наводнена шпионами и сыщиками царской охранки. Но Таммерфорс лежал в глубине лесов и озер, был удален от административных центров, и потому здесь после бурного 1905 года еще удавалось устраивать нелегальные съезды различных организаций.

Городок на европейский лад, маленький, живописный, с чистыми мощеными улицами, с красивыми постройками в немецком или шведском вкусе, похожий на вырванный кусочек из столичного центра, но уж никак не на наши уездные грязные города с унылыми одноэтажными похилившимися домишками.

Собрания происходили с соблюдением строгих мер предосторожности. Помещение для конференции было выхлопотано благодаря содействию гражданина Лео, редактора местной рабочей газеты. К нему же была дана приезжающим товарищам и явка.

В конференции участвовало тридцать два человека с решающим голосом, из них восемнадцать меньшевиков и четырнадцать большевиков, представителей областей Поволжья, Северного Кавказа, Донецкого бассейна, промышленного и других районов, а также Польши и Литвы. Я был представителем Поволжья.

Работали с утра до ночи. В промежутки между заседаниями устраивали фракционные совещания. Ильич намечал руководящую линию большевистской фракции, вносил резолюции, кажется, им же было написано и «особое мнение» большевиков по поводу принятого

конференцией постановления о выборах в Государственную думу.

Главное расхождение между большевиками и меньшевиками было в вопросе о соглашении с либеральной буржуазией при выборах в Государственную думу. Признать соглашение с буржуазией — это значило изменить революционной тактике 1905 года, начать мирно-законодательскую работу в Думе, отказаться от руководящей роли рабочего класса, признать главенство буржуазии, отказаться от руководства крестьянским движением. На этот путь тащили меньшевики, выявляя этим уже тогда свое предательское лицо.

Наоборот, большевики, с Ильичем во главе, признавали полную непригодность Думы в осуществлении требований рабочих и крестьянства. Ильич говорил и писал: «Мы, социал-демократы, воспользуемся выборами, чтобы сказать крестьянской массе и всем друзьям крестьянства: крестьяне только тогда смогут добиться земли и воли, если они будут действовать не ходатайствами, а борьбой, если они будут верить не царю и не посулам либеральных буржуа, а верить в силу дружной борьбы рука об руку с рабочим классом». Два дня продолжались прения по этому вопросу. Горячие бои шли также и по другим вопросам, например о «рабочем съезде», созывом которого меньшевики хотели растворить в беспартийной массе революционную подпольную партию, иначе говоря, уничтожить ее.

Для защиты своих позиций меньшевики выставили лучших ораторов, которые у них имелись: Абрамович, Мартов. Хорошим оратором считался Мартов. Его речь производила впечатление рассыпающейся ракеты, пересыпанной блестками остроумия.

Как резерв — уже по вопросу о «рабочем съезде» — выступил старый Аксельрод, производивший своей наружностью впечатление бурного льва.

Но холодно и неубеждающе звучали мастерские речи Абрамовича. Гасли, как мотыльки у костра, и бесследно пропадали где-то блестки речей Мартова.

Бессильно бурлил пламенно-стремительный Аксельрод. И речь Ильича оставила во мне самое глубокое впечатление. В чем же секрет действия этой речи?

Вскоре я понял. Про Маркса было кем-то сказано, что он вбивает свои мысли в голову читателя двутесными гвоздями. Так же и Ильич. Он двутесными, не знаю, может быть, и трехтесными гвоздями вбивал в голову

просто, последовательно, логично одно положение за другим. Ничего недосказанного, ничего неясного. До осязаемости четкая линия, зоркий орлиный взгляд не только в настоящее, но и в будущее, взгляд, подводящий итоги прошлого. А главное, Ильич в своей речи вскрыл и осветил то основное, что сразу давало осознать самое существо нашей работы. Словно кто сверху сильным прожектором осветил путь. Руководящая роль пролетариата, союз с крестьянством в революционной борьбе — вот главное, а все остальное — это лучи, расходящиеся от центра.

Получалось такое ощущение, что в голове сразу стали причесаны все мысли. И сделались понятными все остальные второстепенные вопросы, из-за которых ломались копыта: почему нужна партия, а не широкий рабочий съезд, почему профсоюзы должны строиться около партии и т. д.

Эту особенность убеждающих речей Ильича я чувствовал и впоследствии не один раз на протяжении ряда лет.

Не только в речах, но даже в вопросах или в отдельных, как бы вскользь брошенных замечаниях Ильич учил и заставлял помимо воли обращать внимание на то, что иначе ускользнуло бы из глаз. Сухие статистические цифры оживали, когда он спрашивал о чем-нибудь собеседника или говорил сам. Помню такой случай. Кажется, т. Сергеев докладывал на Таммерфорской конференции о росте организации в Луганске. Ильич, радостно принимавший это сообщение, особенно подчеркивал, что Луганск — район рабочих, что большевизм укрепляется именно среди рабочих, тогда как меньшевики имеют свою базу главным образом среди мелкобуржуазных элементов.

Во время одного из заседаний меньшевик Жордания рассказывал об успехе меньшевиков на Северном Кавказе. Горячий, экспансивный, как все кавказцы, Жордания увлекся и в пылу наговорил кое-чего лишнего. У них-де на Кавказе такое сильное стремление в партию, такая популярность меньшевиков, что отбою нет от желающих. «Даже буржуи вот такой толщины, — он показал руками, — в дверь не пролезут, а стараются пролезть в партию».

Ильич поймал пылкого кавказца на этих словах и остроумно язвил насчет меньшевистских широких дверей, куда охотно лезут буржуи. Большевизм на

Кавказе силен потому, что там преобладает мелкая буржуазия.

Никто, как Ильич, не уделял столько времени работникам на местах. С чрезвычайным вниманием расспрашивал он нас, интересовался каждой мелочью не только из жизни организации, но и вообще из быта революционеров.

Помню, как во время Гельсингфорсской конференции в 1907 году рассказы тов. Назара (Н. Н. Накорякова) о революционных днях на Урале приводили его прямо в восторг, и он несколько раз повторил, что хорошо бы побывать на Урале.

Особенно интересовался он революционным движением среди крестьянства, в частности в поволжских губерниях, откуда я приехал. Участием крестьянства в революционной борьбе Ильич придавал громаднейшее значение. В вопросе о крестьянстве большевики сильно расходились с меньшевиками. В таком крупном районе крестьянского движения, как Самарская губерния, работу среди крестьянства вели исключительно большевики.

В 1906 году в г. Самаре нами летом было устроено партийное поволжское совещание по аграрному вопросу, а также совещание крестьян, рабочих и беднейших самарских мещан. И не случайность, что самарская большевистская группа аграрников, работающих в деревне, и участников совещания, представляла из себя одновременно и нашу партийную боевую дружину. Вооружение крестьянства, подготовка его к организованной борьбе входили в большевистский план.

Я рассказывал обо всем этом Ильичу. Должен признаться, что Ильич по-товарищески, но строго пожурил меня за то, что мы мало корреспондируем о своей работе.

— Нельзя так, товарищи,— осведомляйте центр!

Вина за нами действительно была.

Информируя о работе на местах, я, между прочим, сообщил, что самарская организация приступает к изданию местной газеты, и просил Ильича, чтоб центр помог своим участием в работе.

Газета называлась «Самарская лука». Теперь из архивных данных стало известно, что в газету «Самарская лука» Ильичем была написана, но задержана охранкой статья.

Я состоял в редакционной коллегии, и после Таммерфорсской конференции весь литературный материал про-

ходил через меня. Могу засвидетельствовать, что редакция за этот период совершенно не имела сведений о посылке Ильичем каких-либо материалов в нашу газету. Но мы получили несколько статей Марка Тимофеевича Елизарова (мужа сестры Ильича — Анны Ильиничны), имевшего к газете самое близкое отношение. (Подробнее о «Самарской луке» мною написано в журнале «Пролетарская революция», 1925 г., июль.)

Несколько слов об Ильиче как о товарище — об этом писалось много. Ильич к каждому из нас подходил индивидуально, считался с особенностями. Может быть, это именно и было отчасти связано с его изумительной организаторской способностью. Он умел оценить каждого, указать соответствующее дело, найти место всякому колесику и винтику в большой машине организации.

Приведу такой случай. В Таммерфорсе мы были разбиты на группы, некоторые жили по двое и по трое в частных квартирах у финских граждан. Вместе поселились трое: тов. Дзержинский — представитель от Польши, Басок — представитель крестьянской Украинской Спілки и я. Дзержинский тогда был еще совсем молод: худой, стройный, как будто сосредоточенно замкнутый в себе. Меня трогала необычайная кристальная, почти детская его чистота, словно все его существо было заключено в горный хрусталь... Мне порой даже казалось, что в его глазах было нечто нежно-лирическое. «Красная девица» — раз в шутку назвали его.

Но с этой кристальной чистотой и мягкостью соединялась решительная самоотверженность и преданность делу революции. Ильич очень любил Дзержинского. Впоследствии я понял, почему именно его, этого идеально чистого человека, он выдвинул на такой ответственный пост, как Чека.

Иным было отношение Ильича к Баску. Последний — довольно-таки непривлекательная личность с неопределенными взглядами, как вообще неопределенна была и организация Спілка, пославшая его. И надо сказать, что впоследствии, после дней Октябрьской революции, Басок, судя по газетам, оказался в рядах петлюровцев.

Ильич как товарищ подходил к нам с большой заботливостью, вплоть до мелочей. Перед отъездом из Таммерфорса он давал советы и указания — как ехать, где сделать остановку. Так же было и на Гельсингфорсской конференции 1907 года. Мы должны были сделать остановку на станции Териоки, а оттуда в разное время —

не больше, чем по двое,— двигаться в Петербург. Предосторожности эти были необходимы, потому что охранка выслеживала нас. После Гельсингфорсской конференции двое из участников ее, депутаты Думы Чхеидзе и Полятаев, были задержаны на Финляндском вокзале, а меня арестовали на бывшем Николаевском вокзале.

В Таммерфорсе, в одну из свободных минут, Ильич выбрал время, чтобы прослушать несколько моих революционных стихотворений. Это было после одного из фракционных совещаний. Вместе с Ильичем был еще мой однофамилец — экономист А. А. Богданов (настоящая фамилия Малиновский). Оба сидели на столе,— я декламировал стоя. В общем, Ильич одобрительно отнесся к стихам, но расценивал их исключительно со стороны содержания и идеологической правильности. Между прочим, мною было прочитано одно из старых юношеских стихотворений, где говорилось, что революционный боец не имеет права на личное счастье. Вот выдержки из стихотворения:

Нежной любви искрометный бокал
Жизнь поднесла мне в минуту отрадную,
Помню, дрожащей рукой его взял,
Думал упиться с беспечностью жадною,
Но .. на прозрачном запенном дне
Слезы... лишь слезы почудились мне...
Мне показалась любовь преступленьем,
Тысячи стонов услышал я вдруг,
Заколыхались скорбные тени...
Выпал бокал из затрясшихся рук,
Выпал, разбился. Нежданная сила
Светлую сказку любви омрачила
.....
Как? В этот час, когда гибнут кругом,
Думать о собственном счастье своем?

и т. д.

Ильич нашел, что в стихотворении звучат старые интеллигентские перепевы, отрывка народничества, нет марксистского подхода к жизни. Его поддерживал Александр Александрович Малиновский.

Я в свое оправдание заметил, что в начале 90-х годов я действительно увлекался народничеством. Ильич улыбнулся.

— Ну вот, значит, я прав. Марксизм не отрицает, а, наоборот, утверждает здоровую радость жизни, даваемую природой, любовью и т. д.

Ильич очень любил природу. По окончании конференции мы устроили товарищескую прогулку за город

Таммерфорс к озеру. Стоял ноябрь, но озеро еще не замерзло. Вдали над водой — белокурые волнистые гряды тумана. Около берега компания финской молодежи каталась на лодке и пела однотонные, как сумрачный север, финские песни. Девушки в национальных цветных костюмах — голубое с белым.

На берегу — скала. Старая сосна с изогнутым красновато-бурым стволом и обнаженными корнями низко свесилась с обрыва скалы над водой.

И мы, как дети, поочередно, взбегали на скалу... Отдыхали, слушая песни...

А. Богданов. Избранная проза. М.: Гослитиздат, 1960. С. 253—261.

И.ЭРЕНБУРГ

В январе 1909 года

Большевистская группа собиралась в кафе на Авеню д'Орлеан, неподалеку от Бельфорского льва. На втором этаже имелся небольшой зал; как то принято в Париже, его предоставляли безвозмездно — посетители должны были оплачивать только кофе или пиво. Мы пришли одними из первых...

На собрании было человек тридцать; я глядел только на Ленина. Он был одет в темный костюм со стоячим крахмальным воротничком; выглядел очень корректно. Я не помню, о чем он говорил, но, будучи достаточно дерзким мальчишкой, я попросил слово и в чем-то возразил. Он ответил мне мягко, не обругал, а разъяснил — я того-то не понял... Людмила¹ мне сразу сказала, что я поступил глупо. Когда собрание кончилось, Владимир Ильич подошел ко мне: «Вы из Москвы?» Я ему объяснил, что в московской организации работал до января, потом был арестован, попытался устроиться в Полтаве, там разыскал товарищей. Ленин сказал, чтобы я к нему зашел.

Я разыскал дом на улочке возле парка Монсури (теперь я проверил — это была улица Бонье). Я долго стоял у двери — не решался позвонить; от недавней дерзости не осталось следа. Дверь открыла Надежда Константиновна. Ленин работал; он сидел, задумавшись, над длинным листом бумаги; чуть щурил глаза.

Я рассказал ему о провале ученической организации, о статье «Два года единой партии», о положении в Полтаве. Он внимательно слушал, иногда едва заметно улыбался: мне казалось — он догадывается, что я еще мальчишка, и это путало мои мысли. Я сказал, что помню на память адреса для рассылки газеты. Надежда Константиновна адреса записала. Я хотел уходить, но Владимир Ильич меня удержал; он стал расспрашивать — как настроена молодежь, кого из писателей

¹ Людмила и Савченко — мои товарищи по московской большевистской организации, находившиеся в 1909 году в Париже. (Прим. авт.)

больше читают, популярны ли сборники «Знания», на каких спектаклях я был в Москве — у Корша, в Художественном театре. Он ходил по комнате, а я сидел на табурете. Надежда Константиновна сказала, что время обедать; я решил, что засиделся, но меня оставили, накормили. Меня удивил порядок — книги стояли на полке, на рабочем столе Владимира Ильича ничего не было накидано — не похоже ни на комнаты моих московских товарищей, ни на квартиру, где жили Савченко и Людмила. Владимир Ильич несколько раз повторил Надежде Константиновне: «Вот прямо оттуда... Знает, чем живет молодежь»...

Меня поразила его голова. Я вспомнил об этом пятнадцать лет спустя, когда увидел Ленина в гробу. Я долго глядел на этот изумительный череп: он заставлял думать не об анатомии, но об архитектуре.

(Много лет спустя после смерти Ленина я взял воспоминания Н. К. Крупской. Надежда Константиновна писала, что Ленин прочитал мой первый роман. «Это, знаешь,— Илья Лохматый (кличка Эренбурга),— торжественно рассказывал он.— Хорошо у него вышло». Я был у Владимира Ильича в самом начале 1909 года; и я не знал, что снова с ним мысленно разговаривал — незадолго до его смерти — в 1922 или 1923 году, когда он читал мою книгу «Хулио Хуренито».)

Несколько раз я слышал Ленина на собраниях; говорил он спокойно, без пафоса, без красноречья; слегка картавил; иногда усмехался. Его речи походили на спираль: боясь, что его не поймут, он возвращался к уже высказанной мысли, но никогда не повторял ее, а прибавлял нечто новое. (Некоторые из подражавших впоследствии этой манере говорить забывали, что спираль похожа на круг и не похожа — спираль идет дальше.)

Ленин внимательно следил за политической жизнью Франции, изучал ее историю, ее экономику, знал быт парижских рабочих. Он не только говорил по-французски, но и мог писать на этом языке статьи.

В мае 1909 года я был на демонстрации у Стены коммунаров. Впереди шли участники Коммуны; их было еще много, и они бодро шагали. Мне они показались глубокими стариками; я думал о Коммуне, как о стране древней истории — ведь это было тридцать восемь лет назад! У Стены коммунаров я увидел Ленина; он стоял среди группы большевиков и глядел на стену — из камня выступали тени федератов.

Видел я Ленина и в библиотеке Сент-Женевьев, и на скамейке в парке Монсури, среди старух и детишек, и в рабочем театре на улице Гэтэ, где певец Монтегюс пел революционные песенки.

В пылу полемики против эсеров, пренебрегавших законами развития общества, я, разумеется, отрицал всякую роль личности в истории. Несколько лет назад я задумался над фразой из письма Энгельса: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии». Пример Ленина поставил многое на свое место.

Когда я пришел к Владимиру Ильичу, консьержка мне строго сказала: «Вытрите ноги». Разве она понимала, кто ее жилец? Разве понимал официант кафе на Авеню д'Орлеан, что о господине, который заказывает кружку пива, восемь лет спустя будет говорить весь мир? Разве догадывались посетители библиотеки, что человек, аккуратно выписывающий из книг цифры и имена, изменит ход истории, что о нем будут писать десятки тысяч авторов на всех языках мира? Да разве я, с благоговением глядевший тогда на Владимира Ильича, мог себе представить, что передо мной человек, с которым будет связано рождение новой эры человечества?

Владимир Ильич был в жизни простым, демократичным, участливым к товарищам. Он не посмеялся даже над нахальным мальчишкой... Такая простота доступна только большим людям; и часто, думая о Ленине, я спрашивал себя: может быть, воистину великой личности чужд, даже неприятен, культ личности?

Ленин был человеком большим и сложным. В бурные годы гражданской войны после исполнения сонаты Бетховена Исаем Добровейном Ленин сказал А. М. Горькому:

«Ничего не знаю лучше «Apassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по

головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм,— должность адски трудная!»

Я выписал эту длинную цитату из воспоминаний Горького, потому что она слишком тесно связана с моей жизнью и с моими мыслями, нет, местоимение не то — с нашим веком, с нашей судьбой.

И. Эренбург. Собр. соч.
М.: Художественная литература,
1966. Т. 8. С. 62—65.

В.И. Ленин в Брюсселе

Вечером я получил телеграмму из Парижа: «Приеду утром 25-го Ленин».

Канун большого дня всегда тревожен. Предстоящая встреча, как набежавший ветер, подхлестнула волны мыслей.

Ленин наезжал в Бельгию, когда того требовали дела II Интернационала, Исполнительный комитет которого находился в Брюсселе.

С 1905 года Ленин представлял в Интернационале¹ российскую социал-демократию.

Мне было двадцать два года, когда в 1908 году, бежав из ссылки, я приехал в Париж. Я явился к Ленину с рекомендацией от Инессы Арманд. Прочтя письмо, Владимир Ильич сказал: «Я вам дам серьезное поручение. Справитесь? — И сам ответил за меня: — Не сомневайтесь, справитесь».

На меня были возложены секретарские обязанности, то есть ведение текущих дел представительства и осведомление Ленина обо всем, что предпринимал Исполнительный комитет, особенно по русским делам.

В первое мгновение меня несколько смутило поручение Владимира Ильича: поговорить от своего имени и на свой риск и страх подготовить одного из лидеров II Интернационала, Эмиля Вандервельде, к некоторым неприятным для него шагам крайне левой части русской социал-демократии.

Стояла предвесенняя пора на исходе дождливой и туманной приморской зимы, конец января 1914 года. Проснувшись в день приезда Владимира Ильича, я распахнул настежь обе створки балконной двери во втором этаже, где жил. Светило солнце. Но было холодно. И вдруг сквозь солнце засеяла снежная крупа. Я остался на балконе, всматриваясь, не покажется ли из-за угла большой улицы тот, кого я ждал.

¹ В. И. Ленин входил в состав Международного социалистического бюро (исполнительно-информационный орган II Интернационала) с 1905 по 1912 г. В дальнейшем руководил работой представителей большевиков в этом органе.

И действительно, как только я взглянул в ту сторону, появились двое мужчин, обсыпанных снежной крупой. Мне стало досадно, как будто меня обманули.

Но сейчас же за ними показался еще прохожий. Это был Ленин.

Владимир Ильич не заметил меня на балконе. Он был сосредоточен на чем-то. Я бросился вниз. Продребезжал звонок. Я успел добежать до входной двери раньше, чем квартирная хозяйка: я любил сам встречать Владимира Ильича на пороге дома.

Ленин, очевидно, приготовился, что откроет кто-нибудь из посторонних: рука его была у борта шляпы и готова была приподнять ее над головой для принятого в обиходе приветствия. Но, увидев меня, своего, Владимир Ильич улыбнулся и по-товарищески крепко тряхнул мою руку. Эта чуть мелькнувшая непосредственная улыбка все осветила радостью. Владимир Ильич при встрече не дарил приветливостью, если бывал недоволен моей предыдущей работой.

— Газеты русские, питерские получены? Есть у вас? От какого числа? — спросил Ленин вместо «здравствуйте».

И этот вопрос тоже обрадовал меня. Обыкновенно, если Владимир Ильич бывал недоволен, то суховато произносил при встрече общепринятые приветствия. А теперь он сразу же посвятил меня в занимавшие его в эти минуты мысли.

— Как там прошла годовщина Девятого января? Много бастовало? Когда я выезжал, в Париже еще не было русских газет от девятого. К вам северный экспресс приходит, наверное, раньше, ну что ж там? Рассказывайте.

— В Питере, Владимир Ильич, больше полутораста тысяч бастовало, а в остальных городах очень немногу.

— А точно где сколько? Неужели не запомнили? Можно ли не запомнить?

— В Риге тысяч около ста.

— А в Москве?

— Не больше десяти тысяч. В Киеве, Николаеве тоже вроде этого, а в Твери, Варшаве меньше чем по пяти.

Владимир Ильич на мгновение остановился в передней, как будто взвешивая полученные сведения. В нем опять была та же сосредоточенность, в какую он был погружен, когда я увидел его приближавшимся к подъезду.

Оставаясь сосредоточенным, Владимир Ильич привычно четкими и живыми, но спокойными, неторопливыми движениями снял пальто, повесил его, затем положил на верхушку вешалки свою круглую шляпу, разматал с шеи кашне. Я, вопреки принятому обычаю помогать гостю, при раздевании Владимиру Ильичу не помогал, зная, что он этого не позволяет, и если ему помогают, то хмуро сердится на это, как на досадливую помеху.

Я повел Владимира Ильича вверх по лестнице в свою комнату над бельэтажем. И Ленин не оставил в передней, а захватил с собой всегда сопровождавший его в путешествиях маленький кожаный дорожный саквояж, много на своем веку выдавший, но всегда блестящий, как будто дорожная пыль и грязь обходили его.

С момента, как только Ленин поздоровался и заговорил, у меня родилось вначале смутное, а затем все более усиливающееся ощущение, что гость приехал не из такой же заграничной эмиграции, в какой жил я сам, а прямо из России.

Седьмой год шел с того времени, как Владимир Ильич по льду Финского залива ушел из России, а все казалось, что за границу он только что приехал и что за границей он только временный, случайный гость, а всем духом своим он там, на родине, в огне непрекращающейся битвы. Круговорот эмигрантской жизни не мог подчинить его себе. Его ощущения и оценки русских явлений оставались свежими и точными, и во всем своем обхождении с людьми он сохранял какой-то русский лад.

— У вас выспаться в тишине можно? — спросил Ленин.— Мне ровно на один час. Заметьте по часам. Если не проснусь, пожалуйста, разбудите. Вы ведь не уходите? Я не спал ночью. Ох, уж эти французские вагоны! Да и вообще европейские вагоны плохие. Наши русские куда удобней.

Войдя в комнату, Ленин поставил свой саквояж в сторону так, чтобы он не мешал, не лез в глаза, но и был под рукой, когда понадобится. Он умел, не ища, мгновенно находить каждой вещи в окружающем его обиходе должное место.

Стоявший в углу за ширмочкой ветхий чемодан мой вызвал улыбку Владимира Ильича:

— Починить отдать надо вам эту штуку. Время такое, что нашему брату следует держать чемоданы в порядке,— того и гляди, в Россию собираться будем. Ну, дайте пробежать глазами. Где они у вас?

В две-три минуты Ленин проглядел газетные листы и спросил меня, не отрываясь от чтения:

— Можете мне этот номер оставить в собственность?

Я ответил: могу.

Тогда Владимир Ильич торопливо, резко отчеркнул два места красным карандашом.

— А теперь немедля спать. Где же можно будет, чтобы не стеснить? Пожалуйста, только мне ничего не надо, кроме как умыться.

Я привел в порядок умывальник и налил в кувшин воды. Потом зажег газовый камин.

— Пожалуйста, не надо. Я сделаю все сам. Идите заниматься вашими делами.

Я вышел и вернулся с теплым пледом.

— Это вам еще на ноги, Владимир Ильич, теплее будет.

Но Ленин не ответил. Он был уже в постели, закрыл глаза. Пока я ходил разыскивать плед, Владимир Ильич успел умыться, раздеться и улечься. Я осторожно положил плед в ногах кровати. Ленин не открыл глаз: он уже начал засыпать.

Тысяча девятьсот четырнадцатый год начинался, казалось, хорошо. Тяжелые времена усталости и оцепенения, наступившие после поражения революции пятого года, уходили в забвение. Пробуждение, раз вспыхнувши и переломив сон, крепло. С конца десятого года Россия пришла в движение, и это движение всеми видимыми и невидимыми путями нарастало. Весны всегда начинаются середь зимы. Первый знак и проблеск весны загорается в январском голубеющем небе, когда еще давящие снега покрывают землю. Солнце, по народной примете, поворачивает в конце декабря на лето, и в тот самый день зима поворачивает на мороз.

Каждая новая весть, приходившая из России, приносила новую надежду. Ленин в открытке перед первым января писал мне, что до сих пор новогодние собрания эмигрантов были сочельниками воспоминаний, а теперь,

перед четырнадцатым годом, они станут вечерами надежд. Революция снова стояла у порога России.

Но чем круче поворачивало солнце на лето, тем злее поворачивала зима на мороз. Против революции воздвигались препятствия все разнообразней и все изощренней: и законодательство, насаждающее мелкого крестьянского собственника, и полицейские преследования, и провокации, и отупляющая проповедь бездеятельного неверия.

Как на повороте зимы солнце и стужа идут вместе, так и перед революционным русским ледоломом силы живительные и силы мертвящие смешивались меж собою. Готовились новые битвы. Сторонники и враги революции мобилизовались. Острее шли размежевки между действительными революционерами и теми, кто только прикрывался изменнически революционными фразами.

Наперерез внутренним российским событиям надвигалась мировая война; в 1911 году — война Италии и Турции из-за Триполитании, в 1912 году — война балканских союзников с Турцией, в 1913 году — война между балканскими союзниками по подстрекательству Германии и Австрии.

В этой сложной обстановке лидер II Интернационала Эмиль Вандервельде, а вместе с ним и весь Исполнительный комитет готовы были примириться с надвигающейся войной, как роковой неизбежностью, и уже начинали заранее искать оправданий для своего будто бы вынужденного бездействия. Застрельщиками примирения с войной, как неотвратимым фактом, были в Международном социалистическом бюро немецкие и австрийские социалисты. А Ленин в это время упорно, шаг за шагом, обучал, сплачивал, строил в боевые порядки передовые отряды тех будущих многомиллионных революционных сил, которым предстояло на протяжении грядущих десятилетий вести бои. Он видел на столетие вперед. Ради грядущих побед ему нужно было освободить основное ядро будущей революционной армии от неустойчивых, колеблющихся и изменнических спутников.

Второй Интернационал же видел только то, что было непосредственно перед его глазами. Для русского революционного движения он также рекомендовал мир и соглашение между сторонниками революции и изменниками революционному движению.

Второй Интернационал собирал силы против Ленина. Борьба внутри российской социал-демократии перера-

стала русские рамки, приобретая значение международное. Гроза нависала.

В этот раз я должен был сообщить Владимиру Ильичу о том, что подготовлялось против него за кулисами II Интернационала.

Прошло больше часа. А ведь Ленин просил разбудить его ровно через час.

Я тихо постучал в дверь — в ответ ни звука. Постучал еще раз, и опять ответа не было. Я взялся за дверную ручку, чтоб осторожно приоткрыть. Но чуть не упал: дверь дернулась внутрь и широко раскрылась. Владимир Ильич, смеясь, сказал:

— Ай, ай, вот и надейся на вас! Хорошо, что я сам проснулся. И заметьте, минута в минуту, как сам себе назначил. Хотите, я вас этому обучу? Просыпаться ровно когда надо. Впрочем, проснуться не так трудно, как заснуть по собственному желанию и на самое короткое время. Для этого надо уметь выключать работу сознания. Мне это иногда удается. Попробуйте. Это очень увеличивает работоспособность.

Владимир Ильич был уже одет, двери балкона были открыты, а кровать аккуратно застелена, плед положен отдельно и так, чтобы можно было его взять, не нарушая обычного расположения других вещей.

Все в комнате до мелочей оставалось точно на тех же самых местах, где было в ту самую минуту, когда я оставил Ленина одного. Мне это было хорошо знакомо: Владимир Ильич, располагаясь в чужой комнате для отдыха или для работы, всегда до щепетильности старался, как бы не сместить ни одной вещи и тем не потревожить порядка, заведенного хозяином. В чужом, интимном углу Владимир Ильич держался с бережной осторожностью. Он никогда не садился на стул, если надо было предварительно с этого стула что-либо снять, а если хозяин догадывался снять без просьбы, то Ленин уговаривал его не беспокоиться. В этом сказывались его чуткость и уважение к чужому стремлению жить по-своему и на свой лад.

Было еще рано, и я пригласил Владимира Ильича спуститься вниз, в столовую хозяйки, позавтракать. Владимир Ильич согласился, но предложил сначала наметить расписание дня.

Предстоял сильно занятый день. Вечером, в семь часов, Владимир Ильич должен был читать реферат о на-

циональном вопросе для делегатов Четвертого съезда латышских социал-демократов, открывавшегося в Брюсселе утром следующего дня. А до того надо было увидеться и посоветоваться с бельгийскими моряками, с которыми я завязал знакомство через брюссельские организации Бельгийской рабочей партии. Эти моряки отправлялись в скором времени из Антверпена на бельгийском торговом судне в южные русские порты. Я предложил при их помощи переправить в Россию нелегальные партийные издания. Владимир Ильич одобрил это и пожелал сам присутствовать при первом деловом разговоре. Свидание назначили в одной из задних комнат кафе «Народный дом» Бельгийской рабочей партии. В первой половине дня время должно было уйти на сообщения мои о делах Интернационала и ознакомление Владимира Ильича с письмами от русских организаций, которые вели свою переписку с Большевицким Центром по адресам разных почтенных бельгийцев; получая из России письма, они сдавали их мне нераспечатанными.

— Так вот какой наш день, Владимир Ильич: до половины первого мой рассказ вам о делах в Интернационале и просмотр русской переписки, потом обед, затем можете, по обыкновению, обыграть меня в шахматы или, тоже по обыкновению, проиграть мне в шашки.

— Ну это еще, батенька, бабушка надвое сказала...

— Затем от трех до пяти видимся с матросами, потом перерыв, а к семи — на реферат в ресторане «Золотой петух»; я снял там верхний изолированный зальчик. Согласны?

— Согласен, но с сожалением. Опять не удастся нам урвать хоть часик на осмотр института Сольвея. Не много ли вы кладете на вашу информацию и на просмотр почты?

На этот раз я в распределении времени несколько слукавил. Мне хотелось уговорить Владимира Ильича повидаться в тот же день утром с Эмилом Вандервельде. Сказать об этом раньше, чем представить Владимиру Ильичу положение дел в Интернационале, я не решился. Я знал, как Владимир Ильич не любит и как старается всегда избегать «дипломатических», непубличных встреч с руководителями Интернационала.

Позавтракали не торопясь, но очень быстро. Владимир Ильич за столом в обращении с хозяйкой пансиона выполнил все, что требовал принятый обиход. Были

сказаны все приветствия, поставлены все вопросы о здоровье, о житье-бытье и даже поддержан разговор о несносной бельгийской погоде, удовлетворено любопытство мадам ван Зеттер о зиме, какая стоит в нынешнем году в Париже, и сказано в утешение, что лондонские зимы хуже. И все это в очень приятной манере, но в сверхскупой краткости, каждый ответ — в точных пределах поставленного вопроса и таким образом, чтобы плавный разговор не нарушал взятого темпа завтрака.

— Ну-с, займемся нашими делами,— с живостью и возбуждением сказал Владимир Ильич, когда мы вернулись в верхнюю комнату.— Расскажите, что говорится и предпринимается в Интернационале нового. Я выехал из Кракова в Париж неделю тому назад и не видал ваших писем, следовательно, от середины января.

Ленин зашагал по комнате из угла в угол. Я стал рассказывать не в последовательной связи, а вырывая из событий только существенное ядро. Долгая практика научила меня такой манере: Владимир Ильич, пока не узнает сути, слушал нетерпеливо и опускал подробности, но зато когда добирался до сути, то, бывало, придиричиво добивался, чтоб я вспоминал и восстанавливал самые, казалось, мелкие подробности, если они нужны были ему для освещения сути.

— Общую обстановку, международную, в Европе Вандервельде сейчас не считает угрожающей... Последствия балканской войны погашены... до последней искры, по его мнению.

— А Жорес?

— Не так уверен.

— Неопределенно. У вас откуда это впечатление?

— Удалось с ним поговорить после его беседы с Вандервельде.

— Долгий был разговор? Подробный?

— Нет на ходу.

— А Виктор Адлер?

— Тот считает, что война между славянами — балканскими союзниками так ослабила позиции России на Балканах, что там все затихнет. Смолчала же, говорит, Россия после аннексии Боснии и Герцеговины в девятьсот восьмом году.

— Какой без пяти минут министр! Это у вас откуда? С ним самим разговор?

— Нет. Это передавали мне в Исполнительном комитете.

— Давайте ближе к делу.

— Во всяком случае, на ближайшее время не предполагается ничего ставить на Бюро из вопросов международной обстановки. Приезжал сюда недавно из Берлина Гаазе. Мне Вандервельде рассказывал, что у них был разговор по душам за ужином. Гаазе теперь, по словам Вандервельде, самый влиятельный среди левых руководителей социал-демократических депутатов в рейхстаге. Он сказал Вандервельде, что если германские империалисты посягнут на мир в Европе, то германская социал-демократия серьезно задумается над вопросом о всеобщей забастовке.

— Болтун! — резко и сурово бросил Владимир Ильич, перестав шагать по комнате, и вдруг, остановившись передо мной, посмотрел строго мне в глаза и сделал жест рукой, который как бы приглашал кончить такой пустой разговор.

Владимир Ильич подошел к балконной двери и открыл ее настежь, как будто ему стало душно. В комнату ворвался свежий влажный ветер. Я не решался продолжать. Мы помолчали несколько мгновений. Ленин ходил по комнате. Потом он повернулся ко мне, спокойно, с улыбкой, очень дружески сказал:

— Вот что, батенька, запишите-ка себе поручение. В прошлый мой приезд вы рассказывали про заметку в какой-то католической газете, что то ли уже состоялись летом, не то предполагаются на весну маневры бельгийской армии.

— Да, да, верно, Владимир Ильич, это было в газетах и была указана тема маневров: одна армия представляет армию вторжения в Бельгию со стороны германской границы, а другая защищает переправы через Мезу и проходы через Арденны на запад, к Франции.

— А вы не можете, батенька, достать эту заметку? Или списать в библиотеке? Сделайте, пожалуйста. Разыщите, где точно было напечатано. И вообще берите на заметку все факты о подготовке войны, все, крупные и мелкие, одинаково. Кстати, вы мне обещали разузнать, что писалось в голландской прессе о давлении Германии на Голландию в вопросе об укреплении Флиссингена и вообще входов в Шельду и также о том, что писалось о позиции Англии в том же деле. Запишите и это себе как поручение. Записали?

Я только теперь наконец оправился от растерянности перед бурей негодования, которую навлек мой рассказ о Гаазе. С обидой я сказал:

— Я не знаю... почему вы так на меня...

И вдруг мне сделалось стыдно: что за ребячество я допустил, гнев же не против меня, а вышло, как будто я укоряю Владимира Ильича за резкость к Гаазе. Мне-то надо же помнить, что Владимир Ильич всегда горяч в выражении своих чувств и что Владимир Ильич в личном общении не терпит проявлений излишней чувствительности, что он воспринимает это, как мы обычно воспринимаем малодушие, дряблость или слабость, и что при таких проявлениях ему обыкновенно становится неловко за своего собеседника, а иногда это вызывает его резкий приговор о человеке: «Кисель!»

Владимир же Ильич, два-три раза глубоко вдохнув свежий воздух, повернулся ко мне:

— Вам, может быть, холодно? А то закроем.

И без всякой паузы продолжал:

— Гаазе — фразер. Акробат фразы. Он говорил с Вандервельде, как богатый родственник с бедным. С англичанином он говорил бы иначе. С англичанином он стал бы торговаться: мы-то, мол, свое и так уж достаточно дали, а как, мол, вы будете действовать перед опасностью войны, что вы можете предложить. Им все кажется, что каждый из них, борясь против войны, делает одолжение и уступку другому. Вся эта братия, с которой мы с вами имеем дело в Международном социалистическом бюро, принимает опасность войны только с национально ограниченной точки зрения, а не с общей. Каждый требует решительности от другого, а для себя обязательно находит особые извинительные обстоятельства, оправдывающие его бездеятельность. Оттого они все, вместе взятые, не представляют большой помехи для тех, кто готовит войну. Понятно это вам? А потому — хорошенько это себе заметьте — мы обязаны следить за малейшим фактом, за малейшим аргументом, за малейшим словом, за самым малейшим штрихом во всей этой темной кухне, во всем этом колдовстве, где заколдовывают, а больше наколдовывают войну, мы должны, мы обязаны следить неослабно. Наша информация должна быть возможно полней. Факты, факты, факты. Кстати, почему молчите о китайских бюллетенях?

— Я их забросил, Владимир Ильич.

— То есть как это так забросили?

За несколько месяцев до того, летом 1913 года, я сообщил Владимиру Ильичу, что случайно узнал: китайское посольство в Брюсселе стало издавать ежедневный бюллетень дальневосточных новостей. Бюллетень печатался на пишущей машинке, размножался в очень ограниченном количестве, предназначался для редакций брюссельских газет и для отдельных интересующихся журналистов; получать его можно было за плату в пятнадцать франков в месяц. Владимир Ильич разрешил мне этот расход. А когда я сообщил Владимиру Ильичу взятое из бюллетеня содержание англо-тибетского соглашения и сообщил раньше, чем соглашение было опубликовано в западной и русской прессе, Владимир Ильич был очень доволен и наказал мне подписку на бюллетень не бросать и постараться использовать факты бюллетеня для статей в «Правду».

— «Правду», «Правду», особенно «Правду» не забывайте, ведь как было бы здорово, если б мы могли публиковать то, что буржуазной прессе выгодно утаивать от рабочей публики. Постарайтесь-ка, батенька.

— Ну и что же, вы больше не подписываетесь на бюллетень? Прекратили? Почему же вы это сделали?

— Я вижу, Владимир Ильич, что это инспирированная информация. Это агентура диктатора Китая Юань Ши-кай для обработки европейских газет.

— А вы умеете разбираться и в инспирированной информации. Возобновите подписку обязательно. Факты, факты, факты. Умейте отсеивать факты. Особенно сейчас. Национализм всюду наступает. Атмосфера накалена.

— Так ли уж она накалена, Владимир Ильич? Помните, как-то осенью одиннадцатого года вы заезжали на денек в Брюссель. Вы остановились тогда не у меня, а пошли ночевать в «Отель де Рюсси» в Икселе... Я вас провожал вечером. Мы были уже на пороге гостиницы и прощались. В это время пробежал газетчик, выкрикивая: «Война! Объявлена война!» И мы тут же с вами прочли под фонарем, торопясь, экстренный выпуск. Это было о начале войны Италии и Турции из-за Триполитании. Помните, как мы разволновались? Вы не захотели идти спать и предложили пройти по Авеню Луиз до Кемврийского леса. Мы вспоминали в тот вечер о Кемврийском лесе — когда-то он был препятствием, остановившим нашествие Цезаря. Помните, вы говорили тогда,

что триполитанская война может быть сигналом к общеевропейской войне. что ослабление Турции вызовет войну на Балканах, а война на Балканах вызовет войну Австрии и России и так дальше и так дальше. Мы долго тогда с вами гуляли и не хотели возвращаться домой. Казалось, мы находимся накануне самых больших событий. А на самом деле все отшумело и улеглось. Обе балканские войны кончились, и все обошлось без вмешательства великих держав в войну.

— Берегитесь, это у вас пунктик, вы мне в конце триполитанской войны говорили о том же: вот, мол, мы-то гадали, что общеевропейская война на носу, а вот, мол, триполитанская война кончается, а Балканы и не думают трогаться. На деле же, глядь, через короткое время вспыхнула война на Балканах. Так оно и шло: в одиннадцатом — война в Триполитании, потом короткий перерыв, в двенадцатом — первая балканская война, за нею вторая. О том, что по окончании второй все успокоилось надолго, делать вывод рановато. Войны готовятся не открыто на площадях, а в величайшей тайне. Рассказывайте, что у вас есть еще.

Я быстро рассказал все, что знал о текущих мероприятиях Исполнительного комитета, и, наконец, перешел к тому, что считал самым важным, самым настоятельным и самым тревожным из всех соображений, какие мне предстояло сегодня высказать Ленину.

— Затеваются очень скверные вещи, Владимир Ильич. Мы стоим перед тяжелым ударом. Против нас готовится небывалый концентрированный заговор по всей линии в масштабах всего Второго Интернационала.

Владимиру Ильичу было и без того хорошо известно, что, с тех пор как на лондонском заседании Международное социалистическое бюро поставило на очередь задачу «добиться» единства русской социал-демократии и взяло на себя посредничество между враждующими течениями, интриги в Интернационале против большевиков обострились, ибо истинной целью Международного социалистического бюро была поддержка русских ликвидаторов.

— Знаете, Владимир Ильич, за последнюю неделю буквально каждый день в Интернационал являются разные патентованные авторитеты из разных фракций с рецептами объединения и с планами «укрощения» «раскольничьей» деятельности Ленина; за эту неделю в Интернационале под прикрытием «подготовки единст-

ва» происходит сплочение коалиции для разрушения того, что сделали большевики по восстановлению подпольных рабочих организаций в России; шаг за шагом наши противники вербуют себе сторонников и друзей среди крупных деятелей Интернационала, которые раньше держались нейтрально. Можно считать, что за последнюю неделю блок в Интернационале против ленинцев уже создан и оформился. Фракции и течения русского движения объединились и действуют в Интернационале против нас сплоченным блоком. И в Исполнительном комитете говорят, что если так дальше пойдет, то...

Но мне не удалось договорить фразу, Владимир Ильич вдруг громко и весело рассмеялся.

— Что с вами, Владимир Ильич?

Ленин закинул назад голову и залился смехом еще более веселым и радостным.

— Чему вы смеетесь, Владимир Ильич?

Ленин быстро поднялся с места, подошел ко мне, хлопнул по плечу:

— Ах вы, милый, батенька!

И снова засмеялся, весело, легко.

Я вначале недоумевал: уж очень смех Ленина разрезал тот поток серьезных и глубоких тревог, какой владел мной в эту минуту. Но этот смех звенел так звонко и так юношески беззаботно. Я встретился глазами с Владимиром Ильичем и почувствовал, что тоже начинаю улыбаться, не зная еще сам чему.

Владимир Ильич неторопливо, спокойно открыл снова балконную дверь. В небе голубела высокая прогалина, чистая от туч. В ветре была приморская бодрящая свежесть.

Не раз, бывало, особенно в тяжелые годы, когда, казалось, каждый день приносил утраты, измены, отречения, предательства и когда в заграничной большевистской эмиграции верными Ленину оставались едва ли даже десятки, а скорее, единицы; не раз в трудные минуты одно появление Ленина среди своих ломало уныние и рождало бодрость. Он, бывало, еще ничего не успеет сказать, а люди, ощутив его присутствие рядом с собой, уже менялись. Его спокойный взгляд, уверенный жест, улыбка, по-детски безоглядный смех — все его существо излучало бесстрашие, ничем непобедимое бесстрашие перед всеми препятствиями и бедами, какие могут стать на пути. От его одного только присутствия бежали все

призраки поражения и смерти. Он разгонял их своей ничем непоколебимой убежденностью в победе.

Я ждал объяснения, почему Владимир Ильич встретил смехом рассказ о кризисном обороте дел в Интернационале. Но объяснение не приходило. Ленин молчал и только почти про себя, тихонько и весело насвистывал.

— Владимир Ильич, как бы ни были мы уверены в своей правоте, все-таки если Интернационал объявит нас виновниками раскола, то это будет для нас сильной помехой и здесь и в России. Вы только представьте себе, как далеко уже зашло дело...

Я стал приводить факты. Их накопилось очень много. Они показывали, что руководители Исполнительного комитета уже достаточно обработаны противниками большевиков.

— А вот вам еще, например, одно... вы знаете, с сенатором-то все у меня лопнуло к чертям...

— Лопнуло? — с оживлением спросил Ленин, как будто забавляясь моим волнением.

В 1910 году, на январском Пленуме Центрального Комитета, известном под названием «Объединительно-го», большевики передали свои денежные средства для расходов на общепартийные дела. Деньги были вручены тройке нейтральных держателей — Каутскому и еще двум видным немецким социал-демократам. Было оговорено, что, если соглашение фракций будет нарушено, держатели обязаны вернуть деньги большевикам.

Владимир Ильич не одобрял этого соглашения и не верил в него. Он оказался прав: меньшевики нарушили договоренность почти сейчас же после Пленума. Тогда большевики потребовали возврата сумм: деньги нужны были на первые шаги легальных изданий в России. «Тройка», в которую входил Каутский, объявила, что «на раскол денег не дадут». Никакие «мирные» увещания не помогли. Тогда Владимир Ильич поручил мне договориться с каким-либо известным в Бельгии адвокатом, по возможности социалистом, чтобы тот дал юридическое заключение о неправильных действиях держателей. Добившись такого заключения, я должен был представить его Вандервельде и склонить его к давлению на «тройку» Каутского. Выбор был остановлен на авторитетном юристе, члене Генерального совета рабочей партии, сенаторе Винке, находившемся к тому же в хороших личных отношениях с Вандервельде. Кроме меня, еще двое товарищей, живших в Англии и Италии, полу-

чили от Владимира Ильича поручение добыть такие же заключения. Таким образом, предполагалось, что Вандервельде будут предъявлены внушительные документы.

— И представьте себе, Владимир Ильич, в последнюю минуту мой сенатор, уже после того как накануне прочел мне черновик заключения, вдруг увильнул. Это он учуял что-то в воздухе, может быть, даже спросил у Вандервельде, и тот отсоветовал.

Чем больше приводил я печальных фактов, тем оживленней и даже как будто веселей становился Ленин...

И еще казалось, что чем сложнее перед ним положение, чем неопределенней исход, тем он делается спокойней и уверенней. Это было глубокое свойство его характера. Такова была его натура, созданная для борьбы.

Ленин спросил:

— Ну-с, вы уже все рассказали? У вас сообщений никаких больше нет? Тогда разберем почту из России.

Я подал пачку нераспечатанных конвертов. Владимир Ильич сел у двери на стул, положив ногу на ногу. Разрывая конверт за конвертом, он некоторые письма клал во внутренний карман пиджака, на некоторых делал пометки, причем держал бумагу и писал не на столе, а на колене. Бывало так, что иногда он предпочитал писать на колене, особенно же во время собраний и заседаний.

А некоторые письма он, прочтя, молча протягивал мне. Это были всё письма с хорошими новостями от партийных организаций: с мест сообщалось о росте влияния большевиков среди рабочих.

— Не надо смешивать политиканство с политикой,— вдруг сказал Владимир Ильич, улыбаясь одному из писем,— наша сила не в закулисных ходах, а в нашей собственной реальной силе. Весь этот блок, все эти объединившиеся против нас фракции, о которых вы говорите, не больше как штабы без армий. Это нули! Нули, нули и нули. Совершенно голые нули.

Покончив с письмами, Владимир Ильич посмотрел на часы.

— Уже около часа. Надо быть всегда аккуратным с обедом.

Решено было обедать не у хозяйки, а идти в ресторан, чтобы не терять времени на лишние разговоры, так как надо было к трем поспеть на свидание с матросами.

Перед выходом из дому, когда уже мы оба были в пальто, Ленин вдруг остановился передо мной и оглядел меня долгим, пристальным взглядом. Я спросил:

— Что вы так смотрите на меня, Владимир Ильич?

— Вы что-то немножко не тот стали. Что с вами? Вы чем-нибудь расстроены? Устали? Нездоровы? Вам, может быть, надо отдохнуть? Нет, нет, не качайте головой. Вы что-то грустите. Где причина?

— Не знаю. Ничего за собой не замечаю, Владимир Ильич. И никакой причины нет.

— Если верно, что не знаете причины, то тем хуже. Надо обязательно всегда найти причину. Особенно такого состояния, как у вас сейчас. Найти и потом быстро ее устранить или хотя бы преодолеть. Как же иначе, батенька! Нельзя так! Да вы и сами это знаете. Но только что-то скрываете и хитрите.

Мне не хотелось говорить Владимиру Ильичу о личных своих неприятностях. К тому же в присутствии Ленина так поднимался дух и возрастало мужество, что всякие неприятности меняли свои масштабы, казались меньше. Поэтому-то я и скрывал и «хитрил».

Но скрыть что-либо от Владимира Ильича было нелегко. В общении с ним казалось, что он держит мысль и чувства собеседника освещенными невидимым фонарем и все ему видно и ясно.

Однажды Владимир Ильич сказал про Плеханова, что у него «физическая сила ума».

— Что это такое, Владимир Ильич, физическая сила ума? Я не пойму.

— А вот вы можете ведь сразу видеть и отличить в человеке физическую силу. Войдет человек, посмотрите на него, и видите: сильный физически... Так и у Плеханова ум. Вы только взгляните на него, и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила.

К самому Владимиру Ильичу это было приложимо бесспорно. Его внутренняя сила чувствовалась с первого мгновения, с первого взгляда.

Обедать Владимир Ильич попросил повести, где подешевле и где «есть настоящее мюнхенское пиво». Я предложил зайти в ресторанчик «Ватерлоо», где обед был дешевый — по франку. Но не было гарантий, что

мюнхенское, которое там подают,— настоящее мюнхенское.

— Да что вы, батенька! Знаете, как я люблю мюнхенское пиво? Во время конференции в Поронине я узнал, что верстах в четырех-пяти, в одной деревушке, в пивной появилось настоящее мюнхенское. И вот, бывало, вечерами после заседаний конференции и комиссий начинаю подбивать компанию идти пешком за пять верст выпить по кружке пива. И хаживал, бывало, по ночному холодку налегке, наскоро.

За обедом Владимир Ильич выбрал блюда из обширного меню быстро, почти мгновенно. Я же раздумывал, советовался с официантом и два раза менял свой выбор. Владимир Ильич рассмеялся:

— Вы что-то сегодня совсем нерешительны.— Потом прибавил серьезно: — Нет, что-то с вами происходит необычное. Вы чем-то расстроены.

В Народный дом мы пришли раньше часа, назначенного для встречи с бельгийскими моряками.

В зале нижнего этажа, где помещалось кафе, было шумно и полно народу. Это было место деловых свиданий работников Бельгийской рабочей партии, профессиональных союзов, кооперативов. В верхних этажах Народного дома находились центральные органы руководства рабочим движением. Здесь же, на четвертом этаже, были отведены комнаты и для Исполнительного комитета Интернационала.

Мы с трудом пробирались сквозь толпу к комнате, где было условлено свидание с моряками. Но не успели мы войти, как с площадки лестницы, ведущей к служебным помещениям, нас окликнули. Это был Вандервельде, поднимающийся наверх.

— Ну, значит, сама судьба,— сказал я и прибавил, понижая голос, хотя нужды в этом не было, так как я говорил по-русски и Вандервельде не мог бы понять: — Хорошо бы сделать вид, что мы шли к нему.

Вандервельде задержался, поджидая.

— Я очень рад встрече. Вы ко мне?

— Я тоже очень рад. Но я шел по другому делу и не имею необходимости отнимать у вас время.

— Разве так уж у вас абсолютно нет ко мне дела?

— О нет, не абсолютно! У меня к вам просьба.

Я писал об этом.— Владимир Ильич сделал жест рукой в мою сторону.

Тут я вспомнил, что действительно у меня значилось одно невыполненное поручение Владимира Ильича: попросить у Вандервельде снятые им на конгрессе Интернационала в Копенгагене фотографии различных групп делегатов, в том числе и русских.

Об этом теперь Владимир Ильич и заговорил. Вандервельде улыбнулся, но чуть скривил край рта:

— Но у меня есть к русским социал-демократам дело. Я вас прошу подняться со мной, если располагаете временем.

Обращение Вандервельде было всегда и со всеми исполнено непринужденности, взвешенной и обдуманной. Его манеры были нарочито просты. Его костюм был предусмотрительно рассчитан на встречи с людьми простыми. Свои мысли он выражал, избегая усложнений,— в коротких, простых фразах. Словом, для того чтобы произвести на окружающих впечатление простоты, в нем соединялось все, кроме лишь самой простоты. Ему была чужда непосредственность. Однажды, произнося речь на митинге, он взмахнул рукой так сильно, что сорвалась и полетела в публику манжета. Зал зааплодировал этому бурному проявлению чувств. Впоследствии мне привелось быть свидетелем, как перед выступлением заранее отстегивалась от рукава рубашки манжета. Но все-таки, даже зная заранее, что эффект обдуман и подготовлен, я, когда снова увидел манжету, летящую в первые ряды слушателей, был под впечатлением непосредственности этого жеста: так хороша и актерски «искренна» была игра.

Владимир Ильич поручил мне отыскать моряков и, если они уже пришли, попросить их обождать.

Когда, выполнив это, я вошел в кабинет Вандервельде, я застал разговор обострившимся. Но если бы не знать или отвлечься от смысла того, о чем говорилось, можно было бы подумать, что идет обыкновенная спокойная беседа: так невозмутимо держались оба собеседника.

— Никаких компромиссных сделок ни искать, ни предлагать, ни обсуждать мы не будем,— говорил Владимир Ильич не торопясь, отчетливо, отрубая рукой такт и смотря прямо в лицо собеседнику,— никаких идейных уступок мы не сделаем.

Странно было, что Вандервельде кивал при этом головой в такт движению руки Ленина, как бы восхищаясь и одобряя. Это была его обычная манера, как он сам говорил, «поощрять собеседника быть самим собою».

Ленин продолжал:

— Поэтому нам совершенно не нужны никакие предварительные закулисные сговоры ни с нашими противниками, ни с теми, кто взял на себя посредничество.

— И, значит, со мною?

— Да, и с вами, если вы видите вашу цель только в том, чтобы добиться от людей, стоящих за укрепление нашей партии и держащих курс на вторую революцию, и от людей, считающих революцию в России конченной, добиться от тех и других полюбовного принятия какой-нибудь формально единой бумажной резолюции.

— Простите, а какие методы предлагаете вы взамен так порицаемых вами деловых предварительных беседований о практических возможностях единства?

Владимир Ильич сильно потер ладонью лоб. Я знал: это признак того, что Владимиром Ильичем начинает овладевать раздражение.

— Мы хотим открытого изложения всей суммы своих взглядов всеми заинтересованными сторонами, чтобы каждая сторона отвечала за свои взгляды перед рабочим классом. Наши условия объединения мы, посоветовавшись с нашими организациями, сформулируем со всей отчетливостью и прямоотой.

— Когда же именно?

— Когда вы назначите открытый обмен мнениями между всеми течениями, как это предусмотрено лондонским постановлением.

— Словом, вы хотите турнира мнений. Не так ли? Для обострения разногласий? Не правда ли? Но это была бы забава сектантов. Не так ли?

Владимир Ильич посмотрел на Вандервельде так, как будто он взвешивал его на ладони. Ленин снова потер лоб и на мгновение закрыл ладонью глаза. Но внешне он сохранил полное спокойствие, и взгляд его был окрашен насмешливой улыбкой. Вандервельде поправился:

— Говоря о сектантах, я никого не имел в виду лично. Сектантство — удел всех отсталых рабочих движений. А Россия — все-таки страна отсталая.

Однажды на дальней прогулке, когда все обо всем было переговорено, я пожаловался, как бывает горько иногда в разговорах с иностранцами признавать Россию отсталой, как тяжело слушать о ее язвах. Владимир Ильич отозвался:

— Это вы что-то неожиданное сейчас сказали. Это вы сказали хорошо. Помните, может быть, у Некрасова:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

После этих слов мы оба шли долго молча. И вдруг Владимир Ильич сказал как будто вне всякой связи с предыдущим разговором:

— Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете? Широка! Необъятная ширь... Так широка...— Он остановился и помолчал, не то подыскивая слово — а этого с ним не бывало, чтобы он подыскивал слова в разговоре: они находились у него сами собой,— не то задумавшись о чем-то ином, не касающемся разговора.— Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке, далеко, очень далеко уезжали... и над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня... И песни же у нас в России! — Снова помолчал немного.— А какой пролетариат! Где еще найдутся в другой стране такие рабочие, как наши русские! А какие имена знает наша история, девятнадцатый век хотя бы! Ну, извините, нам нет оснований голову вешать.

Вандервельде, сказав об отсталости России и о сектантстве, очевидно, ждал от Ленина гневной вспышки. Но Владимир Ильич только усмехнулся. Ему хорошо была известна ограниченность реформистов типа Вандервельде.

И в этой усмешке без слов было так много превосходства над чванливым самодовольством Вандервельде, что тот сейчас же переменял тему разговора. Не он один, многие, случалось, пасовали перед насмешливым взглядом прищуренных глаз Владимира Ильича.

— Итак? На чем же мы резюмируем? — спросил Вандервельде.

— Итак, я откланяюсь,— сказал Владимир Ильич,— если у вас нет больше вопросов.

— А какой же вы сделаете прогноз относительно объединения?

— Это решится в зависимости от реальной силы наших рабочих организаций.

— Значит, вы предпочитаете апеллировать к силе, а не к праву?

— Простите, это не больше как пустая игра словами. Наша сила только в том, что рабочие доверяют нам и разделяют наши взгляды.

— Не ошибаетесь ли вы? Так ли вы сильны?

— Мы были бы очень рады, если бы вы это проверили и на месте убедились. Отчего бы вам не поехать, например, в Петербург?.. Нелегальные организации посетить, разумеется, нельзя. Но наши противники и не оспаривают нашего абсолютного преобладания в подполье. Они хвалятся лишь своим влиянием в легальном движении. Поезжайте, ознакомьтесь с легальными организациями, поговорите с рабочими. Я убежден, если вы пожелаете, наши друзья в России охотно...

Вандервельде перебил:

— Скрестят со мной шпаги, хотите вы сказать?

— А разве вы заранее готовитесь спорить с нашими рабочими?

— Но вы, очевидно, бросаете мне вызов?

— Называйте как угодно, но рискните поехать и стать лицом к лицу с фактами, как они есть, а не как их изображают фракционные нашепыватели.

Свидание с матросами было коротко. Матросы пришли вдвоем: один совсем молодой, другой пожилой. Молодой, по фамилии Слякмельдер, пылал возбуждением. Его увлекало затеянное дело своей необычностью. Он спешил сказать русским товарищам как можно больше о себе, но слушал рассеянно то, что говорилось ему о деле. Пожилой же матрос слушал внимательно, курил, не вынимая трубки изо рта, молчал и был непроницаем и недвижим и, только когда речь заходила о практических деталях, прикладывал ладонь трубочкой к уху. А каждый раз, как наступала пауза в разговоре, он опоражнивал рюмку с голландской водкой и глазами указывал молодому, чтоб тот наливал еще. Закусывал он сильной затяжкой из трубки.

Слякмельдеру казалось, что он очень выручает русскую революцию и что ее успехи в будущем в некоторой

степени будут зависеть от него. Он сразу взял со своими русскими собеседниками покровительственный тон. Он даже не прочь был их кое-чему поучить: когда-то он читал на английском языке роман об итальянских карбонариях и немало вычитал там о разных конспиративных уловках.

Поучения и покровительство Слякмельдера очень сердили меня. Больше же всего я был недоволен собой: как же это я мог так неосмотрительно выбрать и представить для выполнения серьезного конспиративного дела такого фантазера и говоруна! Я тут же постарался «поставить на место» молодого моряка. Владимир Ильич вначале не мешал ему. Но вдруг неожиданно повернул все иначе. Он рассказал кое-какие, только что полученные свежие новости из России. И из этого рассказа стало ясно, как трудно там делать то, что здесь, на родине Слякмельдера, делается рабочими организациями без усилий и просто. Это было сказано в подтверждение того, какое большое и значительное поручение берет на себя Слякмельдер в России. И это прозвучало как признание того горделивого чувства за свою роль в русской революции, которое в эти минуты наполняло бельгийского юношу-матроса. Слякмельдер взглянул на меня как победитель. Но к торжеству его сейчас же примешалась озабоченность. Владимир Ильич перешел к тому, что и как надо сделать. Он излагал это строго, пожалуй, даже с подчеркнутой суровостью, тут уж никаких снисхождений за хорошие намерения, а только деловая требовательность точного выполнения и дисциплины. Оказалось, что и карбонарии Слякмельдеру не в помощь, а приходилось слушать и соглашаться, что он русских условий не знает.

И, странное дело, Слякмельдер был в таком же восхищении от того, что его Ленин поучил, пожурил, как мальчика и новичка, как и от того, что одушевлявшие его высокие стремления и представления о своей роли были признаны законными. Его впечатления от этой встречи с русскими революционерами были разнородны и противоречивы, но они все сливались в одно чувство к Ленину — в чувство обожания. Расставаясь на улице, он стоял перед Лениным с непокрытой головой. А простившись, вернулся и снова еще раз крепко пожал руку Владимиру Ильичу.

— Вы сцепились, как молодые петухи,— сказал Владимир Ильич мне, смеясь,— а ведь это очень хорошо,

если человек думает про свое маленькое дело, что от него зависит судьба революции. Но вообще-то вы хорошо подобрали людей, и старого и молодого. Очень хорошо. Только мы из осторожности дадим им для начала не очень серьезное поручение. Согласны?

До реферата оставалось часа два. Уже темнело, опускались серые, туманные сумерки. Решено было перед рефератом перекусить. Ленин предложил зайти снова в «Ватерлоо». Он предпочитал знакомые места. Возможно, потому, что знакомое отвлекало меньше от главных дум, чем новое.

От «Ватерлоо» до кафе «Золотой петух», где я снял зал для реферата, было недалеко. После ужина пошли пешком. Владимир Ильич дорогой молчал.

В «Золотом петухе» зал был уже полон. Собираться начали задолго до семи. Собрались съехавшиеся нелегально с разных концов Латвии делегаты Четвертого съезда латышской социал-демократии. Кроме них, были гости — представители разных течений из других частей российской партии. Делегаты жались ближе к входу в зал, откуда должен был появиться Ленин.

Некоторые делегаты прибыли в Брюссель за несколько часов, иные — за несколько минут до реферата. Ехали из-за конспирации разными маршрутами и в разные сроки.

Но смотр силам уже был сделан. Уже определилось, что на съезде большинство будет принадлежать большевикам. Однако большинство предположительно всего в один голос. Волнение в ожидании завтрашнего открытия съезда подошло к точке кипения. Встреча с Лениным и ленинский реферат накануне открытия съезда ожидалось, как разведка боем перед решающими сражениями. Напряжение в зале было так велико, что люди предпочитали не спорить друг с другом и держались молча.

Как только Владимир Ильич показался на площадке второго этажа, все бросились к нему. В глубине опустевшего зала остались только гости из ярых противников большевиков.

У самой лестницы высокий пожилой рабочий из Риги перехватил Ленина и обнял.

Владимир Ильич спросил, как здоровы дети, и назвал его детей по именам. И все кругом заулыбались и друг другу передавали: ««Вот память, скажи пожалуйста!», «Вот человек, это действительно человек». И каж-

дый считал нужным рассказать соседу — как будто сосед этого не видел, — как встретился Ленин с рижским делегатом, с которым семь лет не виделся, с самого Лондонского съезда российской партии.

За рижанином к Ленину потянулись другие делегаты. Многих, оказалось, он хорошо знал давно. Передавали поклоны, вспоминали друзей, и все это торопясь, на ходу, обрывками фраз, но горячо.

Ленин стал весел, оживлен, много смеялся.

К трибуне надо было пройти через весь зал. Этот путь Ленин проходил в течение получаса. Каждый приезжий хотел перекинуться с ним приветствиями и что-то вспомнить из старых встреч.

И когда Ленин дошел до трибуны и все расселись по местам и наступила тишина, показалось, что многое из того, что должно быть решено на предстоящем завтра съезде, уже решилось.

— Слово для реферата по национальному вопросу принадлежит товарищу Ленину.

Владимир Ильич встал. Тогда вспомнили об аплодисментах. Аплодировали жарко.

Слышали ли вы его речи? Ленина надо было видеть, когда он говорил, и хотелось смотреть на него не отрываясь, пока продолжается его речь.

Привлечь и держать живым внимание слушателей стремится всякий, кто говорит с трибуны. Но Ленин был больше, чем оратор. Он безраздельно овладевал вашими мыслями, находил их, встречался с ними где-то у самого истока их зарождения. Он брал и обнажал самую первую, отправную логическую посылку. Затем как бы взвешивал ее на ладони и пускал в ход точный логический процесс, не сухой, а живой, богатый, разветвленный. Он толкал вашу мысль, давал ей направление сразу по многим разбегающимся, разнообразным тропам, но которые все вели к одной главной дороге, где вы следовали за ним. И было еще одно в его речи, это — бесстрашие перед фактами, какие бы они ни были. Он подводил вас к самой вершине, с дерзновением и бесстрашием предлагал взобраться на нее и найти реальное, истинное там, где другая, робкая мысль прячется за иллюзию.

Он развернул перед слушателями причины и обстановку усиливающихся национальных движений на Дальнем и Ближнем Востоке. Он перешел к анализу положения в многонациональной России. Могут ли русские

передовые революционеры выкидывать из программы своей партии признание права на самоопределение национальностей, как предлагают некоторые противники большевиков, спрашивал Ленин и отвечал:

— Исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особенную насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

— Правильно! — крикнул из первого ряда тот самый рижанин, который первым встретил Ленина на площадке лестницы. С самого начала реферата он сидел недвижим, не спуская глаз с Ленина и следя за каждым его словом, за каждым его движением.

— Правильно, — повторил он, повернувшись к сидящим позади него, как бы желая убедиться, что все они думают так же. — Именно сейчас это особенно насущно, важно.

— Верно! Правильно! — ответил зал.

Затем рижанин снова повернулся к Ленину и спросил:

— А в чем особенности положения национального вопроса в России?

Он спросил это так просто, как будто он один на один разговаривал с Лениным. Ленин ответил, не нарушая хода своей мысли:

— Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. Великорусы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно семьдесят миллионов человек.

В глубине зала вдруг вскочил меньшевик:

— Вот потому-то и не нужно говорить о самоопределении наций, а только об автономии.

В зале раздался смех... Меньшевик стерся в дальний уголок. Владимир Ильич продолжал:

— Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, — воскликнул он, — не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии.

Зал захлопал.

— Мы *воспитываем* массы в духе отрицания *государственных* привилегий какой бы то ни было нации. — Зал аплодировал еще сильнее. — Мы стоим за одинаковое право всех наций на свое национальное государство.

Аплодисменты слились в один сплошной гул, подобный радостному шуму водопада. Многие встали.

Владимир Ильич долго и терпеливо ждал. Он стоял, прикрыв ладонью лоб, и, казалось, призывал слушателей сосредоточить свои мысли на еще более важном, что им предстоит сейчас услышать. Зал смолк.

— Однако,— продолжал Ленин,— суждено ли будет какой-либо данной нации составить самостоятельное государство, это зависит от тысячи факторов, неизвестных заранее.

Он разъяснил, что нельзя смешивать две различные вещи: одно дело — быть против насильственного удержания малой нации в крупном государственном объединении, другое дело — как целесообразней поступить в конкретном случае. Отделение может в определенных условиях означать для малой нации под видом независимости худшую кабалу со стороны хищных соседей и даже уничтожение и гибель.

А затем он перешел к перспективам и тактике рабочего движения.

— *При прочих равных условиях,*— сказал он,— сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство.

Почему? Потому, что централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству мира.

В повестке съезда не назначено было обсуждать то, о чем говорил Владимир Ильич. Но с первых же мыслей, которые он раскрыл перед слушателями, стало ясно, что это и есть основное для будущих решений съезда: единство латышей, единство всей Прибалтики с трудовым русским народом и всеми народами России в борьбе за общее для всех счастливое будущее, за уничтожение всякого рода национального неравноправия.

В зале было много ветеранов революции пятого года. У них живы были в памяти бои латышей в союзе с русскими рабочими против немецких баронов и царских жандармов.

Ленин до самых последних глубин исследовал перед своими слушателями истоки, где возникают причины, толкающие народы к братоубийственным столкновениям, и где рождаются ростки прочного, неделимого, неразрушимого никакими бурями союза и единства наро-

дов, населяющих Россию. В его словах звучала вера в русский народ, в его великую освободительную миссию. В его словах было глубокое уважение к народу. В его мысли чувствовался полет истории и ее ничем неостановимое движение. Он видел на столетия вперед.

Ленин указал, что на всех этапах борьбы за братство народов, во время ли грядущих войн или передышки, при всех трудностях и превратностях борьбы всегда руководящей и направляющей силой, вдохновителем и организатором широчайших народных масс должна быть и обязательно будет партия, непоколебимо верная своим великим целям. И он призывал укреплять действительное, а не мнимое единство партии, оберегая ее ряды от колеблющихся и от изменников.

Владимир Ильич кончил. Зал аплодировал. И передо мной пронеслись все впечатления этого дня, от первой минуты встречи с Владимиром Ильичем до его реферата. И тревожные призраки приближающейся европейской войны, и острота выдвинувшейся на первый план национальной проблемы, и накал борьбы предателей всех мастей против единства партии, и нерешительность, колебания, трусливость лидеров II Интернационала — все это соединилось в мыслях в одно неразрывное целое, и все сливалось в призыве Ленина укреплять боевую мощь партии.

И в этих впечатлениях протекшего дня образ Ленина вставал одухотворенный одной нераздельной страстью и одной всепоглощающей мыслью.

После Владимира Ильича долго говорил бундовец, роясь в мелочах и прикрывая рассуждениями о технических деталях свой раздутый национализм. Ленин слушал терпеливо.

Затем поднялся где-то в углу, не пожелав пройти к трибуне, ничтожный резонер-меньшевик, обложивший свое выступление пухлой ватой ученых цитат. Паясничая, он сказал:

— Над тем, что Ленин написал о национальном вопросе, можно только смеяться. Самоопределение наций, как он его толкует, могло бы привести только к распаду такого многонационального целого, как Россия, на карликовые государства. Писать о прогрессивности крупного государства и работать над его раздроблением — это смешно и близоруко.

Сидя рядом, я видел, каким усилием воли сдерживает себя Владимир Ильич. Председатель призвал паясничавшего говоруна к порядку. Больше оппонентов не оказалось.

— Теперь вам, Владимир Ильич, заключительное слово.

Ленин встал. Мне видно было, как он раздражен.

— Я отвечу подробно бундовскому оппоненту,— начал Владимир Ильич тихо, спокойным голосом. Затем сделал паузу, как будто ему тяжело дышать. И вдруг на весь зал раздраженно бросил: — А на мальчишеский вздор отвечать не считаю нужным.— Затем перешел снова к спокойному разбору сделанных ему возражений.

Делегаты съезда не хотели расставаться с Владимиром Ильичем.

Снова понадобилось долгое время, чтобы пройти небольшое расстояние между трибуной и выходом из зала к лестнице. Внизу, в гардеробе, Ленину опять жали руки, желали доброй ночи, интересовались, будет ли он выступать утром на съезде.

На улице, у подъезда, снова длительное расставание.

Наконец все простились, все разошлись.

Владимир Ильич и я зашагали к месту ночлега. Улица был пустынна, беззвучна. На небе за дымкой висела потускневшая усталая луна. Шли молча. Я не решался говорить, но чувствовал по шагам, что Владимир Ильич раздражен.

И вдруг Ленин останавливается и поворачивается ко мне:

— А что ты написал?

От неожиданности и резкости, с какой был задан вопрос, я тоже сразу остановился. Ленин еще раздраженной и еще громче повторяет:

— Что ты написал? Что? Ну, скажи, что? Ни черта ты не написал.

Я похолодел: в чем же дело? Что произошло? Да и Владимир Ильич никогда не говорил мне «ты».

А Ленин продолжал:

— Говоришь, Ленин написал такое, над чем можно только смеяться. А что ты написал?

Кровь, отхлынувшая было, снова прилила к щекам моим: ах, вот о ком и о чем идет речь! Не обо мне, а о меньшевике.

— Говоришь, рассыплется на карликовые государства? Да уж обязательно будут сволочи работать, чтобы рассыпалось. Но оно будет стоять нерушимо.

И снова пошли молча. Дальше я повел Владимира Ильича по улице, где жил рабочий бедный люд.

В глубине улицы нам пришлось перед одним домом замедлить шаги — так была плотна толпа на тротуарах. В толпе было двое-трое полицейских. Они приглашали толпу не стоять, а проходить. И действительно, люди не стояли, а все время двигались. Но дойдут до одного угла дома и назад идут медленно к другому концу и так прохаживаются перед домом: стоять запрещается, а ходить по тротуару дозволено. Со второго же этажа непрерывно лился голос оратора, стоявшего у открытого окна.

— Что это за штука? — спросил Владимир Ильич.

— А это анархистский митинг. У них нет денег на то, чтобы снять зал. На улице же митинги не разрешаются. Хотите, взглянем немного.

— Пойдемте. Это курьез, а не характерность.

И снова пошли молча. Я спросил себя: сколько же прошло времени с выходки меньшевика?.. Ведь было заключительное спокойное слово Владимира Ильича; потом он шел по залу, потом задержались в вестибюле, потом прощание у подъезда. Какой же силы чудесный гнев!

В следующие дни был съезд. С самого раннего утра и до поздней ночи время у Владимира Ильича было поглощено пленарными заседаниями и работами комиссий.

Как только закончился съезд, Владимир Ильич собрался немедленно уезжать. Намеченные дела в Брюсселе были сделаны. Он уезжал не в Париж, а в Краков¹, куда переселился из Парижа, чтобы быть ближе к России: отсюда ему было удобнее повседневно руководить «Правдой» и растущим революционным рабочим движением.

После заключительного заседания съезда, поужинав, отправились на квартиру ко мне, чтобы взять маленький кожаный саквояж, затем ехать на вокзал.

Как и в вечер реферата, улица была недвижима, тиха. И Владимир Ильич шел так же, как тогда, долго не

¹ До возвращения в Краков В. И. Ленин прочитал в Льеже и Лейпциге рефераты на тему «Национальный вопрос».

говоря ни слова. Казалось, продолжается тот же вечер. Но только Владимир Ильич был не возбужденный, а усталый.

— А что все-таки с вами? И скажите, отчего я в этот приезд ни разу не встретил дочь мадам ван Зеттер? Где Жанна? Уехала куда-нибудь?

— Разве я сторож Жанны, Владимир Ильич? Да и не будем об этом говорить. Это не стоит вашего внимания, Владимир Ильич.

У подъезда нам звонить не пришлось: дверь была открыта. Жанна и ее мать провожали уходившего гостя. Когда поднялись наверх в мою комнату, я сказал:

— Ну, вот вы и встретили Жанну. Это с ней был ее жених: она выходит замуж.

Я стал искать спички, чтобы зажечь газовую лампу. И вдруг у меня вырвалось:

— Как бы я хотел убежать отсюда, чтобы ничего не видеть и ни о чем не слышать!

Владимир Ильич никак на это не отозвался.

Раскрыв чемодан, он сказал:

— Не опоздать бы к поезду. Вы идите-ка, расплатитесь за меня с хозяйкой, а я приготовлю саквояж. А чтоб не терять времени, вы не поднимайтесь обратно сюда; я погашу газ, закрою комнату, и мы сойдемся вниз.

Обыкновенно перед отъездом Владимир Ильич оставлял мне точные поручения. На этот раз никаких поручений не было. Я встревожился: отчего бы это нет поручений? Может быть, Владимир Ильич чем-то недоволен?

На вокзале перед самым отходом поезда я решил спросить о поручениях. Владимир Ильич сделал вид, что не слышал.

Поезд отошел. Я остался на платформе и долго смотрел вслед последнему вагону.

Войдя к себе в комнату и зажегши свет, я увидел посреди стола записку. На записке лежали деньги.

Что это такое? Это почерк Владимира Ильича. Я взял записку, удивленный, зачем она, откуда она, ведь только сейчас расстались.

«Вам надо уехать отсюда,— писал Владимир Ильич. Слово «надо» было подчеркнуто два раза резко, энергич-

но, как обычно делывал Владимир Ильич.— Поезжайте немедленно к семье Инессы Арманд, они уехали на западное побережье в Сен-Жан-де-Мон. Рассейтесь там, отдохните. Я телеграфирую о вашем приезде. Зная, что у вас, как всегда, нет денег, оставляю вам двести франков.— А за подписью еще приписка, сделанная почерком помельче, так как на бумажке оставалось мало места: — И советую вам утопить ваши неприятности в океане».

События пошли, как их предвидел Ленин.

Вандервельде не мог не принять вызова, который был ему сделан. В начале лета он отправился в Петербург. То, что он увидел там, открыло ему, как сильны большевики в русском рабочем движении. Эти факты заставили Вандервельде быть осторожней. На Брюссельском «объединительном» совещании, созванном Интернационалом за две недели до начала войны для объединения всех течений российской социал-демократии, он уже не говорил о большевистской непримиримости, как показателе отсталости русского рабочего движения.

В июле 1914 года, когда война готова была вспыхнуть, Вандервельде созвал Международное социалистическое бюро, чтобы поговорить «о предотвращении войны». Владимир Ильич не приехал в Брюссель. В эти кризисные дни он оставался ближе к границам России.

После заседания Бюро собрался многочисленный митинг в Королевском цирке.

Первым выступил Гаазе. «Германская социал-демократия, когда наступит непосредственная угроза войны, не остановится перед применением самых крайних средств»,— провозгласил немецкий депутат. Зал зааплодировал.

Гаазе, подняв руку, водворил спокойствие, выдержал паузу и в наступившей вдруг напряженной тишине пояснил: «...да, самых крайних средств вплоть до всеобщей стачки». Ему рукоплескали как спасителю от войны.

Кто же знал, что через несколько дней тот же Гаазе прочтет в немецком рейхстаге декларацию о том, что германская социал-демократия будет голосовать за кредиты на войну. Гаазе оправдал характеристику, данную ему Лениным.

— Как сложатся дела в России, что думает об этом товарищ Ленин? — спросил меня Жорес перед своим выходом на трибуну. Жорес был в глубоком раздумье.

В глубоком раздумье он уехал из Брюсселя в эту ночь, а на другой день вечером был убит провокаторской пулей.

— Где же Ленин? Почему не приехал Ленин? — осаждали меня вопросами члены Международного социалистического бюро.

— Вы, конечно, осведомлены, где сейчас Ленин? Вы не попытались бы телеграфировать ему, что его приезд крайне желателен, — сказал мне Вандервельде, — нам нужно знать, что будет теперь в России. Кто скажет нам об этом?

— У вас сейчас на Бюро немало гостей из представителей различных течений русской социал-демократии, — ответил я.

— Вы издеваетесь. Это же нули. Кто за ними идет в России? Я это знаю. Недаром же я ездил в Россию. Только один Ленин мог бы сейчас сказать нам, какую действительно позицию займет русский рабочий класс. Просите его приехать.

— Не могу просить его об этом. Ленин не прервет сейчас ни на один день своей связи с русским движением.

«Воспоминания о Ленине».
М.: Госполитиздат, 1961. Т. 3.
С. 115—143.

Увидев нас, Викентий Семенович¹ пришел в ужас — перед ним стояли две человеческие тени в лохмотьях.

— Друзья, вы отдохайте, приводите себя в порядок, а я пойду на собрание. Сегодня выступает Ленин.

С меня соскочила всякая усталость и пропал аппетит:

— Ну нет, Викентий Семенович, как хотите, а меня с собой берите! Не возьмете — все равно увяжусь за вами.

— Что с тобой поделаешь, — засмеялся друг. — Прицепился, как хвост.

Он дал мне свой костюм. Наскоро умывшись, я привел себя в порядок, и мы отправились в Народный дом слушать Ильича.

На собрание пришло столько народу, что яблоку негде было упасть. Все ждали докладчика. Некоторые нервничали, ворчали, и вдруг Ленин неожиданно появился на трибуне и сразу приступил к докладу: «Война и социал-демократия»².

Я не помню своих переживаний, когда он начинал делать доклад. Очевидно, как и большинство там находившихся, с нетерпением ждал ответа на волнующие меня вопросы, которых накопилось много. Слушаю я Ленина, и кажется, что он говорит специально для меня — отвечает на мои вопросы, подтверждает мои мысли, бродившие по закоулкам сознания бесформенными тенями, которые часто я и сам не мог сформулировать. Точно невидимым крючком он вылавливал их из этих закоулков, очищал от тумана, взвешивал, затем ясными и четкими раскладывал передо мной. Все было так просто и понятно!..

Все окружающее куда-то уплыло, растворилось. Не замечая вокруг себя ничего, я видел только одного че-

¹ Речь идет о Викентии Семеновиче Мицкевиче-Капсукасе — одном из руководителей литовской социал-демократии.

² Доклад В. И. Ленина «Война и социал-демократия» состоялся не ранее 14(27) октября 1914 г. в Цюрихе.

ловека на трибуне. Но если бы меня тогда попросили описать его фигуру и одежду, я бы затруднился. Его фигура воспринималась вместе с жестами и движениями, удивительно красноречиво подтверждавшими то, о чем он говорил. Пристально смотрел я в лицо Владимира Ильича, но, если бы меня спросили, какой у него нос, губы, цвет усов и бороды, я ответил бы: не знаю. Все это жило вместе, неотделимо друг от друга, и убеждало в правдивости его слов. На его лице ни разу не появилось малейшей гримасы или мины, но оно было очень подвижным, неуловимо подвижным, ни на секунду не оставаясь застывшим или безразличным, и это лицо отражало то, о чем он говорил.

Я, не отрываясь, глядел в его глаза, но, если бы меня спросили, какого они цвета и размера, не смог бы ответить. Я читал в них мысли, которые он высказывал. Его глаза, то гневные, то веселые и добрые, то сердитые и серьезные, то насмешливые, то лукавые с хитрым прищуром, ни на единый миг не были далекими от слушателей. Ни на один миг!..

Его глуховатый голос воспринимался вместе с теми мыслями, которые он воспроизводил, и эти мысли звучали в сознании его живым голосом. Сколько раз, много позже, когда я вспоминал, о чем он говорил тогда, в моей памяти неизменно вставали слова, воплощенные в ильичевском голосе. Было какое-то удивительное, до того никогда мною не испытанное ощущение восприятия человека. Владимир Ильич воспринимался сразу, весь целиком. Своего слушателя или собеседника он захватывал всего сразу. Трудно было выделить из этого на редкость цельного, нераздельного образа какую-либо черту и анализировать ее.

Если он говорил, то все в нем выражало то, о чем он говорил.

Не сразу пришел я в себя после доклада. Из оцепенения вывели поднявшиеся споры. В зал набилось много эсеров и меньшевиков. Не обошлось без ядовитых реплик и злобных выкриков в адрес Ленина и ленинцев, то есть большевиков... А докладчик спокойно сидел и слушал, что-то записывая. По губам временами скользила еле заметная насмешливая или лукавая улыбка. Раза два он, прикрывшись ладонью левой руки, беззвучно смеялся.

Я удивлялся: как можно быть таким спокойным? Во мне тогда все горело от возмущения, а он сидит себе

улыбается и даже смеется... И сколько ни всматривался я в него, меня снова и снова поражала его цельность. Невольно я задал себе вопрос: «Какой он?» — но ответить не мог. Перебрал все слова, какие знал в русском языке, но все они не подходили для определения Владимира Ильича и не давали даже приблизительной характеристики его образа. Вспомнилось, как ореховские рабочие спрашивали Лизу Горячеву, своего делегата на V съезде партии, о Ленине. Она с увлечением часа два рассказывала о нем, а под конец молодой подпольщик спросил:

— Лиза, а ты все-таки скажи нам: какой Ленин?

— Обыкновенный, простой, понятный и очень деловой, но очень необыкновенный, — а потом подумала, подумала да и сказала: — Я не знаю таких слов, чтобы ответить на твой вопрос.

У меня таких слов тоже не находилось.

«Ясный и очень точный», — решил я, оставив попытку найти в своем лексиконе более верные слова.

Дискуссия шла почти без перерыва. Вечер подходил к концу. Собрание перенесли на следующий вечер. Владимир Ильич быстро оделся и уехал.

С собрания мы с Викентием Семеновичем шли молча, никто не начинал разговора. Мне трудно было нарушить молчание: уж очень много впечатлений за один вечер, нужно было разобраться в них. Пока я скитался по Австрии и Германии, сидел в тюрьме и концлагере, отстал. Сегодня узнал много нового. Но самой поразительной новостью была та, что Плеханов стал оборонцем. Поразила ожесточенность и злобность споров и выпадов против Владимира Ильича и большевиков со стороны оборонцев.

Вечером следующего дня мы снова пошли на собрание.

— Ну, сегодня я тебя обязательно познакомлю с Владимиром Ильичем.

Прения шли еще острее, чем накануне. Меньшевики и эсеры, засевище по разным углам, организованно поднимали безобразный шум, крик, пытались сорвать выступления большевиков, и устраивали овации своим ораторам. Я впервые был на таком большом собрании профессионалов-революционеров разных партий, особенно из партийной интеллигенции. На собрании было человек четыреста. Я страшно возмущался распущенностью на-

ших противников, все во мне кипело, и сам я готов был ринуться в схватку с ними, но... врукопашную.

В коротком заключительном слове Владимир Ильич разбил наголову своих оппонентов. Казалось, ему это ничего не стоило. Легко, будто шутя, Ильич уложил их на обе лопатки. Кончив, он тут же заспешил на поезд.

— Да иди же! — сердито подтолкнул меня Викентий Семенович к Ленину, а я оробел и не двинулся.

— Владимир Ильич, вот привел. Это тот самый русский рабочий, беглый каторжанин, которым вы интересовались, — подталкивая меня ближе к Ленину, сказал Мицкевич и добавил: — Он только вчера прибежал из австрийского плена, без проводников они неделю плутали в горах...

— Опять сбежал! Ну и герой! — весело засмеялся Ильич, крепко пожимая мою руку. Глаза его искрились, в них запрыгали озорные огоньки, а я от робости совсем онемел и только в молчаливом восторге тарашил на него глаза.

— Слышал о вас, товарищ Козлов, еще в Кракове от Викентия Семеновича. Ну, что вы теперь думаете делать?

«И фамилию мою помнит», — промелькнуло в моем сознании. Совсем растерявшись, я не знал, что ответить, и с большим усилием выдавил из себя:

— Не знаю.

Владимир Ильич рассмеялся еще громче и заразительнее.

— Вот беда, не знаем, что делать!.. Ну ничего. Поживете у нас здесь, отдохнете, а потом решим, что с вами делать, а пока будете отдыхать, приезжайте ко мне в Берн.

Его искренний смех от души и ласковый голос привели меня в чувство, придали смелости. Я торопливо заговорил:

— Владимир Ильич, очень хочется поскорее вернуться в Россию, на подпольную работу!

— Оч-чень хорошо! Очень правильно решили, молодой человек! — уже серьезно, но все так же ласково ответил он. — Только после ваших приключений обязательно надо отдохнуть. Отдохнете, мы вас тут подучим, и тогда поедете на партийную работу в Россию. Обязательно поедете, а пока отдыхайте и учитесь.

И, снова пригласив меня побывать у него в Берне, он распрощался с нами.

Дорогой ни о чем не хотелось ни говорить, ни думать. Я целиком был во власти очарования личности Ленина, ощущал тепло пожатия его руки, еще слышал его необыкновенный брызжущий смех и ласковый голос. Викентий Семенович понимал мое состояние и тоже молчал.

Назавтра чуть свет я пошел искать работу...

«Вечно живой». М.: Изд-во политической литературы, 1965. С. 27—31.

Из воспоминаний о В.И.Ленине

В Цюрих я приехала 1 марта 1915 года, тотчас по освобождении из тюрьмы в Берлине, где сидела за... Но это другая, притом длинная история, и ее здесь рассказывать не стоит. Она имеет лишь очень косвенное отношение к тому, к чему я здесь с волнением и робостью хочу вернуться в воспоминаниях.

Да, с робостью. Потому что — боже мой! — какими крохами могу поделиться я с читателем. Но речь идет о Ленине, о некоторых эпизодах из его жизни, которым почти не осталось живых свидетелей, и я решаюсь рассказать то немного, что я о нем знаю. Ведь каждая деталь, каждая мелкая подробность его жизни, каждый штрих есть драгоценное достояние истории.

Впервые я увидела Владимира Ильича Ленина в фойе цюрихского оперного театра, на представлении вагнеровских «Валькирий». Меня тут же и познакомил с ним Владислав Германович Краевский, член Польской социал-демократической партии, профессиональный революционер. Краевский был большой поклонник Вагнера. Последнего в то время среди знатоков музыки было принято бранить, и меня поразил тот серьезный и уважительный интерес, с которым Ленин, страстно любивший Бетховена, разговаривал с Краевским о произведениях Вагнера, расспрашивал его о некоторых особенностях творчества этого композитора.

После этого я несколько раз слышала выступления Владимира Ильича на собраниях,— выступления, которые совершенно меня захватили. Познакомилась и с Надеждой Константиновной Крупской, с которой мне довелось работать в Союзе помощи заключенным.

Но вот в 1916 году в Цюрих из австрийской крепости Куфштейн прибыл член партии с 1908 года Григорий Александрович Усиевич, с которым мы быстро сдружились. Гриша Усиевич, как его многие называли, несмотря на свой молодой возраст (ему уже в Цюрихе испол-

нилось двадцать шесть лет), был закаленным большевиком, членом питерского комитета партии, судился, сидел, был сослан в Сибирь, бежал оттуда перед самой мировой войной и угодил в австрийскую крепость. Как говорится, из огня да в полымя.

Владимир Ильич заинтересовался Усиевичем, которого знал по некоторым опубликованным работам, и скоро очень привязался к нему; через Усиевича ближе познакомилась с Владимиром Ильичем и я. Начались долгие прогулки вдоль Цюрихского озера с длинными беседами, преимущественно, конечно, на политические темы.

В этот период знакомства мне приходилось бывать на квартире Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Мы все в то время жили очень скромно, чрезвычайно скромно, заработки были редки и ничтожны; приходилось считать каждую копейку. Однако скромность жизни Владимира Ильича и Надежды Константиновны поражала даже нас, выделялась даже на фоне нашего скромного существования. Мы, по крайней мере, жили в новых районах города, где было много зелени, садов. Жили, правда, в мансардах, но это были чистенькие, уютные мансарды, с цветами в ящиках на подоконниках, с чистым воздухом. А Владимир Ильич, чтобы не терять ни минуты времени, искал квартиру поближе к городской библиотеке-читальне, а она помещалась в старом городе с узкими, лишенными зелени улицами, душными и темными.

В комнате, которую они с Надеждой Константиновной снимали в семье рабочего, поддерживалась безупречная чистота. Но меблировка была до того скудна, что комната напоминала тюремную камеру. Две узкие кровати, простой стол, ни кушетки, ни даже какого-нибудь кресла. Питались Владимир Ильич с Надеждой Константиновной тоже чрезвычайно скудно. Дешевый обед в эмигрантской столовой, утром и вечером — чай с какой-нибудь недорогой колбасой.

Это была жизнь аскета. А между тем ничто не было так чуждо характеру Владимира Ильича, как аскетизм. Он был крепкий, веселый и жизнерадостный человек, страстно любящий жизнь. Ильич был чрезвычайно общителен, полон живого интереса к людям, впечатлителен и, я бы сказала, даже смешлив. Во всяком случае, смеялся он часто и заразительно. Иной раз мне в то время даже и понять было трудно, что кажется Ильичу таким невыразимо комичным в выступлении того или иного

меньшевика или другого «научного марксиста», как пышно именовали себя всяческие оппортунисты и ревизионисты. А между тем Владимир Ильич смеялся от всей души, как-то по-детски самозабвенно, откинув голову, и иногда даже хлопал себя по затылку, слушая иного путаника.

Читал Владимир Ильич чрезвычайно много, можно бы даже сказать, неправдоподобно много, если не знать одну особенность чтения Ленина. Когда я впервые увидела, как читает Владимир Ильич, мне показалось, что он просто перелистывает книгу, поверхностно просматривая ее содержание. Но потом он заговорил об этой книге, и оказалось, что он досконально освоил, прямо-таки проштудировал прочитанное. Мне это показалось чудом. Но впоследствии я узнала, что Ильичу свойственно так называемое «партитурное чтение»: в то время как обычный читатель охватывает зрением одну-две строки, в лучшем случае целое предложение, при партитурном чтении в поле зрения читающего попадает сразу пол-страницы, а то и страница.

Впоследствии мне случалось, хотя и очень редко, встречать людей, наделенных такой особенностью зрения. У них уже через час-два чтения обычно начиналась невыносимая головная боль. Мозг не в состоянии был переработать того, что передавало ему зрение. Нужен был мощный воспринимающий аппарат Ильича, чтобы сразу усваивать и перерабатывать таким образом прочитанное.

Конечно, когда литератор говорит о том, как читал Ильич, то от него ждут рассказа о том, что читал в то время Ленин из художественной литературы, что говорил о прочитанном. Но вот как раз тут я и не могу поделиться ничем толковым. Прямых разговоров Ленина о художественной литературе я не слышала, хотя из множества отдельных словечек, цитат, шуток видела, что он ее прекрасно знает и любит. Его упоминания о литературе, о музыке, живописи были всегда чрезвычайно осторожны, скромны, он не считал себя специалистом в этой области. А между тем его тонкий и точный вкус во всех областях искусства, полное соответствие литературных взглядов его общему мировоззрению, сам метод его подхода к искусству делали его мнение неизмеримо более ценным, основополагающим, нежели мнение других, даже наиболее компетентных в этой области марксистов, как, скажем, Г. В. Плеханов или

А. В. Луначарский, человек огромного таланта и прямо-таки энциклопедической образованности. Что уж говорить о других.

Осенью 1916 года нам с Григорием Александровичем пришлось уехать из Цюриха в Кларан. Кларан — это модный курорт на берегу Женевского озера. Там находилась знаменитая русская библиотека Н. А. Рубакина, в которую он пригласил нас работать.

Разумеется, жить в самом Кларане нам было не по средствам, мы поселились высоко над ним, в настоящем орлином гнезде, на высокой горе. Балкон домика, где мы жили, висел высоко над поросшим виноградником склоном горы, спускавшимся к озеру, за которым сияли снежные вершины Дандю Миди. С другой стороны из окна нашей квартирки виднелся расположенный на другой горе старинный замок Шателляр. В Кларане жила Инесса Арманд, в трех четвертях часа ходьбы в Сен-Лежье под Веве — Анатолий Васильевич Луначарский, в Божии — Александр Антонович Трояновский.

Теплая, многоснежная швейцарская зима оканчивалась. Как-то раз, под вечер, когда в зеркальные окна библиотеки Рубакина виднелись горящие на темнеющем небе, как раскаленные угли, верхушки Альп и все комнаты наполнились их розоватыми отблесками, из кабинета Николая Александровича Рубакина раздался его полузадушенный голос: «Все ко мне!» Мы кинулись, не зная, что подумать.

Лежа в кресле, прерываемым от волнения голосом он сообщил нам, что из Лозанны ему позвонили по телефону о революции в России, об отречении Николая Романова, о том, что народ вышел на улицы, создано Временное правительство.

В этот вечер мы долго не могли разойтись по домам, а вернувшись домой — уснуть. Совершилось то, ради чего жил, боролся и погибал цвет нескольких поколений в России. И вот в такой-то момент нет в России Владимира Ильича Ленина — единственного, кто (в этом мы прекрасно отдавали себе отчет) мог повести восставшие массы по правильному пути. Ведь борьба только начиналась. В Советах верховодили соглашатели. Власть явно попала в руки буржуазии, ловко укрывавшейся за фигурой позирующего на первом плане «министра революционной театральности», как окрестил Керенского Ленин после первых же сообщений из России.

Потянулись недели мучительных метаний в поисках выхода. Мы знали, что каждый день из Франции, из Скандинавии и других стран уезжали в Россию меньшевики, эсеры и прочие социал-оборонцы, стоявшие за войну «до победного конца», за поддержку в войне отечественной империалистической буржуазии. Но нам пути в Россию не было. Англия и Франция, через которые надо было бы кружным путем ехать, разумеется, были прямо заинтересованы в том, чтобы Ленин и большевики, позиции которых им были хорошо известны, не попали в Россию. Прямо заинтересовано в том, чтобы не впустить нас в Россию, было и Временное правительство.

...Вскоре нам стало известно о разосланной министерством Временного правительства своим посольствам за границей циркулярной телеграмме:

«При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашей телеграммы».

Разумеется, свидетельствовать перед капиталистами «военную благонадежность» тех, кто призывал народ не воевать за их интересы, никто из «достойных» не рвался, да об этом никто из большевиков и просить бы не стал. И уж конечно, Ленин был явно «военно неблагонадежен». Приходилось искать какого-то другого пути, минуя страны Антанты. Но где он был, этот путь?

В воспоминаниях Надежды Константиновны Крупской подробно рассказано, как метался в поисках выхода Ленин, до каких проектов он не доходил, вплоть до предложения проехать через Германию под видом «глухонемого шведа». Конечно, этот полушутливый проект был просто плодом безнадежности и многих бессонных ночей. Но ясно было одно. Иного пути, как путь через Германию, не было. Однако как проехать через эту, воюющую с Россией страну так, чтобы не дать возможности ни по ту, ни по другую сторону фронта заподозрить нас в сочувствии германской воюющей группе? И вот начались переговоры, которые нам казались бесконечными.

Ежедневно, по окончании рабочего дня, мы заходили пить чай к Инессе или захватывали ее на чай в свое орлиное гнездо и обменивались сведениями, новостями о том, как подвигаются переговоры, которые вел по уполномочию Ленина революционный швейцарский социал-демократ Фриц Платтен, депутат швейцарского

парламента, с германским посольством о проезде через Германию русских эмигрантов.

Разумеется, Владимир Ильич отдавал себе отчет в том, какой вой поднимут буржуазия и ее подпевалы из меньшевиков и эсеров, как они будут пытаться использовать проезд большевиков через Германию, чтобы ввести в заблуждение и оттолкнуть от них массы.

Поэтому все переговоры велись с максимальной открытостью, публично, с максимальным привлечением внимания всех интернационалистски настроенных зарубежных слоев. Таким образом, свой проезд через Германию Ленин согласовал с рядом западных интернационалистов, которые вынесли по этому вопросу следующее решение:

«Нижеподписавшиеся осведомлены о затруднениях, чинимых правительствами Антанты к отъезду русских интернационалистов, и о тех условиях, какие приняты германским правительством для проезда их через Германию. Они отдают себе полный отчет в том, что германское правительство разрешает проезд русских интернационалистов только для того, чтобы тем самым усилить в России движение против войны. Нижеподписавшиеся заявляют:

Русские интернационалисты, во все время войны неустанно и всеми силами боровшиеся против всех империализмов, и в особенности против германского, возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции; этим своим действием они помогут пролетариату всех стран, и в частности пролетариату Германии и Австрии, начать свою борьбу против своего правительства. Пример, подаваемый героической борьбой русского пролетариата, является лучшим и сильнейшим стимулом к подобной борьбе. Из всех этих соображений, нижеподписавшиеся интернационалисты Швейцарии, Франции, Германии, Польши, Швеции и Норвегии находят, что их русские товарищи не только вправе, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию».

Такая документация предстоявшего путешествия была совершенно необходима, как мы уже говорили. Однако такого рода публичность требовала времени, и шли недели за неделей, а у Владимира Ильича, как и у нас, земля так и горела под ногами. Наконец было выработано соглашение с германскими представителями, по которому:

1) пропуск давался всем эмигрантам, независимо от их отношения к войне;

2) вагон эмигрантов не подвергался обыску, контролю или проверке;

3) эмигранты по прибытии в Россию обязуются агитировать за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских военнопленных.

И вот, в один прекрасный день, когда я была одна дома, на лестнице послышались торопливые шаги мужа, перескакивающего сразу через три ступеньки.

— Собирайся, через полтора часа выезжаем в Берн. Ильич уже там. Завтра едем в Россию.

На станции Кларан мы встретились с Инессой и к вечеру очутились в гостинице бернского «Фольксхауза» — Народного дома. Владимир Ильич с Надеждой Константиновной были уже здесь. Собрались и другие товарищи, съехавшиеся из Цюриха, Лозанны, Женевы, из всех уголков Швейцарии. Шли последние совещания перед поездкой, составлялись еще какие-то документы — насколько мне память не изменяет, обращение к швейцарским рабочим, еще что-то¹.

Кроме того, все мы, едущие, должны были поставить свои подписи под следующим документом:

«Я подтверждаю:

1) что переговоры, которые велись Платтенем с германским посольством, мне сообщены;

2) что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3) что мне известно сообщение «Пти Паризьен» о том, что русское Временное правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками;

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя;

5) что мне поездка моя гарантирована Платтенем только до Стокгольма».

Все это продолжалось до поздней ночи. А рано утром мы сели в предоставленный нам вагон «микст», то есть наполовину жесткий, наполовину мягкий, в котором нам предстояло ехать до Швеции, где уже можно было следовать в обычном порядке. Мы сели в этот пресловутый вагон, о котором было создано столько легенд, в част-

¹ См. «Прощальное письмо к швейцарским рабочим» и «Товарищам, томящимся в плену» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, С. 60—66 и 87—94).

ности смешная побасенка «о запломбированном вагоне», в коем якобы были ввезены в Россию Ленин и его спутники. Единственным «основанием» для такой легенды послужило то обстоятельство, что, по договоренности Платтена с германским посольством, при проезде через Германию никто из немцев не имел права входить в наш вагон, равно как и мы обязывались не выходить из него. Таким образом, мы ехали на основах полной экстерриториальности. Вагон, в котором мы следовали, считался как бы клочком швейцарской территории. Насколько я помню, даже обслуживающего персонала, даже проводника при вагоне не было.

Подойдя к швейцарско-германской границе, наш поезд остановился на совсем пустынной станции — ни других поездов, ни публики. Наш вагон отцепили, чтобы прицепить его к другому поезду, но прежде была проделана церемония приема нас, заключающаяся в том, что каждый из нас выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером: первый, второй, третий — и так все тридцать. Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, никаких вопросов не задавал. Этим вся церемония и ограничивалась.

Правда, немецкие власти, желая, очевидно, показать едущим в Россию русским, что к концу третьего года войны у них еще есть неисчерпаемые запасы продовольствия, распорядились, чтобы нам подан был ужин. Худенькие, изжелта-бледные, прямо-таки прозрачные девушки в кружевных наколках и передничках разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом. Но ведь мы знали и из газет, и из сообщений изредка приезжавших в Швейцарию из Германии людей, как голодает немецкий народ, до какой степени физического истощения он доведен. Да и достаточно было взглянуть на дрожавшие от голода руки девушек, протягивавших нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, на их страдальческие лица, чтобы убедиться, что давно уже в Германии не видят ничего подобного. Запас провизии мы забрали с собой из Швейцарии на несколько дней. И мы совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем. Пусть бедняжки хоть раз поедят досыта, пусть хоть раз уснут не на голодный желудок.

Все сношения с германскими железнодорожными властями велись через Платтена.

На больших станциях поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов, с изображением свергнутого царя. Очевидно, эти истощенные до предела люди, с землистыми лицами, а таковы были в то время все виденные нами немцы, связывали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир и отдых от непосильного трехлетнего напряжения.

Вот то небольшое, что мы видели сквозь окна нашего «микста». В вагоне шла своя жизнь. Владимир Ильич большей частью сидел один или с кем-нибудь из более близких товарищей в своем купе, обсуждая план действий в России или читая, обдумывая предстоящие статьи и выступления. Мы по своим купе тоже обсуждали положение в России, гадали, как нас встретят, вели бесконечные споры о том, решится ли Временное правительство арестовать нас. Но большинство было настроено оптимистически. Рабочие не допустят ареста!

Иногда кто-нибудь вдруг пускался в ребяческие шалости, нелишенные, впрочем, некоторой дозы яда. Так, один из товарищей, учитывая некоторую склонность к революционной романтике многих из нас и нашу привязанность к Фрицу Платтену, такому надежному, верному товарищу, такому заботливому другу¹, вдруг пустил по рукам «документ», в котором говорилось, что так как есть опасность, что Фридрих Платтен не будет впущен в Россию, то, мол, в этом случае ниже подписавшиеся обязуются также не въезжать до тех пор, пока не впустят Платтена. Мы читали этот «документ» один за другим и, не рассуждая (какие могут быть рассуждения, когда речь идет о благородном акте солидарности), подписывали. Уже с несколькими подписями документ дошел наконец до Владимира Ильича. Едва бросив на него

¹ Наша всеобщая любовь и доверие к Платтену были впоследствии вполне оправданы жизнью. 5 января 1918 г. Платтен собственным телом прикрыл Ленина от пули стрелявшего вслед его машине террориста. И сам уцелел лишь благодаря счастливой случайности. (Прим. авт.).

взгляд, он спокойно спросил: «Какой идиот это писал?» И тут только мы, без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо: ведь Временное правительство не то что не приглашало нас в Россию, а делало все, чтобы помешать нам туда попасть, а мы вдруг сделаем ему такой приятный сюрприз, что сами откажемся!

Иногда мы вдруг собирались по несколько человек, у кого голоса были получше и слух не слишком подводил, и шли в купе Владимира Ильича — «давать серенаду Ильичу». Для начала мы пели обычно «Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман». Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд любимых песен Ильича: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов» и так далее.

И снова и снова мне приходилось удивляться той необычайной простоте, скромности и естественности поведения, которые отличали Владимира Ильича. Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении. Сам он, казалось, совершенно не чувствовал своей исключительности, не то чтобы дать ее почувствовать другим. Мы же знали, с каким необыкновенным человеком имеем дело, знали, что такие рождаются не каждое столетие. Понимали, что сопутствуем человеку, который призван стать во главе восставшего народа. И все-таки никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал. Он внушал лишь беспредельную любовь, с ним было радостно и счастливо. Человек чувствовал себя способным на гораздо большее, чем был способен до знакомства с ним, а главное, и сам становился проще, естественней.

Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним.

Впрочем, должна сказать, что был такой единственный момент в моей жизни, когда мне от присутствия Владимира Ильича не только не стало радостно, а даже наоборот. Дело было так. В вагоне, где мы ехали, недо-

ставало нескольких спальных мест, и приходилось спать по очереди. И вот однажды, когда я в мою очередь бдения весело болтала с товарищами в коридоре, из своего купе вдруг вышел Владимир Ильич и потребовал, чтобы я шла спать, так как теперь-де его очередь бодрствовать. И тут уж никакие протесты, никакие мольбы и уговоры не помогли. Ильич не ушел. Разумеется, не пошла ложиться на его место и я. Однако и сидя в коридоре, я чувствовала себя достаточно смущенной.

Так прошло трехдневное путешествие по Германии. Но для нас эта дорога оказалась самой легкой ее частью, и именно потому, что в наш вагон никто не входил, сами мы не выходили и, таким образом, ни с кем посторонним не сталкивались.

Дело в том, что путешествие наше вызывало повышенный интерес в прессе и воюющих и нейтральных стран. И вот, чтобы избежать всяческих кривотолков, пересудов и газетных уток, было решено, что никто из нас, едущих, ни в какие объяснения с репортерами, корреспондентами, интервьюерами и прочее не вдается, ни на какие вопросы не отвечает. Все необходимые сведения о нашей поездке и дальнейших намерениях, все интервью дает один Владимир Ильич.

Во время путешествия по Германии не было ничего легче, чем соблюдать это условие. Мы чувствовали себя свободно, как в одной из наших швейцарских квартирок. Но вот в Заснице наш поезд въехал в трюм огромного парома, сами мы разместились по каютам и после четырехчасового путешествия очутились в шведском городе Мальмё, откуда уже в шведском вагоне направились в Стокгольм. И тут началось. Уже с раннего утра в наш вагон стали ломиться репортеры. Они врывались в двери вагона, вскакивали в окна. На каждого из нас набрасывалось по двое, по трое.

Строго выполняя решение не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже «да» и «нет», а лишь мотали головами и тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках: Нашлись, наконец, и такие, которые, справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами

в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых...

Нет, право, это был нелегкий путь. Наконец поезд прибыл в Стокгольм. Здесь Ленина встретил мэр города, левый социал-демократ, и несколько его товарищей, с которыми мы отправились в расположенную неподалеку довольно комфортабельную гостиницу. По дороге наше шествие с обоих тротуаров обстреливали фоторепортеры. Приученные годами к конспирации, да к тому же памятуя о заметке в «Пти Паризьен», где нам угрожали расправой, как с государственными изменниками, мы как могли отворачивались от объективов, и в результате в печати появилось, насколько мне известно, не очень много снимков, да и на тех мало кого можно было узнать.

Мы немного отдохнули: те, кто уж очень обносился за годы скитаний, купили кое-что в магазинах, а вечером мы двинулись в дальнейший путь, теперь уже прямо к русской границе.

Ранним морозным утром мы высадились в маленьком рыбацьем городке Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе, бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним — город Торнео, находящийся в пределах тогдашней России, и развевающийся на здании вокзала красный флаг. Да, вот он свободно и весело развевается в стране, где пролилось за него столько крови. Мы молчали от волнения, устремив на него глаза. Конечно, впереди еще борьба, еще много жертв, много всего, но все же, вот оно, развевается красное знамя, сзывая борцов. Россия, с которой мы столько времени разлучены, Россия, куда так мучительно рвались...

К крылечку подъехало десятка полтора саней с впряженными в них маленькими, мохнатыми лошадами. Мы стали попарно рассаживаться, чтобы переехать через залив. Я вдруг вспомнила, что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек с вышитым серебром на уголке названием швейцарской деревни «Шамрегу». Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке и сидела в санях, не сводя глаз с красного флага над вокзалом в Торнео и сжимая в руках свое самодельное знамя. В это время са-

ни Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись. Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали в Турнео.

На перроне каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения. С первой минуты и начался горячий, живой разговор. «Смотрите, дорвались!» — сказала мне Надежда Константиновна, кивая на несколько наших особенно горячих агитаторов, казалось, забывших о том, что надо ехать дальше, отдаваясь счастьем общения с революционной массой.

Дальше мы ехали как в счастливом сне. В Белоострове рабочие прямо из вагона вынесли на руках Владимира Ильича к импровизированной трибуне. Митинг продолжался и в вагоне, где народ толпился около каждого из нас.

В Петроград мы приехали поздно ночью. На перроне был выстроен почетный караул матросов. Это ошеломило. Этого мы себе как-то не представляли. Ведь впервые войска организовано перешли на сторону народа: этого мы еще не видели никогда. Не помню, кто проводил Владимира Ильича и нас вслед за ним в царские комнаты Финляндского вокзала. Но там он, словно на неожиданную помеху, натолкнулся на пришедшего скрепя сердце встречать его одного из лидеров меньшевиков, Чхеидзе¹, который тотчас начал свою «приветственную речь», сводившуюся, в сущности, к кисло-сладким комплиментам и назиданиям о том, что не должно нарушать «единство революционной нации», «омрачать ликование бескровной революции», и прочее в этом роде. Ильич не только не отвечал на это, он даже и не дослушал, кинувшись к группе рабочих, стоявших где-то позади Чхеидзе. Мгновение спустя толпа уже вынесла его на броневик на площади, и под темным низким небом Петрограда зазвучала речь Ленина.

Прямо оттуда — во дворец Кшесинской, где, не смотря на то что было уже около трех часов ночи,

¹ Н. С. Чхеидзе был председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

собрались питерские рабочие-большевики. Толпа стояла и под окнами дворца. И снова выступление Ленина перед замершей в напряженном внимании толпой.

А выйдя утром на улицу, мы увидели и приветствие буржуазии: стены главных улиц Питера были оклеены плакатами: «Ленина и компанию — обратно в Германию». Но, как говорится, «сие от нее не зависело». Питерский пролетариат сказал свое слово достаточно громко и внушительно.

Несколько дней спустя почти все мы разъехались по разным городам России, неся в массы ленинские идеи, призывая превращать войну империалистическую в войну гражданскую, выбивать власть из рук захватившей ее буржуазии. Мы с Г. Усиевичем уехали в Москву, где и встретили Октябрьскую революцию.

Впоследствии уже после гибели моего мужа от рук белогвардейцев, мне еще не раз случалось видеть Владимира Ильича — на площадях Москвы и у него на квартире. И при этих встречах мне бросался в глаза все тот же скромный до бедности образ жизни человека, которому страна с радостью дала бы все, что у нее было самого лучшего и что он упорно отвергал, пока голодали миллионы рабочих и крестьян. Обо всем этом лучше и больше могут рассказать другие, те, кто в то время стоял несравненно ближе к нему, лучше знал все это. Я старалась говорить лишь о том, чему уже почти не осталось в живых свидетелей, могущих рассказать об этом лучше.

«Новое время», 1958, № 16.
С. 3—8.

На юге Швеции расположен маленький городок Треллеборг. Он связан паромным сообщением с Германией. Холодным апрельским вечером 1917 года я ожидал в этом городке прибытия парома. Солдат на посту, несколько таможенных служащих — больше никого вокруг не было. Никто не знал, кого ждали¹.

Но вот паром у пристани. На верхней палубе его показалась рослая фигура с непокрытой головой. Это Фриц Платтен, швейцарский социалист. Ему доверил Ленин организацию этой поездки. Вокруг него несколько десятков человек. Я киваю Платтену, и вскоре все начинают кивать и улыбаться. Спускается трап, я спешу на борт. Сердечные объятия и поцелуи по русской традиции.

Несколько отдельных спальных вагонов, готовые немедленно отправиться в Стокгольм, ждали гостей.

Ленин подошел ко мне, и мы обсудили план дальнейшей поездки. В Мальмё, крупном городе, расположенном в тридцати километрах от Треллеборга, поезд должен был задержаться на несколько часов. Там в гостинице был заказан обед.

Вскоре мы покинули гостиницу. Проезжие пробудили большой интерес ее обитателей. Они докучали мне своими вопросами: «Кто эти странные люди?» Разумеется, никто из них не мог и предположить, что эти люди станут через полгода хозяевами великой России.

Вернувшись к поезду, мы начали располагаться на ночь. Ленин, я и еще два товарища заняли спальное купе. Женщины заняли другие купе. Всего было одиннадцать женщин, из них две-три с детьми.

Заснуть в эту ночь никому не удалось. Сначала Ленин рассказал о трудностях переезда из Швейцарии,

¹ В Треллеборге (Швеция) ожидалось прибытие группы русских эмигрантов во главе с В. И. Лениным, направлявшейся из Швейцарии в Россию через Германию. Встреча О. Гримлунда с В. И. Лениным состоялась 30 марта (12 апреля) 1917 г.

о попытке проехать через страны Антанты, которые отказались предоставить визу, и о переговорах, которые Платтен вел в Германии. Потом я услышал красочное описание того, как во время поездки шведско-немецкий социал-шовинист Вильгельм Янсон, представляющий немецкое профсоюзное движение, пытался на одной из станций проникнуть в поезд, чтобы поговорить с Лениным.

А затем градом посыпались на меня вопросы Ленина: Брантинг и его влияние? (Брантинг был лидером шведской правой социал-демократии.) Положение нашей партии, ее численность и воля к борьбе, сколько членов партии в риксдаге, что они сделали и т. д.? Профсоюзы, их отношение к политическим течениям, их кассы, кто вожди, как велики стачки? Молодежный союз, как велик, каково его значение, какова тактика? И т. д. и т. п.

Спустя час я попытался взять реванш, достал блокнот и ручку и стал задавать вопросы об отношении к Европе, об общем политическом положении и о революции в России.

Интервью это не было опубликовано. До сих пор оно лежит в одном из ящиков моего письменного стола. Но для меня эти ночные часы, пока поезд грохотал, двигаясь на север, были более чем интервью. Это был урок социализма, полет над полем борьбы, который я никогда не забуду.

Ленин был не из тех, кому обязательно нужна была большая аудитория, чтобы развивать свои мысли. Он считал, что молодому журналисту из маленькой Швеции также нужно изложить свои взгляды на политическое положение в мире.

Он ясно определил отношение своей партии к тогдашней стадии русской революции. Он посмеялся над социалистами Керенского и буржуазными империалистами. Он очертил в эти ночные часы программу действий большевиков, которую несколько дней спустя должен был обнародовать, выйдя из поезда на Финляндском вокзале в Петрограде. Всю власть в руки рабочих. Советов! Мир народу! Землю крестьянам!

В Стокгольме, куда мы прибыли утром, русские остановились на один день. Для Ленина было важно встретиться с руководителями шведской партии. И встреча была организована. На ней присутствовали некоторые из членов ЦК, часть партийцев из риксда-

га. Ленин развил там те же мысли, что и ночью в разговоре со мной¹.

После обеда нам удалось уговорить Ленина прогуляться по городу. Мы собирались купить ему костюм. Ленин вместе с Крупской пошли в большой универмаг и купили костюм, который теперь демонстрируется в Музее Ленина в Москве. Ленин ворчал, считая, что старый костюм мог бы ему послужить еще некоторое время. Купить ему еще что-нибудь было совершенно невозможно. «Я еду домой, в Россию, не за тем, чтобы открывать там какое-нибудь ателье, а делать революцию!» — шутил он.

Ночью поезд отправился дальше через Хапаранду в Финляндию, а затем в Петроград, в Россию. Я остался в Стокгольме.

Встречался я с Лениным и позднее, уже в России.

В январе 1918 года я приехал в Петроград.

Мой приезд совпал с созывом Учредительного собрания. Большинство Учредительного собрания не отражало интересов и желаний народа и было враждебно настроено к большевикам.

В день открытия Учредительного собрания Петроград был взбудоражен уличными демонстрациями. Получив номер в гостинице, я тотчас отправился в Таврический дворец, где должно было засесть Учредительное собрание². Оно открылось под неопишемый шум, аплодисменты справа и свист слева.

Но вдруг шум затих. Кто-то пробивал себе дорогу через людские массы у боковых входов. Делегаты поднялись, вытянули шеи, чтобы посмотреть, что случилось. От человека к человеку пронеслось: «Ленин!..» А через мгновение разразился гром аплодисментов, криков одобрения, приветствий друзей вождю новой России.

Я попытался со своего места увидеть Ленина. Он сидел на лестнице, которая вела к трибуне.

Полчаса просидел он так, в одиночестве, о чем-то размышляя. Никто ему не мешал. Но вдруг Ленин поднял лицо: решение принято. Он что-то сказал близко стоящим друзьям. Когда проходило голосование, большевики уже покинули зал. Весь вечер и всю ночь

¹ Речь идет о совещании шведских социал-демократов интернационалистов 31 марта (13 апреля) 1917 г., в котором принял участие В. И. Ленин.

² Заседание состоялось 5(18) января 1918 г.

правые лидеры говорили и говорили... В четыре часа утра охрана дворца решила, что болтовни слишком много. Несколько матросов поднялись к председательствующему и заявили: «Мы хотим спать. Лучше всего прервать заседание!»

Так бесславно закончилось Учредительное собрание свое существование...

Два дня спустя я встретил Ленина поздно вечером, около двенадцати часов. Это было то небольшое мгновение, которое он мог предоставить самому себе, урывая от своего сна. В другие дни мы лишь кивали друг другу при встрече в маленькой столовой Смольного. Несмотря на все заботы в эти первые тяжелые месяцы, связанные с беспорядками, с тяжелыми переговорами в Брест-Литовске, он был всегда веселым и улыбающимся.

«О, вы увидите, что все будет хорошо. Мы уже сделали это, это и это. Будьте уверены, сделаем!» Это был удивительный оптимизм, который заражал окружающих, придавал им уверенность и мужество в работе.

Мы часто встречались и в 1919 году. Швеция являлась для новой России «отдушиной» в мир. Ленин внимательно относился к шведским товарищам. Я получил от него фотографию с дружеской надписью.

В 1919 году был образован Коммунистический Интернационал. Я был на I конгрессе единственным представителем шведской партии¹. В эти дни Ленин был, как всегда, прост и общителен.

Однажды вечером несколько человек: французский писатель Анри Гильбо, Фриц Платтен, наш друг — спартаковец Альберт (Хуго Эберлейн) и я — решили посмотреть город. На лестнице мы встретили Ленина.

— Разрешите быть вашим чичероне, — сказал он.

Мы хотели тут же поговорить с ним. Об этом он не хотел и слышать. Было решено: сначала сделаем небольшую прогулку, а потом выпьем кофе.

Итак, мы отправились в путь, побеседовали о бюстах Дантона и Каляева у городской думы, посмотрели на белое мерцание луны над Красной площадью, над старыми кремлевскими стенами и главами церквей и пошли домой по пустынному Кремлю. Ленин весело смеялся по пути:

¹ I конгресс III, Коммунистического Интернационала состоялся 2—6 марта 1919 г. в Москве.

— Разве не «обсудили» бы меня в Центральном Комитете, если бы узнали, что я был на ночной прогулке вместо того, чтобы сидеть и работать...

Несколько дней спустя после конгресса часть делегатов нанесла короткий визит в Петроград. Приехал сюда и Ленин. Случилось так, что я, Платтен и Гильбо встретились с ним в поезде на обратном пути в Москву¹. После небольшой трапезы Ленин пригласил нас в вагон. Началась оживленная дискуссия. В поезде была сестра Ленина, комиссар железных дорог Невский и жена Максима Горького — симпатичная артистка Андреева.

Андреева втянула нас в бурную дискуссию о современном искусстве. Ленин только улыбался. Было видно, что он думал о чем-то другом.

Вскоре он увлекся беседой с комиссаром железных дорог. Проблема транспорта и связанная с ним проблема обеспечения продовольствием городов была очень актуальной. Около четырех утра мы легли немного вздремнуть. А Ленин все еще обсуждал вопросы реорганизации железных дорог...

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 5. С. 93—96.

¹ В. И. Ленин выехал из Петрограда в Москву 13 марта 1919 г.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

Приезд в Россию тов. Ленина

(Из книги «Кронштадт и Питер в 1917 году»)

—Сегодня вечером в Петроград приезжает Ленин,—сказал мне Л. Н. Старк. Это было 3 апреля 1917 года.

Я тотчас позвонил по телефону Л. Б. Каменеву. Известие подтвердилось, и в условленный час мы вместе с Львом Борисовичем, Ольгой Давыдовной¹ и Теодоровичем поехали на Финляндский вокзал. Там, как всегда, былолюдно и шумно.

В вагоне Каменев рассказывал о Владимире Ильиче и посмеивался над встречей, которую ему готовили петербургские товарищи: «Надо знать Ильича, он так ненавидит всякие торжества». В оживленной беседе дорога прошла незаметно, и вот в сумерках уже заблестели огни Белоострова. В станционном буфете собралось довольно много народу: Марья Ильинична², А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай — всего около двадцати ответственных работников партии. Все были в оживленном, приподнятом настроении. Для большинства приезд Ленина явился полной неожиданностью. Зная о невероятных затруднениях, чинимых правительством Антанты к возвращению крайних левых эмигрантов в Россию, мы очень беспокоились за наших вождей и, каждый день остро чувствуя неотложную настоятельность их приезда, в то же время мирились с мыслью, что едва ли так скоро удастся их увидеть в своих рядах. Остроумная идея проезда через Германию нам как-то не приходила в голову — настолько мы свыклись с мыслью о непроходимых барьерах, установленных войной между воюющими государствами. И вдруг оказалось, что для наших товарищей открылась реальная возможность скорого возвращения в революционную Россию, где они были нужны и где их места пустовали.

Однако тогда даже не все партийные товарищи сочувственно относились к проезду через Германию. Мне

¹ Жена Л. Б. Каменева.

² М. И. Ульянова.

в этот же день пришлось услышать голоса, осуждавшие это решение по тактическим соображениям, в предвидении чудовищной кампании лжи и клеветы, действительно не замедлившей обрушиться на нашу партию.

Но все равно, не будь этого повода, у наших врагов всегда нашелся бы другой. Решение Ленина как можно скорее любым способом добраться до России было безусловно правильно и как нельзя более отвечало настроению большинства партии, которой не доставало ее признанного вождя. Трудная политическая обстановка, сложившаяся в условиях незаконченной и непрерывно продолжавшейся революции, требовала непоколебимо твердой и выдержанной линии.

Вот раздался первый звонок, предвещавший приближение поезда. Мы все вышли на перрон... Здесь, оживленно переговариваясь под сенью широкого красного знамени, нетерпеливо ждали поезд рабочие Сестрорецкого оружейного завода. Они за несколько верст пришли пешком для встречи своего любимого вождя.

Наконец быстро промчались три ослепительно ярких огня паровоза, а за ним замелькали освещенные окна вагонов — все тише, все медленнее. Поезд остановился, и мы тотчас увидели над толпой рабочих фигуру Ленина. Высоко поднимая Ильича над своими головами, сестрорецкие рабочие пронесли его в зал вокзала. Здесь все приехавшие из Петрограда, друг за другом, протискивались к нему, сердечно поздравляя с возвращением в Россию. Мы все, видевшие Ильича впервые, на равных правах с его старыми партийными друзьями и родственниками, целовались с ним, точно давно знали его. Он был как-то безоблачно весел, и улыбка ни на одну минуту не сходила с его лица. Было видно, что возвращение на родину, объятую пламенем революции, доставляет ему неизъяснимую радость. Не успели мы все поздороваться с Ильичем, как возбужденный, взволнованный радостью свидания Каменев быстро вошел в залу, ведя за руку не менее взволнованного Зиновьева. Каменев знакомит нас с последним, и, обменявшись крепким рукопожатием, мы все вместе, окружив Ильича, идем в его вагон.

Едва войдя в купе и усевшись на диван, Владимир Ильич тотчас накидывается на Каменева.

— Что у вас пишется в «Правде»? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали... — слышится

отечески журящий голос Ильича, от которого никогда не бывает обидно.

Сестрорецкие товарищи просят Владимира Ильича сказать несколько слов. Но он увлечен разговором с Каменевым: так много нужно узнать и еще больше высказать.

— Пускай Григорий выступит, надо попросить его,— говорит Ленин, возвращаясь к прерванной политической беседе с Каменевым.

Зиновьев выходит на площадку вагона и произносит небольшую, но горячую речь — первую на территории революционной России.

Затем мы вместе проходим в его купе. Там знакомлюсь с тов. Лиловой и с мальчиком — сыном Зиновьева. Григорий необычайно оживлен и радостен. Он рассказывает, как швейцарский социалист Фриц Платтен организовал их поездку, как они ехали через Германию, как Шейдеман пытался повидать Ленина, но Ильич категорически отклонил это свидание. «Мы ехали в тюрьму, готовились к тому, что по переезде границы нас немедленно арестуют»,— говорит он и затем переходит к дорожным впечатлениям.

Поезд тем временем незаметно подходит к Питеру. Вот наш вагон уже втянулся под навесы длинных пассажирских платформ. Вдоль этой платформы, к которой подходит наш поезд, по обеим ее сторонам, оставляя широкий проход в середине, выстроились матросы 2-го Балтийского флотского экипажа. Командир экипажа Максимов, молодой офицер из прапорщиков флота, с азартом делающий карьеру на революции, выступает вперед, пересекает путь Ленину и произносит приветственную речь. Он заканчивает ее курьезным выражением надежды, что т. Ленин войдет в состав Временного правительства. На наших лицах появляются улыбки. «Ну,— думаю,— покажет вам Ленин участие во Временном правительстве. Не обрадуютесь!» И действительно, когда на следующий день Ильич публично развернул свою программу, то Максимов, выскочка и политический ребенок, поместил в буржуазных газетах письмо в редакцию, отрешиваясь в нем от встречи Ленина и объясняя свое участие неведением об его проезде через Германию.

Но матросы-массовики не имели основания раскаиваться, так как уже тогда они видели в Ленине своего признанного вождя.

В ответ на пожелание о вступлении в состав Временного правительства Ленин громко бросает боевой лозунг: «Да здравствует социалистическая революция!»

На вокзале масса народу. Преобладает рабочая публика. Ленин проходит в «парадные покои» Финляндского вокзала, где его приветствуют представители Петроградского Совета: Чхеидзе и Суханов¹. Он кратко отвечает, снова заканчивая свои слова восклицанием: «Да здравствует социалистическая революция!» Наконец с тем же лозунгом он обращается к тысячной толпе, собравшейся на площади перед вокзалом, чтобы приветствовать старого вождя российского пролетариата. Эту речь Ленин произносит, стоя на броневике. Ряд закованных в сталь автомобилей вытянулся у Финляндского вокзала. Лучи их прожекторов прорезают вечернюю темноту и бросают длинные снопы света вдоль улиц Выборгской стороны.

Ленин уезжает в цитадель большевизма, бывший дом фаворитки царя Кшесинской, после Февральской революции занятый нашими руководящими партийными учреждениями. Вслед за ним я тоже отправился в дом Кшесинской. Ехавший со мною в трамвае «новожизнец» Суханов кисло брюзжал по поводу ленинских речей. Особенное недовольство вызвал в нем призыв к социалистической революции. Вспоминая Суханова, каким он был во время войны, я положительно не узнавал его и не мог понять происшедшей перемены.

Начав свою публицистическую деятельность народником, Н. Н. все больше и больше приближался к марксизму, пока наконец во время войны не занял вполне приличную антиоборонческую позицию, обосновывая ее аргументами, взятыми из марксистского арсенала. Открыто высказав Суханову сожаление по поводу того, что он так резко отошел после Февральской революции от нашей партии, к которой явно тяготел во время войны, я услышал проникнутый горечью ответ: «Такие выступления, как сегодняшние речи Ленина, еще больше отчуждают и удаляют меня от вас». Непримиримость

¹ В воспоминаниях Н. К. Крупской и других источниках называются фамилии Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелева, участвовавших во встрече В. И. Ленина в качестве официальных представителей Петроградского Совета. Приветственную речь в «парадных покоях» («царской комнате») произнес Н. С. Чхеидзе (Воспоминания о Ленине. Изд. М., 1984. Изд. 3-е. Т. 1. С. 442; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 56). Н. Н. Суханов там только присутствовал, но с речью не выступал.

и раздражительность Суханова указывали на то, что он окончательно и безнадежно скатился в яму обывательского понимания революции и горьковско-интеллигентского нытья.

Вокруг дома Кшесинской мы застали огромную толпу рабочих и солдат, внимательно слушающих горячую речь Ленина, произносившуюся им с балкона второго этажа. Он говорил о развитии и перспективах мировой революции.

«В Германии — кипит. В Англии правительство держит в тюрьме Джона Маклина», — доносились до меня фразы Ильича. Мы застали только конец речи, которую Ильич закончил бодрым, оптимистическим аккордом, говорившим о российской революции как о начале международного восстания трудящихся, которое приближается с каждым днем. В воротах дома товарищи проверили мой документ, заодно прошел и Суханов.

Мы поднялись на второй этаж, где Ильич, закончив свою речь, только что принялся за чаепитие. Здесь находилось много партийных работников, среди которых нетрудно было различить видных членов питерской организации и ответственных товарищей, приехавших из провинции. В разных концах обширной комнаты завязался оживленный разговор. Вскоре Ильича снова вызвали на балкон, так как его пришли приветствовать наши товарищи-кронштадтцы. Семен Рошаль, находившийся в этот день в Кронштадте, узнав о приезде Ленина, собрал всех желавших его встретить и по талому льду привел их в Питер. Начавшаяся оттепель послужила причиной их невольного запоздания. Рошаль поднялся на балкон и от имени кронштадтцев приветствовал Ленина. Ильич ответил краткой речью. Лозунг социалистической революции пришелся как нельзя более по душе кронштадтцам и был подхвачен восторженным гулом «ура» и целым ураганом аплодисментов.

Затем все снова вернулись в комнаты, где непрерывно происходила встреча старых друзей, разлученных годами тюрьмы и эмиграции, и знакомство новых работников, выросших в эпоху «Звезды» и «Правды», с ветеранами революции и большевизма. Помню покойного А. А. Самойлова, как он, подойдя к Зиновьеву, назвал себя, напомнив свое сотрудничество в дореволюционной «Правде» под псевдонимом «А. Юрьев». Зиновьев горячо пожал ему руку. Вскоре все присутствовавшие спустились вниз, в большую комнату с роялем и примы-

кающим к ней зимним садом, где прежде была фешенебельная гостиная балерины, а теперь обычно происходили многочасные заседания рабочих. Здесь состоялось выступление Ильича. Один за другим выступали ораторы, выражая чувство глубочайшей радости по поводу возвращения в Россию закаленного вождя партии.

Ильич сидел и слушал все речи с улыбкой и нетерпеливо ждал конца.

Когда список ораторов был исчерпан, Ильич сразу ожил, поднялся и приступил к делу. Он решительным образом напал на тактику, которую проводили руководящие партийные группы и отдельные товарищи до его приезда. Он едко высмеял пресловутую формулу поддержки Временного правительства «постольку-поскольку» и провозгласил лозунг: «Никакой поддержки правительству капиталистов», одновременно призывая партию к борьбе за передачу власти в руки Советов, за социалистическую революцию.

На нескольких ярких примерах Ленин блестяще доказал всю фальшь политики Временного правительства, вопиющие противоречия между его обещаниями и делами, словами и фактами, настаивая на том, что наш долг состоит в беспощадном разоблачении его контрреволюционных и антидемократических поползновений и действий. Речь Ленина длилась около часа. Аудитория застыла в напряженном и неослабеваемом внимании. Здесь были представлены наиболее ответственные работники партии. Но и для них речь Ильича явилась настоящим откровением. Она положила рубикон между тактикой вчерашнего и сегодняшнего дня.

Ленин ясно и отчетливо поставил вопрос: «Что делать?» — и от полупризнания, полуподдержки правительства призвал к непризнанию и непримиримой борьбе.

Конечное торжество Советской власти, мерещившееся многим в туманной дали более или менее неопределенного будущего, Ленин перевел в плоскость неотложного и в ближайшем времени достижимого завоевания революции. Эта речь была в полном смысле слова исторической. Здесь Ленин впервые изложил свою политическую программу, на другой день формулированную в известных тезисах 4 апреля. Эта речь произвела целую революцию в сознании руководителей партии и легла в основу всей дальнейшей работы большевиков. Недаром тактика нашей партии не составляет одной прямой ли-

нии, а после приезда Ленина делает крутой поворот влево.

Когда Ильич закончил свою речь, оставившую у всех незабываемое впечатление, ему была устроена бурная и продолжительная овация.

Каменев в нескольких словах резюмировал общее настроение:

— Мы можем быть согласны или не согласны со взглядами товарища Ленина, можем расходиться с ним в оценке того или иного положения, но, во всяком случае, в лице товарища Ленина вернулся в Россию гениальный и признанный вождь нашей партии, и вместе с ним мы пойдем вперед, навстречу социализму.

Каменев нашел объединяющую формулу, приемлемую даже для тех, кто еще колебался, не разобравшись в потоке новых идей. Все присутствующие солидаризировались с Львом Борисовичем единодушными горячими аплодисментами.

Во всяком случае, несмотря на те или иные разногласия, единство партии было сохранено. Под руководством своего дальновидного вождя она прошла через победы и неизбежные временные поражения, пока наконец не достигла триумфа в своей героической борьбе за рабоче-крестьянскую власть.

Ф. Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Л.; 1925. С. 89—95.

Броневой дивизион в своем составе имел много рабочих — слесарей, токарей. Они образовали большевистские ячейки. Большевики были и на Петроградской стороне в мастерских. Оттуда пришел броневик, который встретил Ленина около Финляндского вокзала.

Наша команда, команда школы шоферов, благодаря влиянию вольноопределяющихся, была оборонческая, команда гаража в Михайловском манеже колебалась.

Ленин приехал в Михайловский манеж (теперь тут Зимний стадион). Это огромное помещение, слабо освещенное дневным светом с двух сторон, через окна, доходящие до пола; окна были сильно запылены. В помещении стояли броневики — двухбашенные «остины», одnobашенные «ланчестеры», тяжелые пушечные «гарфорды» и другие машины. Мы все машины получали из-за границы, и единства вооружения у нас не было.

Сюда приехал Ленин. Это было 15 апреля 1917 года.

Спустили борта на одном из броневиков. Броневик был окружен людьми, которые положили локти на платформу. Люди смотрели на Ленина снизу вверх.

Я увидел невысокого, очень широкогрудого человека. Ленин снял шапку. Оказалось, он рыжеват и высоколоб.

Люди, которые пришли с Лениным, сняли с него пальто и вместе с пальто сняли пиджак. Я увидел богатырскую грудь Ленина, крепкие руки физически очень сильного человека.

Ленин надел пиджак и начал говорить о задачах революции. Говорил спокойно, воодушевляясь. Казалось, большая птица летит по ветру, как будто управляя этим ветром. У нас обыкновенно изображают великих людей несчастливыми, страдающими, переживающими трагические противоречия, как будто величие — тяжелая болезнь. Ленина я видел два раза в больших выступлениях.

Я видел: этот человек счастлив. Он знал, чего хотел, знал, что будет. День революции, который так долго ожидался, пришел. Люди, которые делают революцию,

находятся перед Лениным. Люди охвачены революцией. Это их дело. Она делается для них. Им надо объяснить их собственные интересы. Им надо рассказать о них самих, об их завтрашнем дне: это для Ленина было наслаждением. Он говорил связно, просто: одна и та же мысль кругами возвращалась, все более и более спокойная и очевидная. Это было выступление против мирового капитализма, разъяснение того, что рабочие должны организоваться. Здесь не было никаких тайн между человеком, который говорил, и людьми, которые слушают. Человек добивался одного: чтобы его поняли.

Он двигался по платформе, обращаясь в разные стороны. Голос у него был высокий, слегка картавый, дикция ясна до предела. Я не знаю, уместно ли это говорить, но, пожалуй, скажу: для меня, для студента, в Ленине был виден еще другой человек — профессор. Закончив выступление, он сел на грузовик, с ним заговорила женщина, он встал и начал разговаривать с женщиной стоя, этого не заметив. Потом он что-то писал в маленькой записной книжке, поворачиваясь спиной к аудитории, и не стеснялся этого. Он был человеком на работе, я повторяю — птицей в воздухе. Это был очень счастливый и далеко видящий человек. Он был счастлив не сегодняшним днем, а завтрашним тысячелетием.

В. Шкловский. Жили-были.
М.: Советский писатель, 1964.
С. 116—117.

Я слушаю Ленина

Я хочу закончить свои воспоминания рассказом о своей работе в большевистской печати в первые годы Октябрьской революции. Эта работа и связанные с нею незабываемые встречи озарили последний этап моего жизненного пути.

Много лет я была дружна с революционным студенчеством Горного института; у меня на квартире не однажды происходили студенческие собрания; я прятала прокламации; целый год у меня скрывался сподвижник лейтенанта Шмидта — матрос Фесенко.

Когда к вечеру 9 января возмущенные рабочие стали строить баррикады на Васильевском острове, я всем существом потянулась к ним — я была на баррикадах.

В конце 1905 года у меня на квартире составлялся первый номер большевистской газеты «Молодая Россия»; помню, что ближайшее участие принимали тогда М. Горький, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. Номер газеты оказался единственным и конфискованным. Тем не менее я, к сожалению, прямого деятельного участия в революционном движении не принимала.

В 1917 году один знакомый студент-горняк Глеб Иванович Бокий предложил мне пойти послушать выступление Ленина на митинге в Морском корпусе.

Этот день определил мою дальнейшую дорогу.

Помню, как сейчас, все моменты знаменательного для меня вечера.

Люди тянутся гуськом по набережной Васильевского острова, возле старого здания Морского корпуса. Несколько месяцев назад сюда входили только чистенькие кадеты, лощеные гардемарины и элегантные морские офицеры: чтобы учиться в Морском корпусе, надо было быть непременно дворянином. Теперь сюда свободно шли рабочие, навсегда выставив дворянчиков из пожелтевшего здания.

Тщательная проверка пропусков. Кто? Зачем? От кого получили пропуск?

В огромном конференц-зале так тесно, что трудно шевельнуться. Воздух скоро делается тяжелым, густым:

слабо светят в тумане человеческого дыхания огоньки люстр.

Я оглядываюсь; мне кажется, что я одна женщина-интеллигентка в массе рабочих... Я стараюсь освоиться, но вот внимание привлекает шум; толпа расступается; к трибуне идут два человека: один невысокий, плотный, коренастый, в кепке; у него маленькая рыжеватая борода и слегка прищуренные глаза. Я успела рассмотреть, что глаза — зоркие и словно смеются.— Ленин. Другой — выше, с продолговатым лицом, блондин; говорит сильно на «о» — Н. И. Подвойский.

Ленин быстро, почти стремительно поднимается на трибуну. Гром аплодисментов.

Как ясно, как просто и убедительно говорит он, говорит о войне, о братании на фронте, и я ловлю себя на мысли: «Как же все люди не видят гнусных целей империалистической войны?» Перерыв. Ленину неистово аплодируют.

Вносят на руках обрубок человека — безногого солдата. Он протягивает Георгиевский крест, единственную ценность, которую он может пожертвовать на фронтовую газету «Солдатская правда».

Сбор идет по всему залу. Вокруг инвалида группа, расспрашивающая его о фронте. По рукам ходят свежотпечатанные экземпляры «Солдатской правды». Гул веселый, бодрый гул. Около Подвойского толпа: он разъясняет ленинский доклад, голос его раскатывается своим округлым «о».

Снова движение в толпе, и снова на трибуне Ленин — такой ясный и уже такой близкий человек.

Он заканчивает речь среди шумных оваций, которые сливаются с торжественными звуками «Интернационала». В первый раз я слышала, как рабочие поют «Интернационал». До сих пор помню впечатление, какое произвело на меня это мощное пение: оно подхватило меня, вовлекло в рабочую массу, смущение мое мгновенно прошло. Я пела со всеми и чувствовала неразрывную связь с этой массой, чувствовала веру в человека, которого только что, в первый раз в жизни, услышала и которому светло и радостно — я видела это — верили рабочие.

Толпа выплеснула меня из зала на улицу. Мы шли и пели. Все пели, и это пение чудно объединяло...

...В военку¹ нужно было захватить поутру лишь на минутку, чтобы, как было условлено, встретиться здесь со Смилгой и направиться вместе на Крестьянский съезд. И хотя день был голубым и прохладным, постоянно текучая толпа разношерстного митинга по-прежнему суетилась перед молочно-глянцевым особняком Кшесинской.

Сапоги фронтовиков гулко ляцкали по мраморным ступеням вестибюля, волоча за собою тючки отвозимых в окопы газет. В коридорах по-прежнему деловито сновали вереницы агитаторов — солдат и рабочих. Сизая пыль крутилась из-под ног косыми дымными столбами. Подвойского не было, но не было и Смилги. Застенчивый верзила — солдат Тобиас, казначей нашей военки, передал мне, что Смилга где-то занят и поручает мне одному охлопотать наши мандаты в канцелярии Крестьянского съезда. Однако он тут же прибавил, что с Крестьянским съездом успеется, а меня дожидается уже заготовленный все тем же неутомимым Подвойским делегатский мандат на открывающийся сегодня Всероссийский съезд офицерских депутатов, на котором мне поручено во что бы то ни стало присутствовать, так как на этом будто бы настаивает Ленин.

Мысль, что это — поручение Ленина, меня и взволновала и окрылила. С восторгом я принял мандат, но неясность задания смутила меня. Почему бы не обратиться за указаниями к самому товарищу Ленину? Мне тут же сказали, что его отыщу я на Мойке, в редакции «Правды».

Светло-серый высокий дом на углу, у закованной в камень Канавки. В бельэтаже — гостиница «Бристоль», населенная кокотками и офицерами, а этажом выше — дверь с дощечкою «Сельский вестник» под императорским двуглавым орлом. В полутемной прихожей, заворачивающейся как-то углом, я столкнулся с двумя рабочими завода «Вулкан». Они приносили сюда замет-

¹ Военная организация при ЦК РСДРП(б).

ки о своих неполадках с администрацией и оживленно толковали об этом со скромно одетой, немного сутулою женщиной с круглым лбом и широким, чуть вздернутым носиком, делавшим весь ее облик каким-то ласковым и деловитым. Внимательно наклонив гладко зачесанную голову набок, она смотрела на своих собеседников бодрым приветливым взглядом быстрых и черных маленьких глаз. Потом уже только узнал я, что это родная сестра товарища Ленина, Мария Ильинична Ульянова, неутомимый, бессменный секретарь нашей боевой большевистской центральной газеты. Мой офицерский облик, должно быть, смутил сейчас и ее, и она осторожно осведомилась, кто я и кого мне здесь нужно. Получив мой ответ и взглянув на протянутый мною мандат, она деловито кивнула и ушла в дверь направо, оставив ее полуоткрытой.

Видневшаяся через дверь небольшая тусклая комнатка с одним окном, выходящим к серой стене, должно быть, служила здесь редакторским кабинетом, и оттуда торопливо вышел Ленин. Он посмотрел на меня быстрым взглядом и, возможно, признал меня по прошлой случайной беседе в Таврическом, потому что радушно кивнул мне и пытливо спросил:

— Ну, как, товарищ, в чем дело?

Я объяснил, что еду сейчас с мандатом нашей военки на съезд офицеров и хотел было осведомиться, как там себя вести, каковы там наши задачи. Ведь съезд-то не особо нам близкий.

— Если вы точно знаете, что состав его сплошь контрреволюционный, то, пожалуй, незачем туда и ходить,— улыбнулся Ленин благодушно, и от его карих глазок разбежались шутивные лучики.— Разве что только с целью информации... Но,— прищурился он, зашипнув коротенький клинышек русой бородки,— если вы увидите там, что есть элементы, особенно из офицеров военного времени, которые настроены хотя б пацифистски и способны в определенный момент встать на сторону солдатских масс, на сторону крестьян и рабочих, то следовало бы выступить перед ними и доказать невозможность других выходов из войны, кроме как революционного. Словом, поступайте, как подскажет вам обстановка. Ну, а где вообще-то сейчас вы работаете? — спросил вдруг Ленин, и мне показалось, что это он так спросил, чтобы скорей и учтивей отделаться от меня. Я поэтому бегло пробормотал о моих ораниенбаумских задачах.

— Владимир Ильич! — нетерпеливо позвали его из кабинета, и мне стало совестно, что я отвлек его этикими пустяками. Но он словно не слышал призыва.

— Вот это важно, это существенно важно! — аж весь вспыхнул Владимир Ильич, внимательно выслушав мою бормотню.— Будьте упорны и во что бы то ни стало сделайте свой гарнизон большевистским. Если на этом пути у вас возникнут какие-нибудь организационные недоумения, навещайте сюда лично ко мне, я всегда буду рад вам помочь... И вообще держите меня в курсе вашей работы... И о вашем съезде тоже расскажете...— Он крепко пожал мою руку, приветливо улыбнувшись, и так же торопливо ушел в редакторский кабинет.

Должно быть, чрезвычайно блаженная и вместе с тем смущенная улыбка плавала у меня на лице, когда я спускался по каменной лестнице и вышел на Мойку, так как встречные с любопытством оглядывались на меня.

Золотистый облик Владимира Ильича, немного приземистого, но удивительно проворного и такого приветливого, сиял передо мной мириадами солнечных лучиков своих шуточно прищуренных глаз. Он произвел на меня неизгладимое впечатление.

В самом деле: какое трогательное деловое внимание, казалось бы, к таким мелочам! Какое сердечное участие и товарищеская заботливость к заурядным пустякам рядового работника партии!.. И какая искренность этого участливого увлечения!

Но как я нетактичен! Разве мне неизвестно, как Ленин перегружен ответственной работой? Зачем же я сунулся к нему за разрешением мелкого вопроса, осмыслить который я должен был бы и без помощи Ленина? Ведь по сути: все, что сказал мне Владимир Ильич, было удивительно верно и вместе с тем удивительно просто, тогда как я ожидал, очевидно, каких-то особенных откровений. Мне, как и в первую встречу с ним, вновь сделалось стыдно за свою несмышленость. И ласковый образ вождя, столь бешено преследуемого кругом неистовой ненавистью и клеветой наших врагов, загорелся сейчас передо мной, как гигантский маяк, новым, боевым ослепительным светом.

Солдатская баллада

В массах все больше росло недовольство политикой буржуазного Временного правительства. Солдаты стремились домой, тосковали по родным и близким, каждый хотел засеять свою полоску в надежде снять урожай собственными руками.

Как-то, лежа на нарах в казармах, я написал стихотворение под названием «За честь России-матушки». Потом прочитал его на одном из полковых митингов. Солдатам понравилось.

Спустя некоторое время ко мне подошли двое товарищей.

— Где твоя солдатская баллада? — спросил один из них.

— Вот здесь, в кармане, — ответил я.

— Ну, тогда пошли!

— Куда?

— Прямым рейсом в редакцию «Правды».

Мы пришли в самый разгар редакционной работы. Вокруг секретаря толпилось много людей — кто с письмом, кто с заметкой. Дошла очередь и до меня. Я показал свой листок. Мельком взглянув на него, секретарь кивнул на дверь:

— Пройдите, там покажете...

Он что-то хотел добавить, но его прервали нетерпеливые рабкоры, солдаты с фронта и заводские ребята.

Я вошел в кабинет. За письменным столом, заваленным бумагами, сидел человек и что-то писал, склонив набок голову.

— Что у вас? — приветливо спросил он.

— Стихи... Солдатская баллада, — робко сказал я, положив на стол листок.

— Садитесь, пожалуйста! — Товарищ указал на кресло и стал внимательно читать мои стихи. Потом встал из-за стола. — Это мы напечатаем! А скажите, как у вас дела в полку?

Я начал рассказывать.

— Как называется ваш полк?

— Павловский.

— Ну и какое у солдат настроение?

Когда я сказал, что солдаты против войны, он заговорил, быстро шагая по комнате:

— Войну надо кончать, и как можно скорей! Армия смертельно устала, ей противна эта бойня... Вы на фронте были? — спросил он, положив руку на мое плечо.

— Да! — ответил я. — На фронте предают солдат. Нет снарядов, продовольствия.

— Вот-вот! Об этом говорится и в ваших стихах. — Он снова заглянул в мой листок. — Нет! Война нам не нужна... Армия может и должна обратить оружие против своих угнетателей — помещиков и капиталистов! Павловский полк и теперь, как и в февральские дни, должен быть в первых рядах наших революционных войск.

Я вышел, глубоко потрясенный словами этого человека, который очень задушевно, с большим дружеским участием говорил о наших заветных солдатских делах.

Секретарь, увидев меня, спросил:

— Ну, как ваши стихи?

— Да вот товарищ одобрил, обещал, что будут напечатаны.

Секретарь улыбнулся:

— Если Владимир Ильич сказал, значит, стихи пойдут.

— Ленин?! — с радостным волнением воскликнул я.

— Он самый!

На улице меня с нетерпением ждали друзья. Я торопливо поведал обо всем, что со мной произошло в редакции.

Солдаты начали меня упрекать:

— Ах ты, чудака! Надо было побольше рассказать о нашей солдатской жизни. Он все должен знать!

— Он и так хорошо знает все! — заметил я.

А через три дня мое стихотворение появилось в «Правде».

Это было 16 июня 1917 года.

Июльские дни

Третьего июля ранним утром я вышел на улицу. Со всех сторон на грузовиках, пешком собирались рабочие к своим районам. Они пели, смеялись. Проходили матросы, загорелые, в белых бескозырках и синих, немного выцветших воротниках. Шли девушки, женщины заразительно веселые.

Балтийский ветер шумел в дворцовых садах, вскипая на Неве широкими и порывистыми волнами.

«Вся власть Советам!» — читал я большевистские лозунги.

«Долой десять министров-капиталистов!»

Толпа все увеличивалась. Она выстраивалась в ряды, выкрикивала лозунги и напоминала штормовые океанские волны, поднятые первым ветром нарастающей бури.

Люди шли все вперед и вперед. Вал за валом, гребень за гребнем, заливая мосты, площади, улицы и переулки.

Утром на заводы «Новый Лесснер» и «Старый Парвайнен» пришли солдаты 1-го пулеметного полка и просили грузовики для оружия.

Они становились в цехах среди машин на черные замасленные табуреты и призывали рабочих поддержать вооруженное восстание.

На Выборгской стороне заревели гудки. По заводам начинались общие собрания.

У машин, в цехах, собирались крепкие вооруженные люди. Другие бежали по улицам с винтовками и за винтовками, третьи строились в колонны, боевые, безмолвные колонны. Я привел свой отряд рабочей милиции, построил его на фоне фабричных труб, жалких деревянных домишек, улиц, поросших травой, потом двинул вместе со всеми к Невскому.

Мною в этот июльский день, как и многими другими, владело простое и глубокое чувство чистой радости людей, впервые осознавших возможность победы.

Я шел впереди колонны, как все большевики, хотя партия и отказалась от вооруженного выступления в этот день...

Было написано и послано в «Правду» воззвание, чтобы по выходе газеты в свет удержать рабочих и солдат от выступления, остановить не вовремя начавшееся вооруженное восстание.

Но разве можно остановить разыгравшийся ураган?

И, несмотря на то что партия разослала во все районы, по всем заводам и фабрикам агитаторов и пропагандистов, движение с каждым часом росло.

Четвертого июля с утра площадь у дворца Кшесинской была залита темно-синим морем матросских воротников. Алели знамена рабочих организаций.

По рядам пронеслось магическое слово: «Ленин». Ленин вышел на балкон, спокойный как всегда. В простых и теплых словах Ленин передал революционный привет морякам, съехавшимся из Ораниенбаума, Кронштадта, Петергофа. Он выразил уверенность, что лозунг, провозглашенный большевиками: «Вся власть Советам!», — победит. Ленин призывал моряков к стойкости, к выдержке, к бдительности.

Разноречивый, многоголосый гул выростал.

В дворах, запертых наглухо, около которых стояли молчаливые дворники, я, проходя вместе с демонстрацией к Литейному проспекту, заметил спешенных казаков.

Вдруг вся улица заполнилась ими.

Я обратил внимание на фигуру казачьего командира. Его лицо было искажено, и с ненавистью он бросал в толпу слова:

— Дождались — свобода...

На улице запели. Сначала раздался высокий женский голос, затем второй, а первый, контральто, все больше и больше звал его вперед — вся улица подхватила песню и понесла ее, как знамя. Казаки дрогнули и остановили коней. А песня росла и росла.

К демонстрации присоединилась новая рабочая колонна.

С Литейного и Садовой раздалась первые выстрелы.

Казаки слышали сигнал, которого с таким нетерпением ждали. Выскакивая из дворов, они на ходу садились на лошадей и мчались навстречу демонстрации, все еще поющей свои песни. Снова раздалась выстрелы, и, как бы в раздумье, постояв на месте, покачнувшись юная, красивая девушка, шедшая рядом со мною.

Матрос поднял девушку. Из рта ее лилась кровь.

У всех, кто это видел, поднималась безудержная ярость, но сделать мы ничего не могли, так как уже со всех сторон били пулеметы. Люди, расстроив колонны, пригибаясь к земле, бежали к подъездам, к воротам, где их встречали пулями и саблями юнкера и казаки.

Когда я пробежал мимо того места, где раздались первые выстрелы, я увидел девушку на мостовой с открытыми глазами и окровавленным ртом. Я остановился, долго всматривался в ее лицо. И вдруг сердце сжалось у меня от боли: я узнал Шуру Кривцову, с которой я в шестнадцатом году работал в Москве, в студенческом подпольном паспортном бюро.

Шура лежала на мостовой, раскинув руки, а рядом с нею, под ударами казачьих эскадронов, падали новые и новые мои товарищи, и по их живым телам мчались казацкие кони.

Демонстрация отступила, не приняв боя.

«Октябрь», М.: Гослитиздат,
1957. С. 29—31.

ЮККА К. ЛАТУККА

Ленин в подполье в Финляндии¹

В последние дни сентября 1917 года в среде рабочих Петрограда и Москвы и вообще России большевики имели сильное влияние. Тысячами и десятками тысяч рабочие становились в ряды борющихся. Шансы Временного (второго коалиционного) правительства приостановить революционное движение трудящихся уменьшались изо дня в день.

Ставка Корнилова на контрреволюцию оказалась битой. Призыв «Вся власть Советам!» доносился из всех уголков России. Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь среди беднейших и малоземельных крестьян этот призыв сплачивает их ряды, не говоря уже об армии, которая все более и более решительно становилась на революционный путь,— солдаты отказывались воевать и массами оставляли фронты.

Владимир Ильич Ленин по постановлению ЦК РСДРП(б) проживал в это время в Гельсингфорсе (Финляндия) у Ровио. Но так как из Гельсингфорса связь с Центральным Комитетом партии, находившимся в Петрограде, оказалась затруднительной, то явилась необходимость устроить Ленина где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.

В воскресенье 17 (30) сентября², в день, назначенный для приезда Владимира Ильича, я, встав рано утром и приведя комнату в надлежащий вид для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем квартале города, в так называемой Таликкала.

От радости, что мне предстоит принять вождя русско-го революционного пролетариата, я шагал легко и быстро.

«Привезти» Ленина из Гельсингфорса должен был тогдашний главный редактор местной рабочей газеты

¹ Печатается с небольшими сокращениями.

² По уточненным данным, Ленин переехал из Гельсингфорса в Выборг позднее 6 или 7 октября 1917 г. (Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 4. С. 358—359).

Хуттунен, на квартиру которого я и направился. Дверь открыли. Меня провели в комнату. «Где же Владимир Ильич? Дайте мне его увидеть поскорей». В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришел за ним? Сейчас его увидишь, обожди минуточку», — и вышел.

Немного погодя Хуттунен позвал меня, сказав, что Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода — Иванова) ждет меня на кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым», — потихоньку сказал он мне. Причем по его глазам можно было прочесть: «Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией».

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на собрание, а Ленин остался у него до вечера. И только вечером, забрав «багаж» (три кипы газет и кое-какой скарб) и наняв извозчика, мы отправились по направлению к моей квартире.

Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы понравились Владимиру Ильичу. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «Значит, эту квартиру вы, товарищ, предоставляете мне?», Ленин пожал мне руку и сказал: «Здесь я смогу хорошо поработать».

И действительно, в своем новом «рабочем кабинете» он работал. Рабочий день был распределен у него точно. Установлены были определенные часы, когда вставать утром, для обеда и ужина, для бесед и дневного отдыха. Только время, когда ложиться спать, не определялось. «Ну, это будет зависеть от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного», — сказал Ленин и тут же добавил: — Хотя мы и требуем для рабочих восьмичасового рабочего дня и даже шестичасового в некоторых отраслях, мы, как партийные работники, не считаемся со своим рабочим временем». И этот план Владимиром Ильичем выполнялся точно. Отступления от него допускались им только тогда, например, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Владимир Ильич сидел за письменным столом. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником местной рабочей газеты «Тюэ» — «Труд»), я заглядывал к нему в комнату, так как Владимир Ильич просил никогда не уходить, не предупредив его.

Он всегда справлялся, когда вернусь, просил сообщать новости и т. д. «Следите за телеграммами ПТА¹, я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте»,— говорил он мне. И я давал обещание следить за телеграммами, исполняя его поручения.

Дни уходили. Мы очень подружились; беседовали, когда Владимир Ильич уставал от чтения или писания; шутили иногда. Интересно и поучительно было слушать его рассказы про свою жизнь в эмиграции. При этом Ленин говорил: «Быть может, и вам, товарищи (то есть финнам), придется еще в жизни своей жить в подполье или эмигрантами». И он, как это показали последовавшие в 1918 году события, не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Владимира Ильича в моей квартире.

По газетам он усердно следил за событиями в России и в других странах. Почту с утренними петроградскими газетами (они получались в Выборге в 11 часов утра) он ожидал, как голодный обеда. Интересно было смотреть, как бегали его глаза по столбцам газет, ни одна малейшая заметка не ускользала от его глаз. «Нельзя ли достать газет крайне правых партий!»— спрашивал он, и приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ленин на черносотенные газеты. Ведь они критиковали шаги Временного правительства и указывали на те силы, группировки, которые способны были на контрреволюцию. А это нужно было Владимиру Ильичу для его статей, которые он писал и которые мною отправлялись в Петроград.

Событиями местного характера Владимир Ильич также интересовался. Узнав, что я часто бываю в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение выборгского гарнизона к большевикам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я легко выполнил, благодаря гг. Ракову и Половому, которые имели точные сведения о настроении квартировавших в Выборге полков.

Ленин давал ценные указания, как в дальнейшем вести работу в армии. Впервые он также указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

¹ ПТА — Петроградское телеграфное агентство.

В Выборгский Совет часто приезжали докладчики. Во время пребывания Владимира Ильича в Выборге предполагалось, между прочим, выступление с докладом о текущем моменте эсерки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Владимиру Ильичу. Но лучше было бы ему об этом не говорить, ибо Владимир Ильич тотчас же начал обсуждать вопрос, как ему поступить, чтобы присутствовать на данном докладе. И несмотря на то что я указал ему на полную недопустимость такого шага, он настаивал на своем: «Прослушать Спиридонову сейчас, в данный момент, политически мне очень важно и полезно». — «Этого я не отрицаю, товарищ, — ответил я, — но по многим причинам этого нельзя устроить, вас могут захватить агенты Временного правительства».

На счастье, у меня мелькнула мысль, с которой Ленин тотчас же согласился. Я обещал сам быть на докладе и взять с собой одного товарища, знающего стенографию. «Полная напечатанная стенограмма будет в ваших руках на другой же день после доклада», — сказал я Владимиру Ильичу. На следующий день было получено известие, что доклад Спиридоновой не состоится. Дома я передал это Владимиру Ильичу, и он успокоился и, шутя, разбирал вопрос, какая кара была бы мне от партии в том случае, если бы я не удержал Ленина и он на докладе был бы арестован.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство стоит накануне своего падения, Владимир Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я бывал в городе и по вечерам. Не помню — 6 или 7 (19 или 20) октября я получил вечерние газеты, содержавшие официальное сообщение о смене кабинета. Владимир Ильич, узнав, что в новый состав правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., глубоко вздохнул и сказал: «Значит, наконец последнее правительство Керенского сформировано». Хотелось мне ему сказать, что, следовательно, следующим будет правительство «т. Иванова», но все же не сказал.

В те же дни было получено из Москвы сообщение, что на выборах районных дум большевистский список собрал значительное количество голосов. В какой-то газете, хорошо не помню в какой, было сообщено еще, что из 17 тысяч солдат московского гарнизона 14 тысяч отдали свои голоса большевистскому списку. «Я не

понимаю, почему при таких обстоятельствах они не берут власти в свои руки?!» — вырвалось у Владимира Ильича.

Ленин жил революцией и сам бурлил, как революция.

Помню, что он два-три раза писал довольно длинные письма в Петроград товарищам, руководившим движением, в которых отмечал, что история никогда не простит нам, если мы не возьмем власти в свои руки теперь¹.

На одно свое письмо Владимир Ильич по каким-то техническим причинам не получил ответа. Тогда он написал новое письмо, где указывал, что он сам, без разрешения ЦК партии, выйдет из подполья и прибудет в Петроград руководить революционным движением пролетариата. И только приезд Шотмана помешал ему исполнить свое решение. Помню, каких трудов стоило Шотману уговорить Владимира Ильича остаться еще на неделю.

Ленин согласился, но Шотман должен был написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК партии не разрешает самовольного приезда Ленина в Петроград. «А подпись? — заметил Владимир Ильич. — Поставьте и дату». Эту историческую бумажку я взял у Шотмана и сунул в ящик комода. Там она осталась после отъезда Владимира Ильича; после моего бегства, при власти белых в Финляндии, она была сожжена моими родственниками из опасения репрессий со стороны белых.

В последнюю неделю пребывания Владимира Ильича у меня он с раннего утра до поздней ночи работал, готовился к назревающим событиям.

В субботу 7 (20) октября² прибыл наконец долгожданный Эйно Рахья с поручением от ЦК партии доставить Ленина в Петроград. Времени не стали терять. Смастерили парик, сделавший нашего Владимира Ильича неузнаваемым — финским пастором.

При расставании я пожелал Владимиру Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов, находившихся в порядке дня в России. «Следуйте нашему примеру», — был сердечный ответ Ленина,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 280—283, 340—344.

² В. И. Ленин мог приехать в Петроград в один из дней между 3 и 10 (16 и 23) октября. (Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 4. С. 373.)

и они вышли. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. Поезд в 2 часа 35 минут дня дал свисток — «Октябрьская революция» была на пути в Россию. На станции Райвола наши путешественники оставили площадку вагона; часа через два Владимир Ильич на тендере паровоза, на котором машинистом был Ялава, и Эйно Рахья в первом вагоне поезда переехали границу и на станции Ланская¹ оставили поезд.

Через две недели, 25 октября (7 ноября), Октябрьская революция стала фактом.

Мне пришлось, как это уже предвидел Владимир Ильич, после поражения финляндской революции стать эмигрантом.

В 1918 году я два раза бывал у Владимира Ильича в Москве в Кремле. Первый раз, 30 июля,— беседовали около полутора часов. «У меня найдется всегда время для друзей»,— сказал он, когда я, покончив свое дело, хотел уйти, зная, что он занят более важными государственными и другими делами. Его интересовали тогда причины поражения финляндских рабочих в гражданской войне. «Посещайте меня, звоните номер 36-182, вас я всегда приму. Ведь теперь наша очередь помочь вам (финнам)»,— говорил мне Владимир Ильич. Еще раз, 19 августа, побывал я у Ильича, когда прибывшие в Петроград беженцы-финны начали сильно голодать. Ильич дал нам несколько вагонов хлеба. Больше мне не приходилось его видеть, так как я был командирован на работу в Петроград...

«Ленин в Октябре». М.: Госполитиздат, 1957. С. 270—275.

¹ В. И. Ленин и Эйно Рахья доехали до станции Удельная, а не Ланская. (Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 4. С. 373).

ДЖОН РИД

Десять дней, которые потрясли мир

НЕУДЕРЖИМО ВПЕРЕДИ

(Фрагмент из книги)¹

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них². Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

Каменев читал отчет о действиях Военно-революционного комитета: отмена смертной казни в армии, восстановление свободы агитации, освобождение солдат и офицеров, арестованных за политические преступления, приказы об аресте Керенского и о конфискации запасов продовольствия на частных складах... Бурные аплодисменты.

Снова представитель Бунда. Непримируемая позиция большевиков губит революцию, поэтому делегаты Бунда вынуждены отказаться от дальнейшего участия в съезде.

Выкрики с мест: «Мы думали, что вы ушли еще прошлой ночью? Сколько раз вы будете уходить?»

¹ Печатается фрагмент из V главы книги.

² Речь идет о втором заседании II Всероссийского съезда Советов, проходившего 26 октября (8 ноября) 1917 года.

Затем представитель меньшевиков-интернационалистов. Крики: «Как! Вы еще здесь?» Оратор разъясняет, что со съезда ушла только часть меньшевиков-интернационалистов, а часть осталась на съезде.

«Мы считаем передачу власти Советам опасной и, быть может, даже гибельной для революции... (Шум). Но мы считаем своим долгом оставаться на съезде и голосовать против этой передачи».

Выступили и другие ораторы, по-видимому, получившие слово без предварительной записи. Делегат от донецких углекопов призывал съезд принять меры против Каледина, который мог отрезать столицу от угля и хлеба. Несколько солдат, только что прибывших с фронта, передали собранию восторженное приветствие от своих полков.

Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому, не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!»

Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий: без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения... Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран...»¹

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикюляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания...

Когда затих гром аплодисментов, Ленин заговорил снова:

¹ Имеется в виду написанный В. И. Лениным проект Декрета о мире (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13—16).

«Мы предлагаем съезду принять и утвердить это воззвание. Мы обращаемся не только к народам, но и к правительствам, потому что обращение к одним *народам* воюющих стран могло бы затянуть заключение мира. Условия мира будут выработаны за время перемирия и ратифицированы Учредительным собранием. Устанавливая срок перемирия в три месяца, мы хотим дать народам возможно долгий отдых от кровавой бойни и достаточно времени для выбора представителей. Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим...

Революция 24—25 октября,— закончил он,— открывает собою эру социалистической революции... Рабочее движение во имя мира и социализма добьется победы и исполнит свое назначение...»¹

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорил Ленин.

Было внесено и открытым голосованием немедленно принято предложение предоставить слово только представителям фракций и ограничить время ораторов 15 минутами.

Первым выступил Карелин от имени левых эсеров: «Наша фракция не имела возможности предложить поправки к тексту обращения, поэтому оно исходит от одних большевиков. Но мы все-таки будем голосовать за него, потому что вполне сочувствуем его общему направлению...»

От социал-демократов интернационалистов говорил Крамаров, длинный, узкоплечий и близорукий человек, которому суждено было стяжать не вполне лестную известность шута оппозиции. Только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий, заявил он, может обладать достаточным авторитетом, чтобы решаться на столь важное выступление. Если такая социалистическая коалиция образуется, то наша фракция поддержит всю программу, если же нет, то она поддержит ее только частично. Что до обраще-

¹ Д. Рид излагает доклад В. И. Ленина о мире (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13—18).

ния, то интернационалисты всецело присоединяются к его основным пунктам...

После этого в атмосфере растущего воодушевления выступали один за другим ораторы. За обращение высказались представители украинской социал-демократии, литовской социал-демократии, народных социалистов, польской и латышской социал-демократии. Польская социалистическая партия тоже высказалась за воззвание, но оговорила, что она предпочла бы социалистическую коалицию... Что-то пробудилось во всех этих людях. Один говорил о «грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся», другой — о «новом веке братства, который объединит все народы в единую великую семью...» Какой-то делегат заявил от своего собственного имени: «Здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, а потом говорите, что рассмотрите все мирные предложения. Рассмотреть — значит принять...»

Ленин сейчас же вскочил с места: «Мы хотим справедливого мира, но не боимся революционной войны... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом... Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполняет чашу, и в Германии разразится революция...

Мы согласны рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их. За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца, но очень возможно, что среди них найдутся и такие, ради которых мы не сочтем необходимым продолжать войну... Но главное — мы хотим покончить с войной...»

Было ровно 10 часов 35 минут, когда Каменев предложил всем, кто голосует за обращение, поднять свои мандаты. Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, сидящий солдат плакал как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее

небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!» И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забытых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции¹, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...

Ленин оглашал декрет о земле...²

Воспоминания о В. И. Ленине
в 5 т. Т. 5. Политиздат,
1985. С. 115—119.

¹ Речь идет о Февральской революции 1917 г. (по новому стилю Д. Рид называет ее «Мартовской»).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 24—26.

Ночь с 25 на 26 октября
1917 года.

Бои были ожесточенные. На ведущих к Зимнему улицах с четырех часов дня не утихала пулеметная и ружейная стрельба. Около полуночи в Петрограде прогремел первый оружейный выстрел. Временное правительство капитулировало. Керенский был вынужден бежать. Революционный пролетариат одержал полную и безусловную победу.

В час ночи большой зал Советов ломился от народа. Ораторы сменяли друг друга на красной трибуне. Охрипшие и возбужденные, пламенно жестикулируя, они провозглашали победу революции. Непрерывный гул, неумолчный, как морской прибой, наполнял огромный зал. То и дело распахивались двери. Входили вооруженные рабочие с горящими глазами, с потемневшими от порохового дыма лицами, растерянно оглядывались по сторонам и в изнеможении падали в кресла. То и дело потрясающие вести о новых боях и победах поднимали зал на ноги. Сдался почтамт. Окружены кадетские казармы. Еще один полк сложил оружие. Пал Арсенал. Каждое известие сопровождалось оглушительными приветственными криками, и в зале вспыхивал «Интернационал». На трибуне продолжали сменяться ораторы. Но зал все кипел от гула криков, клочкотал от ненависти и жажды мести.

Вдруг воцарилась мертвая тишина. Все как загнипнотизированные обратили свои взоры в одну точку.

К трибуне мелкими шагами шел невысокий, лысый, строго одетый человек средних лет, держа под мышкой пачку бумаг. Положив бумаги на стол, он перелистал их и, бросив на толпу короткий острый взгляд, в котором, казалось, искрилась улыбка, принялся читать.

Читал уверенно, спокойно и ровно, как лекцию в университете. Читал, и на лице его не вздрагивал ни один мускул, не отражалось ни одно из чудовищных потрясений этого дня, читал грозные декреты, провозглашавшие впервые в истории экономическое и социальное ра-

венство между людьми, декреты, которые отнимали землю у помещика, обобществляли промышленность, дома, имущество, все, не оставляя камня на камне от всех устоев прошлого. Зал молчал, словно оцепенев. Ни одного хлопка, ни одного возгласа одобрения или протеста, никаких споров. Только руки взлетали вверх после каждого параграфа, утверждая с молниеносной быстротой основополагающие законы самой глубокой социальной революции.

Чтение продолжалось ровно один час тридцать пять минут.

А когда наступила очередь последнего параграфа, того самого, что одной фразой венчал все свершения мира и социализма, великой революционной ночи, Ленин, отложив смешавшиеся листки, тоже поднял руку, проголосовал и опустил широкую тяжелую ладонь, как нож гильотины, на все привилегии прошлого.

«Друзья Октября и мира».
М.: Художественная литература,
1977. Изд. 2-е, дополненное.
С. 142—143.

*Первое интервью
иностранному корреспонденту*

Наскоро позавтракав, я поспешил в Смольный. На этот раз получить пропуск было гораздо труднее: красногвардейцы и солдаты из усиленной охраны, вооруженные винтовками и пулеметами, внимательно разглядывали мою визитную карточку, держа ее вверх ногами (она была напечатана по-английски), и только слова «американский корреспондент» еще оказывали почти магическое действие.

Когда я заявил, что уже бывал здесь, мне быстро выдали пропуск, и я очутился внутри здания. Густая толпа загромодила все лестницы и коридоры, и я с большим трудом протискивался сквозь ряды рабочих, солдат, красногвардейцев и др., медленно продвигавшихся по направлению к залу заседаний. Едва пробившись туда, я вынужден был остановиться у самой двери.

Зал был битком набит. Происходило непрерывное заседание Петроградского Совета¹ и председательствующий объявил выступление еще невидимого оратора приблизительно следующими словами (я цитирую по памяти):

— Среди нас здесь находится товарищ, которому преследования правительства Керенского не позволяли выступать на митингах и собраниях. Вы все его знаете. Разрешите представить товарища...

Последнее слово потонуло в оглушительном взрыве аплодисментов, так как в эту минуту Ленин внезапно появился на трибуне. Люди вскочили с мест, некоторые взобрались на стулья, чтобы лучше видеть. Все хлопали, кричали: «Да здравствует Ленин!» Трудно описать, что творилось в зале. Это было бушующее море звуков. Просто дух захватывало.

¹ Речь идет о заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. Заседание открылось в 2 часа 35 минут. После сообщения Военно-революционного комитета о свержении Временного правительства и победе революции с докладом о задачах власти Советов выступил В. И. Ленин (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2—3).

Я смотрел на лица людей: они выражали страстную, беспредельную преданность скромному и внешне ничем не выделявшемуся человеку. Он был среднего роста, с большим лбом и заметной лысиной, с несколько выдающимися скулами и слегка прищуренными глазами. Ленин стоял, время от времени поднимая руку, чтобы прекратить овацию, но она с каждым разом становилась все оглушительнее. Эта буря восторженного преклонения продолжалась ровно четыре минуты (я смотрел на часы). Она длилась бы дольше, если бы Владимир Ильич не сделал решительного жеста и не шагнул вперед. Было очевидно, что его мысли заняты были не этой ошеломляющей встречей, а чем-то гораздо более важным для него. Речь Ленина подтвердила мое впечатление: он говорил о переходе всей власти к Советам.

На меня эта демонстрация народного восторга произвела такое сильное впечатление, что я даже забыл вынуть свой блокнот и вспомнил об этом позднее, когда в голове остались разрозненные обрывки речи. Впрочем, теснота там была такая, что, стоя, я едва ли смог бы делать записи.

Речь Ленина была проста, в его манере отсутствовала какая бы то ни было аффектация. Он говорил предельно ясно и логично. Теперь, спустя сорок пять лет, я позволю себе привести мой ответ на вопрос профессора Чикагского университета Мида вскоре после моего возвращения в Соединенные Штаты, чем я объясняю успех Ленина.

«Ленин — человек действия, а не красивых слов, и действия строго рассчитанного и целесообразного... Ленин знал точно, чего он хочет, и для достижения своего идеала, не поколебленного ссылкой в далекую Сибирь и многими годами изгнания за границей, он не щадил ни себя, ни других. Но самое главное — это то, что Ленин понимал народ и его нужды. Он знал, что русскому крестьянину не нужны Константинополь и Дарданеллы, о существовании которых он и не подозревал, а нужна земля; что русскому рабочему, работавшему десять — двенадцать часов в сутки, нужен восьмичасовой рабочий день и более сносные условия жизни, а не британская конституция и свобода ораторствовать в русском варианте лондонского Гайд-парка; что тому же крестьянину или рабочему, одетому в солдатскую шйнель, нужен мир, а не «война до победного конца». Он обещал дать им все это, и они пошли за ним.

И в том, что Ленин не смог сразу выполнить все свои обещания, виноваты великие державы, включая и страну самого господ бога¹. Вот чем объясняется то, что вы назвали «успехом Ленина».

Что меня всегда поражало в Ленине, это отсутствие сознания власти, которое так пагубно действует на обыкновенных смертных. Он оставался все тем же простым, искренним и доброжелательным человеком и никогда не терял чувства юмора. Рассказывали, что в первый Новый год после Октября Ленин, поздравляя одного из своих друзей по телефону, пожелал ему «не повторять ошибок прошлого года», причем он выразился так, что это пожелание относилось и к нему самому. Про Ленина можно с полной искренностью сказать, что он был прост в своем величии и велик в своей простоте.

Уже было совсем темно, когда я покинул Смольный. По мере приближения к центру города становилось все труднее продвигаться. Всюду встречались патрули и целые отряды красногвардейцев и матросов.

Толпы народа двигались по Невскому, стояли на углах, как бы в ожидании чего-то. Иногда слышались отдельные выстрелы, к которым я за эти дни уже успел привыкнуть. Улицы, ведущие к Зимнему дворцу, были оцеплены, туда никого не пускали, и я понял, что готовится штурм.

Некоторое время спустя, когда я сидел в своей комнате, я вздрогнул от пушечного выстрела, который, как гром, прокатился совсем близко от меня. То был исторический зал крейсера «Аврора», стоявшего на якоре на Неве, всего в нескольких сотнях метров от моей квартиры.

Те десять дней, которые потрясли мир, потрясли и меня до глубины души, и я пришел в себя только на одиннадцатый, когда события начали принимать «будничней» характер и я вполне освоился с положением.

Меня стала тяготить моя изолированность, установившаяся помимо моей воли, стечением чрезвычайных обстоятельств, и я решил познакомиться с американской колонией, особенно с журналистской братией. Газетчиков оказалось немного, но они были незаурядные, не подходившие под общий тип американских корреспондентов за границей. Первый, с кем я столкнулся,

¹ «God's own country» — так некоторые американцы любят называть свою страну. (Прим. авт.)

был Джон Рид. Я знал его по книге «Восставшая Мексика», но никогда не встречался с ним. Ярый социалист, он, будучи студентом аристократического Гарвардского университета, заинтересовался созданным там первым в истории этого респектабельного заведения социалистическим клубом. Приехав в Россию, он тотчас же примкнул к большевикам и начал посылать восторженные статьи, особенно после победы над Временным правительством.

Когда я встретился с Джоном Ридом в обществе нескольких корреспондентов, он, предполагая во мне политического противника, держался несколько настороженно, даже немного вызывающе. Шла речь о предстоящих переговорах о перемирии между Советской страной и западными державами, и я высказал мнение, что, конечно, им следует заключить мир.

— Слушайте, слушайте,— воскликнул Рид,— представитель Associated Press призывает к миру!

При этом он смотрел на меня, язвительно улыбаясь. Это была несомненная оплошность с моей стороны, просто сорвалось с языка, так как мой служебный лексикон не должен был содержать слово «мир»: Associated Press было за войну до победного конца. Это мне ясно дал понять генеральный директор агентства мистер Стоун еще до моего отъезда в Россию. И я исправил свою оплошность, сказав шутливым тоном:

— Но, джентльмены, это заявление не предназначено для печати.

Рид упомянул об этой нашей встрече в своей книге «10 дней, которые потрясли мир», не назвав меня, однако, по имени. Это была единственная моя встреча с будущим автором знаменитой книги.

Другим выделявшимся среди журналистов был корреспондент нью-йоркской «Ивнинг пост» Альберт Рис Вильямс, с которым у меня установились приятельские отношения. Это был уже вполне зрелый человек с чрезвычайно мягкими манерами и обаятельной улыбкой. Он мне понравился с первого взгляда.

Русская революция сыграла большую роль в его жизни: отказавшись от скромного прихода в небольшом горняцком поселке в штате Пенсильвания, он променял проповедь на перо журналиста и, чтобы попасть в Россию, стал корреспондентом одной из самых консервативных газет. Альберт мне со смехом рассказывал, как после первой же корреспонденции, не отличавшейся

консервативными суждениями о русской революции, он получил от редакции извещение об отказе от его дальнейших услуг.

Но это не обескуражило Вильямса, и он начал собирать материал для книги. Октябрьская революция захватила его целиком, он даже вступил солдатом в Красную Армию и с одобрения Ленина организовал интернациональный легион для борьбы против наступающих немцев. Вильямс написал несколько книг об Октябрьской революции, о Советской России, о Ленине, восторженным поклонником которого остался на всю жизнь.

Когда я с ним встретился в Нью-Йорке в конце 1919 года, Альберт показал мне пробный оттиск его новой работы о России — «Семьдесят шесть вопросов и ответов о большевиках и Советах». Эта брошюра разошлась за короткое время в двух миллионах экземпляров — явление очень редкое в американской политической литературе.

Вильямс много раз приезжал в Советскую Россию, он был одним из самых преданных ее друзей, и когда через сорок с лишним лет я навестил его в Кремлевской больнице в Москве, мы вспоминали те незабываемые дни в Петрограде. Он с большой любовью говорил о великом вожде, с которым имел счастье неоднократно встречаться и даже жить рядом с ним в гостинице «Националь» и который доверил ему свое послание американским социалистам-интернационалистам.

Только после долгих мытарств Вильямсу тогда удалось добраться к родным берегам и рассказать своим соотечественникам о событиях в России, свидетелем которых он сам был. Во Владивостоке он потерял свой чемодан с рукописями.

Познакомился я также с Робертом Майнором, известным карикатуристом, сотрудничавшим в журнале «Либерейтор» и других радикальных изданиях. Он не одобрял буржуазных газет.

— Какая же это свобода! — говорил он мне, разводя руками и пожимая плечами.

Я встретился с ним снова в Чикаго в начале двадцатых годов, и он пригласил меня позавтракать с ним в ресторане. За завтраком он советовался со мной относительно комплектования редакционного персонала газеты.

Оказалось, что дни, проведенные в Петрограде, не прошли для него бесследно: он теперь являлся редакто-

ром первой коммунистической газеты, которая должна была выйти в Чикаго. Я поздравил его с начинанием на новом пути, который представлялся мне очень тернистым.

Выборы в Учредительное собрание, которых все ожидали с большим нетерпением, состоялись в назначенное время, 12 ноября¹. Когда стали известны результаты выборов в Петрограде и они оказались благоприятными для большевиков, я решил проинтервьюировать Ленина о перспективах его партии во всероссийском масштабе и отправился в Смольный.

Получить доступ туда для меня уже не представляло никаких затруднений, и я очутился в приемной. Ленин вообще был очень доступен и терпеливо выслушивал всякого, кому удавалось преодолеть препятствие в лице преданного ему персонала канцелярии. В те дни иностранному журналисту было особенно трудно проникнуть в кабинет Ленина, так как его секретари полагали, что у него есть более важные дела, чем давать интервью корреспондентам зарубежных, да еще буржуазных, газет. С их точки зрения, они, возможно, были правы, но корреспондент в данном случае думал иначе.

После неоднократных, но безуспешных попыток внушить молодой женщине, исполнявшей обязанности личного секретаря Ленина, что американский народ живо интересуется Россией и что нет лучшего источника информации, чем Associated Press, я решил обойтись без ее помощи и обратиться к Ленину непосредственно.

Я уселся против его кабинета и стал ждать. Прошло полтора часа, и наконец моя терпеливость была вознаграждена. Увидев, что дежуривший у двери красногвардеец встал, вытянулся и приставил ружье к ноге, я быстро пересек помещение и очутился у двери как раз в тот момент, когда она открылась и, держа исписанные листки в руках, появился Ленин.

Столкнувшись лицом к лицу со мной, он остановился несколько удивленный и спросил:

— Вы ко мне?

Я отрекомендовался и вкратце объяснил цель моего посещения. Ленин тогда просто сказал:

¹ Выборы в Учредительное собрание по Петроградскому (столичному) избирательному округу проходили 12—14 (25—27) ноября 1917 г. Большевики получили из 12 мест, предоставленных Петрограду, 6 мест.

— Если вы изложите ваши вопросы на бумаге, я отвечу на них. Передайте через товарища... (фамилию я не расслышал).

И, кивнув мне, направился к той самой молодой женщине, которая так ревниво оберегала его от моих просьб.

Я, конечно, не стал откладывать и тут же, вырвав листок из моей записной книжки, набросал несколько вопросов и подал секретарю, которая, казалось, была возмущена моим «нахальством». Через двадцать минут я получил свой листок с собственноручными ответами Ленина и его подписью: «Владимир Ульянов (Ленин)». Этот исторический документ — первое интервью, данное Лениным иностранному корреспонденту после Октябрьской революции, — мне удалось сохранить, к сожалению, лишь до 1925 года¹.

Это тем более достойно сожаления, что мне больше не удалось получить интервью у Ленина: Совнарком переехал в Москву, а начавшийся мятеж белочехов сделал почти невозможной всякую мою дальнейшую деятельность.

«Вечно живой», М.: Изд-во политической литературы, 1965, С. 130—136.

¹ Текст интервью, данного В. И. Лениным Г. Ярросу 15 (28) ноября 1917 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 381—382).

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС

*Ленин-человек и его дело*¹

(Фрагменты из книги)

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1932 ГОДА

Весной 1918 года, готовясь к отъезду из России в Америку, я собрал огромный чемодан брошюр, плакатов, воззваний, листовок, номеров газеты «Правда», «Известия» и даже «Речи».

Беседуя в последний раз с Лениным в Кремле, я упомянул о своем чемодане с литературой.

— Прекрасная коллекция,— сказал Владимир Ильич,— но только неужели вы в самом деле думаете, что ваше правительство пропустит вас с этим материалом в Америку?

— Я в этом нисколько не сомневаюсь,— ответил я, все еще будучи наивно убежден, что Америка желает узнать правду о России и русской революции.

Ленин покачал головой и, рассмеявшись, сказал:

— Прекрасно. Может быть, я и ошибаюсь. Посмотрим.

Он взял перо и собственной рукой написал обращение ко всем начальникам станций, весовщикам и другим железнодорожным работникам, прося их уделить особое внимание моему чемодану. И чемодан благополучно прибыл со мной во Владивосток. Но в Америку он так и не попал. Он исчез. Каким образом — не знаю.

Это было во время блокады. Америка по-своему тоже переживала блокаду. Вывоз медикаментов и разных товаров в Россию был запрещен американским правительством, в то же время в Америку не разрешалось ввозить русские газеты и сведения о России.

А между тем американский народ хотел узнать правду о русской революции. Воображение масс было захвачено необыкновенными, потрясающими событиями в России. Они особенно интересовались великим вождем русской революции Лениным.

Как известно, девизом американских газет всегда было и остается: «Преподноси публике то, что ей нравится». Если у редактора нет новостей, он должен фаб-

¹ Текст печатается с сокращениями.

риковать их сам. И поэтому место действительных фактов о Ленине заняли выдумки и небылицы. Каких только глупостей не печатали о нем в газетах! Чтобы придать всей этой несусветной чуши достоверность, всегда сообщали, что она получена от «собственного корреспондента» в Париже, Лондоне или Стокгольме.

Эти измышления были полны нелепостей и самых невероятных противоречий. Но в силу какой-то странной психологии, созданной войной, американская публика с жадностью поглощала такого рода «сведения» и требовала новых. Для нее во всем этом не было ничего нелепого или сверхъестественного.

И вот в ответ на эту ложь и клевету я написал «Десять месяцев с Лениным». Эту книжку мы снабдили тогда подробной биографией Владимира Ильича. Прошу читателей и критиков помнить, что она была написана для американцев и что условия, при которых она составлялась, были далеко не нормальные. Интервенция на все накладывала свою лапу. Писать в то время в Америке о России в доброжелательном духе было опасно. Трудно было тиснуть хотя бы строчку в каком-нибудь журнале или газете...

ВСТУПЛЕНИЕ

...Нужно отметить, что эта книга не завершена. Она не претендует на то, чтобы дать полное представление о Ленине как личности и о его деле. Это можно сделать только в ходе дальнейшего развития истории, ибо вся последующая история будет связана с именем Ленина. Но те краткие сведения о Ленине-человеке и его деле, которые книга предоставляет в распоряжение читателя, не лишены, как надеется автор, интереса и значимости.

Ленин показан здесь в действии, за работой, в водовороте революционных событий. Книга передает впечатления иностранца, тесно соприкасавшегося с ним. На его стороне очевидное преимущество перед всеми другими, кто писал о Ленине. Почти все за рубежом, писавшие в то время о Ленине, никогда с ним не говорили, не слышали его выступлений, не видели его, не приближались к нему ближе чем на тысячу миль. Большую часть своих сообщений они основывали на слухах, догадках и голом вымысле.

Что касается меня, то я встречался с Лениным как социалист из Америки. Я ехал с ним в одном поезде,

выступал с одной и той же трибуны¹ и два месяца жил рядом с ним в гостинице «Националь» в Москве. В этой книге я пишу о целом ряде встреч, которые были у меня с Лениным в период революции.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЛЕНИНЕ

В то время как ликующие толпы солдат и рабочих, упоенных победой пролетарской революции, наполняли огромный зал в Смольном, а пушки «Авроры» возвещали о гибели старого строя и рождении нового, Ленин спокойно поднимался на трибуну. Председатель объявил:

— Слово предоставляется товарищу Ленину.

Мы напрягли все наше внимание. Сейчас перед нашим взором предстанет человек, которого мы так давно жаждали видеть и слышать. Но с наших мест, отведенных для корреспондентов, вначале его не было видно.

Под громкие приветствия, выкрики, топот ног и аплодисменты он прошел через сцену и поднялся на трибуну, всего метрах в десяти от нас. Шум, крики и приветствия достигли кульминационного пункта.

Теперь мы видели его очень хорошо, и наши сердца упали. Внешность его оказалась почти противоположной той, какую создало наше воображение. Мы ожидали увидеть человека огромного роста, производящего впечатление одной своей внешностью. На самом же деле перед нами стоял человек небольшого роста, коренастый, с лысиной и взъерошенной бородкой.

Выждав, пока стихнут ураганные аплодисменты, он проговорил:

— Товарищи! В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.— И стал без пафоса, по-деловому излагать существо вопроса.

Ленин говорил без всякого стремления блеснуть красноречием, скорее, резковато и сухо. Засунув большие пальцы в вырезы жилета, он покачивался взад и вперед. В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей. Но тщетно.

¹ 1(14) января 1918 г. А.-Р. Вильямс выступал на проводах первых эшелонов социалистической армии в Михайловском манеже в Петрограде, где В. И. Ленин произнес речь (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 216—217).

Мы были разочарованы.

Дерзание и безудержный порыв большевиков зажгли наше воображение, того же мы ждали и от их вождя. Нам представлялось, что в лице лидера их партии мы увидим воплощение всех тех качеств, которые свойственны этой партии, что в нем заключена вся ее сила и мощь, что он, если хотите, сверхбольшевик. Но перед нами стоял усталый, ничем, казалось, особенно не выделяющийся человек, говорящий спокойно и просто, но с глубокой убежденностью и силой.

— Если его одеть немного получше, то можно было бы по внешности принять за среднего мэра или банкира из какого-нибудь небольшого французского городка,— прошептал Джулиус Вест, английский корреспондент.

— Да, совсем небольшой человек для такого большого дела,— проговорил его компаньон.

Мы представляли себе всю трудность задачи, решение которой взяли на себя большевики. Справятся ли они с ней? Их вождь поначалу не произвел на нас впечатления сильного человека.

Таково было первое впечатление. И все же, начав со столь ошибочной оценки, через шесть месяцев я был уже в лагере Воскова, Нейбута, Петерса, Володарского и Янышева¹, для которых первым в Европе человеком и политическим деятелем был Ленин.

ЛЕНИН ВВОДИТ СТРОГИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК В ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВА

Девятого ноября 1917 года я хотел получить разрешение сопровождать красногвардейцев, чьи колонны шли тогда по всем дорогам на бой с казаками и контрреволюционерами. Я предъявил Ленину свои документы, на которых стояли подписи Хилквита² и Гюйсманса³. Я считал их очень внушительными документами. Ленин думал иначе. С лаконичным «нет» он вернул мне бумаги, словно я получил их в какой-нибудь филантропической буржуазной организации.

¹ Восков, Нейбут, Петерс, Володарский и Янышев — политические эмигранты; они возвращались на родину летом 1917 г. на пароходе, на котором направлялся в Россию А.-Р. Вильямс.

² Хилквит М.— руководитель Социалистической партии США, деятель II Интернационала, реформист.

³ Гюйсманс К.— деятель бельгийского социалистического движения.

Инцидент пустячный, но он говорит о серьезном и строгом отношении к делу, которое зарождалось в пролетарских Советах. До того времени массы во вред себе были чрезмерно великодушны и доверчивы. Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изощряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветали на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден.

Царивший в те недели хаос требовал от людей железной воли и железных нервов. Во всех государственных учреждениях наводили строгий революционный порядок и дисциплину. Было заметно, как росло чувство ответственности рабочих, как улучшали работу отдельные звенья советского аппарата. Предпринимая какие-нибудь действия, например приступая к национализации банков, Советская власть действовала теперь энергично и эффективно. Ленин знал, в каких случаях нельзя медлить, но знал и то, когда поспешность недопустима. Однажды его посетила делегация рабочих в связи с возникшим у них вопросом: не может ли он декретировать национализацию их предприятия.

— Конечно,— сказал Ленин и взял со стола чистый бланк,— если бы все зависело от меня, то все решалось бы очень просто. Достаточно было бы мне взять эти бланки и вот тут проставить название вашего предприятия, здесь подписаться, а в этом месте указать фамилию соответствующего комиссара.

Рабочие очень обрадовались и сказали:

— Ну, вот и хорошо.

— Но прежде чем подписать этот бланк,— продолжал Ленин,— я должен задать вам несколько вопросов. Прежде всего, знаете ли вы, где можно получить для вашего предприятия сырье?

Делегаты неохотно согласились, что не знают.

— Умеете ли вы вести бухгалтерию? — продолжал Ленин.— Разработали ли вы способы увеличения выпуска продукции?

Рабочие ответили отрицательно и признали, что они, считая это второстепенным делом, не придавали ему серьезного значения.

— Наконец, товарищи, позвольте узнать у вас, нашли ли вы рынок для сбыта своей продукции?

Опять они ответили «нет».

— Так вот, товарищи,— сказал Председатель Совнаркома,— не кажется ли вам, что вы не готовы еще взять сейчас завод в свои руки? Возвращайтесь домой и начинайте над всем этим работать. Это будет нелегко, вы будете иногда ошибаться, но приобретете знания и опыт. Через несколько месяцев приходите опять, и тогда мы сможем вернуться к вопросу о национализации вашего завода.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЛЕНИНА

Своей личной жизнью Ленин показывал пример той железной дисциплины, которую вводил в общественную жизнь. Щи и борщ, черный хлеб, чай и каша составляли меню тех, кто был тогда вместе со Смольным. Так же питался Ленин с женой и сестрой. Революционеры работали по двенадцать — пятнадцать часов в сутки. Рабочий день Ленина, как правило, длился не менее восемнадцати — двадцати часов. Он собственноручно писал сотни писем. Погрузившись в работу, Ленин забывал даже о еде. Пользуясь случаем, когда он разговаривал с кем-либо, его жена подходила, бывало, к нему со стаканом чая и говорила: «Вот, товарищ, не забудьте выпить». Часто чай был без сахара, так как Ленин получал такой же паек, как и все. Солдаты и посыльные спали на железных койках в больших, с голыми стенами, похожих на казармы комнатах. Ленин и его жена спали на таких же койках. Когда уже не оставалось сил работать, они ложились отдохнуть на свои жесткие койки, часто даже не раздеваясь, чтобы можно было вскочить в любую минуту. Ленин переносил эти лишения не из аскетических побуждений. Он просто проводил в жизнь принцип равенства.

Один из этих принципов состоял в том, что в то время заработная плата любого советского служащего была приравнена к заработной плате среднего рабочего и установлена в шестьсот рублей в месяц.

Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый, советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда. Большое количество блюд, составляв-

ших обед, было сведено к двум. Можно было получить либо суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или черно-рабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все не получат хлеба». Но бывали дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеба и он.

Когда после покушения на него Ленин был в тяжелом состоянии, врачи прописали ему питаться продуктами, которых нельзя было получить по карточкам, но можно было приобрести только на рынке у спекулянтов. Невзирая на все уговоры друзей, он отказывался притрагиваться ко всему, что не входило в законный паек.

Позже, когда Ленин начал выздоравливать, его жена и сестра нашли способ, как улучшить его питание. Зная, что он держит свой хлеб в ящике стола, они в его отсутствие проходили к нему в комнату и время от времени добавляли кусок хлеба к его запасам. Поглощенный работой, Ленин опускал руку в стол, доставал хлеб и съедал его, не подозревая, что это сверх обычного пайка.

В письме к рабочим Европы и Америки Ленин писал о тех бедствиях, тех муках голода, на которые обречло рабочие массы военное вмешательство Антанты¹. Все это Ленин переносил вместе с массами.

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

Несмотря на исключительную перегруженность почти круглосуточной напряженной работой, Ленин часто выступал с речами, в которых в живой и выразительной форме делал анализ сложившейся обстановки, ставил диагноз, предписывал лечение и убеждал слушателей применить его. Наблюдатели поражаются энтузиазму, который вызывают речи Ленина у малообразованных людей, хотя говорит он быстро и гладко и приводит множество фактов.

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время де-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 454—462.

батов. И дебаты — его конек. Ольгин¹ говорил: «Ленин не отвечает оппоненту, а подвергает его вивисекции. Он подобен лезвию бритвы. Его ум работает с поразительной остротой. Он подмечает малейшие оплошности оппонента, отвергает неприемлемые послышки и показывает, насколько абсурдные заключения могут быть выведены из них. В то же время он говорит с иронией, высмеивает своего оппонента. Он его беспощадно разносит, заставляет вас чувствовать, что его жертва — невежда, глупец и самоуверенное ничтожество. Сила его логики увлекает вас. Вами овладевает интеллектуальная страсть».

Временами он оживляет свою мысль шутивным отступлением или язвительной репликой. Например, высмеивая Камкова, без конца задававшего вопросы, Ленин использовал поговорку: «Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не ответят».

Иногда Ленин простым примером иллюстрировал новый порядок. Он как-то привел рассказ старой крестьянки, которая говорила, что если раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, то теперь, наоборот, — он не опасен, он даже охраняет ее.

Ленин всегда стремился воздействовать в первую очередь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика.

Мне довелось выступать на митинге после Ленина. Это случилось в Михайловском манеже в январе 1918 года, когда на фронт отправлялся первый отряд защитников Советской страны. Колеблющееся пламя факелов освещало огромное помещение, делая длинные ряды броневииков похожими на каких-то допотопных чудовищ. Вся большая арена и стоявшие на ней бронеавтомобили были усеяны темными фигурами новобранцев, плохо вооруженных, но сильных своим революционным пылом. Чтобы согреться, они плясали и притопывали ногами, а чтобы поддержать хорошее настроение — пели революционные песни и частушки.

Громкие крики возвестили о прибытии Ленина. Он поднялся на один из бронеавтомобилей и начал гово-

¹ Ольгин — псевдоним писателя и публициста М. Н. Новомейского. В 1914 г. выехал из России в США, принимал участие в социалистическом движении, а затем вступил в Компартию США, написал ряд книг и статей об СССР, сотрудничал в советских газетах.

рить. В полумраке слушавшие его люди вытягивали шею и жадно ловили каждое слово. После окончания выступления раздалась бурные аплодисменты.

Когда Ленин, закончив свою речь, спустился с броневики, Подвойский объявил:

— Сейчас перед вами выступит американский товарищ.

Толпа навострила уши. Я поднялся на автомобиль.

— Прекрасно,— сказал Ленин,— говорите по-английски, а я, с вашего разрешения, буду переводить.

— Нет, я буду говорить по-русски,— отважился я в каком-то безотчетном порыве.

Ленин следил за мной искрящимися глазами, словно предвкушая возможность позабавиться. Ждать ему пришлось недолго. Израсходовав весь имевшийся у меня запас готовых фраз, я запнулся и замолчал. С большим трудом я подыскал еще несколько слов. Что бы ни делал иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными. Они умеют ценить если не умение, то, во всяком случае, старание начинающего. Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска. Мне хотелось сказать им, что, если наступит критический час, я сам с радостью вступлю в ряды создаваемой Красной Армии. Я остановился, мучительно подбирая нужное слово. Ленин поднял голову и спросил:

— Какого слова вам не хватает?

— Enlist,— ответил я.

— Вступить,— подсказал он.

После этого всякий раз, когда я запинаясь, Ленин тут же подсказывал мне нужное слово, я его тотчас подхватывал и с американским акцентом бросал в зал. Это, а также то, что я представлял собой живой и осязаемый символ интернационализма, о котором все они столько слышали, вызывало веселое оживление и гром аплодисментов. Ленин от всей души смеялся и аплодировал.

— Ну вот, как бы там ни было, начало в освоении русского языка сделано,— сказал он мне.— Но вы должны продолжать заниматься им серьезно. А вы,— сказал он, повернувшись к Бесси Битти,— вы тоже должны изучать русский язык. Дайте в газете объявление, что хотите обменяться уроками. И потом просто читайте,

пишите и говорите только по-русски. С американцами не разговаривайте — все равно пользы от этого не будет,— добавил он, улыбаясь.— Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменую.

НЕОБЫЧАЙНОЕ САМООБЛАДАНИЕ ЛЕНИНА

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом продемонстрировать свое спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного собрания проходило бурно. На нем в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук пюпитров, громы и молнии, которыми раздражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек,— все это наэлектризовывало атмосферу. С приближением ночи напряжение все нарастало. Мы сидели на балконе, вцепившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду первой ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

Наконец он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрчивает свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу. Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом сбежали с галерки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в бюро пропаганды¹. Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удает-

¹ Бюро существовало при Федерации иностранных групп РКП(б), созданной в начале 1918 г. Оно состояло из литераторов и агитаторов-иностранцев; занималось подготовкой и распространением печатных изданий, а также агитационно-пропагандистской работой среди войск империалистических держав.

ся переправлять через линию фронта в германскую армию. Вместе с тем мы сказали ему, что встречаем большие трудности в работе с немецким языком.

— Ах да,— воскликнул он и внезапно оживился, вспомнив о моих подвигах, когда я выступал с броневика.— Ну, как подвигается дело с изучением русского языка? В состоянии ли вы теперь понимать все эти речи?

— В русском языке так много слов,— ответил я уклончиво.

— В том-то и дело,— заметил Ленин,— им нужно заниматься систематически. С самого начала вы должны овладеть основами языка. Я расскажу вам о своем методе.

Вкратце метод Ленина сводился к следующему: сначала выучить все существительные, выучить все глаголы, выучить все причастия и прилагательные, выучить все остальные слова; выучить всю грамматику — орфографию и синтаксис, а затем непрерывно всюду и со всеми практиковаться. Как нетрудно заметить, метод Ленина был не столько оригинальным, сколько многосторонним. Словом, это был его метод борьбы с буржуазией применительно к овладению языком — браться за дело самым решительным образом. И разговор о нем увлек Ленина.

Он сидел, перегнувшись через барьер ложи, и говорил, подчеркивая слова выразительными жестами. Глаза у него блестели. Наши коллеги — репортеры сгорали от зависти. Они думали, что Ленин в этот момент разоблачает преступления оппозиции, или выдает нам тайные планы Советов, или, может быть, разжигает в нас революционный пыл. В подобный критический момент, несомненно, такую вспышку энергии у главы великого Русского государства могли вызвать только подобные темы. Но наши коллеги заблуждались. Глава Советского правительства просто-напросто излагал свой взгляд на методику изучения иностранного языка, с удовольствием воспользовавшись возможностью отвлечься за дружеской беседой.

Когда во время дебатов противники подвергали Ленина критике, он обычно сохранял спокойствие и даже умел подмечать смешные стороны в происходящем. Закончив речь на IV съезде Советов¹, он занял свое место в президиуме, чтобы выслушать нападки пятерых

¹ IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов состоялся в Москве 14—16 марта 1918 г.

оппонентов. Всякий раз, когда он находил, что оппонент сделал удачный ход, Ленин широко улыбался и вместе со всеми аплодировал. Но если кто-нибудь начинал нести чушь, Ленин иронически усмехался и «аплодировал», постукивая ногтем одного большого пальца о другой.

ЛЕНИН В ОБЩЕНИИ С ЛЮДЬМИ

Лишь один раз я видел Ленина усталым. После ночного заседания Совнаркома он вместе с женой и сестрой вошел в лифт в гостинице «Националь».

— Добрый вечер,— сказал он довольно устало.— Впрочем, нет,— поправился он,— доброе утро. Я говорил целый день и всю ночь и устал. Даже на второй этаж и то поднимаюсь на лифте.

Также всего один раз я видел его очень спешившим. Это было в феврале, когда Таврический дворец снова стал ареной жарких схваток — обсуждался вопрос о войне или мире с Германией. Ленин появился внезапно и быстрой, энергичной походкой, почти летя по воздуху, направился через вестибюль к двери, которая вела на трибуну. Профессор Кунц и я поджидали его и тут же обратились к нему со словами:

— Одну минуточку, товарищ Ленин.

Он остановил свое стремительное движение, встал почти по стойке «смирно» и, очень вежливо кивнув головой, сказал:

— Пожалуйста, товарищи, на этот раз отпустите меня. Я не имею ни секунды времени. Меня ждут в зале. Прошу вас, извините, как-нибудь в другой раз.— Поклонившись, он пожал нам руки и зашагал дальше.

Уилкокс, противник большевиков, отмечая мягкость Ленина в общении с людьми, рассказывает, что один английский коммерсант, чтобы спасти свою семью от грозившей ей опасности, обратился за помощью лично к Ленину. Он был поражен, встретив в нем вместо «кровавого тирана» обходительного, мягкого и отзывчивого человека, готового помочь ему всем, что в его силах.

И Ленин был действительно таким. Временами даже казалось, что он слишком любезен, подчеркнуто вежлив. Возможно, тут имело значение то, что, говоря по-английски, Ленин употреблял изысканно вежливые выражения, почерпнутые им главным образом из книг. Но более вероятно, что это было его манерой обращаться

с людьми, в чем Ленин, как и во многом другом, достиг высокой степени умения.

Попасть на прием к Ленину было не так-то просто, но если уж вы попадали к нему, то он всецело находился в вашем распоряжении. Все свое внимание он сосредоточивал только на вас, что иногда могло даже поставить в затруднительное положение. Вежливо поздоровавшись, он подвигался как можно ближе, почти вплотную. Во время разговора он часто подавался вперед, не переставая смотреть вам в глаза, словно высматривая сокровеннейшие тайники ваших мыслей и стараясь проникнуть в самую душу собеседника.

Нам часто приходилось встречать одного социалиста, который в 1905 году принимал участие в Московском восстании и даже отличился, сражаясь на баррикадах. Карьера и обеспеченная жизнь заставили его забыть о пылких увлечениях молодости. Теперь он выглядел преуспевающим джентльменом, работая корреспондентом какого-то английского газетного синдиката и плехановского «Единства».

Встречаться с буржуазными писателями Ленин считал расточительством времени, однако этот человек, используя свое революционное прошлое, сумел добиться свидания с Лениным. На встречу с Лениным он отправлялся в прекраснейшем настроении. Несколькими часами позже я увидел его в состоянии полного смятения. Он рассказал мне следующее: «Войдя в кабинет Ленина, я упомянул о своем участии в революции 1905 года. Ленин подошел ко мне и сказал:

— Это так, товарищ, но что вы делаете для этой революции? — Лицо его было в каких-нибудь пятнадцать сантиметров от моего, он смотрел мне прямо в глаза. Я заговорил о том, что когда-то сражался на баррикадах, и отступил шаг назад. Но Ленин сделал шаг вперед и, неотрывно смотря мне в глаза, повторил:

— Это так, товарищ, но что вы делаете для этой революции? — У меня было такое ощущение, словно меня просвечивали рентгеновскими лучами, словно он видел всю мою жизнь за последние десять лет. Я не выдержал и опустил глаза, как провинившийся ребенок.

Я пытался заговорить. Но тщетно. Пришлось просто уйти».

Через несколько дней этот человек окончательно связал свою жизнь с революцией 1917 года, став советским работником.

ИСКРЕННОСТЬ И ПРЯМОТА ЛЕНИНА

Один из секретов ленинской силы заключается в его потрясающей искренности. Он искренен со своими друзьями. Он, конечно, радуется всякий раз, когда на сторону революции становится новый боец, но не станет рисовать розовыми красками условия работы и будущие перспективы, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Скорее, он склонен изображать вещи в более мрачных тонах, чем они есть в действительности. Многие из ленинских выступлений содержали в себе примерно такие мысли: цель, за которую борются большевики, не так близка, как многим из вас представляется; мы вели Россию по тернистому пути, но курс, который мы взяли, может прибавить нам новых врагов, новые страдания; каким бы трудным ни было наше прошлое, будущее сулит нам еще немалые трудности — большие, чем вы себе представляете.

Не слишком соблазнительное обещание. Несколько необычный прием вовлечения в борьбу! И все же, подобно тому как итальянцы собирались под знамена Гарибальди, который не обещал ничего, кроме ран, казематов и смерти, русские сплывались вокруг Ленина. Это кажется несколько разочаровывающим для тех, кто ожидает, что вождь должен прославлять свое дело и побуждать своего потенциального сторонника присоединиться к нему. Ленин считает, что такое побуждение должно исходить изнутри.

Ленин откровенен даже со злейшими врагами. Один англичанин, рассказывая об удивительной искренности Ленина, говорил, что Ленин высказал приблизительно следующую позицию: лично я ничего против вас не имею. Однако политически вы мой противник, и я должен использовать все средства, чтобы нанести вам поражение. Ваше правительство занимает такую же позицию в отношении меня. Ну что ж, давайте поищем возможности жить, не мешая друг другу.

Эта печать искренности лежит на всех его публичных выступлениях. Ленину чужды обычные атрибуты государственного деятеля-политикана: обман, словесная мишура и рисовка. Сразу чувствуется, что он не может обмануть, если бы даже и захотел. Он не может сделать этого по той причине, в силу которой не может обманывать самого себя: он обладает научным подходом и верит в неотразимую силу фактов.

Источники его информации очень обширны и дают ему огромное количество фактов. Эти факты он отбирает, оценивает и проверяет. А затем использует их, как стратег, как математик, как химик, имеющий дело с социальными элементами. Он подходит к фактам следующим образом: сейчас в нашу пользу говорят следующие факторы: один, два, три, четыре... — он коротко перечисляет их. А факторы, работающие против нас, вот какие. И точно таким же образом пересчитает и их: один, два, три, четыре... И тут же спросит: нет ли еще? — Мы ломаем голову в поисках еще каких-либо факторов, но, как правило, безуспешно. Тогда, тщательно взвесив все «за» и «против» каждой из сторон, Ленин продолжает свои вычисления, словно решает математическую задачу.

В своем преклонении перед фактами он представляет собой прямую противоположность Вильсону¹. Вильсон как профессиональный оратор преподносит предмет своей речи в блестящем словесном оформлении, которое ослепляет и гипнотизирует массы, пряча от них неприглядную картину действительной жизни, исходя из классовых интересов. Ленин же действует, как хирург со скальпелем в руках. Он снимает словесную мишуру и показывает экономические мотивы, скрываемые за пышной фразеологией империалистов. Он обнажает сущность их обращений к русскому народу, обнаруживая за их красивыми обещаниями грязную хищную руку эксплуататоров.

Безжалостный к фразеологии правых, Ленин в равной степени непримирим к фразерству левых, ищущих спасения от действительности в революционных лозунгах. Он считает своим долгом добавлять укус и желчь в подслащенную воду революционно-демократического фразерства и зло высмеивать демагогов и болтунов.

Когда немцы вели наступление на красную столицу, со всех концов России в Смольный стекался поток телеграмм, выражавших изумление, ужас и негодование. Телеграммы заканчивались такими лозунгами: «Да здравствует непобедимый русский пролетариат!», «Смерть грабителям-империалистам!», «До последней капли крови будем защищать революционную столицу!»

¹ Вильсон Вудро (1856—1924) — американский политический деятель, президент США в 1913—1921 гг.

Ленин прочитал их и распорядился разослать телеграммы всем Советам с просьбой посылать в Петроград не революционные фразы, а войска, одновременно он просил сообщать точное число записавшихся добровольцев и прислать подробный доклад о имеющемся в наличии оружии, боеприпасах и продовольствии.

ЛЕНИН ЗА РАБОТОЙ В КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

С наступлением немцев началось бегство иностранцев. Русские были несколько удивлены тем, что все, кто неистово требовал: «Бей гуннов!», теперь, когда гунны оказались настолько близко, что их можно было бить, спешили унести ноги. Неплохо было бы присоединиться к ним и тоже бежать, но ведь я дал слово тогда на броневике. Я принимаю решение вступить в Красную Армию и иду к Ленину¹.

— Приветствую, приветствую,— сказал мне Ленин.— Дела наши обстоят пока что неважно. Старая армия воевать не будет. А новая пока существует в основном на бумаге. Только что без сопротивления сдали Псков. Это преступление. Председателя Совета нужно расстрелять. Наши рабочие проявляют чудеса самопожертвования и героизма. Но у них нет никакой военной подготовки и дисциплины.

Таким образом, в двух десятках лаконичных фраз он обрисовал мне создавшееся положение и кончил словами:

— Я не вижу иного выхода, кроме мира! Однако Совет может высказаться за войну. Во всяком случае, поздравляю вас с вступлением в революционную армию. После той борьбы, которую вы выдержали с русским языком, вы хорошо подготовлены к боям с немцами.

Задумавшись на мгновение, он добавил:

— Один иностранец вряд ли много навоюет. А может быть, вы найдете еще кого-нибудь?

Я ответил, что можно попробовать сформировать отряд.

Ленин не любил откладывать дела в долгий ящик. Как только план разработан, он тотчас приступал к проведению его в жизнь. Ленин повернулся к телефону и позвонил Крыленко, советскому главнокомандую-

¹ Беседа В. И. Ленина с А.-Р. Вильямсом состоялась 23 февраля 1918 г.

щему. Его не оказалось на месте, Ленин взял ручку и набросал ему записку.

К вечеру мы уже сформировали интернациональный отряд и выпустили воззвание с призывом ко всем иностранцам вступать в этот новый отряд. Но Ленин на этом не остановился. Он не из тех, кто довольствуется широким жестом, сделанным при начинании большого дела. Он неустанно следил за ходом дела и вникал во все детали. Два раза Ленин звонил в редакцию «Правды», давая указание опубликовать воззвание на русском и английских языках¹. Затем он распорядился разослать его по телеграфу во все концы страны. Таким образом, выступая против войны и особенно против тех, кто упивался революционными фразами по поводу нее, Ленин мобилизовывал все силы, чтобы война не могла застать республику Советов врасплох.

Он послал автомобиль с красногвардейцами в Петропавловскую крепость за заключенными там контрреволюционными генералами.

— Господа,— обратился к ним Ленин, когда они вошли в его кабинет,— я вызвал вас сюда в качестве экспертов. Петроград в опасности. Не сможете ли вы разработать военные меры по его обороне?

Генералы согласились.

— Вот здесь наши силы,— продолжал Ленин, показывая на карте расположение красных частей, складов и резервов.— А вот последние донесения о численности и расположении неприятельских сил. Если генералам потребуется еще что-нибудь,— мы предоставим все, что можем.

Генералы принялись за работу и к исходу дня представили свои соображения.

— А теперь не окажет ли Председатель Совнаркома любезность и не предоставит ли нам более комфортабельное помещение? — заискивающе обратились к Ленину генералы.

— Весьма сожалею,— ответил Ленин,— но придется отложить это до другого раза, сейчас не время. Ваше помещение, господа, может быть, не совсем удобно, но обладает одним достоинством — оно исключительно безопасно.

Генералов отвезли обратно в Петропавловскую крепость.

¹ Воззвание было опубликовано в газете «Правда» 11(24) февраля 1918 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДАЛЬНОЗОРКОСТЬ ЛЕНИНА

...Весной 1918 года, когда весь мир смеялся над мыслью о возможности революции в Германии и когда кайзеровская армия громила союзнические войска во Франции, Ленин в разговоре со мной заметил, что падения власти кайзера нужно ждать в течение этого года. Так оно и получилось. Девять месяцев спустя кайзер Вильгельм бежал от своего собственного народа.

Когда я посетил Ленина перед отъездом, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Р. Вильямса я шлю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию»¹.

Ленин написал это быстро, легко, остановившись лишь один раз. Он не мог подыскать подходящего слова для «в конце концов». Я ему подсказал, и он написал *ultimately*.

— Да,— сказал он,— революция победит. Может быть, скоро, а может быть,— он поднял глаза на меня и улыбнулся,— *ultimately*. Может быть, потребуется и два десятка лет. Во всяком случае, мы уже начали. Мир определенно вступил в эпоху пролетарских революций.

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать в Америку? (Это было в апреле 1918 года.)²

— Я еще определенно не решил,— ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибири встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

— Этого не может быть! — возразил я. — Знаете ли вы, что, по мнению Раймонда Робинса³, есть надежды

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 86.

² Беседа В. И. Ленина с А.-Р. Вильямсом, перед его отъездом в США, состоялась около 24 апреля 1918 г.

³ Робинс Раймонд — глава американской миссии Красного Креста в России.

на признание Америкой Советского правительства в самом ближайшем будущем?

— Да,— сказал Ленин,— но Робинс является представителем американской либеральной буржуазии. А она не определяет политику Америки. Политику Америки направляет финансовый капитал. А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать ее.

Такая точка зрения представлялась мне невероятной. Однако позже, 29 июня 1918 года, я видел своими собственными глазами, как во Владивостоке высаживались американские матросы, в то время как монархисты, чехословаки, англичане, японцы и другие союзники спустили флаг Советской республики и поднимали флаг царской России.

Ленинские предсказания так часто сбывались, что его взгляд на будущее представлял всегда особый интерес. Вот суть известного интервью Нодó в том виде, в каком оно появилось в парижской газете «Тан» в апреле 1919 года¹.

«Будущее мира? — переспросил Ленин.— Я не пророк, но одно можно сказать с уверенностью: капиталистическое государство, примером которого является Англия, отмирает. Старый строй обречен. Экономические условия, порожденные войной, ведут к новому строю. Развитие человечества неотвратимо идет к социализму.

Кто бы мог поверить несколько лет назад, что в Америке возможна национализация железных дорог? Мы видим также, что правительство скупает весь хлеб, чтобы лучше использовать его в интересах государства. Все, что говорится против государства, нисколько не помешало этой эволюции. Правда, необходимо придумать и разработать новые средства контроля, чтобы устранить несовершенства. Но всякие попытки помешать государству быть высшей властью напрасны. Ибо неизбежное грядет, и грядет в силу собственной инерции. Англичане говорят: «Чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать». Говорите что хотите о социалистическом пудинге, но только все народы пробуют и будут все больше пробовать это блюдо.

Подведем итог. Опыт показывает, что каждый народ идет к социализму своим собственным, особым пу-

¹ Интервью корреспонденту французской буржуазной газеты «Le Temps» Людовику Нодó В. И. Ленин дал 5 февраля 1919 г.

тем. Будет множество переходных форм и разновидностей, но все они будут различными фазами революции, которая ведет к одной и той же цели. В случае установления социалистического строя во Франции или Германии, ему будет несравненно легче утвердиться, чем у нас в России. Ибо на Западе социализм найдет формы организации, всевозможные интеллектуальные средства и материалы, которых нет в России».

РОЛЬ ЛЕНИНА В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

По мере того как Ленин в России вырастает в центральную фигуру мирового масштаба, вокруг его имени ведутся ожесточенные споры.

Для охваченной страхом буржуазии Ленин — гром среди ясного неба, наваждение какое-то, мировая чума.

Для мистически настроенных умов Ленин — великий «монголо-славянин», упоминавшийся в том довольно странном пророчестве, которое появилось еще до войны. «Я вижу, — гласило это пророчество, — всю Европу истекающей кровью и озаренной пожарами. Я слышу стенания миллионов людей в гигантских битвах. Но около 1915 года на севере появится доселе неизвестная личность, которая станет впоследствии всемирно известной. Это — человек без военного образования, писатель или журналист, но до 1925 года в его руках будет находиться бóльшая часть Европы».

Для реакционной церкви Ленин — антихрист. Попы пытаются собрать крестьян под свои священные хоругви и иконы и повести их против Красной Армии. Но крестьяне говорят: «Может, Ленин и в самом деле антихрист, но он дает нам землю и волю. С какой стати нам воевать против него?»

Для рядовых русских граждан имя Ленин имеет почти сверхчеловеческое значение. Он творец русской революции, основатель Советской власти, с его именем связано все, что представляет собой сегодня Россия.

Рассуждать подобным образом — значит смотреть на историю как на результат деятельности великих людей, словно великие события и великие эпохи определяются великими вождями. Правда, в одной-единственной личности может отобразиться целая эпоха и огромное массовое движение.

Несомненно, всякое толкование истории, которое связывает русскую революцию только с одной личностью

или с группой личностей, ошибочно. Ленин первым рассмеялся бы над мыслью, что судьбы русской революции находятся в его руках или в руках его сподвижников.

Судьба русской революции — в руках тех, кто ее совершил, в руках и сердцах народных масс. Она — в тех экономических силах, под напором которых пришли в движение народные массы. Веками трудовой народ России терпел и страдал. На всех беспредельных просторах России, на московских равнинах, в степях Украины, по берегам великих сибирских рек, подстегиваемые нуждой, скованные суеверием, трудились люди от зари до зари, и уровень их жизни был крайне низким. Но всему приходит конец — даже терпению бедных.

В феврале 1917 года с грохотом, от которого содрогнулся весь мир, рабочий класс России сбросил с себя сковывавшие его цепи. Солдаты последовали его примеру и восстали. Потом революция захватила деревню, проникая все глубже и глубже, зажигая революционным огнем самые отсталые слои народа, пока вся нация в 160 миллионов человек — в семь раз больше, чем во времена французской революции, — не оказалась вовлеченной в ее водоворот.

Охваченная великой идеей, целая нация берется за дело и приступает к созданию нового строя. Это величайшее в веках общественное движение. Имея в основе своей экономические интересы народа, оно представляет собой самое решительное в истории выступление во имя справедливости. Великая нация выступает в поход и верная идее нового мира, шагает вперед, невзирая на голод, войну, блокаду и смерть. Она устремилась вперед, отбрасывая в сторону тех, кто изменяет ей, и следуя за теми, кто удовлетворяет народные нужды и чаяния.

В массах, в самих русских массах заключается судьба русской революции — в их дисциплинированности и преданности общему делу. И нужно сказать, что им улыбнулось счастье. Мудрым кормчим и выразителем их дум был человек с исполинским умом и железной волей, человек с обширными познаниями и решительный в действиях, человек с высочайшими идеалами и самым трезвым, самым практическим рассудком. Этим человеком был Ленин.

А. Р. Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М.: Госполитиздат, 1960. С. 31—35, 44—47, 49—59, 66—67.

БЕССИ БИТТИ

Красное сердце России

(Фрагменты из книги)

В ночь под Новый год первая революционная армия добровольцев отправилась из Петрограда на фронт¹. Они собрались на митинг в здании Михайловского манежа, повидавшего за этот революционный год немало странных собраний. В старое время сюда приезжала аристократия, чтобы посмотреть на «офицеров и господ», состязавшихся в верховой езде. Когда началась война, манеж использовали как гараж для броневиков, и здесь же состоялось немало резких стычек между революционными лидерами. Митинг был назначен на два часа; сюда для смотра сил должен был прибыть Ленин. Как обычно, церемония началась только в семь часов. Вход охраняли два броневика, украшенные хвоей и красными знаменами. Внутри стоял третий броневик, приспособленный под трибуну. По обе стороны огромного здания стояли ряды грозных автомашин защитного цвета.

Здание кишело людьми. На вид это были сухие оборванцы, но духом своим они восполняли то, чего им недоставало в снаряжении. Среди них было несколько солдат, но в большинстве своем здесь собрались фабричные рабочие. У них не было ни шинелей, ни одеял; кто в коротких куртках, кто в длинных пальто. Куда они идут, они не знали, но знали, что на борьбу с врагами революции. Их жестяные кружки и тощие вещевые мешки были закреплены на спине ремнями или привязаны веревками. Самым драгоценным достоянием каждого была винтовка. Они направлялись в окопы, чтобы заполнить собой брешь, оставленную солдатами-дезертирами. Большинство было маленького роста; некоторые совсем еще мальчишки, но сердце каждого было полно веры в общее дело.

В огромном гараже рано стемнело. К четырем часам стало уже совсем темно. Так стояли мы некоторое вре-

¹ Отправка на фронт отряда новой социалистической армии состоялась 1(14) января 1918 года (Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 5. С. 170).

мя, не в состоянии отличить одно лицо от другого, слушающая пение. Затем принесли свечи. Потом пришел человек с балалайкой, другой — с бубном, третий — с гармонью. Заиграли веселую деревенскую мелодию, и два солдата с мешками и винтовками за спиной пустились в пляс. Сразу же образовался круг, и один за другим эти люди из разных губерний отплясывали любимые пляски своей деревни. Трижды проносился слух, что прибыл Ленин, и солдаты выстраивались для приветствия. Каждый раз известие оказывалось ложным, и они снова начинали плясать.

Наконец он приехал. Встретили его мощным «ура!». Карие глаза Ленина сияли, холодный зимний вечер нарисовал на его щеках яркий румянец. На нем были черная меховая шапка и черное пальто. Лицо живое, приятное, веселое, чего нельзя предположить, если судить о нем по тюремным фотографиям...

...Я стояла у трибуны. Прежде чем забраться на импровизированную трибуну, Ленин остановился и пожал мне руку. В краткой речи он сказал солдатам, что судьба революции в их руках и что они должны оборонять ее от всех врагов...

Когда он кончил, председатель предоставил слово Альберту Вильямсу¹. Тот усердно изучал русский язык и решил попытаться выступить перед этими людьми на их языке. Они восхищались его усилиями, как дети, и когда он начинал отчаянно подыскивать слово, Ленин, смеясь, подсказывал ему. Когда Вильямс кончил, ему аплодировали так, что дрожало все здание. Он имел даже больше успеха, чем «комиссар комиссаров», и никто не радовался этому больше, чем сам Ленин.

Ленин несколько минут побеседовал с нами, а затем уехал в закрытой машине, в которой, кроме него, находилось еще два-три человека. Не успел он отъехать, как окно его машины пробила пуля и просвистела над его головой. Сидевший рядом с ним человек был легко ранен, но Ленин остался невредим. Это было первым из множества покушений на его жизнь.

...Учредительное собрание так больше и не собралось.

В час, когда депутаты снова должны были занять свои места, в Таврическом дворце было темно. В белом

¹ См. наст. изд. С. 218.

зале Смольного в это время члены ВЦИК обсуждали вопрос о роспуске Учредительного собрания. Фактически оно уже было распущено утром, когда комендант дворца предложил депутатам разойтись по домам. ВЦИК просто хотел утвердить то, что уже совершилось.

Председательствовал Свердлов — тот самый, который был председателем исторического заседания накануне. Собрание началось бурно... Руководитель профсоюзов Розанов и еще несколько человек выразили протест против роспуска Учредительного собрания. Затем приехал Ленин...

Ленин занял свое место. С минуту он постоял спокойно, положив руки в карманы и оглядывая собравшихся своими карими глазами, как бы оценивая обстановку. Он знал, чего от него ждали... Его голос должен был дойти до более широкой аудитории, прозвучать по всей огромной России. Он должен был говорить так, чтобы его услышали за пределами его страны, во внешнем мире, внимание которого в тот момент было привлечено к этой группе странных новых актеров в международной драме. Ленин начал спокойно излагать факты исторического развития Советов как системы. Он критически проанализировал работу парламентов различных стран, заявив, что они стали местом для словесных стычек социалистов.

— В России,— сказал он,— рабочие создали организации, которые обеспечивают им власть для осуществления их чаяний. Вам говорят, что мы предлагаем вам перескочить через столетие. Мы ничего вам не предлагаем делать. Не мы организовали Советы. Они не были организованы в 1917 году, их создали в революцию 1905 года. Советы организовал народ. Когда я говорю вам, что Советы выше Учредительного собрания, как всенародные революционные организации, я не сообщаю вам ничего нового. Еще 4 апреля я подчеркивал, что Советы, как народные организации, выше, чем это Учредительное собрание, которое вы хотели созвать.

Ленин подробно осветил характер политического раскола в партии эсеров и сказал:

— Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбор между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма.

Вначале он говорил спокойно, но очень скоро вынул руки из карманов. И руки, и карие глаза, то сверкав-

шие огнем, то улыбавшиеся, и его выразительно двигавшиеся брови — все подчеркивало значение его слов.

По выражению лиц его слушателей видно было, что он вполне оправдывает в их глазах свое и их собственное поведение.

— Февральская революция, — сказал Ленин, — была буржуазно-демократической революцией, свергнувшей царизм. В ноябре произошла социалистическая революция, передавшая всю власть в руки трудящихся. Рабочие и солдатские депутаты не связаны со старым буржуазным обществом никакими законами или традициями. Их правительство взяло всю власть и все права в свои собственные руки. Учредительное собрание представляет собой высшее выражение политических идеалов буржуазного общества, которые социалистическому государству уже не нужны. Учредительное собрание будет распущено. Если бы Учредительное собрание выражало волю народа, мы провозглашали бы: «Да здравствует Учредительное собрание!» Вместо этого мы провозглашаем: «Долой Учредительное собрание!»

Этим Ленин закончил свое выступление¹.

Рядом со мной сидел низкорослый солдат-молдаванин с маленькими черными глазками и торчащими усиками. Когда он улыбался, его веселое лицо покрывалось морщинками. Время от времени он смешно покачивал головой с выражением удивления и восхищения и приговаривал:

— Вот мудрый человек! Вот мудрый человек!

Ленин говорил то, что этот простой человек хотел бы сказать сам, если бы сумел.

«Об Октябрьской революции»
М.; Политиздат, 1967. С. 31—35.

¹ Б. Битти не придерживается точного текста выступления В. И. Ленина (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 238—242).

ЛУИЗА БРАЙАНТ

В первые годы

(Фрагмент из книги «Зеркала Москвы»)

Две задачи считает Ленин самыми главными: поднять Россию до уровня передовых западных стран и заложить основы социалистического государства. Он говорил мне, что не хочет давать разрешения ни на одну иностранную концессию, будь то промышленная, угольная или лесная, если при этом не удастся организовать свое, русское производство, чтобы русские учились у американцев и англичан, как следует работать.

Америка интересуется его больше всех других стран.

Помнится, однажды днем, как раз перед тем, как я собиралась брать интервью у Ленина, один из работников Наркоминдела сказал мне, что, если Америка не поторопится и не заключит торговые договоры с Россией, Россия будет вынуждена заключить торговые соглашения с Японией. Я повторила эту фразу Ленину, и он сказал:

— Чепуха!.. Что она в состоянии дать? Нам нужны тысячи тракторов, паровозов, автомобилей и тому подобное. Мы должны получить все это из Америки, мы должны подружиться с Америкой.

Он регулярно читает американские газеты, книги и журналы. Вернувшись домой, я послала ему «Миррорз оф Вашингтон» и представляю себе, как он усмеяется, читая эту газету, потому что видела, как он посмеивался над статьей Уильяма Хорда в «Нью рипаблик».

Ему настолько по душе энергия американцев, что он почти сочувствует стремлению американских репортеров заполучить обязательно напоследнейшие новости, тогда как другие советские работники смотрят на их притязания косо...

Когда Наркоминдел отказал мне в разрешении на поездку по Средней Азии, я вынуждена была обратиться к Ленину. Ленин поднял голову, оторвавшись от работы, и улыбнулся.

— Я рад видеть, что в России есть кое-кто,— сказал он,— у кого хватает энергии и любознательности на такую поездку. Вас могут там убить, но то, что вы увидите, вы не забудете никогда. Поэтому стоит рискнуть.

Через два дня я отправилась в путь, имея на руках все необходимые пропуска. У меня было с собой письмо Ленина¹, меня сопровождала охрана — два солдата!

Ленину совершенно несвойственна мстительность. Он способен в споре беспощадно критиковать своего противника, но в то же время он необыкновенно человечен и добр: ему хочется, чтобы все вокруг были счастливы.

В начале революции ему представлялось, что окажется возможным сразу добиться свободы печати, свободы слова, быть либеральным по отношению к своим противникам. Однако необходимость железной дисциплины диктовалась обстановкой, ибо только с ее помощью можно обеспечить успех.

Было время, когда он довольно сурово покарал анархистов, но только потому, что анархисты постоянно угрожали спокойствию в стране.

Ленин всегда относится с уважением к человеческим привязанностям и чувствам. Когда умер Кропоткин, вдова и дочь умершего послали телеграмму Ленину и попросили, чтобы деятели партии анархистов, в то время сидевшие в тюрьме, присутствовали на похоронах. И Ленин под честное слово разрешил отпустить их на три дня без охраны.

Ленин старается привлечь к работе умных людей и всегда жалуется, что эти поиски не столь плодотворны, как бы ему хотелось. Особо ошутим недостаток в знающих, образованных людях на дипломатической службе. Небольшой дипломатический корпус во главе с Чичериным не в состоянии удовлетворить растущую потребность в послах и консулах, которые в самое бли-

¹ В. И. Ленин вручил Луизе Брайант следующее удостоверение:
«12.I.1921 г.

Удостоверяю, что подательница — тов. Луиза Брайант (Louise Bryant), американская коммунистка, вдова товарища Джона Рида, члена Исполкома Коминтерна.

Очень прошу партийные и советские учреждения оказывать всяческое содействие тов. Луизе Брайант.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»
(Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 302).

жайшее время должны быть направлены во все страны мира.

Советский премьер, без сомнения, скромный человек. Он очень редко дает автографы, а дневник, вести который его просили американские издатели, так никогда и не будет написан. Он говорит, что слишком устает от всей той массы работы, которую нужно сделать днем. Но не менее важной причиной является отсутствие какого бы то ни было тщеславия.

Он ненавидит лесть и изо всех сил отказывается позировать художникам. Он был крайне расстроен, будучи вынужден пообещать позировать Клэр Шеридан, работавшей над его скульптурным бюстом¹.

Между прочим, как утверждает сама миссис Шеридан, он специально позировал всего несколько часов, а все остальное время работал.

Нет таких вопросов, которые Ленин считал бы недостойными своего внимания. Я помню, как кто-то из иностранцев в разговоре о русском театре упомянул о плохих костюмах и бедном реквизите. При этом другой заметил, что Гельцер, знаменитая балерина, жаловалась, что у нее нет шелковых балетных трико. Большинство было того мнения, что это дело не стоит внимания. Большинство, но не Ленин.

Он нахмурился и сказал, что проследит, чтобы у Гельцер было все необходимое. Позвав своего секретаря, он продиктовал письмо Луначарскому по этому поводу.

Когда же Ленин наконец нашел время, чтобы пойти в театр, то выбрал Шекспира. Позвонив Луначарскому, он сказал:

— Мне бы хотелось посмотреть лучшую вещь, поставленную Художественным театром.

Луначарский задумался и назвал «Двенадцатую ночь». Ленин сказал:

— Я посмотрю этот спектакль.

В театре он, казалось, забыл свои многочисленные дела и наслаждался от души. С таким же удовольствием он ходил на охоту.

У Ленина и Крупской нет детей. Всю свою жизнь они посвятили революции. Крупская — бледная, серьез-

¹ Клэр Шеридан делала скульптурный портрет В. И. Ленина в октябре 1920 г.

ная женщина, очень слабого здоровья. Именно она создала новую систему образования для взрослых в России, и, как говорил мне Луначарский, эта система оказалась в высшей степени эффективной.

Ленин обожает жену и охотно говорит о ней. Как-то я сказала, что мне хотелось бы с ней познакомиться, он заметил:

— Да, обязательно, она вам понравится, это очень умная женщина.

Я убедилась, что она не только умная, но и очень обаятельный человек. Крупская пригласила меня на чашку чая к себе домой, и я немедленно согласилась, потому что мне хотелось посмотреть, как они живут.

У них две небольшие комнаты, что для перенаселенной Москвы можно считать явлением вполне нормальным. Всюду идеальная чистота, хотя Надежда Константиновна сказала мне, что прислуги у них нет. Кругом множество книг, на окнах — цветы, несколько стульев, стол, кровати и ни одной картины на стенах.

Подобно Ленину, Крупская умеет как-то по-особому внимательно слушать своего собеседника.

Когда вы входите в кабинет Ленина, он всегда встает, улыбаясь, идет вам навстречу, тепло пожимает руки и усаживает в удобное кресло. Усадив вас, он берет другой стул, садится сам и, наклонясь вперед, начинает разговор, как будто у него нет никаких других дел, кроме этого визита.

Он любит короткие юмористические рассказы и весело смеется по поводу какого-нибудь случая в поезде или на улице. Он сам любит рассказывать и рассказывает очень хорошо. Но легкомысленный разговор Ленин долго вести не будет. Он неожиданно перестает смеяться и спросит:

— Что за человек мистер Гардинг¹, что у него за душой?

Большинство людей приходят к Ленину, намереваясь засыпать его вопросами. И лишь уходя, с изумлением вспоминают, сколько они сами успели рассказать и на сколько вопросов ответить, вместо того чтобы задавать

¹ У.-Г. Гардинг — крупный американский промышленник, республиканец. Враждебно относился к Советской России. В 1921—1923 гг. президент США.

их. У Ленина необыкновенная способность заставить собеседника раскрыть свою душу.

Многие у нас склонны считать Ленина разрушителем, тогда как на самом деле он созидатель... Он говорит, что Россия находится в более надежном положении по сравнению с другими европейскими странами, она была на самом низком уровне своего развития и ныне взбирается вверх, тогда как остальные страны Европы продолжают катиться вниз.

Вполне возможно, что он прав!

«Вечно живой». М.: Изд-во
политической литературы,
1965. С. 284—287.

Рассказ о потерянном дне

(Фрагменты)

v

Как заунывный осенний дождь, льются в зале потоки скучных речей. Уже давно зажглись незаметно скрытые за карнизом стеклянного потолка яркие электрические лампы. Зал освещен приятным матовым светом. Все больше редеют покойные, мягкие кресла широкого амфитеатра; члены Учредительного собрания гуляют по гладкому, скользкому, ярко начищенному паркету роскошного Екатерининского зала с круглыми мраморными колоннами, пьют чай и курят в буфете, отводят душу в беседах.

Нас приглашают на заседание фракции. По предложению Ленина мы решили покинуть Учредительное собрание в виду того, что оно отвергло Декларацию прав трудящегося и обездоленного народа.

Оглашение заявления о нашем уходе поручается Ломову и мне. Кое-кто хочет вернуться в зал заседаний. Владимир Ильич удерживает.

— Неужели вы не понимаете, — говорит он, — что если мы вернемся и после декларации покинем зал заседаний, то наэлектризованные караульные матросы тут же, на месте, перестреляют оставшихся? Этого нельзя делать ни под каким видом, — категорически заявляет Владимир Ильич.

После фракционного совещания меня и других членов правительства приглашают в Министерский павильон на заседание Совнаркома. Я состоял тогда заместителем народного комиссара по морским делам («Замком по морде» сокращенно прозвали мою должность испытанные остряки).

Заседание Совнаркома началось, как всегда, под председательством Ленина, сидевшего у окна за письменным столом, уютно озаренным настольной электрической лампой под светло-зеленым абажуром. На повестке стоял только один вопрос: что делать с Учредительным собранием после ухода из него нашей фракции?

Владимир Ильич предложил не разгонять собрания, дать ему ночью выболтаться до конца и с утра уже никого не пускать в Таврический дворец. Предложение Ленина принимается Совнаркомом. Мне и Ломову пора идти в зал заседаний.

— Ну, ступайте, ступайте,— напутствует нас Владимир Ильич.

С напечатанным на машинке текстом мы вдвоем спешим в зал заседаний. Все остальные большевики направляются в кулуары. По соглашению с Ломовым я беру на себя оглашение декларации.

Войдя в зал заседаний, мы проходим в ложу правительства, расположенную рядом с трибуной оратора. Плохо очиненным карандашом я пишу на вырванном из блокнота клочке бумаги:

«По поручению фракции большевиков прошу слова для внеочередного заявления. Раскольников».

Поднявшись на цыпочки, я протягиваю листок серьезному, переставшему улыбаться Чернову, сидящему в кресле на высокой эстраде с величавой суровостью египетского жреца во время торжественного обряда. По окончании речи оратора Виктор Чернов объявляет:

— Слово для внеочередного заявления имеет член Учредительного собрания Раскольников.

Я поднимаюсь на трибуну и во весь голос, без ложного пафоса, но по мере возможности четко и выразительно читаю заявление о нашем уходе, подчеркивая наиболее важные места. В сознании серьезности оглашаемого документа весь зал насторожился и прекратил болтовню.

Пустые скамьи левого сектора, где еще недавно сидели большевики, зияют, как черный провал. В матросской фуражке, надвинутой набекрень, с ухарски выбивающимся из-под нее густым клоком черных смолистых волос стоит у дверей веселый и жизнерадостный, весь опоясанный пулеметными лентами, начальник караула Железняков. Рядом с ним теснятся в дверях несколько депутатов-большевиков, напряженно следящих за тем, что делается в зале.

Среди мертвой тишины я открыто называю эсеров врагами народа, отказавшимися признать для себя обязательной волю громадного большинства трудящихся. Весь зал словно застыл в безмолвии.

Несмотря на резкий язык нашего заявления, никто не перебивает меня. Объяснив, что нам не по пути с Уч-

редительным собранием, отражающим вчерашний день революции, я заявляю о нашем уходе и спускаюсь с высокой трибуны. Публика, покрывавшая каждую фразу моего заявления шумными рукоплесканиями, радостно неистовствует на хорах, дружно и оглушительно бьет в ладоши, от восторга топает ногами и кричит не то «браво», не то «ура».

Кто-то из караула берет винтовку на изготовку и прицеливается в лысого Минора, сидящего на правых скамьях. Другой караульный матрос с гневом хватает его за винтовку и говорит:

— Бр-о-о-ось, дурной!

VI

Владимир Ильич в черном пальто с барашковым воротником и в шапке с наушниками отдает в Министерском павильоне последние указания.

— Я сейчас уезжаю, а вы присмотрите за вашими матросами,— улыбаясь, говорит мне товарищ Ленин.— Разгонять Учредительное собрание не надо, пусть они выболтаются до конца и разойдутся, а завтра утром мы не впустим сюда ни одного человека.

Владимир Ильич пожимает мне руку, держась за стенку надевает галоши и через занесенный снегом подъезд Министерского павильона выходит на улицу.

Морозная свежесть врывается в полуоткрытую дверь, обитую войлоком и клеенкой; с легким визгом пружины хлопает тяжелая дверь, оставляя в полутемной прихожей острый запах мороза и пронизывающий холодок.

Моисей Соломонович Урицкий, близоруко шуря глаза и поправляя свисающее пенсне, мягко берет меня под руку и приглашает пить чай. Длинным коридором со стеклянными стенами, напоминающими оранжерею, мы обходим шелестящий многословными речами зал заседаний, пересекаем широчайший Екатерининский зал с белыми мраморными колоннами и не спеша удаляемся в просторную боковую комнату. Урицкий наливает чай, с мягкой, застенчивой улыбкой протягивает тарелку с тонко нарезанными кусками лимона, и, помешивая в стаканах ложечками, мы предаемся задушевному разговору. Вдруг в нашу комнату быстрым и твердым шагом входит рослый, широкоплечий Дыбенко с густыми, черными волосами и небольшой аккуратно подстриженной бородкой, в новенькой серой бекеше со сборками в талии.

Давясь от хохота, он звучным и раскатистым басом рассказывает нам, что матрос Железняков только что подошел к председательскому креслу, положил свою широкую ладонь на плечо оцепеневшего от неожиданности Чернова и повелительным тоном заявил ему:

— Караул устал. Предлагаю закрыть заседание и разойтись по домам.

Дрожащими руками Чернов поспешно сложил бумаги и объявил заседание закрытым.

Было 4 часа 40 минут утра. В незавешанные окна дворца глядела звездная морозная ночь. Обрадованные депутаты шумно ринулись к вешалкам, где заспанные швейцары в потрепанных золоченых ливреях лениво натягивали на них пальто и шубы.

В Англии когда-то существовал «Долгий парламент». Учредительное собрание РСФСР было самым коротким парламентом во всей мировой истории. Оно скончалось после 12 часов 40 минут бесславной и безрадостной жизни¹.

Когда на другое утро Дыбенко и я рассказывали Владимиру Ильичу о жалком конце Учредительного собрания, Ленин, сощуривав карие глаза, сразу развеселился.

— Неужели Виктор Чернов беспрекословно подчинился требованию начальника караула и не сделал ни малейшей попытки сопротивления? — недоумевал Владимир Ильич; и, глубоко откинувшись в кресле, он долго и заразительно смеялся.

Ф. Раскольников. Рассказы мичмана Ильина. М.: Гослитиздат, 1936. С. 15—18.

¹ 6 января 1918 г. декретом ВЦИК Учредительное собрание было распушено. В. И. Ленин назвал день 5 января потерянным днем. Политику партии и правительства по отношению к Учредительному собранию поддержал открывшийся 10 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, к которому в полном составе присоединился проходивший в то время III Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Объединенный Всероссийский съезд Советов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Третье поручение

Приближалась ночь с 26 на 27 октября. В дни восстания спать почти не приходилось. И вот я снова около М. С. Ольминского. Беседуем об искусстве восстания.

— Из какого теста лепятся оппортунисты? — спрашиваю я. Мне хочется социально осмыслить явление. — Кто они, предатели по природе или жертвы неправильной теории?

В самый разгар горячей беседы подходит Емельян Ярославский. Строгий, суровый, выдержанный. В его устах прячется улыбка.

— Надо поехать в Петроград, — говорит он мне.

Я вспыхиваю. Захватило дыхание. Такое поручение, о котором и не мечталось!

— Нет связи, — поясняет Емельян Ярославский. — Есть телефон, по которому можно говорить с Москвой, а Смольный этого не знает. И надо информировать петроградцев о московских делах.

«Смольный!» — как молния проносится в голове.

Софья Николаевна Смидович вручает мне железнодорожный билет и мандат от Московского Военно-революционного комитета. Улыбается. Она рада, как и я, что мы в гуще событий, вместе с другими товарищами участвуем в общем революционном деле. Но радость радостью, а дело делом.

— В Петрограде восстание началось. Но чем кончилось, неизвестно. Будьте осторожны. Подъезжая к вокзалу, смотрите, кто на перроне. Если матросы, — наша взяла! Из левого кармана вынимайте мандат Военно-революционного комитета. Если юнкера — вытаскивайте билет железнодорожника.

Все ясно. Остальное в моих руках, в моей выдержке и находчивости. Молча жму руку. Ухожу.

Вокзал Николаевской (теперь Октябрьской) железной дороги. Бывший царский павильон. Восьмого октября здесь происходила общегородская конференция Союза молодежи, раздавались страстные революционные речи. Как мало прошло времени, как много произошло

событий! Тут теперь штаб Военно-революционного комитета Николаевской железной дороги. Вооруженная молодежь...

Поезд отрывается от платформы и медленно движется, оставляя позади пригороды Москвы. В моем вагоне ни души. В соседних вагонах по два, по три человека. И в Москве и в Петрограде беспокойно.

Петроград для меня — это размах революционной деятельности, это беззаветная страсть революционной молодежи, демонстрации на Невском проспекте, у Аничкова дворца, на Литейном, на Знаменской площади, сходки, тайные собрания, прокламации, «Правда». Волнующие воспоминания.

Ведь в Петрограде (Петербурге) прошли лучшие годы моей юности. Тут развернулась моя партийная работа.

Вспоминается более далекое прошлое. Камышин, Саратовской губернии. Реальное училище. Живу в доме у вдовы Татьяны Семеновны Нагорновой. Невзрачная улица. Дворы тянутся около оврага. В 1904 году сын Нагорновой, Александр Тихонович, вступает в партию. У Нагорнова — штаб-квартира большевиков. В небольшом городке, как и всюду, формировались высокоидейные и глубоко убежденные борцы за свободу. Приходит революция 1905 года. Нагорнов во главе организации. Лучшая молодежь города высоко ценит его. Если кому-нибудь из молодых революционеров говорят: «Ты прямо как Нагорнов», — он сияет. Это высшая похвала. Из его речей, из бесед в нелегальных кружках я узнал о Марксе, познакомился с учением Ленина. Нагорнов создает нелегальный кружок, где идет подготовка партийных организаторов и пропагандистов. Я вхожу в этот кружок и вскоре получаю от Нагорнова первые партийные поручения. В октябре 1906 года здесь я вступаю в партию.

...Поезд осторожно входил под вокзальные своды. Выхожу на площадку, отворяю дверь. На перроне — кронштадтские моряки. Молниеносно растекаются по перрону, сосредоточиваются у дверей, встречая пассажиров.

Мандат мой производит сильное впечатление. Меня расспрашивают о Москве. Наперебой сообщают:

— Мы победили!

Непередаваемое волнение охватило меня, когда на Знаменской площади на заборе я увидел объявление о новом правительстве, именуемом «Совет Народных

Комиссаров». Читал, перечитывал: «Председатель Владимир Ульянов (Ленин)».

Рядом наклеено воззвание кадетов с кричащим заголовком: «Не подчиняйтесь узурпаторам!»

Слово «узурпатор» не было понятно балтийцам, с которыми я шел. Я объяснил им.

Хочется пройти по Невскому, вспомнить демонстрации, схватки с полицией. Но Невский проспект длинный, времени мало, каждая минута дорога. Скорее в Смольный!

Подымаюсь по лестницам. На третьем этаже около какой-то двери остановка. Проводники у меня уже другие.

— Входите,— приглашает меня балтиец.

Вхожу. За круглым столом у карты Петрограда сгрудились руководители восстания. Некоторые стоят.

— Товарищи, оставим все, выслушаем товарища из Москвы,— порывисто вставая из-за стола, говорит один из присутствующих. Воля, энергия в его словах и движениях.

Сразу понял: это не кто иной — он, Ленин. Как ни думалось, что может быть такая встреча,— все же она была неожиданной и воспламенила сердце.

Дружеским жестом Ленин показал на стул.

Не очень складно я начал говорить о Москве. Но, заметив глубокий интерес Ленина к этой информации, ободренный его простотой и теплотой в обращении, я почувствовал себя хорошо и незаметно увлекся рассказом о московских событиях. В памяти навсегда запечатлелась порывистость Ленина, быстрая смена в выражении лица, глаз: то промелькнет усмешка, то загорятся, то потемнеют глаза — в зависимости от услышанного.

Я бросил взгляд на окружающих. Заметил Николая Ильича Подвойского — с ним я встречался в 1915 году в Петрограде по поводу намечавшегося издания журнала «Просвещение». Запомнил лица. Потом догадался по портретам, что это Свердлов, Дзержинский, Бубнов. А мысль рвалась к Ленину. Так вот он какой! Простой и ясный, и речь простая и увлекающая! Невольно оглянулся на него, встретил смеющиеся глаза.

— Все сказали? Может быть, еще что-нибудь необходимо сообщить?

Глаза пытливые, понимающие, большой лоб, поза выжидающая.

— Мало у нас в Москве командиров, офицеров...— смущенно сказал я.

— Рабочие и солдаты с нами! Это решает все!

Глаза Ленина, сосредоточенные, серьезно поблескивали, это придавало словам силу и вес.

— Немедленно надо ехать в Москву. Дадим вам декреты о земле и мире. Печатайте их, размножайте, распространяйте по всей стране. В них наша сила.

Владимир Ильич быстро вынимает часы, смотрит на циферблат. Потом дает распоряжение балтийцу об отправке меня в Москву с декретами Советского правительства и, наклонившись, что-то еще говорит.

Вспыхиваю от слов «желаю успеха», от протянутой руки и крепкого пожатия.

И вот я мчусь по коридору за балтийцем, стараюсь не потеряться среди неугомонного людского движения. Вдруг: «Стоп!» Налетает на меня какой-то представитель петроградской прессы.

— Это вы, товарищ, из Москвы?

— Я.

Замечаю небольшой стол, чернильницу, ручку, листы бумаги.

— Напишите о событиях в Москве. Оставьте здесь. На обратном пути захвачу,— кидает он, ныряя в поток людей, льющийся в разные стороны.

Балтиец смеется: «Некогда заниматься писаниной Пошли!»

Смольный словно многоэтажный город. Все торопятся, все обеспокоены.

Взглядываю на балтийца: куда он меня ведет?

— Владимир Ильич сказал, чтоб вас накормить. А потом на вокзал.

К покушению на Ленина

Это было шестого января, в Крещение, в Петербурге, на Большой Болотной, в общежитии членов Учредительного собрания, вечером. Учредительное собрание только что было разогнано. Еще в пять часов утра, усталые, с чувством побитости, мы пешком возвращались из Таврического дворца на Болотную. Было морозно, пустынно. Город спал. Возвращались вразброд, счастливые сознанием, что остались целы. Никто, конечно, не говорил, что он счастлив. Внешне каждый старался показаться угнетеннее другого. Но выдавала поспешность, с которой бежали от страшного места, набитого матросами и красногвардейцами.

И всем было стыдно.

На Болотной, не раздеваясь, как больные, падали на казенные кровати,— там был военный госпиталь,— пытались уснуть. Жуткая ночь стерла хлесткие фразы, которыми дурачили избирателей.

Жизнь сдернула нарядные перья. Перед собственной совестью, как в бане, мы предстали голенькими уродцами, с болячками, вывихами, горбами, которые тщательно скрывали друг от друга.

Уснули пьяным сном.

Все знали: песня пропета,— фальшиво и стыдно. Как фальшиво и стыдно было слышать петушиный задор председателя Чернова, призывавшего в Таврическом дворце хоры к порядку (иначе он «будет вынужден прибегнуть к другим способам воздействия»), и ответный гогот матросов с винтовками и бомбами:

— Попробуй!..

Часов в двенадцать дня любопытные сбегали в Таврический, их прогнали матросы,— с обиженными лицами они ходили потом по комнатам общежития и жаловались на подлость большевиков.

Мы, орловцы, семеро, занимали узенькую комнату на третьем этаже. С нами Дьяконов, циник и пьяница, таинственно посвятивший нас, что он в эсеровской БО¹.

¹ Боевая организация. (Прим. авт.).

Весь декабрь он исчезал туда и сюда. Говорят, ездил на фронт, был в Двинске, Пскове, в украинских воинских частях Северного фронта, в партизанском отряде полковника Глазенапа: возил партизанам подарок членов Учредительного собрания — несколько тысяч рублей. Партизаны покупали на эти деньги спирт, обещали умереть за Учредительное собрание. Стояли они в барском имении, в двенадцати верстах от станции Антонополь. Говорят, чаще он ездил в пригородные кабаки, где легко можно было достать коньяк и «девичек». Возвращался измученный, желтый, хриплый, пил клюквенный квас.

Часа в два пополудни позвонили к обеду, но никто не встал. Часа в четыре по коридору зашаркали туфли, сапоги. Вяло умывались. Вяло бродили из комнаты в комнату. Останавливались и осторожно шушукались: в десять вечера предполагалось закрытое заседание меньшевиков и эсеров в гимназии Гуревича — «на предмет выработки программы дальнейших действий». Дьяконов ушел из нашей комнаты.

Мужики, члены Учредительного собрания, грудились особо. Их набилось в нашу комнату человек пятнадцать. Растерянно глядели друг на друга, чадая махоркой. Растерянно спрашивали: как им теперь — ехать домой не опасно?

— Убьют, черти, не поверят. Скажут: выбирали, как хороших, а ты, сукин сын, против нас пошел?.. А хвалился умереть! — забубнил один, страдальчески гримасничая.

На него злобно зашипели. Мужик мял рваную шапку в руках и не унимался.

— А что — не правда, что ли?.. Матросишко схватил Чернова за шиворот, а мы — в дыры... Уж коли с «теми» бы, так с «теми». Коли — против, пускай убивали бы... А то аж стыдно до смерти: хуже заплеванных... Разве Учредительная собрания должна быть такая?..

В это время в комнату вошел солдат — высокий, в новенькой шинели без погон, в новой барашковой шапке. Он спросил Дьяконова. Мужики не знали Дьяконова и вопросительно уставились на нас.

— Его сейчас нет, — проговорил мой товарищ.

Солдат вышел.

Снизу, из столовой, зазвонили к чаю. Мужики стали спускаться по лестнице. В комнате остались я и Плотников, брянец, рабочий.

Через час солдат опять вошел.

— Дьяконов не пришел еще? — спросил он.

— Нет. Присядьте, подождите, — ответил брянец. Он подвинул табуретку к постели Дьяконова.

Солдат срывно сел и опустил голову на руки. Мы переглянулись: пьяный?

Плотников вышел. Солдат кашлянул.

— Я вас видел, — проговорил он. — В Луге.

— Возможно.

— Я из Струг Белых, из тяжелого артиллерийского дивизиона. Две недели назад у нас был Дьяконов.

— Да? Он часто отлучается из Петербурга.

— Да, он был у нас. Я председатель дивизионного комитета.

— Разве?

— Да. Не знаете, скоро придет Дьяконов?

— Право, не знаю. Наверное, скоро. Ну, как там у вас, в дивизионе, не собираются по домам?

— Нет, наши не пойдут.

Солдат странно качнулся на табурете и испуганно поглядел на меня.

— Я сейчас из Смольного, — вдруг прошептал он.

Только теперь я заметил, что он странно бледен и дрожит.

«Определенно пьяный... Вероятно, собутыльник Дьяконова», — мелькнуло в голове.

Вошел брянец с чайником.

— Ну, давайте чайком баловаться. Вам налить, товарищ?

— Нет, спасибо. — Солдат отрицательно мотнул головой.

Мы молча пили чай, а солдат, сидя вполоборота, глядел в окно, в серую синь. Изредка мы переглядывались с брянцем. Вдруг солдат резко повернулся и стал рассматривать его.

— Вы старый эсер? Не мартовский? — спросил он каким-то захлебывающимся шепотом, подвигаясь к Плотникову.

Тот молча кивнул головой.

— Я, товарищи, только что из Смольного, — быстро, срывно, обжигая глазами, заговорил он. — Я так и условился. То есть у нас так решено... Это ничего, что я вам говорю все это? Предполагали так: предполагали, что Учредительное собрание не состоится, большевики его разгонят... И предполагали так: мы не должны это стер-

петь... И виноват во всем Ленин. Это он затеял кашу. И как только не состоится Учредительное собрание, я, от имени массы, должен пойти. И как доберусь — одну из двух.

Солдат порывисто полез в карманы и положил на стол, возле кружек с чаем, две шершаво-круглых «японских» гранаты.

— Я только что оттуда, из Смольного,— шептал он.— Я предъявил документы. Я представитель тяжело-го дивизиона, меня товарищи посылают в Петроград, в Смольный, к товарищу Ленину для разговоров: к кому нам присоединиться? И меня пропустили. И я разговаривал с Лениным. Мы сидели вот так: он по ту, а я по эту сторону стола, никого больше не было. У меня была рука в кармане, я держал в руке вот эту штуку. «Зачем вы, говорю, разогнали Учредительное собрание, мне надо это объяснить моим товарищам...» И он мне сказал: «Так нужно, товарищ»,— и говорил со мной больше часу, и очень сердился, когда кто-нибудь входил к нам. А я слушал и думал: «Сейчас стукнуть об стол или подождать?..» И говорил он очень просто... Если бы он хоть одно серьезное слово, я бы... мы бы оба взлетели... А говорил — вроде товарищ с товарищем... И я поверил ему всей душой, что разогнать Учредительное собрание необходимо. И не стал бить. И ушел с радостью в сердце... А вышел, прошел, подумал: а как же товарищи? Разве поверят, что он доказал мне? «Струсил, скажут, сволочь, только дело испортил»... А я теперь на всю жизнь думаю: не струсил и дела не испортил...

Почти моляще спросил:

— Товарищи, правильно я поступил или нет?

Это было неожиданно, и мы молчали.

Брянец стал ходить по комнате вихляющими шажками.

— А по-вашему, товарищ, правильно? — наконец спросил он, останавливаясь перед солдатом.

— По-моему, правильно! — быстро и страстно выкрикнул солдат.

— Значит, правильно,— ответил рабочий.

Солдат вспружинился.

— А вы, а вы,— тыкал он пальцем в нас обоих,— вы вправду верите, что это я не с испугу? Что это я поверил ему? Что у меня стало сомнение: нужно ли это? Вы этому верите? — хватая нас за руки, захлебывался

он.— Ведь это же ничего, что я вам всю правду рассказываю?

— Да, это ничего, я вам верю,— бормотал рабочий.

В этот момент вошел Дьяконов. Пристально поглядел на солдата. Солдат бросился к нему, протягивая руки, бормоча, что он только что из Смольного, разговаривал с «дедом», никуда еще не заходил...

— Ну?

— Я говорил вот товарищам — я не могу, не мог, я верю ему...— говорил он.

— Г... собачье,— раздельно процедил Дьяконов, с ненавистью глядя в замученное лицо солдата.

Солдат горестно вскрикнул и выбежал из комнаты. «Японки» остались на столе.

Солдат этот был из Струг Белых, из тяжелого артиллерийского дивизиона, до фамилии или по кличке Беленький. Где он теперь? Жив?..

Январь 1918 года. Сумерки. Смольный в огнях светится. И за окнами жизнь шумит и кипит по-обычному. На лестнице встречаю матросов с наганами, красногвардейцев, которые взволнованно что-то обсуждают и спешат. На широкой лестнице Смольного, как всегда, накурено и спертый, тяжелый воздух. Пулеметы и ящики с военным снаряжением.

На вечер назначено совещание Совнаркома. Но я нарочно пришла пораньше, чтобы застать Якова Михайловича Свердлова. Пришла я настолько рано, что иду прямо в кабинет Ленина и, уверенная, что там никого нет, не постучавшись, отворяю дверь.

В комнате темно, но я могу различить у окна стоящего человека и по силуэту, вырисовывающемуся на фоне ясного зимнего неба, узнаю, что это Владимир Ильич. Я замираю от неожиданности и неловкости, что ворвалась, не постучав.

Владимир Ильич стоит неподвижно, спиной к двери. Он смотрит в окно, высоко подняв голову, очевидно, глядит на небо. А небо зимнее, светлое и очень звездное. Я боюсь пошевелиться. В комнате тихо-тихо.

Неожиданно голос Владимира Ильича прерывает тишину.

— Звезды,— говорит он.— Какие звезды сегодня! Очевидно, мороз покрепчал.

И вдруг, повернувшись в мою сторону, спрашивает:

— А вы когда-нибудь смотрите на звездное небо?

Мой ответ:

— Когда бываю на океане или в деревне.

— На океане? Ах да, ведь вы были в Америке!

А я в ранней юности очень хорошо знал все созвездия, теперь начинаю забывать. Некогда... Вы, собственно, к кому, ко мне?

Я ответила, что к Якову Михайловичу.

— Да, он обещал прийти пораньше.

Я выхожу из кабинета и сталкиваюсь с комиссаром флота Измайловым. По выражению его лица сразу понимаю, что случилось что-то очень серьезное. От това-

рищей, столпившихся в соседней комнате, знаю о том, что матросы устроили самосуд над двумя эсерами¹.

Я поспешила обратно в кабинет Ленина. Никогда я еще не видела Владимира Ильича таким возбужденным и рассерженным. Всегда бледное его лицо побагровело и в голосе звучали непривычно грозные ноты. Высокий, плечистый матрос, комиссар Балтфлота Измайлов, показался мне вдруг маленьким, растерянным и напуганным.

— Самосуд! — говорил Владимир Ильич. — Мы не потерпим этого. И виновных предадим законному народному суду. Скажите вашему Балтфлоту: то, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости. Можете идти.

И затем, повернувшись ко мне, Владимир Ильич уже другим тоном, но очень внушительно и серьезно добавил:

— Советую вам, товарищ Коллонтай, сейчас же поехать к вашим друзьям — балтфлотовцам и разъяснить им, что Советская власть не терпит анархии. И пусть они бросят свои самостийные штучки. Мы их за это по головке не погладим. Нет. Анархии мы не потерпим!

Можно себе представить, с каким чувством я поехала в Наркомат флота.

Когда я вернулась в Смольный, Владимир Ильич был совершенно спокоен и выдержан, как всегда. Лицо его было бледно, а глаза даже улыбались, когда он, повернувшись ко мне, сказал:

— Вот вам и гляди на звезды!

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 169—170.

¹ Речь идет о факте расправы группы анархически настроенных матросов над двумя бывшими членами Государственной думы.

В.БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Из очерка "Октябрь в Москве"

Январь 1918 года. В числе депутатов Московского Совета я был делегирован на III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Подавляющее большинство на этом съезде составляли члены партии большевиков. Еще не отзвучало эхо Октябрьских боев. Еще свежо дыхание Революции. На лицах участников великих событий еще видны следы переживаний. Рабочие, солдаты, матросы, интеллигенты. Зал переполнен. Но Ленина в президиуме не видно.

На трибуне съезда товарищ Свердлов. Своим зычным, металлическим голосом, держа в руках «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», он провозглашает первый ее пункт:

— Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам...

Короткая пауза... Потом словно взрыв! Задрожали стены, люстры, воздух. Оглушительный крик: «Ура!..» Это был взрыв восторга победившего класса! Это был вздох веков! Это был ураган чувств! Казалось, ему не будет конца...

И вдруг чей-то мощный голос, как звук трубы, провал этот шум:

— Да здравствует Ленин!

— Ленин! Ленин! Ленин! — дружно подхватили голоса.

Из задних рядов президиума незаметно вышел невысокий, коренастый человек с характерной головой и большим лбом. Необычайно просто, серьезно, без улыбки, держа руки в карманах, он неловко поклонился раз, другой и, мягко картавя, сказал, что выступит, когда до него дойдет очередь. Сказал и снова скрылся.

Кто хоть раз видел этого человека, тот навсегда запомнит его. Печать дела, дела Революции — первой в истории мира, — лежала на нем. Об этом говорили его глаза, его жесты, каждая морщинка на лице. Об этом говорил весь его облик.

Разумеется, это был Л е н и н.

В. Билль-Белоцерковский. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 1. С. 273—274.

Незабываемое время

(Фрагменты из книги «Русская революция»)

В большевистской газете «Правда» 23 февраля появилась подписанная Лениным статья, где он в решительном тоне изложил причины, в силу которых русская революция должна подписать мирные условия Германии...¹ Статья тотчас же стала предметом ожесточеннейших споров. Решающий момент настал. Срок нового немецкого ультиматума истекал на следующее утро, 24 февраля, и еще этой ночью ВЦИК должен был собраться, чтобы принять решение, от которого зависела судьба революции. ...Вечером, 23-го, в 8 часов большевики и левые эсеры, входившие в состав ВЦИКа, собрались на фракционные заседания... После долгих и бесплодных споров около полуночи обе фракции решили собраться вместе... В этом общем заседании участвовали также анархисты. Единственной группой, оставшейся в стороне, была кучка меньшевиков и правых эсеров. Находясь на галерее, я был свидетелем этого заседания и никогда не забуду подавленного и напряженного настроения, охватившего всех. Какой контраст тем триумфальным сценам, какие видел этот зал еще две недели назад при открытии съезда Советов...

Ленин, невозмутимо потирая подбородок, смотрел перед собой, в то время как «горячая голова» — Радек нервно шагал за трибуной взад и вперед, бледный, с глазами, налившимися кровью. Казалось, что он в своем воображении рубит на куски генерала Гофмана. Потребовав слова, Радек в резком тоне заявил, что подписание мира означало бы моральное банкротство русской революции и выдачу Восточной Европы на милость прусской реакции. «Какими глазами вы посмотрите в лицо польским, литовским, латвийским, эстонским и белорусским социалистам после того, как выдадите

¹ 23 февраля 1918 г. в «Правде» была напечатана статья В. И. Ленина «Мир или война» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 366—368).

их немецкому генеральному штабу?» Затем на трибуну вышел Рязанов и страстно заявил, что для революции лучше погибнуть с честью, чем с позором. Казалось, никто не хотел подписания мира...

Но вот поднялся Ленин, хладнокровный, невозмутимый, как всегда. Никогда еще столь тяжелая ответственность не лежала на плечах одного человека. И все же было бы ошибочным думать, что его личность была в этой кризисной ситуации решающим фактором. Сила Ленина тогда, как и в последующее время, заключалась в его способности правильно оценивать психологию русских рабочих и крестьянских масс. Как будто даже без созыва нового Всероссийского съезда Советов он знал уже мнение депутатов тысяч губернских и уездных Советов...

Его речь произвела сильное впечатление¹. Казалось, никто не находил в себе смелости возразить, каждый чувствовал правоту Ленина. Я сам, несмотря на все мое жгучее стремление к реваншу, начал склоняться к ленинским взглядам. Был объявлен перерыв до двух часов ночи, с тем чтобы привлечь фракции меньшевиков и правых эсеров и открыть заседание ВЦИКа. Затем Камков, лидер левых эсеров, выступил от имени своей партии, которая в перерыве приняла решение. Он признал фактическую правильность ленинских доводов, но заявил, что его партия отказывается нести моральную ответственность перед Европой за подписание постыдного мира. Советам следовало бы, сказал он, оставить Петроград, отойти в глубь страны и предоставить немцам спокойно продвигаться вперед, если они на это решатся. Если же будет принято противоположное решение, то левые эсеры не будут противодействовать, однако отзовут своих членов из состава Совета Народных Комиссаров. В 5 часов утра было решено провести голосование, не связывая его участников партийным решением². Вряд ли я забуду эти мгновения. До последней минуты я сам не знал, какой из сторон русской революции, борющихся за преобладание, я желаю победы. Наконец решение было вынесено. В пять часов утра

¹ Речь В. И. Ленина на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК 23 февраля 1918 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 372).

² Фракция большевиков отвергла требование «левых коммунистов» о свободном голосовании и приняла решение на заседании ВЦИК голосовать за подписание мира.

состоялось голосование путем поднятия рук. За подписание мира проголосовало 112 человек, против — 84 и 24 — воздержались¹. Около шести часов утра — это было морозное зимнее утро — я, измученный усталостью и голодом, вернулся домой, чтобы тут же забыться сном.

На следующий день те делегаты и комиссары-большевики, которые минувшей ночью выступали против Ленина, совершили поездку по городу, по заводам и фабрикам, чтобы составить себе впечатление о настроении народа. Днем они вернулись в Смольный, сами проникшись теперь убеждением, что всякое сопротивление было бы невозможным. Лучшие и наиболее дальновидные рабочие Путиловского, Балтийского и Обуховского заводов, так же как и железнодорожных мастерских и верфей, понимали положение, в котором находилась молодая Советская Республика... Между тем Ленин послал местным Советам по всей территории Республики телеграммы с предложением известить о своей позиции по вопросу о ратификации мира. Он сообщил им, что, в то время как ВЦИК в ходе последнего ночного заседания принял немецкий ультиматум и уже послал делегатов в Брест-Литовск для подписания мира, чтобы остановить дальнейшее продвижение немцев, во власти Советов все еще остается сделать это решение недействительным, так как договор требует ратификации. Чрезвычайным съездом Советов, который должен быть созван возможно скорее.

...Первого марта поступили первые ответы на телеграмму Ленина местным Советам, и целые их пачки были напечатаны в официальных «Известиях». Они дали заслуживающую большого внимания картину настроений, царивших в провинции, и показали, как верно Ленин в ту историческую ночь 23 февраля оценил чувства своих соотечественников, когда он, можно сказать, один стремился побудить ВЦИК принять немецкий ультиматум. Советы городских и промышленных районов Северной и Центральной России сообщили в своих резолюциях, что рабочие были бы готовы сражаться, так как они вполне сознают последствия подписания мира.

¹ 116 голосами против 85, при 26 воздержавшихся, заседание ВЦИК утвердило предложенную большевиками резолюцию о принятии немецких условий мира. Большинство «левых коммунистов» не приняло участия в голосовании, покинув на это время зал заседания (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 490—491).

Однако большинство резолюций избегало определенных формулировок. Те, кто открыто выступали за подписание мира, настаивали на том, чтобы, не теряя минуты, немедленно положить начало созданию сильной Красной Армии из преданных представителей трудящихся классов. Провинциальные крестьянские Советы большей частью подчеркивали, что Россия обессилела, поэтому продолжение борьбы невозможно и мир становится главным требованием момента. Было ясно, что на успешное сопротивление рассчитывать нельзя... Ленин знал требование момента: не продолжать старую войну, а использовать передышку, чтобы разоружить контрреволюционные банды, скопившиеся на плодородных окраинах России, и заложить основы свободной Рабоче-Крестьянской Армии.

«Иностранная литература»,
1965, № 11. С. 238—239.

Д. БЕДНЫЙ

Из предисловия

к книге Л. Войтоловской "По следам войны"

Припоминаю случай с В. И. Лениным. Владимир Ильич как-то в 1918 году, беседа со мной о настроении фронтовиков, полувопросительно сказал:

— Выдержат ли?.. Не охоч русский человек воевать.

— Не охоч! — сказал я и сослался на известные русские «плачи завоенные, рекрутские и солдатские», собранные в книге Е. В. Барсова «Причитания Северного края».

И еще слушай же, родная моя матушка,
И как война когда ведь есть да сочиняется,
И на войну пойдем, солдатушки несчастные,
И мы горючими слезами обливаемся,
И сговорим да мы несчастны таковы слова:
«Уж вы ружья, уж вы пушки-то военные,
На двадцать частей, пушки, разорвитесь-то!»

Надо было видеть, как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова. Взял ее у меня, долго он ее мне не возвращал. А потом, при встрече, сказал: «Это противовоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть. Старой песне противопоставить новую песню. В привычной своей, народной форме — новое содержание. Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству, — раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг, — прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое, и т. д.».

Вот какую идейную базу имела моя фронтовая агитация...

Д. Бедный. Собр. соч. в 8 т.
М.: Художественная литература,
1965. Т. 8. С. 312.

...Владимир Ильич в часы отдыха не любил разговаривать, а я часто бывал с ним в часы отдыха и помню, что, очевидно, он просто любил думать что-нибудь свое в это время. С ним можно было проходить часа два и молчать. И он с благодарностью воспринимал, что ему помогали отдыхать.

Я лично не отрывал Владимира Ильича от отдыха, но однажды пристал к нему, пристал, как ярый питерец. Все мы, переехавшие тогда из Петрограда в Москву, как-то сначала остро ощущали разлуку с этим городом, остро и даже болезненно, и я насел на Владимира Ильича, как это мы покинули Петроград¹. А он мне на все мои вздохи и охи и на все аргументы, а аргументов я находил бесконечное количество, прищуривши так один глаз, говорил всего одно слово:

— Москва...

Я ему сейчас же, понимаете, снова!.. А он опять:

— Москва...

И он мне так раз десять говорил:

— Москва... Москва... Москва...

Но все с разными интонациями. И к концу речи я тоже начал ощущать, а ведь в самом деле *Москва!*..

Это было у меня первое ощущение Москвы. Теперь мы все, и я в частности, невероятные москвичи, потому что срослись с той Москвой, которая все вытерпела, все создала. Москва... Это мировой город, и вся символика в этом удивительном слове.

Сейчас надо сделать какие-то заявки для книги, в которой участвовать — это уже честь². И я все думал, что бы мне взять. И вспомнил Ленина — Москва... И вот я думаю, что, если мне удастся написать что-нибудь, я так и напишу:

— Москва...³

«Литературная газета», 1964,
№ 48, 21 апреля.

¹ В марте 1918 г. Советское правительство из Петрограда переехало в Москву.

² Эпизод взят из выступления Д. Бедного в апреле 1936 г. на совещании по поводу пятитомника «Две пятилетки», инициатива создания которого принадлежала А. М. Горькому.

³ В день двадцатилетия Советской власти, 7 ноября 1937 г., Д. Бедный написал стихотворение «Столица — народ».

...И шурился:

глаза слетела Россия завтрашнего дня

Первый раз я видел Ленина на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов. Это было 14 марта 1918 года. Я слушал его выступление. Видел, как он беседовал с делегатами, как, присев на край дивана, он писал резолюцию, раскрыв на колене блокнот, как взволнованно ходил по комнате президиума в накиннутой на плечи шубе. Все это видел я, находясь в карауле.

Охрана съезда, происходившего в Доме Союзов, была поручена Московскому красностуденческому батальону — одному из отрядов Красной гвардии. Чтобы лучше слышать Ленина и быть ближе к нему, я, как один из членов штаба батальона, избрал пост в дверях Колонного зала, при выходе на трибуну. Отсюда был виден одновременно и Колонный зал и все, что происходило в примыкавшей к залу комнате членов президиума ВЦИКа.

Запомнилось появление Ленина на трибуне. После слов председательствующего Якова Михайловича Свердлова: «По центральному пункту повестки дня — ратификации мирного договора — слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину» — зал огласился дружными рукоплесканиями. Стремительный и энергичный Ленин уже стоял на трибуне. Заметно тяготясь нестихающими аплодисментами, он извлек из кармана жилетки часы, посмотрел на них и показал часы делегатам. Потом поднял руку, громко произнес: «Товарищи!» — и в установившейся тишине заговорил. Его речь была убедительна и ясна, все его доводы в пользу подписанного Советским правительством мирного договора были неопровержимыми. Ленин говорил четко и энергично, заряжая своей энергией слушателей и воодушевляя их на решение предстоящих задач по укреплению Советской власти и по экономическому подъему страны. Он то деловито обсуждал вопрос о старой царской армии, заболевшей разложением и деморализацией, то сурово обрушивался на сторонников «левой» фразы и горе-теоретиков «революционной войны». Он говорил о завоеванной

передышке для мирного строительства и создания дисциплинированной, хорошо вооруженной и обученной Красной Армии. Глубочайшим убеждением были проникнуты воодушевившие всю аудиторию его слова о том, что международная рабочая революция не за горами, и восторженные слушатели овацией приветствовали Ленина.

Потом в перерыве, когда Владимир Ильич ходил по комнате президиума, я видел, как, приближаясь к проходу в Колонный зал, он шурился от яркого света люстр, и мне тогда показалось, что его взор проникает в будущее и он видит озаренную Россию, Россию завтрашнего дня. И позднее, когда я читал книгу «Россия во мгле», я невольно вспоминал свою первую встречу с Лениным: ярко освещенный Колонный зал и ленинский прищур.

Эта первая встреча с Лениным, врезавшиеся в память особенности и детали помогли мне потом нарисовать образ Владимира Ильича в стихотворении «Ленин и Уэллс»:

Внимателен и откровенен,
В сужденьях неопровержим,
Беседовал с Уэллсом Ленин,
Растерянным, но не чужим.
То замыкался на мгновенье,
То вдруг улыбчив, то суров,
Развеивал недоуменья
У автора «Борьбы миров».
И тот дивился озаренный,
На собеседника в Кремле,
На то, как он над разоренной
Страной, простираясь во мгле,
Волнуясь, зажигал светила
Высоковольтного огня
И шурился: глаза слепила
Россия завтрашнего дня.

«Живой Ленин», М.: Художественная литература, 1965.
С. 160—162.

Это было в первых числах
мая 1918 г.¹

Заседание ВЦИК — в помещении Политехнического музея.

На повестке: «Очередные задачи Советской власти».

Докладчик: Владимир Ильич Ленин.

Большая и хорошо освещенная аудитория быстро заполнялась делегатами.

А балкон давно уже был переполнен публикой, среди которой преобладали серые солдатские гимнастерки и черные рабочие куртки. Но и в гимнастерках не трудно было угадать рабочих, вернувшихся с фронта: прокопченные лица, загрубелые в работе руки.

Кое-где мелькали шляпки и белоснежные сорочки. И внизу, и на балконе, стоял сплошной гул.

Шляпки на балкон озираются и молчат.

Гудят гимнастерки и куртки:

— Папаша сегодня... Слышь... папаша...

— Ильич.

— Ну да... Как же...

— Покажет соглашателям...

— Будь спокоен... Не выдаст...

— Што тянут.

— Ильича нету... Некому крыть.

— Ха-ха-ха...

Гудит муравейник-балкон. Возбужденно улыбаются прокопченные лица. Между всклокоченных бороденок и насупленных бровей любовно искрятся глаза.

Заседание долго не открывается.

А в президиуме уже полно.

Толпятся группами. Разговаривают.

В проходах, между рядами, суетливо бегают делегаты. Наклоняются к сиденьям. Жестикулируют.

¹ Выступление В. И. Ленина состоялось не в первых числах мая, а 29 апреля 1918 года (Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 5. С. 415—416).

Мой сосед эсер-сибиряк, глядя в президиум, перечисляет мне некоторых лиц:

— Вот эта... смуглая... кутается в воротник... Спиридонова... А этот... в расстегнутой тужурке... Свердлов... А тот вон... беленький... юркий... Бухарин... Левый коммунист... Сегодня он будет оппонировать Ленину...

Вдруг внизу раздались аплодисменты; сначала жидко, потом сильнее и сильнее. Аплодисменты быстро перекинулись к нам — на балкон, а через минуту аудитория снизу доверху дрожала от плеска рук.

В первый момент я не понял, в чем дело.

Видал, что из боковой двери на кафедру быстро вошел человек: небольшого роста, с красноватым лицом; в потертом демисезонном пальто, в приплюснутом картузе; не то с папкой, не то с портфелем в руках.

Аудитория бурно и несмолкаемо гремела аплодисментами.

А вошедший, не обращая внимания, быстро снимал и куда-то за стол бросал — картуз, пальто, портфель; в то же время шутливо о чем-то говорил с Я. М. Свердловым.

Мой сосед-эсер пояснил:

— Ленину аплодируют,.. любят...

Он тоскливо смотрел на серые гимнастерки и черные куртки.

А они впились восторженными, искрившимися глазами в одну точку — в президиум.

И аплодировали долго, ожесточенно.

Взволнованный, я впился в фигуру Ленина.

Искал сказочного героя.

А там, около небольшой группки, стоял внешне самый обыкновенный человек — с огромной лоснящейся лысиной, с смеющимся красноватым лицом, маленький, но коренастый; в поношенном пиджачном костюме, в белой мягкой манишке с темным галстучком; только движения головы и рук были какие-то быстрые, часто меняющиеся.

Я. М. Свердлов подошел к своему стулу — в центре президиума, позвонил и громко объявил об открытии заседания, прочел повестку...

Потом:

— Слово предоставляется Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину.

Опять бурный взрыв аплодисментов.

Владимир Ильич с бумажкой в руках быстро обо-

шел длинный стол президиума и стал сбоку — около кафедр.

Наступила тишина.

Зазвучал могучий, несколько хриловатый голос, странно гремевший из такой небольшой фигуры; гремевший с одинаковой силой в течение двух часов с лишним.

Много приходилось слышать докладов и многих общепризнанных ораторов.

Но тут... все мои понятия о докладах и все представления об ораторских приемах перевернулись.

Поражал этот огромный слегка картавящий голос, отчетливо долетавший до самых отдаленных уголков аудитории.

Поражали необычайная простота оборотов речи, глубина и меткость определений, которые гвоздями входили в сознание слушателя.

Эти мысли-гвозди долго сверлили мозг — спустя месяцы и годы.

Поражало, что Владимир Ильич как будто не докладывал, а просто интимно беседовал с одними, журил других и бичевал третьих.

Ни одной партии как будто он не упоминал.

Но чувствовалось, что зычные подчеркивания отдельных мест доклада заставляли гореть восторгом глаза большевиков; пришибали интернационалистов и уничтожающе действовали на меньшевиков и эсеров.

Обращала внимание еще одна особенность в речи Владимира Ильича, которой я не замечал ни у одного из известных ораторов, ни до ни после тов. Ленина.

Его речь казалась продуманной и отточенной до мельчайших подробностей, казалась построенной по всем правилам ораторского искусства. Необычайно отточены были отдельные мысли и положения. Он их не подбирал — сами цеплялись одна за другую, вытекали одна из другой.

Это чувствовалось, несмотря на всю остроту и непосредственность чувств, которые вкладывал Владимир Ильич в доклад и подчеркивал интонацией голоса.

Вначале зычный голос вызывал напряженное деловое внимание аудитории.

Это деловое напряжение слушателей сменялось ощущением огромной тяжести и ответственности, которые взваливали на свои плечи пролетариат и его классовая власть.

Затем громовой голос зазвучал тревогой и ненавистью к тем, кто разрушал и саботировал великое дело освобождения трудящихся.

И ненависть застилала огнем взгляды серых гимнастеров и черных курток на балконе.

Конец доклада был пересыпан такой уничтожающей иронией к врагам рабочего класса, что тишина аудитории то и дело прерывалась взрывами заразительного смеха.

Казалось, Ленин стер, уничтожил, похоронил своих противников до их выступлений.

Аудитория ревела долгими оглушительными аплодисментами.

Годы и феерическая лента перемежающихся событий стерли в памяти почти все основные положения доклада.

Но на все эти годы врзалась в память огненная мысль, пронизывающая доклад:

«Советской России придется пережить период государственного социализма прежде, чем она приступит к коммунистическому переустройству».

И еще одна мысль сверлила сознание:

Ленин не только говорит и бросает в аудиторию свои пламенные колья-мысли, нужные, государственные. Нет. Он еще впитывает в себя и переводит на свой раскаленный язык то невидимое и неуловимое, что несет к нему напряженным электрическим током от тысячной аудитории, что струится из глаз этой черно-серой громады внизу и на балконе.

Ленин знает глубочайшие тайники человеческих душ и находит в них отклик тому, что наболело у него, что веками болело и копилось в замученных, истерзанных сердцах.

В его словах и в его голосе звучали непререкаемая логика, неоспоримая правда.

Кончилось. Затихла буря аплодисментов.

Начались прения.

Бледное выступление недурного оратора — эсера Комкова.

Шипящий, точно осенний шорох листьев — голос Мартова.

Седовласый и костлявый анархист, размахивающий руками.

Яркая, саркастическая речь тов. Бухарина: такого молодого и такого задорного, точно допрашивающего Ильича:

— Что же это такое будет? Социализм это будет? Или, точнее, этот строй можно назвать государственный капитализм?

Владимир Ильич сидел около стола, на углу, писал на листке бумаги, часто поднимал одну бровь — смотрел на оппонентов. Иногда улыбался и крутил головой, как бы говоря: ну и городит.

И тотчас же склонялся к листку бумаги — быстро записывал.

Когда говорил и махал руками седовласый старик анархист, Владимир Ильич несколько раз откидывал голову назад — беззвучно хохотал.

Кончились речи.

Владимир Ильич снова впереди стола, с бумажкой в руках.

Я глубоко заблуждался, когда думал в конце доклада о похоронах будущих оппонентов товарища Ленина. Здесь, в заключительном слове, была их могила. Казалось, не человеческая речь звучит в этой огромной, переполненной людьми, аудитории, а свищут тысячи бичей, рассыпаются огненные искры, бороздят аудиторию воспламеняющие молнии.

И опять обращало внимание необычайное умение Ильича строить речь. Слушатель не утомлялся. И громко и добродушно хохотал, когда Ленин жестоко высмеивал левых эсеров и анархистов. А когда Ленин гневно бичевал меньшевиков и правых эсеров, а они отбивались репликами с мест, аудитория ответила криками с балкона, стуком ног и ревом голосов.

Особенно бушевал балкон, как море в непогоду. Засаленные гимнастерки и черные куртки свешивались с балкона, к эсерам тянулись мозолистые руки и гневные взгляды.

По временам казалось, что вся эта громада сорвется с балкона, ухнет через барьер на головы своих врагов и разорвет их в клочья.

Но звонок — и громкий властный голос Свердлова вовремя останавливает бушевавшую стихию.

А Владимир Ильич стоял с бумажкой в руках и как-то по-особому добродушно, иронически улыбался. Глаза искрились, точно говорил:

«Пусть себе, други... Не страшно!»

Буря восторженных аплодисментов и криков долго неслась ему вслед, когда он быстро обходил длинный

стол президиума и шутиливо, переговариваясь с сидевшими за столом, усаживался.

Не помню, как закрылось заседание.

Помню только густую толпу, выносившую меня в стихийном потоке на улицу.

Глаза горят. Срываются короткие фразы:

— Не выдал папаша!.. Поддержал!..

— Долго не забуду!..

— Еще бы!.. Ильич-то!..

— С ним все будет наше!..

— Все возьмем!.. Весь мир завоюем!.

Толпа рассеялась по тротуару.

Шел я один и думал:

— С кем можно сравнить Ленина?!

Мелькали исторические фигуры прошлого, знакомые по литературе, вожди мелкой и крупной буржуазии, которых лично довелось видеть. Но ни с кем нельзя было сравнить Владимира Ильича.

Оратор-трибун, все охватывающий государственный деятель, великий мудрец и философ, вождь и сердцевед народных масс — он единственная фигура в истории человечества.

Он — пророк человечества, открывающий новые эпохи.

На другой день, встретив эсера-сибиряка, я спросил:

— Ну, как! Сердитесь на Ленина?

Он поднял на меня удивленные глаза:

— Разве можно на него сердиться? С ним можно не соглашаться, но сердиться...

Эсер не закончил свою мысль и пожал плечами.

Сейчас мне вспоминается еще подобный случай.

На VIII съезде Советов, кажется, в заключительном слове по докладу Совета Народных Комиссаров, Владимир Ильич бичевал международный капитал и, обращаясь к ломам иностранных представителей, ядовито их высмеивал. Делегаты хохотали и шумно аплодировали. Взглянув на дипломатическую и журналистскую ложи, я был поражен: обнажив золотые зубы до ушей, иностранцы долго и шумно аплодировали...

Не помню, в какой аудитории я впервые встретил Владимира Ильича. Возможно, что это было в зале гостиницы «Метрополь», где происходили заседания ВЦИК. Во всяком случае, там был тов. Свердлов, председатель ВЦИК, один из первых вождей русских большевиков, с которым я познакомился.

Мне помнится, что я стоял в стороне и смотрел на группу, окружавшую трибуну, — вождей большевистской революции! Помню, какое радостное возбуждение овладело мной, как мне хотелось узнать имя каждого из них. На первых порах я мог судить о них только по внешнему впечатлению.

Один из русских товарищей, побывавший в Америке, по моей просьбе показал мне Ленина. Ленин — небольшого роста, очень скромный по виду — стоял в углу; одет он был необычайно просто: на голове у него было обыкновенное рабочее кепи, и он даже не был обут в высокие блестящие сапоги, которые тогда носили многие. Словом, Ленин никак не отвечал моему представлению о великом человеке. Я внимательно всмотрелся в него: уж не ошибся ли я...

Но нет, это был Ленин, которого я видел на снимках.

Несколько минут я предавался размышлениям о том, что это — вожди победоносной революции, гиганты, двигавшие величайшими событиями в истории человечества! Мои взоры то и дело возвращались к человеку в углу, который с кем-то разговаривал.

Я обратил внимание на подвижность его лица, на то, как оно менялось, когда он говорил и когда слушал. Мало-помалу он стал в центре моего внимания. Все остальное отодвинулось, растворилось. Не поняв ни единого слова из того, что говорилось в зале, я ушел, полный впечатлений только об одном человеке — о Ленине.

Не знаю, как Ленин ухитрился урвать для меня время в те тяжелые месяцы весны и лета 1918 года. Но я думаю, что это следует приписать глубокому интересу, который он проявлял в любой момент русской революции

к революционному движению во «внешнем мире», к позиции социалистов других стран. На этот раз я пробыл у него (было это, кажется, в конце апреля) минут пятнадцать.

Сам Ленин говорил немного. Он умел всегда развязать язык собеседнику — сам же ограничивался тем, что слушал.

Его интересовали малейшие подробности того, как рабочий класс США реагирует на революцию. Он спрашивал меня об отношении профсоюзов к большевистской революции.

Я рассказал ему, как передовые слои рабочих АФТ¹ оценивают действия рабочих и моряков Петрограда, которые спасли жизнь Тому Муни², добившись вмешательства президента Вильсона, заставив заменить смертный приговор тюремным заключением.

Рассказывая об этом, я от имени профсоюзов, входивших в состав организации защиты Муни, передал Ленину, как главе большевистской партии, официальную благодарность за прекрасный акт интернациональной солидарности. Ленин не произнес ни слова — у него только заблестели глаза.

Мы говорили о перспективах революции в Европе. Ленин упомянул о недостатке надежной информации и коснулся технических методов получения информации из-за границы. Сознаюсь, я был изумлен, когда услышал, как виднейший вождь мировой революции с интересом говорит о мельчайших деталях: о бумаге, картоне, чернилах и тому подобных «мелочах» и технических вопросах.

Ленин забросал меня вопросами.

При этой нашей первой встрече Ленин заговорил со мной по-русски. Я смог ему только ответить, что по-русски не говорю, но знаю французский язык. Ленин сначала сказал, что он недостаточно хорошо знает английский, и мы некоторое время говорили по-французски, затем Ленин перешел на немецкий, а потом, к моему изумлению, продолжал на безукоризненном английском языке, не делая ни одной ошибки и лишь время от времени останавливаясь в поисках слова (все наши последующие беседы велись по-английски, и я не припоминаю у Ленина ни одной грамматической ошибки).

¹ Американская федерация труда.

² Муни Том (1882—1942) — активный участник рабочего движения США. По провокационному обвинению, был приговорен к смертной казни.

Вторично я попал к Ленину как раз в то время, когда белогвардейцы систематически совершали покушения на вождей революции¹. Едва поздоровавшись со мной, Ленин прямо задал мне вопрос:

— Каково ваше мнение о красном терроре?

Я ответил, что, по-моему, если не дать почувствовать буржуазии, что ее старания уничтожить революцию приведут к ее собственному физическому уничтожению, то революция действительно погибнет. На это Ленин ничего не ответил, но из того, как он ощупывал меня глазами, я почувствовал, что вопрос не был случайным.

После паузы, обменявшись со мной еще несколькими словами, Ленин неожиданно и без всякой видимой связи с предыдущим спросил:

— Видели вы Кропоткина?

— Да.

— Что он такое?

— Он безнадежный буржуа.

— Да? — произнес Ленин вопросительным тоном. — Как так?

Я рассказал о своем посещении Кропоткина, о том, как Кропоткин, которого я прежде идеализировал, резко осуждал меня за нежелание поддержать войну союзников «за демократию» и как он продолжал меня порицать в присутствии явившейся к нему группы американцев в военной форме, членов Христианской ассоциации молодых людей². Я рассказал о том, как эти американцы рассыпались в комплиментах перед Кропоткиным, титулуя его (к его явному удовольствию) «князем», и как я ушел, разочаровавшись в своем «герое».

Ленин произнес только:

— Гм! Любопытно...

Позднее следующее обстоятельство разъяснило мне, почему Ленин вдруг заговорил со мной о Кропоткине. Один мой знакомый, работавший в Москве переводчи-

¹ Р. Майнор был принят В. И. Лениным 19 августа 1918 г. в связи с намерением Р. Майнора и М.-Ф. Прайса выехать на чехословацкий фронт. По поводу этой их просьбы В. И. Ленин запрашивал мнение наркома иностранных дел Г. В. Чичерина (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 158).

² Христианская ассоциация молодых людей — одна из буржуазных молодежных организаций, насаждала буржуазную идеологию и религиозные взгляды среди молодежи. В России ее представители занимались религиозно-пропагандистской и антисоветской деятельностью.

ком, встретившись со мной на улице, в возбуждении пролепетал:

— Буржуазия переживает чудовищный страх и тревогу; некоторые наиболее влиятельные буржуа добиваются, чтобы Ленин принял Кропоткина и чтобы тот побудил его прекратить красный террор...

Ленин как будто не придавал никакого значения своему положению, и эта черта все больше изумляла меня, по мере того как я ближе знакомился с его ролью величайшего вождя человечества в этот величайший в истории момент.

Однажды, собираясь уходить от него и надевая пальто, я нечаянно толкнул локтем большую вращающуюся полку для книг — несколько тяжелых томов упало на пол. Ленин тотчас же опустился на колени и, продолжая разговор, стал подбирать книги.

В конце лета того же года один случай осветил мне твердость Ленина-большевика.

В Москве появился человек, бывший чикагский швейник М. Ч., который утверждал, что он знает меня по борьбе за спасение Тома Муни. Этот человек заявил мне, что он анархист и командует «партизанским» отрядом на фронте против контрреволюционной армии Каледина.

Впрочем, его отлучка с фронта в такое время казалась необъяснимой. Неожиданно он исчез. Несколько дней спустя ко мне пришла с плачем его жена и сказала, что муж ее арестован, предан суду за дезертирство и кражу и приговорен военным трибуналом к расстрелу. Она уверяла меня, что муж ее невиновен, что он жертва чересчур поспешного судебного разбирательства и, может быть, даже «жертва заговора злонамеренных элементов». Она умоляла меня просить Ленина распорядиться о пересмотре дела Ч.

Я поспешно набросал записку, в которой изложил то, что она мне рассказала. С этой запиской я поспешил к Ленину.

Один из его секретарей взял у меня записку и вышел. Вскоре он вернулся и сказал, что товарищ Ленин сейчас на заседании Политбюро, выйти ко мне он не может, но внимательно прочел мою записку и не замедлит выполнить мою просьбу.

Поздно ночью нарочный постучался ко мне и вручил мне ответ Ленина: записку, написанную чернилами его

рукой. Я тогда еще едва мог читать по-русски, но содержание ее навсегда врезалось мне в память:

«Товарищ Майнор! Я распорядился, как и обещал, о расследовании дела Ч. Выяснились такие факты: Ч. дезертировал со своего поста на фронте во время военных действий. Он похитил деньги, предназначенные для выдачи жалования его полку. За такого человека я не могу хлопотать. Его надо расстрелять.

Ленин».

Я привожу этот текст по памяти. Я свято хранил эту записку и носил ее при себе до середины ноября 1918 года, когда мне пришлось перейти советско-германский фронт и надо было избавиться от всех документов большевистского происхождения.

После инцидента с осужденным дезертиром я еще несколько раз был у товарища Ленина по разным делам, но об этом деле ни разу не упоминалось.

На мой взгляд, наиболее изумительной чертой Ленина была его привычка отодвигать себя в разговоре на задний план.

После III конгресса Коминтерна я пошел к Ленину. Был я сильно простужен. Ленин и сам был нездоров, но сочувственно расспрашивал меня о моем состоянии.

Вскоре после этого он серьезно заболел, и я несколько недель не видел его. О его состоянии я узнавал от товарищей и из газет. Когда он вернулся к работе, я посетил его. Когда я пришел к нему, он спросил:

— Оправились вы уже от простуды?

Уходя, я с огорчением вспомнил, что мы не говорили о его здоровье, а только о моем.

Осенью 1921 года мне пришлось послать Ленину срочное письмо по важному делу, о котором мне нужно было с ним поговорить. Отнести письмо в Кремль я поручил десяти-двенадцатилетнему мальчугану, сыну красноармейца, убитого на фронте. Я разъяснил мальчику, что письмо адресовано товарищу Ленину, что он должен поторопиться немедленно сдать письмо, получить ответ и сейчас же вернуться.

Мальчуган, на которого это произвело громадное впечатление, стрелой понесся в Кремль. Я жду и жду, час проходит за часом, а моего посланца все нет и нет. Наконец, когда уже стемнело, мальчик является, задрав нос, с весьма важным видом. Я обрушился на него:

— Ты где пропадал?

— О,— сказал мальчик,— я беседовал с товарищем Лениным!

Позднее мне в Кремле рассказали, что это так и было в действительности. Мальчик не пожелал передать письмо никому другому, кроме Ленина: он ждал до конца заседания, после чего товарищ Ленин задержал его и забросал вопросами о том, как заботятся о детях павших красноармейцев.

Вернусь к этому письму. Это было длинное послание — около трех страниц. Когда я пришел к Ленину, он сразу же сказал мне:

— Прежде всего, товарищ Майнор, вам надо знать, что, обращаясь с таким пространном письмом к человеку, который так занят, как я, следует указать в верхнем левом углу очень сжатым телеграфным слогом, чему посвящено письмо. Затем вы должны указать, что вы рекомендуете. Не думаете ли вы, что так следует поступать?

Меня всегда поражало то обстоятельство, что, когда бы мне ни понадобилось видеть товарища Ленина (а я был у него десять — двенадцать, а то и более раз), это всегда оказывалось возможным (за одним исключением, о котором я упоминал: Ленин был на заседании Политбюро). Ленин особенно интересовался связью с людьми, приехавшими *из-за границы*, даже если они не играли сколько-нибудь важной роли. Товарищ Ленин организовал свое время так, чтобы наилучшим образом его использовать.

Однажды я даже допустил неловкость: пораженный тем, что Ленин нашел время принять меня и в несколько минут урегулировать вопрос, разрешения которого я у других не мог добиться много дней, я воскликнул:

— Товарищ Ленин, у вас больше времени, чем у кого-либо другого во всей Москве!

Конечно, я не имел этого в виду буквально. Но Ленин недоумевающе посмотрел на меня.

— Нет, товарищ Майнор,— сказал он,— у меня *не больше* времени, чем у других!

И я прочел у него на лице, какое гигантское бремя нес на себе вождь пролетариата, бремя, которое, несомненно, способствовало тому, что жизнь величайшего в мире человека пресеклась на пятьдесят четвертом году.

Тотчас же после III конгресса Коминтерна я с несколькими американскими товарищами посетил Ленина в двенадцать часов ночи (раньше он не мог освободиться), чтобы обсудить с ним вопрос об организационных

формах партии в тогдашней обстановке, вопрос о не осуществленном в то время плане издания газеты «Дейли уоркер» и т. п.

Ленин подсказал нам ряд весьма четких и ясных мыслей по этим вопросам.

Один из присутствовавших, придерживавшийся ярко выраженных фракционных взглядов «ультралевого» характера, то и дело прерывал Ленина. Ленин каждый раз останавливался и терпеливо ждал, пока тот закончит, и лишь после этого продолжал говорить.

В последний раз я видел товарища Ленина в конце 1921 года. Я должен был вернуться в Америку и попросил у него разрешения представить ему товарища, который меня заменит в ИККИ¹. Товарищ Ленин глубоко интересовался всеми приезжающими из США. Особенно его интересовали все симптомы поворота коренных американских рабочих на революционный путь в то время, когда Компартия США опиралась главным образом на революционные иммигрантские слои рабочего класса. Первый вопрос, с которым Ленин обратился к приведенному мною товарищу, был:

— Вы — американец?

— Да, — ответил товарищ.

— *Американский американец?* — переспросил товарищ Ленин.

— Да, — отвечал тот.

— Где вы родились? В Америке?

— Да.

— А ваш отец?

Услышав, что отец этого товарища был сыном европейского фермера, эмигрировавшего в Америку, товарищ Ленин протянул:

— А-а... — Затем, насмешливо улыбаясь, он сказал: — А вот Майнор *американский* американец. Товарищ Майнор, ваш отец родился в Америке, и ваша мать тоже? Правда? — и продолжал: — А ваши деды? С обеих сторон?

— Родились в Америке.

— Хорошо. Скажите, сколько поколений ваших близких родилось в Америке?

¹ ИККИ — Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала; Р. Майнор представлял в ИККИ Коммунистическую партию США; вместе с другим представителем Компартии США — Л. Каттерфельдом и американской журналисткой Б. Битти — он был принят В. И. Лениным 3 декабря 1921 г.

Я ответил, что мои предки жили в Америке задолго до революционной войны против Англии. Товарищ Ленин тотчас же спросил:

— А что они делали во время американской революции?

Я ответил, что, насколько я знаю, все участвовали в революции.

— Ага! — произнес он. — Это сможет вам когда-нибудь пригодиться на процессе!

Мы долго обсуждали вопрос о фракционной борьбе в Коммунистической партии США, причем товарищ Ленин больше спрашивал. Я не помню, тогда ли или в другой раз он спросил меня о природе этой борьбы, и я очень неудачно ответил, что это борьба между «мечтателями» от революции и «реалистами». При слове «реалисты» лицо Ленина омрачилось.

— Надеюсь, вы имеете в виду реалистов в лучшем смысле слова, — сказал товарищ Ленин.

«Воспоминания о Ленине».
М.: Гослитиздат, 1957. Ч. 2.
С. 327—332.

ХЕЛЕНА БОБИНСКАЯ

Ленин в Варшавском красном полку

Лето 1918 года изобиловало грозами. Черные тучи собирались над всей молодой Республикой Советов... не только на небе. Восставшие эшелоны чехословацких военнопленных, превосходно вооруженные на деньги «союзников», стояли у Волги. Армии белых генералов угрожали отрезать Украину и Крым. Все чаще случалось, что в Москве не выдавали хлеба...

Это были времена большой любви и большой ненависти. Иначе я не могу назвать ту раскаленную атмосферу, в которой мы жили. Победносная революция воспламенила сердца. Сознание, что мы создаем новый, ранее неизвестный строй (а думали тогда только о революции в мировом масштабе), окрыляло нас. Не было малых дел. Все, что касалось революции, становилось великим. Самым важным. Мир с поражающей ясностью распался на союзников и врагов.

Именно в такой своеобразной обстановке формировался революционный красный Варшавский полк.

Бобинский, комиссар этого полка, окунулся в работу с присущей ему страстью. Целые дни проводил в казармах на Серпуховке, часами был готов беседовать с солдатами, присев на каком-нибудь бревне, вкладывая в эти беседы всю свою фанатичную веру в революцию и тоску по родине...

Некоторые отряды Варшавского полка уже отличились в борьбе во время восстания левых эсеров в Ярославле. В конце июля у нас говорили, что со дня на день Варшавский полк выступит в бой с бандами «зеленых». 2 августа в Коммерческом институте, в Замоскворечье, должен был состояться прощальный митинг. Митинг назначили на 11 часов¹.

...Когда мы сели в стоящий под дождем экипаж и мокрые сивки побежали резвой рысью, Бобинский шепнул мне, что на митинге будет Ленин. Теперь я поняла при-

¹ Митинг состоялся 1 августа и начался в 18 час. 30 мин.

чину его возбуждения. Я знала, что увидеть Ленина горячо желали все товарищи поляки. В то время Ленину не разрешали делать частые выезды. Боялись за него.

— Я заверил, что ручаюсь за безопасность. Мархлевский меня поддержал. Это большая победа. Но уже поздно,— снова заволновался он.

Свернули на улицу, ведущую к институту.

— Почему здесь так пусто? — удивился Мархлевский.— Дождь уже прошел, а улицу как метлой вымело.

Потом на каждом шагу мы встречали группы улан. Когда проезжали мимо них, Бобинский высунулся из экипажа:

— Ну, как там? Все в порядке?

— В порядке, товарищ комиссар! — весело ответил молодой солдат.— Можете на нас положиться. Ни одного человека не пропустим!

— Как так? — забеспокоился Бобинский.— Должны же быть делегации с заводов?

— Делегации со знаменами мы пропустили, но в одиночку никто не пройдет, товарищ комиссар!

— Мы роздали приглашения, а вы людей не пропускаете? — набросился на него Бобинский.

Но улан не смутился.

— Всякая контрреволюционная сволочь сумеет себе бумажку выписать (Мархлевский засмеялся), а мы здесь отвечаем за жизнь.

Бобинский прервал его:

— Проехал уже?

— Проехал! Только что... — зарделся улан.

— Снимите посты! Езжайте в институт.

— Есть, товарищ комиссар!

Лошади рванули с места. До нас еще долетел веселый, молодой голос:

— Ребята! Снимайте посты!

— Как вам это нравится! — злился Бобинский.— «Всякая контрреволюционная сволочь сумеет выписать себе такую бумажку», — и неожиданно рассмеялся: — И что я должен теперь делать с этими хлопцами?

— Это результаты нашей пропаганды, — весело шутил Мархлевский.— Хотим, чтобы солдат-революционер думал, вот он и думает. Раз он отвечает за жизнь Ленина, то что ему какие-то там бумажки?

Ленина мы застали в кабинете, рядом с большим залом. Он только что приехал и разговаривал, окруженный группой товарищей... Мы присоединились к ним. Когда Ленин снимал пальто, Мархлевский воспользовался моментом, чтобы что-то сказать ему. Ленин громко рассмеялся. Бобинский подозрительно посмотрел в их сторону.

* * *

Огромный зал был заполнен до отказа. Появление Ленина было встречено бурей аплодисментов. Оркестр заиграл «Интернационал». Знамена переливались пурпуром и золотом. От дверей до сцены уланы образовали шпалеры. Едва Ленин сделал первый шаг, как блеснули сабли, скрещиваясь над его головой. Ленин вздрогнул, мельком посмотрел вверх и спокойно пошел дальше.

Дойдя до сцены, повернулся и сказал с шутливым упреком:

— Эх, товарищи поляки, без эффекта никак не можете...

Провел ладонью по голове и посмотрел на лица смеющимися глазами.

— Хоть бы предупредили! А то, ей-богу, испугался!

Улыбка пробежала по сотням молодых лиц. Восхищение, удивление, радость вылились в стихийный возглас:

— Да здравствует Ленин!

Он поднялся на трибуну и начал говорить ¹.

Слова Ленина били метко, как снаряды.

— Мы знаем, что война подходит к концу. Но им, империалистам, не удастся закончить войну. Войну закончат рабочие массы, которые уже достаточно пролили крови. Хищный империализм окружает нас все более плотным кольцом. Хочет нас задушить. Но мы знаем: у нас есть надежные союзники — рабочие массы всего мира. Мы должны теперь напрячь все силы: или власть кулаков, капиталистов и царя, или власть пролетариата. От нас зависит победа, товарищи!

В огромном, переполненном зале никто уже не сомневался в этой победе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 24—26.

* * *

Бобинский вернулся поздно вечером, охрипший от разговоров и взволнованный проводами Варшавского полка.

Разумеется, он проводил их на вокзал и там ходил еще от вагона к вагону.

— Если бы ты знала, как меня благодарили хлопцы за эту встречу с Лениным! Не могли успокоиться. Без конца повторяли его слова: «А то, ей-богу, испугался!» «Но как он это сказал, товарищ Бобинский?» Золотые парни! — вздохнул Бобинский, а через минуту добавил:

— А сколько их не вернется!

Снял сапоги и лег на кровать. Но сразу же поднялся.

— А Мархлевский — «изменник», не выдержал: рассказал Ленину ту историю с уланом.

— А Ленин что? — спросила я.

— Не слышала, как смеялся? А потом сказал Мархлевскому:

«Правильно! Бумажка — это вещь вероломная».

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1985.
Т. 5. С. 164—167.

ДЖЕРОМ ДЭВИС

Подарок Ленина

Впервые я увидел Ленина в 1917 году в Петрограде. Он произнес на площади у Финляндского вокзала необыкновенную речь, в которой призвал покончить с мировой войной и разделить всю землю между крестьянами.

В Зимнем дворце я беседовал с Керенским перед самым его бегством. На мой взгляд, существует ли возможность захвата власти со стороны большевиков, он ответил: «Нет решительно ни малейшей опасности». В ту же ночь Керенский, спасая свою жизнь, сбежал, а большевики во главе с Лениным взяли прочно власть в свои руки. Россия стала республикой рабочих и крестьян, страной трудящихся.

В дни Октябрьской революции я снова слышал Ленина. Он говорил с большой искренностью и огромной верой в то, что рабоче-крестьянское правительство организует народные массы и построит новое, социалистическое общество и что оно будет обществом мира и свободы. Это великое предвидение Ленина оказалось правильным.

Позже я имел небольшую беседу с Лениным, во время которой он дал мне свою фотографию с надписью: «Лучшие приветы американским интернационалистам. Ленин. 2/VIII—1918». Тогда же он обратил мое внимание на необходимость бороться за мир и справедливость.

Каждый раз, когда мне удавалось видеть Ленина, я не мог заметить в нем даже малейшего стремления обладать властью. Он казался мне человеком, полностью отдающим себя на воплощение в жизнь самым лучшим образом всего задуманного им для рабочих и крестьян.

...Взирая на пройденный Лениным путь, вдумываясь в его произведения, я все более и более убеждаюсь в том, что Ленин был величайшим вождем, какого когда-либо имела Россия. История его времени еще будет написана. Ленин останется в сознании людей как самый искренний и наиболее прозорливый вождь, оказавший самое могучее влияние на русский народ.

Мне приходилось встречаться с такими американскими капиталистами, которые с явной враждебностью относятся к созданной Лениным власти, но и они говорили мне, что Ленин был великим революционным вождем.

Наконец, из моей беседы с Лениным моя память сохранила его заявление, что коммунизм неизбежно будет развиваться и несомненно распространяться во всем Китае, а в конечном итоге он будет вероятно, воспринят и в таких отсталых колониальных странах, как страны Африки.

Очень многие из предвидений Ленина уже исполнились.

Пример вдохновенной жизни Ленина и его учение будут жить вечно.

«Огонек», 1961, № 29, С. 11.

Делегация I съезда РКСМ у В. И. Ленина

29 октября 1918 года при бурной овации делегатов и гостей Владимир Ильич Ленин был единогласно избран почетным председателем I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. В тот же день президиум съезда направил Ленину записку с просьбой принять делегацию съезда.

Ответ на эту записку пришел дня через три, часов в 11 вечера. Требовалось безотлагательно обменяться мнениями. Членов президиума, живших в городе, созвали через курьеров, а тех, которые в этот час уже блаженно спали на жестких койках делегатского общежития, подняли, как по военной тревоге.

Заседание президиума было непродолжительным, но очень напряженным. В первую очередь нужно было решить вопрос, кого же послать к Ленину. В ближайший день пленарного заседания не предвиделось (работали секции и комиссии), и выбрать делегацию на самом съезде было невозможно. А надо было явиться в Кремль на следующий день в десять часов утра. Что же делать?

Решили, что пойдет в Кремль президиум съезда.

После этого телеграфным стилем набросали список наиболее важных событий и мыслей, которые надо было сообщить Владимиру Ильичу. Здесь разногласий не было. Разногласия начались с вопроса о том, кому поручить выступление от имени делегации. Ряд товарищей внес предложение выделить докладчика. Другие настаивали на том, чтобы делегаты, выступая по очереди, были коллективным докладчиком. А уралец пустился в длинные рассуждения, из которых явствовало, что мы как коллективисты должны говорить все разом.

Уральца коллективно высмеяли, но вряд ли убедили.

Большинством голосов решили выделить докладчика и тут же приняли постановление: если докладчик начнет говорить не то, что надо, кто-нибудь из нас обязан наступить ему на ногу или дернуть за полу тужурки.

Мы уже хотели разойтись. Но этому помешал самый молодой член нашего президиума. Директивным тоном он заявил, что все мы не имеем права сидеть перед Ле-

ниним! Даже если он попросит сесть, мы обязаны стоять. Товарищи, видевшие и знавшие Владимира Ильича, попытались убедить юношу в нелепости его заявления:

— Как тебе не стыдно так думать о Ленине! Вождь мировой революции является образцом человеческой скромности и благородства. Вряд ли можно найти на свете человека, который так любит и уважает людей, как Ленин.

После длительного раздумья наш оппонент заявил:

— Вы действуйте, как хотите, а я оставляю за собой право решить вопрос по-своему...

В половине девятого утра все собрались в вестибюле общежития в Малом Харитоньевском переулке, наскоро просмотрели тезисы докладчика и отправились в Кремль. Идти надо было недалеко. Дорога могла отнять минут двадцать; ну, если очень уж медленно двигаться,— полчаса. Но «двигались» по-особому. На каждом перекрестке подолгу задерживались, ибо кому-нибудь приходила в голову «самая важная» мысль, которую необходимо сообщить Ленину, «самое гениальное» предложение, которое надо внести. Все останавливались, устраивали (стоя!) заседание, давали высказаться «за» и «против», принимали или отвергали предложение и шли дальше — до следующего перекрестка. На углу Мясницкой улицы и Лубянской площади простояли не менее двадцати минут. Пропуска в Кремль выдавали тоже не очень быстро.

Словом, явилась делегация в приемную Совнаркома, опоздав на сорок минут...

Выйдя из кабинета Владимира Ильича Ленина, его секретарь, товарищ Фотиева, выразительно оглядела делегатов и строгим голосом произнесла:

— Молодые люди! Владимир Ильич очень любит молодежь и рад с нею разговаривать. Но он — не знаю, помните ли вы об этом, судя по вашему поведению,— является Председателем Совета Народных Комиссаров, и время у него в достаточной степени занято. Товарищ Ленин всегда повторяет, что опоздание на одну минуту к назначенному сроку уже является преступлением. Так как вы превысили эту норму ровно в сорок раз и так как время у Владимира Ильича сегодня особенно занято, он только что просил меня сообщить вам, что он вас сейчас не примет и просит пожаловать завтра, в десять часов утра.

«Молодые люди» потоптались в приемной, отметили пропуска и, не глядя друг на друга, а также не останавливаясь ни на одном перекрестке, в полном молчании добрались за четверть часа до Малого Харитоньевского переулка.

Так, еще не видя Ленина, делегаты получили от него урок, который сами запомнили на всю жизнь и который всей молодежи надо запомнить. Опоздание на одну минуту уже является преступлением. Берегите свое время! Берегите чужое время! Будьте точны и организованны, аккуратны и дисциплинированы. Наше время нам очень дорого...

На следующий день¹ делегация пришла в приемную Ленина за полтора часа до назначенного срока. Ровно в 10 часов нас пригласили пройти в кабинет товарища Ленина.

Долгожданный час встречи настал.

Владимир Ильич встретил делегацию у самого порога и с каждым поздоровался за руку. Как будто зная, о чем говорилось позавчера, он весело повторял:

— Проходите, молодые товарищи! Рассаживайтесь! Обязательно рассаживайтесь! Берите стулья, придвигайтесь поближе. Ну, девушку мы, конечно, посадим в кресло. Тащите кресло сюда,— будьте хорошими кавалерами...

Этот маленький эпизод с креслом произвел на нас неизгладимое впечатление. В словах Владимира Ильича, хотя и произнесенных в шуточной форме, проявилась одна из органических черт его характера: уважение к женщине. Поняв это, все с таким усердием постарались оказаться хорошими кавалерами, что едва не повредили ковровую дорожку.

Усадив девушку, мы тоже стали рассаживаться — и только наш самый юный товарищ (не верящий, что Ленин человек скромный) застыл возле своего стула, как свеча...

Владимир Ильич легко двигался по комнате, ласково оглядывая растерявшихся посланцев молодежного съезда. Он сел на свое плетеное кресло у стола и попросил рассказать обо всем, что нам представляется необходимым.

¹ Встреча В. И. Ленина с представителями делегатов 1-го Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи состоялась 4 ноября 1918 года.

Выступил выделенный нами докладчик... Немало с тех пор слышал я путаных речей, но то, что «загнул» наш товарищ, побивало все рекорды путаницы. Он начал с доисторических времен, говорил пышными фразами, оперировал высокопарными сравнениями, а во всем первом абзаце речи, продолжавшемся минимум три минуты, явно отсутствовали точки и запяты. Увидев, что это к добру не приведет, Владимир Ильич неожиданно задал ему какой-то вопрос. Докладчик немедленно сбил-ся, я тут же наступил ему на ногу, выполняя принятое решение, но все обошлось благополучно, наш самый юный товарищ (убедившись в том, что Ленин человек скромный) решился наконец сесть, но сел он... мимо стула!

Последовал взрыв хохота — и через секунду от нашего смущения не осталось следа. Однако докладчику пришлось прекратить свое выступление. Владимир Ильич сам стал задавать нам вопросы и ввел беседу в русло практически-делового разговора о насущных делах юношеского движения в Советской стране. И как только кто-либо (не только докладчик) начинал говорить пышными фразами или пытался уйти в область пустопорожних рассуждений, Владимир Ильич очень деликатно и ласково, но неумолимо и властно возвращал разговор на главные рельсы. Не любил Ленин политической трескотни! Не любил он также «обтекаемых» фраз, не любил и равнодушных ответов, в которых проявлялось чиновничье отношение к живому делу.

Многие вопросы, которые задавал Ленин, казались делегатам не очень существенными, особенно вопросы о быте молодежи. Но он настойчиво добивался точного и прямого ответа на них. Трудно нам было понять, что системой своих вопросов, касавшихся самых разнообразных сторон общественной и частной жизни молодежи, Владимир Ильич стремился выяснить, как живет и работает, о чем думает и чем дышит молодое поколение страны, от чего следует его предостеречь, чем надо ему помочь. Владимира Ильича интересовали факты жизни, отношение молодежи к ним, ее способность преодолевать препятствия, думать, загадывать, мечтать.

Вот о чем спрашивал Ленин:

— Сколько на съезде рабочих? Крестьян? Интеллигентов? Каковы их политические убеждения? Как обстоят дела с продовольственным пайком для рабочей молодежи? Есть ли керосин в избах-читальнях? Каковы у мо-

лодежи взаимоотношения с родителями? Учимся ли мы стрелять? Как помогаем ликвидации неграмотности? Как помогаем семьям красноармейцев? Как учится молодежь в школах и дома? Ходит ли она в библиотеки? Какими людьми прошлого мы восхищены, кому хотели бы подражать? Каковы взаимоотношения союзов рабочей молодежи «III Интернационал» с городскими и деревенскими «культурно-просветительными кружками», где иногда верховодят враждебные Советской власти интеллигенты? Каково питание у городской молодежи? У деревенской? Слушаем ли мы лекции? Есть ли инструменты для самодеятельных оркестров? Как молодежь отдыхает? Как веселится? В какие песни она влюблена? Переписываемся ли мы с товарищами, ушедшими на фронт? Как прошла на съезде выработка программы и устава? Как участвует фабричная молодежь в поднятии производительности труда? Совершает ли она экскурсии в лес? Катается ли на лодках? Любит ли играть в городки? В шахматы? Кто пишет в наших газетах и журналах? Любим ли мы трудиться? Выпускаем ли листовки? Помогаем ли чекистам? Как деремся с меньшевиками, эсерами и анархистами? Как проводим демонстрации? О чем дискутируем? Есть ли у нас валенки и варежки?

Большинство ответов товарищ Ленин тут же комментировал, и тогда «сами собой» возникали мысли, заключающие в себе политический анализ того или иного явления, и предложения, дававшие теоретический и практический ориентир для грядущей работы. Иной раз маленькие житейские факты (например, поездки добровольных отрядов рабочей молодежи Владимирской губернии в выходные дни в деревню для починки сельскохозяйственного инвентаря семей бедноты и красноармейцев) он ярко освещал светом марксистской теории; а другой раз высокий идеал и программное устремление Коммунистической партии (например, превращение России в индустриальную державу) раскрывал на примерах практической деятельности партии и Советского государства. Каждое слово Ленина было и руководящим указанием политического деятеля, и советом друга, и наставлением старшего товарища. Одобряя все виды участия молодежи в политической жизни страны, Владимир Ильич вместе с тем настойчиво направлял внимание на те шаги, которые РКСМ должен предпринять, чтобы наша молодежь была не только политически грамотной

и образованной, но и бодрой, жизнерадостной, всегда инициативной. Юноши и девушки Советской страны должны жить красиво и полнокровно как в общественной, так и в личной жизни. Борьба, работа, ученье, спорт, веселье, песня, мечта — вот области, в которых молодежь должна проявить себя во весь размах.

Все яснее становилось, почему В. И. Ленин с таким пристрастием и так подробно расспрашивает обо всем, что касается быта и настроений рабочей и деревенской молодежи. Он хотел видеть ее сильной духом и телом, радостной и смелой.

Нельзя было не обратить внимания на то, что любое сообщение о каком-либо недостатке или вредном явлении воспринимается В. И. Лениным только с одной точки зрения: а что сделано для искоренения этого недостатка или зла? Каждое препятствие вызывало в нем немедленную реакцию — действовать! Не хватает керосина в избе-читальне? Добудьте! Кто-то не выполняет советских законов? Сообщите, разоблачите, добейтесь снятия, ареста, наказания! Обнаружен враг? Скажите чекистам! Иные родители недопонимают значения Союза молодежи? Соберите их или пойдите к ним, докажите, вовлеките в общественную деятельность! Нет лодок? Найдите старые, почините, оборудуйте! Нужна помощь Совета депутатов? Идите в Совет! Нужна помощь партии? Идите в партийный комитет! Но действуйте, помогайте, информируйте, разоблачайте, советуйте, изобретайте, искореняйте, доводите все до конца!

Владимир Ильич долго расспрашивал о взаимоотношениях местных партийных организаций с союзами молодежи и обещал активную повседневную помощь партии ячейкам и комитетам РКСМ.

Он порадовался трудовому энтузиазму рабочей молодежи, выдвигая на первый план задачу увеличения производительности труда. О любви к труду Ленин говорил просто, но с искренним волнением и страстью.

Владимир Ильич спросил: есть ли среди делегатов религиозные люди? Когда все хором ответили: «Нет!», Ленин весело и одобрительно кивнул головой. Затем он встал, заложил руки за спину и, шагая по кабинету, стал говорить о том, что задача освобождения молодежи от вредоносного влияния любой религии трудна и длительна, но почетна и обязательна. РКСМ никогда не должен забывать об этой задаче, никогда не прекращать антирелигиозной пропаганды. Административными мерами ни-

чего не добьешься. Нужно распространить знания, нужна агитация, основанная на данных науки, длительное разоблачение классовой сущности религии; нужно, наконец, хорошо творить земные чудеса, посрамив выдуманные чудеса небесные.

— Ну, как вы думаете, сделаем мы это?

— Сделаем! — грянули все хором.

— Не сомневаюсь, — ответил Ленин.

Когда зашла речь о городских и деревенских «культурно-просветительных кружках», подпавших под влияние враждебных элементов, сильно «досталось» от Владимира Ильича тем товарищам, которые отрицали необходимость и целесообразность работы в этих кружках. Непременно, сказал Ленин, надо идти туда, вести разъяснительную работу и увести оттуда всю молодежь, которая может и должна идти с нами. Разогнать такие кружки легко, но этим делу не поможешь. Надо уметь пускать в ход не только силу, но и убеждение, разъяснение, совет. Не торопитесь принимать самые легкие решения...

Не обошлось дело и без комических происшествий.

— Сколько девушек на съезде? — спросил Владимир Ильич, естественно обращаясь к единственной девушке среди нас, Жене Герр.

Тут словно кто-то дернул меня за язык.

— Девять штук! — выпалил я.

Все засмеялись, Владимир Ильич громче всех, и только я один не знал, куда деваться от смущения...

Наступила некоторая пауза. Здесь-то и захотел отыграться наш докладчик. Он встал, торжественно выставил ногу вперед и гордо произнес:

— Владимир Ильич! Сообщаем вам, что наш съезд подавляющим большинством голосов постановил, чтобы Союз молодежи именовался коммунистическим.

Владимир Ильич слегка прищурился и спокойно сказал:

— Дело не в названии...

— Но мы оправдаем это название! — вырвалось у кого-то.

Ленин улыбнулся, слегка задумался и медленно промолвил:

— Вот тогда будет хорошо...

Владимир Ильич достал из шкафа номер журнала «Югенд Интернационале» («Интернационал молодежи») и спросил:

— Известно ли вам что-либо о международном коммунистическом движении молодежи?

Ему ответили, что многое известно.

Ленин сказал, что РКСМ должен быть верным задачам международного коммунистического движения. Братство трудящихся всех стран и наций; дружба народов — один из основных законов для подлинного коммуниста. Не забывайте об этом и тогда, когда будете намечать кандидатов в Центральный Комитет РКСМ.

— Кстати говоря,— вдруг спросил Ленин,— а как у вас дела с финансами?

Ему ответили, что все богатства мира находятся в наших руках, но денег у нас ни копейки нет...

Владимир Ильич взял лист бумаги и написал записку председателю ЦИК Якову Михайловичу Свердлову. В этой записке предлагалось выдать десять тысяч рублей будущему Центральному Комитету РКСМ, так как «надо помочь молодежи от партии». И все делегаты твердо запомнили, что слова «надо помочь» были подчеркнуты один раз, а слова «от партии» — три раза.

— Хорошо работайте,— сказал Ленин, передавая записку,— это главное. Особенно опасайтесь завести у себя в комитетах людей равнодушных, чиновников. Они очень вредны, в том числе и коммунистические чиновники. Работайте — дело у вас пойдет. Не сомневаюсь, что в вашей организации будут миллионы молодых людей. Да, да, миллионы!

Слова Ленина стали пророческими...

...Вошла Лидия Александровна Фотиева и что-то шепнула Ленину на ухо. Он кивнул головой и сказал:

— Да, да, передайте ему, что через пять минут я его приму.

Стало ясно (особенно после вчерашнего урока), что больше, чем пять минут, задерживать Владимира Ильича нельзя. Все стали подыматься.

Делегаты стояли перед Лениным, еще ощущая тепло его руки. Наступило то мгновение, когда каждый переживал в целом всю встречу. Все были очень взволнованы.

Ленин несколько секунд молча глядел на нас и просто произнес незабываемые слова:

— До свидания, молодые товарищи. Передайте мой привет съезду и скажите всей молодежи от имени Коммунистической партии: мы помним о вас, мы верим в вас!

П. ЗАМОЙСКИЙ

Говорит Ильич

Слег шел густой, мокрый, медленно падали крупные хлопья, покрывая нашу одежду, лошадей. Дороги впереди почти не видно. Лишь на третьи сутки добрались мы до станции.

В поезде тесно, душно. Много ехало людей в Москву.

Поезд подолгу задерживался на остановках, особенно по ночам. Прибыли в Москву на шестые сутки. Одетые в солдатские шинели, мы с мешками хлеба темной снежной ночью с Казанского вокзала направились в Третий Дом Советов на Садово-Кудринскую. Там было общежитие для делегатов.

На следующий день в гостинице «Метрополь» нам выдали делегатские билеты. Во второй половине дня 6 ноября 1918 года в Большом театре открытие VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов.

Решив занять места поближе к сцене, мы пришли задолго до открытия съезда, но оказалось, что многие пришли еще раньше. Мы забрались на четвертый ярус. И то хорошо. Сцена видна. Пока она закрыта огромным тяжелым занавесом.

Гул в зале, в ложах и на всех ярусах. Мы с интересом осматриваем и золоченые барьеры ярусов, окаймленные малиновым бархатом, и сетки перед барьерами, и высокий расписной потолок, откуда спускается гигантская люстра; плакаты, лозунги, написанные саженными буквами на красных полотнищах.

Чем ближе открытие съезда, тем все больше и больше народа в зале. Чувствуешь себя песчинкой в этом огромном море людей. Сюда съехались делегаты со всей Советской России: рабочие, крестьяне, интеллигенция, красноармейцы. Здесь молодежь, старики, женщины. Нам предстоит решать судьбу молодой Советской родины, находящейся в окружении врагов.

Раздался первый продолжительный звонок, затем второй, и народ еще гуще повалил в зал, заполняя все ярусы. Невольно я подумал: видел ли когда-нибудь этот блистающий золотом, в малиновой оправе зал столько такого народа?

— Смотри,— говорил мой товарищ,— царская ложа. Они оттуда спектакли разглядывали. Удобно было. Против сцены.

Раздался третий звонок. Вдруг наступила тишина. Взоры всех устремились туда, к огромному занавесу.

И, словно под влиянием могучей силы устремленных взоров, тяжелый занавес медленно распался и поплыл в стороны. И две волны его скрылись, и казалось, так и плыли они дальше, уже не видимые нами.

И нам представилась сияюще убранная сцена в цветах и зелени, а позади стола президиума, кресел и стульев свисали гигантские пунцовые флаги и тяжелые с золотыми кистями знамена.

Какой-то момент сцена была пуста. Одновременно с двух сторон под гул голосов, под гром аплодисментов сцену начали заполнять люди. Человек в сверкающем пенсне, с черными крупными глазами, со строгим лицом по-хозяйски осмотрел зал, высоко поднял колокольчик и резко позвонил.

Зал медленно стал стихать. И когда заглохли все звуки и шепоты, человек в пенсне, опершись обеими руками о стол, начал говорить. Удивительно было — откуда брался у этого тощего на вид человека четкий, звучный, слышимый всей многотысячной массе голос. Было в этом голосе нечто металлическое и столь сильное, что слышалось не только полностью каждое слово, но и каждая буква в отдельности.

— Свердлов, Свердлов! — раздалось сзади нас.

Так вот каков он, Яков Михайлович Свердлов. Вот каков он, председатель нашего ВЦИКа!

Объявив VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов открытым, Свердлов говорит:

— Теперь мы можем сказать с полной уверенностью, что по всему лицу земли России Советская власть стоит твердо и незыблемо.

Мы жадно смотрели на сцену, рассматривали каждого, кто был в президиуме: мы искали Ленина, но его не было.

Свердлов говорил недолго. Вот он, оторвав руки от стола, ярко блеснув стеклами пенсне, высоко поднял голову и сказал четко и раздельно:

— Позвольте, товарищи, еще раз объявить VI съезд открытым.

Почтив память погибших в борьбе за социалистическую революцию, приняв регламент и порядок дня, съезд

приступает к работе. Яков Михайлович, быстро оглянувшись, громко объявил:

— Слово предоставляется... Владимиру Ильичу... Ленину!

Напряженная секунда тишины... И вдруг весь зал, все ярусы от пола и до потолка, все ложи огласились таким грохотом, что казалось, рухнут и потолок и стены театра.

Я не уловил, откуда вышел Ленин, ибо этот бурный взрыв радости наполнил зал не только голосами, восклицаниями, слившимися в один могучий громopodobный раскат, но казалось, что зал наполнился ливнем. В глазах моих стоял туман.

И вот я вижу его. Вижу, как он торопливо перебирает бумажки, и кажется, что никак не может найти нужную, что он весь занят поисками... Нет, он ждет. Ждет, когда смолкнет ликование... А оно только началось.

Зал могуче потрясают голоса солдат-фронтовиков, голоса рабочих, людей земли, женские голоса. Все встали. И сквозь непрерывный гул, то в одном, то в другом конце, раздаются восклицания:

— Товарищу Ленину-у-у — ура-ра-а! — И снова и снова грохот рукоплесканий.

Экстаз охватил не только людей, но, казалось, и эти гигантские стены Большого театра, которые никогда не видели такого. Чувствовалось, как дрожит все твоё тело, каждый твой мускул, каждый нерв. И нет сил преодолеть священный порыв.

Видимо, конца не будет этому водопаду оваций, но Ленин уже стоит у края стола. Чуть улыбаясь, нетерпеливо поглядывает то в одну, то в другую сторону. Наконец высоко поднимает руку, держа в ней часы, и указывает на них. Но и это не помогает. Тогда он обращается к Свердлову, кивает на зал и, вероятно, просит помощи. Слегка улыбнувшись, Свердлов берет колокольчик, требовательно звонит. Наступает тишина. И в этой тишине, нарушаемой лишь шумным дыханием, раздается тихое, первое слово Ленина:

— Товарищи!

Переждав, он шагнул немного вперед и, вскинув голову, посмотрев куда-то ввысь, на самый дальний ярус, начал свою речь.

Чтобы не упустить ни одного его слова, я, как и многие, торопливо начал записывать.

Нет, не успеть. Пока записываю, не сумею как следует слушать, а главное — видеть его.

И, отложив тетрадь в сторону, я слушал, стараясь вникнуть в каждое слово. Но чувство радости, что я вижу Ленина, мешало сосредоточиться. Я всматривался в него, следил за каждым его шагом: как он ходит по сцене, как быстры и порывисты его движения, как смотрит в зал, как подчеркивает свои слова, улыбаясь или прищуривая левый глаз...

Вот, заложив большой палец правой руки за жилетку и слегка выпятив грудь, он повернулся к залу вполоборота и, глянув опять на самые верхние ярусы, говорит как бы туда:

— ...мы пришли к тому, что в деревне выделились пролетарские и полупролетарские элементы, выделились те, которые особенно трудятся, те, которых эксплуатируют, поднялись на строительство новой жизни; наиболее угнетенная часть деревни вступила в борьбу до конца с буржуазией, в том числе со своей деревенской кулацкой буржуазией.

Эти слова нам особенно понятны! Ленин говорит о решающей схватке бедноты с богачами, о битве за хлеб, который кулаки попрятали в ямы, не желая дать его стране. Потом Ленин говорит о силе рабочего класса, который от контроля над промышленностью перешел уже к управлению ею. Он с негодованием клеймит саботаж буржуазной интеллигенции.

— Эти люди,— указывает Ленин,— ставили задачей использовать науку для того, чтобы бросать камни под колеса, мешать рабочим, наименее подготовленным к этому делу, которые брались за дело управления, и мы можем сказать, что основная помеха сломлена. Это было необычайно трудно. Саботаж всех тяготеющих к буржуазии элементов сломлен. Несмотря на громадные препятствия, рабочим удалось сделать этот основной шаг, который подвел фундамент социализму.

С особой теплотой и гордостью говорит Ленин о создании Красной Армии, которой всего девять месяцев. Требовалось отдохнуть усталой от четырехлетней войны массе, требовалось еще внушить ей, что начинается новая война.

— Мы открыто сказали рабочей массе всю правду. Мы разоблачили тайные империалистические договоры той политики, которая служит величайшим орудием обмана, которая...

Повысив голос и указывая рукой вдаль, как бы прорезая пространство и далекие моря, Ленин продолжает.

— ...теперь в Америке, самой передовой демократической республике буржуазного империализма, обманывает массы как никогда, водит за нос массы.

Ильич говорит о Брестском договоре, о тяжело обрушившейся на нас лавине германских полчищ, о том переломе, когда в массах пробилось ясное сознание, что они идут на битву действительно за свое дело, за социалистическую республику.

Как бы перелистывая великие страницы первого года Октябрьской революции, Ленин восклицает:

— Мы говорим: мы растем, Советская республика растет! Дело пролетарской революции растет скорее, чем приближаются силы империалистов. Мы полны надежды и уверенности, что мы защищаем интересы не только русской социалистической революции, но мы ведем войну, защищая всемирную социалистическую революцию.

Гигантский зал снова взрывается рукоплесканиями. Ленин проходит к столу, наливает в стакан воды и медленно пьет.

Последний пункт — международное положение. И Ленин поясняет, как буржуазия сначала считала нашу революцию курьезом, потом социалистическим экспериментом, а когда создалась Красная Армия, империалисты увидели, что Советская республика — очаг всемирной социалистической революции. И капиталисты Англии и Франции решили объединиться со своим врагом Вильгельмом против Советской республики.

— Товарищи,— устремляет Ленин свой быстрый взгляд в зал,— чтобы показать вам, как сгущаются тучи против нашей Советской республики и какие опасности нам грозят, позвольте прочесть вам полный текст ноты, которую сообщило нам через свое консульство германское правительство...

Торопливо шагает Ильич к столу, берет пачку листов и снова проходит на край сцены. Он начинает читать ноту германского правительства. И по мере чтения ее в зале все громче слышатся негодующие восклицания, нарастает напряжение, и вот-вот готово оно взорваться проклятиями.

В длинной, злой ноте правительство Вильгельма обвиняет наше посольство в том, что оно ведет в Берлине

революционную пропаганду. Германское правительство грозит порвать с нами дипломатические сношения.

Не глядя, бросает Ленин листки на стол. Несколько из них падают на пол. Кто-то их поднимает. Ленин теперь говорит с насмешливой улыбкой, с сарказмом:

— Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом.

В зале раздается грозный гул и хохот.

— Это только смешно,— подтверждает Ленин.— Если германское правительство собирается объявить разрыв дипломатических сношений, то мы скажем, что это мы знали, что оно всеми силами стремится к союзу с англо-французскими империалистами.

Я вижу в президиуме Дзержинского. Он улыбается. Смотрю на Ленина. Он быстро проводит ладонью по голове, затем закладывает большой палец за жилетку. И по тому, как он повысил голос, то и дело поднимаясь на носках, чувствовалось, что речь его подходит к концу. Какая могучая притягательная сила в его голосе, в его крепкой фигуре, в родном облике. Вновь тысячную массу охватил боевой порыв, готовность прямо отсюда ринуться в смертельную схватку с врагом. Чувствовалось, что каждый здесь всем своим существом дал торжественную клятву быть верным до конца великому и святому делу молодой Советской России.

А Ленин, вскинув руку ввысь, продолжал:

— Они полны дикой ненависти, и поэтому мы говорим себе: будь, что будет, а каждый рабочий и крестьянин России исполнит свой долг и пойдет умирать, если это требуется в интересах защиты революции.

Зал, и все ярусы, и всё, что есть, вновь затряслось от гула рукоплесканий.

Резко шагнув вперед, как бы наступая, Ильич воскликнул:

— Мы говорим: будь, что будет, но какие бы бедствия ни накликали еще империалисты, они этим себя не спасут.

Вновь грохот аплодисментов потряс этот золотой, весь украшенный флагами и знаменами, огромный театр. И, словно бросая пламенные слова в мировое пространство, Ленин вынес решительный, всесокрушающий приговор старому миру:

— Империализм погибнет, а международная социалистическая революция, несмотря ни на что, победит!

Остро рассек воздух рукой и отступил в глубь сцены. И все в зале поднялись, и сквозь аплодисменты с ближайших и дальних рядов, с нижних и верхних ярусов понеслись возгласы:

— Да здравствует мировая революция!

— Красной Армии — ура!

И где-то наверху сначала тихо, затем все громче и слышнее запели... И вот уже по всему залу стройно разлилось море голосов.

Это люди всех национальностей, собравшиеся сюда со всех концов России, пели великий гимн великой партии коммунистов.

И Ленин пел вместе со всеми...

«Советский воин», 1957.
№ 20. С. 5—6.

Ленин говорит на Красной площади

(Фрагмент)

Время ускоряло свой бег. Нарастивала свои силы молодая Красная Армия. Сообщение о взятии Самары было адресовано «Всем, всем, всем!» — так, как адресовались первые декреты Советской власти. В обстановке величайших напряжений, непонимания и даже продолжающейся еще вражды части интеллигенции начиналась перестройка культурной жизни. Создана была по декрету Ленина Социалистическая (впоследствии Коммунистическая) академия. К празднованию первой годовщины Октября приурочено было открытие новых памятников Марксу и Энгельсу, Робеспьеру, Дантону, Жоресу, писателям Шевченко, Кольцову, Никитину и — неожиданно — Достоевскому, работы Меркурова, единственного памятника, уцелевшего с тех времен. Все более волнующие известия шли с Украины и с Запада. Армии восставали, летели короны. В Будапеште и Вене образовались Советы. Вышел на свободу Фридрих Адлер, от которого ожидали больше, чем то, на что он был способен. Вышел на свободу Карл Либкнехт. Трещала и разваливалась германская армия на Украине, да и в самой Германии. Рабочий класс подымался против своих владык.

3 ноября были митинги и шествия в честь революции на Западе. Ленин говорил с балкона Моссовета. 3 ноября я не мог выбраться из своего Главвода, но 7-го пошел на Красную площадь.

История движется неумолимо, она все меняет. Изменила свой облик и Красная площадь. Самый смысл ее названия изменился. Красная площадь раньше значило — красивый, «парадный» угол Москвы. После Октября название слилось с эмблематикой цвета: Красная, то есть революционная, площадь, центр большевистской Москвы, точка притяжения социалистических движений всего мира.

Старая Красная площадь была более замкнута, чем нынешняя. Там, где теперь широким потоком вливаются колонны демонстрантов, путь был прегражден Иверски-

ми воротами и часовней Иверской божьей матери. На спуске к реке порядок жилых домов тесно подходил к Василию Блаженному. Памятник Минину и Пожарскому стоял посередине, перед Верхними торговыми рядами (ГУМом). Трибун не было. Могилы жертв революции не были еще ограждены гранитным парапетом. Площадь была вымощена булыжником и представляла собой как бы двор, в который втекали с трех сторон узкие устья улиц. Исполинский двор этот был залит народом. Плотная масса редела к Лобному месту и за памятником Минину и Пожарскому, стеснявшему обзор. На митинг приходили организованно от заводов, от районов, но приходили, подобно мне, и одиночками. Участники митинга располагались по местам не по строго расчерченным дорожкам, а сплошь. Тем не менее порядок соблюдался образцово.

Я прошел сначала к Минину и Пожарскому, которые несколько раздвигали массу, а оттуда протиснулся, насколько мог, вперед.

Я опоздал. Ленин уже говорил.

Ленин был в осеннем пальто. Осеннее пальто обычного, ходового тогда покроя — одеяние, не очень удобное для ораторов. Длинное и теплое, оно скрадывает фигуру, стесняет жест. Трибуна, с которой говорил Ленин, была передвижная. Ленин был виден, но не во весь рост. И еще хуже — на том месте, где я стоял, Ленина не было слышно. Радио, которое могло бы донести звук до любого конца площади, не было. Сколько человек может слышать оратора, говорящего на открытом воздухе, с трибуны, обыкновенным голосом? Триста, пятьсот, вряд ли тысяча — кольцо людей, непосредственно окружающих его.

В первое мгновение, после того как я устроился в плотной среде слушателей, я испытал горестное разочарование. Ни одно слово не долетало до моих ушей. Ленин, его движения, его жесты, куляция воспринимались как кадры немого кино, не снабженные к тому же никакими титрами.

Но это было действительно только мгновение, длившееся ровно столько, сколько нужно было, чтобы твердо стать на одном месте и поднять лицо к говорящему Ленину. Я не успел отдать себе отчет в том, что происходит, как почувствовал себя частью слушающего и слыша в ш е г о целого. Да, многотысячный митинг, раскинувшийся на огромной площади, слушал и слышал,

слышал и понимал. Все натуралистическое, бытовое, аксессуарное стало ничтожным и неважным призраком, ничего не задерживающей пустотой. Характерно: обращаясь к тем нескольким минутам, в течение которых я видел и слушал Ленина, пока он не сошел вниз и не исчез с трибуны, я могу вспомнить только темную, одетую в осеннее массу слушателей, Ленина на трибуне, на фоне Кремлевской стены — и все. Ни знамен, ни лозунгов, ни красного кумача, ни цветастой коненковской мозаики — ничего не осталось в памяти.

Ленину не нужна была обстановка, которой ораторы всегда более или менее гипнотизируют слушателей. Он мог, уже будучи главой правительства великой державы, взобраться на что угодно — на грузовик, на шаткое сооружение из теса, — и сразу исчезали средостения, сразу без промежуточных подготовительных моментов возникла органическая связь между ним и слушателями. Ленин был хороший оратор, но говорил он, хотя и воодушевленно и убежденно, но обыкновенно, без всяких ухищрений и в голосе, и в слоге, а тут еще и не было слышно ни голоса, ни слога, был только движущийся силуэт. А меж тем куда девалась будничность пальто, мешавшего говорить, стеснявшего жест? Корпус Ленина поворачивался свободно, руки двигались естественно, голова откидывалась или наклонялась убеждающе; не знаю уж, как это определить — Ленин был очень индивидуален, — но в его ораторском поведении было, если использовать пушкинский образ, что-то совершенно мцартяновское, забывающее о своей избранности, — только музыкой его была музыка революции.

Говорил призванный, избранный и признанный вождь революции, говорил от имени самой истории, и все мое внимание вместе с вниманием других было сосредоточено на нем. Все головы были обращены в сторону Ленина, все теснились, чтобы хотя на полшага приблизиться к нему, тянулись, чтобы заглянуть через заслоняющее плечо. Лица выражали внимание. Выражение лиц менялось в зависимости от того, как воспринималась речь. Вся масса была организована Лениным. Площадь была заполнена не толпой, а мощным коллективом, повернутым в сторону Ленина, застывшим в сосредоточенной экспрессии, заряженным готовой проявиться напряженной энергией. В коллективе этом не было сверху установленной дисциплины, не было гипноза имени, нивелировки, самоуничужения. Все, что в раздробленном виде,

не полностью, недостаточно кристаллизованно дышало, зрело, требовало формулировки, искало программы для действия, находило воплощение в речи Ленина.

Все жили нараставшими событиями. Все физически слышали, как трещит и ломается Брестский мир. Все чувствовали, как крепнет ветер, как буря революции взламывает новые границы, и все понимали, что Ленин только об этом мог думать, только об этом мог говорить. Оттого-то произошло это двойное «чудо». Одно личное, для меня, мое: сохранив себя, всю свою биографию, все свои уже довольно сложные заботы и устремления, я стал частью могучей воодушевленной массы. И «чудо» общее, коллективное, — мы все вместе слушали и понимали Ленина, хотя слова его не до каждого долетали. От Ленина шли волны, легко и согласно улавливаемые тысячами живых приемников, внутренне, добровольно настроенных именно на эти от него исходящие волны.

Я все искал и ищу слово, которым можно было бы передать то, что исходило от Ленина в тот бессолнечный, серенький ноябрьский день, и думаю, что лучше всего сказать: Ленин излучал энергично и динамично, радость и торжество, не личную радость и не личное торжество, а радость и торжество Великой Революции, прорвавшей наконец воздвигнутую перед ней запруду. Весь облик Ленина, весь его видевшийся мне силуэт, каждый поворот его, каждый энергичный наклон туловища, выбрасываемая на мгновение вперед или вверх рука — все дышало торжеством правоты и призывом к новым деяниям. Вся обстановка, в которой говорил Ленин, его гражданская, неформенная, темная, как у всех, одежда — все подтверждало и подчеркивало, что в радости и торжестве его не было ничего яческого, никакого самодовольства, ничего кичащегося своим будто бы выигрышем. Не «я был прав» лилось от Ленина, а революция, а рабочий класс, а марксизм были правы. ОНИ доказали свою силу, свою жизнеспособность, свое умение проникать за завесу будущего.

Читая на другой день в газетах речь Ленина, я испытал даже нечто вроде удивления. Я слышал примерно то, что в ней было сказано, но еще и то, что было сказано Лениным 3 ноября и что звучало во всех его выступлениях во все эти знаменательные даты. Все было в речи Ленина: и три месяца бесконечно трудной борьбы за мир, и долгое пребывание в меньшинстве, и нечело-

веческие усилия убедить каждого в отдельности и всех вместе в правоте его брестской тактики, и утрата времени, которая действительно могла стать смерти подобной, и противостояние насмешкам, демагогическим обвинениям, фразистым сверхреволюционным благоглупостям, каждая из которых могла погубить революцию и которую поэтому надо было каждую в отдельности терпеливо опровергать, и оглядка на тесные сроки, и тяжесть мятежа «левых» эсеров, и раскола коалиции с ними уже после Бреста.

Ведь в брестские дни центр тяжести спасения революции лег на плечи Ленина.

Все это в смутном калейдоскопе, неточно сформулированное, пронеслось у меня в мозгу, пока я тянулся в сторону Ленина и наступал на пятки впередистоявшим, чтобы хотя бы на полшага сократить расстояние между собой и трибуной.

Все выдержал Ленин, все преодолел, все победил, потому что гений его был соразмерен революции, и эта соразмерность позволяла ему так говорить, что ни на секунду не возникала мысль о приоритете его личности перед революцией. В панораме черной массы, кирпичной Кремлевской стены, узорчатого Василия Блаженного, серого неба, трибуны, панорамы, в которую и я был включен и как точка, и как личность, под воздействием речи Ленина я сосредоточивался в летучем калейдоскопе мыслей на судьбе революции, на судьбах мира. Вместе с общими мыслями все отчетливей и отчетливей проступали думы о себе, о своем долге. Какая там может идти речь об учебе во время кульминационных напоров революции, среди озлобленного воя, когда все должны участвовать в общем штурме? Как ты, ругал я себя, понимал передышку: как отсрочку революции? В стратегии и тактике Маркса и Ленина, в стратегии и тактике социалистической революции нет пассивных лозунгов. Передышка — это только слово такое, трудно было найти другое, подходящее, а означает оно удесятеренную работу для сплочения сил революции, удесятеренное наступление против капитализма и внутри страны, и во всем мире. Как ты мог потратить почти полтора месяца на учебу, которая была больше похожа на отсиживание от урагана, чем на учебу? Время неслось стремительным водопадом, полтора месяца личной «передышки» казались мне непростительной виной, моральным преступлением. Скорее, скорее бросай все ненужное, все ничтож-

ное, включайся в общие ряды! Революция не ждет! Ей нужен каждый человек, каждый сознательный боец!..

Последующая неделя (может быть, даже неполная), в течение которой я еще оставался в Москве, прошла вся в лихорадочно-подъемном темпе. Газеты приносили каждый день все новые и новые телеграммы, пьянившие как хмель,— восстание в Гамбурге, восстание в Киле, свержение Гогенцоллернов, официальное аннулирование Брестского мира. Передовая в «Известиях» была озаглавлена «Осанна». Она была написана Ю. Стекловым и запомнилась — она в самом деле выразила романтическое настроение тех незабываемых дней. Я разыскал ее в Ленинской библиотеке.

«Мир вступил в катастрофический период. Локомотив истории мчит революционный поезд с головокружительной быстротой... Перед человечеством открываются безбрежные перспективы, и с верой в груди, с чувством глубокого восторга мы приветствуем занимающуюся над миром зарю освобождения кликом: «Осанна! Благословен грядый во имя социальной революции!»

В течение этой лихорадочной недели, слившейся в один день, не прерываемой, кажется, и ночами, я быстро свернул все свои московские дела и поехал в Тулу.

Председателем Тульского губкома партии был выдающийся большевик Григорий Наумович Каминский¹. С ним работал мой давний товарищ Лев Морголин. Оба стали моими «восприемниками» при вступлении в партию.

В память мою навсегда врезалась следующая сцена. Каминского в связи с трудной обстановкой в Туле вызвал в Москву Ленин. Перед докладом о своей поездке Каминский, бережно приподнимая левой свою правую руку, сказал:

— Эту руку пожимал Ленин.

Речь шла, конечно, не об обычном «здравствуйте» и «до свидания», а о рукопожатии как знаке одобрения и поддержки.

Это было понятно всем, в том числе и мне, конечно. Ленин снова говорил — с нами и со мной. Ведь на

¹ Каминский Григорий Наумович (1895—1939) — советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1913 года. Был делегатом VI съезда РСДРП(б). Участвовал в установлении Советской власти в Туле. Был председателем Тульского Совета. После Октябрьской революции на руководящей партийной и хозяйственной работе в Туле, Баку, Москве.

Красной площади акустически голос Ленина не долетал ни до меня, ни до стоящих около меня. Ленин снова говорил с нами — мы снова слышали и зов, и приказ революции.

Начинался девятнадцатый, самый напряженный, самый опасный год гражданской войны.

Впоследствии я слышал Ленина на XI съезде партии, доклад и заключительное слово, слышал и его последнее выступление, его лебединую песнь, на пленуме Моссовета. Хорошо видел Ленина, его реакцию на прения, выражение его лица, его поведение, его жестикуляцию. Речи эти были обширней, богаче и дифференцированней по содержанию, чем краткое слово на Красной площади, но столь же вдохновенны и глубоки. Снова Ленин говорил всем существом своим, и разумом, и сердцем, определяя путь сквозь бурный океан событий, и снова впечатления были огромны, и снова он звал к действию, к личному участию в исторических битвах, как в тот памятный день 7 ноября 1918 года.

В. Кирпотин. Начало. Автобиографические страницы. М.: Советский писатель, 1986. С. 10—17.

Ленин на трибуне

Я видел море, я измерил
Очами жадными его,
Я силы духа моего
Перед лицом его поверил.

А. Полежаев

Портрет Ленина во весь рост будет нарисован, когда нас уже не будет.

На нас, современниках его, лежит великая ответственность — точно, по возможности фотографически точно, закрепить всякую деталь жизни великого человека, написать все, что знаем, что слышали, что думаем о нем, чтобы дать материал будущим историкам, мыслителям и поэтам.

Поэтому я так рад возможности исполнить свой долг: рассказать, как я его видел, какие мысли, какие чувства возбуждал он во мне и окружающих.

Четыре раза видел я его, и все четыре раза изменялся, усложнялся, вырастал в моем сознании образ этого человека.

Седьмое ноября 1918 года. Красная площадь. Празднование первой годовщины Октября. Ясный осенний день. Косые, холодные лучи солнца как-то особенно резко, особенно отчетливо освещают еще непривычное зрелище: торжественное шествие победивших рабочих, строгие, серые, сосредоточенные лица, их блистающие победой лохмотья, колыхающиеся над их головами красные знамена, сверкающие золотыми и серебряными словами.

Я стою у самой трибуны. Сейчас на ней должен стоять и говорить необыкновенный человек, человек, который прогнал с этой площади прежних ее господ: жандармов, попов, генералов, царей, все гнилое, старое, все, что еще так недавно, по какому-то недоразумению, распоряжалось, господствовало здесь.

Что это за человек? Я уже оставил процессию, я уже смотрю, как на некое зрелище, на пустую красную трибуну.

И все-таки я не заметил, как даже не появился, а каким-то образом очутился на трибуне Ленин.

Еще хлопали, еще кричали, а он уже стоял с открытым ртом, с поднятой правой рукой, он уже говорил.

Так вот — говорящим, жестикулирующим, двигающимся и остался он навсегда в моей памяти.

Наружность его была обыкновенна и скромна, но как-то блистательно обыкновенна и скромна, говорил он без всяких внешних признаков пафоса, просто, немного крикливо, звонко и отчетливо, как будто спешил, как будто волновался. Он не старался говорить красиво. Он говорил так, как течет река. Она ведь мало беспокоится о том, красив ли блеск ее волн на солнце, мелодичен ли ее шум. Ей нужно течь. Ему нужно говорить, говорить о самых, по его мнению, обыкновенных вещах: о европейской, о мировой революции. Только одно различие с рекой: река не спешит, в ее беге нет нетерпения, а он весь нетерпение, огонь, пожар. Ему как будто мало того, что он сделал, ему нужно сейчас же, непременно сейчас, перевернуть, перекувырнуть всю землю, чтобы разгорелась она огнем коммунизма, который сжигает его. Оттого он так и бегаёт по трибуне, оттого он так и машет и правой и левой рукой. И вот еще что поразило меня: он весь в движении, он весь нетерпение, и в то же время на этой красной пустой трибуне он выглядит каким-то памятником, монументом: как будто новый род искусства создал — двигающийся монумент.

Итак, еще раз: в его речи нет признаков пафоса, но этот пафос сжигает его, этот пафос насквозь прожигает окружающих, в его наружности нет ничего величавого, она очень скромна, даже сера, эта наружность, но эта серость блещет блеском прокаленной стали, эта скромность озарена огнем и кровью величайшей из революций. Когда он ушел с трибуны, я ничего не видел и ничего не хотел больше видеть.

Еще о наружности Ленина: я не знаю, имеет ли какое значение, что у него был огромный выпуклый лоб и большая лысина. Что он был плотный, сутуловатый, короткошей, среднего роста, что лицо у него было сероватое, в широких и глубоких морщинах, склад лица монгольско-русский, что он очень часто и очень искренне усмеялся, что он неправильно выговаривал букву Р, что поношенный костюм как бы прирос к нему, казался неотделимым.

Второй раз я видел Ленина в редкой и неожиданной для меня обстановке: на концерте, устроенном Московским Пролеткультом; концерт был как концерт, и не только Ленина, даже меня не очень интересовал. Публика же была наша, пролеткультовская. Ленин пришел

с женой и совершенно неожиданно для всех¹. Сели они не помню в каком ряду, но где-то посредине зала и недалеко от меня. Если бы не знали, что это Ленин, никто бы не подумал, что тут сидят люди, дело которых перейдет в века. Всякий сказал бы, что это очень скромная, очень милая, пожилая чета: вероятно, он учитель, вероятно, оба идеалисты-народники этак семидесятых или восьмидесятых годов.

Пока Ленин сидел, я заметил, что он, как это ни странно, не привык, чтобы на него смотрели, не мог сидеть спокойно и в смущении как-то нетерпеливо двигался, насколько позволяли обстоятельства. Когда номер кончился, Ленин раньше всех, торопливо захлопал, приподняв руки выше, чем это нужно.

И опять я не заметил, как он очутился на трибуне... И уже бегал там с открытым ртом, с высоко поднятой правой рукой, держа левую в кармане брюк.

Всякий бы другой на его месте, — Луначарский, Троцкий, при такой обстановке сказал бы несколько слов об искусстве, о его значении, или что-либо подходящее к моменту, чтобы потом перейти на главное. Ленин же сразу без всяких предисловий заговорил о том, что нужно ему, что поглощает его: о близости мировой революции, о Красной Армии, о том, что рабочая молодежь должна идти в командный состав, должна идти в деревню добывать хлеб для Красной Армии, о том, что мы победим, не можем не победить.

Небольшими, нервными короткими руками он словно уже держал эту мировую революцию, вертел ее в них, в ней не было уже никакого сомнения. И весь зал, все молодые возбужденные лица как-то побледнели, все съезжились перед этой небольшой, скромной, немного мешковатой фигурой.

Третий раз. Железнодорожная конференция². Белые наступают, уже где-то близко. Настроение подавленное, усталое. Говорит Красин. Красивая, благородная фигура этого пожилого, серьезного человека благотворно и успокаивающе действует на аудиторию, но чего-то недостает, чего-то освежающего, близкого.

И опять волнуется, спешит, говорит Ленин. Совершенно не помню, о чем он говорит, но — словно окно от-

¹ В. И. Ленин присутствовал на вечере Московского Пролеткульта 6 ноября 1918 г.

² По-видимому, автор имеет в виду конференцию железнодорожников Московского узла, состоявшуюся 16 апреля 1919 г.

крыли в душной комнате больного, словно сын у матери выздоровел, словно коммунизм уже наступил и разгорелся, разблестался в угрюмом каменном здании. Все чувствуют, что никогда, ни за что, ни под каким видом никакие Деникины, никакие Ллойд-Джорджи, ну никто никогда не свалит, не победит этого человека в коротком пиджаке.

Последний раз я видел Ленина у нас на Брянском вокзале¹. Это было в самое голодное время. Мы отправляли рабочих в южные губернии для того, чтобы они там в бывших помещичьих имениях заводили свои советские хозяйства. Был мягкий весенний вечер. Около сотни железнодорожников столпились у открытой воинской платформы и терпеливо, хлюпая в лужах худыми ботинками, ждали Ленина.

На платформе сидели на своих корзинах, сундучках, узлах отправляемые: их было вагона на четыре, на пять, с женами, с ребятами. Бледные, голодные, измученные, встревоженные внезапной переменой всех своих жизненных привычек, они тоже ждали Ленина. И он явился. Я никогда еще не видел его таким. На этот раз он был как-то тих, строг, сосредоточен и даже как будто спокоен. Он не поддельвался к голодным людям, которым грозила неизвестность. Без всякой рисовки, без всякой напускной жалости, сурово и просто он говорил этим людям, что город голодает, что в городе делать нечего, о том, что деревня, Россия, нуждаются в рабочих, нуждаются в культуре, что им предстоит там на новом месте трудная ответственная работа, и потом опять о ней, о единственной, о мировой революции, о том, что мы победим, что мы не можем не победить.

И в мягком ласкающем свете вечерней весенней зари я видел блистание слез на серых измученных лицах рабочих и понял, что эти люди пойдут всюду, куда их пошлет этот сутулый, невысокий, крепкий, как скала, человек в кепке, потому что посылает он их в неизвестность не для себя, а для светозарного коммунистического будущего, о котором человечество грезит целые века и к которому он приблизил его — как никто.

Больше я не видел Ленина, но и того, что я видел, хватит на всю мою жизнь.

«Рабочий журнал», ГИЗ,
1924, № 1. С. 81—85.

¹ Напутственная речь к рабочим, отъезжавшим в южные районы страны, была произнесена В. И. Лениным весной 1919 г. (точная дата не установлена).

1

Что бы ни думали о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине его враги, но даже и они не отрицают, что он один из величайших людей своего времени. Стоит ли объяснять, почему я записал тот мой краткий разговор с ним, который, как мне кажется, позволяет судить о складе его ума. Разговаривая со мной о том, что английскому рабочему движению не хватает теоретиков, он вспомнил, как на одном собрании слышал выступление Бернарда Шоу.

— Шоу,— сказал Ленин,— честный человек, попавший в компанию фабианцев. Он куда левее всех тех, кто его окружает.

Ленин ничего не знал о книге Шоу «Совершенный вагнерианец» и очень заинтересовался ею, когда я рассказал ему содержание. Кто-то из присутствовавших вмешался в разговор и назвал Шоу клоуном. Ленин сердито отрезал:

— Он, может быть, и клоун для буржуазии в буржуазном государстве, но в революции его не сочли бы за клоуна.

Он спросил меня:

— Сознательно ли работает Сидней Вебб на капиталистов?

И когда я ответил, что это, по моему глубокому убеждению, не так, Ленин заметил:

— Тогда у него больше трудолюбия, чем ума. У него безусловно огромные знания.

...О Советах Ленин сказал:

— Вначале я думал, что они есть и останутся чисто русской формой, но теперь совершенно очевидно, что под разными названиями они должны стать орудием революции повсюду.

Он выразил мнение, что в Англии не допустят, чтобы я говорил правду о России, и в качестве примера рассказал, как в Америке заставили молчать полковника Робинса. О Робинсе он спросил:

— В самом ли деле он относился к Советскому правительству дружелюбно?

Я ответил:

— Да, но только как спортсмен, восхищавшийся его мужеством и смелостью в борьбе с трудностями.

Я привел слова Робинса, говорившего:

— Я не могу воевать с ребенком, у колыбели которого провел шесть месяцев. Но если бы большевистское движение началось в Америке, я взял бы в руки винтовку, чтобы в любой момент выступить против него.

Ленин заметил:

— Вот это человек честный и гораздо дальновиднее многих. Мне он всегда нравился.

Представив себе образ ребенка, Ленин весело рассмеялся:

— У колыбели этого ребенка сидят еще несколько миллионов человек.

...Говоря о клевете, которую распространяют о России, Ленин заметил, что это главным образом извращенные факты, а не голые выдумки, и в качестве примера рассказал о недавно опровергнутом им слухе.

— Вы знаете, откуда пошел этот слух? — спросил он. — Я, разговаривая по телефону с одним знакомым, пожелал ему счастливого Нового года и сказал: «Будем надеяться, что в новом году мы совершим меньше глупостей, чем в старом». Кто-то услышал об этом и рассказал кому-то еще. Одна же из газет объявила: «Ленин говорит: мы совершаем глупости». С этого все и началось.

Больше, чем когда-либо раньше, Ленин произвел на меня впечатление счастливого человека.

Возвращаясь из Кремля, я думал: видел ли я когда-нибудь человека его калибра, который обладал бы таким же жизнерадостным темпераментом? Мне никто не приходил на ум. Этот невысокий, лысоватый, с морщинками на лице человек, который, покачиваясь на стуле, смеется то по одному, то по другому поводу, в то же время всегда готов каждому дать обстоятельный совет; при этом совет настолько хорошо аргументирован, что делается для его сторонников убедительнее любого приказа. Его морщины — морщины смеха, а не горя. Я думаю, что это именно так, ибо он первый великий вождь, который полностью отрицает значение своей собственной личности. Ему совершенно несвойственно честолюбие. Более того, как марксист, он верит в народное движение, которое с ним или без него все равно будет поступательным. Его взгляды вообще основаны на вере в воодушевляю-

щие народ стихийные силы, а его представление о своей роли сводится к тому, что он считает себя в состоянии правильно определить направление этих сил. Он не верит, что один человек может совершить или остановить революцию, которую он считает неизбежной. По его мнению, если русская революция и потерпит неудачу, то только временно и только благодаря силам, которые не подчинятся воле какого-либо одного человека. Поэтому он свободен, как не был свободен ни один выдающийся человек до него. Доверие к нему рождает не столько то, что он говорит, сколько эта ощущаемая в нем внутренняя свобода и это его бросающееся в глаза самоотречение. Исходя из своей философской концепции, он ни на минуту не допускает, чтобы ошибка одного человека могла испортить все дело. Сам он, по его мнению, только участник, а не причина событий, которые навеки будут связаны с его именем.

2

Я отправился к Ленину на следующий день после парада на Красной площади и праздника в честь Третьего Интернационала¹.

Первым делом он сказал мне:

— Боюсь, джингоисты² в Англии и во Франции используют вчерашние события в качестве предлога для новых выступлений против нас.

Он заговорил о последней чичеринской ноте и сказал, что в России возлагают на нее большие надежды. Бальфур³ где-то сказал: «Пускай огонь погаснет сам». Так не выйдет. Но самый быстрый путь восстановить в России нормальные условия состоит, конечно, в заключении мира и соглашении с союзниками. «Я уверен, мы могли бы договориться, если бы они вообще хотели договориться. Англия и Америка, возможно, пошли бы на это, не будь их руки связаны Францией. А интервенция в широком смысле сейчас едва ли возможна. Они, должно быть, поняли, что с Россией никогда нельзя расправиться так, как расправляются с Индией, и что отправка сюда

¹ В. И. Ленин принял А. Рансома 7 марта 1919 г.

² Джингоисты — кличка английских воинствующих шовинистов.

³ Бальфур Артур Джеймс (1848—1930) — английский государственный деятель, дипломат, один из лидеров консерваторов.

войск равноценна их отправке в коммунистический университет».

Я сказал что-то про общую обстановку враждебности, с какой встречают пропаганду большевиков в зарубежных странах.

Ленин заметил:

— Скажите им, пусть построят вокруг каждой из своих стран китайскую стену. У них же есть таможенники, границы и береговая охрана. Они же могут убрать любых большевиков, каких только захотят. Революция не зависит от пропаганды. Если нет условий для революции, никакая пропаганда не сможет ни ускорить, ни задержать ее. Война создала эти условия во всех странах, и я убежден, что, поглоти сегодня Россию море или же исчезни она совсем с лица земли, революция в остальной Европе будет развиваться своим чередом. Спрячьте Россию на двадцать лет под воду, но и этим вы ни на шиллинг, ни на час в неделю не удовлетворите требований цеховых старост Англии.

Я заявил ему, как неоднократно заявлял большинству людей в России, что не верю в возможность революции в Англии.

Ленин ответил:

— У нас говорят, что человек может ходить и не знать, что болен тифом. Лет двадцать, а может быть, и тридцать тому назад у меня был тиф, а я об этом и не подозревал, пока он не свалил меня. Так вот, и Англия, и Франция, и Италия уже заразились. Англия, возможно, кажется вам незатронутой, но микроб уже проник в нее.

Я рассказал ему о том, что забастовки у нас носят неопределенный и разобщенный характер, и что либеральный, в противовес социалистическому, характер этого движения, если только оно вообще носило политическую окраску, напсминает мне картину России 1905 года, а вовсе не Россию 1917 года, и что я уверен, что все утихнет.

— Да, очень возможно,— сказал Ленин.— Это, может быть, период воспитательный, во время которого английские рабочие все же осознают свои политические потребности и повернут от либерализма к социализму. Конечно, социализм в Англии слаб. Ваши социалистические движения, ваши социалистические партии... когда я был в Англии, я старался побывать всюду, где только мог, и для страны с таким большим индустриальным

пролетариатом они ничтожны, ничтожны... горсточка на углу улицы... собрание в гостиной... в школьном классе... все это ничтожно. Но вы должны не забывать об одном значительном различии между Россией 1905 года и сегодняшней Англией. Наш первый Совет был создан во время революции, ваши комитеты цеховых старост существуют уже давно. У них нет программы, нет направления, но та оппозиция, с которой они столкнутся, заставит их выработать программу.

Говоря об ожидавшемся приезде Бернской делегации¹, он спросил меня, знаю ли я Макдональда², чье имя фигурировало вместо имени Гендерсона³ в последующих телеграммах, в которых сообщалось об их приезде. Ленин сказал:

— Я очень рад, что вместо Гендерсона едет Макдональд. Конечно, Макдональд в любом смысле слова не марксист, но он, по крайней мере, интересуется теорией, а поэтому можно полагать, что он постарается понять, что здесь происходит. Большого мы не просим.

Затем мы немного поговорили о вопросе, который очень меня интересует, а именно о том, как незаметно, совершенно независимо от войны претерпевает изменение коммунистическая теория в трудном процессе ее претворения в жизнь. Мы говорили об изменениях в «Рабочем контроле», который теперь совсем не похож на те стихийные комитеты, которые поначалу затрудняли работу. Затем мы разговорились об антипатии крестьянства к военному коммунизму и о том, как развивалась дальше эта идея. Я спросил, как будут выглядеть отношения между коммунистами городов и проникнутыми духом собственничества крестьянами, и нет ли опасности того, что между ними возникнет антипатия; я сказал при этом, что мне жаль так скоро уезжать, потому что не смогу увидеть, как выдержит эластичность коммунистической теории неизбежный нажим крестьянства.

¹ Имеется в виду делегация (комиссия), которая, по решению созданного в феврале 1919 г. предательского Бернского Интернационала, должна была «обследовать» политическое и экономическое положение Советской России, чтобы он получил возможность высказать свое отношение к пролетарскому государству, интервенции и т. п.

² Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937) — английский политический деятель, один из основателей лейбористской партии. В период 1914—1918 гг. занимал пацифистскую позицию, затем стал на путь открытой поддержки империалистов.

³ Гендерсон Артур (1863—1935) — английский политический деятель, один из лидеров лейбористской партии.

Ленин заметил, что в России наблюдается довольно резкое различие между богатыми и бедными крестьянами.

— Единственная оппозиция,— сказал он,— с которой мы сталкиваемся в России, прямо или косвенно связана с богатым крестьянством. Беднота, как только она освобождается от политического господства богачей, становится на нашу сторону; она сейчас составляет огромное большинство.

Он спросил меня, не собираюсь ли я вернуться, сказав, что я смог бы поехать в Киев понаблюдать революцию так, как я наблюдал ее в Москве. Я сказал, что мне очень не хотелось бы думать, что я в последний раз приехал в страну, которую люблю почти так же, как свою собственную. Он рассмеялся и ответил мне комплиментом, заметив, что хотя я и англичанин, но более или менее сумел разобраться в том, чего добиваются большевики, и что он был бы очень рад видеть меня еще раз.

«Дружба народов», 1959,
№ 4. С. 176—178.

Д.ЛИНКОЛЬН СТЕФФЕНС

О Ленине и революции

(По воспоминаниям и письмам)

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

Когда меня пригласили в большую комнату, где в дальнем конце за своим рабочим столом сидел Ленин, я еще раз перебрал в уме вопросы, которые собирался задать. Он поднялся мне навстречу — спокойный человек в поношенном костюме — и, выйдя из-за стола, пожал мне руку. Я увидел перед собой открытое, пытлиное лицо, прищуренный глаз, чуть ироничный, добродушно-насмешливый. Я спросил, не могу ли я, в дополнение к соглашению с Буллитом, сообщить о некоторых гарантиях, о том, например, что в случае открытия границ русские пропагандисты не наводнят Европу.

— Нет,— сказал он резко, но, прислонившись к столу, тут же улыбнулся.— Видите ли, пропагандист — это пропагандист. Он должен пропагандировать. Когда наши пропагандисты революции одержали победу, увидели ее уже свершившейся, они не прекратили своей пропаганды... Точно так же ваши пропагандисты явятся сюда, если наши границы будут открыты, и займутся своей пропагандой...

— Какие заверения можете вы дать, что красный террор прекратится?..

— Кто требует таких заверений? — спросил он, гневно выпрямляясь.

— Париж,— сказал я.

— Значит, те самые люди, которые только что убили в бесполезной войне семнадцать миллионов человек, теперь озабочены судьбой нескольких тысяч, убитых во время революции во имя осознанной цели — ради того, чтобы покончить с необходимостью войны..? — Секунду он стоял, глядя на меня гневными глазами, затем, успокоившись, сказал: — Впрочем, пусть. Не отрицайте террора. Не преуменьшайте ни одного из зол революции. Их нельзя избежать. На это надо рассчитывать заранее: если у нас революция, мы должны быть готовы оплачивать ее издержки.

...Рис Вильямс весело рассказывал про собрание в Петрограде сразу после переворота: он свою речь начал с обычной американской шутки, и никто не засмеялся, кроме Ленина и нескольких человек в аудитории. Ответственные комиссары, на чьих плечах все еще покоился груз революции, не засмеялись: они хмурились и качали головой. Неподходящее время для шуток. Я лично склонен согласиться с этими целеустремленными натурами. Но я должен сообщить, что в те мрачные дни Ленин смеялся; он откинулся на спинку стула и громко засмеялся над шуткой американца.

Многие очевидцы писали, что летом 1917 года, когда все сторонники постепенного движения, все представители АФТ и дипломаты хотели быть «благоразумными» и жаждали компромисса «ради мира и хорошего правительства», Ленин выступил против них, против их аргументации и так называемого здравого смысла; он не хотел отказываться ни от одного, даже самого маленького из завоеваний революции. Он требовал для революции всего, что ей полагалось. Так что он был достаточно тверд и принципиален, как и подобает настоящему большевику. Он добился своего, получил все, что требовал; но Ленин умел и смеяться.

Для Ленина революция была радостью. Он работал для нее так долго и так много, что было нечто детское в том, как он приветствовал невозможное. Когда оно наступило, он ухватился за него обеими руками.

ИЗ ДОКЛАДА МИССИИ БУЛЛИТА

Идея заключается в том, что каждый должен трудиться для общего блага, и, следовательно, когда все будут производить больше, все станут получать больше. Сейчас русские голодают, но они поровну делят бремя бедности... Ленин питается... как все другие, раз в день — суп, рыба, хлеб и чай... Народ, крестьяне шлют ему продовольственные посылки, но он отдает их в общий котел. Тут руководителям правительства нет нужды составлять себе представление о лишениях, которые терпит народ: они их терпят вместе с ним. Правительство и народ сознают, что, если Россия когда-либо достигнет процветания, благосостояние станет уделом каждого ее жителя. Другими словами, «богатая Россия» будет значить «бо-

гатый русский народ». Эта идея дошла до сознания русских и захватила их воображение. Именно она вдохновляет людей трудиться с энтузиазмом и подъемом, чтобы добиться изобилия для всех. Именно она побуждает усталый от войны народ направлять самых здоровых и сильных своих сынов в новую, воодушевленную светлыми идеалами, хорошо обученную армию, чтобы защищать не только свои границы, но и весь новый рабочий строй, новую форму человеческого общежития.

Вот почему Ленин и его здравомыслящее коммунистическое правительство добиваются мира. Они полагают, что им удалось впервые в истории довести революцию до конца. Все другие революции прекращались, как только политическая борьба завершалась созданием демократического строя. Советская революция, пройдя политическую фазу, установила демократию и в области экономики: самоуправление на фабриках, в сельском хозяйстве... Они считают это основой своего строя и хотят совершенствовать его.

Русские говорят: мы знаем, что каждая страна должна разворачивать революцию, исходя из собственных условий... Навязывать ее военными мерами — ненаучный, недемократический, несоциалистический метод... Мы отзовем наши войска, если вы выведете свои, мы проведем демобилизацию. Организаторы и квалифицированные рабочие, находящиеся сейчас в армии, нужны нам на фабриках, в деревнях, в учреждениях. Мы с удовольствием вернем их к этой необходимой работе... если только вы отзовете своих солдат и прекратите оказывать моральную, финансовую и материальную поддержку нашим врагам и врагам наших идеалов. Пусть каждая из стран на наших границах выскажется сама по вопросу о форме правления и суверенитете...

ИЗ ПИСЬМА МАРИИ ХОУ 3 АПРЕЛЯ 1919 ГОДА

...Меня попросили подготовить сообщение о политическом положении России, и я был чрезвычайно этому рад. И я его подготовил... Лично нам, двум, ездившим в Петроград и Москву, запрещено выступать.

...Мы побыли там очень недолго, но непрерывно что-то узнавали. Это было словно путешествие в будущее. То, что у них есть, когда-нибудь появится и в других местах. И все, к чему мы привыкли, в России меняется. Разумеется, мы были привилегированными гостями. Мы

видели всех, кого хотели увидеть, узнали все, что можно было узнать об их борьбе, ее тяготах, об ошибках и надеждах. Я беседовал с Лениным и всеми другими... чьи имена вы слышали. Я нашел там старых знакомых. Оказалось, что меня там знают достаточно хорошо, чтобы откровенно рассказывать мне о своих ошибках, промахах, как они им представляются.

Положение в России значительно лучше, чем я ожидал. Русские голодают, питаются один раз в день, но они все равны в своей бедности, и народ это знает. Ленин получает столько же, сколько любой другой ценный работник. И хотя в стране свирепствуют тиф, оспа и другие болезни, они не отступают, терпят и холод и нищету. Интервенция и угроза ее сплотили их. Они говорят, что, поскольку покончили с классами, сословиями и интересами, наличие которых в других странах приводит к развращению правительства и к злоупотреблению властью, им не грозит возникновение тирании в нашем понимании этого слова. Они хотят мира и просят его на условиях, которые лучше любых их заверений доказывают, что им абсолютно чужд империализм, абсолютно.

А видели бы вы, какое значение они придают искусству и как поддерживают его деятелей!

*ИЗ ПИСЬМА ЛАУРЕ САДЖЕТТ
1 ОКТЯБРЯ 1923 ГОДА*

В мире действительно возникло нечто новое. В России есть сильное, умное правительство, подчинившее себе и намеревающееся контролировать экономические факторы, которые в других странах, напротив, подчиняют себе и контролируют все другие правительства мира.

Россия сильна. Большевики не отступили, не уступили ни в чем и не собираются сдаваться. Они отчетливо понимают, чего достигли и с чем им придется бороться, знают, чего им стоило удержаться и чего это будет стоить. Они уверены, что победят, и будут бороться до конца.

...Мы провели в Петрограде три дня, и официальные лица, мои друзья, сопровождавшие нас, показали нам, как это было и в Москве, все — и хорошее и плохое. А они знают, что плохо. Правительство России единственное из тех, с какими мне приходилось иметь дело, которое не лжет само себе и готово показывать вам все темные стороны. Не лжет оно и вам.

Но я увидел там воскресший город. В 1919 году я видел его мертвым, в 1923 году он оживал. Это было подлинное воскресение.

*ИЗ ПИСЬМА ФРИМОНТУ ОЛДЕРУ
5 ОКТЯБРЯ 1923 ГОДА*

...В России новая система растет со всей силой и мужеством юности, надежды и свежего взгляда на жизнь... Я абсолютно убежден в жизненной энергии России. Они не сдались и не сдадутся, эти два поколения. Они не только разбили своих врагов, они победили в гражданской войне, в войнах с другими странами, в дипломатии. Они привлекли на свою сторону крестьян, дали работу рабочим, добились такого увеличения посевов, что покончили с угрозой голода. У них будет зерно для экспорта. У них теперь есть деньги, чтобы ремонтировать, красить, приводить в порядок и строить. И они это знают.

Москва живет бурной жизнью. Россия начинает жить и улыбаться. Но самый верный маяк ее будущего — это молодежь, юноши и девушки от шестнадцати до двадцати восьми лет.

Россия доказала, что человеческую природу возможно изменить на протяжении жизни одного лишь поколения — нет, даже за шесть лет.

Вы спрашиваете, удержат ли они все это, — я отвечу вам, что они оградили своих детей от той обстановки поклонения собственности и жадности наживы, которая у нас портит наших детей и превращает их в дельцов. Их дети презирают дельцов. На улице они безжалостно показывают на них пальцем и смеются. Служба ради наживы — это позор, а служение государству во имя коммунизма — слава, особенно когда речь идет о строительстве предприятия для выпуска какой-либо полезной продукции. Я считаю, что дети России являются гарантией ее прекрасного будущего. Какие же у них будут школы, армия, заводы через два или три поколения! Дайте новому порядку несколько столетий, и он, я верю, создаст общество, самый рядовой член которого будет по своему благородству равен лучшим людям нашего времени. И вы не станете спорить, что лучшие люди являются живым доказательством человеческих возможностей...

«Иностранная литература»,
1964, № 4. С. 10—19.

Ленинская правда

Э то было весной 1919 года. Питер умирал от голода. Мы получали по фунту овса на неделю. Этот овес рубили в мясорубках, прибавляли картофельной шелухи, кофейной гущи, горсть отрубей и пекли лепешки: горькие, колкие, не просунешь в горло. Жмыхи — это было богатое кушанье. По два-три дня приходилось ничего не есть. По неделе ничего не выдавали, даже не было и овса. И в это время мы «грабили» Питер. Все, что было живое, здоровое, посылали на фронт. Но, конечно, и в самом Питере от этого становилось не легче. Лучшая часть работников уходила на фронт, передовые рабочие отправлялись в Сибирь, на Украину, на Дон, с семьями и со всем своим скарбом. Питер опустошался, и в Питере начинались забастовки. Меньшевики и эсеры тогда пользовались случаем, притворялись защитниками рабочих и затирали бузу. На что Путиловский завод, и тот не выдержал, забастовал. И вот в такой «веселый» момент приезжает к нам Ленин¹.

Помню Дворец Урицкого. Собрались мы, представители заводских и красноармейских организаций, — три-четыре тысячи человек. Зал был набит до отказа. Я стоял у самой трибуны внизу, так, что Ленин был аршина на два выше моей головы, и я отчетливо видел его, видел плотно сложенного человека, в костюме темного цвета, клетками, в немецкой рубашке, с галстуком.

¹ 12—13 марта 1919 г. В. И. Ленин пробыл в Петрограде, приехав на похороны М. Т. Елизарова. Автор воспоминаний Иван Федорович Жига описывает митинг рабочих, матросов и красноармейцев Петрограда 13 марта 1919 г., на котором Ленин выступил дважды: сначала в оперном зале Дворца Урицкого, а потом, в связи с тем, что всех участников десяти тысячного митинга зал вместить не мог, Ленин выступил вторично в фойе. В апреле 1919 г. Ленин объединил речь на митинге с докладом о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров, сделанным 12 марта на заседании Петроградского Совета, для издания отдельной брошюрой под заголовком «Успехи и трудности Советской власти» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 40—73).

Когда он появился на трибуне, мы все захопали в ладоши, а он, не обращая внимания, деловито и быстро разделся, пальто положил на спинку стула, сел, оперся руками на колени, внимательно, как-то озабоченно смотрел на нас, на рабочих, работниц и красноармейцев. Мне казалось тогда, что ему хочется увидеть и понять, что мы чувствуем, что переживаем, что осталось в нас революционного, кроме этих хлопущек по его адресу. И когда зал успокоился, когда председатель объявил, что слово предоставляется тов. Ленину, он так же быстро встал и, словно приступая к работе, прошел на трибуну. Зал снова разразился аплодисментами, и он не протестовал против них. Он как будто доволен был этим. По его быстрым взглядам можно было понять, что ему хочется не самому начинать, а побольше, поглубже почувствовать нас. Ведь давно он не был среди петроградских рабочих. Знал он, что мы голодаем, и те три — пять минут аплодисментов нужны ему были для того, чтобы охватить эту массу целиком, определить ее настоящее настроение, а не аплодисментное, а по этой лучшей части петроградских рабочих — составить себе мнение о всем Петрограде. А ведь никто так, должно быть, не любил петроградских рабочих, как он. По Питеру он определял настроение всего рабочего класса, по Питеру он судил о подъеме и усталости масс. Питер для него был барометр, по которому он определял движение революционной атмосферы. И это был великолепный барометр. Если, скажем, в Питере рабочие устали, то где же еще будут бодры?

И помню, когда он начал говорить, когда зазвучал в зале его сдержанно-страстный глуховатый голос, когда на наши головы полетели немножко картавые, как неотесанные камни, слова, — эти слова не были митинговой агитацией — красивого в них ничего не было, не было и зажигающего пафоса. Была только страшная неприкрытая правда. Помню, начал он свою речь с того, что «страна переживает неслыханный голод». Он не говорил, что вы, мол, питерцы, переживаете голод, он не жалел нас. Он как будто говорил не нам, питерцам, которые пришли сюда с желудками, в которых вместо хлеба — вода. Он говорил «страна переживает голод». И это казавшееся на первый раз обидное для нас, питерцев, сразу же толкало на мысль:

— А разве только мы голодаем?

И помню, когда он нарисовал нам голод страны, ког-

да без всякой утайки рассказал, что у нас ничего нет, что правительство вынуждено было приостановить пассажирское движение, чтобы освободить паровозы для подвозки хлеба, что нам грозит ужасная голодная катастрофа, мне тогда становилось страшно. Слова эти звучали дико, нагоняли жуть. Казалось, так мог говорить какой-нибудь меньшевик или эсер и в крайнем случае об этом можно было говорить в тесном партийном надежном кругу. А он, не скрывая, не утаивая нашего отчаянного положения, говорил с ужасающей прямоотой, и помню, по коже драл мороз от таких слов, как, например, «если мы не сумеем отвоевать хлеб у белогвардейцев,— мы погибнем». Но он тут же спрашивал у собрания:

— Кто виноват в этом голоде?

И отвечал:

— Помещики и капиталисты всех стран, которым ненавистна наша Советская страна, которые нас хотят задушить во что бы то ни стало. Наша революция таким образом подвергается самым серьезным испытаниям на деле в борьбе, в огне. И если ты угнетен (помню, это слово Ленин сказал как-то по-особенному, так что сердце всколыхнулось), если ты угнетен и думаешь о том, чтобы скинуть власть угнетателя, если ты решился довести дело до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск угнетателей всего мира. И если ты готов этому натиску дать отпор, если готов пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер, а если ты не сумеешь выдержать, тебя раздавят и скажут: «Революция рабочему ничего не дала». Вот как историей поставлен вопрос.

И Ленин продолжал:

— Но есть ведь такие мерзавцы, которые после года советской работы, после того, как Советская власть отдала крестьянам все, что она имела, есть мерзавцы, которые все же кричат: «Крестьяне, вас грабит Советская власть».

Это в то время, как рабочие надрываются в городах и нигде нет такого мучительного голода, как в городах, тогда как крестьяне взяли все помещичьи земли и взяли себе хлеб, в то время как крестьяне в массе — мы это знаем — впервые работали на себя, а не на барина, на купца,— в это время находятся люди, переодетые в меньшевистские и эсеровские шутовские наряды, и сме-

ют твердить: «Вас грабят». Это агенты капитализма, и никак иначе, как с агентами капитализма, с ними мы обращаться не будем и не должны.

Помню, кто-то в это время выкрикнул:

— А где свобода?

Ленин встrepенулcя, как от удара, и со всей силой обрушился на крикуна:

— «Свобода» — хорошее слово, на каждом шагу «свобода». Свобода торговать, продавать, продаваться. И находятся меньшевики и эсеры, жулики, которые это прекрасное слово «свобода» склоняют и спрягают в каждой газете, в каждой речи; но все это сплошь обманщики, проститутки капитализма, которые тащат народ назад.

Как сейчас помню, стоит он надо мной, крепко схватившись руками за край трибуны, говорит быстро, без передышки, страстно. Лысая голова его полукругом охвачена волосами, белый высокий лоб, скуластое, упругое, разгоряченное лицо и глубокие лучистые глаза.

Я видел, как у многих рабочих так же горели глаза, горели желанием раздавить этих жуликов, которые мешают нам победить врага и вырваться из этого кошмарного сегодня, чтобы начать жить в новой жизни, которая вот тут, совсем близко, перед нами, только надо еще раз сделать усилие, чтобы ее схватить.

А он, как будто зная наше настроение, говорил:

— Мы послали на Украину наши лучшие советские силы. И уже получили сообщение: «Запасы хлеба громадные, но всего сразу вывезти нельзя, нет аппарата». Немцы разорили Украину. Там полный хаос. Воль не сется от посланных товарищей, что нет людей, что некому строить Советскую власть, что нет никакого аппарата, нет такого пролетарского центра, как Питер или Москва. А украинские пролетарские центры в руках неприятеля. Киев — не пролетарский центр. Донецкий бассейн, измученный голодом, не освобожден от казаков. Мы говорим поэтому от лица украинских товарищей питерским рабочим: «Дайте еще, напрягите еще ваши усилия!» Мы можем теперь и мы должны помочь украинским товарищам, потому что им приходится строить аппарат Советской власти на месте, опустошенном страданиями так, как нигде не терпели и не страдали. И мы говорим себе: «При всех трудностях, при всех невероятных условиях мы все-таки рассчитываем на сознательность честных рабочих, и они будут за нас, они придут к нам, и они нам помогут».

Дворец Урицкого превратился после этого в бурлящий котел, готовый лопнуть от напряжения человеческой воли, подъема, решимости. Это был результат ленинской правды. Пафос его — правда и ясность, и эта ясность словно открывает перед тобой запертые врагом двери, и ты видишь там другую жизнь, более счастливую, радостную, и не можешь не броситься в эту дверь, в эту жизнь с сознанием: пусть хотя бы ты и погиб, но другие через тебя прорвутся, раздавят врага и завоюют эту жизнь.

И когда он кончил говорить, когда вся речь его от начала и до конца слилась, в сущности, к двум словам — «победить или умереть», — рабочие, питерские рабочие, голодные, с овсом и кофейной гущей в желудках, старые, худые от голода рабочие, с бледными, опухшими лицами, — эти рабочие, за несколько часов перед тем, может быть, ругавшие Советскую власть, эти рабочие выходили теперь из Дворца Урицкого, крепче подтягивали ремнями животы и с песнями шли по улице, с песнями решили выдержать, налечь еще на себя, решили победить или умереть.

«Литературная газета», 1931,
№ 5, 24 января.

...В тысяча девятьсот девятнадцатом году мы из Саратова на VIII съезд партии ехали восемнадцать дней: то не хватало топлива для паровоза, то вдруг машинисты уходили в деревню и гуляли там день-два, то вдруг начинали гореть буксы. Наша делегация поместилась в отдельном вагоне, заняв одно купе буханками черного хлеба, другое — мясом, целой коровьей тушей. Через несколько дней у нашего вагона загорелись буксы — не было масла, нечем было их смазывать. Железнодорожное начальство предложило другой вагон, переполненный пассажирами. Мы отказались. Но буксы выли, как самые громкие сирены, тревожили, беспокоили, не давали спать. У нас был мешок со стеариновыми свечами. Стали тискать свечи в коробки буксов. Вагон трогался. Проходило десять, пятнадцать минут, и буксы снова начинали выть. Тревожила и другая опасность — в Тамбовин «гуляла» банда Антонова.

Разруха, разгильдяйство, мешочники, и со всех сторон на нашу страну наседали колчаки, юденичи, деникины.

Но вот и Москва.

Выйдя из вагона, на всякий случай захватив с собой по буханке хлеба, мы облегченно вздохнули: наконец-то прибыли в столицу! Сейчас трамвай довезет нас на Садово-Каретную в Третий Дом Советов, там передохнем — и утром в Кремль, на съезд...

Выходим на площадь. Она не очищена от снега, вся в кочках и ямах. В воздухе вонючая гарь. Трамваи не ходят. Изредка только проносится одинокий вагон с отбитыми подножками — это чтобы не сажались в него, — переполненный дровами и бочками.

Мы постояли, посмотрели на площадь, и руководитель нам сказал:

— Видно, пешком придется.

И мы от Павелецкого вокзала отправились на Садово-Каретную.

Москва!

Изябшая, голодная Москва...

Улицы не чищены, редко горит электрический свет, в домах холодно, магазины пусты и закрыты, извозчики на клячах.

Грустная Москва, нищая Москва, промерзшая Москва...

Но такая же разрушенная, истерзанная империалистической войной и вся полуголодная страна.

На что мы надеемся?

В самом деле — не фанатики ли мы?

Вот эти гнетущие мысли овладели нами, когда мы шагали по кочкастым, грязным, провонявшим какой-то гарью улицам Москвы.

...Кремль.

На его башнях еще красуются золотые орлы.

Мы входим в зал. До открытия съезда еще около часа. По мандатам выдают книги. Жадно забираем все, что можно. Затем через узкое окно смотрим на кремлевскую площадь и ждем — скоро придет Владимир Ильич Ленин.

Увидеть Владимира Ильича собственными глазами — какая это радость!

Ведь мы, молодые большевики, до сих пор не видели его, хотя жадно читали, изучали его статьи, а книги «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Государство и революция» являлись нашими путеводителями в сложной, еще неведомой практической деятельности становления нового государства.

И вдруг кто-то до крика шепчет:

— Ильич!

И все, кто был в зале, хлынули к окнам.

Легко, накинув на плечи пальто, площадь пересекает Владимир Ильич Ленин. Он что-то говорит своему соседу, то и дело взмахивая рукой. Сосед слушает его, шагая в ногу, и через очки смотрит ему в лицо.

Ленин!

Какой он могучий!

Смотришь на него отсюда, из окон Колонного зала, — и кажется: больше Ильича ростом на земле человека нет. У него огромная, с большим лбом голова, широкие, могучие плечи, крупный, уверенный и твердый шаг.

Да, такой вождь сломит любого врага.

Но что ему говорит идущий рядом с ним человек? Возможно, он высказал наши тревожные мысли:

— Не фанатики ли мы, товарищ Ленин? Чем и как будем бить врага? И вот этого, внутреннего: железнодорожный транспорт почти не работает, водный законван во льды, магазины закрыты, в Москве не достать и осьмушки хлеба, не говоря уже о масле, мясе, сахаре. Фабрики и заводы почти не работают. Жутко становится на душе, товарищ Ленин.

Возможно, это и сказал идущий рядом с Ильичем человек. И Владимир Ильич, резко взмахивая левой рукой, видимо, возражает ему.

...Зал переполнен.

На небольшой сцене видны руководители партии.

Все — и делегаты в зале, и люди на сцене — в напряженной тишине ждут Ленина.

Из-за кулис стремительно к трибуне подходит Ильич.

Да нет, он даже ниже среднего роста. У него только такая огромная голова, со светящимся, как солнце, лбом, небольшая бородка и острые, всевидящие глаза. По всему видно — он очень занят государственными делами, каждая минута и даже секунда у него на счету. А мы бурей аплодисментов встретили его и не умолкаем. Он чуточку поморщился, махнул рукой в нашу сторону, как бы говоря: «Хватит, товарищи, не тратьте время попусту». И мы на какой-то миг оборвали аплодисменты. Ильич одобрительно улыбнулся, и делегаты, помимо своей воли, послушались его, бурей аплодисментов потрясли зал.

Нет, нет!

Я не смогу сидеть где-то в задних рядах. Нагнувшись, перебегаю вперед, легонько толкаю в плечо делегата, сидящего с краю в первом ряду. Он любезно потеснился, и я на расстоянии пяти-шести метров вижу за трибуной Ильича.

Он опять передо мной, могучий и мощный. Светится лоб, большие глаза чуть вприщур, но они пронизывают меня и всех нас. Они родные, близкие, как будто всегда и постоянно видимые нами. Говорит он без всяких выкрутасов, чуть картавя, глухим, басовитым голосом.

Я внимательно слушаю Владимира Ильича, и мне кажется, что он высказывает мои мысли. Да, да, вот так думал и я. Но тут же опровергаю себя: да нет. У меня, конечно, было что-то смутное. Но почему же мне кажется: что-то подобное я где-то говорил?

Во время перерыва я расспрашивал делегатов, какое у них впечатление от выступления Ильича.

Все в один голос утверждали:

— Наши думы высказал! — в чем и были глубоко уверены, но вскоре выяснилось, что мы, практические создатели Советской власти, приблизительно и довольно туманно думали о том же самом, что высказал Ленин.

Так он народен, наш Владимир Ильич.

А он говорит, косо вскидывая правую руку:

— Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего.

— Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (то есть за коммунизм).

Мы знаем хозяйственное, политическое и военное положение нашей страны: поля почти не засеваются, рабочие выпускают зажигалки — в виде танков, пушек, снарядов и так далее. Транспорт? Восемнадцать дней ехали из Саратова до Москвы — это вместо полутора суток...

Ильич, конечно, все это знает лучше нас, и, однако, вон он о чем:

— Если деревне дать сто тысяч тракторов!

Признаться, мы не видели трактора. Что это за штука такая? Хоть бы посмотреть! А Ленин — сто тысяч. Раз они произведут такой переворот в умах крестьян, то рабочий класс, безусловно, эту «фантазию» превратит в быль. Не теперь — так завтра, не завтра — так через год-два, но тракторы поползут по крестьянским полям.

Они преобразуют эту старую, материально нищую Русь, где землю все еще ковыряют сохой и редко самой «крупной машиной» — двухлемешным плугом.

Временами хочется крикнуть:

«Трудно ведь, Ильич! Страна оголена!»

А он свое:

Бодрость! Больше бодрости: силы народа неиссякаемы. Народ пробудился только ныне. Умейте находить эти силы и направляйте их на использование неисчерпаемых богатств природы.

Владимир Ильич говорит, временами хмуря солнечный лоб, сердится, и мы хмурим лбы, сердимся. А вот он захохотал над наивным заключением противника. И как хохочет! Громко. Раскатисто. Убийственно.

Я, содрогаясь, думаю:

«Ох! Если он так захохочет надо мной... Умру!»

Но Ленин хохочет не над нами, а над такими, как Карл Каутский. Как он его отстегал в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский»!

Нам же Ильич — все свое внимание, все свои думы, мысли, мечты.

— Действуйте, товарищи: история за нас.

Владимир Ильич тогда нас так вдохновил, что мы забыли промерзшую Москву — перед нами предстала вся наша необъятная страна с ее неисчерпаемыми богатствами природы и исполинскими народными силами.

Вернувшись со съезда партии, мы, вдохновленные Ильичем, засучив рукава принялись восстанавливать хозяйство, или, как говорили тогда, «по-революционному бить разруху».

Мы все, особенно молодые большевики, были уверены — вот-вот заживем при коммунизме. В нас жила неугасимая вера в светлое будущее, вселенная в нас гениальным Владимиром Ильичем Лениным, — и мы шли в бой против колчаковцев, насмерть стояли за Советскую власть...

Глядя на фотографию

Когда я смотрю на старый снимок, вспоминаю свою давно отзвеневшую юность, невольно меня вновь охватывает то волнение, с каким я стоял в день Первого мая 1919 года у Кремлевской стены.

Не могу припомнить: то ли в награду за стихи о рабочем Мае, которые я тогда написал, то ли за общественную активность, но только Московский Пролеткульт послал меня на первомайскую демонстрацию как одного из представителей его литературной студии, вручив мне специальный пропуск на Красную площадь.

Я устремился туда спозаранку — задолго до начала первомайского торжества. Этим, по-видимому, и объясняется, почему мне удалось очутиться в рядах людей, столпившихся неподалеку от Ленина. Пора была суровая: гражданская война, полчища интервентов, разруха, холод, голод. Но, взглядываясь в лица проходивших колоннами демонстрантов, я понимал: ничто не могло поколебать их боевую решимость отстаять свое социалистическое Отечество. Тем более что Октябрьская буря ширилась. Победа рабочего класса Венгрии, провозглашение в ней власти Советов укрепляли нашу веру в силу международного пролетариата. Мы, молодежь, со своей революционной романтикой горели особым нетерпением. Казалось: утром проснешься и как на ладони увидишь мировую революцию.

И вот я с восторгом смотрю на великого Ленина, открывшего человечеству новый, социалистический мир. И как же он не похож на того абстрактного вождя, которого, поэты-пролеткультовцы, с таким жаром воспевали в своих первых стихотворных строчках!

«Самый человечный человек», наш вождь с живым вниманием следил, как шагают массы людей, восторженными выкриками, сияющими глазами выражавшие благодарную любовь к нему, самому родному из людей. И какая была при этом естественность в выражении его лица, во всем его облике! Глядя на Ленина, так было

неловко за космическую риторику, в которую некоторые наши поэты облакали его образ.

А меня Ленин удивил и растрогал еще, может быть, и потому, что на нем было обыкновенное пальто со скромными бархотками на воротнике, такое же, как у моего дяди, простого человека, портного по профессии.

Кажется, это первое впечатление от встречи с Лениным повлияло впоследствии на один эпизод в моей жизни.

Двадцать третьего апреля 1920 года Московский Пролеткульт, хотя к этому времени наша группа писателей из него вышла, послал меня и поэта Василия Александровского в Московский комитет РКП(б) выступить на торжественном вечере, посвященном пятидесятилетию Ленина. Собрался там актив московской партийной организации, старые большевики, хорошо знавшие В. И. Ленина задолго до Октября. Не знаю, как другие, а мы с Александровским дивились: уже выступило с приветственными речами немало товарищей, а самого юбиляра все еще не было.

Приехал он к концу заседания и, встреченный бурей аплодисментов, произнес речь, в которой прозвучало все его неповторимое своеобразие, скромность, великая партийно-государственная мудрость и заботливость, человечность.

Первыми же словами внес он в юбилейную торжественность живую непринужденность и вместе с нею глубоко серьезную деловитость.

«Товарищи! — сказал он. — Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей».

Говоря далее о блестящих успехах и победах партии, он предостерегал большевиков от зазнайства — положения «глупого, позорного и смешного», призывал их никоим образом не поставить «нашу партию в положение зазнавшейся партии».

Мое первое впечатление, отложившееся тем первомайским утром 1919 года, весь человеческий облик Ленина, его неожиданная для юбилейного вечера речь — все это заронило в меня какую-то еще неосознанную тре-

вогу насчет моего стихотворения. Как ни велика была честь такого выступления, моя настроенность прочитать перед Лениным мои стихи — поколебалась. В них Ленин выглядел каким-то сказочным исполином, совсем несхожим с реальным, только что говорившим с нами человеком.

Я почувствовал вдруг какую-то неодолимую неловкость. Несколько раз принимался шептать про себя начальные строки и, несмотря на искренность чувства, буквально испугался их велеречивого пафоса:

В чем сердце не биенье — бой,
Чье сердце — красное живое знамя,
О, буреvestник мировой,
Бушующий мильонными руками!

А когда я увидел А. М. Горького, нашего великого реалиста, то совсем струхнул и постарался, чтобы организаторы собрания меня среди присутствующих не сыскали.

Потом поступок свой я объяснил в Пролеткульте плохим самочувствием. На меня посмотрели косо: по видимому, тут было не без приводящих обстоятельств.

Дело в том, что В. И. Ленин был крайне недоволен, что руководство Пролеткульта в своих часто чуждых марксизму установках пыталось утвердить Пролеткульт как обособленную организацию, как организацию, якобы призванную создавать пролетарскую культуру на голлом месте — без учета и использования достижений культуры, унаследованной от предшествующих эпох.

Но саму идею и само дело пролетарской культуры, ее одаренных энтузиастов, приходивших в Пролеткульт из бедняцких низов, из рабочих масс, Ленин безусловно поддерживал.

Помимо естественного стремления отдать Владимиру Ильичу дань великого уважения, руководство Пролеткульта послало нас с Александровским на торжественный вечер, может быть, не без расчета: показать, что Пролеткульт не бесплоден, а главное, что его воспитанники действительно творчески работают на Октябрь, на партию. Уклонившись от выступления, я пролеткультовских руководителей, думается, подвел.

Впрочем, с ними мы были не в ладу давно. Заявив о своем уходе из Пролеткульта письмом в «Правду», группа писателей обосновалась при литературном отделе Наркомпроса под непосредственным руководством

самого Луначарского. Анатолий Васильевич, по чьей рекомендации был издан мой первый стихотворный сборник «Рабочий май», не раз и как-то особенно тепло рассказывал нам о Ленине. Не сомневаюсь, что Луначарскому обязан я своей большой радостью: в личной кремлевской библиотеке Владимира Ильича оказался и мой «Рабочий май».

Выпавшее мне великое счастье видеть Ленина так близко, слышать о нем так много, не могло, конечно, пройти без следа в моем творчестве. Спустя много лет я написал стихотворение «Снимок» и лирическую поэму «Великий почин», где в меру своих сил и способностей старался рассказать о Ленине, показать его живой образ.

«Живой Ленин». М.: Художественная литература, 1965.
С. 209—212.

Воспоминания о В. И. Ленине

Вскоре после Февральской революции я был избран председателем Совета рабочих депутатов Должанского горного района, объединявшего в то время шесть-семь тысяч рабочих, и в мае 1917 года делегирован на 1-й Всероссийский съезд Советов в Петрограде. Присутствуя на съезде с мандатом «последователь Л. Н. Толстого», я часто посещал собрания фракции большевиков (другие партии, стоявшие за продолжение войны и поддержку правительства Керенского, меня не привлекали) и однажды имел примерно получасовую беседу с В. И. Лениным и Н. К. Крупской.

После одного собрания фракции большевиков, на котором я присутствовал, я подошел к В. И. Ленину и попросил его осветить мне некоторые вопросы. Владимир Ильич сказал: «У меня, товарищ, нет ни минуты времени, я должен уйти. Если хотите, идемте со мной и по дороге поговорим». Из помещения кадетского корпуса на Васильевском острове, где происходили заседания съезда, я проводил Владимира Ильича и Н. К. Крупскую до Народного дома.

Я спросил В. И. Ленина, каковы перспективы революции в Германии. Революция в этой стране в тот момент мне представлялась наиболее желательным мировым событием, которое могло послужить на пользу нашей революции. Владимир Ильич сказал, что кайзер долго не продержится. В Германии прежде всего ощущается острый недостаток металла. Проезжая через Германию, В. И. Ленин видел, что на железных дорогах снимают рельсы с запасных путей, с тупиков, собирают малейший металлический лом.

Потом я упомянул о том, что газеты кадетов и октябристов так много размазывают клеветы в связи с тем, что В. И. Ленину пришлось по пути в Россию проехать через Германию. Владимир Ильич сказал: «Пусть наши враги пишут об этом, сколько им угодно, а мне необходимо было как можно скорее попасть в Петроград, к ожидавшим меня товарищам — рабочим. Другого пути у меня не было».

Я внимательно прислушивался к словам Ленина, так как за время пребывания на съезде убедился, что человек этот является истинным защитником интересов рабочих и крестьян, хотя в то время я еще почти ничего не знал о политической деятельности Ленина. Я только видел, что выступления Ленина на съезде выслушивались с огромным вниманием, несмотря на то что подавляющее большинство делегатов состояло из эсеров и меньшевиков, которые при выступлении делегатов-большевиков устраивали им настоящую обструкцию.

И Владимир Ильич и Надежда Константиновна произвели на меня глубокое впечатление, оставшееся на всю жизнь, своей сердечной простотой, своим теплым товарищеским отношением к человеку, своей истинной демократичностью.

В октябре 1919 года я приехал с Украины в Москву. Так как из Каменки я бежал в последний момент, когда соседнее село было уже занято деникинцами, все мое «имущество» было брошено в Каменке, и в Москву я приехал, можно сказать, совершенно раздетый и разутый. Дальний родственник приютил меня у себя, снабдил старыми, со своей ноги, сапогами и делил со мной свой скудный паек. По вечерам в его квартире я занимался переводами с английского: переводил Джека Лондона и Эдуарда Карпентера — английского писателя и поэта, друга Уолта Уитмена. Я перевел революционное стихотворение Эд. Карпентера и 6 ноября 1919 года принес его в редакцию «Правды». Секретарь редакции Мария Ильинична Ульянова направила меня к члену редколлегии Н. Л. Мещерякову. Н. Л. Мещеряков и член редколлегии А. Сольц предложили мне прочесть стихотворение вслух. Они похвалили меня за хорошее чтение, одобрили стихотворение, и Н. Л. Мещеряков позвонил в типографию, чтобы узнать, не поздно ли сдать в набор мой перевод для завтрашнего номера. Выпускающий ответил, что еще не поздно.

На другой день, 7 ноября 1919 года, стихотворение Эд. Карпентера в моем переводе появилось в «Правде».

Когда несколько дней спустя я пришел в редакцию за гонораром, Мария Ильинична сообщила мне, что Владимир Ильич заинтересовался неизвестным переводчиком, просил ее подробнее узнать обо мне. Я вкратце рассказал Марии Ильиничне о моем бегстве с юга, о том, в каком тяжелом положении я находился. Внимательно выслушав меня, Мария Ильинична просила зайти на

другой день. Когда я явился в редакцию 12 ноября, она вручила мне записку Владимира Ильича следующего содержания:

«Тт. Енукидзе, Л. Б. Каменеву и Е. Д. Стасовой.

Очень прошу устроить помощь, одежду, квартиру, продовольствие, подателю тов. *Петру Охрименко*.

Если будут трудности того или иного рода при оказании помощи, очень прошу созвониться со мной.

12.XI.1919 г.».

В. Ульянов (Ленин)

С этой запиской я обратился во ВЦИК, к А. С. Енукидзе, и в Моссовет, и мне была оказана помощь, которую я сам свел до минимальных размеров, ни на минуту не забывая о том, что наша молодая Советская республика в то время переживала большие трудности во всем.

Летом 1920 года я работал переводчиком в отделе печати Коминтерна и имел счастье видеть и слышать В. И. Ленина в Кремле на II конгрессе Коминтерна.

С тех пор прошло несколько десятилетий, но воспоминания об этих счастливых днях настолько свежи в моей душе, как будто это было вчера. Сорок с лишним лет я работаю в области художественного перевода, но годы не в силах ослабить во мне чувства невыразимой благодарности великому вождю трудящихся, который при всей своей огромной занятости уделил столько трогательного внимания простому, незнакомому ему человеку, проявил поистине человеческую заботу о его судьбе.

«Живой Ленин». М.: Художественная литература, 1965.
С. 223—226.

А. ЛЕБЕДЕНКО

Не забыть никогда

1

В румынские лесистые Карпаты весть о Февральской революции пришла неожиданно и с опозданием. Не было недостатка в искажении событий и в слухах. Но, как ясное небо над облаками, царила радость. И эта радость на какой-то момент объединила всех — солдат и офицеров, русских и грузин, украинцев и евреев.

Но так продолжалось недолго. Вскоре стало ясно, что разные люди по-разному представляют себе революцию, разного ждут от нее и не расположены мириться с чужим пониманием.

С каждым днем росла острота споров на митингах, труднее становилось вносить в них мир даже самым опытным ораторам.

В мае в дивизионе появился бережно хранимый экземпляр «Окопной правды».

Солдаты узнали имя — Ленин.

2

В мае меня, как члена дивизионного комитета, командировали в Петроград с различными поручениями, главным образом за революционной литературой и письменными принадлежностями для созданной в эти дни дивизионной школы.

И вот Петроград. Я и мой спутник ходим по улицам, едва козыряя необычно улыбающимся навстречу генералам, не становясь им во фронт. С трудом пробиваемся к книжным киоскам Таврического дворца. На улицах, в театрах, в цирке «Модерн» слушаем ораторов различных партий. Бурной волной вливаются в наше сознание противоречивые мысли, мнения, программы. Обмениваемся впечатлениями в молодой жажде правды, в поисках необходимой истины.

У моего товарища — красный солдатский погон, у меня — золотой. На первый взгляд мысли наши текут созвучно рядом. Во многом мы согласны. Но иногда мне кажется, что он таит от меня что-то свое. Ловлю себя на таком же тайном разномыслии.

Мы ходим больше пешком по улицам Петрограда, по его площадям, на которые хлынуло солдатское и матросское море. Заходим в широко распахнувшиеся двери и подъезды дворцов. В Смольном не протолкнуться. В Таврическом, не утихая, шумит разноголосая, в основном рабочая и военная толпа. На Невском, может быть чуя свой конец, бушуют разгулявшиеся дурные военные деньги.

На Выборгской в вечерние часы также шумно, но это шум иной. Здесь как бы вырывается наружу подземный гул. Люди заводских цехов озабочены, взволнованны по-деловому, ходят группами, ищут жен и сестер в очередях у булочных, мясных и зеленных. Повсюду снуют газетчики, выкрикивают вести с фронтов войны, речи думцев, скрытые за громкими фразами, угрозы таврических мудрецов.

Газетная разноголосица с новой силой обрушилась на наши бедные и без того запутавшиеся головы.

3

В эти дни едва ли не самым оживленным местом в Петрограде был треугольник между Петропавловской крепостью, цирком «Модерн» и дворцом Кшесинской. Недаром и сейчас эту площадь зовут площадью Революции.

У нас были дела на Оружейной улице, теперь улице Мира.

У дома графа Витте, прозванного «графом Полусахалинским», кто-то из прохожих сказал:

— Пошли слушать Ленина.

Мы переглянулись и без сговора повернули налево. Нечего было спрашивать дорогу,— налево шло большинство прохожих. Ажурный дворец стал центром революционной мысли и действия.

Здесь впервые я увидел и услышал живого Ленина.

Когда он вышел на балкон, толпа затихла. На тех, кто пытался шуметь, толпа смотрела так, что им лучше всего было незаметно скрыться.

В те дни не было микрофонов, и оратору надо было напрягаться. Но Ленин был не из тех ораторов, которые гонятся за внешним блеском. Ни его наружность, ни слегка картавый голос не способствовали силе первого впечатления. Он понимал, что охватить всю огромную площадь никакой человеческий голос не в силах, и бро-

сал в эту массу людей простые, ясные фразы, основные мысли, не затемненные никакой казуистикой, ораторскими красотами, той словесной шелухой, за которой чаще всего кроется идейная нищета, отсутствие правды.

Я уже не помню, о чем говорил в тот раз Владимир Ильич. Но хорошо помню, что ушел с площади, смущенный несоответствием этой прямой, ясной речи с многоголосым и разноголосым шумом, который подняла над всей страной Февральская революция и который все еще жил и во мне самом — шумно и противоречиво.

После слов Ленина нельзя было не думать. Он ставил перед слушателями вопросы так, что уклониться от ответа перед другими, может быть, и можно было, но перед самим собой — нельзя.

После этого я много раз слышал Ленина в разных местах. Почему-то особенно запомнилось его выступление в железном зале Народного дома. Разговор шел о войне, о земле, о социализме.

В июне я вернулся на фронт. Сперва в Румынии, потом под Минском я видел развал царской армии, нараставшую всенародную ненависть к войне, последние судорожные усилия буржуазии и офицерства что-то сохранить от старого, у многих мучительное пребывание между двумя лагерями. Наконец, демобилизация и опять Петроград. Здесь мне пришлось близко столкнуться по работе с двумя старыми большевиками-ленинцами — М. А. Ческисом и М. И. Калининым.

Никто из них специально не занимался моей работой. Они говорили со мной так, словно я был их единомышленником и как будто иначе и быть не могло.

М. А. Ческис, в то время член ПК, как-то спросил меня, что я читал из работ Ленина. Я ответил, что знаю его только по газетным статьям.

Ческис собрал для меня пачку брошюр. Я не отрываясь прочел их, и передо мной впервые встала стройная система ленинской мысли, вырисовались величественная цель социальной революции и ее историческая необходимость. С тех пор мое поверхностное знакомство с марксизмом в свете событий великого года заменило разрозненные мысли, отголоски прочитанного и услышанного в те бурные дни.

На границах Республики загорались зарницы гражданской войны. М. И. Калинин спросил меня, как я поступаю поступить как военный, как офицер-артиллерист.

Я вступил в партию в Василеостровском районе и вскоре отправился на фронт с артиллерийской батареей.

4

Владимира Ильича я увидел вновь в 1919 году, уже будучи работником «Боевой правды», а затем и «Ленинградской правды».

Это было на Седьмом съезде Советов РСФСР в Москве в декабре 1919 года ¹.

Ректор «Ленинградской правды» Владимир Николаевич Васильевский предложил мне поехать на Седьмой съезд Советов в качестве спецкорреспондента. Подписывая удостоверение, он сказал:

— Побеседуйте с Калининным... А главное — с Владимиром Ильичем. Но это, конечно, вам не удастся.— При этом он посмотрел на меня с усмешкой, которая яено говорила: «Где уж там!»

Я смолчал, но в душе решил — кровь из носу, но говорить с Лениным буду. Я был молод, не было недостатка в темпераменте и решительности.

Но в Москве я с первых шагов понял, что не так-то просто в такие дни добиться разговора с самим Лениным. Угрюмый, озабоченный Аванесов, член ЦК, которому было поручено проведение съезда, посмотрел бы на меня как на сумасшедшего.

Мы, журналисты, получили красные книжечки с правом входа в Большой театр только через один из боковых артистических входов. Пройти из зала в президиум невозможно. Через ров оркестра переброшены три простые доски, и по обе стороны этого шаткого мостика стояли неумолимые часовые — курсанты в пилотках, которые тогда назывались сербскими шапочками. Казалось, только чудо могло помочь мне.

И чудо все-таки свершилось.

В перерыве председательствующий, всероссийский староста Михаил Иванович Калинин, вдруг направился к рампе, вдоль которой я прохаживался внизу в ожидании чуда.

Не так много времени прошло с тех пор, как я встречался с Михаилом Ивановичем чуть ли не каждый день

¹ VII Всероссийский съезд Советов состоялся 5—9 декабря 1919 г. в Москве.

в - Петрограде, где он был председателем Городской унравы. Он узнал меня и спросил, что я здесь делаю. Пока я объяснял ему, мы оба двигались к заветному мостику. Когда Михаил Иванович, видимо желавший сойти в зал, вступил на доски, вступил на доски и я. Часовой замер.

Михаил Иванович протянул мне руку, и я, пожимая ее, стал слегка теснить его назад, в сторону сцены.

— Что такое? Что такое? — говорил в недоумении Михаил Иванович.

Но мы уже были на сцене; тут я откровенно сознался в своих затруднениях и, призывая Михаила Ивановича к петроградскому патриотизму, просил его помочь «Ленинградской правде» и мне.

— С кем же вы хотите говорить?

Я перечислил ряд руководящих работников того времени и прибавил:

— А самое главное — с Владимиром Ильичем.

— Что же, попробуем... — сказал после паузы Михаил Иванович, и мы двинулись с ним к Ленину, который стоял у края стола президиума и беседовал с выступавшими в прениях.

Это был перерыв между концом прений по основному политическому докладу и заключительным словом докладчика ¹. Только по юношескому легкомыслию я мог предполагать, что Ленин, премьер-министр и докладчик, может уделить какое-то время и какую-то долю внимания неведомому юному журналисту.

Но это был Ленин.

В ответ на просьбу Калинина Владимир Ильич сказал:

— Хорошо,—и, обращаясь ко мне, спросил: — Что же вас интересует?

Он отошел со мной далеко в сторону и тут же исчез за кулисами. Я было подумал, что Ленин вообще ушел и для меня потерян. Расстроенный и растерявшийся, я стоял в дальнем углу сцены, не зная, что делать. Но через несколько секунд Ленин появился, неся два стула. Мы сели, начали беседовать.

Это был последний съезд Советов РСФСР, на котором присутствовала официальная оппозиция. Оппозиционеров разместили в бывшей царской ложе, что порождало среди депутатов немало шуток. Помню хорошо, что

¹ С заключительным словом по докладу ВЦИК и Совнаркома В. И. Ленин выступил 6 декабря 1919 г.

здесь были Мартов, Либер, Фрумкина. Остальных помню смутно. Я спросил Владимира Ильича, как представляет он себе будущее оппозиции. Трудно теперь вспомнить точные слова Владимира Ильича, но мысль его приблизительно была следующая. Все зависит от самих оппозиционеров. Если они действительно хотят работать с большинством народных представителей, они должны помочь Советской власти. Но если они будут только вставлять палки в колеса, большинство попросит их не мешать и уйти со сцены.

Беседу прервал звонок председателя.

— Ну-с,— развел руками Владимир Ильич.— Михаил Иванович звонит, ничего не поделаешь.

Я поднялся. Видя мое замешательство, Владимир Ильич сказал:

— Посидите здесь, потом закончим.

Он произнес свое историческое заключительное слово, и его плотным кольцом окружили члены президиума и прорвавшиеся на сцену депутаты.

Весь съезд происходил в замечательные дни, когда денкинские дивизии откатились от Орла и Красная Армия готовилась занять Киев, Полтаву и Харьков.

Я чувствовал себя неуютно. Следовало пробиться к Ильичу, но как это сделать? Момент был, конечно, самый неподходящий.

Я стоял одиноко в стороне, никому не ведомый и не нужный.

Прошло много томительных минут. Я то приближался к столу президиума, то удалялся.

Наконец, когда зал опустел и даже на сцене стало не таклюдно, Владимир Ильич заметил меня. Вероятно, вид мой убедительно свидетельствовал о моих переживаниях. Владимир Ильич вышел из круга, подошел ко мне и несколькими фразами закончил нашу беседу.

Ленин ценил человеческое достоинство, кто бы ни был перед ним. Это он доказал еще раз и во встрече со мною. Не удивительно, что эта встреча запомнилась мне на всю жизнь.

Еще раз я видел Ленина близко. Это было 19 июля 1920 года. В Таврическом дворце состоялось торжественное открытие Второго конгресса Коммунистического Интернационала.

Никогда не забыть эту картину.

Не чопорные фраки, сюртуки, поддевки и священнические рясы думцев, но красочные наряды народов всего земного шара заполнили квадратный зал заседаний. Звучала разноплеменная речь. Люди, прибывшие со всех пяти материков, весело перекликались, знакомились, дружески обнимались, свидетельствуя о небывалом интернациональном торжестве. Из уст в уста передавались рассказы о том, какие трудности лежали на пути делегатов, какие жандармские и пограничные рогатки пришлось им преодолеть. Рассказывали, что кто-то пересек границу в ящике от пианино, другой в бочке. Делегаты Индии здесь встречались с англичанами, арабы с французами, японцы с китайцами.

Я был взволнован этим праздником объединяющегося трудового человечества и написал фельетон, в котором было мало привычных слов из газетных статей и передовиц и множество восклицательных знаков.

Редактор подвел меня к Ленину, и он, конечно не узнав меня, сказал одну простую фразу:

— С чувством написали — это хорошо!

В тот же вечер Владимир Ильич уехал в Москву.

Больше я уже не видел этого замечательного человека, но кто его видел хоть раз, тот уже не забывал никогда.

«Жизнь, не подвластная времени». М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 66—72.

А. СЕРАФИМОВИЧ

Мои встречи с Лениным

В начале революции, в 1918 году я заведовал литературным отделом Наркомпроса¹. В то время старая литература ушла, прежние литераторы ушли со сцены. А новая, пролетарско-революционная литература еще не организовалась. Один только Маяковский выдвигался как советский писатель. Нужно было собирать советски-революционно настроенных писателей. Это была трудная и сложная задача. Владимир Ильич Ленин в высшей степени внимательно относился к этому вопросу.

Однажды он вызвал меня в Совнарком, чтобы я дал отчет, что сделано по собиранию пролетарских писателей, по организации пролетарской литературы.

Прихожу в Кремль.

В громадном зале за длиннейшим столом сидит человек восемьдесят ответственных работников — наркомов, замнаркомов, заведующих управлениями, отделами, комитетами. Много приехавших из разных краев и областей.

Все расположились за столом и вдоль стен на стульях.

Тов[арищ] Ленин председательствовал. Он давал ораторам слово и строго следил, чтобы ораторы не переливали из пустого в порожнее, требовал сжатости и изложения по существу. И ораторы боялись расплываться в многословии. Заседание шло напряженно, сжато и быстро. Тов[арищ] Ленин употреблял многообразные приемы, чтобы сэкономить время.

Стали обсуждать вопрос о бумаге. Мы совершенно сидим без бумаги. А она нужна и Красной Армии, и гражданским учреждениям, и для печатания литературы. Владимир Ильич взял папку, слегка приподнял ее и сказал:

— Вот проект, как упорядочить выработку бумаги, как заставить бумажные фабрики напряженнее рабо-

¹ Автор указывает ошибочную дату; он был назначен на эту должность распоряжением Наркомпроса № 49 от 25 января 1921 г.

тать. Ваше слово, товарищ... Впрочем, подождите минуточку,— обратился он к товарищу, поднявшемуся со своего места ¹. (Он тогда занимался вопросами бумаги.) — Я вас попрошу с автором этого проекта выйти за дверь. Пусть он вам расскажет сущность своего проекта. Если проект дельный — мы сейчас же проведем его без прений. Если ж он пустой — автор проекта пусть сядет под арест на три дня. Даю вам обоим пять минут.

Товарищ Ленин продолжал заседание. А тов. Шведчиков и автор проекта с скукожившимся лицом вышли за дверь. Ровно через пять минут они вернулись. У автора проекта лицо было красное, как вареный рак. Тов[арищ] Ленин сейчас же прервал речь очередного оратора и торопливо обратился к тов[арищу] Шведчикову:

— Ну, как?

— Проект дельный.

— Ага! Ну, прекрасно. Мы его утвердим...

И обратился к секретарю, быстро передавая ему папку.

Заседание продолжалось.

Я был поражен удивительным умением Ленина вести заседание в высшей степени экономно, уплотненно. Я не помню ни одного председателя, который бы так умел это делать.

Тов[арищ] Ленин в высшей степени внимательно слушал речи оратора, а сам в это время успевал перекинуться словом с кем-нибудь из сидящих товарищей. То и дело он писал маленькие записочки товарищам, сидевшим за столом: «Вы неправильно ставите вопрос...» «Надо сделать так-то и так-то». Эти записочки он ловко бросал сидевшим поодаль.

Ночь... Уже два, три, четыре часа непрерывной работы. У всех глаза посоловели. Усталые лица бледны. Тов[арищ] Ленин видит, что нужно дать передышку. Он кладет карандаш, хитро оглядывает сидящих товарищей и говорит, пряча усмешку:

— Я, знаете ли, прошлой осенью поехал в деревню с товарищами отдохнуть. Ну, беседовали мы с крестьянами и крестьянками о деревенской жизни. Чайку попили. Потом пошли поохотиться. Хозяин говорил, что под

¹ Тов. Шведчиков. (Прим. авт.)

самой деревней есть озерцо в камышах, там масса уток. Приходим туда. Сняли башмаки, закатали штаны и полезли в озеро... Топко. Шуршит камыш, из-за него ничего не видно. Высокий.

Мы шлепаем по воде. Ноги уходят выше колена в тину, с усилием вытаскиваем их. Слышим, где-то впереди из камыша вылетают утки и... пропадают — нам из-за камыша их не видно. Мы все болтаемся в тине, с плеском и шумом. Так, должно быть, с час промаялись... «Да ну их к черту, — говорит товарищ... — Этак мы до вечера без толку будем болтаться...»

Насилу вылезли. На берегу собрались ребяташки. Как глянули на нас, давай хохотать и шлепать в ладошки. «Дяденьки, дяденьки, да вы всю тину с озера выгребли».

Мы глянули друг на друга и тоже стали хохотать. Жалко — не было ни художника, ни фотографа. Надо было нас увековечить.

Ленин хитро посмеивается. А зал оглашается хохотом товарищей. Усталости — как не бывало. Блестят у товарищей глаза. Напряженны приготовившиеся к работе лица.

Тов[арищ] Ленин постучал по столу карандашом, и опять началась напряженно-громадная работа по спасению страны от врагов, по строительству.

Как-то вечером в 1920 году¹ тов[арищ] Ленин прислал за мной машину. В Кремле поднимаюсь по лестнице в маленькую квартирку Ленина. За небольшим столом сидит Надежда Константиновна Крупская и сестра Ленина, Марья Ильинична Ульянова. С Марьей Ильиничной мы долго работали вместе в «Правде». Через нее Владимир Ильич давал направление газете. Он указывал на ошибки в ведении газеты и подчеркивал ее хорошие стороны. Это чрезвычайно ободряло редакцию и всех сотрудников.

Вскоре вышел Ильич, подошел ко мне, крепко пожал руку, пригласил за стол. Глядя на меня чуть усмевающимися глазами, он быстро спросил:

— Ну, с кем вы больше встречаетесь — с интеллигентами или с рабочими?

— Да понемногу и с теми и с другими.

¹ Встреча В. И. Ленина и А. С. Серафимовича состоялась в январе 1920 г.

— Да-да-да,— быстро проговорил Владимир Ильич,— вот литературу нужно нам свою организовать. Кого из старых писателей можно привлечь?

— Да ведь как... Много их, да, пожалуй, самых галантливых, враждебно убежало на запад, за границу. Другие — в Харбин, в Японию. Третьи притаились тут у нас, и о них ничего не слышать...

Владимир Ильич на минуту призадумался, потом быстро заговорил:

— Да-да-да... Надо новых писателей создавать, из рабочих, из крестьян. Кружки...

— Кружки у нас есть. Кружки рабкоров, селькоров. Пишут.

— Да-да-да... отлично... Постепенно из них и художники выйдут.

— Рабочие, Владимир Ильич, своими силами стараются культурно выбиться. Вот пришлось мне побывать на Северной дороге на станции Лосиноостровской. Там интересно проявили себя в самодеятельности рабочие. Жил там богатый помещик. У него была скаковая конюшня. Когда пришла революция, он сбежал совсем с лошадьми. Осталась конюшня, заваленная навозом. Рабочим арсенала очень хотелось иметь свой клуб. А здания не было. Выпросили они у местной власти эту конюшню. Им дали. Рабочие выгребли навоз, поделали окна, настлали пол и потолок, потом сделали эстраду, электричество провели, повесили занавес, поделали сами скамьи, кресла. Получился клуб, вроде «Дворянского собрания».

Владимир Ильич заразительно расхохотался. И все приговаривал:

— Да-да-да, совершенно «Дворянское собрание», совершенно «Дворянское собрание».

И в этом радостном смехе, в этом радостном блеске глаз неизъяснимая любовь и гордость за рабочий класс.

И все приговаривал:

— О, рабочий класс все может сделать!.. И из конюшни — «Дворянское собрание».

В начале Великой Октябрьской социалистической революции я с группой товарищей организовал литературно-художественный журнал «Творчество». Владимир Ильич опять внимательно следил за жизнью журнала, за всем тем, что в нем появлялось. В общем, он хорошо относился к журналу. Но однажды сказал:

— Хорошо, что журнал отдает внимание жизни рабочих, и особенно, что сами рабочие там пишут. Но скажите, почему у вас ничего не рассказывается о жизни советской женщины, о крестьянке. Ведь в преобразованном государстве, в социалистическом государстве, она играет громадную роль. Ведь впервые у нас она выходит на широкую общественную арену. Посмотрите, как наши женщины, даже в деревне, рвутся к учебе, к образованию. Пройдет немного лет, и у нас появятся женщины-врачи, женщины-агрономы, женщины-инженеры, женщины-ученые, женщины — государственные деятели. Да-да,— опять проговорил он, думая о своем,— нужно писать о нашей женщине. От них много зависит, как пойдет строительство нашей жизни.

Не было ни одного вопроса общественной жизни, который бы проходил мимо т[оварища] Ленина. Но один из таких вопросов всегда, при всяких выступлениях, по всякому поводу, он особенно подчеркивал — это вопрос о защите отечества.

На партийных собраниях, на комсомольских и на общих больших собраниях рабочих, крестьян и интеллигенции он упорно говорил:

— Готовьтесь к отражению враждебных нападений. Готовьтесь защитить вашу родную страну... Помните, мы окружены со всех сторон враждебными государствами...

Это упорное напоминание глубоко проникло в народные массы,— и нынешняя война ярко показала это: народ, все национальности, по завету Ленина, страстно бьются с подлыми врагами и ломают их¹.

Ленин чрезвычайно внимательно заботился о людях умственного труда — об ученых, о профессорах, изобретателях, инженерах. В те трудные времена он старался всячески возможно лучше устроить их жизнь.

В высшей степени внимательно он относился к жизни и обстановке писателей. Марья Ильинична Ульянова как-то рассказала ему, что я нуждаюсь, живу в сырой квартире. Владимир Ильич сейчас же распорядился отвести мне комнату в Первом Доме Советов и дать мне обед в совнаркомовской столовой. Это чрезвычайно подержало меня.

¹ Воспоминания написаны 25 декабря 1943 г.

В 1918—19 годах рабочие голодали. Ленину часто присылали из деревни мясо, печеный хлеб, овощи, фрукты. Владимир Ильич все это отсылал в детские дома, в больницы. Однажды Марья Ильинична сказала ему:

— Володя, ты бы хоть немного себе оставлял... А то ослабешь, свалишься, не в состоянии будешь работать...

Владимир Ильич ответил:

— Я не могу есть, зная, что рабочие и их дети голодают.

А. С. Серафимович. Сборник неопубликованных произведений и материалов. М.: Гослитиздат, 1958, С. 423—428.

Мне дорога Москва не величием исторической своей седины, а обликом сравнительно недавним. Далек от благообразия любимый лик моей Москвы. Он слишком щетинистый и напряженный, чтобы внешне казаться красивым. Но внутренне прекрасен, как символ моральной силы народа, воплощение упорства человеческой воли.

Именно такой я увидела нашу столицу впервые, когда мне было шестнадцать лет. В молодости неотразимы впечатления именно воинствующей жизни. Из далекой Сибири на очень короткий срок приехала я в Москву 1905 года. Я видела людей несдавшейся революционной Москвы, и этот краткий срок стал значительным этапом моей юности. Рассказать сейчас коротко о нем я не могу, но нерушимо храню благодарную память о встречах и людях, с которыми свела меня тогда судьба.

Когда я в 1920 году, по командировке Челябинского губнаробраза, приехала на курсы и на I Всероссийский съезд по внешкольному образованию¹ в холодную, голодную, окруженную иноземной и белогвардейской блокадой Москву, она была мне уже дорога, как земля обетованная.

На Усачевке, в общежитии, выделенном для нас Социалистической академией народного образования, в доме, занятом убежищем имени неизвестного нам Гензеля для каких-то благородных вдов и старых дев, нам было холодно и голодно.

Из своего скудного питания Академия смогла выделить для нас лишь еще более скудное, абы — ноги не протянуть. По ночам мы разобрали на топку все ближайшие дощатые заборы. Их не хватало, мы мерзли, согревались танцами в самые неурочные ни по времени,

¹ Л. Н. Сейфуллина вспоминает о III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования, состоявшемся 25 февраля 1920 г.

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию состоялся 6—19 мая 1919 г.

ни по душевному нашему настроению часы. Благородные девы и вдовы не допускали нас, чтобы согреть чайник на общей плите, и неустанно пивавили нас слезливым причитанием о прегрешениях Советской власти против них. Когда я вспоминаю об этих «дамах из общества», их назойливые жалобы снова «юзжат» у меня в ушах. Вдовы являлись главным злом нашего трудного быта. Они были злобны и жалки — отвратительное сочетание! Все остальные трудности нашего быта мы преодолевали легко, потому что были счастливы в основном: в своем мироощущении. Перед нами были раскрыты ворота в новый мир, в новое, небывалое на земле Советское, социалистическое государство. И суровая Москва тех лет была его столицей.

В том же году, на Всероссийском съезде по внешкольному образованию, в зале особняка в Малом Харитоньевском переулке, я увидела и услышала Ленина. Было холодно в зале. Особняк не отапливался совсем или очень мало отапливался. Мы сидели в рядах, не сняв верхней одежды. Коллонтай на трибуне стояла в зимних ботах и теплой кофточке. Она — прекрасный оратор. Я больше не слышала ни одной женщины, кроме нее, которая умела бы так заставить свой голос не звучать определенно женскими нотами, хотя говорила она о женской психологии, о средствах раскрепощения личности жен и матерей. А Коллонтай — всегда оратор, никогда — не ораторша. Оттого с предельным вниманием ее слушали люди обоего пола, сидящие в зале.

Но как это случилось, я до сих пор не могу себе объяснить, как вдруг оборвалось это внимание слушателей. Словно внезапно выключили электрический ток. И Коллонтай замялась, оглянулась назад. В дверях, ведущих на возвышение, занятое президиумом съезда, появился небольшого роста человек в черном распахнутом пальто с барашковым воротником, с шапкой в руках. Показался он в дверях на самое короткое мгновение и скрылся из виду. Но в одно мгновение этот небольшого роста человек, как великан, как некая громада, занял собой все вокруг. Вдруг не стало ни аудитории, ни президиума, ни стен барской залы, ни замечательного оратора на трибуне. Один он, его присутствие! Я решительно не помню, как закончила свое выступление Коллонтай, не знаю, каким образом мы все взглянули в дверь на возвышении именно тогда, когда на миг в ней появился Ленин. О том, что он придет и будет говорить

для нас, нам не было известно. Во всяком случае, рядовые участники съезда не знали об этом, но весь зал интуитивно взглянул на дверь с одной общей мыслью: это Ленин. Я даже не помню, была ли овация, когда Ленин вышел уже на трибуну. Или мы не смогли внешним образом шумно проявить огромное наше волнение, или сам он властно пресек радостные наши рукоплескания. Я не помню. Как будто сразу он заговорил, уверенно и просто, с двумя-тремя своими единомышленниками об одинаково интересующем их деле, а не с большой и еще очень разнородной по духу аудиторией внешкольных работников. Эта речь его известна. Я не буду ее цитировать. Какое большое организующее значение имела она для нас в дальнейшей нашей внешкольной работе, вообще для дальнейших путей внешкольного образования в Советской стране, это — тема не для данной странички моих воспоминаний. Ленин говорил, в зале стояла та изумительная тишина, при которой кажется, что и дышит здесь один — тот, который говорит. И смотрели мы на него всепоглощенным зрением, чтобы сохранить его образ в себе, унести с собой навсегда в свою отдельную человеческую жизнь. И слушали так же, чтобы донести в свою жизнь каждое ленинское слово во всей его полноценности. Так слушала Ленина всякая аудитория. Его словам даже враги не сразу находили в себе отпор. Для меня этот день стал жизненным откровением. Он определил мое трудовое место в стране, весь мой дальнейший рабочий путь — внешкольного работника, позднее — литератора...

Л. Н. Сейфуллина. Собр. соч. в 4 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 4. С. 144—146.

Я не думал говорить¹, считая себя недостаточно осведомленным. Я скажу лишь несколько слов о личном взгляде своем. Вчера вместе с Максимом Горьким мы вспоминали слова поэта Тютчева:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Такие роковые минуты мы переживаем и сейчас.

Здесь много молодых лиц, и им непонятно то, как смотрим на вещи мы. Их детство прошло в 1905 году, их молодость совпала с европейской войной, теперь они переживают социалистическую революцию. Но для нас, которые в молодости жили в чеховской России, теперешние события прямо фееричны.

Конечно, мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего. Вот теперь заговорили о возможности сношения с другими планетами, но мало кто из нас надеется там побывать.

Так и русская революция казалась нам такой же далекой. Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же,— это доступно лишь человеку колоссальной мудрости.

И это в Ленине поражает меня больше всего.

Мы знаем, что всякая героизация противоречит мирозерцанию Ленина; все мы учили, что земля движется по орбите, но это не мешает нам, однако, восхищаться восходом солнца утром, закатом его вечером, восторгаться им, когда оно стоит на небе в полдень.

Пройдут поколения, и они будут также восхищаться восходом солнца, также будут изучать и восхищаться образом тов. Ленина.

«Экран», 1928, № 1. С. 5.

¹ Речь, произнесенная на торжественном заседании в Московском Доме печати в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина в апреле 1920 г.

Грозные эпохи исторических переломов рожают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе дорогу и завоевывает право на существование.

Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Подобно какому-то сказочному дереву, пустил он могучие корни глубоко в толщу рабочей массы России, а верхушкой своей упирается в те заоблачные высоты, где нагромождены научные и культурные ценности, собранные человечеством в течение тысячелетий. К ужасу жрецов и хранителей этих ценностей, тащит он их непочтительно и бесцеремонно вниз, к питающим его корни массам, а в обмен — к еще большему ужасу этих священнослужителей — бросает в их тихие лазурные высоты дерзкие и властные требования пролетариата.

Не удивительно, что имя его стало символом освобождения рабочего класса — не только России, не только Европы, но всего мира; не удивительно, что миллионы взоров, мыслей, чувств трудящихся земного шара стремятся в тот уголок Кремля, где эти мысли и чувства миллионов таинственно претворяются умом и волею одного человека в боевые лозунги масс, в путеводные звезды мощных двигателей.

Какая же сила таится в этом одном избраннике и как должны ценить и любить его те, кто признал в нем своего надежного вождя!

Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче — служению делу пролетариата и руководству

им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам.

У Владимира Ильича большой теоретический ум. Главное то, что теория для него никогда не представляла самодовлеющей ценности, как для профессионалов-ученых. Он всегда смотрел на нее, как на способ познания того мира, в котором живет пролетариат, с которым он борется и который стремится перестроить. И в этой тесной связи теоретической мысли с практическими задачами могучего революционного класса и создается та особая острота и меткость мысли Ленина, которая позволяет ему из всякого, с виду самого отвлеченного, положения выковать боевое оружие и поражать им противника. Здесь сказывается та скрытая духовная связь, которая существует между классом и его идеологом и благодаря которой идеолог молодого, восходящего, революционного класса имеет в нем бесконечный источник духовного творчества.

Благодаря этому практическому, глубоко жизненно-му характеру теоретического мышления Ленина, благодаря этой духовной связи с массой он обладает удивительным даром политического предвидения, то есть способностью намечать линию исторического развития на ближайшее время, определять перспективы движения, заглядывать вперед, в «неисповедимые судьбы» будущего. Как сторожевой, стоящий на вышке, он издали замечает приближающиеся события и предупреждает о них своих соратников.

Естественно, что при этом даре исторического предвидения и при глубоком чутье того, чем живет и что думает масса, Владимир Ильич является блестящим политиком-практиком. Он большой мастер схватывать потребности момента в форме какого-нибудь ясного лозунга, бросать в массы простые, понятные задания, которые идут навстречу назревшей сегодняшней нужде. Как опытный кормчий быстрыми, ловкими движениями руля ведет корабль по опасному, усеянному рифами фарватеру, так он этими практическими лозунгами и заданиями руководит стихийным движением масс, зорко наблюдая за тем, как массы отзываются на эти меры и в какой степени отдельные фазы движения соответствуют общим тенденциям и целям. И как только какой-нибудь лозунг не оправдал ожиданий или исполнил свою задачу, корм-

чий так же быстро и умело делает новый поворот руля, бросает новый лозунг, толкая мысль и волю масс под другим углом. И эти смелые повороты руля бывают иногда так неожиданны, что даже близкие сотрудники Ленина стоят озадаченные, не зная, следует ли хлопать или протестовать. К счастью для нас, действительность разбивала всякие сомнения.

Можно подумать, что Владимир Ильич — деспот, схвативший в свои руки рулевое колесо и ни с кем не считающийся. Такое мнение было бы в корне ошибочным. Среди баловней судьбы, которым история давала такую громадную власть не только над людьми, но и — что в тысячу раз важнее — над сердцами людей, не было еще ни одного, который так высоко ставил бы человека в государственной машине. На других людей он смотрит, как на себя: это бывает иногда людям не под силу, ибо он нередко переоценивает их, приписывает им такие же исполинские силы, какими обладает сам, и им горько, что они не могут оправдать его ожиданий. Но он никогда не примет решения, никогда не предпримет шага, пока не убедится, что это не просто его личное мнение, а выражение мнений многих из его соратников. Окружающие его и встречающиеся с ним часто даже не подозревают, как много их коллективных переживаний, их опыта в мыслях и решениях Владимира Ильича. И это умение собирать в себе, как в фокусе вогнутого зеркала, опыт и знания многих и многих и претворять их в своей богатой умственной лаборатории в общие идеи и общие лозунги и составляет его редкую способность.

Но не является ли он в силу этих качеств сухим, тощим политиком, для которого живые люди лишь марионетки или шахматы? И этого нет. Владимир Ильич любит людей, с которыми работает и борется за общие интересы. Он проявляет много нежности и заботливости о них, — той мужской нежности, которая избегает сладких слов и внешних знаков. Но и здесь он верен себе: как только человек покидает свой пост, как только он дезертирует из рядов борцов, он не существует больше для Ленина. Борьба за дело пролетариата в рядах Коммунистической партии — вот то основное, что определяет отношение Ленина к человеку, это та «истина», которая для него выше «друга Платона». И здесь мы вплотную подходим к той основной черте личной этики, которая так характерна и так привлекательна в Ленине.

У него нет общего и частного, нет общественной жизни и личной жизни. Он и в этом выкован из одной глыбы. В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности. Здесь нет места внутренним противоречиям, трагедиям, компромиссам — всему тому наследию мещанства, которое разбило не одну жизнь интеллигента-революционера. И эта цельность ставит Ленина на ту нравственную высоту, до которой даже клевета врагов бессильна подняться.

Дать характеристику Ленина — это значит писать и писать целые тома, ибо так много можно и хочется сказать об этом столь простом и цельном, и в то же время столь разнообразном и сложном человеке. Но сейчас¹ довлеет желание высказать в нескольких строках те чувства преклонения перед величием человека и чувства нежности к товарищу и соратнику, которые испытываем мы все, работавшие и работающие вместе с ним в рядах Коммунистической партии.

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 6—8.

¹ Статья написана в апреле 1920 г. в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина.

М.ОЛЬМИНСКИЙ

Речь, произнесенная на торжественном вечере в честь 50-летия В.И.Ленина

Для меня приглашение высказаться было нечаянно, и потому я прошу не осудить. Т.т., меня просят поделиться воспоминаниями о личности т. Ленина. Я познакомился с ним лет 18 тому назад, когда начался раскол между большевиками и меньшевиками. Но о Ленине была тогда слава как о человеке очень самовластном, стремящемся к самодержавию, отрекающемся от старейших лучших вождей с.-д., всех ругающем и со всеми воюющем. Я по натуре расхлябанный интеллигент. Когда приехал в Женеву, то со страхом думал, как встречу с Лениным, и первое чувство у меня был страх. Потом, когда я немножко познакомился с Вл. Ильичем и Над. Конст., которую, я считаю, нужно упомянуть, так как во все трудные минуты его жизни (громкие, продолжительные аплодисменты), не только трудные, но и хорошие минуты жизни, она всю работу, так сказать черновую, исполняла, она оставляла ему, так сказать, самую чистую работу, а все конспиративные сношения, шифровка, транспорт, сношения с Россией, все вела сама, и поэтому, когда мы говорим, что Ленин — великий организатор, то я добавлю, что Ленин с помощью Над. Константиновны — великий организатор.

Товарищи, достаточно мне было немножко познакомиться с товарищем Лениным, раза два увидеться, чтобы увидеть, что он самый демократический из всех вождей русской демократии, хотя в то время в вопросе организационном демократизм был ругательным словом не только между большевиками, но и между меньшевиками. Когда пришлось мне познакомиться с протоколами II съезда, я сейчас же подметил одну черту, показывающую, что Ленин в действительности борется за демократию и пытается, где только возможно, проводить демократический принцип. Ведь в чем раскол первоначально получился между большевиками и меньшевиками? В вопросе о составе редакции Центрального органа, причем Ленин выдвинул принцип выборности на съезде,

а меньшевики выдвигали лозунг «старейших и лучших», тех, которые были в старой редакции и которые не были выбраны на съезде. И насколько правильно было то, что Ленин демократ по самой своей природе, указывает и то, что тогда была написана одна брошюра, где именно подчеркивалось, что после съезда партия стала на демократический путь организации, и эта брошюра вышла именно от большевиков и была предварительно просмотрена Лениным. Что касается дальнейшего, то сначала казалось, что большевики и меньшевики дерутся из-за пустяков. Бебель, например, писал, что он просмотрел всю литературу этих разногласий и не видит для них решительно никаких поводов и предлагает: «Соберемтесь вместе: Ленин, Плеханов, Мартов и я, поговорим ладком, и все уладится, и никаких большевиков и меньшевиков не будет». Но Ленин видел, конечно, что разногласия идут и пойдут гораздо глубже. Не знаю, как он Бебелю ответил, кажется, он отказался от такого дружеского разговора. Но всегда, когда меньшевики требовали соглашения, он говорил в своей среде, что никакой торговли не нужно. Меньшевики хотят торговаться, чтобы мы им — уступочку, и они нам уступочку, — этот номер не пройдет. Но затем, когда разразились октябрьские дни 1905 года, и в самой рабочей массе началось движение за объединение, за одну социал-демократическую организацию (прежде всего это выставили рабочие Одессы), то сейчас же в газете «Новая жизнь», нашей большевистской газете, этот шаг был приветствован, получил полное одобрение. Ленин признавал объединение рабочей массы, но торги и переторжки между интеллигентскими вождями — это, мол, мои подчиненные, а это твои подчиненные, — он этого не признавал. Партия наша перед тем, как начала издаваться «Искра» под руководством Ленина, переживала период разброда, объединения не было, и нужно было как-нибудь начать это объединение. Что выдвинул товарищ Ленин? Казалось бы так: нужно сходитья, сблизаться понемножку, там кружки между собой договорятся... Но он выдвинул совсем другой лозунг: издание общерусской газеты и лекции профессиональных революционеров; создание организации вокруг этой газеты. Принцип недемократический, но который вполне оправдал себя, принцип военной организации, как он выражался, по типу старой «Народной воли». И дальнейшая история показала, что в этом отношении он был вполне прав, ибо именно для

борьбы за демократию часто этой самой демократии приходится организовываться по военному типу, по-видимому, совсем недемократическому. Каждый рабочий на заводе знает, что если завод управляться будет тысячной массой рабочих и по поводу тысячи вопросов тысячи рабочих будут сходиться и разговаривать, то из этого ничего не выйдет, а должен быть кто-то во главе, который должен управлять чисто фабричной техникой. Так и он был против такого первобытного демократизма, против стадности, против расхлябанности или, как было его любимое словечко, против интеллигентской «хлюпкости». У него есть хорошие словечки, которые навсегда запоминаются. Вот «хлюпкий интеллигент», «хлюпкость». Все мы интеллигенты действительно хлюпки, кроме товарища Ленина и некоторых других.

Впоследствии из эпохи уже революционной мы могли тысячу раз убедиться, что Ленин может выступать в определенное время, отстаивая принцип как будто антидемократический, но почему? — потому, что это нужно для спасения демократии. В будущем, когда кончится борьба, возможна будет демократия, а теперь, когда со всех сторон окружают враги человеческие и враги нечеловеческие — экономическая разруха, нет никакой возможности в полной мере применять демократический принцип. Но даже и в этот период, товарищи, я часто удивлялся терпению и демократизму товарища Ленина. Я вспоминаю 1918 год, конец 1918-го, кажется, это перед VIII съездом. В 1917 году масса партийных товарищей, особенно новых, немножко увлекающихся, приняла по отношению к среднему крестьянству не совсем правильную линию, которая была исправлена VIII съездом партии. И если вы почитаете отчеты о выступлениях тов. Ленина за это время, то вы увидите, что он никакой власти не применял, никакого своего авторитета не выдвигал, но с удивительным терпением повторял тысячу раз на митингах, в газете «Правда» и везде и действовал только путем убеждения. Точно так же в вопросе о единоличном или коллегиальном управлении. Посмотрите за эту зиму газеты, его речи, — опять удивительное терпение, с которым он старается убедить, чтобы все массы, по возможности, прониклись той мыслью, которая является для данного времени самой правильной. Чтобы окончить, я отмечу еще одну черту т. Ленина. Т. Горький говорил о том внимании, которое т. Ленин оказывает товарищам. Можно подумать, что это т. Горькому он

особое внимание оказывал. Но это не так. Он, как товарищ вообще, редко отзывчивый человек. И еще в нем есть черта, которую я наблюдал. Извиняюсь, мне приходится все говорить о себе. Иной раз я с ним по-товарищески ругался. Но я никогда не видал со стороны т. Ленина, чтобы он придавал значение тому, что его в разговоре или письме уязвишь резким словом. Он брал из разговоров или из писем только то, что касалось политики, а всякие резкости для него не существовали. Еще одно. Старая «Правда», например, держалась Лениным и петроградским пролетариатом. Она начала выходить в 1912 году и выходила до самой войны, до 1914 года. Интеллигенция вся тогда ушла от революции, кроме отдельных старых людей, которым приходилось прятаться. Была все больше молодежь там, и вот Ленин к каждому номеру почти посылал по несколько статей. Молодежь смотрела так, что если статья поступила в редакцию, то редакция может с ней сделать все, что хочет, и самым безбожным образом исправляла эти статьи. Ни один писатель не выдержал бы такой вивисекции. Ленин это выносил. И только один раз получил от него письмо, где он писал: ну, товарищи, при таких условиях невозможно работать. Это случилось так, что долгое время его статьи не появлялись. Он спросил, почему, а редакция ответила: не появляются потому, что их некогда читать в рукописях. Но следующая же почта принесла новые статьи т. Ленина. Я приведу еще пример т. Каменева. Я жил тогда в Париже и писал, что я буду нумеровать свои статьи и, может быть, он вспомнит, что из 15 статей только одна или две были напечатаны, а 13 статей были в корзинку брошены.

Представьте себе, что должен был переживать Каменев: старается, работает, пишет, а в печати не появляется. И я не думаю, что обижу Каменева, если скажу, что в его долготерпении и сказалось влияние тов. Ленина, который сам никогда не имел мелочного самолюбия. Это влияние сказалось и на Каменеве, и на Зиновьеве. На этом я кончаю, чтобы не утруждать вашего внимания.

«50-летие Владимира Ильича
Ульянова-Ленина». Госиздат,
1920. С. 22—27.

АНТОНИН ЗАПОТОЦКИЙ

Воспоминания о Ленине

Э то было после первой мировой войны, летом 1920 года. Европа еще сотрясалась от революционных бурь, вызванных войной. На развалинах распавшихся государств создавались и формировались новые государства. На месте старой царской России, на одной шестой части света, вырастала Советская Социалистическая Республика. Распадалась и старая Австро-Венгрия, а на ее территории вырастали новые государства. Среди них была и Чехословакия. Новые государства не только создавались, но и искали для себя новых форм. Эти поиски часто были предметом многочисленных дебатов и борьбы. В этой борьбе сталкивались не только отдельные политические партии, но и целые классы общества. Новое рождалось и росло, старое разрушалось. Поэтому в Европе было неспокойно. Непокойно было в России, неспокойно было у нас.

В Москве был созван всемирный конгресс III, Коммунистического Интернационала. Я был послан на конгресс как делегат левой оппозиции, которая образовалась в недрах социал-демократической партии Чехословакии. Наиболее сильной была оппозиция в Кладно. Красное Кладно и послало меня на конгресс. Я поехал. Тогда это был нелегкий путь. В Польше была война... Нужно было ехать через Германию. Из Германии — паромом в эстонский Ревель, оттуда — в латышскую Ригу. Из Риги — в Петроград и Москву. Всюду остановки и препятствия. Наконец я добрался до Москвы, но со значительным опозданием. Конгресс был уже открыт. Заседания проходили в Андреевском зале Кремля в Москве.

Был перерыв заседания, когда я вошел в зал, и здесь я впервые увидел Ленина. На ступеньках трибуны президиума сидел небольшой, на первый взгляд ничем не примечательный человек. На его коленях лежал раскрытый блокнот, в который он быстро что-то записывал. Я остановился, как останавливались многие делегаты. Никто не осмеливался ему помешать. Так вот он — Ле-

нин! Вот тот, чье имя в последние три года так пугает капиталистическую Европу.

Пугает по праву. Только теперь это обнаруживается со всей ясностью. Но если Ленин при жизни наводил страх на капиталистов, то еще больше он пугает их сейчас! Ленин умер, а ленинизм живет. Правильное понимание Ленина и ленинизма означало конец капиталистического строя во многих странах и привело трудящийся народ на путь свободы и социализма.

В 1920 году многие этому еще не верили. Не верили, быть может, и многие из тех, кто в перерывах заседаний конгресса Коммунистического Интернационала стоял перед Лениным, сидевшим на ступеньках трибуны. Не верили многие из тех, кто принял участие в конгрессе и с кем В. И. Ленин с ораторской трибуны дискутировал и полемизировал по своим заметкам, сделанным в блокноте. И среди нескольких моих товарищей, делегатов из Чехословакии, как оказалось позднее, были неверящие. Но поверили миллионы трудящихся. И они не только поверили, но и действовали так, как учил Ленин. Тогда, на конгрессе Коммунистического Интернационала, после первой встречи с Лениным, я прочно встал в ряды верящих. Никогда я об этом не жалел.

На конгрессе я имел возможность лично говорить с товарищем Лениным. В один из июльских дней я пришел в гостиницу, и мне сообщили, что я должен идти в Кремль к товарищу Ленину, который пригласил к себе чешских делегатов¹. Это приглашение вызвало волнение. Мы, чехословацкие делегаты, вдруг стали объектом внимания. Многие делегаты других стран, несомненно, завидовали нам. А я растерялся. Как и о чем буду я говорить с Лениным? Я, рядовой работник социал-демократической партии из угольного Кладно! Да и что вообще может интересовать Ленина в нашей маленькой Чехословакии?

Так думал я даже в прихожей рабочего кабинета Ленина. Однако все мои опасения оказались напрасными. Ленин знал о нас многое. Прежде всего оказалось, что он понимает чешскую речь. И мы тоже понимали русский язык, хотя говорить не умели. Выяснилось, что переводчик не нужен. Ленин знал Прагу. Он был там

¹ В. И. Ленин принимал А. Запотоцкого и других чешских делегатов 18 августа 1920 года (Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 9. С. 192).

на нелегальной конференции русской большевистской партии в 1912 году.

Беседу он начал вопросом, который наверняка ни одного чеха не привел бы в замешательство. Он спросил, едят ли еще в Чехии кнедлики со сливами. Он помнил об этом любимом чешском блюде еще со времени своего пребывания в Праге. Само собой разумеется, что после такого вступления беседа протекала совершенно подружески даже тогда, когда мы касались политических вопросов. Ленин интересовался Чехословакией. На большой карте он с наших слов очертил синим карандашом ее новые границы. Разговор перешел на Подкарпатскую Русь, затем его заинтересовало наше отношение к Венгрии (это было после падения Венгерской коммуны); был поднят целый ряд других политических вопросов. Особенно интересовался товарищ Ленин венгерской проблемой. Он хотел иметь как можно более подробную информацию о ней. При этом он очень интересно объяснил свое внимание к проблемам Венгрии.

«У нас здесь много товарищей из венгерской эмиграции. Но я хочу знать ваше мнение. Я слишком хорошо — по собственному опыту — знаю, что эмигранты очень часто изображают отношения в своей стране такими, какими они их желали бы видеть, но не такими, какими они в действительности являются».

Вот так говорил Ленин. Просто, понятно, но в каждой фразе ты чувствовал большую правду, жизненный опыт и необычные знания. Благодаря этой убеждающей силе, исходящей из внутренней правды, Ленин и ленинизм победили.

Победили на одной шестой части света и совершают свое триумфальное шествие в другие части света.

Ленин умер — ленинизм будет вечно жить, и с ним — живое воспоминание о товарище Ленине.

«О Ленине. Воспоминания зарубежных современников». М.: Госполитиздат, 1966. С. 320—322.

1

В самом начале 1919 года в Москве я увидел впервые Ленина. Поправившись от тяжелой раны после покушения контрреволюции на его жизнь, Ленин начал выходить.

В Наркомпросе, в здании бывшего лица, у Крымского моста, Ленин ожидал Надежду Константиновну Крупскую. Он был в шубе, без шапки и прохаживался в узком пространстве вестибюля, между парадной дверью и лестницей, где сидел у столика швейцар.

Сверху так хорошо была видна голова Ленина — большая, необычная, запоминавшаяся с первого взгляда. Завитушки светлых желтых волос лежали на меховом воротнике. Взмах лба, темя и затылок были странно преобладающими во всем облике, который и другими чертами не повторял никого из знакомых живых образов истории или современности, а принадлежал только этому человеку — Ленину. Держа за спиною шапку, он методично, маленькими шажками, двигался взад и вперед, очень сосредоточенно, не нарушая размеренность этого движения и только изредка поднимая взгляд.

Хотя занятия давно кончились и в доме оставалось мало служащих, по комнатам быстро разлетелся слух, что за Надеждой Константиновной заехал Ленин. Помню, как прибегали машинистки из отделов — посмотреть на Ленина, перевешивались через балюстраду и убежали, если он поднимал голову.

То, что Ленин прохаживался возле швейцара, который возился с кипятком, и то, что кругом запросто появлялись и исчезали переполненные палящим человеческим любопытством служащие, оставило во мне первое покоряющее впечатление о Ленине как о человеке совершенно доступном, непринужденном и ярком своей мужественной простотой.

2

В июле 1920 года в Петрограде открылся II конгресс Коммунистического Интернационала.

В зал Дворца Урицкого Ленин вошел во главе груп-

пы разноплеменных делегатов конгресса. Навстречу ему тронулся и пополз, все поглощая своим грохотом, обвал рукоплесканий. В этот момент со всех сторон внесли в зал корзины с красными гвоздиками и стали раздавать цветы делегатам.

Ленин прошел поспешно через весь зал, наклонив вперед голову, словно рассекая ею встречный поток воздуха и как будто стараясь скорее скрыться из виду, чтобы приостановить аплодирование. Он поднялся на скамьи президиума, и, пока длилась овацья, его не было видно.

Когда стихло, он неожиданно опять появился в зале и очень быстро стал подыматься вверх между скамей амфитеатра. Его не сразу заметили, но, едва заметили, опять начали аплодировать и заполнять проход, по которому он почти взбегал. Он поравнялся с каким-то стариком и, весело улыбаясь, протянул ему руки. Не знаю, что это был за старик. Судя по тому, как степенно и даже важно он поздоровался с Лениным,— его добрый знакомый из крестьян.

Ленину пришлось вынести третью и, пожалуй, самую восторженную, подавляющую овацью, когда он ступил для доклада на трибуну. Он долго перебирал бумажки на кафедре, потом, подняв руку, тряс ею, чтобы уgomонить разбушевавшийся зал. Укоризненно и строго поглядывая он по сторонам, вдруг вынул часы, стал показывать их аудитории, сердито постукивая пальцем по циферблату,— ничто не помогало. Тогда он опять принялся пересматривать, перебирать бумажки. Гул аплодисментов улегся не скоро.

Ленин-оратор обладал полной слитностью жеста со словом. Содержание речи передавалось пластично, всем телом. Казалось, что расплавленный металл влит в податливую форму, настолько точно внешнее движение сопутствовало слову и так бурно протекала передача огненного смысла речи. Ленин часто глядел в свои записки и много называл цифр, но ни на одну минуту он не делался от этого монотонным профессором, оставаясь все время великим трибуном.

Когда он спросил у зала: почему создалось во всем свете «беспокойство», как выражается деликатное буржуазное правительство Англии,— все его тело иронически изобразило это неудобное, щекотливое для буржуазии «беспокойство», и мировая политика на глазах у всех превратилась в разящий саркастический образ.

Со мною рядом, в ложе для журналистов, сидел художник. Ощупывая цепкими глазами фигуру Ленина, он силился перенести ее жизнь на бумагу. Но жест, но движения Ленина оставались непойманными. Художник пересел на другое место. Потом я его видел на третьем, на четвертом. Объективы фотокамер и кино вместе с художниками ловили неуловимого живого Ленина.

После заседания Ленин вышел из дворца в толпе делегатов, вместе с Горьким. Тут, при выходе, фотограф снял их, и отсюда — знаменитый портрет: Ленин и Горький у колонны дворца.

3

День был сверкающе синим. Над головами несли трехметровый венок из дубовых веток и красных роз, чтобы на площади Жертв Революции¹ возложить его на могилы тех, чья жизнь была непреклонной в бурях — как дуб, прекрасной — как цветение розы.

Ленин шел впереди с делегатами конгресса. Рядом с ним все время сменялись люди — иностранцы, русские, старые и молодые.

Он шел без пальто, расстегнув пиджак, закладывая руки то за спину, то в брючные карманы. Было похоже, что он — не на улице, среди тяжелых, огромных строений, а в обжитой комнате, может быть у себя дома: ровно ничего не находил он чрезвычайного в массе, окружавшей его, и легко, свободно чувствовал себя во всеобщем неудержимом тяготении к нему людей.

В этом шествии Ленин замечательно разговаривал с одним человеком.

Но тут — короткое отступление. В Петроград приехал немец, который три дня возглавлял «независимую» республику в Брауншвейге, раздавленную затем Носке. Я встретился с ним во Дворце труда. С балкона мы глядели на площадь, суровую, хранившую следы недавней героической обороны Петрограда от Юденича.

Брауншвейгец волновался по поводу советского порядка распределения товаров. Горбатый, он вдруг воздел длинные руки над головой и с отчаянной тоскою обвел глазами всю площадь.

— Но почему же у вас закрыты мелочные лавки? Если у меня оторвется пуговица, где я ее куплю?!

¹ На Мясном поле.

По профессии этот брауншвейгский республиканец был портным...

И вот в числе разговаривавших с Лениным по дороге к площади Жертв Революции оказался этот брауншвейгец.

Ленин наклонил голову набок, чтобы лучше слышать низенького собеседника. Сначала Ленин был серьезен. Потом заулыбался, прищурился, коротко подергивая головой. Потом отшатнулся, обрывисто махнул рукой с тем выражением, которым говорится: чушь, чушь! Брауншвейгец, жестикулируя, продолжал что-то доказывать. Ленин взял его за локоть и сказал две-три фразы — краткие и какие-то окончательные, бесповоротные. Но брауншвейгец яростно возражал. Тогда вдруг Ленин легко хлопнул его по плечу, засунул пальцы за проймы жилета и стал смеяться, смеяться, раскачиваясь на ходу, прибавляя шаг и уже не оглядываясь на рассмеявшегося его человека.

Не о пуговице ли заговорил неудачливый брауншвейгец? Возможно, конечно.

Эта сцена, длившаяся всего две-три минуты, дала мне случай увидеть веселого, от души хохочущего Ленина, наблюдать его манеру жизненного спора — с быстрыми переменами выражения лица, с лукаво прищуренным глазом, с чередованием жестов, полных значения, страсти и воли...

Из этих трех мгновений, драгоценных для меня, запечатлелся в моем воображении и в сердце гениальный, вечно живой Ленин.

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1984.
Т. 4. С. 230—233.

С.ВИНОГРАДСКАЯ

Однажды на концерте Шляпина

В тот летний день двадцатого года концерт Шляпина начинался в шесть часов. Он был организован для московских рабочих, общественных и партийных организаций столицы.

В толпе, струившейся между колоннами Большого театра, было очень много степенных, уже в летах, людей. Они шагали с Крестьянской заставы, Симоновки, Тюфелевой роши...

Шли пешком по пятнадцати верст в один конец, чтобы побывать в театре. Самым ревностным посетителем театра тех трудных, голодных, героических лет был пролетариат московских окраин.

Партер и роскошные ложи Большого заполняли люди, хорошо знакомые между собой по партийной работе в районах Москвы, по труду на фабриках, заводах, железнодорожных мастерских... Здесь встречались бывшие подпольщики, эмигранты, участники боев 1905 и 1917 годов.

Партер уже чернел от голов. Шесть часов. Вот-вот начнется концерт. Но тишина не наступала. Гул все нарастал. Вдруг в разных концах многоярусного зала взметнулись какие-то выкрики. А люди в ложах, наклоняясь друг к другу, что-то спрашивали и глазами искали кого-то внизу, за барьерами лож.

Кто-то сказал: «Ленин в театре!» — и показал кивком головы, движением глаз: «Вот там!»

Внизу, в шестом ряду, ближе к среднему проходу партера, я увидела Ленина. Он сидел в спокойной, свободной позе ожидания, откинувшись плечом к спинке кресла, чуть подавшись головой в сторону, и слушал, что говорил его сосед. Эта поза терпеливого, казалось, безмятежного зрителя, ожидающего начала концерта, так не вязалась с представлением о Ленине!

Как только народ увидел в партере Ленина, все вокруг пришло в движение.

Между тем огни в зале погасли. Только над пустым пюпитром дирижера почему-то горела лампочка. Сверху, из лож, видно: Ленин все ближе наклоняет го-

лову к сидящему рядом и о чем-то с ним переговаривается.

— С кем он? — раздавались вопросы, — кто рядом с Ильичем?

— Это — Беленький. Тот, который охраняет Ленина после ранения...

...Когда дрогнул тяжелый занавес Большого и обе его половины, тяжело колыхаясь и свертываясь на ходу, разошлись, в театре кричали:

— Ле-е-е-нин!

— Ле-е-е-нин!

Выкрики множились, росли. Все новые голоса вступали в невероятный хор приветствий. По всему залу, этой гигантской коробке с вызолоченными ярусами и пурпурными барьерами, гремело:

— Ле-е-е-нин! Ле-е-е-нин!

А Ленин не оглядывался по сторонам. Он все больше вбирал голову в плечи и что-то настойчиво говорил Беленькому.

Занавес между тем застыл, открыв пустую сцену, ровно освещенную невидимыми лампами. В проходе между левыми кулисами, где стоял рояль, я увидела высокую черную фигуру с ослепляющей белой грудью и белым лицом.

На сцену выходил Шаляпин.

Вот он миновал последнюю кулису, вот занес ногу, чтобы сделать еще один, последний шаг, который выведет его на сцену. И вдруг отступил, стремительно подался назад, словно его отбросило ударом. Это звуковая волна: «Ле-е-е-ни-и-ин!» — достигла певца.

И в тот же миг четвертое кресло в шестом ряду партера оказалось пустым. Беленький покинул свое место. Ленин тоже встал и, наклонив голову, подняв плечи, пошел вслед за Беленьким.

Они шли по проходу, разделявшему партер, но не назад к выходу из зала, а вперед. Теперь их фигуры были освещены светом, падавшим со сцены. Ряды партера, мимо которых они проходили, поднимались, дыбились. По залу катился шквал оваций. Он низвергался и сверху, с необъятных ярусов. Два человека — Ленин позади, его спутник впереди — стремительно уходили от этого шквала вперед к сцене.

Вот оба подошли к барьеру, вот повернули направо и пошли вдоль первого ряда. Сидящим в правых ложах стал виден ленинский профиль, затем все лицо. Ленин

шел, опустив свою большую светлую голову, стремительный, весь, плечами и грудью, подавшись вперед, словно от ветра или вихря, дувшего в спину.

Но то был не ветер, не вихрь, а ураган, подлинный ураган приветствий, аплодисментов, криков, оваций, восторга, любви...

Этот ураган чувств колыхал и раскачивал две с лишним тысячи людей.

Между тем Беленький достиг дверцы, ведущей в оркестр, открыл ее, пропустил Ленина и спустился вслед за ним по маленькой лесенке. Ленин прошел между пустыми пюпитрами. Последний раз мелькнул его затылок, и Ленин исчез.

— Ушел! Перешел на другое место. Укрылся от оваций. Наверно, в ложу...— говорили все.

Шквал: «Ле-е-е-ни-и-ин!» — бушевавший с такой силой, стал стихать, по мере того как Ленин уходил. Вот замерла последняя волна.

На сцене появился Шаляпин. Он пел для народа, свершившего революцию. Пел все лучшее. Пел самое любимое.

Под конец пел Шаляпин «Улицу». В соседней ложе пожилой рабочий с длинными рожками седых усов, слушая эту надрывную песню про улицу широкую да жизнь одинокую, вдруг зарыдал...

Концерт окончился. Но народ не расходился. Шаляпина со сцены не отпускали.

— «Дубинушку!» — раздалось в одном конце зала, и тотчас, словно подан был сигнал, понеслось отовсюду: «Дубинушку!» Просим «Дубинушку!»

— Товарищ Шаляпин! — неожиданно взлетел к ярусам высокий женский голос.— Женщина-пролетарка требует «Дубинушку!»

Театр захохотал, закричал, захолопал:

— Даешь «Дубинушку!» Федор, даешь!

Шаляпин вышел на авансцену. И когда все стихло, певец обратился к залу:

— Ну что ж, спою. Но,— он поднял красивую, длинную белую руку, далеко высунувшуюся из крахмальной манжеты,— выговариваю условие: я буду петь, а вы мне подтягивайте. Чтобы весь зал...— Шаляпин вывернул руку ладонью вверх, слегка согнул длинные пальцы, чуть собрал их вместе и повел руку к груди, словно стянул к себе голоса двух тысяч человек. Так ямщик натягивает в руке вожжи.

— Подтянем! Согласны! — хором отвечал театр.—
Подтянем! Ухнем!

Шаляпин чуть отступил, словно для разбега, для броска вперед, запрокинул отчаянно-удало свою красивую голову, прикрыл глаза и затянул песню — широкую, мощную, буйную.

А народ в театре встал от партера до самых верхних ярусов и, стоя, подтягивал певцу:

Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!

Шаляпин вытянул последнюю ноту тончайшей нитью, такой тонкой, такой высокой, что, казалось, она не кончилась, не оборвалась, а истаяла в воздухе.

* * *

А на следующее утро в редакции «Правды», где я работала, я рассказала секретарю редакции Марии Ильиничне, младшей сестре Ильича, что произошло на концерте, как Владимир Ильич спрятался куда-то от оваций...

— Никуда он не спрятался! — перебила меня Мария Ильинична и мрачно добавила: — Он ушел, совсем ушел. Так Шаляпина и не слушал.

— Зачем же было уходить! Ведь Владимир Ильич так любит музыку!

— Вот именно! Владимир Ильич так любит музыку! Ему так редко удается послушать музыку! — с горечью выговаривала Мария Ильинична. — Ведь так трудно было ему выбраться на этот концерт! Чего это ему стоило! Даже одно заседание отложил на три часа. И сам указал место, где хочет сидеть. Сам... — Мария Ильинична не закончила фразу, махнула рукой. — Не дали послушать...

И вдруг, когда мы уже углубились в работу, она вспылила:

— Ильич вернулся домой взбешенный. «Наша публика, — сказал он, — совершенно не умеет вести себя в концерте. Идут слушать Шаляпина, а устраивают овации Ленину! Какое неуважение к артисту! Луначарскому надо заняться воспитанием публики. Это тем более все недопустимо, что на концерте были наши товарищи, партийцы, сознательные рабочие».

Великое напутствие¹

Во многих подробностях вспоминается мне знаменательный день истории комсомола — день открытия III съезда РКСМ.

Это было 2 октября 1920 года.

Холодные сумерки спускались на Москву, хмурую, суровую.

На дверях Лоскутной гостиницы (возле Охотного ряда) — листовки, постановления о борьбе с разрухой, об угрозе сыпнотифозных заболеваний.

А на улице — толпы молодежи, шагающей бодро, весело, с громким разговором, а то и с песней.

Группа делегатов съезда поднималась вверх по Тверской улице. Многие заранее переходили на правую сторону, прыгая через ямы и рытвины узкой булыжной мостовой, загромажденной к тому же трамвайными путями... Такой была тогда нынешняя улица Горького.

У площади Моссовета среди делегатов — вихрастый парень в кожаной тужурке. Размахивая шапкой-ушанкой, он резким голосом очень выразительно читает стихотворение Демьяна Бедного:

— Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!

Двигаясь дальше по разбитому тротуару, мы останавливались у магазинных витрин, обращенных в витрины плакатов. Плакаты в прозе и стихах призывали громить Врангеля, гнать интервентов из Белоруссии.

«ЗАПИСАЛСЯ ЛИ ТЫ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?» —

спрашивал каждого из нас красный воин с яркого плаката.

¹ Текст воспоминаний, ранее публиковавшийся под названием «Ленин в гостях у комсомольцев», заново просмотрен автором, внесены дополнения и поправки в 1969 г.

На этот законный вопрос мы собирались дать достойный ответ на самом съезде. Так уж полагалось в то время в комсомоле. У площади Пушкина кто-то запел «Смело, товарищи, в ногу». А на повороте на Малую Дмитровку (ныне улица Чехова) был затеян лихой пляс, по ходу которого звучали слова самодеятельного припева к переделанной песне «Вдоль да по речке»:

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей дьякон и дьячок,
Пономарь Сергеевич,
И звонарь Сергеевич.
Вся деревня Сергеевна,
И Матрена Сергеевна —
Разгова-а-ривают.

Весь комсомол пел и такого рода нехитрые песенные сочинения. Пели и мы, будущие поэты-песенники комсомольские. Песня была спутницей комсомола всегда: и в дни радостей, и в дни горестей. Холодно было, голодно, а мы пели, предпочитая то, что повеселей. Это свойство юности, смотрящей вперед. Недаром говорилось в частушке:

Нам, солдатам Ленина,
Унывать не велено.

У самых дверей дома № 6, где собирался наш съезд, во время большого затора при проверке документов неунывающий балтийский матрос поднялся на какое-то возвышение и на всю улицу прогорланил отрывок из «Левого марша» Маяковского:

Там,
за горами горя
солнечный край непечатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!

Комсомолец в стеганой ватной кацавейке, должно быть, делегат из хлебных краев, демонстративно вынул из сумки порядочную краюху хлеба и вручил ее матросу.

Матрос расцеловал щедрого товарища:

— Спасибо, браток! Это будет лакомством для всей нашей делегации...

Кто-то сострил под общий смех:

— Это пока не солнечный край, но непечатый!..

Зал был переполнен.

После выборов президиума начались приветствия. О комсомоле не так уж много было известно тогда. И приветствия в его адрес были малочисленны. Комсомольцам приходилось самим восполнять этот «пробел».

Мы от души приветствовали друг друга, т. е. делегация делегацию. Украинцы приветствовали москвичей. Следовал ответ. Потом уральцы передавали поклон питерцам, сибиряки — белоруссам, делегаты Средней Азии — делегатам Поволжья.

И во всех приветствиях неизменно звучали здравицы в честь партии рабочего класса, в верности которой комсомол давал клятву с первых шагов своих. Сердца революционной молодежи, взволнованные великой октябрьской грозой, полны были прекрасных надежд на будущее. Но любая надежда и любая мечта нашей юности опиралась на силу предвидения и мудрость Коммунистической партии.

Разум партии, основанной Лениным, — вот светоч, без которого самые благие наши порывы были бы бесплодными. Нам пришлось бы блуждать в потемках, сбиваться с верной дороги...

Жаркую речь на эту тему произнес белокурый паренек от имени, кажется, смоленской делегации.

Аплодисменты, раздавшиеся в середине этой речи, вдруг резко усилились и превратились в долгую овацию. Тут уж смоленский паренек был ни при чем. Он понял это и тихо покинул трибуну. А может быть, он увидел Ленина, подошедшего к столу президиума. Из первых рядов зала мы хорошо рассмотрели его. Он вошел в распахнутом осеннем пальто с узким бархатным воротником, в кепке. Снял пальто и кепку, положил их на стул, а сам сел на соседний стул с краю за столом. Поговорил немного с кем-то из президиума и наклонился над книгой или над бумагами.

Известная картина художника Б. Иогансона и его учеников имеет одну погрешность. На ней неподалеку от стола президиума изображен черный блестяще-полированный рояль. На самом деле никакого рояля не было и не могло быть. Странно это для 1920 года; стояли там, чуть позади Ленина, конторские столики для секретарей, приготовившихся вести записи выступлений.

Стенографисток почему-то не было. Сцена была

украшена двумя портретами: Маркса и Энгельса. Зал освещен был довольно тускло. Неудивительно, что десятки комсомольцев из задних рядов ринулись по проходам к сцене, чтоб вблизи увидеть Владимира Ильича. Удивительным было другое: многие, и я в том числе, вскоре смогли оказаться на сцене. А некоторые — даже рядом с Лениным.

Он в эти минуты сосредоточенно продолжал свои занятия. Казалось, что ни оваций, ни криков «ура!» не слышит Ильич и, к счастью для нас, не замечает явного беспорядка, учиненного нами, самовольно перекочевавшими из зала на сцену. Проступок этот свершен был как-то стихийно. И свершен он, конечно, не потому, что в зале было тесновато, а на сцене достаточно свободно-го места. Владимир Ильич поднял голову и, улыбаясь, медленно обвел взглядом всех нас, непрошенных гостей президиума.

Потом он снова принялся за прерванное занятие. Чем же был занят Ильич за несколько минут до начала своего выступления? К нашему удивлению, он рисовал. И нарисовал он дом с крышей, с трубой и с вывеской «Школа».

Разумеется, никому из нас не пришло в голову, что тема этого рисунка может иметь какое-либо отношение к теме ленинской речи. Комсомольцы той поры не могли интересоваться таким учреждением, как школа. Шла гражданская война. Вместе с билетом члена РКСМ почти каждый комсомолец получал тогда винтовку. Достигшие 16-летнего возраста отправлялись на фронт, а те, кто помоложе, рядом с коммунистами действовали винтовкой в тылу: участвовали в борьбе с контрреволюцией, с бандитизмом, с нарушителями революционного порядка. О школе тут некогда было думать.

* * *

Ленин подошел к самому краю сцены. Трибуной он воспользовался лишь после выступления, когда отвечал на вопросы.

Довольно долго не давали Ильичу начать речь: новые вспышки восторгов, групповые выкрики, приветствия в честь Коммунистической партии, в честь ее основателя и вождя.

Два или три раза пели «Интернационал».

Владимир Ильич, отойдя в сторону, пел вместе со всеми.

Потом он ходил по краю сцены. Остановившись, грозил пальцем разбушевавшемуся залу. Внушительно грозил, так, что тишина начала как будто устанавливаться, но вдруг зал сотрясся от взрыва смеха!

Оказывается, Владимир Ильич пальцем-то строго грозил, но выдержать до конца строгости не смог, заулыбался. А улыбка ленинская была особенной, заражительной улыбкой. Она, словно искра, пошла по рядам, охватила радостным пламенем весь зал. И превратилась в дружный, неудержимый раскат юношеского, безотчетного, лучистого смеха, что было еще одним свидетельством непередаваемо счастливого настроения нашего, вызванного встречей с родным и великим Лениным, так охотно разделившим с молодежью ее настроение.

Но вот Владимир Ильич вынул из жилетного кармана часы, поднял их над головой и многозначительно указал пальцем на циферблат: время, дескать, идет, ребятки, а время дорого.

Это было ясно без слов.

Наступила полная тишина. И мы услышали голос Ленина, зазвучавший вовсе не приподнято, а спокойно, мягко, пожалуй, даже несколько по-домашнему, словно на беседе.

В сущности, по своему характеру речь Ленина на III съезде была именно беседой, разговором серьезным и душевным о самом главном в жизни молодого поколения, призванного строить и построить общество, о котором могли только мечтать самые светлые головы человечества.

«Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи...»¹ — такими словами началась ленинская речь.

А когда было сказано, что основные задачи молодежи можно выразить одним словом, все удивились. И удивление наше возросло еще более, когда выяснилось, что это *одно* слово — *учиться*... Учиться??? А как же быть с Врангелем, который в те дни еще сидел в Крыму? Как быть с пилсудчиками, еще хозяйничавшими в те дни в Белоруссии? Мы были уверены, что по примеру прошлых комсомольских съездов и конфе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 298.

ренций наш III съезд в полном составе отправится на помощь тем, кто должен добить вооруженных врагов Советской власти.

Ленин ничего не сказал об этом. Значит, он не сомневается в том, что враги будут разгромлены и без нашей непосредственной помощи, значит, партия уже подготовила этот разгром. Партия смотрит вперед, она видит дальше, чем мы. Перед взором Ленина — мирные времена, новая полоса жизни и новые задачи.

Ленин сказал, и это прозвучало как похвала, о том, что мы прекрасно поняли свою комсомольскую задачу в деле поддержки рабоче-крестьянской власти в ее вооруженной борьбе против капиталистических разбойников.

Но он добавил, что *теперь* этого недостаточно.

Теперь надо понять стоящие на очереди новые задачи: хозяйственные, строительные, культурные. Мало этого, надо сейчас же заняться подготовкой самих себя к решению этих сложных задач.

* * *

Мы, представители первого поколения комсомольцев, дети крестьян и рабочих, охотно пели о том, что

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Но прямо скажу, что конкретного представления о возможности *стать всем* у нас не было.

Сама мысль о такой возможности в реальном виде казалась и нескромной, и ко многому обязывающей.

Может быть, достаточно стать борцом за дело партии, за интересы народа, защитником Советской власти?

Нет, недостаточно.

Дело партии и интересы народа требуют, чтобы мы оказались способными стать инженерами, писателями, учеными, музыкантами, педагогами, художниками, оставаясь в то же время борцами. А для этого надо иметь не только талант, но и знания.

Особенная путаница в наших головах царила по линии отношения к старой культуре. В начале революции даже среди литераторов, именовавшихся пролетарскими, в ходу были анархистского типа представления о старой культуре. Ее называли и хламом, и ветошью и считали чем-то обреченным на посмеяние и на слом. Чего стоили левацкие выверты некоторых театральных

Вопрос был такой:

«Товарищ Ленин! Скажите, а почему в деревне нет колесной мази?» В зале многие засмеялись, находя вопрос наивным и неуместным.

А Владимир Ильич сказал, что это очень важный вопрос, который имеет прямое отношение к разговору о том, каким должен быть коммунист. Коммунист должен уметь ответить на вопрос об отсутствии на селе колесной мази, гвоздей, керосина, спичек. Мало того! Коммунист обязан так или иначе помочь в налаживании нашего производства, в том числе и производства колесной мази. Владая теорией, не отрываясь от жизни, от нужд народа. Вот каким должен быть коммунист!

Не одно, а несколько поколений комсомольцев, советской молодежи росло, училось, добивалось успехов и побед, руководствуясь мудрыми советами Ленина, советами по поводу коммунистического воспитания, отношения к общему труду, соревнования, морали.

Указания Ленина, заветы его, обращенные к молодежи, составили основу программы комсомола, стали в то же время неоценимым напутствием каждой девушке, каждому юноше, вступающим в жизнь, чтобы сделать ее невиданно прекрасной.

Ленин завещал партии постоянную заботу о благе народном, о том, чтоб каждому труженику жилось в нашей стране все лучше и лучше. Партия коммунистов свято выполняет это завещание. Партия ныне подошла вплотную к решению исторической задачи: создать изобилие продуктов в стране, чтобы обеспечить новый подъем материального и культурного благосостояния народа.

Комсомольцы, первые помощники коммунистов, принимают сегодня активнейшее участие в решении этой благородной задачи.

Наследники партии мудрой, по праву
И тут стоим мы за честь молодежи.
Геройским трудом комсомольскую славу
На радость родному народу умножим!

Ленин зажег наши мечты и указал пути их свершения.

«Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую»¹,— сказал Ильич. Он при

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 316.

этом улыбался, как бы приглашая всех нас разделить с ним убеждение, что так оно и будет.

И мы вместе с Лениным стали мечтать, понимая, что мечта — это, в сущности, задача, решение которой стало возможным благодаря обладающей даром предвидения науке, называемой марксизмом-ленинизмом.

Быть мечтателем ленинского типа — значит быть борцом за воплощение мечты, активным участником коммунистического преобразования общества, новатором в труде и творчестве, неугомонным разведчиком будущего.

Не одно, а несколько поколений советской молодежи росло, училось, достигало успехов в борьбе и труде, руководствуясь добрыми советами партии, напутствием Ильича, данным комсомольцам в 1920 году.

Двадцатый год...

Разруха, голод, холод

Шла осень, громом битвы грохоча.

В Москве на третьем съезде комсомола

Мне довелось увидеть Ильича.

Сердца юнцов рвались к нему навстречу.

Гул голосов казался гулом пчел...

Ильич

Большим заботам в этот вечер

Заботу о грядущем предпочел.

Могучей мыслью бережно и смело

Он нас через ненастье и мороз

Вдруг перенес

В весенние пределы,

В преддверье коммунизма перенес.

Мы от него услышали впервые,

Что близок мир в суровом том году.

И отдали

Все силы молодые

Учению и общему труду...

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1984.
Т. 4. С. 260—267.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

Кремлевский мечтатель

(Фрагменты из книги «Россия во мгле»)

Я поехал из Петрограда в Москву главным образом для того, чтобы увидеться и поговорить с Лениным. Этой встречи я ждал с большим интересом и был заранее предубежден против него. Но он оказался совсем не похожим на того человека, которого я предполагал увидеть.

Ленин не писатель; по его опубликованным сочинениям нельзя судить о его личности. Короткие, резкие брошюры и статьи, издаваемые в Москве под его именем, в которых нередко высказываются ошибочные представления о психологии западных рабочих и упорно отстаивается нелепый тезис, что в России произошла та самая социалистическая революция, которая была предсказана Марксом, не отражают, как я убедился при встрече с ним, и крупницы его интеллекта. Порой в этих работах блеснет вдохновенная прозорливость, в целом же они лишь повторяют готовые идеи и формулировки ортодоксального марксизма. Быть может, это необходимо. По-видимому, только такой язык и понятен коммунистам; внезапный переход к новой терминологии породил бы недоумение и разброд. Левый коммунизм — это хребет нынешней России; к сожалению, хребет этот лишен гибкости, он лишь с величайшим трудом поддается на угодливую лесть.

Москва, залитая ярким октябрьским солнцем, в уборе золотистой трепещущей листвы по сравнению с Петроградом выглядела привольней и оживленней. На улицах несравненно болеелюдно, свободней идет торговля, довольно много извозчиков. Рынки открыты. Улицы и дома не так разрушены...

...Я отправился в Кремль сопровождаемый господином Ротштейном¹, игравшим прежде видную роль

¹ Ротштейн Ф. А. (1871—1953) — советский историк и общественный деятель, академик. Находясь в эмиграции в Англии, участвовал в создании Коммунистической партии Великобритании. В августе 1920 года возвратился на родину.

в коммунистических кругах Лондона, и одним американским товарищем¹ с большим фотоаппаратом,— этот товарищ, как я понял, тоже был представителем русского комиссариата иностранных дел.

...Мы увидели человека невысокого роста, который сидел за большим письменным столом в светлом кабинете с окнами, выходящими на площадь перед дворцом. На столе был полнейший беспорядок. Я сел сбоку подле стола, и этот невысокий человек — когда он сидит на краешке стула, ноги его едва касаются пола — повернулся ко мне, облокотившись о стол поверх вороха бумаг, и заговорил. Он прекрасно владеет английским языком, но я отметил про себя то весьма характерное для сегодняшней России обстоятельство, что господин Ротштейн неусыпно следил за разговором, иногда вставлял замечания или подсказки. Американец тем временем пристроил свой аппарат и потихоньку, но с большим усердием принялся нас фотографировать. Наша беседа была так интересна, что он нам ничуть не мешал. Вскоре все это шелканье и шевеление стали вовсе не заметны.

Я пришел, готовый к столкновению с марксистским догматиком. Но он оказался совсем не похож на догматика. Я слышал, будто Ленин любит поучать; однако в нашей беседе ничего подобного не было. Много писали о его смехе, который поначалу как будто приятен, но вскоре начинает казаться циничным. Такого смеха я не услышал ни разу. Формой своего лба он напоминал мне кого-то — я не мог припомнить, кого именно, и понял это лишь на днях, когда увидел мистера Артура Бальфура при скупом свете лампы, затененной абажуром. Передо мной был точно такой же выпуклый череп не вполне правильной формы. У Ленина приятное, очень подвижное смугловатое лицо, живая улыбка, и я заметил у него привычку (возможно, это объясняется каким-либо дефектом зрения) шурить один глаз, делая паузу в разговоре; он не очень похож на известные всем фотографии, так как принадлежит к людям, у которых мимолетное выражение лица гораздо важнее, чем сами черты; во время разговора он иногда жестикулировал над кипами бумаг и говорил быстро, вникая

¹ Речь, видимо, идет об Уигфриде Хемфризе, заснявшем беседу В. И. Ленина с Гербертом Уэллсом в кремлевском кабинете 6 октября 1920 года.

в самую суть дела, безо всякой позы, рисовки или недомолвок, как умеют говорить лишь подлинные ученые.

Всю нашу беседу определяли и пронизывали два — как бы их назвать? — два лейтмотива. Один исходил от меня к нему: «Как представляется вам будущее России? Какое государство вы стремитесь создать?» Другой — от него ко мне: «Почему в Англии до сих пор не началась социалистическая революция? Почему вы не готовите социалистическую революцию? Почему не свергнете капитализм и не провозгласите коммунистическое государство?» Оба эти мотива сплетались, перекликались, дополняли друг друга. Второй возвращал нас к первому: «Но что дала вам социалистическая революция? Успешно ли она завершилась?» И тут мы снова переходили ко второму: «Для ее успешного завершения к нам должен примкнуть западный мир. Почему это не делается?»

До 1918 года все марксисты считали революцию своей конечной целью. Пролетарии всех стран соединятся, свергнут капитализм и обретут вечное счастье. Но в 1918 году коммунисты неожиданно для себя очутились в России у власти, и нужно было явить миру обещанный золотой век. Этот новый, лучший общественный строй еще не появился, и на то у коммунистов есть весьма красноречивые оправдания — непрекращающиеся войны, блокада и все прочее, но тем не менее они явно начинают понимать, что марксистское мировоззрение не дало им никакой практической подготовки. Можно указать сотню проблем — некоторых я уже коснулся, — к которым они не могут даже подступиться. Однако рядовой коммунист приходит в праведное негодование, стоит вам хотя бы усомниться в том, что при новом строе все делается самым лучшим и самым мудрым образом. Он напоминает самолюбивую хозяйку, которая, когда ее выселяют из дома, требует похвал за идеальный порядок. Он напоминает позабытых суфражисток¹, которые сулили всем земной рай, стоит только освободиться от тирании «законов, установленных мужчинами». Но Ленин, от чьей откровенности, вероятно, захватывает дух у его последователей, окончательно отверг всякое лицемерие и заявил, что революция

¹ Суфражистки — участницы женского движения в Англии начала XX века за предоставление женщинам равных с мужчинами прав.

в России — это не что иное, как наступление эпохи беспредельных поисков. Он писал недавно, что люди, перед которыми стоит огромная задача ниспровержения капитализма, должны быть готовы к тому, что им придется испробовать один за другим множество методов, пока они не найдут метод, наиболее соответствующий их цели.

Наша беседа началась с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось услышать мнение Ленина о том, как далеко пойдет процесс отмирания городов в России. В разрушенном Петрограде я осознал то, чего не понимал раньше: облик и самую структуру города определяют магазины и рынки, стоит их упразднить, и девять из десяти зданий в обычном городе прямо или косвенно утратят свое назначение и смысл. «Города станут гораздо меньше, — согласился Ленин. — Они изменятся. Да, очень изменятся». Я заметил, что это потребует огромной работы. Придется снести прежние города и построить новые, на другом месте. Церкви и величественные дворцы Петрограда уподобятся историческим памятникам Новгорода Великого или храмам Пестума. Значительная часть современного города перестанет существовать. Ленин охотно согласился со мной. Мне кажется, он рад был встретиться с человеком, сознающим неизбежные последствия коллективизма, которых не могут постичь до конца даже многие из его единомышленников. Предстоит коренная перестройка всей России, полное ее обновление...

А промышленность — предстоят ли и здесь столь же коренные преобразования?

Известно ли мне о том, что уже сейчас делается в России? Знаю ли я об электрификации?

Оказывается, Ленин, который, как и положено ортодоксальному марксисту, осуждает всяческих «утопистов», в конечном счете сам увлекся утопией — утопией электрификации. Он употребляет все свое влияние, стремясь осуществить план строительства в России мощных электростанций, которые дадут целым губерниям свет и энергию для транспорта и промышленности. Он сказал, что в экспериментальном порядке уже электрифицированы два района. Можно ли вообразить более отважный план в этой стране лесистых равнин, населенной безграмотными крестьянами, в стране, где нет ни водных энергетических ресурсов, ни квалифицированных специалистов, где угасает торговля и промышлен-

ность? Подобный план осуществляется сейчас в Голландии, он рассматривался в Англии, и в этих густо населенных странах с развитой промышленностью электрификация, вполне возможно, будет с успехом осуществлена, окажется выгодной и полезной во всех отношениях. Однако в России такой план превосходит самые пылкие технические фантазии. Сколько ни вглядываюсь я в будущее России, словно в темный кристалл, мне не дано разглядеть то, что видит этот невысокий человек, работающий в Кремле: он видит, как вместо разрушенных железных дорог возникают новые, электрифицированные магистрали, как по всей стране прокладываются новые шоссейные пути, как создается новое, счастливое коммунистическое государство с могучей промышленностью. И во время нашей беседы он почти заставил меня поверить в свое предвидение.

— И вы намерены осуществить все это с крестьянством, приросшим корнями к земле?

— Но не только города будут перестроены: исчезнут все различия между городом и деревней.

— Уже сейчас,— сказал Ленин,— мы не всю сельскохозяйственную продукцию получаем от крестьянства. Кое-где создано крупное сельскохозяйственное производство. Правительство взяло в свои руки большие земельные владения там, где условия этому благоприятствуют, и землю обрабатывают не крестьяне, а рабочие. Возможно, это получит дальнейшее распространение. Сначала такой порядок установится в одной губернии, потом в другой. Крестьяне остальных губерний, эгоистичные и неграмотные, ничего не узнают, пока не наступит их черед...

Справиться сразу со всей массой крестьянства, пожалуй, нелегко; но порознь это можно сделать без всякого труда. Когда речь зашла о крестьянах, Ленин придвинулся ко мне поближе; он заговорил теперь конфиденциальным тоном. Как будто крестьяне и в самом деле могли подслушать наш разговор.

Я возражал, что нужно не только создать материальную основу общества, нужно преобразовать сознание всего народа. В силу своих обычаев и традиций русские — это нация индивидуалистов и торговцев; чтобы создать новый мир, нужно переделать самые их души. Ленин спросил, ознакомился ли я с той работой, которая ведется в области просвещения. Я рассказал о том, что видел, и кое-что похвалил. Он кивнул с доволь-

ной улыбкой. Вера его в свое дело поистине непоколебима.

— Но все это лишь наметки, самые первые шаги,— сказал я.

— Приезжайте через десять лет и вы увидите, что мы сделаем за это время в России,— отвечал он.

Благодаря ему я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все же таит в себе огромные созидательные возможности. После того как я перевидел среди коммунистов столько унылых фанатиков, одержимых идеей классовой борьбы, столько твердолобых, выхолащенных доктринеров, после всех моих встреч с заурядными приверженцами марксизма, вымуштрованными и исполненными пустой самоуверенности, этот удивительный невысокий ростом человек, который откровенно признает, что строительство коммунизма — это грандиознейшая и сложнейшая задача, и скромно посвящает ее осуществлению все свои силы, буквально пролил бальзам на мою душу. Он по крайней мере видит преобразенный, заново построенный мир, этот мир воплощенных замыслов.

Он попросил меня подробнее поделиться впечатлениями, почерпнутыми в России. Я сказал, что, на мой взгляд, коммунисты часто действуют слишком прямолинейно и поспешно, разрушают, когда они еще не готовы строить, и это особенно заметно в Петроградской коммуне. Они ликвидировали торговлю, когда не были еще готовы ввести пайки, уничтожили кооперативные объединения, вместо того чтобы их использовать, и т. д. Тут мы подошли к нашему коренному разногласию, разногласию между коллективистами и марксистами, к вопросу, необходима ли такая крайность, как социалистическая революция, и есть ли необходимость полностью уничтожать старую общественно-экономическую систему, чтобы создать новую. Я считаю, что путем длительного, систематического воспитательного воздействия можно цивилизовать существующую капиталистическую систему и превратить ее в мировую систему коллективизма; однако Ленин уже много лет неразрывно связан с марксистскими догмами, провозглашающими неизбежность классовой борьбы и падение капиталистического строя в качестве неперенных предпосылок для строительства нового общества, диктатуру пролетариата и т. п. Поэтому он вынужден был доказывать, что современный капитализм носит закоренелый хищниче-

ский характер, что он расточителен и неисправим никакими средствами, и, если его не уничтожить, он всегда будет тупо и бессмысленно эксплуатировать достояние человечества, всячески препятствовать использованию национальных богатств для общего блага и неизбежно породить войны.

Не скрою, что в этом споре мне пришлось туго. Неожиданно Ленин достал новую книгу Кьюцца Моне «Триумф национализации», которую он, как я понял, прочел очень внимательно.

— Вот видите, стоит только у вас появиться по-настоящему активной коллективистской организации, которая может сыграть какую-то роль в жизни общества, как капиталисты тотчас ее губят. Они погубили ваши национализированные верфи, они не дают вам экономично разрабатывать угольные шахты.— Он похлопал ладонью по книге.— Здесь обо всем этом сказано.

Когда я стал доказывать, что войны порождает не капиталистический строй, а националистический империализм, он вдруг спросил:

— А что вы думаете об этом новом республиканском империализме, исходящем из Америки?

Тут вмешался господин Ротштейн и что-то сказал по-русски, но Ленин оставил его слова без внимания.

И хотя господин Ротштейн взывал к дипломатической сдержанности, Ленин рассказал, что один американец вздумал своими планами поразить воображение Москвы¹. Он предлагает признать большевистское правительство и оказать России экономическую помощь. Предлагает заключить оборонительный союз, дабы обезопасить Сибирь от японской агрессии. Предлагает создать американскую военно-морскую базу на дальневосточном побережье и подписать долгосрочную концессию сроком на пятьдесят или шестьдесят лет для разработки природных богатств Камчатки, а также, возможно, и других крупных областей азиатской части России. Как мне кажется, есть ли здесь стремление к миру? Можно ли сомневаться в том, что это — начало новой всемирной грызни? Как на это посмотрят британские империалисты?

¹ Речь, видимо, идет о проекте Вандерлипа (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 62—65).

— Капитализм,— действительно утверждал Ленин,— это вечная конкуренция и грызня. Он прямо противоположен принципам коллективизма. Он не способен перерасти ни в общественное, ни во всемирное единство.

— Но должна же какая-нибудь промышленно развитая держава прийти России на помощь? — сказал я.— Без такой помощи невозможно никакое восстановление...

Наш многоплановый спор остался неоконченным. Мы тепло простились, и я вместе со своим сопровождающим пустился в обратный путь, от барьера к барьеру, через те же фильтры, которые мы уже один раз миновали.

— Это замечательный человек,— сказал господин Ротштейн. Но все-таки он поступил неосмотрительно...

Мы возвращались в особняк мимо сверкающих золотом деревьев, что растут вдоль древнего рва у подножия кремлевской стены, и я не был расположен разговаривать. Мне хотелось поразмыслить о Ленине, пока его образ свеж в моей памяти, и разглагольствования сопровождающего мне мешали. Но господин Ротштейн говорил не закрывая рта.

Он все убеждал меня не рассказывать мистеру Вандерлипу о возможных перспективах русско-американских взаимоотношений, хотя я заверил его с самого начала, что слишком уважаю ту сдержанность, которой окружил себя мистер Вандерлип, чтобы посягнуть на нее хоть единым опрометчивым словом.

Наконец я вернулся в дом № 17 по Софийской набережной, где сел за стол вместе с мистером Вандерлипом и молодым лондонским скульптором. Нам прислуживал старый лакей, который был удручен скудостью трапезы и вспоминал дни минувшего великолепия, когда в этом особняке гостил Карузо и пел наверху, в большой зале, перед сливками московского общества. Мистер Вандерлип предложил посмотреть один из больших рынков, а вечером побывать на балете, но мы с сыном собирались вернуться в Петроград ночным поездом, чтобы вовремя успеть в Ревель, на стокгольмский пароход.

(Из книги «Опыт автобиографии», 1934)

Его влияние на людей проистекало из того огромного умения все предвидеть и дать нужный совет, которое он проявил в годы революционного кризиса. Он оказался тогда человеком, к которому всякий приходил со своими страхами и сомнениями. Сила его состояла в четкости и одновременно тонкости мышления. Путем незаметных сдвигов, общее значение которых удалось измерить и оценить только после его смерти, он превратил марксизм в ленинизм...

Он, как и всякий другой человек, принадлежал своему времени и своей эпохе. Тогда, во время нашей беседы, у каждого из нас были свои предубеждения. Мы говорили главным образом о необходимости заменить мелкое крестьянское хозяйство сельскохозяйственным производством совершенно иного масштаба — это было за восемь лет до первого пятилетнего плана — и о только еще задуманной им электрификации России. Относительно последней я высказал недоверие, потому что не знал тогда, какими колоссальными гидроэнергетическими ресурсами располагает Россия. «Приезжайте снова и посмотрите на нас через десять лет», — сказал он в ответ на мои сомнения.

Когда я беседовал с Лениным, предмет нашего разговора интересовал меня куда больше, чем оба мы вместе взятые. Меня совершенно не занимало тогда, высокого мы роста или маленького, старые или молодые. Мне запомнились лишь его эмоциональность и удивительная четкость мысли. Но сейчас, когда, просматривая свою старую, четырнадцатилетней давности книгу, я снова вижу его перед собой и сравниваю его с другими известными мне государственными деятелями, я начинаю понимать, какой выдающейся исторической фигурой он был. Я решительно не согласен с мнением, будто все человеческие достижения следует приписывать тем или иным «великим людям», но если только допустить, что мы, смертные, способны подняться к величию, я должен признать, что во всяком случае Ленин был поистине великим человеком...

Ленин, когда я его видел, уже недомогал, ему приходилось часто отдыхать; в начале 1922 года врачи кате-

горически запретили ему регулярно работать, и летом того же года он был частично парализован, а в начале 1924 года скончался. Таким образом, период его активной государственной деятельности охватывает, да и то не целиком, всего лишь пять заполненных событиями лет. И все же за эти короткие годы он сумел внушить России тот неиссякаемый и все преодолевающий дух созидания, который не оскудел и сегодня. Если бы не он и не созданная им дисциплинированная Коммунистическая партия, русская революция наверняка скатилась бы к жесточайшей военной диктатуре и общество потерпело бы окончательный крах. Но его Коммунистическая партия выделила из своих рядов и поставила на государственные посты дисциплинированных и пусть неопытных, но преданных делу работников, без которых задачи революции сейчас абсолютно невыполнимы, и хотя это были люди мало подготовленные, самого факта их появления оказалось достаточно для того, чтобы революционная Россия сумела выжить. Его ум всегда сохранял гибкость, и он с удивительной легкостью перешел от революционной деятельности к перестройке общества. В 1920 году, когда я с ним встретился, он с юношеским увлечением изучал возможности предполагавшейся «электрификации России». Замысел пятилетнего плана, который рисовался ему в виде отдельных, последовательно проводимых областных планов, русская система высоковольтных линий, новостройки Днепропетровска — все это уже складывалось в его мозгу. И еще долго после того, как он перестал непосредственно участвовать в этой работе, он по-прежнему вдохновлял тех, кто трудился. Он и сейчас, наверно, все с той же энергией работает рядом с ними.

Во время моей последней поездки в Москву в июле 1934 года я посетил его Мавзолей и снова увидел этого невысокого человека. Он показался мне еще меньше, чем прежде, лицо его было бледно-восковым, борода более рыжей, чем мне запомнилось, всегда беспокойные руки неподвижны. В нем были достоинство и простота и что-то немного трогательное, какая-то детскость и мужество — великие свойства человеческой души. Он спит. Он уснул слишком рано для России.

А.АМУР-САНАН

Мудрешкин сын

(Фрагмент)

«БОЛЬШЕВИК НЕ ПРОХОДИТ»

По окончании съезда народов Востока из Баку в Москву выехала делегация, выделенная этим съездом. Выехала она для выяснения прав и границ территорий, занимаемых восточными народами, входящими в состав РСФСР. В числе делегатов были представители Тибета, Монголии, Индии и Персии.

Четырнадцатого октября 1920 года всех делегатов съезда народов Востока пригласили на заседание Политбюро ЦК РКП(б).

В число делегатов от народов Востока входили Рыскулов, Джурубаяев, Энеев, Алиев Омар, д-р Романо, Хамбо Дорджиев, Ринчино. Были представители горцев Кавказа, Персии, Индии и другие. От калмыков было двое — Бембе Кожиев и я.

Нас ввели в зал заседаний Совета Народных Комиссаров.

Это — большая комната, находящаяся на третьем этаже здания рабоче-крестьянского правительства в Кремле.

Когда мы вошли в зал заседания, Ленин уже сидел на председательском месте за длинным столом. По сторонам сидели и стояли Сталин, Крестинский, Бухарин, Радек, Карахан и др. Мы, делегаты, уселись за тем же столом.

Ленин огласил повестку дня. Девятым стоял «Вопрос о задачах РКП в местностях, населенных восточными народами».

Я всматривался в Ленина и следил за тем, как он вел заседание и производил одновременно другую работу. Я наблюдал, как Ленин получал с сургучными печатями пакеты, расписывался на конвертах в получении, прочитывал полученное и торопливо накладывал резолюции. Я видел, как быстро Ленин писал какие-то на маленьких листочках записочки и передавал их тут же сидящему секретарю. Вместе с тем по ходу заседания было очевидно, что Ленин не упускает ни малейшей

детали в процессе развертывающегося обсуждения вопроса. Все это вместе не мешало ему следить за временем, предоставленным оратору. За одну или две минуты Ленин брал лежащие перед ним часы и, стуча по циферблату пальцем, говорил:

— Товарищ, у вас две минуты. Продолжайте.

По девятому вопросу повестки говорили многие из присутствующих делегатов. Почти каждый из них излагал свои требования, указывая на то огромное значение, какое будет иметь исполнение его ходатайства для ускорения развития революции на Востоке.

Получалось впечатление, что если не провести социальных мероприятий на восточных окраинах, представленных присутствующими на заседании делегатами, в той самой редакции, которая ими предлагалась, резолюции грозит непоправимая беда; именно поэтому необходимо чрезвычайно торопиться с проведением предлагаемых мероприятий.

Когда очередь дошла до меня, я сказал:

— Не знаю, какое значение для развития социальной революции на Востоке будет иметь объявление автономии калмыкам, но хорошо разумею, что без такого решения вопроса в создавшихся условиях невысказанно обременить положение калмыков. Я хорошо знаю, — говорил я, — что калмыки, независимо от перспектив революционных событий на Востоке и Западе, хотят жить. Но когда ничего общего с революцией не имеющие, а прикрывающиеся ее именем, насилующие женщин, убивающие, грабящие темных калмыков, без нужды оскорбляющие религиозное чувство народа выдают себя за истинных представителей власти, тогда надо о происходящих на окраинах безобразиях говорить самому Ленину. Мы, идейные сторонники Советской власти, не можем молчать и не довести об этом до сведения высших партийных и советских инстанций. На места, захваченные белогвардейцами, приезжают корреспонденты английских газет, фотографируют развалины буддийских храмов и эти снимки как иллюстрацию большевистского варварства и национального гнета в миллионах экземпляров распространяют по всему буддийскому Востоку — по Индии, Цейлону, Сиаму, Китаю...

Я говорил о том, что калмыки совершенно разорены гражданской войной и реквизициями, разорены не только воюющими сторонами, но и соседними русскими крестьянами. Положение калмыков поистине крайне пе-

чальное. Прикрываясь в летний зной и зимнюю стужу грязными овчинами, обсыпанные паразитами, не имея продуктов, лишенные единственного их достояния — скота, калмыки стоят перед лицом физического исчезновения...

Я говорил горячо, волнуясь, стучал кулаком по столу. Сидевший позади меня товарищ Кожиев несколько раз дергал меня за полу пиджака.

Когда, оборванный на мгновение Крестинским, я остановился, Ленин, прищурившись, как бы сыпля глазами дробный смех, посмотрел на меня и, быстрым движением правой руки погладив свой матовый лоб, сказал:

— Не обращайтесь внимания. Продолжайте.

Я кончил. Тогда Ленин сразу же, в упор поставил мне вопрос:

— А как калмыки относятся к Советской власти?

Я коротко формулировал свой ответ:

— Калмыки говорят: «Был большой чума — прошел, был большой холера — прошел, а большевик не проходит».

Тут все расхохотались, в том числе и Ленин.

— В сознании темного калмыка,— продолжал я,— большевизм, революция, гражданская война преломляются как болезнь, гораздо худшая, чем страшная чума или холера.

Ленин в своем резюме сказал:

— То, что говорил представитель калмыков,— вопиющее явление. Необходимо принять меры к ликвидации его.

И результатом этого заседания было постановление Политбюро ЦК РКП(б), зафиксированное в протоколе от 14 октября 1920 года за № 51, где сказано¹:

«Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую очередь для калмыков...»

В другом месте того постановления, в пункте четвертом, говорится:

«Назначить строжайшее расследование злоупотреблений и насилий, совершенных местным русским насе-

¹ Автор допускает некоторые неточности в цитатах (Ленин и В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342—348).

лением по отношению к восточным народностям, в особенности калмыкам, и подвергнуть виновных наказанию».

Пункт же пятый этого постановления говорит:

«Предложить участникам совещания внести в ЦК партии список лиц, принадлежащих к народам Востока, амнистирование коих, по их мнению, желательно...»

Проводя вопрос об автономии, я для установления границ Калмыцкой области вызвал из Астрахани Чапчаева, но, к сожалению, он опоздал, и автономия была проведена без него.

В это время из Монголии приехала делегация, чтобы установить связь с Советской Россией. Установив связь, монгольские делегаты избрали меня своим представителем при Советской республике.

Выдающийся представитель монгольского ренессанса Эльвек-Дорджи Ринчино просил меня прислать в Монголию военных инструкторов, родственных монголам калмыков. Я обещал. Вслед за тем товарищ Х. Кануков с восьмьюдесятью помощниками выехал туда.

Калмыцкие инструкторы сыграли крупную роль в деле организации и обучения монгольской революционной армии и приняли активное участие в ликвидации авантюры барона Унгерна.

А. Амур-Санан. Мудрешкин сын. Моск. товарищество писателей, 1933. Изд. 6, испр. и доп. С. 283—287.

Н. НАКОРЯКОВ

О Ленине, остяках и вогулах¹

Я сейчас хочу рассказать о лично мне известном случае, как В. И. Ленин заботился о маленьких народах нашего Севера, живущих в непроходимых лесах, среди вечных льдов и снегов. Эти народы завоевывают для всего человечества огромные богатства Севера: они добывают дорогие меха, ценную рыбу, древнюю мамонтовую кость. До революции царское правительство и богатые люди смотрели на эти народы как на животных. Их обирали, обманывали, к ним сбывали самый плохой товар, их спаивали отравленной водкой, чтобы легче, за бесценок получать от них драгоценности Севера. Да и при советском строе, когда шла еще горячая, кровавая борьба с помещиком и кулаком, не сразу вспомнили об этих забытых детях природы.

Ленин заговорил первым о них!.. И все те прекрасные законы, какие у нас есть для помощи и охраны маленьких народов, созданы по указанию В. И. Ленина.

В конце 1921 года я приехал из глухой Сибири в Москву. И вскоре был поражен ночным вызовом по телефону к Владимиру Ильичу. По должности заведующего маленькой лесозаготовительной конторой мне не полагалось идти с докладом к Председателю Совнаркома. А как старый товарищ по прежней подпольной работе, я не мог ждать вызова для простого собеседования: у Ильича было много дел более важных. Но красноармеец, провожавший меня от кремлевских ворот в квартиру Ленина, кое-что разъяснил в коротком попутном разговоре.

— Ты, видно, из дальних краев? — спрашивал он, оглядывая мое мохнатое сибирское одеяние.

— Да, — говорю, — из Сибири.

— То-то... Он, Ильич, вот многих вас таких вызывает... Дознается все до настоящей правды, выпрашивает

¹ Остяки (ханты, кеты), вогулы (манси), самоеды (ненцы, селькупы) — устаревшие наименования народностей Севера, существовавшие в 20-х годах.

от приезжих — кто, где и как живет...— говорил мне красноармеец, ведя меня по узким путаным кремлевским закоулкам.

Красноармеец, как потом я понял, был прав: Ильич не только хотел повидаться со старым товарищем, но, очевидно, глубоко интересовался глухой Сибирью и именно хотел «дознаться». Поэтому разговор при встрече сразу же пошел о Сибири...

Владимир Ильич был мастер вести такие беседы. Сидит помахивает карандашиком, ненароком, с шуточкой-прибауточкой задает вопросы, тут же что-то записывает на листочках бумаги, сам вставляет замечания из своих воспоминаний о Сибири, а тебя невольно как-то побуждает выкладывать горячо все, что видел, о чем думал.

Я, как сибиряк, проживший с остяками, вогулами, самоедами лучшую пору детства, конечно, был задет за живое вопросами Ильича и забыл, что я в кабинете Председателя Совнаркома; не считая времени, рассказывал повесть о жизни этих полудиких народов в первые годы революции...

Я был сам свидетелем, как к лесозаготовительному пункту по реке Пелымке пришел на лыжах из дальних юрт с реки Конды вогул, чтобы расспросить правду о революции. Он шел более двухсот километров, без дороги, без оружия только затем, чтобы узнать от лесозаготовщиков-рабочих правду, так как белые офицеры-бандиты подбивали вогулов Конды на восстание против большевиков.

Все это я горячо рассказывал Ильичу, не замечая времени. Я едва заметил, что маленькая секретарша с добрым усталым лицом несколько раз заглядывала в комнату, опять скрываясь за дверью по знаку Ильича. Наконец она не выдержала, зашла, несмотря на отрицательные знаки Ильича, и сообщила ему так, чтобы я слышал, что несколько человек больше часа ждут его на совещание.

— Пусть извинят, подождут, но мне очень важно здесь кончить,— ласково, но твердо прошептал Владимир Ильич.

И опять посыпались его вопросы, и опять в кремлевском кабинете Председателя Совнаркома рабоче-крестьянской республики два голоса, переплетаясь, жарко говорили о горестях остячко-вогульской жизни и о том, как поскорее устранить эти горести...

.. Сам Ильич с увлечением высчитывал на бумажке, сколько надо завести на Север новых ружей, сколько пороха, свинца, дроби, сколько хлеба, рыболовных крючков...

Могучий вождь великого восставшего народа не осуждал бунтующих по неведению полудикарей, он болел их бедствиями, он горячо чувствовал их страдания, он рвался на помощь к ним.

Об этой помощи я потом узнал уже из газет по нескольким законам и распоряжениям, проведенным, очевидно, при участии Ильича, несмотря на надвигавшуюся на него тяжелую болезнь. Вот тогда я особенно глубоко понял, почему слово ЛЕНИН на всех языках угнетенных народов звучит одинаково — как весть о братстве между угнетенными и как грозный призыв к борьбе с угнетателями...

«Они слушали Ленина». М.: Политиздат, 1988. С. 169—171.

Когда Франция Фоша и Пуанкаре сломила вильгельмовскую Германию, победные празднества продолжались два месяца. Старый тигр Клемансо восхитил манифестациями, парадами и шествиями даже самых требовательных парижских зевак, туристов и проституток.

Восьмой съезд Советов, собравшийся впервые после полной победы над всеми классовыми врагами, наступавшими извне, встретил свою победу скромным и значительным спокойствием¹.

При открытии съезда победа чувствовалась только внутренне. Внешне ее почти промолчали. Только когда председатель ВЦИКа Калинин предложил приветствовать Красную Армию, энтузиазм прокатился быстрой, бурной волной, сейчас же опять уступив место напряженной ответственной озабоченности.

Да, мы не оглядываемся назад на победы. Они оказались только средством, давшим возможность совсем не смотреть назад, а только вперед. В близкое и далекое, счастливое и опасное будущее.

Настроение съезда уже чувствуется, уже ясно, уже осветилось от первого калининского звонка и будет таким до конца.

Это видно по четкой, мерной поступи, которой двинулся с места съезд. По взрыву аплодисментов, которыми встретили представителя Азербайджана, когда он заикнулся о сотнях миллионов пудов нефти, посланной в Россию бакинскими рабочими. По внутреннему деловому нетерпению, с которым съезд проделал все обычные предварительные формальности и официальности.

Сознательная Советская Россия восприняла победу над внешними врагами не как окончание всех нападений и переходов к беспечальной жизни, а как новое, большое бремя тяжелой и сложной ответственности за реальную судьбу вновь собранной и объединенной России и коммунистического строительства в ней.

¹ VIII Всероссийский съезд Советов состоялся 22—29 декабря 1920 г. М. Е. Кольцов присутствовал на нем как журналист.

О том, каково бремя победы, сколько в нем весу, мы узнали от Ленина.

Среди всех счастливых достоинств, какими обладает гений великого вождя, едва ли не самым редчайшим для истории и для нас является его необыкновенное свойство отрезвлять.

В самые трудные и в самые счастливые дни, когда кружится голова от крылатых планов или сжимается сердце в боли и отчаянии, всегда с нами спокойный или счастливо-трезвый, увещевающий, но не убаюкивающий голос Ленина.

В первый же день, с первых шагов, Ленин силой своей обычной гениально-конденсированной убежденности направил пристальное внимание съезда на всю тяжесть, всю густоту и ответственность подлежащих решению вопросов.

Ленин — гениальный оратор, но совсем не ораторской складки. Он не ораторствует, не выступает, а скорей, размышляет вслух, заставляя в размышлении идти вместе с ним пять, десять, сто или три тысячи слушателей. Так вчера он заставил размышлять вместе с собой весь Всероссийский съезд, представляющий необъятную страну, над судьбами и жизнью этой страны.

Едва скользнул фонарем своей отрезвляющей ленинской простоты в мышлении по безотрадному мраку нашего близкого экономического будущего — и перед трехтысячной размышляющей аудиторией неясно, тускло, но уже в некоей определенности выступили очертания громад, которые надо поднять и повернуть.

Ленин спокойно и смело ворочал этими глыбами в нашем воображении.

— Россия сейчас для коммунистического строительства находится в условиях худших, чем другая страна!

— Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация России!

— Поменьше в наших Советах политики и политиков, побольше в них инженеров и агрономов!..

Мы прошли с нашим вождем за три года через огонь и воду социальных переворотов и гражданской войны. И потому слышать такие слова из уст его, мирового агитатора, неутомимого политически революционного глашатая нового и старого света — значит чувствовать, что

мы воистину победили и собираемся идти от победы вперед, дальше.

Так почувствовал и воспринял съезд трезвые и гениально-прозаические слова Ленина, не раз выводившего Коммунистическую партию и Советскую Россию из дурманящей духоты революционной фразеологии на вольный воздух жизненной творческой реальности.

«Ленин всегда с нами». М.:
Художественная литература,
1969. С. 406—409.

О Ленине

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

...Поскольку может симфония души гения быть услышана современником, поскольку могут хоть отдельные созвучия ее быть восприняты при отсутствии личного общения на расстоянии, постольку мне удалось «разгадать» Ленина только на VIII съезде.

Я сижу в оркестре, как и на предыдущих съездах Советов, в том же историческом Большом театре.

Говорит Ленин.

Но какой он новый для меня! Какой бодрый, помолодевший, какой внутренне праздничный. Почти именинник. Он показывает съезду толстую книгу об электрификации, улыбается, но, довольной, почти счастливой улыбкой именинника и шутит:

— Не пугайтесь, товарищи... (Книга была объемистая.)

...И — как человек в своем доме и среди своих — Ленин откровенен, удивительно свободен и даже интимен.

Он смеялся на V съезде над Спиридоновой и презрительно морщился, когда она произносила великое слово «идеал».

Почему? Теперь мне ясно почему.

Конечно, это было легкомысленно, легковесно и мелко. Чем глубже в человеке чувство или идея, тем плотнее, бережнее оно прикрыто целомудренной гордостью и тем скупее оно на проявление всуе. Партийные дразги и авантюра международной полицейщины, конечно, не могли и не должны были быть поводом для апелляции к великим идеалам социализма. Это было несерьезно, и Ленин, обиженный словесной профанацией кровного своего идеала, пренебрежительно смеялся, и когда нужно было говорить, то говорил сухо и деловито. Говорить «душевно» было еще рано тогда.

Но на VIII съезде Ленин говорит по душе. Теперь можно. Теперь пришло время. И, как все социалисты, он, конечно, прежде всего говорит об идеале:

— Когда работаешь изо дня в день, нельзя работать, *не имея плана на долгий ряд лет.*

Вот как скромно и просто говорит о своем идеале социалист, для которого идеал — не только слово, а жизненная и действенная цель.

Он говорит об этом потому, что теперь, на VIII съезде, об этом кстати говорить, теперь об этом можно говорить, не профанируя.

И я смотрю на Ленина. Смотрю внимательно, долго.

...Да, он у себя дома. Он среди своих. И вполне естественно, что, будучи среди своих, он, между прочим, разрешает себе даже пожаловаться, чего раньше не разрешил бы себе.

— Работа нас дергает необыкновенно,— говорит он с полуулыбкой.

Не менее естественно, что он разрешает себе быть и интимно откровенным:

— *Счастливое* время, когда политики будет меньше...

Не странен ли в устах мирового политика — мирового не только по газетной трескотне, а по великому и реальному делу — эпитет «счастливое» в применении к времени, когда сократится политика?..

Кажется странным, а на самом деле это так просто у него, так искренне и убедительно.

— *Счастливое* время, когда политики будет меньше.

Это еще не было лозунгом, когда это произносилось. Лозунг я привожу ниже.

Это было душевное откровение.

А какое это глубоко интересное, захватывающее зрелище, когда человек, на котором сосредоточено внимание всего мира, имеет возможность проявлять интимную, целомудренно-скрытую духовную скупость!

И как парадоксальна жизнь!

Редчайшее душевное откровение происходит на съезде, на котором говорят о торфе, керосине, паровозах и хлебных разверстках.

И сам Ленин говорит обо всем этом и, может быть, не замечает, как между торфососами и цифрами хлебной разверстки у него вырываются высокие, и вечные, и старые социалистические слова о правде.

Касаясь вопроса о принуждении и убеждении, он говорит:

— Мы имеем *право убеждать*, потому что на нашей стороне *правда*. Этого *права* до нас не имело ни одно государство на земле.

И — я так ярко помню свое ощущение — среди хозяйственных образов, дров, вагонов и всех этих торфов вдруг неслышно открылась золотая дверь в храм морали, да, морали, — как будто забытый храм, но, как оказывается, крепко стоящий в душах великих социалистов, старинный, незыблемый храм правды и подлинного человеколюбия.

Не оттого ли так полномерно и убедительно в устах Ленина звучало старое слово «правда»?

Не потому ли так заразителен был его пафос, с каким он говорил о торфососах, что они освободят от *каторжной* работы извлекающих торф рабочих?

Кстати. Как убедительно, свежо, хлестко и укоризненно прозвучали в его устах знакомые и затрепанные слова: *«работать по-каторжному»*.

...От интересов военных — в сторону хозяйственного строительства.

Это уже деловая формула. Лозунг дня.

Это уже будни.

Но во всей фигуре Ленина, в лице, в позе еще есть что-то праздничное. Он говорит, заглядывая в бумажку, которую почтительно держит обеими руками. Он стоит на эстраде в строгой, почти напряженной позе, полной внутреннего внимания и готовности...

То, чего не было в нем на V съезде, что на один момент проскользнуло на VII, стало длительным на VIII и окрасило его лик в новые — по крайней мере для меня — тона.

Что же случилось на VIII съезде — самом в конце концов деловом, хозяйственном, «скучном»?

Почему в Ленине отчетливо чувствовалась глубокая радость *достижения*?

Ответ ясен: потому что у нас тогда впервые явилась возможность заняться мирным, творческим трудом, о чем, оказывается, как сообщил Ленин же, состоялось постановление еще *29 апреля 1918 года*...

Однако самое главное не в этом.

Ну, Ленин мечтал о мирном строительстве. Мечта стала на пути к осуществлению — он до известной степени удовлетворен. Это понятно и естественно.

Повторяю, не это главное.

Самое главное и прекрасное состоит в том, что уже на первом мирном трудовом съезде рабочих и крестьян случилось проявленное через Ленина чудо.

Это чудо еще не того порядка, о котором говорил Ленин на VII съезде. Но это чудо *историческое*, сделавшее историческим и VIII съезд.

В чем дело?

А вот в чем. Новая, светлая, более счастливая жизнь идет и придет через труд, через пот, через паровозы, шахты, фабрики. Из-под мешков торфа, из-под чугуна колес и машин идет к нам — вместе с освобождением рабочего класса — какая-то *правда* новой жизни.

И как характерно, как чудесно, что уже на первом совете освобожденного труда — в речи, состоящей исключительно из разбора и постановки хозяйственных задач, в речи, целиком заполненной электрификациями, торфососами и разверстками, — между всем этим, может быть невольно для ее автора, прорывается идеология новой будущей жизни — *правда*; среди слов о торфе и хлебе прорывается прекрасное и нежное откровение могучей, замкнутой и внешне такой суровой, такой закаленной души.

Тогда *впервые* мне, более чем всегда, стало понятно, почему обладатель этой души является законным и бесшумным вождем угнетенных пластов человечества, и, глядя на него, я ощутил глубокое волнение, и великую растерянность, и особую редкую радость от понимания большого, исторически значительного явления.

Когда я почувствовал это, Ленин стоял на эстраде и, полуобернувшись к столу, читал какую-то записочку.

Е. Зозуля. Встречи. Б-ка
«Огонек». М., 1927. С. 11—16.

Незабываемая встреча

Если в годы первой революции и последующие этапы свирепой реакции слово Владимира Ильича мы слышали издалека, через зарубежные барьеры, в обстановке самодержавия, то с Октябрьской революции это было уже слово вождя диктатуры пролетариата. Никакие расстояния не мешали внимать ему, как если бы он, Ульянов-Ленин, был рядом с нами, следил за каждым нашим шагом на местах, дружески подсказывал завтрашний день, строго предупреждал от ошибок. Так было у нас, участников установления Советской власти в Сибири, во время моей последующей работы в Воронеже и особенно — на Волге, в Казани, при учреждении Татарской АССР.

Славным инициатором преобразования типичного уголка колониальной тюрьмы народов в автономную республику был он, Ленин. И об этом с волнением говорилось всюду в Казани, среди местного населения, на митингах и демонстрациях в городе и кантонах.

И вот делегаты молодой республики отправились на Десятый партийный съезд¹. Но нельзя было сказать, что они, в ожидании встречи с Владимиром Ильичем, уделявшим немало внимания их партийно-советской работе, сознавали себя вполне безупречными. Слишком медленно оправлялось от потрясений гражданской войны хозяйство республики, не лучше обстояло дело и с ростом народной грамотности, с созданием новых культурных очагов не только в кантонах, а и в самой Казани.

Устроившись поближе к пустующей еще эстраде, в зале съезда, я весь отдался взволнованному ожиданию того, кто многие годы в царско-буржуазное время являлся нам, незримый, со страниц нелегальной печати, под именем Ильина, Тулина, Н. Ленина, а то и безымянно. Где-то за дверьми заливался звонок, зал наполнялся поношенными тужурками, армейскими гимнастерками, и вскоре, как говорится, негде уже было яблоку упасть. Под потолком там и сям тускло замаячили старинные

¹ X съезд РКП(б) состоялся 8—15 марта 1921 года.

люстры, проступили метче узорчатые барельефы увитых кумачом колонн.

— Ленин! — толкнул меня в плечо товарищ, и вместе с ним я приподнялся на своем сиденье.

Да, это был он. Плечистый, невысокого роста, в пальто с барашковым воротом и шапке-треушке, он походил на фабричного рабочего. Втолкнув свою треушку в карман пальто, он проворно стянул его с себя, уложил на спинку кресла и, заняв место за столом, крытым красным сукном, вскинул голову. Слушая соседа, вглядывался в зал. Все в его лобастом, обрамленном рыжеватою бородкою лице, с темно-карими, чуть-чуть прищуренными глазами, с улыбкой в уголках рта, играло молодостью горячей мысли.

Листая лежащую перед ним стопку бумаг, он прихватил ощупью пальцами карандаш, но взора от нас, сидящих в зале, не отрывал, и множество пар глаз всматривалось из зала в него. Это была много говорящая, хотя и безгласная, исполненная сердечного волнения переключка со своим вождем делегатов, собравшихся со всех концов страны. И самым удивительным в этой безмолвной переключке было то, что, оглянувшись, в свою очередь, на ряды делегатов, я видел на лицах уже не выражение тревоги, не взволнованность споров, кипевших минуту назад в коридорах, а нечто близкое крепкой уверенности в себе, веру в свои силы, в грядущее светлое будущее незримо стоящих за ними миллионов.

Взрыв аплодисментов, казалось, потряс стены зала, приглушил огни люстр, слился с грохотом потревоженных кресел: там, на эстраде, и тут, в зале, подымались на ноги и безудержно рукоплескали.

Обойдя столик для выступающих, Владимир Ильич подшагнул к самому краю эстрады, взбросил, как бы призывая к порядку, руку с бумажкою-памяткой, но аплодисменты не смолкали. Мы длили счастливейший момент встречи с тем, кто был нам ближе самых близких, дороже, милее всех милых. Переступив с ноги на ногу, Ильич заглянул на часы у запястья руки и с улыбчивым укором покачал головой. Рукоплескания затихли, но по рядам еще слышались поскрипывания, шорохи усаживающихся на свои места, когда Ильич заговорил:

— Товарищи, позвольте объявить открытым Десятый съезд Российской Коммунистической партии!

В слегка гортанном, с приметной картавинкой, но звучном голосе его было такое, что не раз доводилось

мне слышать у ораторов в рабочих блузах на многолюдных собраниях, и каждое его слово было выразительно и просто, веско, как вещь, изготовленная у станка на потребу тысяч и тысяч.

— Три с половиной года неслыханно тяжелой борьбы,— говорил Ильич,— но отсутствие вражеских армий на нашей территории,— это мы завоевали!..

И вслед за блеском гордой улыбки в чудесно зорких глазах его проступило иное — суровое. Он заговорил о стоящих перед партией задачах перехода от войны к миру, о задачах, которые касались не только хозяйственного плана, но и основ самых отношений между классами в Советской республике.

Более подробно и обстоятельно со всем, что видели и слышали мы на этом историческом, с ведущим участием В. И. Ленина, съезде, читатели настоящих моих записей могут познакомиться по моему рассказу «В те дни», опубликованному в сборнике воспоминаний, очерков, рассказов «О Ленине» (изд. Гослитиздата, 1957 г.). Дополнительно к названному рассказу я позволю себе привести страничку о незабвенном для меня разговоре казанцев с Владимиром Ильичем в один из перерывов между заседаниями съезда, в помещении, примыкавшем к залу со стороны эстрады президиума.

Кое-кто из казанцев, включенный съездом в комиссию по национальному вопросу, окружил Ленина, и первое, что я услышал тут, были обращенные к нему слова о том, как гордятся в Казани, что его, Владимира Ильича, революционная деятельность начата среди казанцев и что можно ли, мол, нашему старейшему в стране университету не гордиться таким своим студентом, как он, Ленин. Владимир Ильич взмахнул рукою и торопливо заметил, что если уж кем гордиться Казанскому университету, то такими крупнейшими учеными, как Лобачевский, Бутлеров, Зинин.

— А что касается студента Ульянова, так ведь его через несколько месяцев по вступлении на юридический... того-с...— Ильич проделал рукою в воздухе толчок.— По шапке его, да под арест!..

— В этом-то и слава нашего университета! — подхватили окружающие.— Да, да... Ведь именно вы, невзирая на всю гнусность юриспруденции самодержавия, подняли против него студенчество...

— А знаете, друзья,— повысил Ильич голос,— давайте-ка перекинемся о нуждах времени...

Но окружающие не унимались, и кто-то вспомнил о Льве Толстом, который также учился в Казанском университете.

— Тогда давайте помянем и славного казанского пекаря! — живо, совсем по-юному, вставил Ильич.

— Да, да, Горький! — воскликнул один из товарищей.

— Вот! — подтвердил Ильич. — Кстати, как у нас с литературой татарской? Имеются достойные преемники этого... как его? Сын муллы, поэт, перевел на свой язык Пушкина, Лермонтова... Абдулла... Абдулла...

— Тукаев! — выронил я и, пряча в карман записную книжонку с карандашом, назвал несколько имен из молодых татарских писателей.

— Значит, не перевелся порох в пороховнице! — заметил, улыбаясь, Ильич. — Ну, а как обстоит у вас дело с журналистикой, газетами?

Владимир Ильич задал мне несколько вопросов, в том числе — о тираже газеты, об участии в ней национальной интеллигенции и даже о полиграфической базе. И вдруг:

— А вы татарским языком владеете?

Предупредив мой ответ, один из товарищей, работавший у нас одно время председателем губпрофсовета, затем наркомом труда, сообщил:

— Видите ли, Владимир Ильич, еще в прошлом году казанцами было решено издавать одну газету на татарском и русском языках под общей редакцией его, — указал он в мою сторону, — на русском языке и местного молодого журналиста...

— Шафигуллина, — подсказал я.

— Да, Шафигуллина — на татарском языке.

Владимир Ильич одобрительно кивнул нам, но все же сказал, что и редактору русского издания неплохо было бы знать татарский язык. Однако, уловив мое смущение, внушительно, без намека на улыбку, заметил, что у всех советских народов, говорящих на своих родных языках, имеется единый, общий и обязательный язык — язык нашей партии, и что владение этим вот языком — святой долг любого, любой национальности, редактора.

На последнем, 16 марта, заседании съезда Владимир Ильич выступил с заключительным словом, в котором он, между прочим, подверг презрительному осмеянию тщетные потуги продажной международной прессы по-

дорвать авторитет первой в мире страны диктатуры пролетариата.

Призвав сплотить все силы партии на пути закрепления союза рабочего класса с крестьянством, он закончил свою речь выражением непоколебимой уверенности в том, что, сплотившись на этом съезде, партия пойдет к всемирно-историческим победам.

Подхватив это слово могучим хором, исполняющим международный рабочий гимн, все в зале, стоя по-военному навывтяжку, не спускали глаз с него, основоположника первой в истории человечества страны социализма.

«Московский литератор», 1957,
№ 7, 19 апреля.

Свидание с Лениным

Это было 3 июня 1921 года. Я был вызван к часу дня. Еще проходя через приемную Совнаркома, я увидел, что на стене было вывешено «Как надо работать» (цитовская памятка)¹. В кабинете ровно в час Владимир Ильич уже ждал. В первый же момент он буквально облил своим радушием, реальную теплоту которого многие и не знают. «Я теперь в хороших условиях, я очень недурно кормлюсь, а вот вы что-то плохо, все на вас висит, а поэтому вам надо куда-то поехать. Поезжайте-ка за границу да отдохните». Вот были фразы, с которыми он меня встретил. На встречный вопрос о здоровье Владимир Ильич стал жаловаться на недомогание. Уже не в первый раз, как и в прошлых встречах, он упоминал о том, что у него появилась какая-то глухота, которой не было, заявил о том, что он начал стареть. Как-то не верилось, однако, в эту старость, когда он быстро пошел в соседний кабинет и принес книги. Твердой топающей походкой, которую он проводил как будто на одних каблуках, почти бегая, как юноша, он принес книги и сказал: «Вот, все некогда, а обязательно, обязательно...» — и начал с воодушевлением рассказывать о том, как много необходимо было бы сделать в области организации труда, как тщательно надо изучать капиталистический опыт. Владимир Ильич припомнил наши встречи, которые предшествовали настоящему разговору, и указывал, что вопросы организации труда — это есть самое главное, которое нужно теперь проводить, а потом начал говорить о том, что дело надо обставить хорошо, что условия для работы надо создать приличные, что оборудовать нужно так, как это нужно для Советской трудовой республики. И в то же время говорил, что неладка в хозяйстве вопиющая, а вот надвигается какая-то новая страдная пора: «Вот сейчас мне телефонировали с Украины,— хлеб, говорят, горит², плоховато что-то»,— и начал говорить подробно о том,

¹ Листовка Центрального института труда (ЦИТа).

² Засушливое лето, определившее голод в стране. (Прим. авт.).

что, вероятно, будет голод и общее истощение. Немного поговорив об этом, он сказал: «А все-таки это дело такое, которое надо поднять». Тогда как-то не имелось точного представления о золоте. Эпоха военного коммунизма не приучила нас к тому, чтобы знать реальный вес золота и реальную величину государственного золотого запаса, и поэтому я тогда размахнулся на оборудование ЦИТа суммой в полмиллиона золотых рублей. Эту сумму удалось беспрепятственно провести через Наркомвнешторг при активной поддержке тов. Лежавы, но скоро оказалось, что решить легко, но реализовать, вследствие малой оперативной подвижности Внешторга, безумно трудно.

Когда я сказал об этом Владимиру Ильичу, он подал мысль обратиться в Наркомфин и настаивать перед ним, чтобы было сделано «хоть кое-что». Но тут же, сейчас же мы съехали на разговор о волоките. В разговоре пришлось коснуться того, что мы очень плохи по части исполнения. Провести какое-нибудь дело через инстанции не представляет никакой трудности, но точно реализовать его, точно выполнить,— это очень трудно. Смеясь и грохоча, Владимир Ильич давал реплики по этому поводу. Я бросил фразу о том, что слово «да» в разговорах очень мало значит; «так точно» — гораздо определеннее. Старая солдатская формулировка не допускала сомнений и предreshала действие. Он живо откликнулся и, когда давал письмо тов. Альскому, то нарочно вставил слово «точнее» и подчеркнул его. Однако я не мог скрыть от Владимира Ильича, что плохо верю в реализуемость этого дела. Тогда он сказал: «А знаете, ведь чем черт не шутит, почему не попробовать?..»

...Владимир Ильич говорил, что если встретятся какие-нибудь препятствия, то обязательно надо «черкнуть», что если бы случилось, что он где-нибудь занят, если бы случилось, что он на заседании, то надо тогда «маленькую записку в два слова» передать и он сейчас же на этой записке ответит.

Однако после этого свидания я не решался беспокоить мелочами, но с тех пор во всяком случае я всегда чувствовал, что дело, за которое я взялся, находится в поле зрения этого беспримерного человека, и это настроение давало силы, уже не встречаясь с ним, даже и не ища этих встреч, знать, что этим делом нельзя шутить, а его нужно делать. Как-то легко потом пришлось отнестись

к тому факту, что знаменитые полмиллиона рублей золотом так и не попали к ЦИТ. От Наркомфина мы тогда не получили ничего, кроме маленького любезного разговора с тов. Альским, который, конечно, кроме этого разговора, при тогдашних условиях ничего не мог сделать, а наша заявка через Наркомвнешторг, которая сначала прошла в количестве полмиллиона рублей золотом, была сбавлена до ста тысяч, сто тысяч было сбавлено до двадцати тысяч. Эта цифра потом прошла через тот же глаз т. Ленина (по должности Председателя СТО)¹, и он сказал: «Дело хорошее, а все-таки сейчас больше не можем». В дальнейшем оказалось, что и двадцати тысяч мы не получили, и заявка наша была сведена до восьми тысяч рублей, да и то она была реализована далеко не в такой мере и не так, как нам хотелось. Заграничный аппарат Наркомвнешторга не мог ее реализовать с той скоростью и целостностью объема, на который мы рассчитывали. Мы сами уловили эту тенденцию и в ожидании заграничных благ перешли на так называемую робинзонаду. Мы начали собирать все то, что было из какого-нибудь случайного оборудования, и создавали свою аппаратуру на месте. За отсутствием металла мы многое начали делать из дерева, и в этой работе, конечно, имело исключительное значение то, что работа по созданию ЦИТа была в поле зрения человека, который разбил историю человечества на два куска: один до него, другой после него...

«Организация труда». М.:
ЦИТ, 1924, № 1. С. 11—13.

¹ Совет труда и обороны.

КРУМ КЮЛЯВКОВ

Мое самое светлое воспоминание

В 1921 году в Москве состоялся III конгресс Коминтерна. Болгарская делегация возглавлялась товарищами Георгием Димитровым и Василем Коларовым; в ее состав входил Тодор Луканов, Анна Маймункова, Пенчо Дворянов, Коста Янков, Иван Минков, Найдено Киров, Иван Абаджиев, Владимир Благогов, Салчо Василев и другие. Кроме того, в помощь делегации были привлечены в качестве сотрудников несколько болгар, которые в то время находились в Советской России. Среди них был и товарищ Асен Попов — впоследствии художник в нашем народном театре, прибывший в 1920 году в Советскую Россию и обучавшийся в Петрограде.

Как член нашей делегации, я имел большое счастье не только видеть великого Ленина, но и разговаривать с ним и рисовать его с натуры.

Открытие конгресса состоялось в Большом театре. Гостиница, в которой остановилась наша делегация, была недалеко от театра, и в назначенное время мы отправились на конгресс пешком. Выйдя на площадь, мы заметили, что за нами следом идет довольно большая группа детей. Чем мы заслужили такое внимание? Скоро все стало ясно. Последними шли я и Пенчо Дворянов. Дети не спускали глаз именно с Пенчо. Оказалось, что их любопытство было вызвано покроем шаровар, сшитых в г. Карлово, которые носил Пенчо.

После окончания торжественной части на сцене появился Шаляпин в сопровождении пианиста, который был ему едва по пояс; от этого фигура Шаляпина казалась еще больше. Шаляпин спел несколько песен и закончил выступление «Дубинушкой». Зал загремел бурными аплодисментами, когда он вместо припева «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет!» запел:

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, советская, сама пойдет!..

На другой день начались рабочие заседания конгресса. В зале, где он проходил, впервые встретились делега-

ты разных стран, до того знавшие друг друга только по именам. Советские товарищи отнеслись к иностранным делегатам с большим интересом. В свободное время, в перерывах между заседаниями, они подсаживались к нам или же вместе с нами прогуливались в кулуарах, ведя оживленные разговоры. Но еще бóльшим был интерес иностранных делегатов к крупным деятелям и героям Октябрьской революции. Здесь были люди, имена которых прогремели на весь мир, и в первую очередь имя Ленина.

Ленина на этом заседании еще не было. Он явился, если не ошибаюсь, только на восьмое заседание. При его появлении зал загрохотал от аплодисментов и оваций. Все делегаты стоя, с энтузиазмом приветствовали великого учителя и вождя, гения революции, который озарил человечество ярким светом своей глубокой марксистской мысли. Скромный и спокойный, он сразу же сел за стол и деловито стал рыться в своей папке, наклонив голову и уже не поднимая ее,— казалось, он хотел сказать: давайте оставим это, есть дела и поважней.

В это время с трибуны говорили итальянские делегаты. В их делегации были не только коммунисты, безоговорочно присоединившиеся к программе III Интернационала и которыми здесь руководил Дженнари, но и последователи Серрати, представителем которых был Лаццари. Серратисты не соглашались с некоторыми пунктами программы III Интернационала. Чтобы убедить их в правоте этой программы и помочь Итальянской компартии ликвидировать кризис, в Италию был послан в 1920 году Христо Кабакчиев. Вот почему все стремились услышать, что сейчас скажет представитель серратистов, который только начал свое выступление, когда вошел Ленин.

Уже пожилой человек, оратор старой школы, Лаццари говорил темпераментно, преувеличенно жестикулируя и оборачиваясь во все стороны. Когда он закончил, все приготовились слушать перевод. Сейчас вы надеваете наушники и втыкаете вилку в ту розетку, над которой стоит надпись на вашем родном языке или языке, перевод на который вы хотели бы слушать. Тогда же перевод делался так: после окончания речи переводчики расходились по четырем углам зала и там переводили речь на русский, французский, немецкий и английский языки. Каждый отправлялся в тот или иной угол, в зависимости от того, какой язык он понимал.

Мы, естественно, отправились в угол, где давался русский перевод. Переводил, кажется, Луначарский... Заслушавшись, я не заметил, как кто-то стал рядом со мной, плотно прижавшись к моему левому плечу. Оборачиваюсь — Ленин! Казалось, мое плечо обдало жаром. Какое счастье! Я всматривался в его лицо, которое было совсем близко от моего, чувствовал его дыхание, вглядывался в цвет лица и волос, стараясь запомнить все как можно лучше...

Я так увлекся, что очнулся, лишь когда меня ушипнул Асен Попов.

— Ты что зазевался! Слушай!

— Чудак! Завтра я прочитаю это в газете, а его так близко увижу или нет...

Ленин продолжал слушать, время от времени пометчая что-то в своей записной книжке. Лицо его было теперь спокойно, искренне и добродушно. Я продолжал его разглядывать и думал: какая человечность исходит от него! Гений, который настолько же велик, насколько прост и прекрасен. Так прост и мил, с такой обаятельной силой тебя притягивает, что ты не можешь глаз от него оторвать.

Когда переводчик закончил и делегаты стали расходиться и усаживаться, Ленин внезапно обернулся ко мне:

— А вы почему так загляделись на меня, товарищ?

— Извините, товарищ Ленин,— ответил я, немного смущенный этим неожиданным обращением,— но я художник. Наверно, буду когда-нибудь вас рисовать.

— Ах, вы, значит, художник? А откуда вы?

— Из Болгарии.

— А много там наших художников?

— Да, есть.

Здесь в смущении я, понятно, немного преувеличил. Тогда в Болгарии наших художников-коммунистов можно было перечесть по пальцам. Но все же они были.

Около нас собралось несколько человек — репортеры и художники. Они, как и я, жадно и с любопытством внимательно вглядывались в лицо Ленина.

— Товарищ Ленин, уделите нам немного времени,— попросил кто-то.

Ленин посмотрел на нас, захватил пальцами свою жилетку и кивнул головой:

— Ну, ну... пойдете.

Мы последовали за ним. В одной маленькой комнате было только несколько делегатов. Ленин сел на стул и, вынув блокнот из кармана, обменялся несколькими словами с одним журналистом, французом. Рисовали мы его три или четыре минуты — точно не помню. Кто-то сказал, что Ленина зовут к телефону. Он ушел и больше уже не вернулся. К тому же перерыв закончился и началось заседание.

Первым слово получил Дженнари. Когда он кончил, Ленин поднялся на трибуну. Он отвечал Лаццари. И даже не отвечал, а скорее, спрашивал. Вопросы сыпались один за другим, как пули из пулеметной ленты. Лаццари все чаще и чаще вынимал свой носовой платок и вытирал взмокшую шею. Теперь Ленин был уже совершенно другим. Его лицо было напряженно, вдохновенно, целеустремленно.

Другой раз мы были свидетелями интересной сцены. Ленин вошел и сразу же направился к столу президиума. Но слова оратора, говорившего в то время, показались ему столь интересными, что он, не тратя времени на то, чтобы обойти колонну и попасть в президиум, присел на нижнюю ступеньку возвышения (на котором находился президиум) и быстро стал что-то записывать в свой блокнот. Этот интересный момент заснял много фотографов, многие художники сделали наброски. Одним из самых деятельных художников, сделавших тогда много рисунков, был Бродский.

Глубоко врезался мне в память и другой случай.

Время, когда мы находились в Советской Социалистической Республике, было тревожным. Врангель не был еще разбит. То тут, то там вспыхивал какой-нибудь очаг контрреволюции. Москва выглядела безлюдной, потому что многие ушли на фронт и на ответственные участки по всей необъятной стране, которым угрожала опасность. Но город был начеку. Студенческие общежития напоминали казармы. Часто среди ночи студенты хватали винтовки, и из окон гостиницы я слышал поспешный топот их ног, замиравший где-то в направлении Кузнецкого моста.

Из-за нехватки рабочих рук в то время организовывались так называемые «субботники». Каждую субботу свободные граждане отправлялись на работу (нечто подобное трудовым дням у нас), бесплатно помогая молодому пролетарскому государству справляться с трудностями.

Делегаты конгресса также захотели принять участие в этих субботниках. И в одну из суббот, построившись в колонны, с песнями и маршами, мы отправились к указанному нам объекту. Это был Александровский вокзал, где нужно было выгрузить из вагонов и рассортировать балки.

Мы прибыли на вокзал. Перед нами стояли длинные вереницы вагонов, груженных балками и другими материалами, — целые товарные составы, разгружать которые было некому. Распределившись по два человека на каждый вагон, мы должны были сгрузить балки из вагонов, а затем сложить их в штабеля.

Разгрузка одного из таких вагонов досталась мне и товарищу Георгию Димитрову. Работа началась. Снимаем балки и осторожно кладем их в сторону. Вначале все шло хорошо: мы одновременно подхватывали балки и разом клали их на определенное место. Но к середине работы — уже когда вагон был почти наполовину разгружен, — случилась небольшая неприятность. Одна из балок оказалась очень толстой и тяжелой. Товарищ Димитров, который был тогда в расцвете своих сил, как человек здоровее и сильнее меня, удержал балку, а я ее не удержал. Конец балки придавил мне ступню ноги, и я скорчился от боли. Ушиб был не очень сильным, но советские товарищи сразу же отправили меня в Кремлевскую больницу, где мне сделали компресс и уложили в постель.

Через несколько часов после этого ко мне подошла сестра, улыбнулась и сказала:

— А знаете, кто интересуется вами? Только что спрашивал Владимир Ильич. Он узнал, что один из иностранных делегатов ушибся при разгрузке балок на Александровском вокзале, и спрашивал о его здоровье.

Забывается ли такое? Очень трудно представить себе, как нашел Ленин время заниматься такими мелочами.

Эти отдельные моменты из жизни самой светлой личности в истории человечества глубоко врезались в мою память.

«О Ленине. Воспоминания
зарубежных современников»,
М.: Госполитиздат, 1966.
С. 405—410.

ПОЛЬ ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ

Ленин

Коротки неизгладимые минуты, проведенные мною с Лениным. С тех пор как его нет с нами, я жадно роюсь в своей памяти, чтобы восстановить мельчайшие подробности этих драгоценных мгновений. И когда открываю его книги, погружаюсь в его учение, идеи, слова, я сразу вновь вижу живого Ильича, с его глазами, улыбкой и жестами...

Это было в 1921 году¹. На следующий год после вступления французской партии в Коминтерн. Через развалины Европы мы пришли к созидающему пролетариату Советской страны.

Ямбург, Кронштадт, Ленинград² зияли еще тысячами открытых ран. Уже тогда мы были поражены до глубины души встречей с этими легионами людей, пионерами новой жизни, солдатами разрушения и возрождения, войны и строительства.

Поставили ногу на советскую землю и сразу почувствовали себя физически освобожденными от западноевропейского капитализма. Почувствовали себя перерожденными и до крайности идеологически слабыми и беспомощными. Русская партия! Вот это партия. А мы, французы, мы все еще возимся с фроссарами (ренегаты). Под тяжестью этих мелких буржуа нашей партии до последнего времени некогда было заняться воспитанием масс, партия погрязла в мелкобуржуазной тине.

Не скрываю, что некоторые из нас, и я лично, увлекаемые нашей ненавистью к правым, часто делали и говорили глупости...

Помню, как во время заседания французской секции я подошел к Ленину.

— Вы левый? Ну-ну, не так страшно!

Он сразу же увидел меня насквозь и любящей рукой поставил на место. Никогда я не встречал такого человека. Мы с ним после этого говорили о многих вещах при

¹ Поль Вайян-Кутюрье встречался с В. И. Лениным на III конгрессе Коминтерна.

² До 26 января 1924 г.— Петроград.

случайных встречах: о крестьянах, о французской революции, о Парижской коммуне.

Владимир Ильич был и остался олицетворением непрерывного действия и в то же время марксистом с головы до ног. Соприкосновение с ним производило на сознание впечатление вихря, ворвавшегося в душную комнату: оно освежало загруженный предрассудками и формальными доктринами мозг. Нарисовать Ленина до сего времени не удалось; черты его лица были до того насыщены внутренним содержанием его образа, что передать это карандашом почти невозможно.

Внешне широколицый, скуластый, с редкой бородкой, крупным носом, постоянно лукавой улыбкой на губах и в глазах, с руками в карманах. Несравненное добродушие, прямота, спокойствие, железная логика, культура и знания энциклопедиста.

У этого гиганта мысли и воли не могло быть места душевным драмам. Железная логика революционной мысли, твердая уверенность в правоте своего дела, ни одного колебания, отклонения от раз намеченной цели.

Ленин-интеллигент умел мыслить как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни. Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании непрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека, он являлся для нас прообразом будущего. Таким предстал передо мной Владимир Ильич с первых дней моей встречи с ним.

Ленин уже больше года умер. Но мы — его ученики и все его современники, друзья и враги — исчезнем бесследно, на его же имя не ляжет и пылинка забвения. Его отсутствие больше, чем когда бы то не было, требует от нас прочного и незыблемого единства, дисциплины, культурности, знаний, учебы, постоянного труда над усвоением его учения. Опасности растут, увеличиваются. Весь старый мир встает, вооружается, объединяется для борьбы с ленинской партией, с Коммунистическим Интернационалом. Временное укрепление капитализма и связанные с этим кризисы — упадок духа, уклоны

и шатание не должны иметь места в партии, пропитанной его непоколебимым, стойким духом.

Рушится вера в парламентаризм среди мирового пролетариата, близится время великих потрясений. Мы теперь находимся в состоянии накапливания сил и энергии для грядущих тяжелых боев. Силы эти будут действительными, энергия — непоколебимой, если наше сознание, наш дух будут ленинскими, если мы научимся жить, бороться, работать, как он — наш великий, наш бессмертный вождь.

Будем помнить — в ленинизме наша победа...

«Гудок», 1925, 23 апреля,
№ 91. С. 1.

ЦЮЙ ЦЮ-БО

Ленин

I

...**К**расный свет, бьющий во все стороны из Андреевского зала, озаряет вселенную; речи представителей трудящихся разных стран, их голоса сотрясают земной шар — это Коммунистический Интернационал на своем III конгрессе. Сегодня Кремль стал поистине символом поразительного сочетания различных культур человечества.

Ленин несколько раз выступал на конгрессе. Он совершенно свободно говорит по-немецки и по-французски, спокойно обдумывая и взвешивая каждое слово. В том, как Ленин держится во время выступлений, нет ничего от университетского профессора. И в этой простоте, с которой он держит себя, виден прямой и непреклонный политический деятель. Как-то я встретился с Лениным в коридоре, и мы разговаривали несколько минут. Он указал мне на некоторые материалы по вопросам Востока, а потом, занятый государственными делами, извинился и ушел.

Всякий раз, когда в Андреевском зале выступает Ленин, протиснуться к трибуне невозможно — на стульях и столах, всюду люди, так что яблоку негде упасть. Когда в зале зажигаются огни, большая тень Ленина, образуя удивительную картину, падает на плакаты и лозунги: «Коммунистический Интернационал», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». Этот силуэт на кумаче рождает необыкновенные чувства и становится особым символом... Последние слова речи Ленина утопают в громе аплодисментов...

6 июля 1921 года.

Красный Октябрь

II

Завод «Электросила» № 3, бывшие мастерские «Динамо».

Годовщина Октябрьской революции. В торжественный вечер на заводе собралось много народа... Рабо-

чим — этим честным труженикам — пришлось немало повидать и перенести на своем веку: и разгоны рабочих сходок озверелыми казаками, и подобные урагану стачки, и упорные, не на жизнь, а на смерть, бои с врагами. А сегодня, в годовщину Октябрьской революции, их чувствует столько людей! Служащие, рабочие, их семьи, группа за группой, и всё идет к заводу.

...Все встают, чтобы почтить память павших в боях за революцию. После того как стихают звуки траурной мелодии, на трибуну один за другим поднимаются ораторы, которые горячо поздравляют присутствующих.

Все, на кого ни глянь, в необычно приподнятом настроении. Но вот совершенно неожиданно они видят, что на трибуну поднимается Ленин. Все, кто был в зале, толпой устремляются вперед. В течение нескольких минут кажется, что изумлению не будет конца. Однако тишина длится недолго: ее вдруг раскалывают крики «ура», аплодисменты, от которых сотрясаются небо и земля...

Взоры рабочих устремлены в одну точку — они прикованы к Ленину. Напрягая до предела слух, они внимательно слушают его речь, стараясь не упустить ни единого слова. На самых простых и понятных примерах Ленин убедительно показывает, что Советская власть есть власть самих трудящихся, и сознание этой истины у трудящихся масс растет день от дня, и с каждым днем она становится для них все более понятной.

«Человек с ружьем — страшный в прошлом в сознании трудящихся масс — не страшен теперь, как представитель Красной Армии, и является их же защитником»¹.

Последние слова Ленина утопают в бурной овации. Кажется, не выдержат заводские стены грома аплодисментов, возгласов «ура» и торжественных звуков «Интернационала» — это пробуждается к жизни и растет великая, могучая энергия...

Собрание окончено. Большинство присутствующих уходит в столовую на праздничный ужин...

Заводской вечер, посвященный празднованию годовщины Красного Октября, был по-настоящему торжествен...

8 ноября 1921 года.

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1965.
Т. 5. С. 425—426.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 238.

УНДЗО ТАГУТИ

Через Красную площадь

(Фрагменты из книги)

ЛЕНИНСКИЕ ЧЕРТЫ

Однажды вечером в отеле «Люкс» я познакомился с товарищем Рутгерсом¹. Он только что вернулся из инспекционной поездки по шахтам Кузбасса. Рутгерс не только революционер. Он прекрасный инженер. Будучи в Америке, Рутгерс создал в качестве вывески для своей революционной работы фирму по торговле с Явой, приносящую средства для его деятельности. Рутгерс издавал также пропагандистский журнал левого крыла американских социалистов «Новое общество». Он оказывал материальную помощь многим революционерам, среди которых был и Сэн Катаяма. Побывав несколько раз в Японии, Рутгерс прекрасно разбирался в ее делах. Когда в 1918 году, вскоре после революции, Рутгерс оказался в Японии, по пути из США в Россию, он встретился с группой старых социалистов. «Хорошие товарищи у вас в Японии,— сказал он мне и рассказал один эпизод, связанный с этой встречей.— Они тогда вручили мне 16 иен и попросили отвезти в Россию в качестве подарка русской революции. Во время учредительного конгресса Коминтерна в 1919 году я внес эти деньги на организационные расходы Коминтерна. Так они значатся в бухгалтерских отчетах Коминтерна, как средства, внесенные социалистической партией Японии. Видите, какая удивительная вещь. Оказывается, между Японией и Коминтерном существует органическая связь со времен его основания».

Прощаясь с Рутгерсом, я попросил его представить меня Ленину, чтобы передать ему послание от Сэн Ката-

¹ Рутгерс Себальд (1879—1961) — голландский инженер, коммунист. В 1915—1918 гг. жил в Америке. Делегат I конгресса Коминтерна от голландской социал-демократической группы. С 1918 по 1938 гг.— работал в СССР, в 1921—1926 гг. был руководителем интернациональной автономной индустриальной колонии (АИК) по восстановлению угольной и химической промышленности Кузбасса. Последующие годы — на хозяйственной и партийной работе. С 1938 года жил в Голландии.

ямы. Рутгерс сказал, что до конгресса Ленин будет очень занят, и обещал познакомить меня с ним через несколько дней после начала конгресса.

Владимир Ильич Ленин! Уже много лет мы с восхищением прислушиваемся к этому звонкому русскому имени.

Ленин! Для пролетариата всего мира это имя звучит призывом к революции... Уже почти три месяца я живу в России, и не было ни одного дня, когда б я не слышал в разговоре простых людей с любовью произносимые слова «товарищ Ленин». Встретились двое где-нибудь в гостинице, на улице, в трамвае, в театре, в любом уголке Москвы, и непременно услышишь в их беседе слова «товарищ Ленин». Словно о близком друге, советские люди говорят о Ленине, произносят его имя, пожимая друг другу руки. «Вы встречались с Лениным?» На этот вопрос многие с гордостью отвечают: «Да, я знаю Ленина. Ленин — наш отец!» Однако большинство из них видели Ленина лишь издали. А я видел Ленина, видел хорошо, своими глазами после открытия конгресса Коминтерна¹. Я слышал его сильный голос!

Ленин появился на заседании конгресса, когда разгорелись споры по итальянскому вопросу. Проницательный, лучистый взгляд, идущий из глубины глаз, округлое лицо, наполовину заросшее рыжеватой бородкой, — я видел Ленина! В этот день он произвел на меня потрясающее впечатление. Когда группа Серрати предложила свои поправки к 21 условию вступления в Коминтерн, Ленин сердито взбежал на трибуну. «Группа Серрати — настоящие оппортунисты! Мы благодарны ей за сочувственное отношение к России после революции, но мы должны разгромить ее оппортунистические тенденции в Италии».

СЛОВО, БЬЮЩЕЕ В ЦЕЛЬ

Речь Ленина острая, каждое слово бьет в цель. Ленин не щадит своих оппонентов, не говорит обиняками. Он не знает компромиссов и колебаний². В его движе-

¹ Имеется в виду III конгресс Коминтерна, на котором У. Тагути выступал от имени японской коммунистической группы в США.

² Здесь автор ошибается, говоря, что Ленин отрицал компромиссы вообще. И на III конгрессе Коминтерна, делегатом которого был У. Тагути, Ленин говорил, что «компромиссы, при известных условиях, необходимы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 23).

ниях чувствуется сила и гибкость. Не давая себе передышки, Ленин страстно опровергает доводы противников. Он сражает их своей иронией, острой и холодной, как бритва...

Прения по итальянскому вопросу были закончены в три часа дня. У выхода из зала заседаний, в коридоре, покрытом красным ковром, меня нагнал Рутгерс. Удержав меня за руку, Рутгерс сказал: «Сегодня как раз удобный случай представить вас товарищу Ленину».

Я буквально подпрыгнул от радости. В том, как Рутгерс произносил имя Ленина, чувствовалось его глубокое уважение и кипящая, словно горячий источник, любовь к вождю.

Для заседаний конгресса Коминтерна был отведен большой зал Кремлевского дворца. Он знаменит тем, что в царское время здесь собирались сановники для принятия решений по государственной политике. Теперь же сюда собираются делегаты пролетариата, чтобы обсуждать проблемы и тактику мирового революционного движения.

Беломраморные колонны обвиты красной тканью, пол в коридоре выстлан красным ковром. С потолка на стену у президиума свисают полотнища, на которых красными буквами на четырех языках — русском, немецком, английском, французском — написан лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Когда-то отсюда, наверно, важно смотрели в зал портреты русских царей.

Мы с Рутгерсом долго пробирались по бесконечному лабиринту залов и коридоров, пока не остановились перед одной из комнат. На наш стук послышался тихий, но отчетливый ответ на русском языке: «Входите, пожалуйста!»

Большой прочный стол. На его отполированной поверхности лежит одна книга, прижатая на раскрытой странице ножом для бумаги. Ленин, оторвавшись от чтения, поднимается нам навстречу.

Глаза! Сузившись в тонкую ниточку, они ласково улыбаются нам из-под бровей. Рыжеватая бородка, густые усы, широкие плечи... Неожиданный для меня Ленин. Теперь передо мной был совершенно иной человек в сравнении с тем, которого я видел на трибуне конгресса III Интернационала.

Комната обставлена очень скромно, без всяких укра-

шений. Прежде всего в глаза бросаются книжные шкафы, занявшие под прямым углом две стены довольно просторной комнаты. Они набиты книгами.

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Как только Рутгерс закончил свою рекомендательную речь, Ленин неожиданно повернулся ко мне и протянул руку: «Добро пожаловать товарищ!» Я не ожидал столь быстрой реакции и смутился, как деревенский парень.

«Я слышал, что у вас много хороших коммунистов. Теперь они с большой энергией возьмутся за дело. Многие русские товарищи возлагают большие надежды на ваше движение. И я радуюсь от всего сердца».

Всего лишь три дня назад журнал «Коммунистический Интернационал» напечатал присланный мне манифест о создании Коммунистической партии Японии¹. Английский текст манифеста был безупречен. Когда, прежде чем представить манифест в секретариат Коминтерна, я показал его Коллонтай, она восхищенно воскликнула: «Никогда не думала, что среди японцев есть такие знатоки английского языка!»

С образованием Коммунистической партии Японии я и мой товарищ Симабара получили из страны делегатские мандаты. Изумление, радость, неопишуемая радость охватили меня. Я испытывал такое чувство, как будто чья-то невидимая рука вытолкнула меня из тьмы на свет.

Приехав в Россию с мандатом Лиги японских социалистов в США, я чувствовал себя как-то неловко среди делегатов из разных стран, имеющих за собой мощные партии и десятки, сотни тысяч пролетарских масс. И только я мог по-настоящему ощутить всю эту радость признания.

Когда Рутгерс попрощался с Лениным и поднялся со своего места, Ленин сказал мне:

— В ближайшее время в Москве будет создан университет для обучения трудящихся Востока. Присылайте и вы из Японии надежных товарищей, борцов².

¹ Коммунистическая партия Японии была организационно оформлена в июле 1922 г.

² Коммунистический университет трудящихся Востока был создан по декрету ВЦИК РСФСР от 21 апреля 1921 г. в Москве, при Наркомпросе, для подготовки работников советских восточных рес-

Крепко пожав мне руку, Ленин продолжал с какой-то огромной внутренней силой:

— Россия наконец избавилась от мировой и гражданской войн, позади осталось время контрреволюционных мятежей, создан фундамент для укрепления пролетарской власти. В этом смысле III конгресс можно назвать первым конгрессом Коминтерна в условиях мира. Вам предстоит еще много и крепко поработать, товарищ!

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 5. С. 381—385.

публик и областей, позднее перешел в ведение ЦК ВКП(б); КУТВ был открыт 21 октября 1921 г. на базе Восточных курсов при Наркомнаце.

ФРАНСИСКО Р. ПИНТОС

Народ делает историю¹

...В первые месяцы моего пребывания в Советской России² я разделял вполне объяснимое беспокойство пролетариата и всего народа великой социалистической страны о здоровье Ленина. Из-за недостаточной информации и противоречивых слухов беспокойство это все нарастало, пока 24 сентября 1922 года не было официально заявлено, что Владимиру Ильичу значительно лучше.

Поэтому я поспешил послать в «Хустисиа» корреспонденцию, в которой опровергал утверждения буржуазной прессы об остром кризисе в ходе болезни Ленина и даже о его мнимой смерти.

«Ленин не умер,— писал я,— он сохраняет полную ясность мысли, его не разбил паралич, и нет никаких оснований так предполагать. Мы с радостью можем это засвидетельствовать и в доказательство представить фотографии вождя русской революции, снятые в санатории, где он еще находится».

Идя навстречу пожеланиям тысяч советских рабочих, встревоженных противоречивыми известиями о здоровье Ленина и желающих узнать истину, газета «Правда» опубликовала 24 сентября специальное приложение с фотографиями Председателя Совета Народных Комиссаров. Тираж полностью разошелся через несколько часов после выпуска; все наперебой покупали газету.

Отмечая безграничную любовь рабочего класса и всего советского народа к Ленину, я писал в «Хустисиа»: «Мы, коммунисты, не верим слепо в то, что великие люди всемогущи и что ход истории может быть изменен в соответствии с их желаниями. Нет, историю делают народы ценой самоотверженности и борьбы. Однако мы не принадлежим к числу тех, кто отрицает роль руководителей и учителей, в известных условиях ведущих массы к великим победам и вносящих свою лепту в дело со-

¹ Публикуется заключительная часть статьи, посвященная В. И. Ленину (с небольшими сокращениями).

² Ф. Р. Пинтос приехал в Советскую Россию в апреле 1922 г.

вершенствования человечества. Великий вождь пролетарской революции является именно одним из таких людей».

* * *

Наша радость возросла, когда в последних числах октября было объявлено, что Ленин выступит на ноябрьских заседаниях IV конгресса Коммунистического Интернационала. С этого момента я с нетерпением ждал дня, когда мне доведется познакомиться с Лениным. Впервые я увидел Ленина 13 ноября 1922 года. Он выступил перед делегатами IV конгресса Коминтерна с одной из своих последних больших речей. Как он сам сказал, из-за неважного состояния здоровья эту речь он произнес в сокращенном виде. Это был доклад о первых пяти годах русской революции и перспективах революции мировой.

Тринадцатого ноября зал, где происходили заседания конгресса, был переполнен. Присутствовали абсолютно все делегаты, гости заняли отведенные им места.

Вдруг открылась небольшая дверь, и вошел Ленин. Быстрым и нервным шагом он направился к трибуне.

Словно подброшенные пружиной, все мы встали — и оглушительный гром аплодисментов приветствовал великого вождя мирового пролетариата. Мы долго аплодировали, не обращая внимания на жесты Ленина. Наконец он начал свое выступление.

Ленин говорил по-немецки. Слушая перевод сидевшей рядом со мной сотрудницы аппарата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, я стал внимательно смотреть на Ленина, чтобы запечатлеть в памяти его облик, жесты. Да, у него был вид человека, перенесшего серьезную и длительную болезнь: давала себя знать усталость, и крупные капли пота показывались на лбу и на висках. Однако все это не мешало ему проявлять временами свою исключительную энергию, когда он подчеркивал самые важные места доклада.

Ленин не производил впечатления выдающегося оратора в обычном смысле этого слова, но сразу же стало ясно, что это — человек, умеющий прекрасно излагать свои мысли, что это — великий вождь масс, который их прекрасно знает и понимает и который умеет говорить о важнейших и глубоких вещах очень просто, без всякой

риторики. Он говорил, поглядывая на заметки, лежавшие на трибуне, а затем бросал взгляд на аудиторию, как будто хотел убедиться в том, что его правильно поняли.

Так, Ленин разъяснял нам, что в то время и в условиях Советской Республики представлял собой государственный капитализм; какие усилия прилагали партия и правительство для проведения новой экономической политики и какие значительные успехи в этом были достигнуты; какое значение имеет для страны, для дальнейшего ее экономического развития стабилизация рубля. Он говорил о возрастающем доверии со стороны крестьян, о росте производительности крестьянского труда, об успехах легкой промышленности.

Перейдя затем непосредственно к международным проблемам, Ленин рассказал, в какой форме должна быть выработана программа Коммунистического Интернационала, чтобы она была понятна руководителям и членам коммунистических партий и ее можно было бы успешнее проводить в жизнь.

Ленин закончил свой доклад. Мы снова поднялись и долго ему аплодировали. Затем раздались звуки «Интернационала»; мы пели на многих языках, и от наших голосов дрожали стекла в высоких окнах Кремлевского дворца...

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1985.
Т. 5. С. 462—464.

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ

Я видел Ленина¹

Я видел Ленина только один раз: в Кремле во время конгресса Коминтерна осенью 1922 года². Тогда еще невозможно было понять весь огромный размах дела Ленина — Октябрьской революции; старый мир был неприятно поражен происшедшим, но еще не испытывал такого панического ужаса перед революцией, как сейчас. Революция, казалось ему, — только гигантский эксперимент: она вызвала расстройство капиталистического производства и некоторое уменьшение барышей; пожалуй, правильнее всего было бы ее придушить, но рано или поздно она сама обанкротится. Крупные капиталистические державы были слишком связаны противоречиями, вызванными их собственной конкуренцией; новое пролетарское государство, конечно, мешало им в их игре, но они еще не слышали доносившегося оттуда погребального звона по старому миру. Даже II Интернационал еще не уразумел, что на карту было поставлено и его существование.

Сейчас дело Ленина выросло и охватило все. Нет ни одного сколько-нибудь значительного для человечества события, которое не было бы связано с Лениным и революцией. Мир сегодняшнего дня содрогается в смертельной борьбе; в муках рождается будущее. Но кто тогда, кроме Ленина, предвидел это? Мы, участники конгресса, собравшиеся со всех концов земли: немецкие и скандинавские рабочие, негры, египетские феллахи и индийские кули, — все мы верили в дело нового мира и в Ленина. Но сам он знал с непоколебимой уверенностью, что победа придет, и отчетливо видел путь к ней.

Вот это-то и отличало его среди огромного, пестрого собрания делегатов, где было немало ясных умов. Это чувствовалось во всем его простом облике, совсем не таком, каким обычно представляют себе облик великих мыслителей, — это отражалось и в его речи. Мысль Ле-

¹ Воспоминания печатаются с небольшим сокращением.

² Речь идет о IV конгрессе Коминтерна (5 ноября — 5 декабря 1922 г.).

нина текла, ясная и прозрачная, и тогда, когда он касался величайших проблем человечества и показывал наглядно для каждого, что будущее неизбежно и прочно развивается из настоящего. Казалось, он жил всеми человеческими жизнями. Он знал положение во всех странах, судьбы бедняков и применяемые в каждой стране методы эксплуатации; и он показывал нам, как развивались эти методы вплоть до настоящего времени. Это была наука, но совершенно особая и новая: она не пахла книгой, а была самой жизнью; она освещала судьбу и промышленного рабочего, и кули, и швеи, и подметальщика улицы. История человечества, сама история человеческой культуры представала перед нами из речи Ленина.

— Вот это настоящий человек,— шепнул мне рабочий-норвежец.— И как он похож на любого из нас, только в тысячу раз зорче!

Накануне этот норвежский товарищ был у Ленина и ознакомил его с положением в Норвегии.

— Но Ленин знал об этом больше моего; да и о Дании тоже. Ваших мелких крестьян он сравнил с собакой цыгана, впряженной в тележку, перед которой подвешен кусок мяса; она все время тянется за ним, но никак не может достать до него. Так ваши крестьяне, их жены и дети тянутся из последних сил, надрываются, работая на капитал; им внушили, что они — маленькие помещики, или, как выразился Ленин, «помещики в миниатюре».

— Как ты обращался к нему? — спросил я норвежца.

— Конечно, я говорил с ним на «ты». Я не хотел обидеть его!

* * *

Сама внешность Ленина, его простота обличали в нем человека нового времени. Разговаривая с ним, каждый, самый простой человек чувствовал, что перед ним один из тех необыкновенных людей, кто рождается раз в столетие, а может быть, и в тысячелетие; и этот редкостный человек, здороваясь с ним за руку, говорил: «Расскажи мне что-нибудь о себе, о своей жизни».

Ленин, который был умнее всех, чутко прислушивался к голосу и биению сердца маленьких людей, учился у них, взвешивал их самих и их дела, показывал, что рядовой человек и его труд — основа жизни. Уже одно это

было наградой за тысячелетнее прозябание; никогда раньше не стоял перед простым людом человек, так хорошо знавший его самого и его жизнь, как Ленин.

Поэтому Ленин всегда занимал в сердцах рабочих особое место, которое никакая травля и клевета не могли поколебать. Даже самые забитые и отсталые оживляются, их глаза блестят, когда произносится имя Ленина.

Воспоминания о В. И. Лени-
не в 5 т. М.: Политиздат, 1985.
Т. 5. С. 469—471.

Есть немеркнущие воспоминания в жизни каждого человека. Они, как звезды, освещают темнеющее небо ушедшего времени.

Два раза видела я Владимира Ильича Ленина: в Большом театре во время исполнения Девятой симфонии и позднее, на конгрессе Коминтерна в зале Кремлевского дворца.

Прошло несколько десятилетий, но в памяти звучат бессмертные звуки Бетховена и подле поблекшей пунцово-красной портьеры, прислонясь к стене, в темном пиджаке стоит передо мной живой Ленин.

Все мы, находившиеся на утреннем симфоническом концерте, были несказанно поражены и обрадованы тем, что рядом с нами Ильич. Он вошел с женой неожиданно, неслышно и долго стоял в глубине ложи, не желая кого-либо побеспокоить. Помню широкий, решительно протестующий жест выброшенной вперед руки, когда мы все поднялись, чтобы уступить свои места. Так и не сели Ленин и Крупская, куда не были внесены в ложу дополнительные кресла.

С той минуты, как Владимир Ильич появился, я не могла более оставаться спокойной. Хотелось смотреть только на него, но это было неловко. Когда хор и солисты запели «От страдания к радости», Ильич облокотился на барьер ложи, и я увидела его бледное, вдохновенное, сосредоточенное лицо. Он был весь во власти торжествующей, победной симфонии, заполнившей огромный театр, рвущейся прочь, сквозь камни, к небу. Ликующие, жизнеутверждающие аккорды завершили финал, и музыка оборвалась. Не сразу, однако, рассеялось могучее очарование гениального творения Бетховена. Ленин как бы очнулся, встал, приветливо поклонился всем и, пропустив вперед Надежду Константиновну, вышел.

Это был счастливый день. Навсегда отныне Девятая симфония стала для меня музыкальным выражением не только одного, а двух гениев.

Тринадцатого ноября 1922 года я снова не только увидела, но и услышала Владимира Ильича. Это было

на одном из заседаний IV конгресса Коммунистического Интернационала в Кремле. Переполненный до отказа Андреевский зал был охвачен нетерпеливым ожиданием. Представители пятидесяти восьми коммунистических организаций мира ждали Ленина. Всюду слышалась чужеземная возбужденная речь. Владимир Ильич совсем недавно оправился после первого грозного проявления той болезни, которая вскоре свела его в могилу. Тем более волновались делегаты и гости. Я не отрывала жадных глаз от трибуны. Там, среди многих других, особенно выделялась прекрасная, в рамке голубовато-серебряных пышных волос, голова Клары Цеткин. Внезапно я услышала аплодисменты и пылкие приветствия, раздавшиеся где-то в конце длинного светлого зала. Ленин с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной появились не со стороны президиума, а из двери для публики. Меня поразила стремительность и легкость походки Владимира Ильича, живость и четкость его жестикуляции и мимики. Прекрасна была его улыбка в ответ на радостный гул, поднявшийся вокруг. Никто не дал бы Ленину, несмотря на недавно перенесенную болезнь, пятидесяти двух лет. Он выглядел значительно моложе и благодаря ширине плеч и пропорциональности сложения казался выше ростом, нежели был на самом деле. Пройдя вдоль стены через весь зал, Ленин поднялся на трибуну. Надежда Константиновна примостилась у подножия деревянной кафедры, за которой он встал. Я не сразу поняла, зачем она это сделала. Владимир Ильич выступал с речью на немецком языке. Его переутомленному мозгу нельзя было чрезмерно напрягаться, и на случай, если память в какой-то миг не подскажет ему нужное немецкое слово, Крупская должна была быть переводчицей. Этого, однако, не понадобилось.

Едва Ленин заговорил, воцарилась глубокая тишина. Все замерли. Несмотря на плохое знание немецкого языка, мне казалось, что я понимаю каждую услышанную фразу.

Поразительны были не только экспрессия, четкая дикция, но и обаяние голоса и жеста этого бессмертного оратора. Безошибочно и сразу нашел он, как всегда, ту волну, которая лучше всего могла донести до аудитории его мысли и чувства. Факты, думы, провидение покорили слушателей. Лица их просветлели. Это было поистине интеллектуальное пиршество. Владимир Ильич говорил о пяти истекших годах Октябрьской революции.

Речь его по времени почти совпадала с великой годовщиной победы. Он коснулся и будущего, которое принесет всем странам коммунистическое мировоззрение.

Лишь когда под ураган аплодисментов Ленин уходил с трибуны, я заметила, как посерело его лицо и как трудно он дышит. Видимо, он очень устал после своего выступления и тотчас же вынужден был покинуть заседание.

Прошло немногим более года. Весть о смерти Ленина зимним вечером облетела землю.

Есть черные даты в жизни людей. Они как затмение солнца. Снова увидела я Ленина, и снова оркестр играл Бетховена, но то были звуки трагического похоронного марша. Свет люстр, окутанных крепом, как сквозь темную дымку тумана освещал гроб, усыпанный кроваво-красными тюльпанами. В нем был Ленин.

Уходя из Колонного зала Дома Союзов, как и часто потом, я тщетно старалась вспомнить тот час, когда услышала впервые об этом вечно живом человеке. Революция застала меня маленькой девочкой. Может быть, отец и мать, оба большевики-подпольщики, или уличный митинг, газета, плакат первые сказали мне о Ленине. Напрасные поиски. В моем сознании он жил всегда и стал частью самой жизни. Всем нам хотелось хоть чем-нибудь походить на Владимира Ильича, которого мы воспринимаем как воплощение человеческих идеалов. Обычные мерила ему не под стать. Он, так же как Маркс и Энгельс, доподлинно человек революции, гениально выразивший требования своей эпохи, и вместе с тем человек будущего.

Ленин показал непревзойденные образцы смелой революционной борьбы, поведения в повседневной жизни, отношения к труду, мышления и неизменного единства цели. Это величайший гуманист, отдавший себя борьбе за счастье трудового народа.

Каждая, даже самая незначительная бытовая деталь его биографии отражает высокую простоту, большое сердце. Владимир Ильич всегда думал только о других и ничего лишнего, особенного не хотел для себя... Вспоминаю, как Валерьян Владимирович Куйбышев рассказывал о «головомойке», которую он получил в самом начале 20-х годов от Ильича. Когда до Ташкента дошла весть о тяжелой болезни Ленина, члены Средне-Азиатского Бюро ЦК и Реввоенсовета фронта решили отправить ему свои охотничьи трофеи — тушки фазанов. Иль-

ич, узнав о посылке, очень рассерчал, объявил, что считает это проявлением подхалимства, и приказал немедленно передать дичь Московскому военному госпиталю в Лефортово.

Нельзя без душевного трепета и восхищения думать о той большой любви, которая связывала много лет Владимира Ильича с его женой.

Глубоко запал мне в душу рассказ старого большевика, сопровождавшего Ленина в одной из его поездок в Петроград. Прежде чем направиться в Смольный, Ильич поехал к дому, в котором в конце прошлого века познакомился с Крупской. Там он вышел из автомобиля и некоторое время прохаживался по тротуару, поглощенный дорогами ему воспоминаниями.

Недавно одна из старейших коммунисток — Серафима Ильинична Гопнер рассказала мне эпизод, который еще раз показывает, как дорога и нужна всегда была Надежда Константиновна Владимиру Ильичу.

Это было грозной, тяжелой и голодной весной 1919 года. В Москве собрался I конгресс Коммунистического Интернационала. Гопнер приехала с Украины, где в хлебе не ощущалось большого недостатка.

На заседаниях конгресса была и Надежда Константиновна. Она очень исхудала и выглядела болезненной. Гопнер решила уговорить Крупскую поехать отдохнуть на Украину и в перерыве между заседаниями сказала об этом Владимиру Ильичу. Ленин категорически воспротивился:

— Нет, нет, невозможно,— не задумываясь, горячо возразил Ильич.— На Украине хоть и сытно, но неспокойно. Да и мне без Нади будет трудно,— и опять повторил: — Нет, нет, уж лучше не надо...

— Было ясно,— добавила Серафима Ильинична,— что Владимир Ильич огорчился даже мыслью о разлуке с женой. Она ведь была самым близким его другом.

Г. Серебрякова. Свет неугасимый. М.: Госполитиздат, 1962. С. 3—6.

Как все в природе, Ленин, наверно, родился, развивался, рос.

Когда Владимир Ильич однажды увидел, что я проглядываю только что появившийся сборник его статей 1903 г., его лицо осветилось хитрой улыбкой, и он, хихикая, сказал: «Очень интересно читать, какие мы были дураки». Но я не собираюсь здесь сравнивать форму черепа Ленина, когда ему было 10, 20, 30 лет, с тем черепом, который блестит на заседаниях Центрального Комитета партии или Совнаркома¹. Не о развитии Ленина-вождя идет здесь речь, а о Ленине, каков он теперь. Павел Борисович Аксельрод, родоначальник меньшевизма, который ненавидит Ленина всей душой — на нем очень легко изучать, как любовь переходит в ненависть, — в одной из бешеных филиппик, которыми он пытался убедить меня в зловредности большевизма вообще, а Ленина в частности, рассказывал, как Ленин попал в первый раз за границу и как они тогда ходили совместно гулять, купаться. «Я тогда почувствовал, — говорит Аксельрод, — что имею дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованным марксистом, — таких было очень много, — но он знал, что он хочет делать и как это надо сделать. От него пахло русской землей». Павел Борисович Аксельрод — очень плохой политик, и от него не пахнет землей. Он — кабинетный резонер, вся жизненная трагедия которого состояла в том, что в то время, когда не было рабочего движения в России, он выдумал схемы, как оно должно развиваться, а когда оно стало развиваться, то он ужасно обиделся и до сегодняшнего дня раздраженно кричит на непослушного ребенка. Но человек часто очень хорошо замечает в другом то, чего ему самому не хватает, и Аксельрод в своих словах о Ленине неслыханно метко схватил все его качества как вождя.

Немыслим такой вождь рабочего класса, который не знал бы всей истории своего класса. Без этого знания

¹ Очерк написан при жизни Ленина, в марте 1923 года.

нет вождя, так же, как нет ни одного современного великого полководца, побеждающего с наименьшей затратой сил, который не знал бы истории стратегии. История стратегии — не собрание рецептов, объясняющих, как выиграть войну, потому что описанное положение ни разу больше не повторяется. Но детальное изучение истории стратегии изощряет ум полководца, придает ему военную гибкость, позволяет ему видеть опасности и возможности, которых не видит полководец-эмпирик. История рабочего движения не говорит нам, что надо сделать, но она позволяет, сравнивая наше положение с положением в различные решающие моменты, уже пережитые нашим классом, видеть задачи и замечать опасности. Но нельзя знать истории рабочего движения без детального знакомства с историей капитализма, с его механикой, во всех проявлениях, как экономических, так и политических, т. е. без знакомства с теорией капитализма.

Ленин знает историю капитализма, как немногие из учеников Маркса. Это не только знакомство с текстами: Ленин продумал теорию марксизма как никто другой. Возьмите его маленькую брошюру по поводу наших споров о профсоюзном движении, в которой он громит Николая Ивановича Бухарина, как повинного в синдикализме и других смертных грехах ¹ (когда Владимир Ильич кого-нибудь громит, то он находит в нем все болезни, которые числятся в известной старой медицинской книге, находящейся у него в большом почете). В этой полемической брошюре есть маленькая страничка, посвященная разбору разницы между диалектикой и эклектикой ², страничка, которую не цитируют ни в каких сборниках статей о диалектическом материализме, но которая о нем больше говорит, чем целые главы других толстых трудов. Ленин самостоятельно воспринял и продумал теорию марксизма по той причине, что он изучал ее с той же целью, с какой ее Маркс создавал. Когда-то старик Меринг написал рецензию об одной книге о Фейербахе, написанной русским, фамилии которого я не помню. В этой рецензии он спрашивал, почему такую книгу не в состоянии написать немец. И Меринг ответил на этот вопрос: немцы не ставят себе задачей пре-

¹ Имеется в виду работа Ленина «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 264—364).

² Там же. С. 289—291.

образование всего общественного и политического строя в Германии, и поэтому они потеряли чутье и понимание философских систем, являющихся отражением стремления к такому преобразованию. В России же стоит на очереди общий переворот. Ленин вошел в движение как персонификация воли к революции, и он изучал марксизм, изучал развитие капитализма и развитие социализма под углом зрения его революционного значения. Плеханов был революционером, но Плеханов не был человеком воли, и при громадном его значении, как учителя русской революции, он был в состоянии учить ее только алгебре, а не арифметике революции. Как показала история, он сам запутался в четырех арифметических действиях русской революции, и поэтому его алгебра революции была больше преподаванием готовых учений, чем самостоятельной борьбой мысли. В этом пункте лежит переход от Ленина-теоретика к Ленину-политику.

Марксизм связал Ленина с общей стратегией рабочего класса, но вместе с тем он подвел его самым конкретным образом к той стратегической задаче, которая выпала на долю рабочего класса России. Можно сказать, что в академии генерального штаба он изучал не только Клаузевицев, Жоини и Мольтке, но изучал, как никто в России, и театр будущей войны русского пролетариата. В этой небывало интенсивной, интимной связи с полем своей деятельности — весь гений Ленина. Мне придется в другом месте разбирать вопрос, почему такой великий ум, как Роза Люксембург, не была в состоянии понять правоту Ленина при возникновении большевизма. Тут я могу только предвосхитить результаты этого исследования. Роза Люксембург не понимала конкретно, чем отличается экономическая и политическая обстановка борьбы русского пролетариата от обстановки борьбы польского и западноевропейского пролетариата. Поэтому она в 1904 г. сочувствовала меньшевизму в организационных вопросах. Меньшевизм был в исторической перспективе политикой мелкобуржуазной интеллигенции и наиболее мелкобуржуазных слоев пролетариата. Методологически меньшевизм был попыткой перенесения тактики западноевропейского рабочего движения в Россию. Когда читаешь статьи Аксельрода или Мартова о самостоятельности развития рабочего класса, о том, как он должен учиться ходить на собственных ногах, то все эти идеи очень подкупают всякого, кто вырос на западноевропейском рабочем движении. И я помню, как, зна-

комясь с полемикой социал-демократов во время первой революции и не зная конкретной русской действительности, я не мог понять, как это можно отрицать такие азбучные истины. Но в этом великолепном плане не доставало только условий для применения тактики и теперь исторически доказано, что все разговоры меньшевиков о самостоятельности рабочего движения были на деле разговорами о том, как русское рабочее движение должно подчиниться буржуазии. Крайне интересно теперь читать споры о пресловутом первом параграфе Устава партии, из-за которого произошел раскол социал-демократии на меньшевиков и большевиков. Каким сектантским казалось тогда требование Ленина, чтобы членами партии считались только члены нелегальной организации. А о чем же шло дело? Ленин боролся против того, чтобы политику рабочей партии определял интеллигентский кисель. Перед первой революцией всякий недовольный врач и адвокат почитывал Маркса и считал себя социал-демократом, будучи на деле либералом. Даже входя в нелегальную организацию, даже порвав с мещанской обстановкой, многие интеллигенты оставались, как это после доказала история, в глубине души либералами. Но сужение рамок партии до круга людей, которые шли на риск участия в нелегальной организации, все же уменьшало опасность буржуазного засилья в рабочей партии, давало возможность революционной струе рабочего класса пробиться через сито партийной организации, которая и так в значительной мере оставалась интеллигентской. Но чтобы это понять, чтобы из-за этого расколоть партию, для этого надо было быть так связанным с русской действительностью, как был связан с нею всем своим нутром Ленин, как русский марксист, как русский революционер. Если это было неясно многим хорошим марксистам в 1903—1904 гг., то это стало уже вполне ясным с того момента, когда П. Б. Аксельрод начал подменять классовую борьбу пролетариата против русской буржуазии пресловутой земской кампанией, т. е. хождением рабочих на либеральные банкеты с двойной целью: увидеть буржуа и проникнуться ненавистью к классу капиталистов, которых рабочие вне банкета, как известно, не видели, а затем, чтобы воспитывать капиталистов в понимании необходимости борьбы за общенациональные интересы.

Но и в том, как Ленин знает русскую действительность, он отличается от всех других, которые протягива-

ли руку к железу властителя дум российского пролетариата. Он русскую действительность не только знает, он ее видит и чувствует. На всех поворотных пунктах истории партии, особенно в момент, когда мы стали у власти и от решений партии зависели судьбы 150 миллионов людей, меня в Ленине поражало то, что англичане называют common sense, то есть здравый смысл. «Вот, — скажут люди, — комплимент для человека, относительно которого мы убеждены, что такие, как он, являются один раз в сто лет, — признал за ним здравый смысл». Но в этом — его величие как политика. Когда Ленин решает большой вопрос, он не мыслит абстрактными историческими категориями, он не думает только о земельной аренде, о прибавочной стоимости, об абсолютизме, о либерализме. Он думает также о Собакевиче, о Гессене, о Сидоре из Тверской губернии и о рабочем с Путиловки, о городовом на улице и думает о том, как данная мера влияет на мужика Сидора и на рабочего Онуфрия как носителей революции.

Я не забуду никогда моего разговора с Ильичем перед заключением Брестского мира. Все аргументы, которые мы выдвигали против заключения Брестского мира¹, отскакивали от него как горох от стены. Он выдвигал простейший аргумент: войну не в состоянии вести партия хороших революционеров, которые, взяв за горло собственную буржуазию, не способны идти на сделку с германской. Войну должен вести мужик. «Разве вы не видите, что мужик голосовал против войны?» — спросил меня Ленин. «Позвольте, как это голосовал?» «Ногами голосовал, бежит с фронта». И этим для него дело было решено. Что мы не уживемся с германским империализмом Ленин не только знал, как все другие, но он, защищая брестскую передышку, не скрывал ни на один момент перед массами, какие бедствия она нам сулит. Но хуже немедленного разгрома русской революции она не была — она давала тень надежды, передышки, хотя бы на несколько месяцев, и это решало. Надо было, чтобы мужик дотронулся руками до данной ему революцией земли, надо было, чтобы встала перед ним опасность потери этой земли, и тогда он будет ее защищать.

Возьмем другой пример. Это было в момент, когда начинались наши переговоры с Польшей в Риге². Я уез-

¹ К. Радек принадлежал в то время к числу «левых коммунистов».

² То есть осенью 1920 года.

жал тогда за границу и зашел к Ильичу поговорить о только что намечавшихся разногласиях по вопросу об отношении к профсоюзам. Подобно тому, как при решении вопроса о Брестском мире Ленин видел перед глазами своей души мужичка из Рязанской губернии и — зная, что он решающая персона в военной драме — равнялся по нему, так — в момент перехода от гражданской войны к хозяйственному восстановлению России — он равнялся по рядовому рабочему, без которого нельзя восстановить хозяйство. К чему сводился для него вопрос? На партийных собраниях говорили о роли профсоюзов в хозяйстве, о сращивании профсоюзных организаций с хозяйственными организациями, договорились до споров о синдикализме и эклектизме, а Ленин видел обтрепанного рабочего, который вынес невиданное и неслыханное и который теперь должен восстанавливать хозяйство. Что хозяйство надо немедленно восстанавливать, что надо подтянуться, что мы для этого имеем право подтянуть рабочую массу, — это для него было бесспорно. Но можем ли мы ее немедленно подтянуть, послав на фабрики тысячи наших самых лучших военных товарищей, привыкших командовать? От крика в производстве ничего не произойдет. Надо дать передышку, рабочие неслыханно устали. Вот что было решающим аргументом для Ленина. Он видел своими глазами действительного русского рабочего, каким он был зимой 1920 года, и он чувствовал всем своим существом, что возможно и что невозможно.

Во вступлении к «Критике политической экономии» Маркс говорит, что история ставит перед собой только разрешимые задачи. Это означает, иными словами, что орудием истории является тот, кто понимает, какие задачи в данный момент исторически разрешимы, и берется не за желательное, а за возможное. Величие Ленина состоит в том, что никакая вчера созданная формула не мешает ему видеть изменяющуюся действительность и что он имеет мужество отбросить всякую вчера им самим созданную формулу, если она сегодня мешает ему охватить эту действительность. Перед взятием власти мы, как революционные интернационалисты, выдвигали лозунг мира народов против мира правительств. И вдруг мы оказались рабочим правительством, а многоуважаемые народы не успели еще скинуть капиталистических правительств. «Как же мы будем заключать мир с правительством Гогенцоллернов?» — спрашивали многие

товарищи. Ленин отвечал нам: «Вы хуже курицы. Курица не решается перешагнуть через круг, начерченный вокруг нее мелом, но она может для своего оправдания хотя бы сказать, что этот круг начертила вокруг нее чужая рука. Но вы-то начертали вокруг себя собственной рукой формулу и теперь смотрите на нее, а не на действительность. Наша формула мира народов должна была поднимать массы на борьбу с капиталистическими правительствами. Теперь вы хотите, чтобы мы погибли, и чтобы победили капиталистические правительства во имя нашей революционной формулы».

Величие Ленина в том, что он ставит себе цели, вырастающие из действительности. В этой действительности он намечает сильную лошадь, идущую по пути к его целям, и ей доверяется. Он никогда не садится на качели своих мечтаний. Но этого мало. Его гений определяется еще одним элементом: наметив себе цель, он ищет в действительности средства, соответствующие этой цели: он не довольствуется тем, что установил цель,— он продумывает с полной конкретностью, что нужно для того, чтобы эта цель была достигнута. Он разрабатывает не только план кампании, но и организацию этой кампании. Наши организаторы часто смеялись над Ильичем по поводу того, что он будто не организатор. Если посмотреть, как Ильич работает у себя в кабинете в Совнарком, то кажется, что невозможно быть более плохим организатором. Он не только не имеет штаба секретарей, подготовляющих ему материал, но до сегодняшнего дня не научился диктовать стенографистке и даже на самопишущее перо посматривает почти так, как мужик с Дона на встреченный им впервые автомобиль. Но укажите в партии хотя бы одного человека, который сумел бы с такой силой и конкретностью выдвинуть центральную идею о реформе нашего бюрократического аппарата в продолжение десятка лет,— реформе необходимой, если мы не хотим, чтобы обиженный чиновниками мужик взвыл. Все мы знаем бюрократический аппарат, все мы воем, дебоширим по поводу «маленьких недостатков советского механизма». Но кто из руководителей партии сказал себе: новая экономическая политика подвела новый базис под союз пролетариата с крестьянством,— как же позволить, чтобы бюрократия разрушала этот союз? А великий политик русского пролетариата на одре болезни, оторванный ею от мелочей действительности, все думал о центральном вопросе нашей государственной органи-

зации и наметил план борьбы на десятилетия¹. Это еще только первый набросок, детали будут меняться при проверке на опыте. Но чем более вдумываешься в этот беглый набросок, тем более становится ясно, что Ленин снова попал не в бровь, а в глаз, что он снова доказал, как в нем соединяется великий политик с великим политическим организатором.

Как это в нем соединилось — бог знает (пусть меня извинит т. Степанов в комиссии по борьбе с религиозностью). История имеет свои самогонные аппараты, которые не откроет никакой угрозыск. Германская буржуазия не сумела объединить Германию, и где-то в маленькой помещичьей усадьбе, в самогонном аппарате истории был создан богом ли, чертом ли, т. е. молекулярной работой истории, Бисмарк, который эту задачу выполнил. Когда читаешь первые его доклады, когда следишь шаг за шагом за развитием его политики, разводишь руками и спрашиваешь себя, откуда этот громадный охват всевропейской действительности у прусского помещика. Та же мысль приходит всегда в голову, когда думаешь об истории нашей партии, об истории революции и об Ильиче. В продолжение 15 лет, казалось, что человек борется за всякую запятую в резолюции, борется со всякими «измами», которые выдумывались на протяжении 25 лет, начиная от хвостизма и кончая эмпириокритицизмом. Всякий такой «изм» был для Ленина отражением какого-то действительного врага, существующего в чужих классах или в рабочем классе, существующего в действительности. Эти «измы» были щупальцами действительности, и он через все это втягивал в себя эту действительность, изучал, продумывал ее, пока совершилось чудо: подпольный человек оказался самым почвенным человеком русской действительности. История не знает ни одного примера такого перехода от подпольного революционера к государственному человеку. Это соединение качеств руководящего теоретика, политика и организатора сделало Ленина вождем русской революции. Но для того чтобы этот вождь был единым, общепризнанным вождем, нужно было еще что-то человеческое, за что Ленин стал любимым человеком русской революции.

¹ Речь идет о статьях Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», написанных соответственно 23 января и 2 марта 1923 г.

Ибсен пытался уверить нас, что человеку абсолютно нужна правда: в ибсеновской индивидуальной формулировке эта правда очень далека от правды. Для многих людей правда убийственна, она убийственна даже для многих классов. Если бы буржуазия поняла правду о себе и усвоила бы ее нутром, то она уже сегодня была бы разбита, ибо как бороться, когда правда истории тебе говорит, что ты не только приговорен смерти, но и что самое тело твое бросят в клоаку. Буржуазия спасается глухотой и слепотой от своей участи. Но революционный класс нуждается в правде, ибо правда есть знание действительности, и нельзя победить эту действительность, не зная ее. Частью этой действительности являемся мы, рабочий класс, коммунистическая партия. И только зная свои силы, свои слабости, мы в состоянии принимать меры, необходимые для окончательной победы. Ленин говорит пролетариату правду и только правду, как бы печальна она ни была. Когда ее слушают рабочие, они знают, что в его речи нет фразерства. Он помогает нам ориентироваться в действительности. Я жил в Давосе¹ с умирающим от чахотки старым большевиком-рабочим. Тогда шла дискуссия о самоопределении национальностей, в которой мы, польские социал-демократы, боролись со взглядами Ленина². Товарищ, о котором идет речь, читая мои тезисы против Ленина, говорил мне: «То, что вы пишете, меня вполне убеждает, но сколько раз я бывал против Ильича, я всегда оказывался неправым». Так думают руководящие работники партии, и это создает авторитет Ленина в партии. Рабочих более связывает с Лениным не то, что он тысячу раз оказывался прав, а то, что, когда он оказывался не прав, когда под его руководством была сделана ошибка, он говорил открыто: «Мы сделали ошибку, за это нас побили, вот как ее надо исправить». Многие спрашивали: к чему об ошибках, зачем ему это нужно? Не знаю, почему это делал Ленин, но последствия этого вполне ясны. Рабочий чересчур вырос, чтобы верить в героев-спасителей. Когда Ленин говорит об ошибках, не скрывая ничего, он вводит рабочего в свою лабораторию мысли, он дает возможность принимать участие в последующих решениях, и рабочие видят в нем вождя, который есть олицетворение борьбы их класса, который они сами. Великий класс,

¹ Курорт в Швейцарии.

² По-видимому, осенью 1916 года.

которому нужна правда о себе, любит всем сердцем вождя, правдивого человека, говорящего ему правду о нем же самом. От него рабочий перенесет всякую правду, как бы тяжела она ни была. Человек верит в свои силы только тогда, когда он ничего в себе не замазывает, когда он знает о себе все самые тяжелые возможности и когда он может сказать о себе: а все-таки... Ленин помогает рабочему классу знать о себе все самое худшее и, несмотря на это, сказать в последнем итоге: я есть его величество пролетариат, будущий властитель и творец жизни. И в этом конечном итоге величие Ленина.

В день 25-летия партии, которая не только несет на спине своей ответственность за судьбы шестой части земного шара, но является главным рычагом победы мирового пролетариата, русские коммунисты и все, что есть революционного в мировом пролетариате, будут иметь одну мысль, одно горячее желание, чтобы этот Моисей, который вывел рабов из страны неволи, вошел вместе с нами в землю обетованную.

Март 1923.

Карл Радек. Портреты и памфлеты. М.: Советская литература, 1933. Кн. I. С. 27—36.

А.ВОРОНСКИЙ

Россия, человечество, человек

и Ленин

(Фрагмент)

Ленин, конечно, «одержимый». Он всегда говорит об одном и том же. С разных, иногда с самых неожиданных сторон он десятки раз рассматривает в сущности одно основное положение. Как-то Плеханов сказал про него: в Ленине пропал прекрасный адвокат. Это мнение Плеханова, как и многие его другие о нем, ошибочно. Ленин, когда он защищается или нападает, только с очень внешней, с поверхностной точки зрения похож на адвоката. Вообще же он говорит как человек, у которого одна основная идея, «мысль мыслей», непрестанно сверлит и точит мозг, и около нее, как по орбитам вокруг солнца планеты, кружатся остальные. Основное ядро никогда не рассеивается в сознании, ни на минуту не уступает своего места гостям. Этот хозяин прочно живет в своем жилище. Должно быть, жить так трудно, очень трудно в конце концов. Но эта же одержимость открывает и вещи зеницы, которые даруются природой и жизнью гениальным людям. Такие «одержимые» на все смотрят под одним углом зрения, видят и замечают только то, на что властно направляет их внимание основная идея, мысль, чувство, настроенность. Их зоркость, их слух, и способность замечать нечеловечески остры. Быть одержимым одной великой идеей, однако, совсем не значит видеть только большое, огромное и не замечать деталей. Лучшее опровержение тому Ленин. М. Горький писал однажды про него: «Мне кажется, что ему почти неинтересно индивидуально человеческое: он думает только о партиях, массах, государствах»; но ниже Горький вынужден прибавить: «Иногда в этом резком политике сверкает огонек почти женской нежности к человеку». Последнее — сущая правда. Если собрать миниатюрные записочки Ленина, которые он рассылал направо и налево из Кремля, чего-чего в них не найдешь: о том, как нужно вести себя с Англией и что посоветовать немецким рабочим,— и тут же рядом просьба разрешить такой-то крестьянке провезти четыре пуда ржи

от станции Эн до станции такой-то, ибо у нее на руках трое детей; и еще просьба предоставить комнату в таком-то доме советов заслуженному подпольщику. А через несколько минут он спешит на заседание или на съезд делать доклад о внешнем и внутреннем положении Республики и по дороге ловит товарища, и шепчет, и качает головой, и выспрашивает, и, проходя мимо, вы слышите: «А вы пишете, пишете мне такие, знаете, коротенькие доклады,— а то возишься тут в Совнаркоме с большими делами и не замечаешь, что под носом,— непременно пишете». И тут же энергичное и быстрое движение рукой, поясняющее: пишете, пишете.

В начале 1918 года в одной из своих речей тов. Ленин рассказал, как, скрываясь от преследования со стороны Временного правительства, он встретился в Финляндии с одной старушкой. Она вошла в вагон, в котором ехал В. И., присела и оживленно, взволнованно стала что-то рассказывать пассажирам. Ленин спросил, о чем она говорит. Сосед финн перевел ему: она говорит, что теперь не надо бояться человека с ружьем. Она собирала хворост в лесу, и к ней подошел вооруженный человек. Она испугалась и хотела бросить вязанку. Но человек с ружьем помог ей вязанку донести. Теперь не надо бояться человека с ружьем. (Привожу рассказ по памяти.)

Людам труда не надо больше бояться вооруженных людей. Ленин нашел, что в это замечание укладывается весь смысл и все содержание переживаемого революционного переворота. И здесь сказалась отличительная черта его от общего переходить к частному и в индивидуально-человеческом видеть массовое. В статьях, в речах, в книгах, в практике это умение поймать, схватить мелочь и в этой мелочи найти, подметить отражение крупнейших черт эпохи, события, явления читатель найдет всегда и всюду. И кажется, когда Ленин выпытывает партийного работника и забрасывает его вопросами, иногда очень «мелочными», щурясь и наклоняясь к самому лицу, он ищет, собирает именно эти «мелочи», нужные ему для проверки широчайших обобщений. «Лучше меньше, да лучше» — это девиз Ленина. Отсюда его «оппортунизм», осторожность, способность лавировать и отступать, делать уступки. Но отсюда же и дар прозрения в будущее, которое он как-то должен видеть, осязать и чувствовать с совершенно сверхобычной ясностью и силой, ибо нельзя так безошибочно предвидеть буду-

щее, не видя, не осязая его по-особенному. Ленин, несомненно, ясновидец, но грядущее он видит в деталях, в повседневности настоящего, в гуще жизни и борьбы. Поэтому-то Ленин покоряет, убеждает, подчиняет, захватывает даже таких людей, которые по строю мыслей своих и чувств чужды коммунизму и в достаточной мере зрелы и самостоятельны. Недаром Уэллс писал о своих беседах с Лениным: «Благодаря Ленину я понял, что, несмотря на Маркса, коммунизм может быть творческой, созидательной силой... Для меня было прямо отдыхом поговорить с этим необыкновенным маленьким человеком, открыто признающим всю громадную трудность и сложность задач, стоящих перед коммунизмом. Перед ним носятся видения нового мира, задуманного и построенного на новых началах и совершенно не похожего на старый» («Россия во мгле»). Это очень хорошо: перед Лениным носятся видения нового мира, и это именно убеждает даже таких людей, как Уэллс. В этом же одна из тайн «диктаторства» Ленина.

«Одержимость», «фанатизм» Ленина по силе сказанного очень своеобразны: он сочетает холодную, абстрактную рассудочность с живым, конкретно-индивидуальным подходом, с тем, что Горький называет «огоньком почти женской нежности к человеку». Это горячее, полновесное чувство конкретного, «человеческого, слишком человеческого», скрытое под бесстрастной деятельностью ума, под деловым, практическим подходом, с покоряющей очевидностью обнаруживается и раскрывается в Ленине в его отношениях к нашему большевистскому революционному подполью, к профессиональным революционерам, к этому особому типу людей, «взыскующих града». Сам профессиональный революционер и подпольщик, Ленин непроизвольно, без усилий, окружает их подлинно родным, отцовским теплом, ощущаемым и воспринимаемым буквально как нечто физическое. Это испытывают не только подпольщики, но и многие другие, сталкивавшиеся с Лениным. Оттого он «Кольч», «свой человек», «наш» и т. д. Оттого он объединяет, спаивает, организует, дисциплинирует, направляет людей в единый коллектив, в стальную когорту, сковывает их в чугуно-бетонный, но живой массив. Думается, что Ленин устанавливает свои отношения к людям больше путем интуиции. Он не принадлежит к числу «справедливых», если под справедливостью здесь понимать исключительно рассудочное, холодное, взвешенное отношение, со все-

ми «за» и «против», то, что так ненавидел художник Толстой. Этим объясняются и ошибки тов. Ленина в его отдельных оценках, но здесь же и высшее обаяние его, и та высшая, конечная справедливость, в которой и страсть, и глубокое проникновение, и живое ощущение сердцевины людей. Все это, вместе взятое, есть великий дар собирать вокруг себя людей и подбирать их не только «по духу», не только по идеологии, но еще и по каким-то иным «нутряным» признакам, может быть, самым важным: по крови, по склонностям, по всему чувственному и психическому укладу. Г. В. Плеханов как-то острил про Ленина, что он, подобно гоголевскому Осипу, старается подобрать и захватить с собой в дорогу что попало: кусочек бумаги, обрывок веревки — все пригодится. Это, конечно, неверно, но дыму, как говорится, без огня не бывает. Верно, что тов. Ленин умеет вести за собой людей, подчас весьма разношерстных, и факт тот, что Плеханов под конец жизни своей оказался на положении слишком разборчивой невесты, а о «неразборчивом» Ленине в глухих деревнях Индии говорят, по свидетельству Горького: «Вот Ленин — самый честный парень. Такого еще не было на свете».

Теперь да будет позволено остановиться на практицизме и узком делячестве тов. Ленина.

Был такой случай.

В комнату, где в числе нескольких человек находился М. Горький, входит Ленин; не входит, а как это обычно у него — почти вбегает. Он спешит: только что кончилось одно заседание, теперь начинается другое. На ходу ест, наливает стакан чая, быстрым и особо характерным жестом перевертывает одну из книг, привезенных М. Горьким ему в подарок. Так же бегло и быстро, сощурившись, перелистывает ее. И в этих приемах видна прочно установившаяся манера обращаться с книгой, сразу схватить и прикинуть ее в уме. Такие жесты выработались только в результате долголетнего сожительства с книгой.

Горький немного исподлобья наблюдает и присматривается к Ленину. У Ленина по обыкновению играют и светятся глаза. Как будто должно быть наоборот. Глаза Ленина переместить бы к художнику Горькому, а «догматик» и «схематик» должен получить маловыразительные, водянистые глаза М. Горького. Горький угловат, высок, уютен, нескладен, молчалив, неподвижен. Ле-

нин по-каратаевски кругл и проворен, наэлектризованный живой комок.

М. Горький связан с берлинским книгоиздательством Гржебина, издающего по-русски наших классиков и книги по отдельным отраслям научного знания. Изданы книги отменно хорошо, и это радует Горького. В руках у Ленина прекрасный сборник индийских сказаний и легенд, подобранных М. Горьким с большим мастерством и вкусом.

— Да, да,— соглашается Ленин,— превосходные издания, только поменьше бы беллетристики и побольше деловых книг. А то вот голод у нас и разруха. С ними нужно разделаться в первую очередь.

— Да ведь дешевка, Владимир Ильич,— убеждает М. Горький,— пустяки, копейки...

— Золото, золото ведь идет на это. А золота нет...

Две правды, две истины. Не хлебом единым жив будет человек. Конечно. Но когда хлеба нет, совсем нет? Нет, пусть сначала хлеб, паровозы, мануфактура, а затем беллетристика. И за этим якобы узким практицизмом, за этой деловой сухостью чудится большая любовь и горячее чувство к страдающему трудовому человеку.

Эти беглые мысли вызваны «по поводу».

А не по поводу, откровенно и по правде говоря, думается сейчас о другом, о совсем ином. О том Ленине, который вынужден бороться с болезнью. И не о России, не о человечестве, не об его отношении к ним, не об его удельном весе — да простится это,— а вот именно о больном человеке Ленине, об этом «самом честном парне, какого еще не было на свете», об этом сыне человеческого, об этих глазах, об этом песочном подвижном лице, на которое легла тень болезни, об этих маленьких, словно прижатых ушах, об этом куполообразном чудесном лбе, об этом простом и живущем, что идет от детских пеленок, от теплоты детской кровати, от малых и бесценных материнских забот, горя и радости. Вот об этом.

И еще вот о чем. О том, что еще долго будет скорбным и обидным в жизни человеческой, что нужно преодолевать, побеждать. Бесконечна «дорога гигантов», и уходит она в вечность, в далекие, туманные исторические дали, о которых тоскует человек с печалью и болью, с радостью и нетерпением, которые зовут и манят к се-

бе, как русские необъятные горизонты в часы вечерних закатов и зорь. Бесконечен путь прогресса, путь шествия человека «вперед и выше», путь побед и поражений, ибо только первые шаги делаются и сделаны доселе, чтобы дать возможность человечеству совершить переход из царства необходимости в царство свободы, чтобы не торжествовал слепой, злой, нелепый случай, чтобы разумно и планомерно покорил, подчинил силе своего хотения человек бездушную, косную власть природы, чтобы он сделался воистину венцом творения, чтобы не оставались без ответа «проклятые вопросы», чтобы клейкие карамазовские листочки распускались для всех, чтобы вместо борьбы классов утвердилась всечеловечность, чтобы раскрылась каждому великая книга жизни и зряч чтобы стал человек великим зрением знания. Первые, робкие шаги, все еще первые попытки, несмотря на седую былль древности, стоящую за нашими спинами, ибо очень еще жалок и беспомощен человек и бродит ощупью перед лицом необъятного и равнодушного космоса.

Ленин стал и еще больше станет мифом, легендой, лучшей сказкой человечества. Но, думается, никогда не удастся превратить его жизнь в житие, иже во святого Владимира Ульянова. Он не поддается такому почетному омертвлению. Он слишком человек, слишком бродит в нем сусло жизни, слишком он земнороден. И о нем всегда будут говорить: «наш», «Ильич» и пр. Для грядущих поколений он станет далеким, но и в этой исторической дали потомки будут о нем думать как-то похоже на то, как думал мальчик-индус Сами у Н. Тихонова:

Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди «Ленин».
Он дает голодному корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он — большой сагиб перед небом
И совсем не дерется стеком.

Да, это так: большой сагиб перед небом, перед космосом и очень озабочен «корочкой хлеба», а его стек беспощаден и суров только для тех, в чьих глазах Сами лишь обезьяны и рабы.

Август 1923 г.

*А. Воронский. Ленин и человекство. Госиздат, 1924.
С. 40—49.*

Ну что, как Ильич?

С чего началось это?

В начале 22-го года приехал ко мне за границу — тогда я жил там — один товарищ. Поговорили о разных делах. Спросил я, как Ленин смотрит на то и на это.

— Ленин? — спросил меня товарищ и как-то непонятно замолчал.

— Да. Ленин.

— Ленин? — Товарищ вдруг хлопнул меня по коленке, встал и начал ходить по комнате из угла в угол. — Ленин очень странный сделался... по-моему... он болен.

И лицо моего приятеля, и все его поведение, и какая-то затрудненность в ответах сразу толкнули под сердце острый ледок. И все захотелось знать об Ильиче; и понял я, что всего я знать сейчас не буду, потому что, может быть, никто не знает всего. И не оттого ли это, что очень жутко знать все? Я сознательно решил не настаивать на своих вопросах и постарался отвести временно разговор в другую сторону с тем, чтобы со всею скрытой болью сердца, со всею жутью ударить своего товарища своими вопросами внезапно, в тыл.

— А как в России действует АРА?

— Действует понемногу. Голод ужасный. Стали есть местами чуть не друг друга... детей. А некоторые симулируют людоедство, лишь бы их арестовали.

Что же ужаснее? Больной Ленин или голодающая Россия? И как они оба занедужили вместе... Россия, Волга, родина Владимира Ильича. Владимир Ильич и в анкете писал про Волгу: на вопрос, какая местность России вам более всего известна, — он отвечал: «Поволжье».

— Но все-таки что же с Ильичем? — пошел я в открытую, без хитрости.

— Удар, — ответил товарищ.

Будто стены сдвинулись и сдавили нас. Мой товарищ сел близко-близко ко мне и стал рассказывать.

— Какое-то тревожное в нем было настроение последнее время. Недавно я говорил с ним. Он был страшно раздражителен. Упрекал нас в комчванстве и поче-

му-то — что совсем несвойственно — торопился кончить беседу. Мне тогда же показалось, что он сильно устал. А перед самым отъездом из Москвы мне сказали, что с ним удар.

— Это достоверно?

— О да! Самые верные источники.

Мы расстались с приятелем. И всю-то ночь казалось мне, что стоит передо мной Владимир Ильич в сермяге и ворот не застегнут. Рукав в рукав и в зимней шапке. Сначала у него было лицо серьезное, какая-то дума на нем лежала. А когда думал Владимир Ильич, в подбородке его и в складках губ было что-то большое, страдальческое, а в открытый ворот видна была шея, и напряженно надувались жилы на ней. И смотрел он куда-то в сторону, отчего казалось мне, что на меня он смотрит не глазами, а как-то профилем, не то виском, не то ухом. И долго так. А потом вдруг взглянул в глаза, усталый, как после болезни. Расстегнутый ворот, обнажавший шею, почему-то особенно раздражал. И вдруг В. И. сел, как будто в уголок на пол, охватил свои коленки и начал погибать. Как погибать, почему именно погибать, мне и теперь и тогда было непонятно, но тогда вдруг показался он мне изнеможенным крестьянином, который тихо, стически, присев в потемках своей избы, спокойно встречает смерть.

Так всю ночь неотступно мучило это видение.

А на утро опять приезжали товарищи из Москвы, опять рассказывали о Ленине. В то лето было словно поветрие на лечение. Все были больны, и все шли в меднцинскую Мекку, в Берлин, поклониться профессору Краузу и его Charité на Karls-Platz'e.

Поэтому каждый новый день новости и новости о Ленине.

Вот тогда и началаось это.

— Ну что, как Ильич?

Не здоровались и не прощались, не задав этого вопроса.

А голод, гуляя по необъятной Руси, продолжал приговаривать к смерти людей тысячами. И болезнь в кровеносных сосудах Владимира Ильича упорно продолжала свое дело вопреки берлинским лекарствам.

Приехал в Россию. Зима. Еще на вокзале увидал знакомых:

— Ну что, как Ильич?

— Поправляется.

— Достоверно?

— О да, конечно.

Москва стала другая.

В окне у Мюр и Мерилиза плакат:

«Продажа и прием заказов на портреты Вождей Революции в комиссионном отделе (2-й этаж)».

В комиссионном отделе вожди революции!

А вот на углу Кузнецкого моста стоит калека и выкрикивает:

«Полная разборная модель живого человека».

Подхожу — вижу, продает из картона сделанного человека, раскладывающегося на все свои внутренности.

Модель живого человека! Чем не капитализм?

И все это так необычно и так лихорадочно. Ищу ответа, иду на доклад виднейшего члена ВСНХ и слышу:

«Такие явления, как взятка, комиссионерство и пр., представляют собою некоторый экономический фактор, облегчающий первоначальное накопление и переживаемый сейчас Россией».

Так. Капитализм ищет и находит себя своими испытанными путями — путями подлости.

И тут же иллюстрация: один судья за недостатком жалованья жил подаянием; днем судил, а к вечеру стоял «с рукой».

Уходя с доклада, спросил одного рабочего:

— Ну что, как Ильич?

— Эх, кабы пришел, он обсказал бы все.

— А без него?

— Непонятно ничего. Ну, что сказал докладчик: и так плохо, и этак плохо, а в общем, выйдем. А почему выйдем, никакого вывода не дал! Куда зашли, сами без него не пойдем.

Прошло много дней после этого. Все чаще и чаще слышал я вокруг меня:

— Ну что, как Ильич?

Однажды вечером сам спросил одного цекиста.

— Ну что, как Ильич?

— А так, что он завтра выступает во ВЦИКе.

И при свете кремлевского фонаря лицо его сияло большой радостью.

Ленин действительно выступал во ВЦИКе. А потом через несколько дней в коридоре Большого дворца, вместе со многими другими, я опять ждал его. Заглядывал

в зал. Там было много иностранцев: в разных углах разный говор. Трибуна пуста.

За столом президиума — ни души. Видно, заседание еще не открывалось. Опять я в коридор. Из соседней к залу комнатки — стук машинок: отбивают такт великому всеокрушающему времени. Кто-то в военной форме быстро прошел по коридору. Где-то у окна сказали: сейчас идет. Я оглянулся было на того, кто это сказал, но вдруг увидел, как головы всех товарищей обернулись к выходной двери.

Быстрыми шагами, пальто внакидку, на голове шапка, у которой уши на макушке черным бантом завязаны, шел Ленин, а с ним обе сестры, жена и итальянец Бордига. С итальянцем он что-то говорил по-французски. Раза два поклонился кому-то.

Он, он самый, прежний: татарские усы и борода, очень живые глаза, которые издали кажутся раскосыми, а поближе словно переливчатые самоцветы; и густые брови — кончиками острые, как сорванные колосья. Маленькие дети любят такими бровями играть... А лицо, все сеченное морщинками, словно кусок, выбитый из каменоломни.

Ленин сбросил на стул пальто и шапку и поспешно встал у кафедры, так что никто из членов президиума не успел сесть за стол и открыть заседание. И только когда порывисто заплескались сотни рук, когда ни один из присутствующих ничего не мог вымолвить и сквозь радостную пелену влаги, окутавшую глаза, только хлопал и хлопал в ладоши, когда даже красноармеец, стоявший на пропусках, в радостной растерянности, пропустил двух-трех, не спросив с них мандата, из комнаты справа к столу один по одному поспешно собрались члены президиума.

Ленин был очень смущен. Чтобы чем-нибудь заняться у кафедры, он стал перебирать листочки. Потом попробовал откашляться, чтобы говорить. Тогда хлопки полетели с удвоенной силой. Ленин, порывшись в карманах, достал носовой платок и стал сморкаться. Потом опять крикнул, предвещая свое слово, но тут хлопки вдруг оборвались, и грянул на разных языках, но стройно и мощно и гулко «Интернационал».

Ленин склонил несколько направо голову, слегка набок, и устоял неподвижно в правый край своего пюпитра. Глаза его вдруг стали большими и очень ясными. По глазам этим я понял, что это был один из тех, почти

никому не известных моментов, когда Ленин всегда тихо и с постоянным присутствием своей острой мысли переживает что-нибудь серьезное, большое.

Последние раскаты «Интернационала» укатились куда-то под подоконник огромного окна.

Ленин быстрым и властным движением провел вправо-влево по своим рыжим усам и начал свою речь по-немецки.

Сначала осторожно: видно, жалел себя, соразмерял свои силы. Потом проснулся в нем старый, сильный, пламенный революционер. Он загорячился. Забыв немецкие слова, подщелкивал пальцем, чтобы вспомнить. Из первых рядов и из президиума вперебой подсказывали нужные слова. Некоторые подсказки он отвергал и искал выражений более тонких, более точных.

— Что делается: совсем прежний Ильич!

— Да, да! — подтвердил я.

— А ведь ему усиленно телефонировали с того света,— сказал мне кто-то сбоку в ухо,— и поэтому я думаю: не рано ли ему выступить?

Должно быть, так же змий посеял сомнение в душу человеческую о ее безгрешности. Что же, змий был прав...

В середине речи у Ленина наступил какой-то перелом: он, видимо, стал уставать. Голос становился глуше, и реже он подщелкивал пальцами, должно быть, не мог уже так заострять свою мысль.

После доклада он опять накинул пальто, надел шапку и хотел идти. Но вокруг него суетились товарищи и просили его сняться со всеми вместе.

— Опять сняться? — спросил Ленин.— А где же фотограф?

— Сейчас, сейчас,— отвечали суетившиеся товарищи. Кто-то звонил по телефону, вызывая фотографа.

Кто-то негодовал на то, что кто-то еще не сдержал обещания, кому-то данного.

А Ленину все говорили:

— Сейчас, Владимир Ильич, сейчас, погодите.

И еще ждал Владимир Ильич. Потом прищурил глаза и весело заметил:

— Вы только тумашитесь, а фотографа-то нет!

Что-то еще сказал такое веселое, что все смеялись, и пошел к выходу из зала, пробиваясь правым плечом из толпы.

И когда на другой день приехавший провинциал меня спросил:

— Ну что, как Ильич? — Я не только с радостью рассказал ему, что сам его слышал, но стал излагать теорию международного нэпа, с точки зрения которого понятно все, что мы теперь переживаем, и уверял, что унынию и сомнению места нет.

И стало ничуть не жутко и спрашивать и слышать:

— Ну что, как Ильич?

По-прежнему Ильич с нами, по-прежнему старается осветить нам дорогу и дает формулу для современности: «Лучше меньше, да лучше».

Но всепепеляющее время! Всесильные кровеносные сосуды и бессильные немецкие лекарства.

— Ну что, как Ильич? — спросил я однажды, ожидая хорошего ответа.

— Плохо. Кажется, опять удар. Приходите сегодня на заседание Моссовета. Там Рыков доложит.

Прихожу. Опоздал. Народ толпится в коридорах. Рыков уже доложил.

Спрашиваю одного, что сказал Рыков.

— Сказал, что Ильич скоро поправится и будет в наших рядах.

— Как? — недоумеваю и иду к другому:

— Ну что, как Ильич?

— Рыков сообщил, что опять удар; завтра выйдет бюллетень.

Опять иду к первому товарищу.

— Что же вы мне неверно сообщили: ведь Ильич опять плох.

— Ничего подобного. Скоро будет в наших рядах. Рыков сообщил.

— Товарищ, да вы точно ли слышали?

— Да уж чего точнее?! Скоро будет среди нас!

На другой день вышел бюллетень, который не оставлял сомнений: с Ильичем снова удар.

Но что же за загадка тот товарищ, который упрямо излагал сообщение, сделанное Рыковым, наоборот?!

Долго я был в недоумении, пока не попал на одно рабочее собрание. Там упорно говорили то же, что и тот странный товарищ:

«Ильич скоро будет среди нас».

Обращаюсь к секретарю райкома, который был тут же.

— Почему это искажают информацию об Ильиче?

— Вовсе не искажают,— ответил серьезно и вдумчиво секретарь: — Пролетариат хочет, чтобы Ильич был с ним, поэтому он это и утверждает. С этого его не собьешь.

Вот оно что! Наперекор склерозу кровеносных сосудов, наперекор всепоглощающему времени, пролетариат хочет, чтобы Ильич был с ним, и утверждает это.

И опять всюду, везде все чаще и чаще:

— Ну что, как Ильич?

На немцев-профессоров уже никто не обращал внимания. Лечение как-то отошло на задний план. Все уже знали, что Ильич гоняет от себя врачей, и все положились, так же, как полагались в политических вопросах, на него самого.

— Крепкая натура!

— Здоровеннейший мозг.

— Отчаянно борется с болезнью!

И все забыли, что и крепкая натура, и здоровенный мозг, и борьба с болезнью требуют расхода сил, требуют интенсивной деятельности кровеносных сосудов.

Между тем приходили вести:

— Ленин ходит на охоту!

— Собирает грибы!

— Устраивает елку!

— Занимается каждое утро!

— Читает газеты!

— Велит читать о дискуссии!

Слухи, как струны, делались все напряженнее и напряженнее. За ними ощущалась титаническая борьба человека с временем, с природой, со смертью. Титаническая борьба, неизмеренная, неузнанная никем!

* * *

А когда вдруг лопнули все слухи, как натянутые струны, когда человек был смят, разбит временем, природой, смертью, когда сознание твердило в мозгу одно слово «умер» и никак не могло добавить к нему другого слова: «Ленин», тогда огненными буквами две ночи горел в мозгу вопрос, которым мы жили чуть не два года, не подозревая того, что мы живем только этим вопросом:

— Ну что, как Ильич?

Только этим вопросом жили, потому что он открывал широкие ворота святой надежде.

Две ночи огненными буквами горел этот вопрос без ответа. Может быть, поэтому, подходя на третий день к Дому союзов и встретив выходявших оттуда товарищей, я остановил одного и запнулся...

Запнулся потому, что по-старому хотел задать ему вопрос:

— Ну что, как Ильич?

Запнулся вовремя. И пошел в Дом союзов искать ответа на этот необыкновенный вопрос.

А. Аросев. По следам Ленина. Л.: Госиздат, 1924. С. 1—14.

Сначала 1922 года я начал работать в газете «Рабочий», которую вскоре переименовали в «Рабочую газету». Это была всесоюзная газета совершенно нового типа. Она была рассчитана на широкие слои рабочих и должна была интересно, популярно писать о серьезных вещах. Сначала редактором газеты был Константин Степанович Еремеев, известный большевик еще дооктябрьского периода, «дядя Костя», один из создателей и руководителей дореволюционной «Правды»; затем его сменил Николай Иванович Смирнов, тоже из старых правдивстов.

Это был по-своему замечательный журналист, о котором до сих пор, к сожалению, ничего не написано, хотя в создании советской печати его роль была отнюдь не второстепенной.

Смирнов сам почти ничего не писал; все его силы были отданы на организацию газеты, привлечение нужных людей, на изобретение новых форм подачи материала. Инициатива его была неисчерпаема. Вскоре «Рабочая газета» обросла целым кругом изданий — сатирическим журналом «Крокодил», научно-популярным «Хочу все знать», иллюстрированным «Экран», журналом для женщин «Работница», для детей — «Мурзилка».

Здесь не место подробно говорить о «Рабочей газете», о ее роли в нашей журналистике первых лет революции. Ограничусь только выдержкой из одного письма Алексея Максимовича Горького, которое он отправил Ф. Gladкову в конце 1926 года.

«Когда я получаю «Рабочую» и «Крестьянскую» газеты с их бесчисленными и умными приложениями, я — горжусь: нет страны, где такое явление было бы возможно, где умели бы так всесторонне заботиться об интересах народа».

Всю жизнь я с благодарностью вспоминаю Константина Степановича Еремеева и Николая Ивановича Смирнова, моих учителей в журналистике, которые относились к нам, молодым, двадцатилетним, не только с до-

брожелательностью, но и с доверием, которое так сильно помогало нашему развитию.

В это время в «Рабочей газете» работали и проходили школу журнализма такие молодые литераторы, как Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Василий Лебедев-Кумач.

Я занимался в «Рабочей газете» разными делами: был организатором рабкоров Сокольнического и Замоскворецкого районов, писал репортажи, статьи, очерки, заведовал отделом. В 1922 году в мои обязанности входило также бывать на заседаниях в Московском Совете и давать о них отчеты.

На 20 ноября 1922 года в помещении Большого театра был назначен пленум Московского Совета, приглашены были и члены районных Советов. Я направился в театр. Представителей печати поместили в оркестре. Сидеть внизу, быть отделенным от зрительного зала, от массы делегатов было непривычно, но удобно: стол президиума помещался рядом, на сцене, тут же, поближе к рампе, стояла небольшая трибуна, и ораторов было хорошо видно и слышно.

Я любил эти массовые собрания тех лет — предначальный гул сотен голосов, короткие реплики друзей, атмосферу дружелюбия и удовлетворения победителей в гражданской войне.

Поместив перед собой на пюпитре блокнот и карандаш, я приготовился работать.

Председатель позвонил в колокольчик. Заседание начиналось. Предстояли перевыборы в городской и районный Советы. И президиум Моссовета отчитывался перед избирателями. Речь шла о московской промышленности, о трамвае, водопроводе, жилищном кризисе.

Работа, проходившая в обычном темпе деловой неторопливости, казалось, приближалась к концу, когда за столом президиума возникло движение. Члены президиума зашептались между собой, кое-кто из них поднялся и пошел в глубь сцены. Внимание депутатов из партера и всех пяти огромных ярусов Большого театра тоже было обращено на то, что происходит там, в глубине сцены.

И вдруг как молния сверкнуло: Ленин!

Может быть, это кто-то уже увидел и крикнул. Может быть, это была только догадка, может быть, вспышка надежды и восторга.

Но спустя миг Ленин действительно появился. Он приблизился к столу президиума, намереваясь, по-види-

тому, присесть и послушать. Но тут началась такая буря рукоплесканий, такое «ура», такие крики-просьбы «Ленин!», «Ленин!», «Ленин!», что продолжать заседание стало просто невозможно.

Председатель снова потряс своим колокольчиком и объявил: «Слово имеет товарищ Ленин».

Владимир Ильич быстро подошел к маленькой трибуне. Но начать говорить он не мог. Тысячи депутатов, заполнивших театр, вскочили со своих мест, аплодисментами и выкриками выражая свою радость, свое счастье видеть Ленина.

Ведь Ленин болел. Это знали все. Все с тревогой и нетерпением следили за тем, как он борется с тяжелой болезнью. И вот он стоит перед нами, живой, здоровый, улыбающийся, и пытается начать говорить и все никак не может, потому что овация гремит, как шторм, и все заглушает.

Оркестр заиграл «Интернационал». Но едва гимн закончился, овация вспыхнула снова. «Да здравствует товарищ Ленин!», «Да здравствует...». Оркестр заиграл снова. Три раза исполнялся «Интернационал», и три раза возобновлялась восторженная овация.

Ленин стоит прямо надо мною, на расстоянии нескольких шагов. Я вижу, как улыбка на его лице сменяется легким смущением. Он чуть опускает голову и поднимает руку, как бы защищаясь от шквала приветствий. Он укоризненно покачивает головой. И все мы понимаем, что ему неловко, что он просит прекратить это и начать работать, как полагается.

И шум стихает. Ленин начинает говорить. Он говорит просто, с такой непосредственностью и ясностью, когда каждое слово и каждая интонация проходит прямым путем к сердцу и уму слушателей.

— Товарищи! Я очень сожалею и очень извиняюсь, что не мог прибыть на ваше заседание раньше... Мне не удавалось сделать это потому, что после болезни, начиная с декабря месяца, я, выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок...

Ленин говорит о первом опыте новой экономической политики, о политике внешней, о том, что, хотя некоторые из государств «до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают», тем не менее мы «обеспечили себе успех перед государствами всего мира» и «экономические отношения, а за ними отноше-

ния дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно».

Ленин говорит образно, с юмором, со ссылками на пословицы, и когда он с лукавинкой заявляет, что «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький», то зал снова взрывается радостными аплодисментами.

Не знаю, сколько прошло времени, когда я вдруг почувствовал, что сердце у меня холодеет от ужаса. Я бросил взгляд на свой блокнот — страничка была перевернута, но она белела страшной чистотой. Я с такой жадностью и упоением слушал и смотрел на Ленина, что совершенно забыл о работе: ведь надо записывать!

Стыд и угрызения совести, кажется, готовы были раздавить меня. Никогда в жизни не ощущал я в такой степени тяжесть ответственности. С трудом собрался с силами и стал лихорадочно записывать. Карандаши ломались, мысли путались, а надо мной стоял Ленин, говорил, жестикулировал, посмеивался, а я не смею смотреть на него, как хочу, потому что должен, опуская голову, писать, писать, писать... мука!

Как только заседание закончилось, я бросился бегом в редакцию. Примчался — и сразу к ответственному редактору Смирнову:

— Николай Иванович, выступал Ленин!

Николай Иванович взглянул на меня поверх очков. Он бывал в ЦК ежедневно, встречался с секретарями ЦК и, вероятно, хорошо был осведомлен о состоянии здоровья Ленина. Но об этом его появлении в Московском Совете не знал и сейчас побледнел от волнения.

— Полосу! — сказал он наконец. — Давайте целую полосу.

Мне отвели отдельную комнату, что было по тем временам необычной роскошью, и Николай Иванович тут же созвал свой редакционный штаб и стал отдавать распоряжения, как перестроить уже готовый завтрашний номер, потому что внезапно выявилась чрезвычайная необходимость освободить целую полосу.

— Полосу!

Один в комнате я дрожащими руками перелистывал странички своего блокнота, заполненные торопливыми каракулями. Боже мой, некоторые строки я не в состоянии даже разобрать... Некоторые фразы явно недописаны. Другие фразы... Помню, что у Ленина они были продолжительные, сочные, вместительные. Здесь же они обнаженно кратки. Ленинский теплый голос еще зву-

чал у меня в ушах, но слова, слова... как восстановить слова?

Несомненно было одно: если что-то неясно, то лучше опустить совсем. Только бы не исказить, только бы не исказить.

Я писал мучительно, стараясь восстановить в своей памяти ленинские слова, которые не попали в блокнот, расшифровать сокращенную запись, наполнить ленинским теплом схематически набросанные фразы.

Было уже после полуночи. Время от времени Николай Иванович заглядывал ко мне в комнату:

— Ну как?

Но, по-видимому, по выражению моего лица догадывался о переживаемых муках и деликатно удалялся.

Два часа ночи. Подходит крайний срок для сдачи самого срочного материала. Я пишу, я проверяю. Снова пишу.

К трем часам утра я написал восемьдесят пять газетных строк. И больше не мог. Восемьдесят пять строк, которые, я уверен, передают если не всегда точно ленинские слова, то ленинскую мысль, ее суть.

Николай Иванович посмотрел на мои две странички машинописного текста — и это вместо целой полосы! Но он ничего не сказал. Он все понял, добрейший Николай Иванович.

Речь Ленина записывали и стенографистки, но расшифрована ли стенограмма в тот же вечер? Оставить рабочих без немедленного, хотя бы краткого сообщения о выступлении Ленина — этой мысли Смирнов даже не допускал. И он решил дать мой отчет.

На следующий день на первой полосе газеты выделялись четыре заголовка, набранные на две колонки:

«Тов. Ленин в Московском Совете.

Мы отступаем для того, чтобы лучше прыгнуть вперед.

Нэп — трудный маневр, но зато последний.

Россия, руководимая Коммунистической партией, станет Россией социалистической».

Под заголовками были помещены восемьдесят пять строк отчета и штриховой рисунок, изображавший Ленина. Фото, для которого нужно сетчатое клише, газеты в то время еще не умели воспроизводить.

К счастью, отчет о речи Ленина для «Правды» писал более опытный журналист, и этот отчет появился там в более полном виде.

Легко представить себе, с каким сердцебиением я сверял свои восемьдесят пять строк с тем, что было напечатано в «Правде». Думаю, что это же делал и редактор Смирнов.

О, какая гора с плеч! Не только ни одного искажения — никакой разницы в оттенках мысли. Короче, все значительно короче, но суть та же. И все ключевые места: о новой экономической политике, о переговорах с английским капиталистом Уркартом, о Владивостоке, который «нашенский», о перспективах — все есть и все правильно.

А может быть, отчет читал и сам Владимир Ильич?

Ведь Ленин внимательно читал газеты, и не только «Правду»; он не раз говорил об этом, ссылаясь на разные газетные материалы. Может быть, он будет недоволен этой странной сжатостью изложения, в котором многое пропущено?

Прошел день, два, три, неделя. Ленин не выразил никакого недовольства, не сделал ни одного замечания.

Прошло уже сорок четыре года с того дня, как я пережил счастье видеть и слышать Ленина, передавать его слова для миллионов читателей. Передо мной лежит фотоснимок первой полосы «Рабочей газеты» от 21 ноября 1922 года. Я вглядываюсь в эти газетные строчки, и возникает зал и сцена Большого театра так, как они видны из оркестра, и подвижная фигура Ленина, его поднятая полусогнутая рука — жест защиты от шквала грохочущих оваций.

Снова сверяю текст моего отчета с тем, как эта речь дана в 45-м томе Полного собрания сочинений Ленина. В примечании на стр. 309 сказано: «Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному со стенограммой».

О, как много здесь дополнительного богатства ленинской мысли, сколько значительных подробностей и драгоценных нюансов. Но в своем коротеньком отчете я нахожу некоторые детали, которые не попали в стенограмму и о которых хочется сказать. Ведь стенографистки второпях тоже сокращают и опускают кое-что. И вот там, где Ленин произносит ставшую знаменитой фразу: «...Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский», в стенограмме отмечено в скобках: «продолжительные аплодисменты». В моем отчете — «смех, аплодисменты».

Известно ленинское бесподобное умение смеяться. Об этом писал Горький. Но Ленин не только смеялся сам, он умел пробуждать смех у других, передавая своим

слушателям и собеседникам всю радость своего оптимистического мироощущения.

Фраза «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский» вызвала бурную радость всех депутатов не только потому, что в ней содержалось сообщение о значительной победе, но и потому, что Ленин с юмористической лукавинкой придал этому важному сообщению нарочито простонародную форму «нашенский».

Только недавно интервенты покушались на советский Дальний Восток; в сложной политической обстановке того времени возникла так называемая «Дальневосточная республика», которая мыслилась как буферное государство между Советской Россией и капиталистическим миром. Но революционный народ опрокинул все расчеты интервентов.

Четырнадцатого ноября Народное собрание Дальневосточной республики приняло решение о воссоединении с РСФСР. «И вот,— говорил Владимир Ильич,— взятие Владивостока показало нам... показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям».

В этих условиях ленинское «Владивосток... это город-то нашенский» было очень созвучно безусловному единству всего трудового народа, который считает Дальний Восток и Приморье своими, родными, неотъемлемыми от социалистической России.

И зал разразился веселым смехом победителей и укрепил свою радость долгими аплодисментами.

И другая деталь. Слова Ленина о новой экономической политике публикуются следующим образом: «Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед».

В отчете «Рабочей газеты» это место изложено так: «Новая экономическая политика есть отступление назад. Но мы отступили, как говорится в одной французской поговорке, только для того, чтобы лучше прыгнуть вперед».

В Собрании сочинений Ленина (4-е издание), помимо многочисленных русских пословиц, поговорок, крылатых слов, изречений, употреблявшихся Владимиром Ильичем, учтены также восемьдесят две иностранные — на языках французском, английском, немецком, итальянском, латинском и греческом.

Здесь, по-видимому, не все учтено, о чем свидетельствует и случай с речью в Московском Совете. Поговорка,

о которой идет речь, приводилась Лениным и раньше. В частности, в работе «Задачи русских социал-демократов», написанной в 1897 году (том 2, стр. 315, 4-е издание), и в заметке «Революция типа 1789 или типа 1848 года?» (том 8, стр. 230, 4-е издание).

В обоих случаях Владимир Ильич цитировал французский текст: «Il faut reculer pour mieux sauter!» В первом случае он тут же перевел на русский «Нужно отступить, чтобы сильнее прыгнуть». В речи на пленуме Московского Совета он вновь вспомнил об этой поговорке — она очень хорошо иллюстрировала его мысль о новой экономической политике, — сказал о ней по-русски, только сославшись на то, что это французская поговорка.

Что это было так, не может быть никакого сомнения. Ведь я записывал, непосредственно слушая Ленина. Я мог многое пропустить, но прибавить что-либо никак не мог. Да я и не знал вовсе этой поговорки до того, как услышал ее из уст Владимира Ильича.

Слушая Ленина в Московском Совете 20 ноября 1922 года, я не подозревал, что эта речь окажется последней речью Ленина. Владимир Ильич был так бодр, жизнерадостен, так хорошо настроен. Но 13 декабря произошли два приступа болезни. Врачи запретили Владимиру Ильичу выступать и вообще работать.

Ленин понимал всю серьезность своего положения и, как записано в истории болезни, сказал, что «сегодня же начнет ликвидировать свои дела».

Шестнадцатого декабря болезнь приковала Ленина к постели. Перестала действовать правая рука и нога. Но Ленин продолжал работать: читал, диктовал письма, записки, статьи.

М. Чарный. Ушедшие годы.
М.: Советский писатель, 1967.
С. 5—13.

Часы жизни и смерти

(С натуры)

В Доме союзов, в Колонном зале —
гроб с телом Ильича.
Круглые сутки — день и ночь —
на площади огромные толпы
людей, которые, строясь в ряды,
бесконечными лентами,
теряющимися в соседних
улицах и переулках,
вливаются в Колонный зал.
Это рабочая Москва идет
поклониться праху Великого Ильича.

Стрела на огненных часах дрогнула и стала на пяти. Потом неуклонно пошла дальше, потому что часы никогда не останавливаются. Как всегда, с пяти начали садиться на Москву сумерки. Мороз лютый. На площадь к белому дому стал входить эскадрон.

— Эй, эгей, со стрелки, со стрелки!

Стрелочник вертелся на перекрестке со своей вечной штангой в руках, в боярской шубе, с серебряными усами. Трамваи со скрежетом ломились в толпу. Машины зажгли фонари и выли.

— Эй, берегись!!!

Эскадрон вошел с хрустом. Шлемы были наглухо застегнуты, а лошади одеты инеем. В морозном дыму завертелись огни, трамвайные стекла. На линии из земли родилась мгновенно черная очередь. Люди бежали, бежали в разные концы, но увидели всадников, поняли, что сейчас пустят. Раз, два, три... сто, тысяча!..

— Со стрелки-то уйдите!

— Трамвай!! Берегись! Машина — стрелой — берегись!

— К порядочку, товарищи, к порядочку. Эй, куда?

— Братики, Христа ради, поставьте в очередь проститься. Проститься!

— Опоздала, тетка. Тет-ка! Ку-да-а?

— В очереди! В очереди!
— Батюшки, по Дмитровке-то хвост ушел!
— Куда ж деться-то мне, головушке горькой? Сквозь землю, што ль, провалиться?

Запрыгал салоп, заметался, а кони милицейские гигантские так и лезут. Куда ж бедной бабе деваться. Провались, баба... Кэпи красные, кони танцуют. Змеей, тысячей звеньев идет хвост к Параскеве Пятнице, молчит, но идет, идет! Ах, быстро попадем!

— Голубчики, никого не пушайте без очереди!

— Порядочек, граждане.

— Все помрем...

— Думай мозгом, что говоришь. Ты помер, скажем, к примеру, какая разница. Какая разница, ответь мне, гражданин?

— Не обижайте!

— Не обижаю, а внушить хочу. Помер великий человек, поэтому помолчи. Помолчи минуту, сообрази в голове происшедшее.

— Куды?! Эгей-й!! Эй! Эй!

— Рота, стой!!

Ближе, ближе, ближе. Хруст, хруст. Стоп. Хруст... Хруст... Стоп... Двери. Голубчики родные, река течет!

— По три в ряд, товарищи.

— Вверх! Вверх!

— Огней, огней-то!

Караулы каменные вдоль стен. Стены белые, на стенах огни кустами. Родилась на стрелке Охотного река и течет, попирая красный ковер.

— Тише ты. Тш...

— Шапки сняли, идут? Нет, не идут, не идут, не идут.

Это не идут, братишки, а плывет река в миллион. На ковре ложится снег.

И в море белого света протекает река.

* * *

Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно. Он мертвый. Серый пиджак на нем, на сером красное пятно — орден Знамени. Знамена на стенах белого зала в шашку — черные, красные, черные, красные. Гигантский орден — сияющая розетка в кустах огня, а в

сердце ее лежит на постаменте обреченный смертью на вечное молчание человек.

Как словом своим на слова и дела подвинул бесчисленные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караулы и реку идущих на последнее прощание людей.

Молчит караул, приставив винтовки к ноге, и молча течет река.

Все ясно. К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда.

* * *

Уходит, уходит река. Белые залы, красный ковер, огни. Стоят красноармейцы, смотрят сурово.

— Лиза, не плачь. Не плачь... Лиза...

— Воды, воды дайте ей!

— Санитара, пропустите, товарищи!

Мороз. Мороз. Накройтесь, накройтесь, братишки. На дворе лютый мороз.

— Батюшки? Откуда ж зайтить-то?

— Нельзя здесь!

— Порядочек, граждане!

— Только выход. Только выход.

— Товарищ дорогой, да ведь миллион стоит на Дмитровке! Не дождусь я, замерзну. Пустите? А?

— Не могу, очередь!

Огни из машины на ходу бьют взрывами. Ударят в лицо — погаснет.

— Эй! Эгей! Берегись! Берегись! Машина раздавит. Берегись!

Горят огненные часы.

М. Булгаков. «Записки на манжетах. Из прозы разных лет». М.: Правда, 1988. С. 15—18.

О. МАНДЕЛЬШТАМ

Прибой у гроба

Необычна Москва в эти ночи. Морозный хруст шагов по завьюженным улицам. Тысячи шагов. Идут кучками: терпеливые пешеходы с Замо-скворечья, с Плющихи, с Таганки...

Чем ближе к сердцу Москвы, к ночному гробу, тем громче шорох, и темные тени пешеходов сливаются в сплошной движущийся лес.

Университет на Моховой гудит, как пчельник глухой ночью. Колонны выстроились. Узкая горбатая Тверская запружена неподвижной толпой. Снега розовеют от костров. С трудом движутся всадники в черном человеческом потоке.

Двери аптеки распахиваются: малиновая аптека пышет паром, там яблоку негде упасть — отогреваются.

Революция, ты сжилась с очередями. Ты мучилась и корчилась в очередях и в 19-м, и в 20-м; вот самая великая твоя очередь, вот последняя твоя очередь к ночному солнцу, к ночному гробу...

Мертвый Ленин в Москве! Как не почувствовать Москвы в эти минуты! Кому не хочется увидеть дорогое лицо, лицо самой России?

Который час? Два, три, четыре? Сколько простои-м? Никто не знает. Счет времени потерян. Стоим в чудном ночном человеческом лесу. И с нами тысячи детей.

Высокое белое здание расплавлено электрическим светом. Три черных ленты спадают к ногам толпы. Там, в электрическом пожаре, окруженный елками, омываемый вечно свежими волнами толпы, лежит он, перегоревший, чей лоб был воспален еще три дня назад...

Сколько жизней вокруг него, который так любил жизнь суровой любовью, взыскательной любовью.

Перебегают к костру. Горький дым ест глаза. Какой-то художник сует к костру замерзшие краски, оттаивает кисти; шарахаются людские ряды от автомобилей и коней.

Чем ближе, тем плотнее жмутся люди:

— По трое, по трое в ряд!

Шутка ли в этой тьме запомнить свое место! Но пере-
кличкой, на голос находят своих.

На полотнище над крышей театра неровным почер-
ком вспыхивают ночные телеграммы. Снуют продавцы
папирос. Нет, нет, да и прорвется детский смех. Дети —
всегда дети: даже в чехарду играют.

Но мелочи жизни не оскорбляют величия минуты.

Ленин любил жизнь, любил детей.

И мертвый — он самый живой, омытый жизнью,
жизнью остудивший свой воспаленный лоб.

«Огонек», 1987, № 3. С. 8.

В почетном карауле у тела Ленина

В начале 1924 года я учился в Москве в Университете трудящихся Востока, но, к несчастью, заболел, и университетская медсанчасть направила меня на лечение в подмосковный санаторий. Стоял январь, разгар лютой зимы, кругом лежал ослепительно белый снег. Наш шофер хорошо знал дорогу и быстро ехал среди белого поля по едва различимой дороге. Я уже не помню, долго ли мы ехали, но к полудню добрались до жарко натопленного дома. Нас препроводили тотчас в просторную палату. Со мной вместе жило несколько болевших студентов с нашего «Востфака». Это были кавказцы. Все мы были знакомы и сразу же подружились. Кроме нашей палаты, больные студенты с «Востфака» занимали еще две или три. В печах, которые топились дровами, жарко пылало пламя, и каждый день приходил специально выделенный человек, который приносил дрова и закладывал их в печи. Кормили хорошо, и было не то три, не то четыре человека медперсонала. Одна из медсестер была особенно заботлива и внимательна. Я там не только лечился и отдыхал: это был прекрасный случай совершенствоваться в русском языке, потому что приходилось волей-неволей говорить самому. Одна женщина-врач в свободное время охотно со мной занималась.

Вечером 21 января я поужинал и пошел в палату спать. Там я увидел, что один кавказец сидит на постели и плачет. Не разобравшись, в чем дело, я попробовал утешать его. И вдруг услышал разговор из столовой и, хотя голоса были тихие, понял слова: «Ленин умер». Какое величайшее потрясение было это для меня! Я выбежал из палаты, чтобы расспросить о случившемся. В гостиной и столовой группами стояли люди, лица были скорбными, хмурыми; кто-то рыдал, повалившись головой на стол. Я выговорил только одно слово по-русски: «Когда?» «Сегодня утром», — ответили мне. И отвечавший сам разрыдался.

Ленин ушел от нас! Ушел из жизни великий человек, великий вождь и учитель пролетариата, сокрушитель

старого мира, созидатель новой эпохи! С трудом возвратился я в свою палату, слезы текли ручьем.

Врачам и сестрам выпала нелегкая работа: им приходилось и утешать, и успокаивать, и ухаживать, да и сами они все время утирали слезы. Только глубокой ночью врачам и сестрам удалось уговорить всех лечь. Но никто не спал. Кончилось тем, что врач дала мне две таблетки снотворного, и тогда я впал в забытие.

Наутро следующего дня из города приехали несколько человек из нашего университета. Одна из приезжих, женщина, повязанная красным головным платком, была одета в короткую шинель кофейного цвета и черные валенки (тогда женщины-работницы и красноармейки одевались одинаково). Она стала разучивать с нами песню-прощание с Лениным. Это были новые слова, написанные на музыку Шопена, помнится мне две-три строчки: «Ильич, ты ушел навеки, но мы вечно будем тебя помнить, вечно!»

Я не мог усидеть в санатории и после полудня вернулся в Москву вместе со своими товарищами из университета и другими больными. В городе мы увидели полные народом улицы и бесконечную очередь, которая медленно ползла к Дому союзов. Тело Ленина было помещено в Колонном зале Дома союзов для прощания. Когда я вернулся в общежитие, где жила китайская группа университета трудящихся Востока, то увидел, как глубоко опечалены все мои товарищи.

Мне рассказывали, как они ходили прощаться с Лениным: кто отморозил себе уши, кто отморозил нос, а кто — руки или ноги. Причина была в огромной очереди. Люди стояли день и ночь напролет, чтобы попасть в Дом союзов.

Было уже позже десяти вечера, когда я прямо в одежде повалился на кровать. Так же поступили и многие мои однокурсники. Горели лампочки всю ночь, никто не спал. Люди листали свои записи, вносили новые на память в блокноты, оклеивали фотографии Ленина черной бумагой и в траурной рамке развешивали их на стенах. Другие садились за стол, писали стихи и заметки, посвященные памяти Ленина...

В это время прибежал с улицы Жэнь Биши и прошептал мне на ухо: «Вставай, Сяо! Пойдем к Ленину прощаться. Пойдем вместе с партячейкой университета (тогда всюду были партячейки), не надо будет стоять в очереди».

Биши уже тогда хорошо владел русским языком и учился на русском, он хорошо знал всех товарищей из партячейки университета. Моей радости не было границ, я тотчас вскочил с постели и надел свое большое пальто — это была серая красноармейская шинель, — переобулся в валенки и вместе с Жэнь Биши спустился вниз, где собралась партячейка (всего около ста человек, ректор тоже присутствовал), и мы вышли со знаменами. Наш «Востфак» помещался недалеко от Дома Союзов, но на всех улицах и площадях сгрудились толпы народа, так что все время возникала давка. Горели костры, потому что последние несколько дней были особенно холодными, доходило до сорока градусов мороза. На улицах стояли самые простые люди: рабочие, москвичи и приехавшие из деревень крестьяне. Кроме того, было немало организованных колонн. Наша маленькая колонна, хотя и говорили о ней «внеочередная», все же простояла на улице больше часа, прежде чем смогла войти в Дом Союзов.

Внутри царила торжественная и суровая атмосфера. Распорядители направляли потоки людей, но их было мало, говорили они тихо, никто не повышал голос. Из коридора мы прошли в большой зал и медленно описали круг, подойдя сначала к правому плечу Ленина, затем вокруг его ног и снова приблизились к нему вплотную, но уже с левой стороны. Этот круг все совершили в молчании, не отрывая взгляда от Ленина. Когда мы вышли из зала, нашу маленькую колонну разделили на группы для почетного караула, в каждую из которых входило четыре человека. Я был определен в третью группу третьим, а Жэнь Биши — четвертым. Когда мы вчетвером снова вошли в зал, я встал у правой ноги Ленина, а Жэнь Биши — у правого плеча Ленина. Каждая группа стояла только пять минут. Я стоял в двух чжанах от тела Ленина и ясно видел лицо Учителя. Оно было совершенно спокойным, с необыкновенно высоким лбом, вдвое большим, чем у обычных людей. Рот был закрыт, но казалось, что он вот-вот заговорит. Под ярким светом ламп Ленин был совсем как живой. Точно сказано: и после смерти как живой. Такой родной! Такой пылкий, добрый, прямой, веселый и строгий великий вождь и учитель! Что пережил и прочувствовал я за эти краткие пять минут — разве все перескажешь? Как я почитал, как я любил этого «многописавшего человека», вождя и учителя, проложившего всему человечеству

путь к счастью! И теперь, когда его нет среди нас, горе наше безгранично. Я склонил голову и до последней секунды моей очереди в почетном карауле смотрел неотрывно на спокойно спящего вечным сном Ленина.

Еще осенью 1920 года, во время учебы в колледже во Франции, я прочел «Коммунистический манифест», который с большим трудом перевел товарищ Цай Хэсэн, потом сам купил и с трудом одолел брошюру Энгельса «Социализм: от утопии к науке»¹. Я также прочитал несколько сочинений Ленина в переводе на французский язык. Все эти книжки были в красных обложках, страницы книг нужно было разрезать самому (тогда во Франции было принято не разрезать новые книги). Это были «Государство и революция», потом «Детская болезнь левизны в коммунизме», «Пролетарская революция и ренегат Каутский»... Тогда я еще плохо знал французский, но прилежно листал словарь, спрашивал совета у преподавателей и в конце концов понял общий смысл этих книг. И с тех пор я всегда мечтал увидеть этого необыкновенного человека, который на голову выше всех и так остро владеет пером! Но я приехал в Москву в конце 1922 года, когда последнее выступление Ленина уже состоялось (доклад на IV конгрессе Коминтерна)². С тех пор он болел, и до самой его кончины 21 января 1924 года мне так и не удалось его увидеть.

И вот я увидел Ленина, я мучился от горя, но чувствовал себя счастливым.

Пусть пять минут всего лишь мгновение, но память о них осталась во мне неизгладимой на всю жизнь! Я стал еще прилежнее вчитываться в Ленинские сочинения и сквозь написанные им строчки становилось еще яснее его величие. С тех пор я не раз и не два посещал Мавзолей Ленина. В 1939 году, уезжая из Москвы на родину, я накануне отъезда специально пришел в Мавзолей и написал об этом стихотворение «Пришел я снова в Мавзолей Ленина», где старался высказать свою безграничную преданность и уважение перед великим учителем революции Лениным.

Январь 1980 года.

«Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 1. С. 156—159.

¹ Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке».

² Последнее выступление В. И. Ленина состоялось на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года.

Завтра надо жить — сегодня горе

В Колонном зале лежит мертвый Ильич, и мимо него день и ночь проходит Россия.

Это могло случиться не сегодня, а пять лет тому назад, когда истерическая баба вогнала свои пули в этот огромный, угловатый череп, в котором думало и пульсировало будущее пролетарской России. Тогда белые еще занимали Казань, откатывались разрушительные волны демобилизации, пол России горело и бежало, голод только замешивал свой глиняный хлеб пополам с соломой, и иностранные штыки кромсали окраины. Но пуля взяла на один волос левее, на миллиметр обошла трепещущие волокна, связывающие серый купол больших полушарий с колонной позвоночника.

Его резали и зашивали лучшие мастера глупейшей, по существу, первобытной и ошупью исцеляющей медицины; европейцы долго обсуждали в своей печати мужество и спокойствие этого человека, выносившего всякую боль, всякое терзание, чтобы выздороветь и остаться жить.

Не мог Ленин тогда умереть, — революция, в те дни еще молодая, свалилась бы вместе с ним, и солдатчина Антанты легко добила бы ее на могиле Ильича. Человек, если крепко хочет жить, если всеми силами, напряжением каждой клеточки, каждого волокна, каждой нитки нервов сопротивляется смерти и отпихивает ее от себя, — такой сильный человек долго может бороться с Безносой, может оттягать у нее много дней, месяцев, лет, пока не исполнит на земле своей великой работы. Владимир Ильич не умер в 1918 году: он не позволил ранам и яду оторвать себя от жизни, которая не могла еще обойтись без него.

Мы об этом как-то никогда не думали, ведь чудом были все эти годы неслыханного труда, ни разу или почти ни разу не прерывавшегося для отдыха. Считали — так и полагается: над Кремлевской стеной гаснут к утру и вечером зажигаются белые огни; сменяются часовые

у входа, грохнув прикладами о серые камни; приходят и уходят вереницы людей. Приходят озлобленными, больными внутренней неуверенностью, сбитые с толку; уходят, разнося по России кусочки его бессонного мозга, а Ленин где-то там сидит всегда, во всякое время, на долгие, долгие годы, никогда не устает, не гасит, никогда не выключает удивительную динамо — свой мозг, никогда не чинит машину своего безжалостно изнашиваемого тела. А болезнь уже сидела в нем, потихоньку умерщвляла огромные и нежные клетки мозга, одевала стенки кровеносных сосудов сухим и ломким панцирем склероза.

Сколько раз рвал он на себе веревки, потихоньку затянутые болезнью. Вырывался из лап паралича, стегал омертвелую свою память кнутами воли, пинками поднимал с земли в изнеможении упавшее сознание, и два раза отброшенный ударами в детство, два раза из него вырастал в гиганта: учился говорить, учился писать, учился выражать свои мысли. Терял одну область восприятия за другой и завоевывал их назад, как потерянные города, как области, отторгнутые неприятелем и снова взятые в бою Красной Армией его непобедимой, снова идущей на приступ, героической крови.

Какие мучения. Неоткуда было ждать помощи, никто не мог привести подкреплений. Наука, беспомощная, обанкротившаяся, наука только держала пульс, угадывая по его скачкам и трепету дикую битву, которую этот великан вел со своей смертью.

Милая Надежда Константиновна, вернейший друг, любимейшая неизменная жена, — и она не могла прийти ему на помощь — только поднимала его своей верой в выздоровление, своей надеждой. Никто не помог: запертый со своей болезнью в самом себе, отрезанный от всего мира, он совсем один в полном одиночестве должен был бороться до конца. Отнялась речь, внешний мир отступил еще дальше, ослабели все звуки, долетающие из него, и смерть, торжествуя, зажала рот бойцу, которого все еще не могла одолеть.

Не странно ли, не чудовищно ли: человек, окруженный тысячами друзей, прикрытый как броней целой Россией, готовый ринуться в бой по одному его слову, боготворимый далекими и чуждыми народами, насчитывающий миллионы братьев в желтом Китае, золотой Индии, черной Африке, миллионы союзников, соратников и друзей, с радостью готовых бросить свою жалкую

жизнь, чтобы ему, Ильичу, купить одну лишнюю минуту жизни,— и вот приходит нелепая смерть, без пароля и пропуска проникает через все заставы, сквозь живую стену мирового пролетариата, столпившегося вокруг Ленина, и на его глазах день за днем, час за часом совершает свое бессмысленное убийство.

Мы изобрели крылья, изобрели тысячи новых ядов, изобрели неслыханное оружие, свет, тепло, скорость, почти равную скорости планет, но жизни еще не придумали. Какой-то европейский ученый уже коснулся этой последней тайны. Сотни лабораторий разлагают и снова спаивают элементы живого вещества. Может быть, через год, через месяц, может быть, уже и сейчас в каком-то безмянном углу сидит человек и, не торопясь, подходит к тайне тайн, к загадке всего живого. Изобретатель, ты опоздал. Ленин заплатил жизнью за революцию, которую вынес на своих плечах, которой помог стать на ноги, которую научил нести тяжесть побед и поражений. Теперь он уходит в землю, как ушли под знаменами, им введенными в мировые битвы, Либкнехт и Роза, Свердлов и Рид, и тысячи наших солдат, высушенные голодом и штабелями лежавшие от Нижнего до Астрахани.

Мы все знаем. Россия уже сильна, стоит над его гробом, как воин, в сознании величайшей печали, но и величайшей своей силы, плачущей, опустив голову на рукоятку меча, которого никогда не выпустят ее рабочие руки. Вместо простой человеческой жизни Ильичу предстоит теперь долгая, может быть, бесконечная жизнь. Он будет вставать со всякой подымающейся революцией, будет умирать со всякой сломленной, подавленной, расстрелянной.

Но все-таки Ильича, который говорил, засунув руку в левый карман, хитро подмигивая и картавя; Ильича, который и сейчас лежит в своем красном ящике с таким торжеством мысли на желтоватом, огромном все еще мощном лбу; Ильича, которого никто и никогда не заменит,— его больше нет. Не надо ничего замазывать. Все мы знаем, что есть завтра. И во имя этого завтра надо жить. Но сегодня — горе...

Январская стужа

От костров клубился черный смолистый дым, подкрашенный багровым пламенем. Дым ночных костров и январской стужи низко висел над Москвой.

Сквозь этот дым со скрежетом ползли трамваи. Вагоны заросли изнутри клочьями изморози и походили на ледяные пещеры.

Костры складывали на площадях из целых бревен и старых телеграфных столбов. Около огня грелись милиционеры в серых каракулевых шапках с красным верхом — «снегири». Так звали милиционеров в то время. Милиционеры держали на поводу заиндевелых нетерпеливых коней.

Со стороны Красной площади доносились сильные взрывы. Там разбивали окаменелую землю.

Кострами и дымами Москва была окрашена в черно-красный траур. Черно-красные повязки были надеты на руках у людей, следивших за бесконечной медленной толпой, продвигавшейся к Колонному залу, где лежал Ленин.

Очереди начинались очень далеко, в разных концах Москвы. Я стал в такую очередь в два часа ночи у Курского вокзала.

Уже на Лубянской площади слышались со стороны Колонного зала отдаленные звуки похоронного марша. С каждым шагом они усиливались, разговоры в толпе стихали, пар от дыхания слетал с губ все судорожнее и короче.

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный...

Кто-то запел вполголоса эти слова, но тотчас замолк. Любой звук казался ненужным среди этой полярной ночи. Только скрип и шорох многих тысяч ног по снегу был закономерен, непрерывен, величав, — к гробу шли люди с окраин, из подмосковных поселков, с полей, с остановившихся заводов. Шли отовсюду.

Молчание застыло над городом. Даже на далеких железнодорожных путях не кричали, как всегда, паровозы.

Страна двигалась к высокому гробу, где среди цветов и алых знамен не сразу можно было рассмотреть изможденное лицо человека с большим бледным лбом и закрытыми, как бы прищуренными глазами.

Шли все. Потому что не было ни одного человека, на жизни которого не отразилось бы существование Ленина, ни одного, кто бы не испытал на себе его волю. Он сдвинул жизнь. Сдвиг этот был подобен исполинскому геологическому сбросу, встряхнувшему Россию до самых недр.

В промерзшем насквозь Колонном зале стоял пар от дыхания тысяч людей. Время от времени плавное звучание оркестров разбивали пронзительные плачущие крики фанфар. Но они быстро стихали, и снова мерно звучал оркестр, придавая печали торжественность, но не смягчая эту печаль.

Со мной в толпе шел капитан дальнего плавания, сотрудник морской газеты «На вахте» Зузенко — мой сосед по даче в Пушкино.

Мы медленно прошли мимо гроба и замедляли шаги, стремясь в последнем взгляде удержать увиденное — лицо Ленина, его выпуклый лоб, сжатые губы и небольшие руки.

Он был мертв, этот человек, стремительно перекроивший мир. Каждый из нас думал о том, что теперь будет с нами. Куда пойдет страна? Какая судьба ждет революцию?

Казалось, что время застыло. Эпоха отыграла свое, замолкла, и вряд ли кто-нибудь сможет удержать ее на прежнем пути.

— Наши дети, — сказал Зузенко, когда мы вышли из Колонного зала, — будут завидовать нам. Если не вырастут круглыми дураками. Мы влезли в самую середину истории. Понимаете?

Я это прекрасно понимал, как все, кто жил в то тревожное и молниеносное время. Ни одно поколение не испытало того, что испытали мы. Ни такого подъема, ни таких надежд, ни такой жути, разочарований и побед. Зеленых от голода и почерневших от боев победителей вела только непреклонная вера в торжество грядущего дня.

Потом мы долго ехали с Зузенко в Пушкино в пустом дачном поезде. Он грохотал и качался в густом пару. Колеса вагонов звучно били по стыкам рельсов. Им вторило ночное эхо. Казалось, что оно тоже замерзает и потому звенит и потрескивает, как тонкий лед, разбитый камнем.

Я любил заходить к Зузенко. Маленькая его дача была засыпана снегом по самые окна.

Мы молча выпили чай с черными сухарями. Потом Зузенко спросил:

— Поедете завтра на похороны Ленина?

— Конечно.

— В чем? Мороз крепчает. Ваше осеннее пальтишко — чистое рядно, чтобы не сказать больше. Да вас уже и сейчас трясет. Жаль, нет термометра.

— У меня есть.

— Померяйте. А завтра утром я зайду. Пораньше.

Я ушел.

В моей комнате было тоже холодно, как в запертом леднике. Я затопил печку и тотчас лег, не раздеваясь, укрывшись потертой медвежьей шкурой.

Голова у меня мутилась. Я подумал, что сейчас, в такие дни, просто нельзя уступать смутным и печальным мыслям, нельзя позволять тоске распоряжаться собой.

Мир потрясен. Неистовая стужа не может убить печаль человеческих сердец. Москва пылает в похоронных кострах. Люди ждут полного избавления от тысячелетних и бессильных страданий. Ушел человек, который знал, что делать.

Он знал. Но знаем ли мы?

Я потянулся к часам. Печка прогорела. При свете углей я увидел, что уже шесть часов. Сильно болела голова.

Серый сумрак, поморок, заползал в комнату из окна и тут же падал в темноту, на пол.

Надо было собираться и ехать в Москву.

Зузенко постучал в окно и крикнул, приложив ладони к стеклу, чтобы я даже не смел отворять ему дверь: мороз осатанел и просто сжигает легкие.

— Ехать в Москву невысказано! — прокричал он. — Оставайтесь. Ложитесь. Я поеду, вернусь поскорее и все вам расскажу.

У меня не было ни сил, ни голоса спорить. Он ушел. Я все же надел пальто, замотал шею старым шарфом, натянул на уши кепку и вышел.

Я добрал до железнодорожного переезда как раз в то время, когда прошел на Москву последний утренний поезд. Я опоздал.

Тогда я пошел вдоль полотна в сторону Москвы.

Но я не прошел и двух километров. Очень кружилась голова. Мне хотелось сесть на откос, в снег, и посидеть немного. Но я знал, что в такой мороз этого делать нельзя. Поэтому я все брел, спотыкаясь, понимая, что идти бессмысленно и надо возвращаться.

Я убеждал себя, что в этой ломкой тишине обязательно услышу отдаленный, но слитный гул всех заводских гудков Москвы. Может быть, даже услышу громяхающий вздох орудийных залпов. Но было очень тихо. Только все сильнее потрескивал лес.

Наконец со стороны Пушкино послышался нарастающий шум — это шел в Москву, выбрасывая столбы дыма и пара, сибирский экспресс.

Он всегда проходил в это время мимо Пушкино, не останавливаясь, не тормозя, уволокивая за стрелки тяжелые пульмановские вагоны. Все казалось, что вагоны хотят отстать, остановиться, отдохнуть, но паровоз безжалостно мчит их вперед и не дает отдышаться. Поезд приближался. Внезапно он вздрогнул. Залязгали и запели тормоза. Грохот колес оборвался, и поезд остановился среди леса. Паровоз дышал, как запаленная лошадь.

Поезд остановился там, где его застало время похорон.

Пар вырвался могучей струей из недр паровоза, и паровоз закричал. Он кричал непрерывно, не меняя тона. В его крике слышалось отчаяние, гнев, призыв.

Этот могучий гудок летел окрест — в леса, в стужу, в поля, где одним нетронутым пластом расстилались снега.

Шли минуты, а паровоз кричал все так же томительно, так же тоскливо и настойчиво, возвещая, что сейчас на Красной площади в Москве хоронят Ленина.

Экспресс промчался через тысячи километров великой русской зимы, но опоздал. Всего на сорок минут.

Мне казалось, что я слышу не только вопль сибирского экспресса, но крик всей Москвы. В эту минуту остановилась жизнь. Даже морские пароходы легли в дрейф и сотрясали зимние свинцовые воды плачем мощных сирен.

Гудок сразу стих, и поезд тронулся в задымленную даль, к близкой Москве.

Все было кончено. Я побрел домой.

На дачах мертво висели траурные флаги.

На обратном пути я не встретил ни одного человека. Мне чудилось, что вымер весь мир и жизнь иссякла, как последний неприятный свет этого январского дня с его никому не нужной мучительной стужей и горьким запахом дыма.

«Живой Ленин». М.: Художественная литература, 1965.
С. 298—302.

Ленин в гробу

Я шел по красным коврам Дома союзов: тихо, в очереди, затаив дыханье, думал: «Сейчас увижу лицо твое, Учитель,— и прощай. Навеки. Больше ни этого знакомого лба, ни сощуренных глаз, ни голой, круглой головы — ничего не увижу»

Мы все ближе, ближе...

Все ярче огни — электричеством залит зал, заставленный цветами. Посреди зала, на красном — в красном — лежит Ленин: лицо бело, как бумага, спокойно, на нем ни морщин, ни страданья — оно далеко от тревог. Оно напоминает спокойствием своим лицо спящего младенца. Он, говорят, перед смертью не страдал — умер тихо, без корчей, без судорог, без мук. Эта тихая смерть положила печать спокойствия и на дорогое лицо. Как оно прекрасно, это лицо! Я знаю, что еще прекрасней оно потому, что — любимое, самое любимое, самое дорогое.

Я видел Ильича последний раз года два-три назад. Теперь, в гробу, он бледней, худей,— осунулся вдвое, только череп — крутой и гладкий,— как тогда, одинаков.

Вот вижу со ступенек все лицо, с закрытыми глазами, потом ближе и ближе — вот одна впалая щека и ниже ее чуточная борода. Брови, словно приклеенные, четко отделяются на бледном лице — так при жизни они не выступали,— теперь кажутся они и гуще и черней... Двигается, движется человеческая цепочка слева направо, вокруг изголовья, за гроб.

Виден только череп... Блестит голой, широкой покатостью... И дальше идем — снова щека — другая, левая...

Идем и оглядываемся — каждому еще и еще хоть один раз надо взглянуть на лицо, запечатлеть его в памяти, до конца дней запомнить.

И снова по красным коврам идем проходами, коридорами Дома союзов — выходом на Дмитровку. А у крыльца — толпа: тысячная, стотысячная ли она, не рассмотреть: кругом толпа, до Дома Советов, до Тверской,

по Дмитровке — везде она волнуется, ждет очереди отдать последний поклон покойному вождю, любимому Ильичу.

Д. Фурманов. Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 4. С. 334—335.

Мы хоронили Ильича

Все шли, шли, шли тысячи и сотни тысяч осиротелой Москвы по Красной площади от раннего утра до последней минуты, когда гроб, красный ящик, подняли, спрятали в вечное жилище. Был жестокий мороз — такого за зиму не было ни разу. Мы сбились у Лобного места. Два часа оставалось до похоронной минуты. Приближались, становились новые. Росла толпа...

Близился час... Вот три... три с половиной... без четверти четыре... без десяти... пяти... двух одной минуты..

И вдруг заплакали в воздухе жалобные сирены, густо завывали заводские гудки. Стало жутко. Величественно. Торжественно. Кто-то возле зарыдал, забился в истерику. Его подхватили и понесли в санитарный автомобиль. Шмыгали носами, хватались за платки, рукавами отирали мокрые глаза. Эта толпа... замерла в молчанье, застыла в горе, вся на цыпочках устремилась взорами туда, откуда сняли и понесли священный красный ящик. В воздухе дрожали полеты артиллерийских ударов, проносились над головами невидимым рыданием. В этот миг, где-нибудь далеко, далеко, в Кавказских горах, на каком-нибудь крошечном Сахалине, в версте, в двух от него среди полного хода — вдруг остановился поезд. Почему? Это Ленин умер... Ленина опускают в могилу. Эти минуты вся жизнь должна остановиться. Будут петь невидимые голоса похоронный гимн, будет бить телеграфная лента: «Ленин умер, Ленин умер... Ленин умер, но дело его живет...»

В этот миг весь мир с нами слился в едином глубоком траурном чувстве.

Мы хоронили Ленина...

И расходились. Надо было видеть, как расходились мы с Красной площади.

Ленина больше нет!

Печатается по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей ИМЛИ, II — 62, 1580.

Траурная юдиз

Год назад, в этот день, 6.50, умер Ильич. Я прошел снежным сквером и уперся в гранит храмхристовских лестниц. Тьма. Кремль в мелких, в ярких звездах — огня. В темно-синюю вечернюю вуаль, где-то далеко-далеко на башне Кремля — бьется отсветами, красными отблесками флаг. Мы стоим молча — один, другой, десятый, сотый. Все молчим. И взорами вонзились туда, на Красную. Скоро салют — пальба. Скоро. Напряженно дрожит тело, гудит в голове, у горла что-то накипает, нарастает, все ближе, ближе, ближе... И вот одна за другой жалобно, протяжно заплакали заводские сирены... Над траурной Москвой поплыли, заплакали навзрыд печальные стоны...

Ударили орудия, выждали минуту, ударили вновь, а в густой вечерней синеве — над морем огня — жалобные, протяжныеплыли во тьму рыданья сирен. Мы стояли окаменелые. Никто не говорил другому ни слова. Мы полны были глубоких чувств и молча их хранили в груди. Мы затем пришли, чтоб чувствовать здесь, что за день, что это за час, что за минуты.

Останавливалось дыханье, сгрудились спазмами в горле рыданья, по щекам моим сползали слезы...

Нет его, великого учителя, нет...

И вспоминалось дорогое лицо — как видел я его на съездах: ¹ желтое, утомленное, но горящее радостью, зажигающее бодростью, верой в успех, в победу своего дела... Вспомнился этот крутой череп, остро стриженные усы, колючие и ласковые вместе глаза — весь встал Ильич. Ожил. Он на трибуне. Говорит речь — простую, ясную до дна, убеждающую до отказа — историческую речь... И знать теперь, что нет его, — э-эх, тяжело. Вся Москва этот день, эти дни особенно — в воспоминаньях о дорогом покойнике: заставлены, затянуты в траур витрины, портретами, бюстами — учрежденья, залы — черно-красной материей, по залам, по клубам, на собраниях, в ячейках — везде речь об Ильиче, о делах его, о жизни, о борьбе.

¹ Дм. Фурманов присутствовал в качестве делегата на VII и VIII Всероссийских съездах Советов в декабре 1919 и в декабре 1920 г. На этих съездах В. И. Ленин выступал с докладами и речами.

Этот день, эти дни каждая минута жизни нашей пронизана мыслью и чувством только о нем.

Идут по улицам с плакатами рабочие, до глубокой ночи бьют барабаны пионеров, слышны комсомольские песни. Москва поминает великого учителя, великого борца, любимого Ильича.

Дм. Фурманов. Собр. соч.
М.: Гослитиздат, 1961. Т. 4.
С. 347—348.

Тяжелая, невознаграждаемая утрата постигла не только трудящихся СССР, но и пролетариат всего мира. Скончался идейный вождь всемирного пролетариата Владимир Ильич Ленин-Ульянов, гениальный мыслитель, гениальный практик-руководитель освобожденных от гнета капитализма трудящихся масс, воспринявший заветы великого Маркса и воплотивший их в жизнь.

Больно отозвалась смерть Ленина во всем мире, стоящем на грани социального переворота, но всего большее чувствуем эту смерть мы, живущие в возрожденной пролетарской России, в первом рабоче-крестьянском государстве, мы — знающие близко всю колоссальную работу, совершенную Лениным, мы, непосредственно находившиеся под могучим обаянием этой светлой личности.

Гений Ленина был многообразен. Он являлся мощным разрушителем старого, отжившего социального строя и вместе с тем не менее могучим, вдохновенным создателем нового, строителем иной, светлой жизни, ее дальнозорким, осторожным и одновременно отважным кормчим.

На наших глазах протекала кипучая деятельность Владимира Ильича, ставшего во главе рабоче-крестьянской России с знаменательных дней Октябрьского переворота. Эти тяжелые годы, годы непрестанных испытаний и лишений, годы разрухи, гражданской войны, чужеземной интервенции выявляют в полном величии гениальный облик Ленина. Его творческий гений сумел из бесформенных осколков прошлого создать новое, цельное бытие, наметить раз навсегда определенные созидательные пути, на которые стала и которыми неуклонно идет рабоче-крестьянская Россия.

Если бы не трезво-практический ум Ленина, не его мощное, вдохновенное слово, не его ясные, исчерпывающие предудказания, то воссоздание государственного хозяйства, восстановление творчески продуктивных сил

нашей обширной страны не пошло бы с тем успехом, с той уверенностью, как оно идет сейчас.

В частности, нельзя не упомянуть о росте и развитии пролетарского искусства, литературы, театра... Новые силы, влитые в него, новые формы, в которых оно выявляется — откуда они? Что дало им жизнь и возможность быстрого, неостанавливающегося развития?

Конечно, и в этой области главная заслуга должна быть отнесена на счет кипучей, всесторонней деятельности В. И. Ленина.

Великий пролетарский кормчий, который твердой рукой повел советский корабль по определенному, спасительному курсу, ныне вышел из строя живых. Но его дело не остановилось, не пропало с его смертью.

Заветы Ленина — надежные вехи на том пути, который ясно и широко открыт перед возрожденной, создающей, строящейся пролетарской Россией. И этим путем она будет идти, всегда храня в своей памяти облик мощного вождя, все предугадавшего, все предусмотревшего, давшего на все прямые, незыблемые коррективы.

Жив Ленин в душе и сердце русского пролетариата и никогда не покроется забвением его светлое имя, столь грозное врагам, столь близкое, дорогое, любимое для трудящихся России и всего мира...

В эти дни будет много и по-разному говорить о роли личности в истории. Но суть в том, что «историческая роль» выпадает как раз тому, кто идет не личностным, а сверхличным путем, кто умеет стать в прямом и переносном значении слова *жертвой*.

Путь такого человека может быть обусловлен до последнего шага. Но он отдал себя ему с тем самозабвением, что воспринимается обыкновенным человеческим сердцем, как доброта и бескорыстие. И человечество, переводя этот путь на язык нравственных ценностей, справедливо называет его *подвигом*.

Каждый из нас чувствует, что среди нас был кто-то больше себя самого, потому что жил не для себя самого. Нужды нет, что этот кто-то был простым и понятным, так и вошедшим в историю в пиджаке, без котурн, «треуголки» и видимых признаков отличия. Тем он милее сердцу человечества, платящему за высший подвиг высшей наградой — *любовью*.

Ленин сделал для нас не только то, о чем говорят друзья и враги. Он сделал нечто большее: он дал нам возможность любить, удовлетворил самую жадную и са-

мую благодатную потребность тысячи тысяч сердец. На развалинах сухого, неврастенического, похотливого, бесплодного прошлого, душевно еще нами не изжитого, он провел свою роль с такой полной жертвенностью, он отдал свой мозг и свое сердце с таким безостаточным напряжением, что перед людьми снова загорелся образ лучшего сына человеческого: есть, что любить! есть, кого любить!

Истоками этой нежности будут питаться наша жизнь и наше искусство. Из нее вырастет легенда Ленина. И тому, кто отдал себя человечеству без остатка, оно возвратит его самого стократы и тысячекраты, ибо большей формующей силы, чем любовь, на земле нет.

«Жизнь искусства», 1924,
№ 5, 29 января.

КЛАРА ЦЕТКИН

Воспоминания о Ленине¹

В эти тяжелые часы, когда каждый из нас подавлен чувством глубочайшего горя, когда каждый сознает, что ушел от нас тот, кого заменить нельзя, перед нами встает яркое и полное жизни воспоминание о нем — единственном, которое, как вспышка молнии, выявляет нам в великом вожде великого человека. На личности Ленина лежит печать гармоничного слияния величия вождя и человека. Благодаря этой особенности личность Ленина навсегда пустила корни в великом сердце мирового пролетариата, а это есть то, что Маркс называл славным жребием борца за коммунизм. Ибо трудящиеся, все те, кто отдан в жертву богатству, все те, кто не знает обычной лжи и лицемерия буржуазного мира, — тонким инстинктивным чутьем улавливают разницу между правдивым и ложным, между скромным величием и напыщенным чванством, между действенной, обращенной к ним любовью и погоней за популярностью, в которой отражается только пустое тщеславие.

Я считаю своим долгом поделиться со всеми отрывками из сокровищницы моих личных воспоминаний о незабвенном вожде и друге. Это — долг по отношению к Владимиру Ильичу. Это — долг по отношению к тем, кому была отдана вся его деятельность: пролетариям, трудящимся, эксплуатируемым, подневольным всего мира, которых охватило его любящее сердце и которых его гордая мысль рассматривала как революционных борцов и творцов более высокого общественного строя.

Впервые после того, как разразилась потрясшая весь мир русская революция, я встретила с Лениным ранней осенью 1920 года. Это было сейчас же после моего приезда в Москву, во время одного партийного заседания, если память мне не изменяет, в Свердловском зале в Кремле². Ленин показался мне не изменившимся, по-

¹ Печатается фрагмент из воспоминаний.

² Автор воспоминаний пишет о IX Всероссийской конференции РКП(б), проходившей 22—25 сентября 1920 года в Свердловском зале в Кремле. На конференции К. Цеткин выступила с речью.

чти не постаревшим. Я могла бы поклясться, что на нем был тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, который я видела на нем при первой нашей встрече в 1907 году на всемирном конгрессе II Интернационала в Штутгарте. Роза Люксембург, отличавшаяся метким глазом художника, подмечавшим все характерное, указала мне тогда на Ленина со словами: «Взгляни хорошенько на этого человека. Это — Ленин. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп».

В своем поведении и в своих выступлениях Ленин остался таким же, как прежде. Дебаты становились порой очень оживленными, даже страстными. Как и раньше, во время конгрессов II Интернационала, Ленин проявлял чрезвычайное внимание к ходу дебатов, большое самообладание и спокойствие, в котором чувствовалась внутренняя сосредоточенность, энергия и эластичность. Это доказывали его восклицания, отдельные замечания и более пространственные речи, произносимые им, когда он брал слово. От его острого взгляда и ясного ума, казалось, не могло ускользнуть ничто, заслуживающее внимания. Мне бросилась в глаза тогда на собрании — как, впрочем, и всегда впоследствии — самая характерная черта Ленина — простота и сердечность, естественность во всех его отношениях ко всем товарищам. Я говорю «естественность», так как я вынесла вполне определенное впечатление, что этот человек не может вести себя иначе, чем он себя ведет. Его отношение к товарищам — естественное выражение всего его внутреннего существа.

Ленин был бесспорным вождем партии, которая сознательно вступила в бой за власть, указывая цель и путь русскому пролетариату и крестьянству. Облеченная их доверием, она управляет страной и осуществляет диктатуру пролетариата. Ленин был руководителем великой страны, которая стала первым в мире пролетарским государством. Его мысли и воля жили в миллионах людей и за пределами Советской России. Его мнение по любому вопросу было решающим в стране, имя его было символом надежды и освобождения повсюду, где существует гнет и рабство.

«Товарищ Ленин ведет нас к коммунизму. Как бы тяжело нам ни было, мы выдержим», — заявляли русские рабочие. Они, имея перед своим духовным взором идеальное царство высшего человеческого общества, спешили, голодая, замерзая, на фронт или же напряга-

ли чрезвычайные усилия, чтобы среди невероятных трудностей восстановить хозяйственную жизнь страны.

«Нам нечего бояться, что помещики вернуться и отберут у нас землю. Ильич и большевики с красноармейцами выручат нас», — так рассуждали крестьяне, земельная нужда которых была удовлетворена. «Да здравствует Ленин!» — часто красовалась надпись на многих церковных стенах в Италии: это было проявлением восторженного удивления какого-нибудь пролетария, который в лице русской революции приветствовал свою собственную освободительницу. Вокруг имени Ленина как в Америке, так и в Японии и Индии объединялись все восставшие против власти собственников.

Как просто и скромно было выступление Ленина, который уже имел за собой совершенный им гигантский исторический труд и на котором лежало колоссальное бремя безграничного доверия, самой тяжелой ответственности и никогда не прекращающейся работы! Он целиком сливался с массой товарищей, был однороден с ней, был одним из многих. Он не хотел ни одним жестом, ни выражением лица оказывать давление в качестве «руководящей личности». Подобный прием был ему совершенно чужд, так как он действительно был ярко выраженной личностью. Курьеры непрерывно доставляли сообщения из различных учреждений — гражданских и военных, — он очень часто тут же давал ответ в нескольких быстро набросанных строках. Для всякого у Ленина была дружеская улыбка и кивок, и это всегда вызывало в ответ радостное выражение лица того, к кому они относились. Во время заседаний он время от времени, не вызывая ничьего внимания, договаривался по разным вопросам с тем или иным ответственным товарищем. Во время перерыва Ленину приходилось выдерживать настоящую атаку: его обступали со всех сторон товарищи — мужчины и женщины — питерцы, москвичи, а также из самых различных центров движения, особенно много молодых товарищей: «Владимир Ильич, пожалуйста...», «Товарищ Ленин, вы не должны отказать..», «Мы, Ильич, хорошо знаем, что вы... но...» В таком роде сыплется град просьб, запросов, предложений.

Ленин выслушивал и отвечал всем с неистощимым, трогательным терпением. Он чутко прислушивался и всегда был готов помочь в партийной работе или лич-

ном горе. Глядя на него, как он относился к молодежи, сердце радовалось: чисто товарищеское отношение, свободное от какого-либо педантизма, наставнического тона или высокомерия, продиктованного тем, что пожилой возраст будто бы сам по себе является каким-то несравненным преимуществом и добродетелью.

Ленин вел себя, как ведет себя равный в среде равных, с которыми он связан всеми фибрами своей души. В нем не было и следа «человека власти», его авторитет в партии был авторитетом идеальнейшего вождя и товарища, перед превосходством которого склоняешься в силу сознания, что он всегда поймет и в свою очередь хочет быть понятым. Не без горечи сравнивала я атмосферу, окружавшую Ленина, с напыщенной чопорностью «партийных отцов» немецкой социал-демократии. И мне совершенно нелепой казалась та безвкусица, с которой социал-демократ Эберт в качестве «господина президента Германской республики» старался копировать буржуазию «во всех ее повадках и манерах», теряя всякое чувство человеческого достоинства. Конечно, эти господа никогда не были такими «безумными и отчаянными», как Ленин, чтобы «стремиться совершить революцию». И под их защитой буржуазия может тем временем храпеть еще более спокойно, чем даже во времена тридцати пяти монархов при Генрихе Гейне,— храпеть, пока наконец и здесь революция не подымется из потока исторически подготовленного, необходимого и прогрессирует этому обществу: «Берегись!»

* * *

При моем первом посещении семьи Ленина еще углубилось впечатление о нем, полученное мною на партийной конференции и усилившееся с тех пор после ряда бесед с ним. Ленин жил в Кремле. Прежде чем к нему попасть, нужно было пройти мимо нескольких караульных постов — предосторожность, объяснявшаяся не прекращавшимися в ту пору контрреволюционными террористическими покушениями на вождей революции. Ленин, когда это нужно было, принимал и в великолепных государственных апартаментах. Однако его частная квартира отличалась крайней простотой и непритязательностью. Мне случалось часто бывать в квартирах рабочих, которые были богаче обставлены, чем квартира «всесильного московского диктатора».

Я застала жену и сестру Ленина за ужином, к которому я тотчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, черного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем. Как известно, крестьяне доставляли в изобилии «своему Ильичу» белую муку, сало, яйца, фрукты и т. п.; известно также, что из всего этого ничего не оставалось в доме у Ленина. Все посылалось в больницы и детские приюты, так как семья Ленина строго придерживалась принципа жить в тех же условиях, что и трудящиеся массы.

Я не видела т. Крупскую, жену Ленина, с марта 1915 года, когда происходила международная женская социалистическая конференция в Берне. Ее симпатичное лицо с мягкими добрыми глазами носило на себе неизгладимые следы предательской болезни, которая ее подтачивала. Но, за исключением этого обстоятельства, она оставалась такой же, а именно воплощением прямо-ты, простоты и какой-то чисто пуританской скромности. Со своими гладко назад причесанными волосами, собранными на затылке в бесхитростный узел, в своем простом платье она производила впечатление изнуренной жены рабочего, вечно озабоченной мыслью, как бы успеть, как бы не потерять времени. «Первая женщина великого русского государства» — согласно буржуазным понятиям и терминологии — Крупская является бесспорно первой по преданности делу угнетенных и страдающих. Ее соединяла с Лениным самая искренняя общность взглядов на цель и смысл жизни. Она была правой рукой Ленина, его главный и лучший секретарь, его убежденнейший идейный товарищ, самая сведущая истолковательница его воззрений, одинаково неутомимая как в том, чтобы умно и тактично вербовать друзей и приверженцев, так и в том, чтобы пропагандировать его идеи в рабочей среде. Наряду с этим она имела свою особую сферу деятельности, которой она отдавалась всей душой,— дело народного образования и воспитания.

Было бы оскорбительно и смешно предполагать, что т. Крупская в Кремле играла роль «жены Ленина». Она работала, несла заботы вместе с ним, пеклась о нем, как она делала это всю свою жизнь, делала тог-

да, когда условия нелегальной жизни и самые тяжелые преследования разделяли их друг от друга. С чисто материнской заботливостью — нужно сказать, что сестра Ленина¹ помогала ей в этом самым любовным образом, — превращала она ленинское жилище в «родной очаг» в самом благородном смысле этого слова. Конечно, не в смысле немецкого мещанства, а в смысле той духовной атмосферы, которая его наполняла и которая служила отражением отношений, соединявших между собой живущих и работающих здесь людей. Создавалось впечатление, что в этих отношениях все было настроено на исключительный тон правды, искренности, понимания и сердечности. Хотя я до той минуты лично мало была знакома с т. Крупской, я тотчас же почувствовала себя в ее обществе и под ее дружеским попечением, как дома. Когда пришел Ленин и когда несколько позже появилась большая кошка, весело приветствуемая всей семьей, — она прыгнула на плечи к «страшному вождю террористов» и потом свернулась в удобной позе на коленях у него, — то мне казалось, что я у себя дома или у Розы Люксембург с ее ставшей памятной для друзей кошкой Мими.

Ленин застал нас — трех женщин — беседующими об искусстве, просвещении и воспитании. Я как раз в этот момент высказывала свое восторженное удивление перед единственной, в своем роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенности и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье» и подражание западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор.

— Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру, — сказал он, — это — хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные иска-

¹ К. Цеткин говорит о младшей сестре, Марии Ильиничне Ульяновой.

ния новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его», — все это неизбежно.

— Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу, будь этот идеал на что-нибудь годен или нет. Отсюда перед вами брожение, экспериментирование, хаотичность.

— Но, конечно, мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки. Мне кажется, что и мы имеем наших докторов Карлштадтов¹. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отвращаться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрес-

¹ Карлштадт (Андреас Боденштейн) (ок. 1480—1541) — деятель бюргерской реформации в Германии.

сионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости.

Я не могла удержаться и созналась, что и мне не хватает органа восприятия, чтобы понять, почему художественным выражением вдохновенной души должны служить треугольники вместо носа и почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях, с двумя вилками по пяти зубцов в каждой.

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаемся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

— Но,— продолжал Ленин,— важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры.

— Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сдела-

но. Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине — Каутский, но мы также просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А между тем мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведем настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, «избы-читальни» в крупных и малых городах и селах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране «передвижные выставки» и «просветительные поезда». Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, — миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным».

«Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность, — заметила я. — В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес».

— Да, это верно, — возразил Ленин. — Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с зада-

чей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных советах и советских органах работать над делом восстановления. Это мужчины и женщины «в расцвете сил», как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они страстно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлекать к советской работе все новые пласты мужчин и женщин и дать им известное практическое и теоретическое образование. Однако, несмотря на это, мы не можем удовлетворить всю потребность нашу в творческих руководящих силах. Мы вынуждены привлекать бюрократов старого стиля, и в результате у нас образовался бюрократизм. Я его от души ненавижу, не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему. Она парализует и вносит разврат как вниз, так и наверху. Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократизма служит самое широкое образование и воспитание народа.

— Каковы же наши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встает перед нами тот же мучительный вопрос: что значит все это для такого большого населения, как наше? Еще хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность.

В голосе Ленина, обычно столь спокойном, звучало сдержанное негодование.

«Как близко задевает его сердце этот вопрос,— подумала я,— раз он перед нами тремя произносит агитационную речь». Кто-то из нас — я не помню, кто именно,— заговорил по поводу некоторых, особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента». Ленин на это возразил:

— Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что *panem et circenses* («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ,— пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры,— конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски охарактеризованы в «Коммунистическом манифесте».

В эту ночь — был уже поздний час — мы коснулись еще и других тем. Но впечатления об этом бледнеют по сравнению с замечаниями, сделанными Лениным по вопросам искусства, культуры, народного образования и воспитания.

«Как искренне и горячо любит он трудящихся,— мелькнуло у меня в мозгу, когда я в эту холодную ночь с разгоряченной головой возвращалась домой.— А между тем находятся люди, которые считают этого человека холодной, рассудочной машиной, принимают его за су-

хого фанатика формул, знающего людей лишь в «качестве исторических категорий» и бесстрастно играющего ими, как шариками».

Брошенные Лениным замечания так глубоко меня взволновали, что тотчас же в основных чертах я набросала их на бумаге, подобно тому как во время моего первого пребывания на священной революционной земле Советской России день за днем заносила в свой дневник все, что мне казалось заслуживающим внимания...

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 5. С. 7—16.

Умер Ленин. Мы уже никогда не увидим этого громадного лба, этой чудесной головы, из которой во все стороны излучалась революционная энергия, этих живых, пронизывающих, внимательных глаз, этих твердых, властных рук, всей этой крепкой, литой фигуры, которая стояла на рубеже двух эпох в развитии человечества. Точно разрушилась центральная станция пролетарского ума, воли, чувства, которые невидимыми токами переливались по миллионам проводов во все концы нашей планеты, где бьются сердца рабочих, где куется сознание великого класса, где точится оружие его освободительной борьбы.

Милый! Незабываемый! Великий!

Товарищ Ленин был и останется в веках единственным и неповторяемым.

Природа и история завязали в нем замечательный узел громадного ума, нечеловеческой воли, личного мужества и той редкой человечности, которая свойственна только избранным. И эти комбинированные силы дали нам гений Владимира Ильича.

Тов. Ленин был прежде всего *вождем*, таким вождем, какими история дарит человечество раз в сотни лет, по именам которых потом отсчитывают эпохи. Он был величайшим *организатором масс*. Точно великан шел он впереди людского потока, направляя его движение, из бесчисленных человеческих единиц строя дисциплинированную армию труда, бросая ее в бой, круша противника, обуздывая стихию, освещал прожектором своего мощного ума и прямые пути, и темные обходные закоулки, по которым приходится звучать мерной поступи черных рабочих рядов с мятежными красными знаменами.

Что делало Ленина таким гениальным выразителем миллионов?

Это прежде всего его необычайная чуткость к запросам масс. Точно было у Ленина какое-то неведомое шестое чувство, которое позволяло ему чутким ухом прислушиваться, как растет под землю трава, как бегут и журчат подземные ручейки, какие думы, какие мысли

бродят в головах бесчисленных тружеников земли. Он, как никто, умел *слушать*. Он терпеливо и внимательно слушал солдата старой армии, крестьянина из далекой окраины, рабочего-металлиста. По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянстве. По записке рабочего на митинге он, мудрец нашей партии, видел и чувствовал, какими путями бегут мысли рабочего класса. Из каждого человека он каким-то, только ему свойственным способом точно вытягивал тысячи нитей, весь клубок социальных связей, сложных сплетений и узлов,— и перед его глазами была картина жизни миллионов, картина классовых отношений во всей необъятной стране. Ленин имел особый дар говорить с людьми, подходить к людям настолько близко, настолько интимно, что они шли к нему навстречу со всеми своими сомнениями, нуждами, запросами. С каждым Ленин находил общий язык. Ненавидя всеми силами своей могучей души противников рабочего класса, порывая с ними резко, решительно, бесповоротно, Ленин умел убеждать, терпеливо разъяснять сомнения «своих», людей борющегося труда. Оттого Ленин пользовался таким исключительным обаянием. Он очаровывал людей. Они шли к нему не как к начальнику, хотя бы и пролетарской армии, а как к лучшему другу, товарищу, вернейшему, мудрейшему, опытнейшему советчику. И он спланивал людей вокруг себя таким цементом, которого размыть не была в состоянии никакая сила.

Вряд ли можно найти в истории такого другого вождя, который был бы так любим своими ближайшими соратниками. У всех у них было к Ленину какое-то особое чувство. Они его именно любили. Не просто ценили его мощный головной аппарат и его железную руку. Нет. Он привязывал людей пучками интимных ниточек, он был свой, близкий, родной. Он был в полном смысле *товарищ*,— великое слово, которому принадлежит будущее. Такими будут когда-нибудь отношения между всеми людьми...

Эта величайшая *простота* была у Ленина основной чертой его политики.

Это не простота наивных людей. Это именно простота гения. Он находил простые слова, простые решения самых сложных задач. Ничто не было так чуждо Ленину, как «выкрутасы», поза, умничанье. Он ненавидел все это, издевался над этим проклятым наследством старого, которое еще тяготеет над нами. Он знал цену *делу*

и был бешеным противником всякой пустопорожней шумихи.

И вместе с тем Ленин властно вел свою партию, а через нее всех трудящихся. Он был диктатором в лучшем смысле этого слова. Впитывая в себя, точно губка, все токи жизни, перерабатывая в своей изумительной умственной лаборатории опыт сотен и тысяч людей, он в то же время мужественной рукой вел за собой, как власть имеющий, как авторитет, как могучий вождь. Он никогда не подлаживался к отсталости, он никогда пассивно не «регистировал» событий. Он мог идти против течения со всей силой своего бешеного темперамента. Таким и должен быть настоящий массовый вождь.

Товарищ Ленин ушел от нас навсегда. Ушел навеки. Перенесем же всю свою любовь к нему на его родное дитя, на его наследника — на нашу партию. Пусть будет она жива его духом, его умом, его волей, его беззаветным мужеством, его преданностью рабочему классу. Будем все вместе так же внимательно прислушиваться к массам, как это умел делать Ленин, — наш общий вождь, наш мудрый учитель, наш милый, наш бесценный *товарищ*.

«Прожектор», 1924. № 2. С. 2.

Памяти Ильича

21 января 1925 г.

Сидим на пленуме Цека. Много народу, много новых, малознакомых, малоизученных лиц. Подросли новые силы. А Ильича нет. Думаешь о нем и знаешь: нет, не придет наш мудрец. Точно живые, встают сцены из прошлого. Вот быстрой походкой, засутулившись, точно стыдясь своего собственного величия, точно желая скрыться от множества взглядов, хотя бы даже и любящих, быстро идет, почти бежит, опустив глаза в землю, втянув голову в плечи, прикрываясь воротником шубы или просто рукой, дорогой всем человек. Такой простенький и такой крепкий; с такими добрыми морщинками около глаз — и такой железный; такой незаметный — и такой мудрый. Забьется где-

нибудь в уголке, свернет пальцем ухо в трубочку, чтобы лучше слушать, скосит сверлящий глаз и высасывает каждое слово, если только вообще есть что послушать. А потом выйдет и, с трудом отбившись от оваций, гула голосов, грохота аплодисментов, радостных взглядов, криков, восклицаний, восторгов, начнет говорить. И сразу яснее в головах. Точно пришел Ильич и осветил все щели, все кривые закоулки и переулочки. Как же мы этого раньше не понимали, а?

А теперь его, Ильича, нет. Не оттого ли иногда мы бессмысленно спорим, что чего-то не ухватываем? — приходит иной раз в голову. Может быть. Ведь Ильича нет с нами...

Много лет тому назад увидел я первый раз Ильича. На маленькой грязной улочке Кракова нужно было найти квартиру Ульяновых. Иду, шарю глазами по окнам. И вдруг вижу купол огромного черепа, необыкновенную голову. Ну, конечно, это Старик!

Краковская квартирка, помнится, из двух комнат. Кухня — она же гостиная. Простой, белый, чисто вымытый кухонный стол. Ильич режет хлеб, наливает чаю, усаживает, спрашивает. Как ловко и как незаметно! С каким вниманием и с какой простотой! Выходишь — и знаешь: да ты, батенька, у него весь как на ладони. И никакого нажима, никакой неловкости перед великим человеком! Помню, что ушел я от «Ильичей» как зачарованный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись...

Невольно сравнивал его, Старика, с Плехановым: гордая поза, по-наполеоновски сложенные руки, театральные повороты головы, нарочитые жесты, блестящие остроты и «пафос расстояния»: ты, сударь, не моги подходить ближе, чем на километр! Демократ, якобинец коммунист. Либеральный барин, хотя и блестящий «основатель русского марксизма», «надменное чело». Нет, Плеханов не мог быть вождем пролетарской улицы,

«Когда, все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Га чернь великая
И сволочь та святая
К бессмертию неслась».

Оно и не вышло у Плеханова. А Ленин стал знаменем миллионов, и его имя слилось с именем Маркса...

Иногда представляют Ильича какой-то холодной счетной машиной, великим арифмометром и воплощением холодного ума и холодной воли. Это неправда. Ильич — громадный темперамент, бурно переживающий все, что приходилось переживать. Но эту свою страстность он сжимал железными клещами своей воли, от которой не было пощады. Он мог жестоко страдать. Но я думаю, что его нельзя было «пожалеть»: это значило бы вывести его из себя, и его гнев обрушился бы на вас, как удар парового молота. Ибо вовне Ильич должен был быть полководцем с единой волей, решением, мыслью. О, он никогда не наводил «уныния на фронт» и ни одной чертой своего подвижного лица не выдавал своих собственных сомнений: он стоял посреди всех, как скала воли и уверенности в победе.

Помню гнусное время, когда в Поронин приехал Роман Малиновский. Первую ночь я спал в комнатухе наверху. «Спал» я очень плохо, поминутно просыпался: еще бы! ведь дело шло о провокаторстве лидера нашей думской фракции!

И я отчетливо слышу: внизу ходит Ильич. Он не спит. Он выходит на террасу, заваривает (знаю, догадываюсь: страшно крепкий) чай и взад и вперед шагает по террасе. Он шагает и шагает, останавливается и снова шагает. Так проходит ночь. По временам моя усталая голова обволакивается туманом бессильного полусна. Но как только сознание возвращается снова, ухо тотчас ловит мерные звуки внизу.

Утро. Выхожу. Ильич аккуратно одет. Под глазами желтые круги. Лицо болезненное. Но он весело хохочет, жесты привычные, уверенные: «Ну, что, хорошо выпались? Хе-хе-хе. Да-с. Чаю хотите? Хлеба хотите? Гулять пойдём?» Точно ничего и не случилось. Точно не было мучительной ночи, страданий, сомнений, обдумывания, напряженной работы мысли. Нет, Ильич надел кольчугу своей стальной воли. Разве можно ее чем-либо расшибить?..

Вспоминаются первые месяцы войны. Это было страшно мучительное время, когда у каждого из нас, революционеров, разбросанных по различным странам, странам, окончательно сошедшим с ума под первыми ударами империалистических пушек, выступали слезы гнева и ненависти: как жалко обанкротилась «единая, международная, освобождающая народы социал-демо-

кратия!». Какими мерзавцами оказались наши немецкие, французские, бельгийские и прочие «друзья»!

Вот приезжает в Швейцарию, наконец, освободившись из австрийской тюрьмы, Ильич. Все его душевные силы: гениальный ум, воля, страсть собрались в один кулак против мерзавцев от патриотизма. Ильич лихорадочно работает. С беспощадной смелостью он поднимает кучи социал-демократического навозу и отшвыривает их в сторону. Коммунизм начинает свой путь...

Помню, как, точно охотник за волком, гонялся Ильич за Плехановым. Тот увиливал, уклонялся от сражения, отшучивался. Наконец Ильич «поймал» Плеханова в большом сараеобразном помещении около Лозанны, где тот читал доклад. Напряжение у всех достигло максимума. Сердца бились, руки тряслись. Ильич сам страшно волновался, и его лицо сделалось гипсовым. Когда он стал громить социал-патриотов, когда зазвучала бичующая, гневная, настоящая марксистская речь среди патриотического паскудства и блуда, наши души точно свела судорога облегчения. Как сейчас вижу: вот сидит «Абрам» (Н. В. Крыленко), весь трясется, и слезы льются у него из глаз. Наконец-то мы снова берем в руки меч против изменников! Придет наше время, негодяи!..

В бернской комнатухе «мечтали» о будущем. Шутили над Ильичем, что ему придется командовать настоящими армиями. А Ильич — это в 1915 году! — уже всерьез выдвигал лозунг гражданской войны и видел неизбежность революционной грозы.

Она пришла, эта гроза, и вместе с ней Ильич, эмигрант, «фанатик», «фантазер», а на самом деле глубокий ученый и прирожденный массовый вождь, стал расти с каждым днем и превратился в того революционного гиганта, фигура которого останется в веках как вечный памятник нашей героической эпохи.

Прекрасен был Ильич в минуты штурма. Но он был прекрасен и в минуты опасности, когда вражеский меч был совсем, совсем близко от наших голов.

В памяти всплывают брестские дни. Мы, «молодые», «левые», уже сделали ошибку, помешав заключить мир сразу, и продолжали упорствовать. И вот на решающее заседание Цека¹ вбегает Ильич. Он, как громадный лев, запертый мальчишками в клетку. Он бегаёт по комнате,

¹ Имеется в виду заседание ЦК РСДРП 23 февраля 1918 г.

гневный, с суровой решимостью в лице, на котором подобралась и сжались все мускулы. «Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры! *Ни единой секунды!*» Его «ни единой секунды!» произносится с каким-то решительным, серьезным и вместе с тем глубоко гневным присвистом сквозь зубы — это было характерным признаком того, что Ильич «свирепо» настроен. И Ильич ставит ультиматум. И Ильич ломает прежнее решение. И Ильич — могучий, грозный, железный, всевидящий — спасает революцию от страшных врагов: от революционной фразы и от революционной позы, которые чуть было не выдали республику немецким палачам...

Деникин, Колчак, голод... Границы Советского государства сузились до последнего предела. Заговоры внутри, революция становится дыбом. Вот-вот опрокинется все на голову. Ильич считает. Спокойно. Видит возможность поражения. Шутливо называет это по-французски «culbutage» («перекувыркивание»). На всякий случай распоряжается принять такие-то и такие-то меры, чтобы начать сызнова подпольную работу. Ни капли не сомневается, что в случае поражения он погиб. Все это — «culbutage». Но вот он подходит к партийным рядам, и его голос звучит несокрушимой энергией: «паникеров — расстреливать!» И каждый чувствует, что мы победим: черт возьми, разве с Ильичем можно проиграть сражение?

А вот наш Ильич не в Политбюро, не в Совнаркоме, а у себя в Горках. В синенькой полиловетшей местами рубашонке, без пояска, с таким добрым лицом. Он роется в кучах книг и газет на всех языках и наречиях. Ходит на охоту и подползает к уткам, хрипя от ожидания, увлекаясь, как может увлекаться только Ильич. Вот человек!

Раз как-то вдруг Ильич засуетился и стал спрашивать садовые ножницы. Потом побежал к сиреневым кустам и стал возиться около них. Мы подошли. «Вот видите,— указал Ильич на изломанные чьей-то варварской рукой ветки,— больно, знаете, смотреть». И Ильич улыбнулся милой, виноватой улыбкой, грозный Ленин, которому «больно смотреть» на изуродованные цветы.

Знал ли Ленин себе цену? Понимал ли он все свое значение? Я не сомневаюсь ни одной секунды, что да.

Но он никогда не смотрелся в историческое зеркало: он был слишком прост для этого, и он был слишком для этого прост *потому*, что был слишком велик. Характерная черточка: Ильич часто притворялся, что он чего-либо не знает, тогда как он отлично это знал. Ему нужно было узнать от своего собеседника что-нибудь дополнительное, быть может, другую сторону вопроса, другой подход, другое освещение, а заодно и прощупать этого собеседника, отложив где-нибудь в клеточках своего извилистого мозга крепкую и плотную характеристику. Ему, Ильичу, Ленину, ведь важно было *дело*, с которым он крепко-накрепко сросся, которое стало его главной потребностью. Так причем же тут какая-нибудь фальшь или рисовка, когда речь идет о деле, деле и еще раз деле?

А потом, быть может, причиной ильичевой скромности была его огромная культурность. Ведь это только шавки всесветного мешанства до сих пор не могут понять, почему Ильич мог сделать так много. А он мог сделать так много потому, что выжал все ценное, что давал капиталистический мир, и, мобилизовав эти знания, оплодотворив их учением Маркса, развив это учение дальше, все это поставил на службу пролетарской революции. Он знал колоссально много. Но именно поэтому он понимал, как это еще мало, если мерить другими масштабами: а ведь Ильич считал миллионами и десятилетиями...

И поэтому тем больше, тем величественнее становилась личность Ленина, чем меньше обращал он внимания на свою личность. Разве кто мог заподозрить «Старика» в личном пристрастии? Разве кто мог допустить, что Ильич думает о чем-либо ином, кроме интересов великого дела? Никто, никогда, за исключением, быть может, совсем отпетых людей. И оттого, когда смертоносные стрелы разящей ленинской диалектики попадали в «цель», когда Ильич обрушивал громы и молнии, с ним — в рядах нашей партии, разумеется, — боролись, но всегда прислушивались к его аргументам. И скольких, скольких Ильич переделал, навсегда привязал к своему учению, убедил и спас от неверных путей!.. Как возился он, убеждал, боролся за людей, заботясь — разными путями — и о физическом здоровье, и об идеологической чистоте тех товарищей, кого он считал ценным «партийным имуществом»!..

Дорогой учитель! Вот вспоминается его предпоследняя речь на четвертом конгрессе Коминтерна¹. Ильич уже пережил один удар. Он точно встал с одра смерти. Жадными руками хватался за рычажки своей постоянной деловой машины. Страшно волновался, сможет ли работать. Думал о своей речи, как об экзамене.

У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости — рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились, но блестели радостным огоньком: в них кричала жизнь, в них пела песнь о работе могучая душа Ильича!

В великой радости, в слезах, к Ильичу подбежала Цеткин и стала целовать Стариковы руки. Смущенный, потрясенный Ильич неловко стал целовать руку Клары. А никто, никто не знал, что болезнь съела уже мозг Ильича, что близок ужасный, трагический конец.

Ильич, мне кажется, видел этот неизбежный конец, видел его лучше близких, товарищей и друзей, лучше докторов и профессоров. И когда второй удар свалил его с ног, он начал диктовать свое политическое завещание и на краю могилы создал вещи, которые десятками лет будут определять политику нашей партии. И еще, и еще один раз, последний раз, Ильич сказал своей партии последние вещи слова.

А потом началась нечеловеческая трагедия, о которой мы можем только догадываться. Могучая воля оказалась скованной параличом. Уста сомкнулись навсегда. Тщетно билась мысль, но она не могла выйти наружу. Это было хуже пыток. Об этом трудно писать, товарищи! Во всей истории я не знаю трагедии, более мучительной и более глубокой...

В тихий зимний вечер умирал Ильич в Горках. Еще за несколько дней все шло на улучшение. Повеселели родные, повеселели друзья. И вдруг разрушительные процессы быстро проступили наружу...

Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побелело,

¹ Имеется в виду доклад Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.

раздался хрип, руки повисли — Ильича, Ильича не стало.

Точно время остановилось. Точно сердца перестали биться у всех. Точно на мгновение прекратился бег истории, и весь мир застонал мучительным стоном. Милый, прощай!

* * *

Год живет партия без Ленина. И суждено ей жить без него, живого. Сумеет ли мы хоть немного приблизиться к ильичевой мудрости? Сумеет, если будем непрестанно учиться у него. Сумеет ли мы приблизиться к ильичевой беспристрастности, к отсечению всего личного в политике? Сумеет, если будем учиться у него. Сумеет ли мы вести в его духе партию, с ней вместе и через нее рабочий класс и крестьянство? Сумеет, если будем учиться у Ленина, Ильича, у нашего учителя и товарища, который не знал мелочности, который был смел, решителен и осторожен. Мы *должны* суметь, ибо этого хочет рабочий класс, которому отдал жизнь свою товарищ Ленин.

Н. И. Бухарин. «Избранные произведения». М.: Политиздат, 1988. С. 116—121.

Е. ДРАБКИНА

Зимний перевал

(Фрагменты)

Пять месяцев, отделяющих возвращение Владимира Ильича в Москву от приступа болезни, окончательно оторвавшего его от работы, делятся на два равных периода.

Первый — со второго октября до шестнадцатого декабря — заполнен напряженной работой, потоком дел. По подсчету, сделанному секретарями, за это так быстро пролетевшее время Владимир Ильич написал двести двадцать четыре деловых письма и записки, принял сто семьдесят одного человека, председательствовал на тридцати двух заседаниях и совещаниях Совнаркома, Совета Труда и Оборона, Политбюро ЦК, различных комиссий. К этому надо добавить три больших выступления на сессии ВЦИК, на Четвертом конгрессе Коминтерна и на пленуме Московского Совета.

Второй период — от шестнадцатого декабря по шестое марта. Владимир Ильич был тяжело болен, лежал в постели, но по его категорическому требованию к нему приходили секретари, и он диктовал им свои последние статьи и письма — свое политическое завещание.

Начнем с первого периода. Не будем ставить себе целью охватить его целиком, как он ни короток — всего семьдесят шесть дней, — его описания хватило бы на целую книгу.

Среди вопросов, которыми занимался Владимир Ильич в эти месяцы, были и мелкие, и крупные, такие, как денежная реформа: ей посвящены первые постановления правительства, подписанные Владимиром Ильичем после его возвращения к работе. Были вопросы, которые его особенно волновали: об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о монополии внешней торговли. Но мы начнем не с них, а с проблемы, о которой он в то время почти не писал, но, как это можно увидеть, сопоставив ряд факторов, к которой он относился с сугубым вниманием. Я говорю о проблеме культуры.

События развивались следующим образом: в последние дни сентября, когда Владимир Ильич жил еще в Горках и собирался вернуться в Москву, в «Правде» появилась статья председателя ЦК Пролеткульта Валериана Федоровича Плетнева. В сгущенной, а потому особо выпуклой форме В. Плетнев изложил в ней программные воззрения руководителей Пролеткульта.

Цель и задача Пролеткульта, писал В. Плетнев, состоит в творчестве новой пролетарской классовой культуры, не имеющей ничего общего с культурой буржуазной. Разрешить эту задачу можно только силами самого пролетариата, ибо классовая психология пролетариата является коллективно-классовой и сознательно-творческой. Пролетарий обладает совершенно ясным отношением к внешней природе: он знает, что удар кайла в шахте даст известное количество руды или угля, руда и уголь дадут в домне чугун, из домны не потечет молоко или вода, чугун даст железо, сталь, последние превратятся в машину, машина даст возможность победить сопротивление материи, а в субботу будет получка.

Пролеткульт и является той лабораторией, в которой пролетарий должен творить собственную культуру и науку, принципиально противоположные культуре и науке всех других классов (которые, видимо, считают, что из домен текут молоко и вода?!? — Е. Д.). Проведение четкой демаркационной линии между пролетариатом и другими классами особенно важно в такой некультурной, полубезграмотной стране, как Россия. Сколько бы ни было у нас пришельцев из буржуазного лагеря, классовое сознание пролетариата останется чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту. Перед пролетариатом стоит задача социализации науки, охватывающей сущность всех наук, их метод, форму и масштаб. Отрицая с исторической и научной точки зрения все старые системы наук, пролетариат создает свою классовую культуру, новую культуру пролетариата...

Читая эту статью Плетнева, Ленин испещрил ее замечаниями и в тот же день послал вырезку из газеты со своими пометками редактору «Правды» Бухарину.

«Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду», — писал Владимир Ильич в сопроводительном письме. — Ну зачем печатать глупости под видом важничающего всеми учеными и модными словами фельетона Плетнева? От-

метил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться. Неужели редакция «Правды» не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же фальсификация исторического материализма! Игра в исторический материализм!»

Несколько дней спустя Владимир Ильич переехал в Москву и отдался решению острейших политических вопросов, не терпящих отлагательства. С ответом Плетневу выступила Н. К. Крупская, ее статья была напечатана на первой странице «Правды» восьмого октября.

Видимо, Владимир Ильич считал, что одной статьи для такого важного вопроса мало. Два дня спустя он имел беседу о деятельности Пролеткульта с работниками Агитпропотдела ЦК Я. А. Яковлевым и К. А. Поповым. Было решено, что Яков Аркадьевич Яковлев должен выступить на страницах «Правды» с большой статьей «О «пролетарской культуре» и Пролеткульте». Какое большое значение придавал Владимир Ильич этой статье, видно по тому, что накануне ее публикации в «Правде» он обсуждал ее совместно с Я. А. Яковлевым, Н. И. Бухариным и И. В. Сталиным.

Таким образом, статья Яковлева была апробирована Лениным. В том, что взгляды Н. К. Крупской совпали со взглядами Ленина, не может быть никакого сомнения. Следовательно, обе эти статьи мы можем рассматривать как выражение взглядов Ленина по этой важнейшей проблеме социалистической революции.

Проблема культуры включает в себя целый ряд отдельных, взаимосвязанных вопросов.

Первый из них — отношение пролетариата, взявшего власть, к другим классам. Руководители Пролеткульта считали, что пролетариат должен противопоставить себя всем другим классам, хотя бы это были и трудящиеся, изолировать себя как высший класс общества и создать свою белоснежно-пролетарскую культуру.

«Идеи, проповедуемые Пролеткультом... мы считаем сектантскими, непролетарскими, и поэтому боремся с ними», — отвечала на это Н. К. Крупская.

«Для чего он (пролетариат. — Е. Д.) брал... власть?... — спрашивала она. — Чтобы угнетать другие классы? Конечно, нет. Он взял власть для того, чтобы уничтожить всякую эксплуатацию, всякое угнетение,

перестроить общество по-своему, уничтожить деление общества на классы и тогда перестать существовать как класс... Пролетариат думает не о том, как бы ему обособленно устроиться в классовом обществе, выработать свое обособленное мировоззрение, свое обособленное искусство. Пролетариат видит свою миссию не в этом, а в уничтожении классового общества, в организации разумной, счастливой жизни для всех и каждого, в такой организации общества, в которой не будет ни пролетариата, ни буржуазии».

Формально полемика шла вокруг теорий и практики «Пролеткульта», но, по сути своей, это был спор между мнимо революционным догматизмом, узостью, сектантством и исполненной духом свободы, творчества, гуманизма философией марксизма. И не случайно Надежда Константиновна, которая видела миссию пролетариата в организации разумной, счастливой жизни для всех и каждого, на протяжении всей своей жизни настойчиво боролась против «классового» принципа приема в школу. Вспоминая Чернышевского, говоря об огромном влиянии, которое оказал он на Ленина, Надежда Константиновна спрашивала: что же, выходит, что мы не приняли бы Чернышевского в школу, как сына попа?

Это — мнение не одной только Надежды Константиновны... «...У меня щемит сердце, когда я слышу о том, как детям бывших помещиков или буржуев отказывают в приеме в школы первой ступени,— писал тогда же, в 1922 году, замечательный большевик И. И. Скворцов-Степанов.— Не скрою, что для меня бесконечно привлекательна практика 1918—1920 гг., которая в детском питании не проводила классового пайка... Пролетариат, в особенности в эпоху далеко не законченной борьбы, должен создать единую школу, обязательную для всех...

Только близорукая политика стала бы устранять детей буржуазии из такой школы. Напротив, надо постараться провести через нее всех детей, чтобы до последней степени сократить возможные молодые пополнения лагеря наших противников».

Сколько чистых детских душ были бессмысленно и жестоко изранены «классовым» приемом в школы!

Вторым «узлом» полемики с Пролеткультом была проблема отношения пролетариата к буржуазной культуре.

«Пролетариат начисто отвергает всякую буржуазную культуру!» — утверждали пролеткультовцы.

Вы говорите вздор, писал по этом поводу Я. А. Яковлев. В нашей отсталой стране мы должны бороться за «буржуазную культуру», за то, чтоб аккуратно исполнять свои обязанности, выходить вовремя на службу, не класть под сукно приносимые бумаги, не отписываться бюрократическими отговорками, разъяснять посетителю, что он должен сделать для решения своего дела, приучить граждан РСФСР, в том числе коммунистов, не относиться к взятке, как к неизбежному слабительному при запоре в нашем аппарате, работать так, чтоб коммунист не превращался в удобное прикрытие для вороватого спеца,— словом, работать не по-разгильдяйски-советскому образцу, а хотя бы по буржуазно-европейскому или американскому образцу, уменьшить безграмотность, научить крестьянина культурному хозяйничанью...

И третий и последний «узел»: наука, учение и люди из других классов.

Спор шел не об общественных науках: совершенно очевидно, что оценка общественных явлений у буржуазии и пролетариата различна. Спор шел о точных науках.

По убеждению пролеткультовцев, определяющим принципом любой науки является классовый; даже физическая культура не составляет исключения, и посему пролетариат «должен создать свою пролетарскую физическую культуру».

Нетрудно предугадать, как отнеслись к подобным утверждениям противники идей Пролеткульта.

«Точные науки покоятся на многовековом опыте человечества в области овладения силами природы,— писала Н. К. Крупская.— Данные этих наук проверены опытом, ежедневно подтверждаются практикой и дают человеку громадную, по сравнению с прошлыми веками, власть над природой, и выбрасывать за борт эти достижения науки было бы смешно и дико».

И словно поднимая свой голос в споре против тех, кто нанес впоследствии тяжелейшие удары нашей науке, Я. А. Яковлев продолжал мысль Надежды Константиновны:

«Имеются на Западе огромные группы ученых, подлинных материалистов по тому делу, которое они делают, обогащающих человеческое знание крупнейшими открытиями,— в то же время искренно верующих в бога.

Мы были бы слепышами, если бы из-за буржуазных кликуш... продающих свои перья буржуазии, просмотрели ту огромную работу в области естествознания, которая идет на Западе, часто вопреки корыстным целям и интересам буржуазии».

Может показаться, что столь подробное изложение дискуссии с «Пролеткультом» увело нас в сторону от основной линии нашего повествования. Но это не так. И не только потому, что Ленин принимал непосредственное участие в подготовке статей Н. К. Крупской и Я. А. Яковлева, но прежде всего потому, что идеи, высказанные в этих статьях, полностью выражают самую сущность ленинских воззрений.

Мы могли бы привести этому множество примеров и доказательств. Самые яркие из них, самые выразительные те, о которых мы узнали из ленинских документов, опубликованных после Двадцатого съезда партии: в тридцать шестом Ленинском сборнике, в пятом издании Собрания сочинений Ленина.

Например, впервые опубликованное письмо Ленина С. С. Данилова.

Старый большевик, работник дореволюционной «Правды», Степан Степанович Данилов обратился к Ленину с письмом, в котором говорил о необходимости развивать чувство «любви, сострадания, взаимной помощи внутри класса, внутри лагеря трудящихся».

Ленин ответил:

«И внутри класса» и к *трудящимся иных* классов развивать чувство «взаимной помощи» и т. д. безусловно необходимо».

Но кто же эти «*трудящиеся иных* классов», о которых писал в своей записке Ленин? Это прежде всего крестьянство, техническая интеллигенция, учителя, врачи, художественная интеллигенция.

Отсюда, из такого взгляда на отношение пролетариата к другим классам закономерно выростали партийные решения, образцом которых является резолюция по вопросу «Об антисоветских партиях и течениях», принятая Двенадцатой Всероссийской партийной конференцией, последней партийной конференцией, в подготовке решений которой непосредственно участвовал Ленин:

«Более чем когда бы то ни было,—говорилось в этой резолюции,—партийным организациям в настоящее вре-

мя необходимо проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр. и т. п. По отношению к действительно беспартийным элементам из среды представителей техники, науки, учительства, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота, необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество».

И шестидесятилетние, и пятидесятилетние, и сорокалетние о многом подумают, многое вспомнят, когда прочтут эти строки, когда узнают, что Ленин требовал, чтобы партия «должна делать все, что от нее зависит, для того чтобы помочь кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству. Начиная от столицы и кончая уездным городом, партия должна терпеливо, систематически и настойчиво проводить именно эту линию...»

Разумеется, это относится к людям, которые не вели активной борьбы против Советской власти. Тем, кто эту борьбу продолжал, пролетарская диктатура не могла не давать отпора. Но если человек честно сложил оружие, ему должны были, если бы осуществлялись указания Ленина, давать спокойно жить, работать, не преследовать его, не корить прошлым.

Даже о тех, кто так недавно поднял опаснейший для Советской власти мятеж, Ленин сказал: несчастные кронштадтцы весны 1921 года...

Весь последний год жизни Владимира Ильича партия, народ, страна жили в смене тревог и надежд. Снова перед докладчиками белели груды записок: «Как здоровье Ильича?» Снова почта приносила мешки писем, резолюций, обращений с Рязанщины и Орловщины, с Украины и Средней Азии, с Путиловского завода и завода Гужон, от крестьян села Слободского Юровской волости Смоленской губернии и от крестьян села Правые Ламки Лево-Ламкинской волости Тамбовской губернии, авторы которых сообщали, что «письмо писали все беспартийные, все малограмотные, мы хотя и беспартийные, но сердце и дух наш коммунистические, мы поняли, что

В данный момент действительно власть трудящихся». И во всех письмах, в каждом на свой лад, говорилось о любви и доверии к Ленину и выражались пожелания, чтобы он, «наш путеводитель», «первый мировой пролетарий», «передовой вождь русского рабочего крестьянства», как можно скорее выздоровел и «снова встал у руля мировой революции».

Мы привыкли смотреть на эту народную любовь к Ленину как на нечто само собой разумеющееся, безусловное, естественное. Но попробуем, говоря словами Гоголя, взглянуть на нее «свежими очами».

Вспомним встречу Ленина у Финляндского вокзала—бушующие волны огромной толпы, броневик, звуки «Интернационала» и «Марсельезы». Почему так не встречали никого, даже Плеханова, никого, кроме Ленина?

Вспомним, как вздрогнула и застонала страна, когда раздались выстрелы на заводе Михельсона, вспомним эту страшную ночь, в которую было неизвестно, доживет ли Владимир Ильич до утра, и предрассветный час, когда отряды отправлявшихся на Восточный фронт беззвучно, на носках, проходили мимо Кремля, прощаясь взглядом с окнами, за которыми лежал раненый Ленин. Вспомним горшочки с маслом и завернутые в холстину круглые деревенские хлебцы, присылавшиеся «болеющему от предательской пули с покушением на жизнь товарищу Ленину».

Как же это произошло, что в доведенной до полной разрухи стране, в которой почти не ходили поезда, почти не издавалось газет, не работала почта, не существовало радио, как в этой стране имя Ленина, слово Ленина, идеи Ленина в неслыханно короткое время проникали в самые глухие, самые отдаленные углы?

Вспомним начало двадцать второго года, первые признаки перелома в международной обстановке, послание, полученное Советским правительством от организаторов конференции в Генуе, приглашавших его прислать свою делегацию во главе с Лениным, и вызванную этим предложением бурю протестов: «Мы не можем молчать по поводу приглашения нашего верного проводника великих пролетарских завоеваний Владимира Ильича на Генуэзскую конференцию министрами и королями международного капитала... Если у вас так велико стремление видеть его и выслушать от него отцовские наставления, пожалуйста к нам в Москву — дорога открыта, а к

вам мы его не пустим, потому что мы вам не верим...» «Если нужно, мы на своих плечах перенесем конференцию в Москву и обещаемся дать представителям капиталистических держав надежную охрану их жизни и безопасности...»

И вспомним дни, когда по горестному народному выражению, «Россия осиротилась Лениным», и в самых глубинах рабочего класса родилась идея ленинского набора, ленинского призыва тысяч и тысяч беспартийных рабочих в ряды нашей партии, чтоб возместить понесенную ею безмерную утрату.

Как, чем завоевал Ленин это великое, неостывающее чувство?

И тут мы снова возвращаемся к раздумьям о Ленине, о тех чертах его духовного и душевного склада, которые в сочетании с остальными его качествами политического борца сделали его вдохновителем и вождем величайшей в истории народной революции.

В середине тридцатых годов видный теоретик Второго Интернационала Хендрик де Ман в книге: «Die socialistische idee», называя Ленина «последним из самых великих», писал:

«Для колоссального влияния личности Ленина на русские народные массы совсем, конечно, небезразлично было то, что он в своей частной жизни мог жить в шалаше и в своей внешности обнаруживал абсолютное безразличие ко всем признакам буржуазного хорошего тона. Его портреты вряд ли занимали бы место старых русских икон в русских рабочих жилищах и крестьянских хижинах, если бы он носил вместо своего простого рабочего костюма и рабочей кепки приличный чиновничий костюм немецкого партийного вождя или роскошное одеяние министра или дипломата во фраке и звездах. Конечно, и этот костюм, и рабочая кепка несколько не прибавили бы к его популярности, если бы они были только позой, то есть если бы они, как и его язык и его мимика, не воспринимались бы как естественное самовыражение человека, который сознает себя носителем и исполнителем высокой идеи и для которого буржуазно-изысканная одежда значит так же мало, как и украшения буржуазной риторики».

Сказано умно, хотя в действительности все было намного содержательнее, тоньше, богаче. Ленин был бли-

зок народу своим простым костюмом и рабочей кепкой прежде всего потому, что, убедившись в ошибке, совершенной центральными партийными или советскими органами, он мог сказать: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко» в такой-то вопрос. Что, придя на рабочее собрание, на котором резко ругали работу Советской власти, присаживался в уголке и внимательно выслушивал все, что говорится, а потом отвечал не по форме, а по сути дела. Словом, что он не для других только, а прежде всего для самого себя считал непреложными принципы, выполнение которых необходимо для установления правильных отношений между партией, Советской властью, с одной стороны, и народными массами — с другой: жить в гуще рабочей жизни, знать эту жизнь вдоль и поперек, уметь безошибочно определить в любой момент по любому вопросу настроения массы, ее стремления и мысли, уметь завоевать безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд.

Уметь все это и в то же время не льстить массе, не потакать ее отсталости. Без тени фальшивой идеализации, ясно видя степень сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков, неуклонно поднимать ее на уровень более и более высокий.

Никогда Ленин не считал, что партия должна опрощаться, опускаться к народу, — в этом он видел прежде всего неуважение к народу. Даже в тех случаях, когда речь шла о людях, которых надо учить с азов, он требовал «учить не «полунауке», а *всей науке*». В беседе с Кларой Цеткин об искусстве говорил, что искусство «gehört dem volne... Sie muss von diesen verstanden... werden»¹ — «принадлежит народу и должно быть понято массами».

«Не льстить массе, не отрываться от массы». Именно в этом соединении был источник силы Ленина как вождя революции и секрет того абсолютного доверия, с которым относились к нему массы.

¹ В широко распространенном переводе воспоминаний, написанных Кларой об этой беседе, это место переведено: «оно должно быть понято массам», что не только не соответствует совершенно точно сформулированному тексту Клары, но не соответствует всему отношению Ленина и к народу, и к искусству. (Прим. авт.)

«Он на редкость был откровенен в совершенных ошибках, писал о нем В. И. Каюров, человек, о котором Владимир Ильич отзывался как о «великолепном питерском рабочем». Почему, в самом деле, Ильич, до 1917 года малоизвестный большинству рабочих и крестьян в России, в самый короткий срок завоевал себе их симпатии? Ведь Ильич не отличался ни мягкостью, ни ласковостью, ни прочими подобными качествами в обращении с рабочими, и не раз мы уходили от него оскандаленные и осмеянные?.. Потому что его прямота и исчерпывающие ответы на труднейшие вопросы удесятворяли веру в вождя даже после «бани» Ильича.

Вот отличительная черта Ильича от других...»

Словно вся жизнь прошла с тех пор, словно вчера это было — зал Большого театра, празднично убранный ко Второму Всесоюзному съезду Советов, черные траурные полотнища, прикрепленные к алым знаменам, одетая в траур Москва, бесконечная человеческая лента у Дома союзов, протяжные прощальные гудки, минуты расставания с Владимиром Ильичем. И голос Надежды Константиновны, обращенный к партии, народу, России:

— Я говорю к представителям республик трудящихся, к близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, то поэтому, товарищи, думается, я не должна связывать себя никакими условностями... За эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту... Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной...

«Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д.— всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране... И самое главное — да-

вайте во всем прово/ить в жизнь его заветы»,— писала несколько дней спустя Надежда Константиновна в «Правде».

И самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы. «Weiter... Weiter...»— дальше, дальше!

Е. Драбкина. «Зимний перевал». Политическая литература, 1988. С. 202—209, 257—260, 263—264.

Ленин в вашей писательской судьбе

О образ создателя Советского государства Владимира Ильича Ленина встает над всеми темами в нашей литературной жизни и присутствует в нашей повседневной действительности, в нашей памяти, в нашем сердце.

Пройдут десятилетия— и этот образ, окруженный легендами, народными сказаниями, рассказами очевидцев далеких исторических дней, обретет новую силу, явившись перед поколениями людей, родившихся в совсем иных условиях, для которых дни Октября будут уже далекой историей.

Я, как поэт и человек своего поколения, не мог не ощутить рядом с собой дыхания великих событий, не мог не проникнуться впечатляющей на всю жизнь энергией и светлой мудростью вождя человечества, бесстрашно провозглашавшего новые законы построения человеческого общества на земле.

...Я видел его в тот удивительный июльский вечер в 1920 году, когда он шел впереди участников II конгресса Коминтерна на площадь Зимнего дворца в Петрограде. Краски петроградского вечера в ту пору белых ночей живописно окружали пеструю толпу делегатов из многих стран, которая шла и на многих языках говорила о конгрессе и обо всем, что их окружало. А их окружали здания, свидетели недавнего прошлого.

Делегаты удивленно смотрели на дворец, бывшую резиденцию царей, в котором сейчас по комнатам ходили простые рабочие, новые хозяева-победители. Они смотрели на вознесенную к небу квадригу над аркой Генерального штаба, на колонну, с которой в растерянности разглядывал их ангел. Казалось, что эти большие сооружения лишены веса и всякого значения. Сама площадь, по камням которой они шли, была площадью Кровавого воскресенья— 9 января 1905 года.

Это все было трофеями великой победы народа, и делегаты смотрели на Ленина в какой-то восторженной растерянности, потому что он казался им по меньшей

мере человеком, победившим старого и страшного дракона.

А Ленин, разговаривая с шедшими с ним делегатами, был таким простым, обычным в своем скромном костюме, таким оживленным и вместе с тем уверенным. На его губах иногда появлялась лукавая улыбка. Шел он плотным шагом, не торопясь, но и не замедляя походки. Вспоминал ли он в это время далекие уголки рабочих окраин, первые рабочие кружки, где он беседовал с рабочими о грядущей революции, или думал о том, что сейчас, с трибуны, скажет питерцам?.. Но великое спокойствие владело им, и я смотрел не отрываясь, идя поодаль этого шествия к трибуне, которая была сооружена на углу дворца против ворот, ведущи: в бывший дворцовый сад.

Чайки залетали с Невы на площадь и кричали, как бы приветствуя делегатов. Было что-то символическое в том, что вождь Октября привел людей разных народов, чтобы показать им, что не сон снится им, а сама действительность свидетельствует, что пришла пора новых хозяев земли и дворцы, и арки, и площади в их полном распоряжении. Пусть смотрят хорошенько и думают о том, что в их родной стране можно добиться такого же. Это не чудо. Это жизнь! Это борьба! И победа рабочего класса!

Никто из нас не знал, что Ленин говорит в Петрограде в последний раз. Через четыре года уже не было Петрограда. На берегу прославленной Невы высился город новый с именем новым и бессмертным — Ленинград. Этот июльский вечер всегда живет в моем сердце и в моей памяти...

Минули годы, и в мрачные ночи ленинградской осады наступали минуты, когда мы ждали в Смольном новых известий с переднего края, а тогда, осенью сорок первого, эти известия были мрачнее ночи. И, вернувшись с фронта, мы в штабе были готовы к вестям мрачным, не дающим никакого утешения.

В такие ночи я заходил в комнату Ленина в Смольном, в ту священную комнату, где жил и работал Владимир Ильич в первые месяцы Октябрьской революции. Казалось, от этих тихих стен исходит какое-то непонятное спокойствие, казалось, что сила какой-то скрытой энергии рождается в этой комнате и дает странную уверенность в завтрашнем дне. Это ощущение было ни с чем не сравнимо. Воспоминания теснились в голове.

В окне, как на экране, появлялись картины прошлых лет, и, несмотря на окружающее, такое безысходное и мучительное, я выходил из этой комнаты, как будто глотнув свежего, укрепляющего воздуха далеких героических времен.

Образ Ленина возникал такой реальный, такой естественный, как в тот день, когда Владимир Ильич пришел в штаб Петроградского округа и сказал Подвойскому: «Правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти».

И вот, как бы отражаясь на черном экране ночи, Ленин сейчас спрашивал снова: «Как действуете вы, воины Советской Армии, защищая город Октября?»

Ответом могли быть только самое ожесточенное сопротивление, самая безудержная ярость, самое организованное отражение вражеского штурма. Когда я вспоминаю сейчас эти ночи, дрожь пробегает по спине. Тогда, в незабываемые минуты смертельных боев, пришло сообщение с переднего края: «Враг прекратил атаки, начал окапываться...»

Начал окапываться! Значит, мы выиграли величайшую битву за город Ленина, первыми в Европе остановили полчища Гитлера...

И снова проходили годы. Немеркнувший образ Ленина сопровождал меня и в моих поездках по Востоку, потому что моя склонность к истории Востока не могла обходиться без того, что думал и что писал о судьбах Востока Ленин.

...И вот однажды в местности около красных холмов, возле Равалпинди, нам повстречался старый керван-баши — водитель караванов. Когда мы заговорили с ним и он начал посвящать нас в жизнь караванщиков на трудных горных путях Кара-Корума, в глухих ущельях Хунзы, он рассказал случай, который сохранился в его памяти как самый удивительный, когда он был совсем молодым человеком, шел с караваном через перевал, где-то в Гиндукуше. Перевал был трудным, потому что выпал необычайно густой, глубокий снег. Горцы считали, что это предвестник большой беды.

Керван-баши обратился к ним и сказал: «Да, все люди говорят, что этот снег — знак печали, потому что в Мескеви (в Москве) умер великий вождь мира — Ленин! Он привел все народы на перевал и указал путь многим поколениям. Поэтому мы, уходя с перевала, исполняя обычай, положив камень, положим еще один—

памяти великого вождя!» И все положили по два камня: один — по обычаю и второй — в память Ленина.

Горец говорил об этом так прямодушно, так сердечно, что мы не могли не почувствовать волнения. Имя Ленина жило уже в самых дальних углах мира, и всюду простые люди знали, что это за человек и что он дал народам всего мира.

Искры воспоминаний! Они, эти искры, пронзительно и огненно освещают прошлое и будущее, как искры великой освежающей грозы! Имя этой грозы — Ленин!

1970

Н. С. Тихонов. На просторах жизни: Литературно-критические статьи. Очерки. М.: Современник, 1986. С. 3—6.

Владимир Ленин умер. Даже некоторые из стана врагов его честно признают: в лице Ленина мир потерял человека, «который среди всех современных ему великих людей наиболее ярко воплотил в себе гениальность».

Немецкая буржуазная газета «Prager Tageblatt», напечатав о Ленине статью, полную почтительного удивления пред его колоссальной фигурой, закончила эту статью словами:

«Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти».

По тону статьи ясно, что вызвало ее не физиологическое удовольствие, цинично выраженное афоризмом: «труп врага всегда хорошо пахнет», не та радость, которую ощущают люди, когда большой беспокойный человек уходит от них,—нет, в этой статье громко звучит человеческая гордость человеком.

Пресса русской эмиграции не нашла в себе ни сил, ни такта отнестись к смерти Ленина с тем уважением, какое обнаружили буржуазные газеты в оценке личности одного из крупнейших выразителей воли к жизни и бестрашия разума.

Писать его портрет—трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им.

Героизм его почти совершенно лишен внешнего блеска, его героизм — это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей.

То, что написано мною о нем вскоре после его смерти,—написано в состоянии удрученном, поспешно и плохо. Кое-чего я не мог написать по соображениям «такта», надеюсь вполне понятным. Проницателен и мудр был этот человек, а «в mnogой мудрости — много печали».

Далеко вперед видел он и, размышляя, разговаривая о людях в 19—21 годах, нередко и безошибочно предугадывал, каковы они будут через несколько лет. Не всегда хотелось верить в его предвидения, и нередко они были обидны, но, к сожалению, немало людей оправдало его скептические характеристики. Воспоминания мои о нем написаны, кроме того что плохо, еще и непоследовательно, с досадными пробелами. Мне следовало начать с Лондонского съезда, с тех дней, когда Владимир Ильич встал передо мною превосходно освещенный сомнениями и недоверием одних, явной враждой и даже ненавистью других.

Я и сейчас вот все еще хорошо вижу голые стены смешной своим убожеством деревянной церкви на окраине Лондона, стрельчатые окна небольшого узкого зала, похожего на классную комнату бедной школы. Это здание напоминало церковь только извне, а внутри ее — полное отсутствие предметов культа, и даже невысокая кафедра проповедника помещалась не впереди, а в глубине зала, а — у входа в него, между двух дверей.

До этого года я не встречал Ленина, да и читал его не так много, как бы следовало. Но то, что удалось мне прочитать, а особенно восторженные рассказы товарищей, которые лично знали его, потянуло меня к нему с большой силой. Когда нас познакомили, он, крепко стиснув мою руку, прощупывая меня зоркими глазами, заговорил тоном старого знакомого, шутливо:

— Это хорошо, что вы приехали! Вы ведь драки любите? Здесь будет большая драчка.

Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то под мышки, стоит фертом. И вообще, весь — как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя». Я — литератор. Профессия обязывает меня подмечать мелочи, эта обязанность стала привычкой, иногда — уже надоедливой.

Когда меня «подводили» к Г. В. Плеханову, он стоял скрестив руки на груди и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика. Он сказал мне весьма обычную фразу: «Я поклонник вашего таланта». Кроме этого, он не сказал ничего, что моя память удержала бы. И на протяжении всего съезда ни у него, ни у меня не явилось желания поговорить «по душам».

А этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одну рукой сократовский лоб, дергая другою

мою руку, ласково поблескивая удивительно-живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать»; оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжникова. Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился, — Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент. Затем он деловито осведомился, переводится ли «Мать» на иностранные языки, насколько испортила книгу русская и американская цензура, а узнав, что автора решено привлечь к суду, сначала — поморщился, а затем, вскинув голову, закрыв глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом; смех его привлек рабочих, подошел, кажется, Фома Уральский и еще человека три.

Я был настроен очень празднично, я находился в среде трех сотен отборных партийцев, узнал, что они посланы на съезд полутораста тысячами организованных рабочих, я видел перед собою всех лидеров партии, старых революционеров: Плеханова, Аксельрода, Дейча. Праздничное мое настроение было вполне естественно и будет понятно читателю, если я скажу, что за два года, прожитых мною вне родины, обычное самочувствие мое сильно понизилось.

Понижаться оно начало с Берлина, где я видел почти всех крупнейших вождей социал-демократии, обедал у Августа Бебеля, сидя рядом с очень толстым Зингером и в среде других, тоже весьма крупных людей.

Обедали мы в просторной, уютной квартире, где клетки с канарейками были изящно прикрыты вышитыми салфеточками и на спинках кресел тоже были припилены вышитые салфеточки, чтобы сидящие не пачкали затылками чехлов. Все вокруг было очень солидно, прочно, все кушали торжественно и торжественно говорили друг другу:

— Мальцейт.

Слово это было незнакомо мне, но я знал, что французское «маль» по-русски значит — плохо, немецкое «цейт» — время, вышло: плохое время.

Зингер дважды назвал Каутского «мой романтик». Бебель с его орлиным носом показался мне человеком

немножко самодовольным. Пили рейнское вино и пиво: вино было кислое и теплое, пиво хорошее; о русской революции и партии с.-д. говорили тоже кисловато и несходительно, а о своей, немецкой партии— очень хорошо! Вообще — все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мякоти вождей.

К немецкой партии у меня было «щекотливое» дело: видный ее член, впоследствии весьма известный Парвус, имел от «Знания» доверенность на сбор гонорара с театров за пьесу «На дне». Он получил эту доверенность в 902 году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20% со всей суммы получал он, остальное делилось так: четверть—мне, три четверти в кассу с.-д. партии. Парвус это условие, конечно, знал, и оно даже восхищало его. За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз, у Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в «Знание» К. П. Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно, очень приятное путешествие лично меня касалось только на четверть, то я счел себя вправе указать ЦК немецкой партии на остальные три четверти его. Указал через И. П. Ладыжникова. ЦК отнесся к путешествию Парвуса равнодушно. Позднее я слышал, что Парвуса лишили каких-то партийных чинов,—говоря по совести, я предпочел бы, чтоб ему надрали уши. Еще позднее мне в Париже показали весьма красивую девицу или даму, сообщив, что это с ней путешествовал Парвус.

«Дорогая моя,— подумалось мне,— дорогая».

Видел я в Берлине литераторов, художников, меценатов и других людей, они различались друг от друга по степеням самодовольства и самолюбования.

В Америке весьма часто видел Мориса Хилквит, который хотел быть мэром или губернатором Нью-Йорка, старика Дебса, который одиноко и устало рычал на всех и на все,— он только что вышел из тюрьмы,—видел очень многих и очень много, но не встречал ни одного человека, который понимал бы всю глубину русской революции, а всюду чувствовал, что к ней относятся как к «частному случаю европейской жизни» и обычному явлению в стране, где «всегда или холера, или револю-

ция», по словам одной «гэнсом лэди», которая «сочувствовала социализму».

Идею поездки в Америку для сбора денег в кассу «большевиков» дал Л. Б. Красин; ехать со мною в качестве секретаря и организатора выступлений должен был В. В. Воровский, он хорошо знал английский язык, но ему партия дала какое-то другое поручение, и со мною поехал Н. Е. Буренин, член боевой группы при ЦК(б): он был «без языка», начал изучать его в дороге и на месте. Эсеры, узнав, с какой целью я еду, юношески живо заинтересовались поездкой; ко мне — еще в Финляндии — пришел Чайковский с Житловским и предложили собирать деньги не для большевиков, а «вообще для революции». Я отказался от «вообще революции». Тогда они послали туда «бабушку», и перед американцами явились двое людей, которые, независимо друг от друга и не встречаясь, начали собирать деньги, очевидно, на две различных революции; сообразить, которая из них лучше, солиднее, — у американцев, конечно, не было ни времени, ни желания. «Бабушку» они, кажется, знали и раньше, американские друзья сделали ей хорошую рекламу, а мне царское посольство — устроило скандал. Американские товарищи, тоже рассматривая русскую революцию как «частное и неудавшееся дело», относились к деньгам, собранным мною на митингах, несколько «либерально», в общем я собрал долларов очень мало, меньше 10 тысяч. Решил «заработать» в газетах, но и в Америке нашелся Парвус. Вообще поездка не удалась, но я там написал «Мать», чем и объясняются некоторые «промахи», недостатки этой книги.

Затем я переехал в Италию, на Капри, там погрузился в чтение русских газет, книг, — это очень понижало настроение. Если зуб, выбитый из челюсти, способен чувствовать, он, вероятно, чувствовал бы себя так же одиноко, как я. Очень удивляла клоунская быстрота и ловкость, с которой знакомые люди перескакивали с одной «платформы» на другую.

Приезжали из России случайные революционеры, разбитые, испуганные, обозленные на самих себя и на людей, которые вовлекли их в «безнадежное предприятие».

— Все пропало, — говорили они. — Все разбито, истреблено, сослано, посажено в тюрьмы!

Было очень много смешного, но — ничего веселого. Один гость из России, литератор, и — талантливый, до-

казывал мне, что я будто бы сыграл роль Луки из пьесы «На дне»: пришел, наговорил молодежи утешительных слов, она мне поверила и набила себе шишек на лбу, а я — убежал. Другой утверждал, что меня съела «тенденция», что я — «конченный человек» и отрицаю значение балета только потому, что он — «императорский». Вообще было весьма много смешного, глупого, и часто казалось, что из России несется какая-то гнилая пыль.

И — вдруг, точно в сказке, я на съезде Российской социал-демократической партии. Конечно — праздник!

Но праздновал я только до первого заседания, до споров по вопросу о «порядке дня». Свирепость этих споров сразу охладила мои восторги, и не столько тем, что я почувствовал, как резко расколота партия на реформаторов и революционеров, — это я знал с 903 года, — а враждебным отношением реформаторов к В. И. Ленину. Оно просачивалось и брызгало сквозь их речи, как вода под высоким давлением сквозь старую пожарную «кишку».

Не всегда важно — что говорят, но всегда важно, как говорят. Г. В. Плеханов в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, похожий на протестантского пастора, открывая съезд, говорил, как законоучитель, уверенный, что его мысли неоспоримы, каждое слово — драгоценно, так же как и пауза между словами. Очень искусно он развешивал в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и когда на скамьях большевиков кто-нибудь шевелил языком, перешептываясь с товарищем, почтенный оратор, сделав маленькую паузу, вонзал в него свой взгляд, точно гвоздь.

Одна из пуговиц на его сюртуке была любима Плехановым больше других, он ее ласково и непрерывно гладил пальцем, а во время паузы прижимал ее, точно кнопку звонка, — можно было думать, что именно этот нажим и прерывает плавное течение речи. На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнес:

— X-xe!

Это вызвало смех среди рабочих-большевиков, Г. В. поднял брови, и у него побледнела щека; я говорю: щека, потому что сидел сбоку кафедры и видел лица ораторов в профиль.

Во время речи Г. В. Плеханова в первом заседании на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин,

то — съеживаясь, как бы от холода, то — расширяясь, точно ему становилось жарко; засовывал пальцы куда-то под мышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то М. П. Томскому. А когда Плеханов заявил, что «ревизионистов в партии нет», Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе, рабочие, рядом с ним и сзади его, тоже улыбались, а из конца зала кто-то угрюмо и громко спросил:

— А по ту сторону — какие сидят?

Коротенький Федор Дан говорил тоном человека, которому подлинная истина приходится родной дочерью, он ее родил, воспитал и все еще воспитывает. Сам же он, Федор Дан, является совершенным воплощением Карла Маркса, а большевики — недоучки, неприличные ребята, что особенно ясно из их отношения к меньшевикам, среди которых находятся — «все выдающиеся теоретики марксизма», сказал он.

— Вы — не марксисты, — пренебрежительно говорил он, — нет, вы не марксисты! — И толкал в воздух, направо, желтым кулаком. Кто-то из рабочих осведомился у него:

— А когда вы опять пойдете чай пить с либералами?

Не помню, выступал ли на первом заседании Мартов. Этот удивительно симпатичный человек говорил юношески пламенно, и казалось, что он особенно глубоко чувствует драму раскола, боль противоречий.

Он весь содрогался, качался, судорожно расстегивал воротник крахмальной рубашки, размахивая руками; обшлага, выскакивая из рукава пиджака, закрывали ему кисть руки, он высоко поднимал руку и тряс ею, чтобы водрузить обшлаг на его законное место. Мне казалось, что Мартов не доказывает, а — упрашивает, умоляет: раскол необходимо изжить, партия слишком слаба для того, чтобы разбиваться на две, рабочий прежде всего нуждается в «свободах», надобно поддерживать Думу. Иногда его первая речь звучала почти истерически, обилие слов делало ее непонятной, а сам оратор вызывал впечатление тяжелое. В конце речи и как будто вне связи ее, все-таки «боевым» тоном, он все так же пламенно стал кричать против боевых дружин и вообще работы, направленной к подготовке вооруженного восстания. Хорошо помню, как на скамьях большевиков кто-то изумленно воскликнул:

— Вот те и раз!

А, кажется, М. П. Томский спросил:

— Может, нам и руки обрубить, для того чтоб товарищ Мартов успокоился?

Повторю: не уверен, что Мартов говорил на первом заседании, я упомянул о нем только для того, чтобы рассказать, как говорили.

После его речи рабочие, в помещении перед залом заседания, угрюмо беседовали:

— Вот вам и Мартов! А — «искрист» был!

— Линяют товарищи интеллигенты.

Красиво, страстно и резко говорила Роза Люксембург, отлично владея оружием иронии. Но вот поспешно вошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией, — все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали:

— Густо говорит...

Так оно и было; каждый его довод развертывался сам собою — силою, заключенной в нем.

Меньшевики, не стесняясь, показывали, что речь Ленина неприятна им, а сам он — более чем неприятен. Чем убедительнее он доказывал необходимость для партии подняться на высоту революционной теории для то-

го, чтобы всесторонне проверить практику, тем озлобленнее прерывали его речь.

— Съезд не место для философии!

— Не учите нас, мы — не гимназисты!

Особенно старался кто-то рослый, бородатый, с лицом лавочника, он вскакивал со скамьи, и заикаясь, кричал:

— З-загово-орчки... в з-заговорчки играете! Б-бланкис-ты!

Одобрительно кивала головой Роза Люксембург; она очень хорошо сказала меньшевикам на одном из следующих заседаний:

— Вы не стоите на марксизме, а сидите, даже — лежите на нем.

Злой, горячий ветерок раздражения, иронии, ненависти гулял по залу, сотни глаз разнообразно освещали фигуру Владимира Ильича. Не заметно было, что враждебные выпады волнуют его, говорил он горячо, но веско, спокойно; через несколько дней я узнал, чего стоило ему это внешнее спокойствие. Было очень странно и обидно видеть, что вражду к нему возбуждает такая естественная мысль: только с высоты теории партия может ясно увидеть причины разногласий среди ее. У меня образовалось такое впечатление: каждый день съезда придает Владимиру Ильичу все новые и новые силы, делает его бодрее, уверенней, с каждым днем речи его звучат все более твердо и вся большевистская часть членов съезда настраивается решительнее, строже. Кроме его речей, меня почти так же взволновала прекрасная и резкая речь против меньшевиков Розы Люксембург.

Свободные минуты, часы он проводил среди рабочих, выспрашивал их о самых мизерных мелочах быта.

— Ну, а женщины как? Заедает хозяйство? Все-таки — учатся, читают?

В Гайд-парке несколько человек рабочих, впервые видевших Ленина, заговорили о его поведении на съезде. Кто-то из них характерно сказал:

— Не знаю, может быть, здесь, в Европе, у рабочих есть и другой, такой же умный человек — Бебель или еще кто. А вот чтобы был другой человек, которого я бы сразу полюбил, как этого, — не верится!

Другой рабочий добавил улыбаясь:

— Этот — наш!

Ему возразили:

— И Плеханов — наш.

Я услышал меткий ответ:

— Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш.

Какой-то молодой парень юмористически заметил — Сюртучок Плеханова-то стесняет.

Был такой случай: по дороге в ресторан Владимира Ильича остановил меньшевик-рабочий, спрашивая о чем-то. Ильич замедлил шаг, а его компания пошла дальше. Придя в ресторан минут через пять, он, хмурясь, рассказал:

— Странно, что такой наивный парень попал на партийный съезд! Спрашивает меня: в чем же все-таки истинная причина разногласий? Да вот, говорю, ваши товарищи желают заседать в парламенте, а мы убеждены, что рабочий класс должен готовиться к бою. Кажется — понял...

Обедали небольшой компанией всегда в одном и том же маленьком, дешевом ресторане. Я заметил, что Владимир Ильич ест очень мало: яичницу из двух-трех яиц, небольшой кусок ветчины, выпивает кружку густого, темного пива. По всему видно было, что к себе он относится небрежно, и поражала меня его удивительная заботливость о рабочих. Питанием их заведовала М. Ф. Андреева, и он спрашивал ее:

— Как вы думаете: не голодают товарищи? нет? Гм, гм... А может, увеличить бутерброды?

Пришел в гостиницу, где я остановился, и вижу: озабоченно шупает постель.

— Что это вы делаете?

— Смотрю — не сырые ли простыни.

Я не сразу понял: зачем ему нужно знать — какие в Лондоне простыни? Тогда он, заметив мое недоумение, объяснил:

— Вы должны следить за своим здоровьем.

Осенью 18 года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это как хорошо продуманное, давно решенное.

Известно, что строже всех судят человека его служащие. Но шофер Ленина, Гиль, много испытывший человек, говорил:

— Ленин — особенный. Таких — нет. Я везу его по Мясницкой, большое движение, едва еду, боюсь — изло-

мают машину, даю гудки, очень волнуясь. Он открыл дверь, добрался ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, уговаривает: «Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все». Я — старый шофер, я знаю — так никто не сделает.

Трудно передать, изобразить ту естественность и гибкость, с которыми все его впечатления вливались в одно русло.

Его мысль, точно стрелка компаса, всегда обращалась острием в сторону классовых интересов трудового народа. В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в «мюзик-холл» — демократический театрик. Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на все остальное и особенно внимательно на рубку леса рабочими Британской Колумбии. Маленькая сцена изображала лесной лагерь, перед нею, на земле, двое здоровых молодцов перерубали в течение минуты ствол дерева, объемом около метра.

— Ну, это, конечно, для публики, на самом деле они не могут работать с такой быстротой, — сказал Ильич. — Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки. Вот вам и культурные англичане!

Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему. Для меня было что-то неясное в этой мысли, но спросить Владимира Ильича я не успел, он уже интересно говорил об «эксцентризме», как особой форме театрального искусства.

— Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!

Года через два, на Капри, беседуя с А. А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!

Прощаясь, в Лондоне, он сказал мне, что обязательно приедет на Капри отдыхать.

Но раньше, чем он собрался приехать, я увидел его в Париже, в студенческой квартирке из двух комнат,— студенческой она была только по размерам, но не по чистоте и строгому порядку в ней. Надежда Константиновна, сделал нам чай, куда-то ушла, мы остались вдвоем. Тогда разваливалось «Знание», и я приехал поговорить с Владимиром Ильичем об организации нового издательства, которое объединяло бы, по возможности, всех наших литераторов. Редактуру издательства за границей я предлагал Владимиру Ильичу, В. В. Воровскому и еще кому-то, а в России представлял бы их В. А. Десницкий-Строев.

Мне казалось, что нужно написать ряд книг по истории западных литератур и по русской литературе, книги по истории культуры, которые дали бы богатый фактический материал рабочим для самообразования и пропаганды.

Но Владимир Ильич разрушил этот план, указав на цензуру, на трудность организовать своих людей; большинство товарищей занято практической партийной работой, писать им — некогда. Но главный и наиболее убедительный для меня довод его был приблизительно таков: для толстой книги — не время, толстой книгой питается интеллигенция, а она, как видите, отступает от социализма к либерализму, и нам ее не столкнуть с пути, ею избранного. Нам нужна газета, брошюра, хорошо бы восстановить библиотечку «Знания», но в России это невозможно по условиям цензуры, а здесь по условиям транспорта: нам нужно бросить в массы десятки, сотни тысяч листовок, такую кучу нелегально не перевезешь. Подождем с издательством до лучших времен.

С поразительной, всегда присущей ему живостью и ясностью он заговорил о Думе, о кадетах, которые «стыдятся быть октябристами», о том, что «пред ними один путь направо», а затем привел ряд доказательств в пользу близости войны и, «вероятно, не одной, но целого ряда войн»,—это его предвидение вскоре оправдалось на Балканах.

Встал, характерным жестом сунул пальцы рук за жилет под мышками и медленно шагал по тесной комнатке, прищуриваясь, поблескивая глазами.

— Война будет. Неизбежно. Капиталистический мир достиг состояния гнилостного брожения, уже и сейчас люди начинают отравляться ядами шовинизма, национализма. Я думаю, что мы еще увидим общеевропейскую

войну. Пролетариат? Едва ли пролетариат найдет в себе силу предотвратить кровавую склоку. Как это можно сделать? Общеввропейской забастовкой рабочих? Для этого они недостаточно организованны, сознательны. Такая забастовка была бы началом гражданской войны, мы, реальные политики, не можем рассчитывать на это.

Остановясь, шаркая подошвой по полу, угрюмо сказал:

— Пролетариат, конечно, пострадает ужасно — такова, пока, его судьба. Но враги его — обессилят друг друга. Это — тоже неизбежно.

И, подойдя ко мне, он сказал, как бы с изумлением, с большой силой, но негромко:

— Нет, вы подумайте: чего ради сытые гонят голодных на бойню друг против друга? Можете вы назвать преступление более идиотическое и отвратительное? Страшно дорого заплатят за это рабочие, но в конце концов выиграют они. Это — воля истории.

Он часто говорил об истории, но никогда в его речах я не чувствовал фетишистического преклонения пред ее волей и силой.

Речь взволновала его, присев к столу, он вытер вспотевший лоб, хлебнул холодного чая и неожиданно спросил:

— Что это за скандал был у вас в Америке? По газетам я знаю, в чем дело, — но как это вышло?

Я кратко рассказал ему приключения.

Никогда я не встречал человека, который умел так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться.

— Ох, да вы — юморист! — говорил он сквозь смех. — Вот не предполагал. Черт знает как смешно...

И, стирая слезы смеха, он уже серьезно, с хорошей, мягкой улыбкой сказал:

— Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество. Я очень понимаю юмор, но не владею им. А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше.

Условились, что я зайду к нему через день, но погода была плохая, вечером у меня началось обильное кровохарканье, и на другой день я уехал.

После Парижа мы встретились на Капри. Тут у меня осталось очень странное впечатление: как будто Владимир Ильич был на Капри два раза и в двух резко различных настроениях.

Один Ильич, как только я встретил его на пристани, тотчас же решительно заявил мне:

— Я знаю, вы, Алексей Максимович, все-таки надеетесь на возможность моего примирения с махистами, хотя я вас предупредил в письме: это—невозможно! Так уж вы не делайте никаких попыток.

По дороге на квартиру ко мне и там я пробовал объяснить ему, что он не совсем прав: у меня не было и нет намерения примирять философские распри, кстати — не очень понятные мне. К тому же я, от юности, заражен недоверием ко всякой философии, а причиной этого недоверия служило и служит разноречие философии с моим личным, «субъективным» опытом: для меня мир только что начинался, «становился», а философия шлепала его по голове и совершенно неуместно, несвоевременно спрашивала:

«Куда идешь? Зачем идешь? Почему — думаешь?»

Некоторые же философы просто и строго командовали:

«Стой!»

Кроме того, я уже знал, что философия, как женщина, может быть очень некрасивой, даже уродливой, но одета настолько ловко и убедительно, что ее можно принять за красавицу. Это рассмешило Владимира Ильича.

— Ну, это — юмористика, — сказал он. — А что мир только начинается, становится — хорошо! Над этим вы подумайте серьезно, отсюда вы придете, куда вам давно следует прийти.

Затем я сказал ему, что А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров — в моих глазах крупные люди, отлично, всесторонне образованные, в партии я не встречал равных им.

— Допустим. Ну, и что же отсюда следует?

— В конце концов я считаю их людьми одной цели, а единство цели, понятное и осознанное глубоко, должно бы стереть, уничтожить философические противоречия...

— Значит — все-таки надежда на примирение жива? Это — зря, — сказал он. — Гоните ее прочь, и как можно

дальше, дружески советую вам! Плеханов тоже, по-вашему, человек одной цели, а вот я— между нами— думаю, что он — совсем другой цели, хотя и материалист, а не метафизик.

На этом беседа наша и кончилась. Я думаю, что нет надобности напоминать, что я воспроизвел ее не в точных словах, не буквально. В точности смысла — не сомневаюсь.

И вот я увидел пред собой Владимира Ильича Ленина еще более твердым, непреклонным, чем он был на Лондонском съезде. Но там он волновался, и были моменты, когда ясно чувствовалось, что раскол в партии заставляет переживать его очень тяжелые минуты.

Здесь он был настроен спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно. А. А. Богданов, человек удивительно симпатичный, мягкий и влюбленный в Ленина, но немножко самолюбивый, принужден был выслушивать весьма острые и тяжелые слова:

— Шопенгауэр говорит: «Кто ясно мыслит— ясно излагает», я думаю, что лучше этого он ничего не сказал. Вы, [товарищ] Богданов, излагаете неясно. Вы мне объясните в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша «подстановка» и почему махизм— революционное марксизма?

Богданов пробовал объяснить, но он говорил действительно неясно и многословно.

— Бросьте,— советовал Владимир Ильич.— Кто-то, кажется — Жорес, сказал: «Лучше говорить правду, чем быть министром», я бы прибавил: и махистом.

Затем он азартно играл с Богдановым в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски. Замечательно: даже и это детское уныние, так же как его удивительный смех,— не нарушали целостной слитности его характера.

Был на Капри другой Ленин — прекрасный товарищ, веселый человек, с живым и неутомимым интересом ко всему в мире, с поразительно мягким отношением к людям.

Как-то поздним вечером, когда все ушли гулять, он говорил мне и М. Ф. Андреевой,— невесело говорил, с глубоким сожалением:

— Умные, талантливые люди немало сделали для партии, могли бы сделать в десять раз больше, а — не

пойдут они с нами! Не могут! И десятки, сотни таких людей ломает, уродует этот преступный строй.

В другой раз он сказал:

— Луначарский вернется в партию, он — менее индивидуалист, чем те двое. На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость» — черт возьми, какие глупые слова: питать слабость! Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то французский блеск. Легкомыслие у него тоже французское, легкомыслие — от эстетизма у него.

Он подробно расспрашивал о жизни каприйских рыбаков, о их заработке, о влиянии попов, о школе — широта его интересов не могла не изумлять меня. Когда ему указали, что вот этот попик — сын бедного крестьянина, он сейчас же потребовал, чтоб ему собрали справки: насколько часто крестьяне отдают своих детей в семинарии и возвращаются ли дети крестьян служить попами в свои деревни?

— Вы — понимаете? Если это не случайное явление, — значит, это политика Ватикана. Хитрая политика!

Не могу представить себе другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к «простым людям».

Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шалапина и немало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили Ленина на особое место. Обаятелен был его смех, — «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердец».

Старый рыбак, Джиованни Спадаро, сказал о нем:

— Так смеяться может только честный человек.

Качаясь в лодке, на голубой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца» — лесой без удилища. Рыбаки объясняли ему что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь лесы:

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсек рыбу, повел ее и закричал с восторгом ребенка, с азартом охотника:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки оглушительно и тоже, как дети, радостно захотали и прозвали рыбака: «Синьор Дринь-дринь».

Он уехал, а они все спрашивали:

— Как живет синьор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?

Не помню, до Владимира Ильича или после его на Капри был Г. В. Плеханов.

Несколько эмигрантов каприйской колонии — литератор Н. Олигер, Лоренц-Метнер, присужденный к смертной казни за организацию восстания в Сочи, Павел Вигдорчик и еще, кажется, двое — хотели побеседовать с ним. Он отказался. Это было его право, он — был больной человек, приехал отдохнуть. Но Олигер и Лоренц говорили мне, что он сделал это в форме очень обидной для них. Нервозный Олигер настаивал, что Г. В. сказано было нечто об «усталости от обилия желающих говорить, но неспособных делать». Он, будучи у меня, действительно не пожелал никого видеть из местной колонии, — Владимир Ильич видел всех. Плеханов ни о чем не расспрашивал, он уже все знал и сам рассказывал. По-русски широко талантливый, европейски воспитанный, он любил щегольнуть красивым, острым словом и, кажется, именно ради острого словца жестоко подчеркивал недостатки иностранных и русских товарищей. Мне показалось, что его остроты не всегда удачны, в памяти остались только неудачные: «не в меру умеренный Меринг», «самозванец Энрико Ферри, в нем нет железа ни золотника» — тут каламбур построен на слове ферро — железо. И все — в этом роде. Вообще же он относился к людям снисходительно, разумеется, не так, как бог, но несколько похоже. Талантливейший литератор, основоположник партии, он вызвал у меня глубокое почтение, но не симпатию. Слишком много было в нем «аристократизма». Может быть, я сужу ошибочно. У меня нет особенной любви к ошибкам, но, как все люди, я тоже ошибаюсь. А факт остаётся фактом: редко встречал я людей до такой степени различных, как Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Это и естественно: один заканчивал свою работу разрушения старого мира, другой уже начал строить новый мир.

Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить. Уже только эта одна, в корне искажающая человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение.

В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство «спасения ду-

ши», я не встречал, не знаю человека, который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастиям, горю, страданию людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм. Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем,— в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать книгу о том, как он всю жизнь радовался. А так как русский человек привык выдумывать жизнь для себя, делать же ее плохо умеет, то весьма вероятно, что книга о счастливой жизни научила бы его, как нужно выдумывать такую жизнь.

Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастиям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку,— Человеку — с большой буквы.

В 17—18 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы их видеть, но они не могли быть иными.

Он — политик. Он в совершенстве обладал тою четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия.

У меня же органическое отвращение к политике, и я плохо верю в разум масс вообще, в разум же крестьян-

ской массы — в особенности. Разум, не организованный идеей, — еще не та сила, которая входит в жизнь творчески. В разуме массы — нет идеи до поры, пока в ней нет сознания общности интересов всех ее единиц.

Тысячелетия живет она стремлением к лучшему, но это стремление создает из плоти ее хищников, которые ее же порабащают, ее кровью живут, и так будет до поры, пока она не осознает, что в мире есть только одна сила, способная освободить ее из плена хищников, — сила правды Ленина.

Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренне революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа.

Научная, техническая — вообще квалифицированная интеллигенция, с моей точки зрения, революционна по существу своему, и вместе с рабочей, социалистической интеллигенцией — для меня была самой драгоценной силой, накопленной Россией, — иной силы, способной взять власть и организовать деревню, я — в России 17 года не видел. Но эти силы, количественно незначительные и раздробленные противоречиями, могли бы выполнить свою роль только при условии прочнейшего внутреннего единения. Пред ними стояла грандиозная работа: овладеть анархизмом деревни, культивировать волю мужика, научить его разумно работать, преобразить его хозяйство и всем этим быстро двинуть страну вперед; все это достижимо лишь при наличии подчинения инстинктов деревни организованному разуму города. Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны. В этих целях я предложил устроить на Капри школу для рабочих и в годы реакции, 1907—1913, усиленно пытался всячески поднять бодрость духа рабочих.

Ради этой цели тотчас после февральского переворота, весной 17 года, была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» — учреждение, которое ставило задачей своей, с одной стороны, организацию в России научно-ис-

следовательских институтов, с другой — широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде. Во главе ассоциации встали крупные ученые, члены Российской Академии наук В. А. Стеклов, Л. А. Чугаев, академик Ферсман, С. П. Костычев, А. А. Петровский и ряд других. Деятельно собирались средства; С. П. Костычев уже приступил к поискам места для устройства исследовательского института по вопросам зооботаники.

Для большей ясности скажу, что меня всю жизнь угнетал факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций. Диктатура политически грамотных рабочих, в тесном союзе с научной и технической интеллигенцией, была, на мой взгляд, единственно возможным выходом из трудного положения, особенно осложненного войной, еще более анархизировавшей деревню.

С коммунистами я расходился по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией, в число которой входят и все «большевики», воспитавшие сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности. Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломовой лошадью, запряженной в тяжкий воз истории России. Несмотря на все толчки и возбуждения, испытанные им, разум народных масс все еще остается силой, требующей руководства извне.

Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. Эту страницу моих воспоминаний следовало бы вычеркнуть. Но — «написано пером — не вырубишь топором». К тому же: «на ошибках — учимся», — часто повторял Владимир Ильич. Пусть же читатели знают эту мою ошибку. Было бы хорошо, если б она послужила уроком для тех, кто склонен торопиться с выводами из своих наблюдений.

Разумеется, после ряда фактов подлейшего вредительства со стороны части спецов я обязан был переоценить — и переоценил — мое отношение к работникам науки и техники. Такие переоценки кое-чего стоят, особенно — на старости лет ¹.

¹ На это высказывание автора, несомненно, повлиял судебный процесс 1928 года, так называемое «шахтинское дело» о «вредительстве спецов», одно из искажений законности в эпоху культа личности Сталина. М. Горький тяжело переживал это мнимое «вредительство» интеллигенции.

Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее. К тому же надо принять во внимание, что с развитием «цивилизации» — ценность человеческой жизни явно понижается, о чем неоспоримо свидетельствует развитие в современной Европе техники истребления людей и вкуса к этому делу.

Но скажите голосом совести: насколько уместно и не слишком ли отвратительно лицемерие тех «моралистов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они, в течение четырех лет позорной общеевропейской бойни, не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну? Ныне «культурные нации» оказались разбиты, истощены, дичают, а победила общечеловеческая мещанская глупость: тугие петли ее и по сей день душат людей.

Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, что клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это — всем известно.

Кроме этого, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали «обыденной жизнью».

Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, исказить, осмеивать, порочить прекрасное.

Не следует думать, что поведение «деревенской бедноты» было подчеркнуто мною по мотивам моего скептического отношения к мужику, нет,— я знаю, что болезненным желанием изгадить прекрасное страдают и некоторые группы интеллигенции, например, те эмигранты, которые, очевидно, думают, что, если их нет в России,— в ней нет уже ничего хорошего.

Злостное стремление портить вещи исключительной красоты имеет один и тот же источник с гнусным стремлением опорочить во что бы то ни стало человека необыкновенного. Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется. Люди жаждут — если они жаждут — вовсе не коренного изменения своих социальных навыков, а только расширения их. Основной стон и вопль большинства:

«Не мешайте нам жить, как мы привыкли!»

Владимир Ленин был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это.

«Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин — вдохновитель и вождь пролетариев всех стран. Вот он не существует физически, а голос его все громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, строительству мира людей равных. Все более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы.

Меня восхищала ярко выраженная в нем воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал. Меня изумляла его нечеловеческая работоспособность. Его движения были легки, ловки, и скупой, но сильный жест вполне гармонировал с его речью, тоже скупой словами, обильной мыслью. И на лице, монгольского типа, горели, играли эти острые глаза неутомимого борца против лжи и горя жизни, горели, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его более жгучей и ясной.

Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, бле-

стоят в воздухе. Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды.

Необычно и странно было видеть Ленина гуляющим в парке Горького,—до такой степени срослось с его образом представление о человеке, который сидит в конце длинного стола и, усмехаясь, поблескивая зоркими глазами рулевого, умело, ловко руководит прениями товарищей или же, стоя на эстраде, закинув голову, мечет в притихшую толпу, в жадные глаза людей, изголодавшихся о правде, четкие, ясные слова.

Они всегда напоминали мне холодный блеск железных стружек.

С удивительной простотой из-за этих слов возникала художественно выточенная фигура правды.

Азарт был свойством его натуры, но он не являлся корыстным азартом игрока, он обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром и до конца понял свою роль в хаосе мира,—роль врага хаоса. Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать «Историю костюма», часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным солнцем юга, любоваться золотыми цветами дрока и чумазыми ребятами рыбаков. А вечером, слушая рассказы о России, о деревне, завистливо вздыхал:

— А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти все!

Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно «заливался» смехом, иногда до слез. Краткому, характерному восклицанию «гм-гм» он умел придать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом «гм-гм» звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни.

Коренастый, плотный, с черепом Сократа и всевидящими глазами, он нередко принимал странную и немножко комическую позу—закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно-петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянно-

го мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви.

До 18 года, до пошлейшей и гнусной попытки убить Ленина, я не встречался с ним в России и даже издали не видал его. Я пришел к нему, когда он еще плохо владел рукой и едва двигал простреленной шеей. В ответ на мое возмущение он сказал неохотно, как говорят о том, что надоело:

— Драка. Что делать? Каждый действует, как умеет.

Мы встретились очень дружески, но, разумеется, проницательные, всевидящие глазки милого Ильича смотрели на меня, «заблудившегося», с явным сожалением.

Через несколько минут Ленин азартно говорил:

— Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории,— фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их — нет, не может быть. Они никому не нужны. Все, до последнего человека, втянуты в круговорот действительности, запутанной, как она еще никогда не запутывалась. Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь? Что это упрощение грозит гибелью культуре, а?

Ироническое, характерное:

— Гм-гм...

Острый взгляд становится еще острее, и пониженным голосом Ленин продолжает:

— Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто.

— Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь по-вашему, она искренне служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения.

Он засмеялся и беззлобно сказал:

— За это мне от интеллигенции и попала пуля.

А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью:

— Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков.

Беседы с ним на эту тему возникали почти при каждой встрече. И хотя на словах его отношение к интеллигенции оставалось недоверчивым, враждебным, — на деле он всегда правильно оценивал значение интеллектуальной энергии в процессе революций и как будто соглашался с тем, что, в сущности, революция является взрывом именно этой энергии, не нашедшей для себя в изжитых и тесных условиях возможности закономерного развития.

Помню, я был у него с тремя членами Академии наук. Шел разговор о необходимости реорганизации одного из высших научных учреждений Петербурга. Проводив ученых, Ленин удовлетворенно сказал:

— Это я понимаю. Это — умники. Все у них просто, все сформулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают, чего хотят. С такими работать — одно удовольствие. Особенно понравился мне этот...

Он назвал одно из крупных имен русской науки, а через день уже говорил мне по телефону:

— Спросите С., пойдет он работать с нами?

И когда С. принял предложение, это искренне обрадовало Ленина, потирая руки, он шутил:

— Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет, а — перевернется!

На VIII съезде партии Н. И. Бухарин, между прочим, сказал:

— Нация — значит буржуазия вместе с пролетариатом. Ни с чем не сообразно признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии.

— Нет, извините, — возразил Ленин, — это сообразно с тем, что есть. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации пролетариата от буржуазии, но — посмотрим еще, как оно пойдет.

Затем, показав на примере Германии, как медленно и трудно развивается процесс этой дифференциации,

и упомянув, что «не путем насилия внедряется коммунизм»,— он так высказался по вопросу о значении интеллигенции в промышленности, армии и кооперации. Цитирую по отчету «Известий» о прениях на съезде:

«Этот вопрос на настоящем съезде должен быть решен с полной определенностью. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средства буржуазной науки и техники сделают его более доступным массам.

А для этого надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех специалистов. Без буржуазных специалистов нельзя поднять производительной силы. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистами, поставить в такие условия, чтобы они не могли вырваться, но надо дать возможность работать им лучше, чем при капиталистах, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя. Буржуазные специалисты привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, то есть обогащали буржуазию огромными материальными предприятиями и в ничтожных дозах уделяли ее для пролетариата. Но они все-таки двигали культуру—в этом их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс не только ценит культуру, но и помогает проведению ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Тогда они будут поработаны морально, а не только политически устранены от буржуазии. Надо вовлечь их в наш аппарат, а для этого надо иногда и на жертвы идти. По отношению к специалистам мы не должны придерживаться системы мелких придирок. Мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика. Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовывали меньшевиков и левых эсеров, то через эти колебания все же идет одна самая твердая линия; контрреволюцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать».

В этих прекрасных словах великого политика гораздо больше живого, реального смысла, чем во всех воплях мещанского, бессильного и, в сущности, лицемерного «гуманизма». К сожалению, многих из тех, кто должен был понять и оценить этот призыв к честному труду вместе с рабочим классом,— не поняли, не оценили призыва. Они предпочли вредительство из-за угла, предательство.

После отмены крепостного права многие из «дворянских людей», холопов по натуре, тоже оставались служить своим господам в тех же конюшнях, где, бывало, господа драли их.

Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта.

— Чего вы хотите? — удивленно и гневно спрашивал он. — Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшей помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы — что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас. Неужели вы допускаете, что, если б я был убежден в противном, я сидел бы здесь?

— Какою мерой измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке? — спросил он меня однажды после горячей беседы. На этот простой вопрос я мог ответить только лирически. Думаю, что иного ответа — нет.

Я очень часто одолевал его просьбами различного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне. Он спрашивал:

— Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пу-стяками?

Но я делал то, что считал необходимым, и косые, сердитые взгляды человека, который знал счет врагов пролетариата, не отталкивали меня. Он сокрушенно качал головою и говорил:

— Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих.

А я указывал, что товарищи, рабочие, находясь «в состоянии запальчивости и раздражения», нередко слишком легко и «просто» относятся к свободе, к жизни ценных людей и что, на мой взгляд, это не только компрометирует честное, трудное дело революции излишней, порою и бессмысленной жестокостью, но объективно вредно для этого дела, ибо отталкивает от участия в нем немалое количество крупных сил.

— Гм-гм,—скептически ворчал Ленин и указывал мне на многочисленные факты измены интеллигенции рабочему делу.

— Между нами,— говорил он,— ведь многие изменяют, предательствуют не только из трусости, но из самолюбия, из боязни сконфузиться, из страха, как бы не пострадала возлюбленная теория в ее столкновении с практикой. Мы этого не боимся. Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент.

И все-таки я не помню случая, когда бы Ильич отказал в моей просьбе. Если же случалось, что они не исполнялись, это было не по его вине, а, вероятно, по силе тех «недостатков механизма», которыми всегда изобилвала неуклюжая машина русской государственности. Допустимо и чье-то злое нежелание облегчить судьбу ценных людей, спасти их жизнь. Возможно и здесь «вредительство», враг циничен так же, как хитер. Мечь и злоба часто действуют по инерции. И, конечно, есть маленькие, психически нездоровые люди с болезненной жадой наслаждаться страданиями ближних.

Однажды он, улыбаясь, показал мне телеграмму: «Опять арестовали скажите чтобы выпустили».

Подписано: Иван Вольный.

— Я читал его книгу,— очень понравилась. Вот в нем я сразу по пяти словам чувствую человека, который понимает неизбежность ошибок и не сердится, не лезет на стену из-за личной обиды. А его арестуют, кажется, третий раз. Вы бы посоветовали ему уехать из деревни, а то еще убьют. Его, видимо, не любят там. Посоветуйте. Телеграммой.

Нередко меня очень удивляла готовность Ленина помочь людям, которых он считал своими врагами, и не только готовность а и забота о будущем их. Так, например, одному генералу, ученому, химику, угрожала смерть.

— Гм-гм,— сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ.— Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но — надо, чтоб это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

— А генерала вашего — выпустим,— кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?

— Гомоэмульсию...

— Да, да — карболку какую-то! Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтоб скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией.

Через несколько дней он снова спрашивал:

— А как — генерал? Устроился?

В 19 году в петербургские кухни являлась женщина, очень красивая, и строго требовала:

— Я княгиня Ч., дайте мне кость для моих собак!

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства.

Я рассказал Ленину эту легенду. Поглядывая на меня искоса, снизу вверх, он все прищуривал глаза и наконец, совсем закрыв их, сказал угрюмо:

— Если это и выдуманно, то выдуманно неплохо. Шуточка революции.

Помолчал. Встал и, перебирая бумаги на столе, сказал задумчиво:

— Да, этим людям туго пришлось, история — мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется. Что ж говорить? Этим людям плохо. Умные из них, конечно, понимают, что вырваны с корнем и снова к земле не прирастут. А трансплантация, пересадка в Европу, умных не удовлетворит. Не вживутся они там, как думаете?

— Думаю — не вживутся.

— Значит — или пойдут с нами, или же снова будут хлопотать об интервенции.

Я спросил: кажется мне это, или действительно он жалеет людей?

— Умных — жалею. Умников мало у нас. Мы — народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума.

И, вспомнив некоторых товарищей, которые изжили классовую зоопсихологию, работают с «большевиками», он удивительно ласково заговорил о них.

Человек изумительно сильной воли, Ленин в высшей степени обладал качествами, свойственными лучшей революционной интеллигенции, — самоограничением, ча-

сто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л. Андреева:

«Люди живут плохо— значит, я тоже должен плохо жить».

В тяжелом, голодном 19 году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неудобную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам. Приглашая меня обедать к себе, он сказал:

— Копченой рыбой угощу — прислали из Астрахани.

И, нахмутив сократовский лоб, скосив в сторону всевидящие глаза, добавил:

— Присылают, точно барину! Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять — обидишь. А кругом все голодают.

Неприхотливый, чуждый привычки к вину, табаку, занятый с утра до вечера сложной, тяжелой работой, он совершенно не умел заботиться о себе, но зорко следил за жизнью товарищей. Сидит за столом у себя в кабинете, быстро пишет и говорит, не отрывая пера от бумаги:

— Здравствуйте, как здоровье? Я сейчас кончу. Тут один товарищ, в провинции, скучает, видимо — устал. Надо поддержать. Настроение — не малая вещь!

Как-то в Москве прихожу к нему, спрашивает:

— Обедали?

— Да.

— Не сочиняете?

— Свидетели есть, — обедал в кремлевской столовой.

— Я слышал — скверно готовят там.

— Не скверно, а — могли бы лучше.

Он тотчас же подробно допросил: почему плохо, как может быть лучше?

И начал сердито ворчать:

— Что же они там, умелого повара не смогут найти? Люди работают буквально до обморока, их нужно кормить вкусно, чтобы они ели больше. Я знаю, что продуктов мало и плохи они, — тут нужен искусный повар. — И — процитировал рассуждение какого-то гигиениста о роли вкусных приправ в процессе питания и пищеварения. Я спросил:

— Как это вы успеваете думать о таких вещах?

Он тоже спросил:

— О рациональном питании?

И тоном своих слов дал мне понять, что мой вопрос неуместен.

Старый знакомый мой, П. А. Скороходов, тоже соромович, человек мягкой души, жаловался на тяжесть работы в Чеке. Я сказал ему:

— И мне кажется, что это не ваше дело, не по характеру вам.

Он грустно согласился:

— Совсем не по характеру.

Но, подумав, сказал:

— Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, частенько приходится держать душу за крылья, и — стыдно мне слабости своей.

Я знал и знаю немало рабочих, которым приходилось и приходится, крепко сжав зубы, «держать душу за крылья» — насиловать органический «социальный идеализм» свой ради торжества дела, которому они служат.

Приходилось ли самому Ленину «держать душу за крылья»?

Он слишком мало обращал внимания на себя для того, чтобы говорить о себе с другими, он, как никто, умел молчать о тайных бурях в своей душе. Но однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями, жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!

Детей он ласкал осторожно, какими-то особенными легкими и бережными прикосновениями.

Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот вспомнил, что надо написать товарищу. А читать совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмутив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечеще! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним? Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу.

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм-гм, а не забываете вы России, живя на этой шишке?

В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере.

Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаия Добровейн, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Аpassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против вся-

кого насилия над людьми. Гм-гм,— должность адски трудная!

Сам почти уже больной, очень усталый, он писал мне 9 августа 1921 года:

Алексей Максимович!

Переслал Ваше письмо Л. Б. Каменеву.

Я устал так, что ничегошеньки не могу.

А у Вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально.

В Европе, в *хорошем* санатории будете и лечиться и *вроде больше дела делать*.

Ей-ей.

А у нас — ни лечения, ни дела — одна *суетня*.
Зряшная суетня.

Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас.

Ваш Ленин.

Он больше года с поразительным упрямством настаивал, чтоб я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощенный работой, помнит о том, что кто-то, где-то болен, нуждается в отдыхе?

Таких писем, каково приведенное, он написал разным людям, вероятно, десятки.

Я уже говорил о его совершенно исключительном отношении к товарищам, о внимании к ним, которое проныцательно догадывалось даже о неприятных мелочах их жизни. Но в этом его чувстве я никогда не мог уловить своекорыстной заботливости, которая иногда свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умелым работникам.

Нет, это было именно сердечное внимание истинного товарища, чувство любви равного к равным. Я знаю, что между Владимиром Лениным и даже крупнейшими людьми его партии невозможно поставить знака равенства, но сам он этого как бы не знал, а вернее — не хотел знать. Он был резок с людьми, споря с ними, безжалостно высмеивал, даже порою ядовито издевался — все это так.

Но сколько раз в его суждениях о людях, которых он вчера распинал и «разносил», я совершенно ясно слышал ноты искреннего удивления пред талантами и моральной стойкостью этих людей, пред их упорной и тяжелой работой адовых условий 1918—1921 годов, работой в окружении шпионов всех стран и партий, среди

заговоров, которые гнилыми нарывами вздувались на истощенном войною теле страны. Работали — без отдыха, ели мало и плохо, жили в непрерывной тревоге.

Но сам Ленин как будто не испытывал тяжести этих условий и тревог жизни, потрясенной до самых глубочайших основ своих кровавой бурей гражданской распри. И только один раз, в беседе с М. Ф. Андреевой, у него, по ее словам, вырвалось что-то подобное жалобе:

— Что же делать, милая Мария Федоровна? Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского, — на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!

Лично я слышал от него лишь одну жалобу:

— Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!

Помню, как весело и долго хохотал он, прочитав где-то слова Мартова:

«В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай».

А посмеявшись, сказал со вздохом:

— Какая умница! Эх...

Именно с уважением и удивлением он сказал, проводив из кабинета одного товарища «хозяйственника»:

— Вы давно знаете его? Он был бы во главе кабинета министров любой европейской страны.

И, потирая руки, посмеиваясь, добавил:

— Европа беднее нас талантливыми людьми.

Я предложил ему съездить в Главное артиллерийское управление посмотреть изобретенный одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

— А что я в этом понимаю? — спросил он, но — поехал.

В сумрачной комнате, вокруг стола, на котором стоял аппарат, собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, ученые люди. Среди них скромная штатская фигура Ленина как-то потерялась, стала незаметной. Изобретатель начал объяснять конструкцию аппарата. Ленин послушал его минуты две, три, одобрительно сказал:

— Гм-гм! — и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики:

— Как достигнута вами одновременно двойная работа механизма, устанавливающая точку прицела? И нельзя ли связать установку хоботов орудий автоматически с показаниями механизма?

Спрашивал про объем поля поражения и еще о чем-то,— изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

— Я сообщил моим генералам, что придете вы с товарищем, но умолчал, кто — товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероятно, не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: это техник, профессор? Ленин? Страшно удивились — как? Не похоже! И — позвольте! — откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как человек технически сведущий! Мистификация! — Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...

А Ленин, по дороге из ГАУ, возбужденно похохотывал и говорил об изобретателе:

— Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный товарищ, но — из тех, что звезд с неба не хватают. А он как раз именно на это и оказался годен. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это,—хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку.

Залился смехом, потом спросил:

— Говорите, у И. есть еще изобретение? В чем дело? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!

Да, часто слышал я его похвалы товарищам. И даже о тех, кто — по слухам — не пользовался его личными симпатиями, Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии.

Я был очень удивлен его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого,— Владимир Ильич подметил мое удивление.

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных спецов.

Помолчав, он добавил потише и невесело:

— А все-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то... нехоршее, от Лассалья...

Эти слова: «С нами, а — не наш!» —я слышал от него дважды, второй раз они были сказаны о человеке тоже крупном. Он умер вскоре после Владимира Ильича. Людей Владимир Ильич чувствовал, должно быть, очень хорошо. Как-то, входя в его кабинет, я застал там человека, который, пятясь к двери задом, раскланивался с Владимиром Ильичем, а Владимир Ильич, не глядя на него, писал.

— Знаете этого? — спросил он, показав пальцем на дверь; я сказал, что раза два обращался к нему по делам «Всемирной литературы».

— И —что?

— Могу сказать: невежественный и грубый человек.

— Гм-гм... Подхалим какой-то. И, вероятно, жулик. Впрочем, я его первый раз вижу, может быть, ошибаюсь.

Нет, Владимир Ильич не ошибся; через несколько месяцев человек этот вполне оправдал характеристику Ленина.

О людях он думал много, обеспокоенный тем, что, по его словам:

— Аппарат у нас — пестренький, после Октября много влезло в него чужих людей. Это—по вине благочестивой и любимой вами интеллигенции, это— следствие ее подлого саботажа, да-с!

Это он говорил, гуляя со мною в Горках. Не помню, почему я заговорил об Алексинском, кажется, он выкинул в это время какую-то дрянную штуку.

— Можете представить: с первой же встречи с ним у меня явилось к нему чисто физическое отвращение. Непобедимое. Никогда, никто не вызывал у меня такого чувства. Приходилось вместе работать, всячески одергивал себя, неловко было, а — чувствую: не могу я терпеть этого выродка!

И, удивленно пожав плечами, сказал:

— А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень это темное дело, Малиновский...

Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и доброго «заботливого друга».

— Загадочный вы человек,— сказал он мне шутливо,— в литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик. У вас все — жертвы истории? Мы знаем историю, и мы говорим жертвам: опрокидывайте жертвенники, ломайте храмы, долой богов!

А вам хочется убедить меня, что боевая партия рабочего класса обязана прежде всего удобно устроить интеллигентов.

Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что беседовать со мною Владимиру Ильичу было приятно. Он почти всегда предлагал:

— Приедете— позвоните, повидаемся.

А однажды сказал:

— Потолковать с вами всегда любопытно, у вас разнообразнее и шире круг впечатлений.

Расспрашивал о настроении интеллигенции, особенно внимательно об ученых,— я в то время работал с А. Б. Халатовым в «Комиссии по улучшению быта ученых». Интересовался пролетарской литературой.

— Чего вы ждете от нее?

Я говорил, что жду много, но считаю совершенно необходимым организацию литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным языкам — Запада и Востока,— по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской.

— Гм-гм,— говорил он, прищуриваясь и похохатывая.— Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а вот — ослепительно будет, а? Своих-то профессоров у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут... Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо.

И жаловался:

— Читать — совершенно нет времени!

Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил:

— Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди.

К Маяковскому относился недоверчиво и даже раздраженно:

— Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему,— не то и мало понятно. Рассыгано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим! А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день.

Я сказал, что тяготение молодежи к песне — естественно в такие дни и что — на мой взгляд — посредственные стихи легче писать, чем хорошую прозу, и времени требуют стихи — меньше; к тому же у нас очень много хороших учителей по технике стихосложения.

— Ну, что стихи легче прозы — я не верю! Не могу представить. С меня хоть кожу сдерите — двух строчек не напишу, — сказал он и нахмурился. — В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе.

Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну, — издали она кажется красочнее и ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее — исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звездами.

Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего, — умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно!

Но черная черта смерти только еще резче подчеркнет в глазах всего мира его значение, — значение вождя всемирного трудового народа.

И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа — все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира.

И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память.

Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал.

М. Горький Собр. соч. М. 1
Гослитиздат, 1963. Т. 18.
С. 253—285.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ал. АЛТАЕВ (Ямщикова Маргарита Владимировна) (1872—1959)— писательница, автор книг для детей и юношества.
- АНДЕРСЕН-НЕКСЕ Мартин (1869—1954) — датский писатель, коммунист. Родоначальник датской пролетарской литературы. Огромное влияние на писателя оказала Октябрьская социалистическая революция. Он выступает с пропагандой социалистических идей, является одним из основателей Коммунистической партии Дании (1919). В 1922 году посещает Советскую Россию как участник IV конгресса Коминтерна и дарит В. И. Ленину и Н. К. Крупской экземпляр своей книги «Пелле-завоеватель» с надписью «Товарищам Крупской и Владимиру Ульянову-Ленину с благодарностью и добрыми пожеланиями. Любящий Мартин Андерсен-Нексе». В годы гитлеровской оккупации Дании был заключен в тюрьму, откуда бежал, эмигрировал в Швецию, а с 1944 года до конца войны жил в СССР, затем вернулся в Данию. В 1950 году избран членом Всемирного Совета Мира. Последние годы жил в ГДР.
- АМУР-САНАН Антон Мудренович (1888—1940) — калмыцкий писатель и общественный деятель. Член КПСС с 1918 года. Принимал участие в борьбе за установление Советской власти в Калмыкии. Участник VI Всероссийского съезда Советов. Автор автобиографической повести «Мудрешкин сын» (1925), повести «Аранзал» (1932), «В степи» (1935) о жизни калмыков. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.
- АРОСЕВ Александр Яковлевич (1890—1938) — писатель, партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1907 года. Участник трех революций и гражданской войны. В период Октября — командующий войсками Московского военного округа. Один из первых биографов Ленина. Его перу принадлежат «Основные вехи жизни В. И. Ульянова-Ленина», «Материалы к биографии В. И. Ленина» (1925) и др. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно после XX съезда КПСС.
- АРСКИЙ Павел Александрович (1886—1967) — писатель. В революционном движении с 1905 г. Член КПСС с 1918 года. Участник штурма Зимнего дворца. Его романы, стихи, пьесы проникнуты идеями революционной борьбы.
- БАХМЕТЬЕВ Владимир Матвеевич (1885—1963) — писатель. Член КПСС с 1909 года. Автор книг «Преступление Мартына» (1928),

«Начало» (1940) и др. Участник революционной борьбы в Сибири.

БЕДНЫЙ Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) (1883—1945) — поэт, член КПСС с 1912 года. С 1912 года сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». В 1913 году выпустил первый сборник стихов «Басни», отмеченный В. И. Лениным в письме к М. Горькому (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 66). В период гражданской войны выступал на фронтах с сатирическими песнями, баснями, фельетонами. По воспоминаниям Горького, В. И. Ленин усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Д. Бедного, но говорил: «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».

БЕЗЫМЕНСКИЙ Александр Ильич (1898—1973) — поэт. Участник Октябрьской революции. Член КПСС с 1916 года. В литературу вошел как «комсомольский поэт». Избирался членом ЦК РКСМ первого созыва, делегатом съездов комсомола.

БЕРЕЗОВСКИЙ Феоктист Алексеевич (1877—1952) — писатель. Член КПСС с 1904 года. Активный участник революционного движения. Повесть «Мать» (1923), роман «Бабы тропы» (1928) о пути женщины в революцию.

БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Владимир Наумович (1885—1970) — писатель, драматург. Член КПСС с 1917 года. Автор пьесы «Шторм» (1926), рассказов о гражданской войне, о становлении Советской власти.

БИТТИ Бесси (1886—1947) — американская писательница. Приехав в 1917 году в Россию, стала очевидцем событий Октябрьской революции. Написала книгу «Красное сердце России». В 1918 и 1921 гг. встречалась с В. И. Лениным, который читал ее книгу, изданную в Нью-Йорке в 1919 году. В 1921 году была участницей агитпоезда «Октябрьская революция», направленного в голодающее Поволжье.

БОБИНСКАЯ Хелена (1887—1967) — польская писательница, жена видного деятеля Коммунистической партии Польши Станислава Бобинского. Некоторое время жила в СССР. Автор ряда книг для молодежи, изданных на польском, русском и немецком языках.

БОГДАНОВ Александр Алексеевич (1874—1939) — писатель. Член КПСС с 1900 года. Участник гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Один из зачинателей революционной пролетарской поэзии. Печатался с 1896 г. в «Правде», «Звезде».

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873—1955) — историк, литератор. Участник революционного движения с 1895 года, член Коммунистической партии с ее основания. Участник трех революций. Сотрудник «Искры», «Вперед», «Звезды». Организатор ряда большевистских газет и издательств. В 1917—

1920 г.— управделами Совнаркома. С 1930 года возглавлял организованный им Литературный музей в Москве, с 1946-го — директор музея Истории религии и атеизма АН СССР. Автор многочисленных книг воспоминаний, рассказов, очерков о В. И. Ленине.

БРАЙАНТ Луиза (1890—1936) — американская журналистка, жена Джона Рида. Впервые с группой американских журналистов приехала в Петроград в августе 1917 года и пробыла до января 1918 года. Дважды — в сентябре 1920 г. и январе 1921 г.— была принята В. И. Лениным. В 1921 году совершила поездку в Среднюю Азию. Автор книг «Шесть красных месяцев в России. Впечатления накануне и во время диктатуры пролетариата» (1918) и «Зеркала Москвы» (1923).

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич (1891—1940) — писатель, драматург. Автор романов «Белая гвардия» (1925—1927), «Мастер и Маргарита» (опубл. 1966) и др., пьес «Дни Турбиных» (пост. 1926), «Бег» (пост. 1957) и др. С осени 1921 года Булгаков жил в Москве, сотрудничал в газетах «Гудок», «Рабочий». Очерк «Часы жизни и смерти» впервые опубликован в «Гудке» 27 января 1924 года.

БУХАРИН Николай Иванович (1888—1938) — революционер, член КПСС с 1906 года. После VI съезда партии — член ЦК, потом член Политбюро ЦК, редактор газет «Правда», «Известия», был членом президиума, потом генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, действительный член АН СССР. Был необоснованно репрессирован. 15 марта 1938 года — расстрелян. 4 февраля 1988 года Пленум Верховного суда принял постановление об отмене приговора и восстановлении Н. Бухарина в рядах КПСС и в звании академика (посмертно). Благодаря полной реабилитации стала возможной публикация его наследия. Одна из сторон его деятельности — развитие вопросов советской культуры. Этому были посвящены его статьи, выступления «Ленинизм и проблема культурной революции» (1928), «Гейне и коммунизм» (1931), «Гете и его историческое значение» (1932), доклад на I Всесоюзном съезде писателей «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» (1934) и др.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, критик, ученый. После Октябрьской революции активно включился в строительство социалистической культуры, занимался общественной и педагогической деятельностью. Член КПСС с 1920 года.

ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ Поль (1892—1937) — французский писатель, поэт, публицист, деятель рабочего движения. Один из основателей Французской коммунистической партии (1920). Приветствовал Октябрьскую революцию, выступал против интервенции в Советскую Россию. Встречался с Лениным на III конгрессе Ко-

минтерна. В 1935—1937 гг.— главный редактор газеты «Юманите».

ВЕНТЦЕЛЬ Фаина Филипповна (1870—1967) — писательница, автор пьес, переводов, воспоминаний о Чехове, Горьком, Гарине-Михайловском.

ВИЛЬЯМС Альберт Рис (1883—1962) — американский прогрессивный деятель и журналист. Приехав в Россию в 1917 году вместе с Д. Ридом, стал очевидцем событий Октября. Участвовал в штурме Зимнего дворца. Выступал с приветствием от американского пролетариата на III Всероссийском съезде Советов. В 1918 году с одобрения В. И. Ленина организовал интернациональный отряд и выступил в «Правде» с призывом защищать завоевания Советской республики. Не раз виделся с Лениным и беседовал с ним. В США в 1919 году издал книгу «Ленин — человек и его дело». В 1921 г. — «Сквозь русскую революцию». Обе книги были в 20-х годах изданы в русском переводе. Неоднократно бывал в СССР. В предисловии к книге А. Р. Вильямса «Воспоминания о Ленине» (Госиздат. Л., 1925) А. И. Ульянова-Елизарова писала: «...он старался войти в самую гущу нашей революции, познать ее движущие силы, соотношение классов, значение и корни большевистского направления... с искренним и чутким стремлением понять ее, с явным сочувствием к революции, творимой массами... Много раз, в разные имеющие историческое значение, моменты — как во время заседания Учредительного собрания или перед заключением Брестского мира, — он виделся с Лениным, говорил с ним. Встречал он его и на повседневной, такой безумно трудной вначале работе по строительству и организации, наблюдал отношение к нему представителей разных групп населения, — и заносил все эти наблюдения в свою записную книжку.

В результате мы имеем живо составленный сборничек воспоминаний, как бы альбом эскизов и силуэтов художника, дающий нам изображение Ленина в разные моменты, в различных позах, под различными углами зрения».

ВИНОГРАДСКАЯ Софья Семеновна (1901—1964) — писательница. В 20-е годы работала в редакции «Правды». Автор сборников рассказов о первых годах революции, о В. И. Ленине, М. И. Ульяновой.

ВОЛЬНОВ (Владимиров) Иван Егорович (1885—1931) — писатель. Участвовал в гражданской войне. Был избран членом Учредительного собрания от Малоархангельского уезда Орловской губернии. После роспуска Учредительного собрания писатель пережил глубокое разочарование в программе партии эсеров и навсегда порвал с ней. Осенью 1919 г. Вольнов (И. Вольный) побывал у В. И. Ленина в Кремле. Об этой встрече В. Д. Бонч-

Бруевич писал: «Владимир Ильич встал из-за стола своего кабинета, вышел к нам в Управление делами Совнаркома, которое было расположено тут же рядом, через зал заседания Совнаркома, и дружески встретился с Иваном Вольным, крепко пожал ему руку и увлек его к себе в кабинет. Более двух часов он беседовал с ним обо всем том, что он видел, что наблюдал своими глазами.

Тот спокойно, эпически рассказывал Владимиру Ильичу и хорошее и дурное, ничего не скрывая, ничего не прикрашивая.

— Вот она, не бумажная, а действительная жизнь,— сказал задумчиво Владимир Ильич

В. И. Ленин заинтересовался планами писателя:

— А что вы теперь будете делать?

— Да вот хотел бы пошляться по России, заглянуть на Волгу и все примечательное описать.

— Это дело,— ответил Владимир Ильич.— ...Если вы действительно хотите походить, поездить по России, мы вам дадим охранную грамоту, обращенную ко всем властям, чтобы вам не чинили препятствий, а, наоборот, помогали. Вот вы будете собирать материалы, а там, смотришь, и напишете повесть из нашего революционного времени... Сообщайте нам о себе...

Иван Вольный очень оживился и благодарил Владимира Ильича за все.

Об отношении Ленина к И. Вольному упоминает М. Горький в своих воспоминаниях о Ленине (см. с. 562 настоящего издания).

ВОРОВСКИЙ Вацлав Вацлавович (1871—1923) — выдающийся советский дипломат, публицист, литературный критик. Член КПСС с 1894 года. Сотрудник «Искры», «Вперед», «Пролетария». После Октября полпред Советской республики в Скандинавских странах (1917—1919), в Италии (1921—1923). Убит белогвардейцем в Лозанне.

ВОРОНСКИЙ Александр Константинович (1884—1943) — Участник революционного движения, литературный критик, писатель. Член КПСС с 1904 года. Участник Пражской партийной конференции (1912). В автобиографической повести «За живой и мертвой водой» (1927) рассказывает о нескольких эпизодах встреч с Лениным до Октября. Редактор журнала «Красная Новь» (1921—1927). В 1937 году необоснованно репрессирован. После XX съезда КПСС реабилитирован и восстановлен в партии (по-смертно).

РАСТЕВ Алексей Капитонович (1882—1941) — поэт, ученый. Участник революционного движения. Член партии с 1901 г. Делегат IV съезда РСДРП. Организатор и руководитель Центрального института труда (1920—1938). Автор ряда поэтических сборни-

ков и работ о рациональной организации и культуре труда. В 1938 году подвергся необоснованным репрессиям. Реабилитирован посмертно.

ГОРЬКИЙ М. (Пешков Алексей Максимович (1868—1936)— писатель, основоположник пролетарской литературы, общественный деятель. Неоднократно встречался с В. И. Лениным и вел с ним переписку. В 1920 году в журнале «Коммунистический Интернационал» № 12 была опубликована, как передовая, статья М. Горького «Владимир Ильич Ленин» и письмо Г. Уэллсу, в которых оценка личности и деятельности В. И. Ленина была дана в духе культа личности. Ознакомившись с этими материалами, Ленин предложил в Политбюро проект Постановления, в котором сказано: «...в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много *антикоммунистического*. Впредь никоим образом *подобных* статей в «Коммунистическом Интернационале» не помещать». Оно было принято 31 июля 1920 года (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 429). После смерти В. И. Ленина Горький в 1924 году опубликовал первый вариант своих воспоминаний «Владимир Ильич Ленин». В одном из писем в конце 1925 года Горький пишет: «Я написал о Владимире Ильиче плохо. Был слишком подавлен его смертью и слишком поторопился выкричать мою личную боль об утрате человека, которого я любил очень...» («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», М., АН СССР, 1958. С. 261). В 1930 году, готовя к изданию Собрание своих сочинений, М. Горький существенно переработал воспоминания о В. И. Ленине.

ГРИМЛУНД Отто (1893—1969) — шведский журналист. В апреле 1917 года встречал В. И. Ленина в Швеции при его возвращении из эмиграции в Россию. Участник I конгресса Коминтерна. В. И. Ленин подарил О. Гримлунду свой портрет с дарственной надписью.

ДЕСНИЦКИЙ Василий Алексеевич (1878—1958) — литературовед. Автор трудов о русской литературе XVIII—XIX вв. Исследователь творчества М. Горького. Участник революционного движения. Делегат II, IV, V съездов РСДРП.

ДРАБКИНА Елизавета Яковлевна (1901—1974) — писательница. Член КПСС с 1917 года. Участница революционных событий. Была секретарем Я. М. Свердлова. В период культа личности Сталина необоснованно репрессирована. Реабилитирована и вернулась к литературной деятельности после XX съезда КПСС. В художественно-мемуарных книгах «Черные сухари» (1957), «Зимний перевал» (1988) воссозданы первые годы Советской власти, образы В. И. Ленина и его соратников.

ДЕВИС Джером (1891—?) — американский публицист. В качестве члена молодежной организации США «Христианский союз мо-

лодых людей» работал в России в 1916—1918 гг. Был принят В. И. Лениным и получил от него в подарок фотографию с надписью «Лучшие приветы американским интернационалистам. Ленин. 2.VIII—1918»

ЖАРОВ Александр Алексеевич (1904—1984) — поэт. С 1918 по 1925 гг. был на комсомольской работе. Один из организаторов поэтического объединения «Молодая гвардия». Член КПСС с 1920 года.

ЖИГА (Смирнов) Иван Федорович (1895—1949) — писатель. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. Был делегатом II Всероссийского съезда Советов. В 1918—1922 работал в ВЧК. В 1922—1925 гг. сотрудничал в «Правде». Книга воспоминаний «Ночь Октября» (1935) и др.

ЗАМОЙСКИЙ (Зевалкин) Петр Иванович (1896—1958) — писатель. Член КПСС с 1918 года. Делегат VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. Роман «Лапти» — о деревне в годы нэпа и коллективизации.

ЗАПОТОЦКИЙ Антонин (1884—1957) — видный деятель чехословацкого международного рабочего и коммунистического движения, писатель. В 1922—1925 гг. Генеральный секретарь ЦК КПЧ. Участник II, IV, VI, VII конгрессов Коминтерна. Во время фашистской оккупации — в тюрьмах и концлагерях. После освобождения от фашизма — один из виднейших руководителей народно-демократической Чехословакии. С 1953 года — президент страны. Автор ряда романов, посвященных революционному движению чехословацкого пролетариата.

ЗОЗУЛЯ Ефим Давыдович (1891—1941) — писатель, новеллист. Погиб на фронте Великой Отечественной войны

КАЗИН Василий Васильевич (1898—1981) — поэт. Один из организаторов литературного объединения «Кузница». Автор поэмы «Великий почин», в которой создал образ В. И. Ленина

КАЛМЫКОВА Александра Михайловна (1850—1926) — писательница, издательница, деятель народного просвещения, владелица книжного склада в Петербурге, который посещал В. И. Ленин. Склад снабжал литературой библиотеки для рабочих на фабриках и заводах, земские школы. «Когда в Питере образовалась группа социал-демократов с Владимиром Ильичем во главе, она встретила у А. М. всяческую поддержку. В. И. часто забегал в склад к А. М., много говорил с ней о группе «Освобождение труда»... А. М. доставала ему книги, связи. (Н. К. Крупская. «Правда», 1926, 2 апреля). В 1901 году Калмыкова приезжает в Германию, где жил В. И. Ленин, оказывает материальную поддержку для издания «Искры» и транспортировки газеты через Финляндию в Россию. После Октября занималась педагогической деятельностью, писала книги для детей.

- КИРПОТИН** Валерий Яковлевич (род. в 1898) — литературовед, критик. Член КПСС с 1918 года. Автор книг о Достоевском, Салтыкове-Щедрине, статей о советской литературе.
- КОЗЛОВ** Иван Андреевич (1888—1957) — писатель. Член КПСС с 1905 года. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны — один из руководителей Крымского подпольного центра. Книга «В Крымском подполье» (1947) — о деятельности советских партизан и подпольщиков.
- КОЛЛОНТАЙ** Александра Михайловна (1872—1952) — профессиональный революционер, публицист. Член КПСС с 1915 года. В годы первой мировой войны, находясь в скандинавских странах и в США, выполняла поручения В. И. Ленина по сплочению левых интернационалистов. Участница Октябрьской революции. После Октября на государственной и дипломатической работе. Член первого Советского правительства. А. М. Коллонтай — первая в мире женщина-посол. В 1923—1945 гг. была послом в Норвегии, Мексике, Швеции. Занималась литературной работой.
- КОЛЬЦОВ** Михаил Ефимович (1898—1942) — писатель, журналист. Член КПСС с 1918 года. Участник революционных событий. С 1922 г. — постоянный сотрудник «Правды». Основатель журнала «Огонек», редактор журналов «Крокодил», «Чудак». Ряд его очерков: «Последний рейс» (1924), «Жена. Сестра...» (1924), «Январские дни» (1925) и др. посвящены В. И. Ленину. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.
- КОТОМКА** Леонтий (Зеленский Владимир Иосифович) (1890—1965) — писатель, член КПСС с 1906 года. Один из первых поэтов-правдистов, зачинателей пролетарской поэзии. Участник Октябрьской революции и гражданской войны.
- КОЧА** Н. Д. (Николае Думитру) (1880—1949) — румынский писатель и публицист. Его воспоминания о пребывании в Петрограде (1919) включают и очерк «Ленин».
- КРУПСКАЯ** Надежда Константиновна (1869—1939) — профессиональный революционер. Жена, друг и соратник В. И. Ленина. Видный партийный и государственный деятель. Занималась литературной работой: труды по педагогике, истории КПСС, воспоминания о В. И. Ленине
- КЮЛЯВКОВ** Крум (1893—1955) — болгарский писатель. Участвовал в работе III конгресса Коминтерна.
- ЛАТТУКА** ЮККА (1884—1925) — финский журналист. В октябре 1917 года у него на квартире в Выборге скрывался от преследований Временного правительства В. И. Ленин. После поражения рабочей революции в Финляндии (1918) жил в Петрограде.

- ЛЕБЕДЕНКО** Александр Гервасьевич (1892—1975) — писатель, автор исторических романов и повестей. Член КПСС с 1919 года. Участник гражданской войны. Подвергся необоснованным репрессиям. Реабилитирован после XX съезда КПСС.
- ЛУНАЧАРСКИЙ** Анатолий Васильевич (1875—1933) — государственный и партийный деятель, писатель, критик, драматург. Член КПСС с 1895 года. Член редакции большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», где работал под руководством В. И. Ленина. Участник Октябрьской революции. В 1917—1929 гг. — нарком просвещения У Луначарского был замысел написать книгу о Ленине, но он не успел его осуществить. В его наследии осталось около 100 статей, воспоминаний, очерков, речей о Ленине. 23 ноября 1930 года он писал жене Н. Луначарской-Розанель: «А книгу о Ленине я хотел бы написать. Ленин — как тип гения и героя. Книга была бы о том, что такое гений и герой, внешне образец и пример человечества. А Ленин как полный, повый, и, так сказать, прозрачный по своему социально психологическому строю тип героя. Такого убедительного еще не было. Другие гораздо запутаннее». Статья «К характеристике Ленина как личности», опубликованная 22 января 1926 года в газете «Известия», является как бы обобщающей статьей к задуманной книге.
- МАЙНОР** Роберт (1884—1952) — видный американский социалист, журналист и художник. С энтузиазмом встретил Октябрьскую революцию, приехал в Москву, участвовал в редактировании издававшейся в Москве газеты «Призыв», которая распространялась среди войск англо-американских интервентов. В 1920 году вернулся в США, вступил в Коммунистическую партию и стал одним из ее руководителей. Был редактором центрального органа Коммунистической партии США — «Дейли уоркер».
- МАНДЕЛЬШТАМ** Осип Эмилевич (1891—1938) — поэт. Поэзия его насыщена образами мировой культуры, обогащена литературными и историческими ассоциациями. Октябрьскую революцию принял сочувственно. Работал в культпросветучреждениях. Сборники стихов «Камень» (1913), цикл «Воронежские тетради» (опубл. 1966), книга «Разговор с Данте» (опубл. 1967), автобиографическая проза, статьи. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.
- МАТЮШИНА** Ольга Константиновна (1885—1975) — писательница. До Октября работала в издательствах «Вперед», «Жизнь и Знание», принимала участие в революционной пропаганде. Литературную деятельность начала в 1940 году. Пережив блокаду Ленинграда, потеряла зрение. О романтике революционной борьбы рассказала в книгах «Негасимые искры» (1960), «Окрыленные люди» (1967) и др.

- МЕЩЕРЯКОВ** Николай Леонидович (1865—1942) — профессиональный революционер, литератор. Член КПСС с 1901 года. Революционную деятельность начал в 1885 году, несколько раз арестовывался. В эмиграции, в Бельгии был представителем ленинской «Искры». После Октябрьской революции был членом редколлегии «Правды», председателем Госиздата, редактором журнала «Наука и жизнь». В 1927—1938 гг. — главным редактором 1 и 2 выпусков Малой Советской Энциклопедии. Под его редакцией вышли первые сборники воспоминаний о В. И. Ленине («О Ленине». Воспоминания. Кн. I—IV, Госиздат. М.; Л., 1924—1925). В предисловии к этому изданию Н. Мещеряков писал: «Пользуюсь случаем, чтобы обратиться ко всем товарищам, на долю которых выпало счастье знать В. И. и работать под его руководством, с просьбой найти время для того, чтобы записать свои воспоминания. Мы должны это сделать и сделать скорее, немедленно, пока свежи в памяти эти встречи, эти воспоминания».
- НАКОРЯКОВ** Николай Никандрович (1881—1970) — участник русского революционного движения с 1899 года. Делегат Гельсингфорсской конференции 1907 года. Член КПСС с 1925 года. С 1922 года работал в Госиздате, один из организаторов издательского дела в стране.
- ОЛЬМИНСКИЙ** (Александров) Михаил Степанович (1863—1933) — деятель русского революционного движения, публицист, критик, историк литературы. Член КПСС с 1898 года. Вместе с В. И. Лениным сотрудничал в редколлегиях многих большевистских изданий: «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда» и др. Участник Октябрьской революции. С 1920—1924 — председатель Истпарта, много сделал для собирания и издания литературного наследия В. И. Ленина. С 1928 — один из руководителей института В. И. Ленина. Автор первого биографического очерка «О товарище Ленине», опубликованного еще до Октября в газете «Социал-демократ» 27 мая 1917 года. В предисловии к очерку М. Ольминский писал: «В нашу редакцию поступила просьба дать биографические сведения о тов. Ленине. Вообще среди нас, большевиков, нет обычая выдвигать отдельных лиц, рассказывая их биографию... Но ввиду той травли, которая ведется сейчас в буржуазной печати против личности т. Ленина и ввиду просьб со стороны товарищей рабочих мы считаем возможным на этот раз отступить от этого обычая» («Советские писатели», «Художественная литература», 1972, с. 508).
- ОХРИМЕНКО** Петр Федорович (1888—1975) — переводчик. Перевел с английского языка на русский произведения Д. Рида «Восставшая Мексика», А. Р. Вильямса «Воспоминания о Ленине» и др.

- ПАНФЕРОВ Федор Иванович** (1896—1960) — писатель. Автор многих романов, в том числе «Бруски» — о коллективизации в приволжской деревне. С 1931 года до конца жизни — редактор журнала «Октябрь».
- ПАУСТОВСКИЙ Константин Георгиевич** (1892—1968) — писатель. Автор многих сборников повестей и рассказов, книг о людях искусства, автобиографической эпопеи «Повесть о жизни» и др.
- ПИНТОС Перейра Франсиско** (1880—1968) — деятель уругвайского рабочего движения. Один из основателей Коммунистической партии Уругвая (1920). Историк, писатель и публицист. Редактор ряда прогрессивных газет.
- ПОЛЕТАЕВ Николай Гаврилович** (1889—1935) — поэт. Сборники стихов «Стихи» (1919), «Песня о соловьях» (1921). Лучшее из созданного им — стихотворение «Портретов Ленина не видно...» (1923).
- ПОПОВ Иван Федорович** (1886—1957) — писатель. За участие в политической борьбе был арестован в 1905 году и сослан. Бежал за границу. Работал под руководством В. И. Ленина в Международном социалистическом бюро. Один из старейших корреспондентов «Правды». Автор пьесы «Семья» — о юности В. И. Ленина и сценария фильма «Семья Ульяновых» (1957).
- ПОМОРСКИЙ (Линовский) Александр Николаевич** (1891—1977) — поэт. Член КПСС с 1908 года. С 1912 года постоянный сотрудник «Правды». Участник Октябрьской революции.
- ПРАЙС М. Филипс** — английский журналист. В 1917 году был петроградским корреспондентом газеты «Манчестер гардиан». Встречался неоднократно с В. И. Лениным. В 1921 году в Лондоне издал книгу «Русская революция», в которой изложил свои воспоминания о днях Великого Октября. Вместе с Д. Ридом, А.-Р. Вильямсом и другими прогрессивными журналистами вел революционную пропаганду среди войск английских и американских интервентов. Написал брошюры «Правда об интервенции союзников в России», «Старый порядок в Европе и новый порядок в России». В 1945 и 1957 гг. вновь посетил СССР. В 1948 году опубликовал книгу «Россия красная или белая: отчет о поездке в Россию спустя 27 лет». В 1957 году Генеральный секретарь Компартии Англии Гарри Поллет писал: «Большой заслугой двух английских писателей — Филипса Прайса и Артура Рансома — являлось их стремление осветить более или менее объективно в газетах «Манчестер гардиан» и «Дейли ньюс» события, происходившие в Советской России («Иностранная литература», 1965, № 11, с. 234).
- РАДЕК Карл Бернгардович** (1885—1939) — с начала 1900 года принимал участие в социал-демократическом движении Галиции, Польши, Германии. В годы мировой империалистической

войны стоял на интернационалистических позициях, но занимал ошибочную позицию по вопросу о праве наций на самоопределение. В большевистской партии с 1917 года, в период Брестского мира — «левый коммунист». В 1919—1924 — член ЦК РКП(б), член Президиума Исполкома Коминтерна. В 1927 году XV съездом ВКП(б) был исключен из партии с формулировкой «активный деятель троцкистской оппозиции». Восстановлен в 1930, в 1936-м был вновь исключен. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован в 1988 году посмертно. Занимался публицистической и литературной деятельностью (статьи о русской и зарубежной литературе; творчестве М. Горького. М. Шолохова, Р. Роллана, Э. М. Ремарка).

РАНСОМ Артур (1884—1967) — английский писатель. Будучи корреспондентом газет «Дейли ньюс» и «Манчестер гардиан», в 1919—1924 гг. в Советской России неоднократно встречался с В. И. Лениным. В 1919 году написал книгу «Шесть недель в Советской России».

РАСКОЛЬНИКОВ (Ильин) Федор Федорович (1892—1939) — партийный и государственный деятель, дипломат, литератор. Член КПСС с 1910 года. В период подготовки и проведения Октябрьской революции — один из руководителей Кронштадтской партийной организации. В 1918—1920 гг. был заместителем народного комиссара по морским делам, членом Реввоенсовета Республики, членом Реввоенсовета Восточного фронта, командующим Волжской военной флотилией, Балтийским флотом. Неоднократно выполнял ответственные поручения В. И. Ленина. В 1921—1923 гг. — первый советский полпред в Афганистане, в 1930—1938 гг. посол в Эстонии, Дании, Болгарии. Литературная деятельность многогранна: член Союза писателей СССР, с 1924 по 1930 — редактор журналов «Молодая гвардия», «Красная Новь», издательства «Московский рабочий», председатель Главреперткома, начальник Главискусства, член коллегии Наркомпроса. Оставил обширное литературное наследие: книги, брошюры, пьесы, статьи, мемуары об Октябрьской революции и гражданской войне, о своих встречах с В. И. Лениным: «Кронштадт и Питер в 1917 г.», «Рассказы мичмана Ильина» и др. В апреле 1938 года Раскольников был снят с поста полпреда СССР в Болгарии и вызван в Москву. Он понимал, что в сложившейся ситуации его возвращение в Россию означает арест. В июле 1939 года, находясь во Франции, узнает, что объявлен «врагом народа». 22 июля публикует открытое письмо «Как меня сделали «врагом народа». 17 августа 1939 года направил открытое письмо Сталину с разоблачением его культа личности и проводимых им репрессий. Умер 12 сентября 1939 года в Ницце. Ре-

абилитирован посмертно, восстановлен в партии и советском гражданстве.

РЕЙСНЕР Лариса Михайловна (1895—1926) — писательница. Член КПСС с 1918 года. В годы гражданской войны боец, политработник Красной Армии.

РИД Джон (1887—1920) — американский писатель, журналист, деятель американского рабочего движения. В 1917 году приехал в Россию, горячо приветствовал Октябрьскую революцию, посвятил ее событиям книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Неоднократно встречался с В. И. Лениным. Был избран членом Исполкома Коминтерна, участник II конгресса Коминтерна. Один из основателей Коммунистической партии США (1919 г.). Н. К. Крупская писала: «Д. Рид не был равнодушным наблюдателем, он был страстным революционером, коммунистом, понимавшим смысл событий, смысл великой борьбы. Это понимание дало ему ту остроту зрения, без которой нельзя было бы написать такой книги» (Из предисловия к книге Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», «Красная новь», Главполитпросвет, 1923). Д. Рид умер в Москве, похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

САННИКОВ Григорий Александрович (1899—1969) — поэт. Участник Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Член КПСС с 1917 года. Лучшие стихи о своем поколении, прошедшем через революцию: «Прощание с керосиновой лампой» (1928) и др.

СЕЙФУЛЛИНА Лидия Николаевна (1889—1954) — писательница. Создала первые произведения советской реалистической прозы. Повесть «Правонарушители» (1922), которую А. Макаренко назвал «классической книжкой». Пьеса «Виринея» (1925) — «один из самых светлых и поучительных образов, какие дало нам послереволюционное искусство» (А. Луначарский) — до сих пор не сойдет со сцены. Среди лучших рассказов — «Мужицкий сказ о Ленине» (1924).

СЕРАФИМОВИЧ (Попов) Александр Серафимович (1863—1949) — писатель. Учился в Петербургском университете (1883—1887), сблизился с революционно настроенными студенческими кружками. Привлекался к дознанию по делу А. И. Ульянова и сослан в Архангельскую губернию. С полной убежденностью принял Октябрьскую революцию и включился в строительство новой культуры, работал в газетах «Правда», «Известия», в Наркомпросе. Член КПСС с 1918 года. В. И. Ленин внимательно следил за его творчеством. 21 мая 1920 года, узнав о гибели на фронте сына писателя, В. И. Ленин направил ему письмо, полное сочувствия. «...Ваши произведения... внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* ра-

бочим и всем нам Ваша работа...». Главное произведение А. Се-
рафимовича — роман «Железный поток» (1924).

СЕРЕБРЯКОВА Галина Иосифовна (1905—1981) — писательница.

Родилась в семье профессиональных революционеров. Участво-
вала как сестра милосердия в гражданской войне. С 1919 г.—
член КПСС. Одна из первых в советской литературе обратилась
к созданию образа К. Маркса. В 1937 году была незаконно
репрессирована. После XX съезда КПСС реабилитирована и вос-
становлена в партии. С 1957 года возвратилась к литературной
деятельности. Три романа о К. Марксе составили трилогию
«Прометей» (1933—1962). В книгу «Свет неугасимый» (1962)
вошли очерки о В. И. Ленине, С. М. Кирове, Ф. Э. Дзержин-
ском, Н. К. Крупской, М. Ф. Фрунзе, М. Горьком и др.

СТЕКЛОВ (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873—1941) — публи-

цист, партийный и государственный деятель. В социал-демокра-
тическом движении с 1893 года, арестовывался. В 1899 году бе-
жал из ссылки за границу. После II съезда РСДРП примкнул
к большевикам, был лектором в Ленинской партшколе в Лон-
жюмо. Сотрудник газет «Социал-демократ», «Звезда», «Правда».
После Февральской революции был оборонцем, за что В. И. Ле-
нин критиковал его в Апрельских тезисах. После Октября — ре-
дактор газеты «Известия» (до 1925 года). В январе 1921 года,
прочитав статью «В стране коммуны», В. И. Ленин направил
в редакцию записку: «Тов. Стеклов! Пишу наспех. Очень хочет-
ся послать Вам привет по поводу прекрасной статьи сегодня
(13/1) о съезде в Туре...» По предложению Ленина, Стеклов был
докладчиком о Проекте первой Конституции СССР на V Все-
российском съезде Советов в 1918 году. Редактировал журнал
«Красная Нива» (в 1923—1925 гг., совместно с А. В. Луначар-
ским). Участвовал в создании и редактировании журнала «Но-
вый мир» (1925). Автор монографий «М. С. Бакунин, его жизнь
и деятельность», «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятель-
ность». Прочитав книгу о Чернышевском, Ленин сделал на ней
свои пометки (см. «Литературное наследство». Т. 67, 1959).
В письме к М. Горькому (1911) Ленин рекомендовал Стеклова
как автора «...хорошей книги о Чернышевском». В 1938 году
незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

СТЕФФЕНС Джозеф Линкольн (1866—1936) — американский писа-
тель. Во время первого приезда в Россию в 1918 году слышал
одно из выступлений В. И. Ленина. В марте 1919 года Стеффенс
входил в состав миссии У. К. Буллита, направленной в Россию
для выяснения условий, на которых Советское правительство
согласилось бы заключить мир с союзниками. Стеффенс был при-
нят В. И. Лениным и впоследствии описал эту встречу в книге
«Автобиография Линкольна Стеффенса», вышедшей в Америке

в двух томах, а также в статьях и письмах. Данные воспоминания составлены на основе этих публикаций. В 1935 году Стеффенс вступил в Коммунистическую партию США.

СЯО-САНЬ (1896—1983) — китайский писатель, переводчик, интернационалист. В СССР известен как Эми Сяо. Член Коммунистической партии Китая с 1921 года. В 1922—1924 гг. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. Возвратившись на родину, участвовал в комсомольской работе, но после поражения революции (1927) эмигрировал в СССР (1928—1932), где занимался литературной работой и переводами на китайский язык произведений русских авторов: А. Пушкина, М. Горького, В. Маяковского, перевел книгу «В. И. Ленин о литературе и искусстве». Член Секретариата Всемирного Совета мира. Внес большой вклад в пропаганду культуры и дружбы народов СССР и Китая. Публикуемые воспоминания о Ленине написаны в 1980 году.

ТАГУТИ УНДЗО (1892—1933) — японский писатель и журналист. Член Коммунистической партии Японии. Во время первой мировой войны эмигрировал в США (1915) и под руководством видного японского революционера Сэн Катаямы участвовал в организации коммунистических групп. В 1921 году участвовал в работе III конгресса Коминтерна.

ТАРАСОВ-РОДИОНОВ Александр Игнатьевич (1885—1938) — писатель. Член КПСС с 1905 года. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

ТИХОНОВ Николай Семенович (1896—1979) — писатель, общественный деятель. С 1949 года до конца жизни — председатель Советского Комитета защиты мира. Ленинская тема нашла отражение в поэмах «Сами», «Лицом к лицу», рассказе «Апрельский вечер», мемуарах.

УСИЕВИЧ Елена Феликсовна (1893—1968) — литературный критик, переводчик. Член КПСС с 1915 года. Дочь польского революционера Ф. Кона. Принимала участие в революционном движении, была в эмиграции, откуда возвратилась в апреле 1917 года вместе с группой большевиков во главе с В. И. Лениным. Участница Октябрьской революции и гражданской войны.

УЭЛЛС Герберт Джордж (1866—1946) — английский писатель, родоначальник научно-фантастической литературы XX века. Уэллс трижды посетил Россию — в 1914, 1920 и 1934 гг. 6 октября 1920 года беседовал с В. И. Лениным. Возвратившись на родину, издал книгу «Россия во мгле». В 1921 году Ленин прочитал эту книгу и сделал на ней ряд пометок (см. приложение к изданию: «Россия во мгле», Госполитиздат, 1958). Впечатления от

посещения нашей страны в 1934 году отражены в книге «Опыт автобиографии» (1934).

ФЕДИН Константин Александрович (1892—1977) — писатель, общественный деятель. Ленинская тема отражена в рассказе «Рисунок с Ленина», воспоминаниях, романах.

ФУРМАНОВ Дмитрий Андреевич (1891—1926) — писатель. Участник Октябрьской революции. Член КПСС с 1918 года. В 1919 году — комиссар 25-й стрелковой дивизии, которой командовал В. И. Чапаев. Роман «Чапаев» (1923) — одно из первых произведений прозы, вошедших в классику советской литературы.

ЦЕТКИН Клара (1857—1933) — выдающийся деятель германского и международного рабочего и коммунистического движения, литературный критик, публицист. Член Коммунистической партии Германии с 1919 года. С 1920 года жила в Советской России. Участвовала в работе III и последующих конгрессов Коминтерна. Была другом семьи В. И. Ленина. Похоронена в Москве на Красной площади, у Кремлевской стены. Публикуемые воспоминания написаны в январе 1924 года.

ЦЮИ ЦЮ-БО (1899—1935) — видный деятель Коммунистической партии Китая, писатель. Участник III, IV и VI конгрессов Коминтерна. Переводчик и пропагандист трудов классиков марксизма-ленинизма в Китае. Расстрелян гоминдановцами.

ЧАРНЫЙ Маркус Борисович (1901—1976) — писатель, литературный критик. Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

ШАГИНЯН Мариэтта Сергеевна (1888—1982) — писательница. Автор тетралогии о В. И. Ленине — «Семья Ульяновых» (1938, переработанное издание, 1957; Ленинская премия, 1972).

ШКЛОВСКИЙ Виктор Борисович (1893—1984) — писатель, литературовед.

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, общественный деятель. В начале 1900-х гг. принимал участие в революционной работе. По воспоминаниям Н. К. Крупской роман «Хулио Хуренито» (1922) был положительно оценен В. И. Лениным.

ЯРРОС Григорий Моисеевич (1882—1965) — журналист. В 1917 году — корреспондент американского агентства Ассошиэтед Пресс в Советской России. В 1924 году приехал в СССР, занимался журналистикой и преподавательской деятельностью.

И. С. ИЗРАИЛЬСКАЯ

Содержание

И. С. Израильская. Ленин в писательской судьбе 5

ВОСПОМИНАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

Н. К. КРУПСКАЯ. О Владимире Ильиче	25
Вл. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Ленин о книгах и писателях	31
А. ЛУНАЧАРСКИЙ. К характеристике Ленина как личности	37
Штрихи	40
Ф. ВЕНТЦЕЛЬ. Таким я его помню	47
А. КАЛМЫКОВА. Обрывки воспоминаний	56
Ю. СТЕКЛОВ. Моя первая встреча с Лениным	61
Н. МЕЩЕРЯКОВ. Из воспоминаний о Ленине	67
О. МАТЮШИНА. Издательство «Вперед»	78
В. ДЕСНИЦКИЙ. В. И. Ленин и М. Горький	86
А. БОГДАНОВ. Первая встреча	103
И. ЭРЕНБУРГ. В январе 1909 года	111
И. ПОПОВ. В. И. Ленин в Брюсселе	115
И. КОЗЛОВ. Против войны	147
Е. УСИЕВИЧ. Из воспоминаний о В. И. Ленине	152
Отто ГРИМЛУНД. На перевале	166
Ф. РАСКОЛЬНИКОВ. Приезд в Россию тов. Ленина	171
В. ШКЛОВСКИЙ. Ленин	178
Ал. АЛТАЕВ. Я слушаю Ленина	180
А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ. У Ленина	182
П. АРСКИЙ. Солдатская баллада	185
А. ПОМОРСКИЙ. Июльские дни	187
Юкка К. ЛАТУККА. Ленин в подполье в Финляндии	190
Джон РИД. Десять дней, которые потрясли мир	196
Н. Д. КОЧА. Ленин	201
Г. ЯРРОС. Первое интервью иностранному корреспонденту	203
Альберт Рис ВИЛЬЯМС. Ленин — человек и его дсло	210
Бесси БИТТИ. Красное сердце России	231
Луиза БРАЙАНТ. В первые годы	235
Ф. РАСКОЛЬНИКОВ. Рассказ о потерянном дне	240
Л. КОТОМКА. Третье поручение	244
И. ВОЛЬНОВ. К покушению на Ленина	248
А. КОЛЛОНТАЙ. Звезды	253
В. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Из очерка «Октябрь в Москве»	255
М. Филипс ПРАЙС. Незабываемое время	257
Д. БЕДНЫЙ. Из предисловия к книге Л. Войтоловского «По	
следам войны»	261
«Москва...»	262

Г. САННИКОВ. ...И шурился: глаза слепила Россия завтраш- него дня	263
Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ. Ленин — оратор	265
Роберт МАЙНОР. У Ленина	271
Хелена БОБИНСКАЯ. Ленин в Варшавском красном полку	279
Джером ДЭВИС. Подарок Ленина	283
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. Делегация I съезда РКСМ у В. И. Ленина	285
П. ЗАМОЙСКИЙ. Говорит Ильич	293
В. КИРПОТИН. Ленин говорит на Красной площади . . .	300
Н. ПОЛЕТАЕВ. Ленин на трибуне	307
Артур РАНСОМ. Великий вождь	311
Д. Линкольн СТЕФФЕНС. О Ленине и революции	317
И. ЖИГА. Ленинская правда	322
Ф. ПАНФЕРОВ. Твердой поступью	327
В. КАЗИН. Глядя на фотографию	332
П. ОХРИМЕНКО. Воспоминания о В. И. Ленине	336
А. ЛЕБЕДЕНКО. Не забыть никогда	339
А. СЕРАФИМОВИЧ. Мои встречи с Лениным	346
Л. СЕИФУЛЛИНА. О Ленине	352
В. БРЮСОВ. О Ленине	355
В. ВОРОВСКИЙ. В. И. Ульянов-Ленин	356
М. ОЛЬМИНСКИЙ. Речь, произнесенная на торжественном вечере в честь 50-летия В. И. Ленина	360
Антонин ЗАПОТОЦКИЙ. Воспоминания о Ленине	364
Конст. ФЕДИН. Живой Ленин	367
С. ВИНОГРАДСКАЯ. Однажды на концерте Шаляпина . .	371
А. ЖАРОВ. Великое напутствие	375
Герберт УЭЛЛС. Кремлевский мечтатель	384
О Ленине	392
А. АМУР-САНАН. Мудрешкин сын	394
Н. НАКОРЯКОВ. О Ленине, осязках и вогулах	398
М. КОЛЬЦОВ. Бремя победы	401
Е. ЗОЗУЛЯ. О Ленине	404
Вл. БАХМЕТЬЕВ. Незабываемая встреча	408
А. ГАСТЕВ. Свидание с Лениным	413
Крум КЮЛЯВКОВ. Мое самое светлое воспоминание . . .	416
Поль ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ. Ленин	421
ЦЮЙ ЦЮ-БО	
I. Ленин	424
II. Красный Октябрь	424
Ундзо ТАГУТИ. Через Красную площадь	426
Франсиско Р. ПИНТОС. Народ делает историю	431
Мартин АНДЕРСЕН-НЕКСЕ. Я видел Ленина	434
Г. СЕРЕБРЯКОВА. В. И. Ленин	437
К. РАДЕК. Ленин	441

А. ВОРОНСКИЙ. Россия, человечество, человек и Ленин	451
А. АРОСЕВ. Ну что, как Ильич?	457
М. ЧАРНЫЙ. Живой Ленин	465
М. БУЛГАКОВ. Часы жизни и смерти	473
О. МАНДЕЛЬШТАМ. Прибой у гроба	476
СЯО САНЬ. В почетном карауле у тела Ленина	478
Л. РЕЙСНЕР. Завтра надо жить — сегодня горе	482
К. ПАУСТОВСКИЙ. Январская стужа	485
Дм. ФУРМАНОВ. Ленин в гробу	490
Мы хоронили Ильича	491
Траурная година	492
М. ШАГИНЯН. В. И. Ленин	494
Клара ЦЕТКИН. Воспоминания о Ленине	497
Н. БУХАРИН. Товарищ	509
Памяти Ильича	511
Е. ДРАБКИНА. Зимний перевал	519
Н. ТИХОНОВ. Ленин в вашей писательской судьбе	531
М. ГОРЬКИЙ. В. И. Ленин	535
Сведения об авторах	573

Воспоминания писателей о В. И. Ленине / Сост. В 77 и вступ. ст. И. С. Израильской.— М.: Правда, 1990.— 592 с.

ISBN 5—253—00133—6

Эта книга — коллективный портрет В. И. Ленина, созданный мастерами художественного слова. Среди авторов известные советские писатели М. Горький, К. Федин, Н. Тихонов, М. Шагинян и др. В издание вошли также воспоминания, публикация которых стала возможной в связи с реабилитацией имен их авторов: Н. Бухарина, Ф. Раскольникова, М. Кольцова, Ю. Стеклова, К. Радека, А. Аросева и др.

В сборнике широко представлены воспоминания зарубежных современников В. И. Ленина.

Издание посвящено 120-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В 470100000—2000 2000—90
080(02)—90

34 P

Литературно-художественное издание
ВОСПОМИНАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

Составитель
Израильская Ирина Серафимовна

Редактор Н. А. Преснова
Оформление художника Е. В. Шворака
Художественный редактор Н. Н. Каминская
Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 2000

Сдано в набор 21.08.89. Подписано к печати 04.11.89. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 32,76. Усл. кр.-отт. 37,80. Уч.-изд. л. 32,95.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 46. Цена 2 р. 50 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда», 126855—ФСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Радянська
Донеччина» Донецкого обкома Компартии Украины.
340118, Донецк, Киевский проспект, 48.

◀
А. В. МОРАВОВ.
В. И. Ленин руководит
марксистским кружком в Петербурге
в 1893—1895 годах.

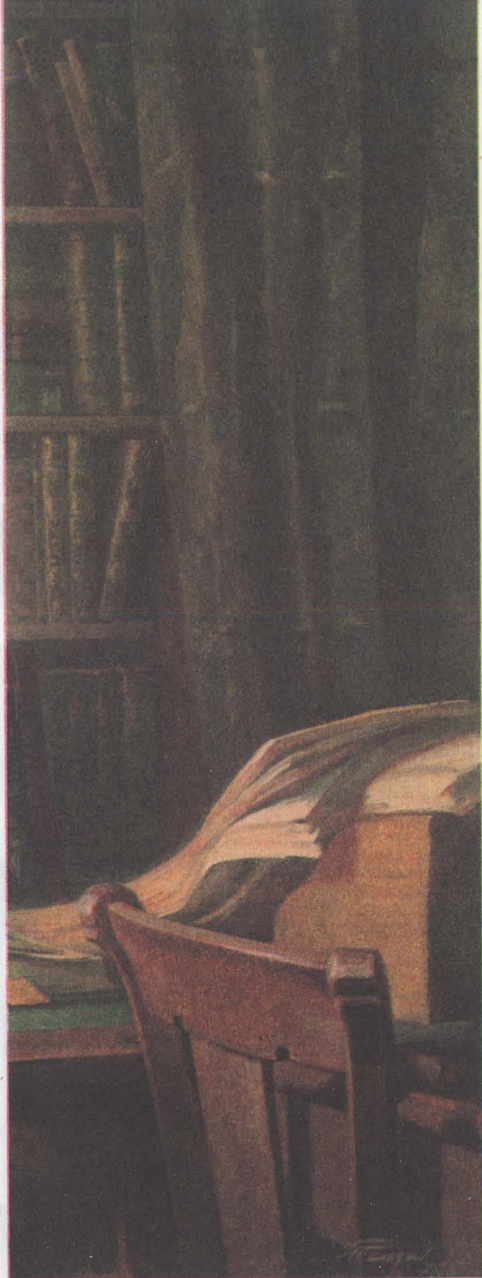
◀
А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО.
В. И. Ленин и И. В. Бабушкин

П. В. ВАСИЛЬЕВ.
В. И. Ленин в редакции газеты «Вперед».
Декабрь 1904 года.

Е. М. ЧЕПЦОВ.
В. И. Ленин и А. М. Горький с рыбаками
на о. Капри. 1908 год.

П. П. БЕЛОУСОВ.
В. И. Ленин
в Женевской библиотеке
за работой над книгой
«Материализм
и эмпириокритицизм»

А. М. ЛОПУХОВ.
В Петроград

А. М. ГЕРАСИМОВ.
Ленин на трибуне

В. А. СЕРОВ.
Ходоки у Ленина

Б. В. ЩЕРБАКОВ
В. И. Ленин и А. М. Горький

▲
И. Э. ГРАБАРЬ.

И. Ленин у прямого провода

●
А. Ф. ПОЛОЗОВ.

Первая годовщина Советской власти

П. В. ВАСИЛЬЕВ.
Комсомольцы — участники I съезда РКСМ
у В. И. Ленина

П. В. ВАСИЛЬЕВ.
В. И. Ленин на Красной площади.
Май 1919 года

Д. А. ШМАРИНОВ.
В. И. Ленин на параде частей Всевобуча.
1919 г.

В. И. Ленин, Д. Бедный, Ф. Д. Панфилов
(делегат от Украины)
во время работы VIII съезда РКП (б)
23 марта 1919 года. Фото.

И. И. БРОДСКИЙ,
В. И. Ленин и манифестация.

Л. О. ПАСТЕРНАК.
В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна
в Андреевском зале Кремля.
Июль — август 1920 г. *Зарисовка с натуры.*

П. П. БЕЛОУСОВ.
В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич
прибыли на II конгресс Коминтерна

П. П. БЕЛОУСОВ.
В. И. Ленин беседует
с представителями Америки Д. Ридом,
Б. Хейвудом и с А. В. Луначарским.

▲
И. И. БРОДСКИЙ.
В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна.
Петроград. Таврический дворец.
19 июля 1920 года. *Зарисовка с натуры.*

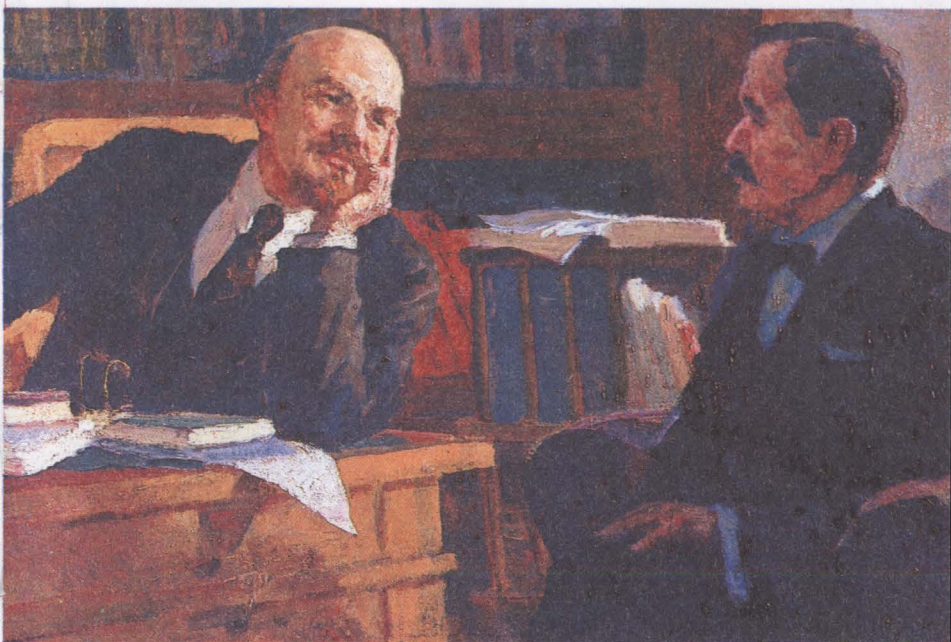
●
Н. А. СЫСОЕВ.
В день рождения

Хан. Ахмедов
Мирза. Керим
1920

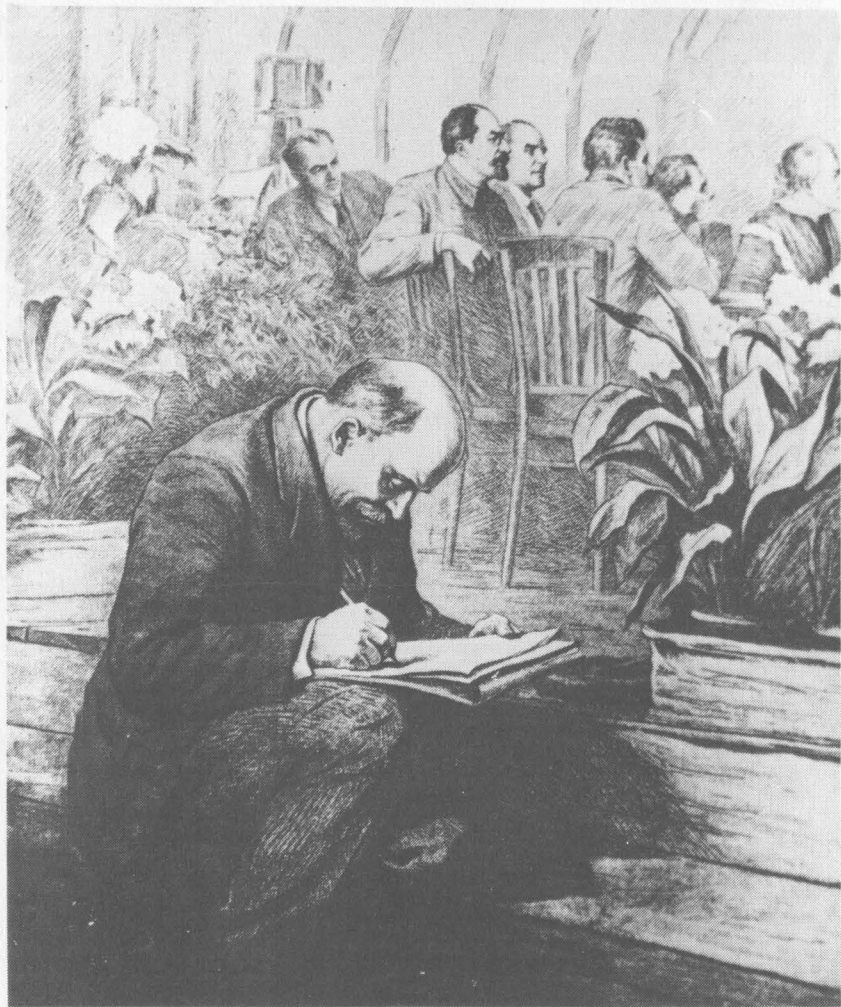

▲
Ф. Я. ГОЛУБКОВ.
Г. Уэллс у В. И. Ленина

●
Н. И. АЛЬТМАН.
В. И. Ленин. Москва. Кремль.
Кабинет В. И. Ленина. Май 1920 г.
Зарисовка с натуры.

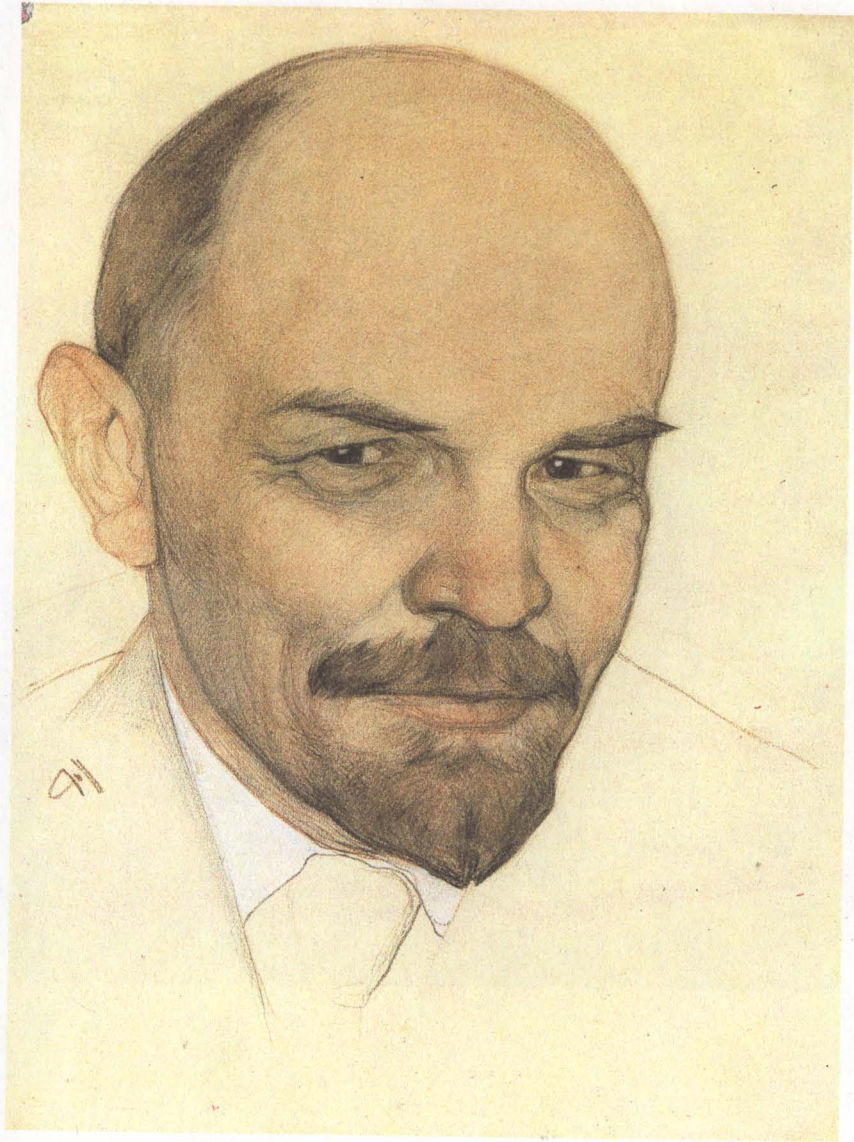
●
Н. И. БУХАРИН.
В. И. Ленин. 1921 год. *Зарисовка с натуры.*

П. П. БЕЛОУСОВ.
В. И. Ленин готовится к выступлению
на III конгрессе Коминтерна

Л. С. КОТЛЯРОВ.
III конгресс Коминтерна

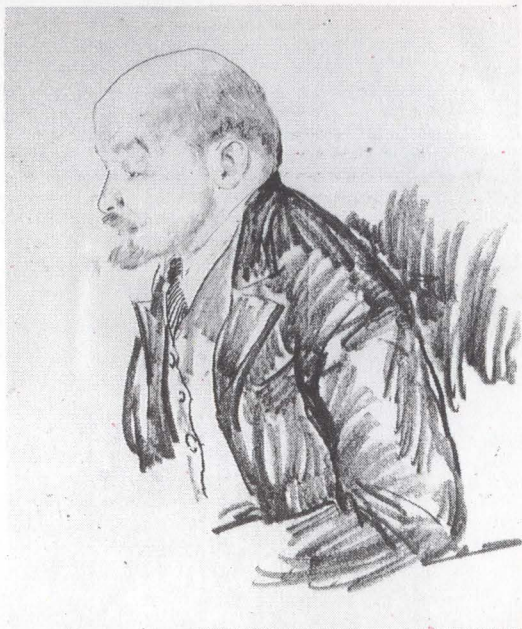

Н. А. АНДРЕЕВ.
В. И. Ленин. Москва. Кремль.
Кабинет В. И. Ленина. 1920 г.
Зарисовка с натуры.

Н. Н. ЖУКОВ.
Аппассионата

▶
Ф. А. МАЛЯВИН.
В. И. Ленин. Москва.
Кабинет В. И. Ленина.
Ноябрь 1921 г.
Зарисовка с натуры.

А. Н. ЯР-КРАВЧЕНКО.
В. И. Ленин в Горках

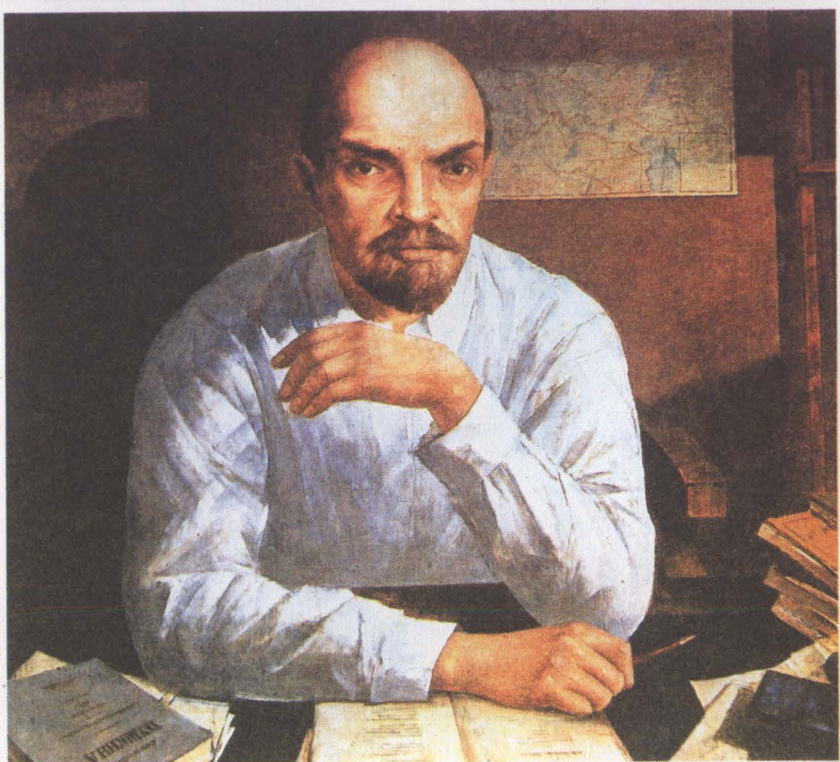
Н. Н. ЖУКОВ.
Птицы поют

С. П. БАЛЬЗАМОВ.
В. И. Ленин в Горках
слушает чтение Н. К. Крупской
«Мои университеты» М. Горького,
1923 г.

Г. ГОРЕЛОВ.
Колонный зал в траурные дни.

К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН.
Портрет Владимира Ильича Ленина.

